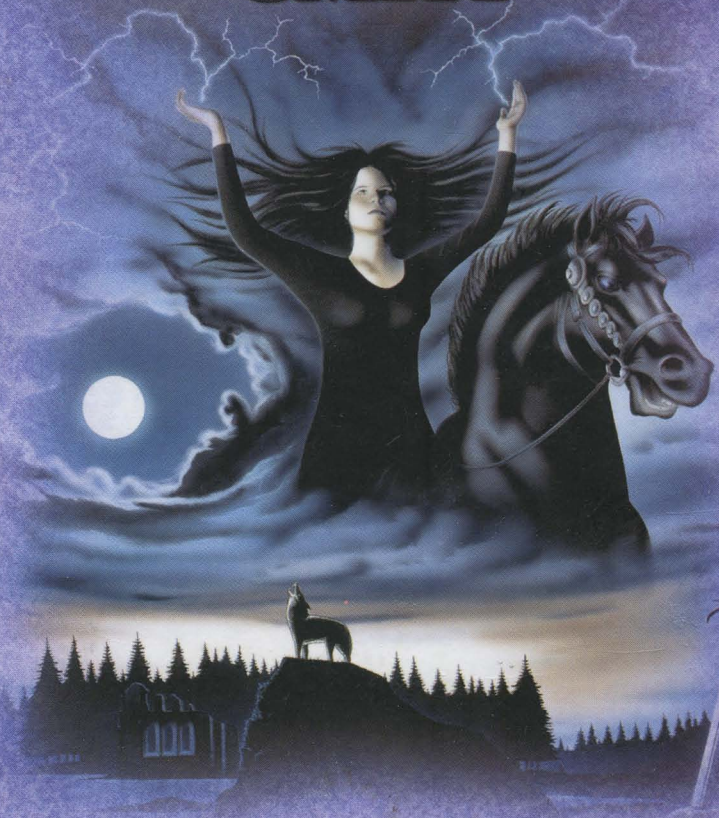
ТОЛКИН

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

КЛАРК ЭШТОН СМИТ

ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ

ТОЛКИН

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Clarke Ashton
SMITH

LOST WORLDS

Кларк Эштон СМИТ

Затерянные миры

АСТ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2004

821 111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
С50

Серия «Толкин Предшественники» основана в 2003 году

Перевод с английского

Серийное оформление А Кудрявцева

Художник В Домогацкая

Подписано в печать 4.12.03. Формат 84×108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 5000 экз. Заказ № 79.

Смит К.Э.

С50 Затерянные миры: Роман: Пер. с англ. / К.Э. Смит. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 733, [3] с. — (Толкин. Предшественники).

ISBN 5-17-015165-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0989-1 (ЗАО НПП «Ермак»)

Кларк Эштон Смит
Писатель, признанный при жизни — и незаслуженно забытый в наши дни
Друг и литературный соратник Говарда, Лавкрафта и Меррита
Творец «истории» странных древних царств, от которых ныне не осталось памяти даже в мифах
Летописец времени великих воинов и великих черных магов, прекрасных воительниц и колдуний Времени, над которым нависла тень Тьмы
Один из создателей классической американской фэнтези!

821 111(73)-312 9
ББК 84 (7Сое)-44

© Оформление
ООО «Издательство АСТ», 2004

АВЕРУАН

ЗВЕРЬ АВЕРУАНА
КОЛОСС ИЗ ИЛУРНИ
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ
КОЛДУНЬЯ ИЗ СИЛЕРА
КОНЕЦ РАССКАЗА
ЛЕДЯНОЙ ДЕМОН
СВЯТОЙ АЗЕДАРАК
СОЗДАТЕЛЬ ГОРГУЛИЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЖАБ
СВИДАНИЕ В АВЕРУАНСКОМ ЛЕСУ
САТИР

ЗВЕРЬ АВЕРУАНА

Старость, словно моль в пыльных гобеленах, скоро источит мои воспоминания, как точит она воспоминания всех людей. Поэтому я, Люк де Шадронье, некогда известный как астролог и чародей, пишу это повествование об истинном происхождении и гибели аверуанского Зверя. Когда я закончу, рукопись будет помещена в бронзовый ларец, а тот спрятан в тайнике в моем доме в Ксиме, чтобы ни один человек не смог узнать правду о происшествии, которое я описал, пока не пройдет много лет и веков. Никто не должен знать о случившихся в Аверуане дьявольских бесчинствах, пока те, кто был их свидетелем, находятся в этом грешном мире. В настоящее время истину знаю только я, и еще двое, поклявшиеся вечно хранить эту тайну.

Приход Зверя совпал с появлением алой кометы, появившейся за Драконом в начале лета 1369 года. Словно развевающийся по ветру адский шлейф, комета по ночам вытягивалась над Аверуаном, принося людям страх бедствий и эпидемий. И скоро повсюду распространился слух о странном зле, неслыханной до сих пор нечисти, о которой не упоминалось ни в одной легенде.

Брату Жерому из бенедиктинского аббатства в Перигоне первому довелось увидеть это Зло, еще до того, как другие познали внушаемый им ужас. Выполнив поручение в церкви святого Зиновия, он поздно возвращался в мо-

настырь и был застигнут в лесу сумерками. Луна еще не поднялась, чтобы осветить ему дорогу, но через узловатые сучья древних дубов он видел свечение, источаемое кометой, которое, казалось, неотступно преследовало его. И Жером, охваченный суеверным страхом перед дьявольским мраком, поспешил к воротам монастыря.

Когда монах проходил между старыми деревьями, что возвышались перед Перигоном, ему показалось, будто впереди в одном из окон аббатства сверкает огонек, чему он несказанно обрадовался. Но вскоре Жером заметил, что огонек этот гораздо ближе, под низко спускающейся веткой. И движется он неровно, как блуждающий огонек, а цвет его то бледнеет, то наливается алым, словно свежая кровь, а потом, тускнея, становится зеленым, как ядовитое свечение, которое временами окутывает луну.

Затем Жером с ужасом увидел некое создание, вокруг которого, словно зловещий нимб, разливался этот свет. Он освещал черную отвратительную голову и конечности, которые не могли принадлежать ни одному божьему созданию. Чудовище было выше человеческого роста; оно покачивалось, как гигантская змея, и конечности его непрестанно извивались. Плоская черная голова покачивалась на длинной шее. Крохотные глазки без век, горящие, как угли, были глубоко и близко посажены на безносой морде над зазубренными и блестящими, как у огромной летучей мыши, зубами.

Только это и успел разглядеть Жером, когда тварь прошла мимо него, окруженная своим зловещим нимбом. Скользя над землей, она исчезла среди огромных дубов, и Жером больше не видел адского свечения.

Полумертвый от страха, монах добрался до монастырских ворот и постучался в них. И привратник, услышав его рассказ, не стал корить его за поздний приход.

Незадолго до этого, рано утром, в лесу за Перигоном был найден мертвый олень. Его убили чудовищным способом, каким ни хищник, ни охотник не убивают свою добычу. Его спина оказалась вспорота от шеи до хвоста, позвоночник сломан, и оттуда высосан костный мозг. Никто не мог объяснить природы зверя, который так убивает свои жертвы. Но монашеская братия, памятуя об истории, рассказанной Жеромом, предположила, что в

Аверуане появился выходец из преисподней. И брат Жером возблагодарил милосердие Господа, который позволил ему избежать участи оленя.

С каждой ночью комета все больше увеличивалась, полыхая в небе, словно огромное пожарище, и звезды меркли перед ним. И день за днем от крестьян, священников, лесорубов, от всех, кто приходил в аббатство, бенедиктинцы слышали рассказы о страшных и необычайно странных опустошениях, происходящих в округе. Находили мертвых зверей со сломанными хребтами и высосанным костным мозгом. Такая участь постигала коров и лошадей. Потом, казалось, неизвестный зверь стал смелее — или ему надоела такая скромная добыча, как обитатели лесов и крестьянских подворий.

Сначала он не нападал на живых, а только осквернял могилы, словно гнусный падальщик. На кладбище при церкви святого Зиновия были найдены два недавно захороненных трупа. Чудовище выкопало их из могил и растерзало тела на куски.

На следующую ночь после осквернения могил два углежога, что занимались своим ремеслом в лесу неподалеку от Перигона, были зверски убиты у себя в хижине. Другие угольщики, живущие поблизости, слышали ужасные крики, сменившиеся затем жуткой тишиной. Глядя сквозь щели в запертых дверях, они вскоре увидели, как из хижины вышло черное, окутанное отвратительным свечением чудовище. До самого рассвета они не осмеливались покинуть своих домов, чтобы узнать о судьбе товарищей, которые разделили, как выяснилось потом, участь оленей, волков и мертвецов.

Отца Теофила, настоятеля Перигона, весьма беспокоили бесчинства, творящиеся по соседству,— ведь злодеяния эти происходили всего в нескольких часах пути от аббатства. Бледный от неустанных молитв и бессонных ночей, аббат созвал монахов, и, пока он говорил, в его глазах сверкал праведный гнев.

— Воистину,— рек он,— среди нас находится дьявол, который появился вместе с кометой из средоточия вселенского Зла. Мы, братья из Перигона, должны выступить с крестом и святой водой, дабы изгнать чудовище.

Итак, утром следующего дня аббат Теофил с братом Жеромом и шестью спутниками, выбранными за храб-

рость, вышли из стен монастыря и прочесали весь лес на несколько миль вокруг. Они входили с зажженными факелами и поднятыми крестами в глубокие пещеры, но не нашли существа опаснее, чем волк или барсук. Они обыскали также развалины замка Фосефлам, о котором говорили, что там водятся вампиры. Но нигде не нашли они следа чудовища или какого-нибудь намека на его логово.

Между тем чудовище каждую ночь убивало новые жертвы. Мужчины, женщины, дети,— всего числом сорок с лишним человек стали добычей Зверя, который, как казалось, и охотился в основном на жителей аббатства, порой появлялся у берегов реки Исуаль, а то и у ворот Ла Френэ и Ксима. Его видели только по ночам — черная скользящая нечисть, переливающаяся в изменчивом сиянии,— никто никогда не видел его днем. И всегда чудовище сохраняло молчание и двигалось быстрее ползущей в траве гадюки.

Однажды его видели при свете луны в саду аббатства, скользящим меж грядок с горохом и репой. Уйдя в тень, оно скрылось за стенами аббатства. В ту же ночь чудовище напало на брата Жерома, спавшего на тюфяке у самой двери дормитория. Злодеяние обнаружилось только на рассвете, когда монах, спавший рядом с Жеромом, проснулся и увидел его, лежавшего вниз лицом, с разодранной спиной; и клочья одежды и плоти смешались в кровавое месиво.

Неделю спустя Зверь сделал то же самое с братом Августином. И вновь, несмотря на заклинания, изгоняющие нечистую силу, и святую воду, монахи видели чудовище в монастырских коридорах. А в часовне оно оставило такой кощунственный знак своего присутствия, что и язык не поворачивается произнести. Многие считали, что тварь угрожает самому аббату. Монастырский келарь, брат Константин, возвращаясь из Вийона, увидел, что тварь карабкается по внешней стене к окну кельи отца Теофила, выходящему в лес. Увидев Константина, она спрыгнула на землю и скрылась среди деревьев.

Много было слухов об этих событиях, и монахов охватил великий страх. Говорили, что все это жестоко мучило аббата, который проводил дни и ночи в молитвах и постах. Аббат умерщвлял плоть, пока не слег от слабости; лихорадка истощила его силы.

Тварь бесчинствовала все дальше и дальше от монастыря, вторгаясь даже в окруженные стенами города. В середине августа, когда алое свечение кометы стало понемногу ослабевать, страшной смертью погибла сестра Тереза, любимая юная племянница Теофила, убитая Зверем в своей келье в бенедиктинском монастыре Ксима. Запоздалые прохожие видели, как чудовище карабкалось по городской стене, словно огромный паук, возвращающийся в свое тайное логово.

В застывших руках, как рассказывали, Тереза держала письмо от Теофила, в котором он рассказывал о происходящем в аббатстве, и выражал свое горе и отчаяние от того, что не в силах справиться с сатанинским отродьем.

Слухи обо всем, что происходило в то лето, доходили до меня, покуда я жил в моем доме в Ксиме. Поскольку я издавна изучаю оккультные науки, неизвестный Зверь стал объектом самого пристального моего внимания. Я знал, что он не был созданием Земли или земных преисподних, но понять его истинную природу и сущность поначалу был способен не более, чем кто-либо другой. Тщетно просил я совета у звезд и прибегал к искусству геомантии и некромантии. И даже предки мои, к которым мне пришлось обратиться, признавались в своем неведении, говоря, что Зверь полностью чужд им по природе и выше понимания земных духов.

Тогда я вспомнил о вещем перстне, унаследованном мною от предков, которые из поколения в поколение занимались колдовством. Перстень этот появился из древней Гипербореи и некогда принадлежал колдуну Эйбону. Он был из золота, более красного, чем могла произвести земля, и украшен пурпурным камнем, в глубине которого мрачно тлел огонь; и подобного этому перстню не было нигде в земных пределах. В камне был заключен демон, дух из древних миров, который мог отвечать на вопросы владеющего перстнем чародея.

Из ларца, который давно уже не открывался, я извлек перстень и совершил необходимые приготовления. И когда пурпурный камень нагрелся над маленькой жаровней, наполненной горящим янтарем, демон ответил мне, шипя и завывая, голосом, схожим с гудением огня. Он рассказал мне о происхождении Зверя, который пришел с красной

кометы и принадлежал к расе звездных дьяволов, не посещавших Землю со времен гибели Атлантиды. Он рассказал мне о свойствах Зверя, который в своем настоящем обличье был невидим для людей и мог проявиться только в исключительно отвратительном виде. Более того, он поведал мне о способе, которым можно уничтожить Зверя, если удастся захватить его в осязаемом виде. Даже меня, изучающего темные силы, эти откровения повергли в ужас и изумление. По многим причинам я считал заклинания для изгнания нечистой силы рискованными и ненадежными, однако демон поклялся, что другого спасения нет.

Размышляя о том, что мне довелось узнать, я пребывал в ожидании среди моих книг и реторт, ибо звезды предупредили меня, что в свое время ко мне придут и попросят помощи.

И действительно, сразу после гибели сестры Терезы ко мне в дом явился ликтор Ксима вместе с аббатом Теофилом, по утомленному лицу и согбенной спине которого видно было, что он опустошен горем и страхом. И оба они, хотя и с явной неохотой, просили моего совета и помощи, дабы уничтожить Зверя.

— О вас, мессир де Шадронье,— начал ликтор,— идет слава, как о человеке, знающем искусство колдовства и заклинаний, способном вызывать или изгонять демонов. И, может статься, вы окажетесь более удачливы в борьбе с дьявольским отродьем и победите там, где другие терпят неудачу. Не слишком охотно мы обращаемся к вам за помощью, поскольку непросто для Церкви и закона вступать в союз с колдовством. Но необходимо избавиться от демона во избежание новых жертв. В благодарность за вашу помощь мы обещаем вам хорошее вознаграждение золотом и пожизненную защиту от инквизиции, которую может заинтересовать ваша деятельность. Епископ Ксима и архиепископ Вийона в курсе дела. Для всех же остальных оно должно оставаться в глубочайшей тайне.

— Мне не нужно награды,— ответил я,— если только в моих силах избавить Аверуан от этого ужасного бедствия. Но вы задали мне нелегкую и опасную задачу.

— Вам будет предоставлено все необходимое,— заверил маршал.— В том числе и вооруженные люди, если потребуется.

Затем аббат Теофил слабым надтреснутым голосом пообещал мне, что любые двери, включая врата Перигонского аббатства, откроются по первому моему требованию, и будет сделано все возможное для избавления от ужасной нечисти.

В ответ я коротко сказал:

— Начнем сейчас же. Пришлите мне за час до заката двух вооруженных всадников и оседланного коня. Выберите среди своих людей самых храбрых и благоразумных. Этой же ночью я отправляюсь в Перигон, так как именно там чаще всего видели чудовище.

Вспомнив совет заключенного в драгоценный камень демона, я не стал ничего брать с собой, только надел на указательный палец перстень Эйбона и засунул небольшой молоток за пояс, рядом с мечом. Как было условлено, за час до заката к моему дому подъехали вооруженные всадники.

Крепкие и проверенные в боях воины были одеты в кольчуги, вооружены мечами и копьями. Я сел на горячего вороного жеребца, которого они привели с собой, и мы отправились из Ксима в Перигон по безлюдной дороге, ведшей через дремучий лес.

Мои спутники в самом деле оказались неразговорчивы. Они отвечали только на мои вопросы, да и то кратко. Это мне нравилось, так как я знал, что они будут хранить благоразумное молчание в течение всей ночи. Мы быстро продвигались вперед, в то время как солнце, светившее сквозь верхушки деревьев, постепенно опускалось. Вскоре темнота окружила нас, словно неумолимая вражеской сеть. Мы углублялись в густой лес все дальше, и даже я, знаток колдовства, начал опасаться, хотя и знал многое о том, что может твориться под покровом тьмы...

Мы подъехали к аббатству, когда луна поднялась уже высоко и все монахи, кроме старого привратника, отправились спать в дормиторий. Настоятель, вернувшийся на закате из Ксима, сообщил привратнику о нашем прибытии и приказал впустить нас, но именно это не входило в мои планы. У меня были основания полагать, что Зверь вернется в монастырь этой ночью, о чем я и объявил своим спутникам. Привратнику я сказал, что мы будем ждать снаружи, и попросил его пройти с нами вокруг

здания и показать, кому какие кельи принадлежат. Обходя монастырь, он указал на одно из окон второго этажа, пояснив, что это келья отца Теофила. Окно кельи было обращено к лесу, и заметив, что оно приоткрыто, я высказал предположение, что при поспешном отъезде аббата его забыли закрыть. Привратник возразил мне, сказав, что это неизменная привычка настоятеля, несмотря на частые вторжения демона, оставлять окно открытым. Стоя перед окном, мы увидели слабый свет, как будто отец Теофил еще бодрствовал.

Предоставив коней заботам привратника, мы расположились под окном отца Теофила и начали свое долгое бдение.

Бледная, покрытая зеленоватыми пятнами луна поднималась все выше. Плывя над огромными дубами, она освещала серый камень монастырских стен. На западе комета все еще пылала среди лишенных блеска звезд.

Час за часом мы ждали в тени высокого дуба, где никто не мог увидеть нас из окна. Когда луна, пройдя свой путь, начала клониться к западу, тень дерева протянулась к стене. Стояла глубокая тишина, и мы ничего не замечали, кроме медленного движения света и тени. Между полуночью и рассветом в келье отца Теофила показался узкий язычок пламени.

Не говоря ни слова, с оружием наготове, воины настороженно всматривались в темноту. Конечно, они знали, что могут встретиться лицом к лицу с адской нечистью еще до рассвета, но не проявляли ни малейшей тревоги. Зная намного больше, чем они, я снял перстень Эйбона с пальца и приготовился, ибо демон подсказал мне, что необходимо делать.

Воины стояли лицом к лесу. Ничто не шелохнулось в настороженном мраке; ночь подходила к концу. Утренние сумерки окутали спящую землю. За час до рассвета, когда тень огромного дуба достигла стены и поползла вверх к окну отца Теофила, появился тот, кого мы ждали. Внезапно вспыхнул алый свет, словно яркое пламя полыхнуло перед нами во мраке.

Один из воинов был повержен на землю, и я увидел над ним очертания черного, полузмеиного тела. Изогнув длинную шею, чудовище впилось в спину воина острыми

зазубренными клыками. Послышался скрежет зубов о кольчугу. Я положил перстень Эйбона на камень и разбил драгоценную гемму припасенным заранее молотком.

Из кусочков разлетевшегося камня, словно огненный сноп, вырвался плененный там демон. В гневном гуле разгорающегося пламени демон бросился вперед, чтобы сразиться со Зверем.

Он окружил Зверя мстительным сиянием, взвившись вверх, как пламя гигантского костра. Зверь извивался, как брошенная в огонь змея. Тело чудовища конвульсивно изгибалось, плавясь в огне, словно восковое. Как оборотень, возвращающийся из звериного обличия, это существо постепенно обретало сходство с человеком. В бликах бушующего пламени шкура зверя стала напоминать темный плащ, какие обыкновенно носят бенедиктинцы. Под капюшоном обозначилось человеческое лицо, и хотя оно было страшно искажено, в твари можно было узнать отца Теофила.

Но огненный демон продолжал нападать на преобразившуюся тварь, и лицо снова исчезло в восковой черноте. Поднялся огромный столб дыма, распространилась ужасающая вонь. Сквозь яростное шипенье демона прозвучал один-единственный вскрик; и это был голос отца Теофила. Дым становился все гуще, скрывая нападающего и его жертву. Больше не прозвучало ни звука, кроме рева бушующего огня.

Наконец столб пламени стал опадать и вскоре исчез. Только тонкая струйка дыма поднялась над темным лесом к звездам. Демон перстня выполнил свое обещание и сейчас возвращался назад, в те далекие пределы, откуда колдун Эйбон заклинаниями завлек его в Гиперборею, чтобы заточить в пурпурный камень.

Зловоние рассеялось вместе с дымом. От того, что было Зверем, не осталось и следа. Я знал, что ужасное Зло, рожденное красной кометой, навсегда изгнано огненным демоном. Упавший воин невредимым поднялся с земли. Мы стояли все вместе, и никто не произнес ни слова. Но я знал, что они догадались обо всем. Я взял с них клятву свято хранить эту тайну и велел подтвердить то объяснение, которое намеревался сделать монахам Перигона.

Договорившись о том, что ни единое слово клеветы никогда не запятнает славу святого Теофила, мы разбуди-

ли привратника и рассказали ему, что Зверь застал нас врасплох и вторгся в келью аббата прежде, чем мы успели что-либо предпринять, а затем снова вылетел, держа в своих объятиях отца Теофила. Я наложил заклятие на чудовище, и оно исчезло в облаке серного пламени. К несчастью, аббат был поглощен огнем вместе с ним. «Его смерть,— сказал я,— без сомнения, истинно мученическая. Зверь никогда больше не будет беспокоить ни Аверуан, ни Перигон, поскольку заклятье, которое я применил, надежно».

Монахи выслушали наш рассказ без лишних вопросов и сильно горевали по своему доброму настоятелю. На самом деле выдуманная нами легенда не так уж далеко отстояла от истины, поскольку отец Теофил был совершенно неповинен в тех ужасных изменениях, которые происходили с ним по ночам. Каждую ночь тварь прилетала с кометы, чтобы утолить свой адский голод, и использовала аббата для своих черных дел, вселяясь в его плоть.

Более никто в Аверуане не видел Зверя. Его убийственное пришествие никогда больше не повторялось.

Со временем комета улетела в другие пределы, постепенно теряя свою яркость, и черный ужас, который она несла, стал легендой, как, впрочем, и все прошлое. Аббата Теофила канонизировали за его мученическую смерть; и те, кто прочтет когда-нибудь эти записи, скорее всего не поверят моему рассказу, утверждая, что ни демон, ни злой дух не смогли бы никоим образом победить истинную святость. Быть может, и хорошо, что никто не поверит в эту историю: ведь так тонка завеса между человеком и безбожной бездной. Порою в мир вторгается нечто, лишающее нас разума, и странная нечисть всегда летает между Землей и Луной. Создания, не имеющие имени, несут нам ужас неизведанного и будут приносить его снова и снова. А Зло, приходящее со звезд,— это совсем не то, что Зло Земли.

КОЛОСС ИЗ ИЛУРНИ

Глава 1
ПОБЕГ НЕКРОМАНТА

Трижды бесчестный Натери, алхимик, астролог и некромант, со своими десятью учениками покинул Вийон тайно и внезапно. Все его соседи полагали, что поспешное бегство было вызвано осторожностью — вряд ли колдун испытывал желание примерить испанский сапог или взойти на костер. Многие из его собратьев по ремеслу, менее известные, чем он, уже были сожжены в прошедшем году, когда инквизиция вдруг начала проявлять необычайное рвение, а то, что Натери уже давно навлек на себя немилость церковных властей, было известно всем. Поэтому никто не сомневался относительно причин его бегства, но его нынешнее местонахождение оставалось тайной.

По округе ходило множество слухов, и прохожие крестились, приближаясь к высокому мрачному дому, который Натери построил неподалеку от собора и обставил с вызывающей роскошью. Двое воров, рискнувших проникнуть в покинутый дом, рассказывали, что нашли его совершенно пустым. Это только сгустило завесу тайны, ибо казалось невероятным, чтобы Натери с десятком учеников и несколькими возами добра незаметно миновал городские ворота.

Добропорядочные горожане уверяли, что сам Сатана с сонмом крылатых демонов унес их из города в безлунную полночь. Почтенные бюргеры рассказывали, что видели полет теней, похожих на человеческие, а также слышали

завывания адской процессии, когда она пролетала над городскими крышами и стенами.

Другие полагали, что колдуны перенеслись из Вийона посредством своих собственных чар, удалившись в безлюдные места, где Натери, уже давно чувствовавший себя не лучшим образом, мог надеяться умереть в мире и спокойствии. Говорили, что недавно, впервые за прожитые полвека, он составил свой собственный гороскоп и увидел там сочетание планет, предвещающее скорую смерть.

Впрочем, третьи, особенно соперничающие с ним астрологи, утверждали, что Натери скрылся из виду лишь для того, чтобы заниматься магией без помех. Его заклятья, туманно намекали они, в назначенный час падут на Вийон, а может, и на весь Аверуан, и, несомненно, обернутся мором, неурожаем или нашествием бесов.

Среди слухов, бурливших, как кипящая лава, воскресали полузабытые легенды, и буквально за один день рождались новые. Происхождение Натери и его жизнь до того, как он поселился в Вийоне, обросли множеством вымышленных подробностей: говорили, что он был сыном дьявола, подобно Мерлину; его отцом называли Аластора, духа мщения, а матерью — уродливую карлицу-колдунью. От первого он унаследовал злобу и подозрительность, от последней — малый рост и щуплую фигуру.

Он путешествовал по восточным землям, где научился у египтян и сарацинов нечестивому искусству некромантии. Люди испуганно шептались о том, что Натери использовал кости давно умерших людей, заставляя их служить себе. Натери никогда не любили в городе, хотя многие приходили к нему за помощью в разного рода сомнительных делах. Однажды, на третьем году его жизни в Вийоне, его чуть не побили камнями за то, что он, по слухам, занимался некромантией, и метко пущенный булыжник навеки сделал его хромым. Этого увечья, полагали в городе, он так и не простил и на ненависть горожан отвечал еще большей ненавистью.

Кроме порчи и сглаза, в которых его нередко подозревали, он долго считался растлителем юношей. Несмотря на малый рост и хромоту, он обладал гипнотической притягательностью, и среди его учеников, которых он, как говорили, склонил ко греху и пороку, были молодые люди,

подававшие большие надежды. В общем, его исчезновение было воспринято горожанами как счастливое избавление.

Однако среди горожан нашелся один человек, не принимавший участия во всеобщем злословии и не прислушивавшийся к сплетням. Это был некий Гаспар дю Норд, который целый год числился среди учеников Натери, но решил покинуть дом своего учителя, узнав, что ожидает его в случае дальнейшего посвящения в колдовское искусство. Из своего ученичества он вынес представление о губительной мощи и темных помыслах некроманта, поэтому предпочитал хранить молчание, узнав об отъезде своего учителя. Кроме того, ему не хотелось воскрешать давние воспоминания. В скромно обставленной мансарде, наедине со своими книгами, он хмуро вглядывался в маленькое зеркальце, некогда принадлежавшее самому Натери.

Не отражение собственного лица заставляло хмуриться Гаспара дю Норда. В глубинах зеркала он увидел странную сцену, участники которой были ему хорошо знакомы, но определить место действия он не мог. К тому же, прежде чем юноша сумел разглядеть подробности, зеркало словно заволокли клубы пара, и он больше ничего не увидел.

«Это,— решил он,— могло значить лишь одно». Натери почувствовал чужой взгляд и пустил в ход защитные чары, сделавшие вещее зеркало бесполезным. Именно это, вкупе с мимолетной картинкой колдовских занятий Натери, встревожило Гаспара и вселило ужас в его душу, ужас, который постепенно, но неотступно подчинял себе все мысли юноши.

Глава 2
ВОСКРЕШЕНИЕ МЕРТВЫХ

Натери и его ученики исчезли из города поздней весной 1281 года, в полнолуние. Потом новая луна выросла над цветущими лугами и вновь начала убывать, и люди начали говорить о новых тайнах и других волшебниках.

Затем, в безлунные ночи в начале лета, произошло несколько событий, куда более загадочных и необъяснимых, чем побег злобного карлика.

Однажды могильщики, придя на кладбище, расположенное за городской стеной, обнаружили, что не менее шести свежих могил разрыты, а тела, находившиеся в них, исчезли. После внимательного осмотра стало очевидно, что это сделали не грабители. Гробы выглядели так, как будто какая-то чудовищная сила разбила их изнутри, разрытая земля бугрилась, словно мертвые, воскреснув, сами проложили себе дорогу наверх.

Трупы исчезли бесследно, не удалось обнаружить ни одного очевидца, знавшего что-либо об их судьбе. В те времена казалось очевидным лишь одно объяснение: демоны проникли в могилы и, вселившись в мертвые тела, заставили их подняться.

К смятению всего Аверуана, за первым исчезновением последовало еще много подобных. Казалось, какое-то необоримое заклятие поднимает мертвецов из могил. В течение двух следующих недель кладбища Вийона и окрестных сел потеряли немалую часть своих обитателей. Из мраморных некрополей, из гробов, заколоченных медными гвоздями, из неосвященных рвов, где покоились жертвы чумы, продолжался зловещий исход.

Но, что было еще ужаснее,— непогребенные тела вскакивали с похоронных дрог и, не обращая внимания на перепуганных зрителей, огромными скачками убегали в неведомом направлении.

И каждый раз пропавшие тела принадлежали молодым крепким мужчинам, которые были убиты или стали жертвой несчастного случая, а не изнурительной болезни. Некоторые были преступниками, расплачивавшимися за свои гнусные деяния, другие — солдатами или стражниками, погибшими при исполнении своих обязанностей. Было среди них и множество рыцарей, погибших в поединках, а также жертв разбойничьих шаек, наводнявших в то время Аверуан. Это были монахи, торговцы, дворяне, крестьяне, но ни один из них еще не миновал пору своего расцвета. Старые и немощные, казалось, не привлекали внимания странных демонов.

Самые суеверные сочли происходящее предзнаменованием скорого конца света. Смятение стократ усилилось, когда стало ясно, что святая вода и экзорцизм оказались бессильны. Церковь признала свое бессилие, а светские

власти не могли ничего сделать, чтобы остановить этот кошмар.

Из-за охватившего всех ужаса никто и не пытался искать пропавшие трупы, лишь запоздалые путники рассказывали о встреченных ими покойниках, шагающих по дорогам Аверуана. Они казались глухими, немыми и полностью лишенными чувств, но неутомимо и неуклонно стремились к какой-то далекой цели.

Все они направлялись на восток, но только когда исчезло уже несколько сотен мертвых, появились первые предположения относительно того, куда они направляются.

Этим местом оказался разрушенный замок Илурни, возвышавшийся на далеком скалистом плато. Илурни, огромная крепость, возведенная когда-то воинственными баронами, имела столь зловещую славу, что даже пастухи и охотники обычно обходили его стороной. Говорили, что призраки его прежних владельцев бродят по разрушенным залам, а его жестокие хозяйки превратились в вампиров. Никто не осмеливался жить поблизости от полуразрушенных серых стен, и ближайшим человеческим жильем в округе был небольшой монастырь, построенный в миле от замка, на противоположном склоне долины.

Монахи братства цистерианцев[1] почти не общались с окружающим миром, и потому немногие желали войти под суровые своды этого монастыря. Но в то лето, когда начали исчезать мертвецы, сквозь монастырские ворота просочилась странная и пугающая история.

Поздней весной цистерцианцы начали замечать, что на развалинах Илурни происходят странные явления. Монахи разглядели голубые и алые огни, горевшие в оконных проемах или взлетавшие к небу над бойницами. По ночам с развалин доносился страшный шум, словно там стучали молоты о наковальни, лязгали гигантские доспехи, и в монастыре решили, что замок стал местом бесовских игрищ. Зловонный дым расползался оттуда по долине, и даже днем, когда шум в замке смолкал, легкая голубоватая дымка оставалась висеть над стенами. Монахи были

[1] Цистерцианцы — монашеский орден, примыкавший к бенедиктинскому

уверены, что демоны проникли в замок из-под земли, ибо никто не приближался к руинам по пустынным склонам долины. Будучи убеждены, что рядом поселилась нечисть, они лишь крестились вдвое чаще, чем прежде, и непрерывно бормотали «Отче наш». Больше святые братья ничего не предпринимали, зная, что замок давно оставлен людьми, и почли за лучшее заниматься своими делами, пока нечистая сила не проявляет враждебности.

Однако они пристально наблюдали за замком, но за несколько недель не заметили, чтобы кто-то входил в него или выходил обратно. За исключением ночных огней и шума, не было никаких признаков того, что замок обитаем. Однако как-то утром двое монахов, работавших на огороде, заметили в долине странную процессию, поднимавшуюся по крутому склону к воротам замка.

Люди, облаченные в погребальные саваны, как утверждали монахи, торопливо карабкались на склон, и лица их были странно бледными и отрешенными. На иных погребальные одежды выглядели полуистлевшими или разорванными в клочья, и все без исключения были покрыты дорожной пылью. «Странников» оказалось около дюжины, а может, и больше, а за ними по крутому склону поднялось еще несколько похожих групп. Все они проворно преодолели склон и исчезли за стенами замка.

К тому времени вести об опустошенных могилах еще не достигли цистерианцев. Эта история дошла до них позже, когда почти каждое утро по долине стали подниматься процессии мертвецов, направлявшихся в замок. Сотни трупов, клялись монахи, прошествовали мимо монастыря, и, несомненно, еще многие прошли незамеченными под покровом темноты. Однако ни один не вышел обратно из замка Илурни, поглотившего их, точно ненасытная утроба.

Братья, хотя и были крайне напуганы, пока не предпринимали никаких действий. Самые смелые предлагали отправиться на развалины с распятием и святой водой, но настоятель велел горячим головам остыть. Тем временем ночные огни становились все ярче, а шум все громче.

Пока длилось напряженное ожидание, и монахи усердно возносили молитвы, произошла ужасная вещь. Один из братьев, в нарушение строжайшего устава монастыря,

протоптал дорожку в винный погреб. Несомненно, он пытался утопить в вине ужас перед странными событиями, но как бы то ни было, после возлияний он имел несчастье свалиться с обрыва и сломать себе шею.

Оплакивая его прегрешение и смерть, братья положили его в часовне и начали заупокойную службу. Перед самым рассветом отпевание было прервано воскрешением мертвеца, который выскочил из часовни с головой, болтающейся на сломанной шее, и помчался по склону холма, навстречу дьявольским огням и крикам, доносившимся из Илурни.

Глава 3
СВИДЕТЕЛЬСТВО МОНАХОВ

После этого происшествия двое из тех братьев, которые собирались пойти в населенный мертвецами замок, вновь обратились к настоятелю за разрешением, говоря, что Бог непременно поможет им отомстить за похищения тела собрата. Восхищенный их мужеством, настоятель благословил их поход.

Монахи, которых звали Бернар и Стефан, ранним утром пустились в путь к оплоту зла, вооруженные распятиями, флягами со святой водой и огромными крестами из граба, которые при случае могли бы служить палицами. Подъем по крутым откосам, между нависающих валунов, оказался труден и опасен, но монахи были сильны, отважны и привычны к подобным восхождениям. День выдался жарким и душным, их белые рясы вскоре потемнели от пота, но, останавливаясь лишь для кратких молитв, храбрецы упрямо карабкались вверх и вскоре приблизились к замку, за разрушенными стенами которого не было видно ни малейшего движения.

Глубокий ров, некогда окружавший замок, пересох и оказался завален осыпавшейся землей и битым кирпичом. Перекидной мост сгнил, но глыбы одной из башен, рухнувшей прямо в ров, образовали подобие моста, по которому можно было попасть внутрь замка. Поколебавшись, монахи подняли распятия, как воин поднимает оружие,

собираясь броситься на штурм, и перебрались по обломкам башни во внутренний двор.

Здесь тоже господствовало запустение. Во дворе буйно разрастались крапива и бурьян, молодые деревца прижились на полуразрушенных стенах.

Высокий и массивный донжон, часовня и часть постройки, в которой находился огромный зал, сохранились, несмотря на многие века упадка. Слева от входа зиял дверной проем, похожий на темную пещеру, и из этого проема тянулся легкий голубоватый дымок, поднимавшийся к безоблачному небу.

Подойдя к двери, братья заметили внутри красные огни, мерцающие точно глаза дракона. Это окончательно уверило их в том, что они находятся в преддверии ада. Тем не менее, они двинулись внутрь, распевая псалмы, изгоняющие нечистую силу, и выставив перед собой массивные кресты из граба.

Миновав похожий на пещеру вход, монахи сначала не смогли ничего разглядеть во мгле, столь внезапно сменившей солнечный свет. Потом, когда зрение постепенно прояснилось, их взорам открылась чудовищная сцена. Некоторые подробности этой сцены отпечатались в их памяти на всю оставшуюся жизнь Они стояли на пороге огромного помещения, занимавшего всю внутренность замка. Стены его тонули во мраке, который местами прорезали солнечные лучи, падавшие сквозь многочисленные проломы. Позже монахи утверждали, что видели множество людей, снующих по залу вместе с демонами, то призрачными и огромными, то почти не отличимыми от людей. Все они, и люди и духи, наблюдали за плавильными горнами и многочисленными грушевидными сосудами, какими обычно пользуются алхимики. Некоторые, точно колдуны, склонялись над гигантскими кипящими котлами. У противоположной стены стояли два огромных чана, высота которых значительно превышала человеческий рост, так что Бернар и Стефан не могли видеть, что в них находилось. Над одним из чанов разливалось белесое мерцание, другой испускал алые, как кровь, сполохи.

Посередине, между двумя чанами, возвышалось что-то вроде низкого дивана, обитого блестящей сарацинской парчой. Монахи разглядели на нем лежащего карлика,

бледного и изможденного, с лихорадочно горящими глазами. Этот карлик, несмотря на то, что выглядел умирающим, управлял работой людей и духов.

Вскоре изумленному взгляду братьев открылись и другие подробности. Они увидели несколько трупов, среди которых оказалось и тело несчастного брата Тео, лежавших на полу в центре зала, рядом с кучей человеческих костей, а немного поодаль виднелись куски плоти, наваленные грудами, точно на витрине в мясной лавке. Какой-то человек поднимал кости и бросал их в котел, под которым горело рубиновое пламя; еще один кидал куски мяса в бочку, из которой доносилось зловещее шипение.

Другие, сняв саван с одного из трупов, начали свежевать его длинными мясницкими ножами. Третьи, вскарабкавшись по грубым каменным лестницам, что-то переливали в необъятные чаны.

Пораженные открывшейся им картиной, монахи возобновили пение псалмов и устремились вперед. Толпа колдунов и демонов, казалось, совершенно не заметила их вторжения.

Охваченные праведным гневом, Бернар и Стефан чуть было не накинулись на мясников, разделывавших мертвое тело. Они узнали его — то был труп известного разбойника по имени Жак Ле Лупгару, убитого несколькими днями ранее. Долгое время Ле Лупгару, известный своей силой и жестокостью, считался грозой лесов и больших дорог Аверуана. Он умер без отпущения грехов, но все же монахи не могли видеть, как его бездыханное тело используют в нечестивых целях...

Внезапно изможденный карлик заметил незваных гостей. Монахи услышали его пронзительный крик, заглушивший шипение котлов и бормотание демонов. Братья не поняли слов, произнесенных на чужом языке, но, повинуясь этому приказу, два человека немедленно оставили работу и, схватив медные тазы со зловонным варевом, выплеснули их содержимое в лицо Бернару и Стефану. «Крестоносцы», ослепленные жгучей жидкостью, выронили распятия из рук и упали без сознания.

Придя в чувство, они обнаружили, что их руки крепко связаны, и они не могут воспользоваться ни распятиями, ни кропильницами со святой водой.

Словно издалека, до них донесся голос злобного карлика, повелевавший им подняться. Бернар, одурманенный ядовитым паром, дважды падал на пол, прежде чем ему удалось встать прямо, и это новое унижение собравшиеся в зале колдуны встретили раскатами омерзительного хохота.

Карлик начал осыпать стоящих перед ним монахов бранью и насмешками и, наконец, как рассказали они под присягой, велел им:

— Возвращайтесь в свою конуру, вы, безмозглые святоши, и поведайте всем: пришедшие сюда порознь — уйдут единым целым.

Затем, повинуясь заклинанию, произнесенному карликом, два духа подошли к телам Ле Лупгару и брата Тео. Один омерзительный демон втянулся в ноздри Ле Лупгару, мало-помалу исчезая, пока его рогатая голова не скрылась из виду. Другой таким же образом проник в ноздри брата Тео, чья голова свисала на плечо.

Затем тела поднялись с каменного пола, одно — с вывалившимися внутренностями, другое — с головой, свисающей на грудь, подхватили грабовые кресты, выпавшие из рук Стефана и Бернара, и, используя их вместо дубинок, погнали монахов из замка под раскаты буйного хохота. Обнаженный труп Ле Лупгару и облаченное в рясу тело брата Тео преследовали монахов по изрезанным оврагами склонам, время от времени нанося сильные удары крестами так, что когда братья достигли монастыря, их спины были сплошь покрыты синяками.

После столь унизительного поражения больше ни один монах не отваживался подняться в Илурни. Весь монастырь с утроенным пылом предавался молитвам, положившись лишь на свою веру и ожидая от будущего всего, что угодно.

Со временем пастухи, изредка навещавшие монахов, разнесли историю Стефана и Бернара по всему Аверуану, усилив этим мучительную тревогу, вызванную исчезновением мертвецов. Никто не знал, что же в действительности происходит в зловещем замке, и слова карлика, переданные монахами, казались полнейшей загадкой.

Однако каждый житель Аверуана ощущал, что в разрушенных стенах Илурни затевается что-то ужасное. Злоб-

ный карлик слишком походил на сбежавшего колдуна, а его приспешники, несомненно, были теми самыми десятью учениками.

Глава 4
ПОХОД ГАСПАРА ДЮ НОРДА

Сидя в одиночестве в своей комнатушке под крышей, Гаспар дю Норд, бывший ученик Натери, неоднократно, но совершенно безуспешно пытался заглянуть в зеркало, обрамленное сплетающимися бронзовыми змеями. Стекло оставалось туманным, словно его заволакивал пар. Осунувшийся и измученный множеством бесплодных попыток, Гаспар, наконец понял, что Натери куда осторожнее, чем он сам.

С беспокойством изучая расположение звезд, юноша увидел в небесах предзнаменование страшного бедствия, неотвратимо надвигавшегося на Аверуан. Но о сущности этой беды звезды ничего не поведали.

Тем временем исход мертвых из могил все продолжался. Темный, точно вечная ночь, ужас воцарился повсюду, и люди сдавленным шепотом обсуждали новые злодеяния. До Гаспара, как и до всех остальных, порой доходили чудовищные слухи. Точно так же, как и остальных, его поразил рассказ цистерцианских монахов.

Теперь наконец-то перед юношей забрезжил ответ на вопросы, которые волновали его все это время. Убежище беглого колдуна и его помощников было обнаружено, и именно туда вели следы исчезнувших мертвецов. Но даже для просвещенного Гаспара осталось загадкой, что за адское зелье, какое отвратительное колдовство готовил Натери в заброшенном замке. Юноша был уверен лишь в одном: умирающий карлик, сознавая, что жить ему осталось немного, и питая к людям безграничную ненависть, готовит гнусное колдовство, подобного которому никогда не существовало.

Даже зная наклонности Натери и представляя, какая могучая сила заключена в его тщедушном тельце, Гаспар мог строить лишь неясные догадки о надвигающемся бедствии. Но время шло, и он все сильнее чувствовал гнетущую тяжесть, ощущение угрозы, подбирающейся с края

света. Он не мог отделаться от беспокойства, и, наконец, решился, несмотря на очевидное безрассудство такого путешествия, нанести тайный визит в окрестности Илурни.

Хотя Гаспар и происходил из зажиточной семьи, в тот момент он был очень стеснен в средствах, ибо его отец не одобрял склонности сына к довольно сомнительной науке. Единственным источником его существования были те жалкие гроши, которые украдкой от отца передавали ему мать и сестра. Этого едва хватало на еду и покупку книг, но оказалось явно недостаточно, чтобы купить для задуманного путешествия лошадь или хотя бы мула.

Ничуть не обескураженный этим обстоятельством, юноша отправился пешком, захватив в путь лишь кинжал и немного еды. Он вышел в путь с таким расчетом, чтобы подойти к Илурни в сумерках, когда на небо выйдет полная луна. Часть его пути пролегала через глухой лес, огромной темной дугой тянувшийся через Аверуан, до скалистого плато, на котором стоял замок. Пройдя по нему несколько миль, Гаспар покинул заросли сосен и дубов. Почти весь день он шел по открытой равнине, вдоль реки Исуаль. Наступившая ночь оказалась теплой, и он провел ее неподалеку от маленькой деревушки, под раскидистым буком.

* * *

К вечеру следующего дня, пройдя самую старую и дикую часть векового леса, он вышел к крутому каменистому склону, поднимавшемуся к месту его назначения. На этом плато брала свое начало Исуаль, которая была здесь всего лишь небольшим ручейком. В сгущающихся сумерках он увидел огни цистерцианского монастыря, а напротив, над нависавшими неприступными обрывами,— мрачную громаду разрушенной цитадели. Окна замка мерцали бледными колдовскими огнями. Кроме этих огней, ничто не говорило о том, что замок обитаем, и Гаспар пока не слышал того зловещего шума, о котором рассказывали монахи.

Он подождал, пока круглая луна, желтая, словно птичий глаз, не выглянула над темнеющей долиной, и осторожно, ибо эта местность была ему совершенно незнакома, направился к нависающему замку.

Подъем при свете луны таил в себе немало трудностей и опасностей даже для человека, привыкшего к подобным восхождениям. Несколько раз, очутившись у подножия скалы, Гаспар делал немалый крюк, и порой его спасали от падения только кусты, чудом укоренившиеся в расщелинах камня. Когда юноша наконец выбрался к подножию стен, его одежда была изодрана в клочья, а руки кровоточили.

Здесь он остановился, чтобы передохнуть и восстановить силы. Со своего места он мог видеть отблески огней, пробивавшиеся из-за внутренних стен. Юноша слышал приглушенный гул, но не мог определить, где находится его источник.

Ни один звук, кроме этого зловещего гула, не нарушал ночную тишину. Казалось, даже ветер избегает приближаться к разрушенному замку. Незримое тягучее облако неотступно нависало над Илурни; бледная распухшая луна струила свой свет над осыпавшимися башнями среди глубокого безмолвия.

Отправившись дальше, Гаспар ощутил давящую тяжесть. Невидимые сети зла, казалось, опутывают его, мешая идти. Медленное хлопанье невидимых крыльев раздавалось перед его лицом. Он точно вдыхал ветер, веющий могильным холодом. Неистовые завывания, насмешливые или угрожающие, раздавались в его ушах, а цепкие руки будто тянули его назад. Но, упрямо нагнув голову, точно сражаясь со встречным ветром, он шел дальше, через осыпавшиеся развалины башни, к заросшему сорняками внутреннему двору.

Большая часть двора утопала в тени стен и угловых башен. Гаспар увидел похожий на пещеру проем, из которого струилось бледное сияние, неровное и тусклое, как болотные огни. Рокочущий шум, в котором уже можно было различить сплетение множества голосов, раздавался из замка, и Гаспару показалось, что он видит темные, как сажа, фигуры, проворно снующие по освещенному залу.

Стараясь держаться в тени, юноша прокрался вдоль внутренних стен, окружавших двор. Он не решался войти в открытую дверь, хотя, насколько он успел разглядеть, вход никто не охранял.

Подойдя к главному зданию, он увидел бледный отсвет, пробивающийся сквозь пролом в стене. Эта брешь находилась на приличном расстоянии от земли, и Гаспар раз-

глядел, что раньше здесь была дверь, выводившая на балкон. Несколько разрушенных ступеней вели вверх, и юноше показалось, что он мог бы взобраться на стену и заглянуть внутрь, оставшись незамеченным.

Части ступеней недоставало, и вся лестница утопала в густом мраке. Гаспар поднялся по этому ненадежному пути, остановившись лишь однажды, когда обветшалая ступенька раскололась под его ногой и обломки камня с шумом посыпались вниз, на плиты двора. К счастью, обитатели замка ничего не услышали, и через некоторое время юноша продолжил подъем.

Осторожно приблизившись к неровному пролому, через который сочился свет, и скорчившись на каменном уступе, он с изумлением вглядывался в действо, которое разворачивалось перед ним.

Ему стало ясно, что все рассказанное монахами не выдумка... Внутренние стены и перекрытия огромного здания оказались снесены и разобраны, чтобы приспособить его под нужды Натери. Само по себе это разрушение уже сверхчеловеческая задача, должно быть, колдун привлек для ее выполнения целый сонм духов.

Гигантский зал освещали огни жаровни и горнов, а также зловещее мерцание, исходившее от гигантских каменных чанов. Даже с высоты балкона юноша не мог разглядеть, что находится в этих чанах, но над краем одного из них струилось белое сияние, а над другим — кровавый свет.

Гаспару приходилось видеть некоторые опыты Натери, ему были хорошо знакомы все эти принадлежности мрачного искусства некромантии. Он не считал себя слишком впечатлительным и не ощутил особого страха при виде неуклюжих демонов, которые трудились бок о бок с облаченными в черные хламиды учениками колдуна. Но леденящий ужас сжал его сердце при виде невероятного, чудовищного создания, громоздившегося в центре зала,— огромный человеческий скелет, чью правую ногу группа людей и демонов в эту минуту покрывала человеческой плотью!

Поразительный и ужасный костяк, с ребрами, похожими на своды какого-то дьявольского нефа, блестел, освещенный огнями адской плавильни. Казалось, он трепещет в игре сменяющих друг друга теней, гигантские зубы

скалятся в саркастической усмешке, в глазницах, глубоких, будто колодцы, искрятся насмешливые огни.

Гаспар был ошеломлен фантастической сценой, развернувшейся перед ним. Впоследствии он не мог припомнить, действительно ли видел некоторые детали, и мог рассказать лишь немногое о том, что делали люди и их помощники. Похожие на гигантских летучих мышей создания сновали между одним из каменных чанов и группой людей, одевавших правую ногу колосса красноватой массой, которую они наносили и формовали, как скульптор формует глину. Однако ни одна из крылатых тварей не приближалась к другому чану, чье бледное сияние с каждой минутой ослабевало, затухая.

Юноша поискал взглядом щуплую фигуру Натери, которой не было видно в собравшейся толпе. Больного некроманта, если он еще не умер от неизвестного недуга, который долго подтачивал его, несомненно, скрывало из виду его колоссальное творение.

Застывший, словно зачарованный, на разрушенном балконе, Гаспар не услышал легких крадущихся шагов. Слишком поздно до него донесся звук падающего камня. Он лишился чувств, оглушенный ударом дубины, не успев даже понять, что руки нападавшего удержали его от неминуемого падения на каменные плиты.

Глава 5
УЖАС ИЛУРНИ

Очнувшись после долгого погружения в Лету, Гаспар увидел над собой глаза Натери, непроницаемо темные, словно ночь. Некоторое время он не видел больше ничего, кроме этих глаз, которые притягивали его взгляд, будто магниты. Они горели перед ним среди хаоса и мглы. Постепенно из этой мглы выступили и остальные черты колдуна, и пленник осознал, в каком положении он находится.

Попытавшись поднять руки к мучительно ноющей голове, он обнаружил, что они крепко связаны. Юноша полулежал, опираясь на какой-то жесткий угловатый предмет. Ему показалось, что этот предмет — одна из тех колдовских

принадлежностей, что в изобилии лежали на полу. Пробирки, реторты, тигли мешались со сваленными в кучу фолиантами в дорогих переплетах, закопченными котлами, жаровнями и прочими принадлежностями зловещего ремесла.

Натери пристально смотрел на своего пленника, откинувшись на сарацинские подушки, украшенные алыми и золотыми узорами. Тусклые огни и причудливые тени кружили по комнате, и до Гаспара доносился слитный хор голосов, звучащих за его спиной. Слегка повернув голову, он увидел один из каменных чанов, чье розовое сияние заслоняли кожистые крылья нетопырей.

— Добро пожаловать,— наконец произнес Натери после недолгого молчания, во время которого бывший ученик успел разглядеть признаки неумолимого недуга, наложившего свой отпечаток на лицо колдуна — Итак, Гаспар дю Норд, ты решил повидаться со своим бывшим учителем?

Резкий властный голос казался невероятно громким для иссохшего тела.

— Я пришел,— эхом отозвался Гаспар.— Расскажите мне, что за дьявольским делом вы заняты? И что вы сделали с мертвыми телами, похищенными из могил?

Тщедушное тело Натери согнул пополам неистовый взрыв смеха — и это был его единственный ответ.

— Судя по вашему виду,— продолжил Гаспар, когда зловещий смех наконец стих,— вы смертельно больны, и вам следует поспешить, если вы хотите покаяться в совершенных грехах и примириться с Богом — если, конечно, это еще возможно. Что за омерзительное варево вы готовите, чтобы окончательно погубить свою душу?

Карлика вновь охватил приступ дьявольского веселья.

— Ну уж нет, мой милый Гаспар,— снизошел он, наконец, до ответа.— Я заключил совсем другую сделку. Пусть хнычущие трусы пытаются приобрести расположение небесного тирана. Быть может, я попаду в ад, но ад мне заплатил, и впредь будет платить достаточно щедро. Я скоро умру, это верно, но после смерти, благодаря милости Сатаны, я снова оживу, чтобы воздать по заслугам людям Аверуана, которые всегда ненавидели меня и издевались над моей внешностью.

— То, о чем вы мечтаете,— безумие! — закричал юноша, пораженный ненавистью, звучавшей в голосе Натери и горевшей в его глазах.

— Это вовсе не безумие, а реальность. Возможно, это чудо, но ведь жизнь и сама чудо... Из тел умерших людей, которые все равно сгнили бы в своих могилах, мои ученики создают гиганта, чей скелет ты видел. Когда я умру, моя душа из этого ветхого тела перейдет в новую обитель.

— Если бы ты остался со мной, Гаспар, а не отступился от чудес и знаний, которые я собирался тебе открыть, сейчас ты был бы среди тех, кто создает это чудо. А приди ты в Илурни чуть раньше, я мог бы использовать твои крепкие кости и молодые мышцы... Но теперь уже слишком поздно, ибо строительство скелета позади, и осталось лишь покрыть его плотью. Мой милый Гаспар, ты мне не интересен... Разве что ради своей безопасности убрать тебя с дороги? К счастью, внизу под замком есть темница — жилище, возможно, мрачноватое, зато достаточно глубокое и прочное.

Лихорадочно пытаясь отыскать достойный ответ, Гаспар ощутил, как сзади его касаются руки невидимых существ. Повинуясь сделанному Натери жесту, те завязали ему глаза и повели вниз по разрушенным узким ступеням. В ноздри ему ударил запах плесени и тухлой воды.

Он подумал, что ему уже не суждено подняться обратно по этой лестнице... Зловоние постепенно становилось все сильнее; заскрипела ржавая дверь, и Гаспара толкнули на сырой неровный пол.

Он услышал скрежет тяжелой каменной плиты. Ему развязали руки и сняли повязку с глаз, и в свете трепещущих факелов пленник увидел круглую дыру, зиявшую у его ног. Рядом с ней лежала поднятая крышка. Прежде чем узник успел повернуться и взглянуть на своих тюремщиков, сильным пинком его столкнули вниз. Во мраке подземелья снова раздался звук плиты, вернувшейся на привычное место.

Глава 6
СКЛЕПЫ ИЛУРНИ

Через некоторое время Гаспар очнулся. Он обнаружил себя лежащим в мерзкой зловонной луже, одежда на нем промокла насквозь, и грязная вода колыхалась в каком-то дюйме от его рта. Тишину подземелья нарушал моно-

тонный звук падающих капель. Пошатываясь, он поднялся на ноги и, к своей великой радости, обнаружил, что все кости у него целы. Потом он попытался рассмотреть свою темницу.

Холодные капли падали с потолка ему за шиворот, ноги скользили по полу, покрытому гнилью. Стоило сделать пару шагов, как в темноте раздалось сердитое шипение, и щиколотки юноши коснулось холодное тело змеи.

Вскоре он подошел к грубо сложенной каменной стене и, касаясь ее кончиками пальцев, попытался определить размеры своей темницы. Она оказалась почти круглой, и узник не мог даже приблизительно представить себе ее величину. Блуждая вдоль стен, он обнаружил груду камней, возвышавшуюся из воды, и смог устроиться в относительной сухости, вспугнув с насиженного места множество рассерженных рептилий. Возможно, эти создания были безобидными, но прикосновение к их скользкой чешуе вызывало у него дрожь.

Сидя на куче камней, Гаспар размышлял о своем положении. Он проник в тайну Илурни, раскрыл чудовищные намерения Натери, но сейчас, замурованный в подвале, словно погребенный заживо, не мог даже предупредить мир о нависшей угрозе.

Полупустая котомка с провизией осталась у него за спиной, и его чрезвычайно обрадовало, что тюремщики не удосужились отобрать у него кинжал. Грызя в темноте черствую хлебную корку и осторожно поглаживая клинок, юноша отчаянно пытался придумать какой-нибудь выход.

Время, казалось, замерло на месте, лишь нескончаемая капель нарушала глубокое безмолвие. Возможно, то был голос скрытых родников, в незапамятные времена снабжавших замок водой. Но и этот монотонный звук вскоре стал казаться измученному пленнику издевательским смехом. Наконец, утомленный до предела юноша погрузился в тяжелый сон.

Проснувшись, он не мог определить, какое время суток было наверху, ибо в подземелье царила все та же вечная тьма, не нарушаемая ни единым лучом света.

Проснулся Гаспар от холода. Пока он спал, в затхлом воздухе подземелья родился слабый сквознячок, и это заставило узника воспрянуть духом. Возможно, где-то была

щель или вентиляционный колодец, через которую проходил воздух, и не исключено, что через нее можно выбраться из темницы.

Встав на ноги, Гаспар начал пробираться в том направлении, откуда тянуло сквозняком. Он споткнулся обо что-то, хрустнувшее под его ногами, и едва удержался от падения в глубокую вонючую лужу. Прежде чем он смог исследовать неожиданное препятствие, наверху послышался знакомый скрежет, и сквозь открывшийся люк упали дрожащие красноватые отсветы. Подняв голову, Гаспар увидел футах в двенадцати над своей головой отверстие, в которое просунулась рука с горящим факелом. Тюремщик спустил на веревке маленькую корзинку, в которой была буханка хлеба и бутылка вина.

Гаспар забрал хлеб и вино, и корзинку подняли обратно, но прежде чем факел был убран, а каменная крышка водружена на место, несчастный успел разглядеть свою темницу. Его заточили в каменный колодец, поперечником примерно в пятнадцать футов. Помеха, о которую он споткнулся, оказалась человеческим скелетом. Кости скелета казались темными и хрупкими, а одежда расползлась в клочья, изъеденная плесенью.

По стенам тихо сочились струйки воды, казалось, медленно крошился и гнил сам камень, из которого они были сложены. На противоположной стороне, у самого дна, юноша увидел брешь, которую ожидал увидеть: узкое отверстие, немногим больше лисьей норы. Его сердце оборвалось при виде этой картины, ибо даже если лужа на полу глубже, чем казалась, дыра слишком мала, чтобы в нее пролезть. Окончательно пав духом, он снова вернулся на кучу камней. Подземелье вновь погрузилось во тьму.

Хлеб и вино все еще были у него руках, и внезапно пленник почувствовал, что у него сосет под ложечкой, и машинально сунул в рот кусок хлеба, потом еще и еще. Еда придала ему сил, а дрянное кислое вино помогло немного согреться.

Осушив бутылку, Гаспар пробрался к низкой, похожей на нору, дыре. Струящийся из нее поток воздуха усилился, и узник счел это хорошим предзнаменованием. Вытащив кинжал, он начал ковырять полуразрушенную, осыпающуюся стену, пытаясь увеличить отверстие. Ему пришлось встать на

колени в омерзительную слизь, и змеи ползали вокруг, иногда задевая его холодными кольцами. По-видимому, именно сквозь эту дыру они проникали в темницу и покидали ее.

Сначала камень легко крошился под острием кинжала, и Гаспар, воодушевленный забрезжившей надеждой, позабыл ужас своего положения. Он не думал ни о толщине стены, ни о том, что находится за ней, но был уверен, что помещения за стеной как-то сообщаются с внешним миром.

Долгие томительные часы орудовал он кинжалом, кроша податливую стену и выгребая мусор. Через некоторое время он смог пробраться в лаз, распластавшись на животе и роя, точно трудолюбивый крот. Дюйм за дюймом беглец полз вперед.

Наконец, к его великому облегчению, рука, вооруженная кинжалом, провалилась в пустоту. Гаспар руками разгреб каменный завал, преграждавший ему выход, и выполз из дыры, с облегчением выпрямившись во весь рост.

Распрямив затекшие члены, он начал осторожно продвигаться вперед. Сейчас он находился в узком коридоре или туннеле и, вытянув руки, мог коснуться его противоположных стен. Пол постепенно понижался, а вода стала доходить ему сначала до колен, потом — до пояса. Возможно, это был подземный ход, выводивший за стены замка, и его обвалившаяся крыша преградила сток подземным водам.

Гаспар с испугом подумал о том, не променял ли он камеру, которую делил со скелетом, на еще худшую участь. Окружавшую его тьму по-прежнему не нарушал ни единый отблеск света, а струя воздуха несла с собой ощутимый запах плесени.

Время от времени касаясь стены туннеля, пол которого продолжал понижаться, юноша нащупал поворот направо. Это походило на вход в перпендикулярную галерею, чей затопленный пол был, по крайней мере, ровным и не углублялся в отвратительную стоячую воду. Бредя по ней наощупь, Гаспар споткнулся о первую ступеньку ведущей наверх лестницы и вскоре очутился на сухой каменной плите.

Ступеньки, узкие, разбитые, искрошенные временем, нескончаемой спиралью вились в погруженных во мрак недрах Илурни. Воздух здесь оказался душным и спертым, точно в могиле,— очевидно, воздушный поток, выведший

Гаспара из камеры, веял не отсюда. Беглец не знал, куда его приведет лестница, но настойчиво карабкался вверх, лишь изредка останавливаясь, чтобы отдышаться, и со стоном втягивая легкими затхлый воздух.

Наконец он уловил загадочный приглушенный звук, казалось, где-то над его головой рушатся огромные каменные глыбы. Этот звук показался беглецу невыразимо грозным; он мерно сотрясал стены вокруг Гаспара и зловещей дрожью отдавался в ступенях, по которым тот шагал.

Теперь беглец поднимался с удвоенной осторожностью, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Повторяющийся грохот стал еще более пугающим, казалось, теперь он раздается над самой головой, и юноша замер, не решаясь продолжить свой путь. Неожиданно звук исчез, сменившись напряженной звенящей тишиной.

Мучимый зловещими предположениями, Гаспар наконец осмелился продолжить подъем. И снова в глухой тишине раздался звук: неясное пение множества голосов, в чьей мрачной песне постепенно прорезались ноты злобного торжества. Еще прежде, чем юноша расслышал слова, его заставил содрогнуться могучий ритм, затихавший и вновь ускорявшийся, словно биение какого-то гигантского сердца.

Лестница повернула в сотый раз, и глаза беглеца ослепило сияние, лившееся откуда-то сверху. Зловещий хор встретил его мощным разливом, в котором он узнал могущественное заклинание, используемое лишь для самых пагубных целей. Сделав последние шаги, он понял, что действо происходило в развалинах главного здания замка.

Лестница привела Гаспара в дальний угол огромного зала, откуда можно было разглядеть немыслимое творение Натери. Разрушенный зал был окутан таинственной дымкой, в которой лунный свет мешался с красноватыми отблесками пламени.

На мгновение Гаспар поразился потокам лунного света, заливавшим развалины. Затем он увидел, что внутренняя стена, огибающая дворик, почти целиком снесена. Именно падение огромных глыб, из которых она была построена, оказалось тем пугающим звуком, который он слышал, поднимаясь по лестнице. Кровь застыла у юноши в жилах, когда бывший ученик колдуна понял, с какой целью разрушена стена.

Вероятно, с момента его пленения прошел день и часть ночи, ибо луна снова стояла высоко в небе. Огромные чаны больше не испускали странного искрящегося света. Роскошное ложе, на котором Гаспар видел умирающего карлика, скрыл от взгляда дым жаровен и кадильниц. Десять учеников колдуна, одетые в черные и алые одежды, совершали какой-то ужасный обряд, сопровождая его зловещим размеренным речитативом.

Онемев от страха, Гаспар смотрел на колосса, неподвижно лежавшего на полу. Это дьявольское творение теперь ничуть не напоминало скелет, его руки бугрились могучими мышцами, бока напоминали несокрушимые стены, а каждый из кулаков был размером с мельничный жернов. Но лицо, повернутое в профиль, оказалось лицом Натери, чья мощь теперь тысячекратно увеличилась.

Огромная грудь медленно вздымалась и опадала, и, когда торжественное пение на мгновение стихло, Гаспар различил звук могучего дыхания. Глаза великана еще были закрыты, но веки порой вздрагивали, точно огромные занавеси, колеблемые ветерком. Откинутая рука беспокойно подергивалась на каменном полу.

Юношу объял невыносимый ужас, но даже он не смог бы заставить Гаспара вернуться в омерзительный подвал, из которого он бежал. Дрожа, он выбрался из угла, стараясь не покидать полосу густой тени, отбрасываемую стеной замка.

Сквозь густые клубы пара он разглядел ложе, на котором покоилось сморщенное тело Натери. Казалось, карлик умер или впал в предсмертное забытье. Хор голосов, поющих заклинание, ликующе зазвенел, пары заклубились, словно обвивающие волшебника змеиные кольца, и вся картина вновь скрылась из глаз.

Гаспар чувствовал, что все вокруг пронизано торжествующим злом. Переселение души, пробужденной святотатственным обрядом к новой жизни, вот-вот должно было свершиться. Лежащий на полу великан шевельнулся, точно ворочаясь в полудреме.

Вскоре огромная туша, поднявшись, заслонила от Гаспара поющих колдунов, и тогда юноша бросился бежать. Никем не замеченный и не преследуемый, он достиг двора, потом, не оглядываясь, понесся по крутому каменистому склону, торопясь скорее покинуть Илурни.

Глава 7
ПРИШЕСТВИЕ КОЛОССА

Ужас, вызванный исходом мертвых из могил, еще царил повсюду. Казалось, зловещая тень накрыла своими черными крыльями весь Аверуан. Небо посылало странные и гибельные знамения: за восточными холмами падали метеоры с огненными хвостами, далеко на юге появилась комета, смущая умы пророчеством неслыханных бедствий. Днем воздух казался тяжелым и душным, грозовые облака громоздились на горизонте, словно осаждающая Аверуан армия. Скот поразила странная болезнь, в которой винили колдунов. Тяжелые предчувствия охватили души людей...

Но до тех пор, пока гроза не разразилась, никто, кроме Гаспара дю Норда, не догадывался, что она собой представляет. А Гаспар без оглядки бежал в сторону Вийона, каждую минуту ожидая услышать за спиной шаги гигантского преследователя. Он не останавливался в деревнях и городках, лежавших вдоль его пути, чтобы предупредить людей об угрозе. Да и в самом деле, где они могли бы укрыться от дьявольского творения колдуна, если тому вздумается обрушить на них свою ярость?

Всю ночь и весь следующий день Гаспар дю Норд, как сумасшедший, бежал по лесу. Клоняшаяся к западу луна светила ему в глаза, выглядывая из-за стволов, и наконец беглеца обогнали бледные лучи рассвета. Наступивший день окутал его белесой духотой, и корка засохшей грязи, покрывавшая его лохмотья, вновь размокла от пота. Но он не останавливался, пытаясь убежать от нависшего над ним кошмара, а в его голове начал зарождаться смутный, почти безнадежный план.

Тем временем несколько монахов цистерцианского братства, наблюдавшие за серыми стенами Илурни, стали первыми после Гаспара, кто увидел ужасное чудовище. Возможно, охваченные ужасом святые братья кое-что преувеличили в своем рассказе, но они клялись, что, когда гигант поднялся, руины замка не доставали ему даже до пояса, а вокруг него взвились огромные языки пламени и заклубился черный дым. Голова гиганта доставала до вер-

шины донжона, а вытянутая правая рука заслоняла встающее солнце.

Монахи пали на колени, решив, что это сам Сатана вышел из ада. Затем через обширную долину до них донеслись раскаты дьявольского смеха, и великан, одним махом перешагнув через осыпавшийся ров, начал спускаться по крутому скалистому склону.

Когда он приблизился, монахи смогли различить черты его огромного лица, искаженного злобой... Волосы нечесаными космами падали ему на спину, кожа была мертвенно-бледной, но под ней бугрились могучие, как у титана, мускулы. Выпученные глаза горели неистовым пламенем.

Ужасная весть мгновенно облетела весь монастырь. Многие братья, считая осмотрительность главной из добродетелей, укрылись в каменных подвалах. Другие забились в свои кельи, бормоча бессвязные молитвы сразу всем святым. Третьи же, наиболее мужественные, собрались в часовне и преклонили колени перед деревянной фигурой Христа.

Лишь Бернар и Стефан, успевшие оправиться от побоев, отважились наблюдать за перемещения колосса. Их ужас невыразимо возрос, когда они обнаружили в его чертах несомненное сходство с лицом Натери, а смех великана, спускавшегося в долину, казался отзвуком мерзкого хохота, сопровождавшего их изгнание из замка. Однако перепуганные монахи сочли, что мерзкий гном был демоном, и сейчас лишь принял свой истинный вид.

Перебравшись через долину, колосс остановился напротив монастыря и принялся злобно разглядывать его. Затем он вновь расхохотался, и смех его был подобен грохоту обвала. Он поднял пригоршню огромных валунов и принялся забрасывать ими монастырь. Валуны обрушились на каменные стены, точно снаряды, выпущенные из гигантских катапульт, но прочное здание устояло.

Тогда колосс расшатал здоровенную скалу, видневшуюся на склоне холма, и, подняв ее обеими руками, обрушил на препятствие. Громадная глыба развалила стену часовни, и от тех, кто там собрался, осталось только кровавое месиво.

Затем, точно считая охоту на столь мелкую дичь ниже своего достоинства, колосс оставил монастырь в покое и громадными шагами направился вниз по долине.

Бернар и Стефан, все это время наблюдавшие за ним в окно, увидели то, чего раньше не замечали: за плечами гиганта была привешена на веревке огромная корзина, в которой, как куклы в сумке бродячего комедианта, сидели десять человек — ученики и помощники Натери.

О странствиях колосса по Аверуану впоследствии ходили бесчисленные легенды — ведь ничего подобного прежде не случалось на памяти людской.

Пастухи, пасущие свои стада на холмах, при его приближении разбегались вместе со своими питомцами, чтобы не быть походя растоптанными громадной ступней. Пройдя вдоль ручья, дававшего начало реке Исуаль, колосс вышел к границам леса и здесь выдрал с корнем вековую сосну, из которой сделал себе дубину. Этой дубиной он превратил в развалины часовню, стоявшую на краю леса, затем промчался по небольшому селу, как ураган, срывая с домов крыши, круша стены и давя ногами беспомощных жителей.

Так он бродил целый день, охваченный жаждой разрушения. Заслышав его издали, волки бросали затравленную добычу и, скуля, прятались в логова. По всему Аверуану тоскливо выли испуганные псы.

Люди, издали слыша громовой хохот и рев, разбегались в панике.

Хозяева укрепленных замков собирали своих вассалов, поднимали подвесные мосты и готовились к осаде. Крестьяне забивались в пещеры, погреба, в высохшие колодцы. Кое-кто в ужасе зарывался в стога сена, надеясь, что гигант не заметит их и пройдет стороной. Церкви были переполнены беженцами, уповающими на защиту Всевышнего.

Голосом оглушительным, точно летний гром, колосс изрыгал чудовищные проклятия и непристойности.

Люди слышали, как он обращался к группке людей, которых он нес за спиной в огромной дощатой корзине, менторским тоном, точно учитель, разговаривающий со своими учениками. Люди, помнившие Натери, уловили в чертах громадного лица немыслимое сходство со сбежавшим колдуном. По округе распространился слух, что отвратительный карлик, заключив сделку с дьяволом, вселил свою душу в это огромное тело и вернулся, чтобы излить на весь мир переполнявшую его злобу. Немало было толков и о том, откуда взялось новое воплощение Натери.

Было бы слишком утомительно перечислять подробности его богомерзких деяний. Он пронесся по Аверуану, подобно разрушительному смерчу, и не существовало такой мерзости и жестокости, которую бы он ни совершил. Говорят, что он ловил людей, пытавшихся бежать от него, и отрывал им руки и ноги, как ребенок отрывает крылья мухам.

Многие очевидцы рассказывали о том, как гигант расправился с Пьером, хозяином замка Ла Френэ, отправившимся со своими людьми и собаками поохотиться на оленей. Настигнув всадника, он сгреб его вместе с лошадью и, перешагивая через вершины деревьев, отнес к замку Ла Френэ, где с размаха, швырнул о гранитную стену. Затем, поймав оленя, которого преследовал несчастный Пьер, отправил его следом. Огромные кровавые пятна были еще долго видны на камнях, пока осенние дожди и зимние снега не смыли их.

С особым азартом расходившийся колосс осквернял христианские святыни: ходили слухи о статуе Пресвятой Девы, которую он сбросил в воды Исуали, привязав к ней тело повешенного преступника; о полусгнивших трупах, которые он выкопал из могил и забросил во двор бенедиктинского монастыря; о церкви святого Зиновия, которую он вместе с клиром и прихожанами завалил горой нечистот, разорив для этого навозные кучи всех окрестных деревень.

Глава 8
ПАДЕНИЕ КОЛОССА

Гигант шатался по всему Аверуану зигзагами, точно пьяный, оставляя за собой разоренный край, разрушенные деревни и вытоптанные нивы. И даже когда солнце, покрасневшее от стелющегося над землей дыма, уходило за горизонт, люди могли видеть во мраке огромную черную фигуру и слышать раскаты громового хохота.

Приблизившись к воротам Вийона на закате, Гаспар дю Норд увидел за своей спиной голову и плечи великана, возвышавшиеся над макушками вековых деревьев. Гигант двигался вниз по течению Исуали, время от времени на-

клоняясь, должно быть, для того, чтобы пришибить какого-нибудь бедолагу.

Гаспар попытался ускорить шаги, хотя и был совершенно измучен.

Однако он не думал, что чудовище вторгнется в Вийон раньше следующего утра. Несомненно, душа Натери, живущая теперь в этом колоссальном теле, отложит месть до утра, чтобы иметь возможность насладиться ею сполна, а ночью продолжит терроризировать окрестные села.

Несмотря на то, что костюм Гаспара превратился в грязные лохмотья, а испачканное лицо стало почти неузнаваемым, стражники пропустили юношу в ворота без лишних расспросов.

Вийон уже был наводнен людьми, бежавшими под защиту спасительных городских стен, и ни одной, даже самой сомнительной личности, не было отказано в приюте. На городских стенах стояли солдаты с луками в руках, готовые преградить дорогу гиганту. Арбалетчики разместились над воротами, а вокруг бастионов были расставлены баллисты Город бурлил и гудел, точно растревоженный улей.

На улицах Вийона царили паника и неразбериха. Бледные растрепанные женщины бесцельно метались по городу, слышался детский плач, мычание и блеяние скотины, спешно согнанной под защиту городских укреплений. Сделанные наспех факелы мрачно коптили в сумерках, сгущавшихся так стремительно, словно на город уже упала зловещая тень. С трудом прокладывая себе дорогу через царящий на улицах хаос, Гаспар пробирался к своей мансарде, подобно измученному, но упорному пловцу, который до последнего вздоха продолжает бороться с волнами.

Войдя в дверь, он немедленно повалился на свое узкое ложе и заснул непробудным сном. Его разбудило бледное сияние луны, льющееся сквозь незавешенное окно. Гаспар встал и провел остаток ночи в неких таинственных приготовлениях, которые считал единственной возможностью одолеть чудовище, созданное и оживленное злой волей Натери.

Лихорадочно работая в свете заходящей луны и последней своей свечи, юноша собрал различные снадобья и смешал их в темно-серый порошок, который, будучи всыпан в ноздри мертвецов, заставлял их вернуться в могилы

и заснуть вечным сном. Он приготовил внушительное количество порошка, здраво рассудив, что для того, чтобы справиться с гигантом, одной щепотки будет недостаточно. Огонек свечи почти исчез в лучах встающего солнца, когда Гаспар закончил читать заклинание, которое должно было усилить действие порошка. Он не слишком охотно использовал эту формулу, взывавшую к помощи Аластора, но другого выхода не было, ибо клин, как известно, вышибают клином, а с колдовскими чарами борются лишь с помощью более сильных чар.

Новый день принес новые страхи вийонским обывателям. Гаспар чувствовал, что мстительный великан, который всю ночь кружил по Аверуану, утром приблизится к ненавистному городу. Его предчувствие оправдалось, ибо едва юноша закончил работу, с улицы донесся нарастающий гул, испуганные крики и далекий рев гиганта.

Гаспар знал, что ему нельзя терять ни минуты, если он хочет найти удобное место, откуда можно будет всыпать порошок в ноздри стофутового колосса. Городские стены и большинство церковных шпилей были недостаточно высоки для этого, и после недолгого размышления Гаспар решил, что собор, стоящий на главной площади Вийона, будет единственным подходящим зданием. Юноша был уверен, что солдаты вряд ли смогут надолго задержать чудище. Ни одно земное оружие не может нанести ему сколько-нибудь серьезных ран. ведь ожившего мертвеца нельзя остановить, даже с головы до ног утыкав стрелами или пронзив дюжиной пик.

В страшной спешке юноша наполнил порошком вместительный кожаный кошель и, повесив его на пояс, присоединился к взволнованной толпе на улицах. Многие спешили к собору, надеясь найти убежище в его священных стенах, и Гаспару оставалось лишь плыть по воле неистовствующего людского потока.

Неф собора был заполнен верующими, и священники, чьи голоса время от времени срывались от тщательно скрываемого страха, служили торжественные мессы. Не замеченный измученной и отчаявшейся толпой Гаспар нашел головокружительную винтовую лестницу, ведущую на крышу главной башни.

Здесь он и устроился, затаившись за фигурой каменного грифона. Со своего места он мог видеть приближение ве-

ликана, чьи голова и плечи возвышались над городскими стенами и башнями. Тучи стрел летели навстречу чудовищу, но оно не останавливалось, даже для того, чтобы отмахнуться от них. Камни, выпущенные из баллист, не произвели на колосса никакого действия, а тяжелые арбалетные болты, засевшие в его плоти, казались гиганту всего лишь занозами. Достигнув городской стены, он взмахнул огромной дубиной, сшибая с нее крошечные человеческие фигурки, а затем, не спеша, перелез через нее и очутился в Вийоне.

Рыча и заливаясь ликующим хохотом, он несся по узким улочкам, безжалостно топча всех, кто не успел скрыться с его пути, и разрушая крыши домов могучими ударами дубины. Одним взмахом руки он проламывал крышу или сшибал церковную колокольню, заставляя колокола заходиться жалобным звоном. Отчаянные вопли и стоны отмечали его путь по городу.

Затем колосс подошел к собору, разглядывая величественное здание налитыми кровью глазами. Вскоре он навис над соборной башней, где поджидал его спрятавшийся Гаспар. Голова великана была вровень с вершиной башни, глаза неистово сверкали, а губы изгибались в плотоядной ухмылке. Голосом, похожим на раскаты грома, он воскликнул:

— Эй вы, верные овцы бессильного Бога! Выходите и кланяйтесь великому Натери, или отправитесь прямиком в ад!

Но тут Гаспар показался из-за своего укрытия и встал на виду у бушующего колосса.

— Поди-ка сюда, Натери, если это и вправду ты,— дерзко выкрикнул юноша.— Подойди ближе, ибо я хочу потолковать с тобой.

Выражение безумной ярости сменилось на лице великана неописуемым изумлением. Глядя на Гаспара, точно завороженный, он медленно опустил дубину и наклонился к башне, пока его лицо не оказалось всего в нескольких футах от бесстрашного юноши. Затем, убедившись, что перед ним и впрямь Гаспар, чудовище вновь взревело от ярости. Огромная рука потянулась к Гаспару, грозя стереть его в порошок.

— Ты ли это, Гаспар, мой малодушный ученик? — оглушительно прорычал колосс.— Я же оставил тебя гнить в

подземельях Илурни, а теперь встречаю на крыше этого проклятого собора! Тебе следовало остаться там, куда я тебя бросил,— возможно, тогда ты прожил бы чуть подольше!

Трясущимися пальцами Гаспар отвязал от пояса кошель с порошком, и, когда огромная рука нависла над его головой, вытряхнул его содержимое прямо в лицо гиганту. Злобно ухмыляющиеся губы на мгновение исчезли в сером облаке. Через мгновение неистовый блеск в его глазах потух, гигантская рука безжизненно повисла. С грохотом выронив дубину, колосс развернулся и побрел назад по разоренному городу.

Шагая, он что-то сонно бормотал себе под нос, и люди, слышавшие его, клялись, что его голос больше не был похож на голос Натери, теперь в нем слышался гул и ропот множества голосов. А голос самого колдуна, ничуть не более громкий, чем он был при жизни, время от времени пробивался сквозь этот хор, точно сердито возражая кому-то.

Перебравшись через стену, колосс бродил в округе на протяжении долгих часов, и многие полагали, что он разыскивает те могилы, из которых были подняты составлявшие его тела затем начал раскапывать глинистый холм, возвышавшийся над берегом реки. Выкопав в желтой глине огромную яму, он рухнул, придавив собой корзину, в которой сидели его ученики, и затих.

Еще много дней никто не осмеливался приблизиться к этому месту, и гигантский труп гнил под летним солнцем, порождая чудовищное зловоние. А те, кто решился подойти к нему наступившей осенью, когда запах ослабел, утверждали, что слышали исходивший от огромной туши голос Натери, который чем-то возмущался.

Что же касается Гаспара дю Норда, спасшего Вийон, то он дожил до преклонных лет, окруженный всеобщим уважением, и был единственным в тех краях колдуном, чья деятельность ни разу не вызвала неудовольствия церкви.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

До нескольких весьма прискорбных и скандальных происшествий, случившихся в 1550 году, огороды в Перигоне были расположены на юго-восточной стороне аббатства. После этих событий их перенесли на северо-запад, где они находились до сих пор, а прежнее место заросло бурьяном и шиповником, которые, по строгому приказу сменявших друг друга аббатов, никто никогда не пытался выполоть.

Происшествие, вызвавшее перенос морковных грядок, превратились в Аверуане в народное предание. Сейчас уже трудно сказать, сколько в этой истории правды, а сколько — вымысла.

Однажды апрельским утром три монаха вскапывали огород. Их звали Поль, Пьер и Яг. Первый был зрелым и сильным мужчиной; второй только входил в пору расцвета; третий — почти мальчик, который лишь недавно принял монашеский обет.

Яг вскапывал глинистую почву усерднее и прилежнее своих товарищей. Благодаря заботам многих поколений монахов в огороде почти не попадалось камней, но вскоре лопата Яга звякнула, задев какой-то твердый предмет.

Он решил, что это небольшой валун, который необходимо, к вящей славе Господней, убрать из монастырского огорода. С воодушевлением взявшись за дело, он начал углублять яму, отбрасывая влажную землю в сторону. За-

дача, однако, оказалась не из легких, а предполагаемый валун, постепенно обнажаясь, начал обнаруживать весьма странные очертания. Забыв про свою работу, Пьер и Поль пришли на помощь своему товарищу. Благодаря их объединенным напряженным усилиям вскоре стало ясно, что представляет собой этот предмет.

В огромной яме, которую вырыли монах, оказались вымазанные землей голова и туловище мраморной женщины. Бледный камень плеч и рук был очищен от грязи в тех местах, где его задели их лопаты, но лицо и грудь оставались облеплены затвердевшей землей.

Фигура стояла прямо, словно на каком-то невидимом пьедестале. Одна рука чуть приподнята, будто в попытке прикрыть прелестную грудь, вторая, свободно свисавшая, была еще погружена в землю. Раскапывая дальше, монахи вскоре освободили пышные ягодицы и округлые бедра, и, наконец, дошли до вкопанной в землю гранитной плиты, служившей пьедесталом.

Во время своих раскопок святые братья почувствовали странное томление, причину которого едва ли могли бы объяснить, но которое, казалось, исходило от рук и груди изваяния, так долго находившегося в земле. Это было неизъяснимое наслаждение, смешанное с благочестивым ужасом, наслаждение, которое три монаха могли бы счесть низким и порочным, если бы знали, что это такое.

Опасаясь повредить мрамор, они орудовали лопатами с большой осторожностью, и когда наконец раскопки были закончены и взгляду предстали восхитительные ступни статуи, Поль, самый старший, начал пучками травы стирать землю, все еще покрывавшую ее прекрасное тело. Избавив статую от земляной корки, он в довершение вытер ее подолом и рукавами своей рясы.

Трое монахов, обладавшие некоторыми познаниями в античной истории, поняли, что скульптура была, по всей видимости, статуей Венеры, восходящей к эпохе завоевания Аверуана римлянами, которые воздвигли здесь несколько алтарей этой богини.

Ни превратности истории, ни долгие века заточения в земле не нанесли вреда чудесному мрамору . Небольшие повреждения, казалось, лишь подчеркивали ее прелесть.

Статуя казалась безупречной, но ее совершенство несло на себе безошибочно узнаваемую печать зла. Формы ее фигуры были преисполнены сладострастия. На полном лице Цирцеи играла манящая улыбка, но каким-то образом пухлые губы одновременно складывались в недовольную гримасу. Шедевр неизвестного скульптора — богиня прелестная и соблазнительная, властная и коварная.

Запретное очарование, казалось, исходило от белого мрамора и обвивалось, точно лиана, вокруг сердец святых братьев. С внезапным чувством стыда они вдруг вспомнили о своих монашеских обетах и заспорили о том, что делать с Венерой, которая казалась несколько неуместной на монастырском огороде. После коротких пререканий Яг отправился к настоятелю, чтобы доложить ему о находке и получить его указания. Тем временем Поль и Пьер возобновили свои прерванные труды, время от времени бросая взгляды на языческую богиню.

Настоятель монастыря, преподобный Августин, тотчас пришел в огород в сопровождении всех монахов, которые в этот час были свободны от работы. С постной миной, не проронив ни слова, он принялся рассматривать статую, а его спутники застыли в ожидании, не осмеливаясь высказать свое мнение до того, как выскажется настоятель.

Даже праведный Августин, однако, несмотря на свой возраст и суровый нрав, был несколько смущен чарами, исходившими от мраморной фигуры. Он ничем не выдал этого и держался даже строже, чем всегда. Он велел принести веревки и поднять Венеру, поставив ее на траву рядом с ямой. Чтобы справиться с этой задачей, Полю, Пьеру и Ягу понадобилась помощь еще двоих монахов.

Многие монахи устремились вперед, а некоторые даже порывались дотронуться до статуи, пока настоятель не сделал им строгий выговор за любопытство. Несколько старых святош называли статую языческой гадостью и настаивали на том, чтобы немедленно ее разбить. Другие, более практичные, замечали, что Венера вполне может быть продана за внушительную цену какому-нибудь богатому ценителю искусства.

Августин, хотя и полагал статую гнусным языческим идолом, медлил с решением, как будто прекрасная мраморная женщина молила его о пощаде голосом наполови-

ну человеческим, наполовину божественным. Отводя глаза от белоснежной груди, он решительно приказал братьям вернуться к трудам и молитвам, упомянув о том, что Венера останется в огороде до тех пор, пока не будет принято окончательное решение. Затем он велел одному из братьев принести рогожу и прикрыть ею неподобающую наготу богини.

Находка античной статуи стала источником многих споров и распрей в тихом перигонском аббатстве. Дабы пресечь грешное любопытство, недостойное святых братьев, настоятель распорядился, чтобы к статуе не приближался никто, кроме тех, кто ухаживал за огородом. Кое-кто из церковного начальства впоследствии порицал его за проявленную слабость, которая помешала немедленно уничтожить статую, и до самой смерти старик горько сожалел о проявленной беспечности.

Однако скандал, который разразился вскоре, вряд ли мог бы присниться кому-то даже в страшном сне. На следующий день после того, как обнаружили статую, в монастыре стали происходить странные и ошеломляющие события. До тех пор нарушения дисциплины были большой редкостью среди монастырской братии, а серьезные проступки и вовсе почти неслыханными, но теперь, казалось, дух непослушания, непочтительности и грубости прочно поселился в Перигоне.

Поль, Пьер и Яг оказались первыми, на кого наложили епитимью. Потрясенный декан услышал, как они обсуждали материи, куда более подобающие болтовне светских щеголей, нежели беседе благочестивых монахов. Изнурительный пост, однако, отрезвил их, и они покаялись в том, что одержимы греховными мыслями и плотскими желаниями с того самого дня, когда извлекли из земли злополучную Венеру, и обвинили в этом статую, говоря, что их поразило языческое колдовство.

В тот же самый день еще несколько монахов были уличены в подобных прегрешениях, а все остальные на исповеди признались в том, что их одолевают греховные видения, подобные тем, которые мучили некогда святого Антония. И виновной в этом сочли статую Венеры. До вечерни было замечено еще множество нарушений устава, и некоторые были столь ужасны, что могли быть ис-

куплены лишь долгим покаянием и суровым постом. Братья, чье поведение прежде было безукоризненным, были признаны виновными в таких грехах, которые можно было объяснить лишь происками врага рода человеческого.

А хуже всего прочего было то, что Яг и Поль исчезли из своих келий, и никто не мог сказать, куда они ушли. Когда на следующий день они не вернулись, их начали разыскивать в соседней деревушке, и выяснилось, что они провели ночь в кабаке с прескверной репутацией, а на рассвете отправились в Вийон, главный город провинции. Впоследствии их задержали и вернули в монастырь, причем оба утверждали, что их падение вызвано пагубным влиянием статуи.

Ввиду беспримерного разложения, охватившего Перигон, никто не сомневался в том, что дело не обошлось без дьявольских чар. Источник этих чар был вполне очевиден. Кроме того, монахи проходившие вблизи изваяния, рассказывали странные истории. Одни клялись, что Венера была не каменным идолом, а живой женщиной, что она ухитрилась сдвинуть складки мешковины, так что стали видны ее плечо и прекрасная грудь. Другие божились, что ночью она разгуливала по саду, а третьи утверждали даже, что это суккуб, являвшийся им во сне.

Эти истории вызвали страх и тревогу, и никто не решался подойти к изваянию. Хотя ситуация была в высшей степени скандальной, настоятель все еще воздерживался от приказания разбить статую, боясь, что любой монах, прикоснувшийся к языческой богине, может стать жертвой ее пагубных чар.

Было, однако, решено нанять какого-нибудь мирянина для того, чтобы разбить идола и закопать осколки где-нибудь подальше. И эта задача, несомненно, была бы выполнена, не помешай этому чрезмерное благочестие брата Луи.

Этот святой брат, прекрасный как Адонис, выделялся среди бенедиктинцев своим крайним аскетизмом. Он предавался бесконечным молитвам и строго постился, превосходя в этом даже настоятеля и деканов.

В час, когда выкопали статую, он трудился в поте лица, переписывая Евангелие, и ни тогда, ни позже не удостоил ни единым взглядом подозрительную находку. Выслуши-

вая от своих товарищей рассказы об этом открытии, он сурово порицал их и, полагая, что монастырский сад осквернен присутствием обнаженной богини, избегал приближаться к окнам, выходившим в ту сторону.

Когда развращающее действие статуи на святых братьев стало очевидным, Луи вознегодовал. Он открыто осуждал колебания отца Августина, медлившего с разрушением злокозненного идола, предрекая новые несчастья, если статуя останется цела.

Можно себе представить, какой переполох царил в Перигоне, когда на четвертый день после находки статуи обнаружилось, что брат Луи исчез. Его постель была не смята, но казалось невозможным, что он мог покинуть монастырь ночью, поддавшись тем же греховным побуждениям, которые погубили Поля и Яга.

Расспросив монахов, настоятель выяснил, что в последний раз Луи видели возле монастырской мастерской. Это показалось странным. Немедленно пошли в мастерскую, и монастырский кузнец обнаружил, что не хватает самого тяжелого молота.

Вывод напрашивался сам собой: Луи, охваченный праведным гневом, вышел, чтобы разрушить губительное изваяние.

Отец Августин и святые братья, сопровождавшие его, немедленно направились в сад. Там они столкнулись с садовниками, которые, заметив, что статуя больше не возвышается рядом с ямой, спешили к настоятелю, чтобы доложить ему об этом. Они не осмелились сами выяснять, куда она исчезла, твердо решив, что богиня ожила и бродит где-то в саду.

Воодушевленные своей многочисленностью, собравшиеся монахи приблизились к яме. У ее края они увидели пропавший молот. Рядом валялась дерюга, которой было закрыто изваяние, но нигде не было осколков мрамора, которые они ожидали увидеть. Следы Луи четко отпечатались на краю ямы.

Все это показалось монахам странным и зловещим. Заглянув в яму, они увидели картину, которую могли объяснить лишь кознями Сатаны.

Каким-то образом Венера перевернулась и упала назад в яму. Раздавленное тело брата Луи лежало под ее мра-

морной грудью. Его лицо превратилось в кровавое месиво, а руки сомкнулись вокруг статуи в отчаянном объятии, и смерть сделала это объятие еще более крепким. Еще страшнее было то, что каменные руки Венеры тоже обнимали мертвого монаха, как будто два неподвижных тела сплелись на ложе страсти!

Ужас, охвативший святых братьев, был безграничен. Некоторые чуть было не убежали с проклятого места, но отец Августин удержал их. Он потребовал принести крест и святую воду, а также лестницу, чтобы спуститься в яму, сказав, что не подобает оставлять тело брата Луи в объятиях мраморного демона. Молот, лежащий рядом с ямой, служил доказательством благочестивых намерений, с которыми Луи шел к статуе, но было очевидно, что он все-таки поддался дьявольским козням. Тем не менее церковь не могла оставить его без достойного погребения.

Когда лестницу принесли, настоятель первым спустился в яму. За ним последовало трое самых отважных братьев. Относительно того, что произошло потом, легенды слегка расходятся во мнениях. Некоторые гласят, что святая вода не возымела никакого действия, другие рассказывают, что, коснувшись мраморного тела Венеры, ее капли превратились в дым, а плоть Луи почернела и распалась, как у полуразложившегося трупа. Но все рассказчики сходятся в том, что три могучих монаха, объединивших свои силы, тщетно пытались разжать мраморные объятия богини и освободить ее добычу.

По приказанию испуганного отца Августина яму поспешно засыпали, а то место, где она находилась, заросло травой и бурьяном вместе со всем заброшенным садом.

КОЛДУНЬЯ ИЗ СИЛЕРА

— Простофиля несчастный! Я ни за что не выйду за тебя замуж,— объявила Ансельму Доротея, единственная дочь сира де Флеше, надув вишневые, как спелые ягоды, губки. Ее голос был словно мед, но за его приторной сладостью скрывалось пчелиное жало.

— Не так уж ты и уродлив. И манеры у тебя неплохие. Очень жаль, что у меня нет зеркала, которое могло бы показать тебе, какой ты болван!

— Но почему? — спросил Ансельм, уязвленный и пораженный до глубины души.

— Потому что ты всего лишь безмозглый мечтатель, закопавшийся в книги, точно монах. Ты любишь лишь свои глупые рыцарские романы и легенды. Говорят, что ты даже пишешь стихи. Большая удача, что ты второй сын графа де Фрамбузье,— ибо тебе никогда не стать кем-то большим.

— Но вчера мне казалось, что вы меня чуть-чуть любите,— произнес Ансельм с горечью.— Женщина не видит ничего хорошего в мужчине, которого больше не любит.

— Олух! Осел! — вскричала Доротея, высокомерно встряхнув белокурыми локонами.— Не будь ты таким, как я тебя назвала, ты никогда не напомнил бы мне о вчерашнем. Убирайся вон, идиот, и чтобы я тебя больше не видела!

* * *

Ансельм, отшельник, немного вздремнул, беспокойно ворочаясь на узком и жестком ложе. Казалось, от духоты летней ночи его слегка лихорадит.

Естественный пыл юности также подогревал его волнение. Он не хотел думать о женщинах — в особенности об одной из них. Но, даже проведя тринадцать месяцев в полном одиночестве, в самом сердце Аверуанского леса, он все еще не мог выкинуть ее из головы. Насмешки, которыми осыпала его Доротея де Флеше, были жестокими, но еще мучительнее были воспоминания о ее красоте: пухлых губках, округлых руках и тонкой талии, о ее высокой груди и девичьих бедрах, которые не приобрели еще зрелой округлости форм.

Когда ему удавалось задремать, его одолевали многочисленные видения, принося с собой рой других образов, прекрасных, но безымянных.

Юный отшельник поднялся на рассвете, измученный, но не успокоенный. Он решил, что купание в заводи реки Исуаль, скрытой в ивовых и ольховых зарослях, поможет ему освежить голову. Вода, восхитительно прохладная в этот утренний час, успокоит его томление.

Ему защипало глаза, когда из темной хижины он вышел в золотистую утреннюю дымку. Мысли его витали где-то далеко, все еще исполненные волнения. Правильно ли он поступил, удалившись от мира, оставив друзей и семью, став отшельником, и все из-за немилости какой-то девчонки? Он не пытался лгать себе, что стал затворником из-за стремления к святости, которая поддерживала других отшельников в испытаниях. Не усугублял ли он, живя в одиночестве, свой недуг, который надеялся исцелить?

Возможно, пришла к нему запоздалая мысль, он действительно выставил себя бесплодным мечтателем и праздным глупцом, в чем его и обвинила Доротея. Непростительной слабостью было бежать в леса из-за разочарования в любви.

Ансельм брел с потупленным взором, пока не оказался среди зарослей тальника, окаймлявших заводь. Не поднимая глаз, он раздвинул молодые кусты и собрался сбро-

сить с себя одежду, но раздавшийся поблизости плеск воды пробудил его от задумчивости.

С легким испугом Ансельм осознал, что в заводи уже кто-то купается, и, что напугало его еще больше, это была женщина. Стоя посереди заводи, она плескалась до тех пор, пока по воде не пошли волны, доставшие ей до груди. Влажная кожа поблескивала на солнце, как лепестки белой розы в капельках росы.

Испуг юноши перешел в любопытство, а затем в невольное восхищение. Он твердил себе, что надо уйти, но опасался испугать купальщицу резким движением. Склонившись так, что ему были видны изящный профиль и прелестное плечо, она не замечала его присутствия.

Обнаженная женщина, тем более женщина молодая и красивая, была тем зрелищем, которое он хотел бы видеть в последнюю очередь. И все же он не мог отвести от нее глаз. Она была ему незнакома, и он понял, что это не какая-то из деревенских девушек, живущих поблизости. Незнакомка была прекрасна, и весь облик ее говорил о благородстве происхождения. Но, несомненно, ни одна знатная дама или девица не стала бы в одиночестве купаться в лесной заводи.

Вьющиеся каштановые волосы, перехваченные серебристой лентой, тяжелой волной ниспадали на плечи, отливая золотом в лучах рассветного солнца. Обвивающая ее шею тоненькая золотая цепочка, казалось, отражала блеск волос, пританцовывая на груди, пока купальщица играла с волнами.

Молодой отшельник замер, точно зачарованный. Сердце его забилось сильнее, отвечая на властный призыв ее красоты.

Утомленная своей игрой, красавица повернулась к нему спиной и двинулась к противоположному берегу, где, как только что заметил Ансельм, на траве лежали женские одеяния. Она медленно выходила из воды, демонстрируя формы, достойные Венеры.

Затем он заметил неподалеку огромного волка, который, крадучись точно тень, появился из зарослей и подобрался к ее одежде. Ансельму никогда прежде не приходилось видеть таких крупных волков. Ему вспомнились многочисленные истории об оборотнях, которыми будто

бы кишел этот лес, и его тревога мгновенно сменилась ужасом. Блестящий мех зверя был черным с голубоватым отливом, и сам он казался намного крупнее обычных серых волков. Припав к земле, хищник поджидал женщину, подходившую к берегу.

«Еще миг,— подумал Ансельм,— и она заметит опасность и закричит от ужаса». Но она продолжала идти дальше, задумчиво склонив голову.

— Берегитесь! — крикнул он странно громким голосом, нарушившим волшебную тишину. Как только слова сорвались с его губ, волк исчез среди дубов и буков. Обернувшись, женщина улыбнулась Ансельму, и он увидел ее овальное лицо со слегка раскосыми глазами и губами пунцовыми, точно зерна граната. Она не казалась ни напуганной волком, ни смущенной присутствием Ансельма.

— Я не боюсь,— произнесла она теплым звучным голосом.— Одинокий волк вряд ли нападет на меня.

— Но, возможно, где-то поблизости бродят его товарищи,— не сдавался Ансельм.— И другие опасности могут подстерегать того, кто бродит по Аверуанскому лесу один. Когда вы оденетесь, я с вашего позволения провожу вас до дома, неважно, далеко или близко он находится.

— Мой дом находится близко и в то же время далеко,— ответила дама загадочно.— Но ты можешь прогуляться со мной, если, конечно, хочешь.

Красавица занялась своей одеждой, а Ансельм на несколько шагов углубился в ольховые заросли и занялся вырезанием толстой дубины, чтобы отбиваться от диких зверей или других противников. Странное, но восхитительное волнение овладело им, и он несколько раз чуть было не порезался своим ножом. Женоненавистничество, побудившее его укрыться от всех в лесном убежище, стало казаться глупым ребячеством. Он позволил себе оскорбиться насмешкой избалованной девчонки слишком сильно и слишком надолго.

К тому времени, как дубина была готова, дама уже закончила свой туалет. Незнакомка вышла ему навстречу, покачиваясь, как ламия. Корсаж цвета зеленых яблок тесно охватывал ее стан. Пурпурное бархатное платье, украшенное лазурью и кармином, подчеркивало очертания бедер. Маленькие ножки были обуты в изящные туфельки

из мягкой алой кожи. Ее одежда, хотя и несколько старомодная, приличествовала знатной даме или девице.

Поведение незнакомки было дружелюбным, но удерживало ее спутника на некотором расстоянии. Ансельм склонился перед ней с изысканной учтивостью, противоречившей его грубой деревенской одежде.

— Вижу, ты не всегда жил отшельником,— лукаво заметила она.

— Так вы меня знаете? — изумился Ансельм.

— Я знаю многое. Я Сефора — волшебница. Вряд ли ты слышал обо мне, ведь я живу в таком месте, которое никто не может найти, разве что я сама позволю его отыскать.

— Я не слишком сведущ в волшебстве,— признался Ансельм.— Но я вполне могу поверить в то, что вы волшебница.

Некоторое время они шли по нехоженой тропинке, углубляющейся в чащу. Отшельник никогда прежде не забредал в эти места. Нижние сучья огромных буков склонялись к самой земле. Отводя их от своей спутницы, Ансельм порой прикасался к руке или плечу красавицы. Иногда она опиралась на него, спотыкаясь на неровной дороге. Ее тяжесть казалась упоительным грузом, от которого, увы, волшебница освобождала юношу слишком быстро. Его сердце колотилось от волнения и никак не могло успокоиться.

Ансельм тут же забыл о своих прежних намерениях. Его кровь и любопытство бурлили все сильнее и сильнее. Он рассыпался в любезностях, Сефора в ответ весело дразнила его. Однако она отвечала на все его вопросы уклончиво и неопределенно. Даже ее возраст оставался для Ансельма загадкой — она казалась то юной девушкой, то зрелой женщиной.

По дороге юноша несколько раз замечал мелькавший среди подлеска черный мех. Он был уверен, что черный волк, которого он видел у заводи, следовал за ними. Но чувство опасности было притуплено тем волшебством, которое приобретало над ним все большую власть.

Тропа сделалась круче, взбираясь на густо поросший лесом холм. Затем деревья поредели, уступив место чахлым изогнутым соснам, окружающим заросшую бурым

вереском пустошь, подобную тонзуре на макушке монаха. Торфяник был усеян идолами, изваянными в незапамятные времена. В центре возвышался огромный дольмен, состоящий из двух вертикальных плит, на которых, подобно дверной притолоке, лежала третья плита. Тропинка вела прямо к дольмену.

— Вот ворота в мои владения,— объяснила Сефора, когда они подошли ближе.— Я падаю от усталости. Возьми меня на руки и пронеси под эту арку.

Ансельм с готовностью повиновался. Щеки волшебницы побледнели, а веки сомкнулись, когда он поднял ее. На мгновение ему показалось, что она лишилась чувств, но теплая рука крепко обвилась вокруг его шеи.

Ошеломленный собственным пылом, он пронес ее через дольмен. Его губы коснулись ее век, затем опустились ниже, к пламенеющим лепесткам губ, потом скользнули еще ниже. Казалось, его пыл заставил ее еще раз лишиться чувств.

Его руки и ноги обмякли, в глазах потемнело. Земля пружинила под его ногами, и внезапно они с Сефорой полетели в разверзшуюся под ногами бездну.

Подняв голову, Ансельм огляделся вокруг со все усиливающимся недоумением. Он сделал всего лишь несколько шагов, и все же трава, на которой они лежали, отличалась от выжженной солнцем пустоши. Она была по-весеннему яркой и сочной и пестрела мелкими цветами. Дубы и буки, еще огромнее, чем в знакомом ему лесу, возвышались, зеленея свежей листвой, повсюду, где он ожидал увидеть холмистую равнину. Оглянувшись назад, юноша увидел, что от прежнего пейзажа остались лишь серые, покрытые лишайником, столбы дольмена.

Даже солнце изменило свое положение. Когда они с Сефорой подошли к заросшей вереском пустоши, оно стояло довольно низко, слева от Ансельма. А сейчас оно почти касалось горизонта справа от него.

Он вспомнил, как Сефора говорила ему, что она волшебница. Случившееся подтверждало правдивость ее слов. Он взглянул на нее с нерешительностью и опасением.

— Не тревожься,— успокоила Сефора с ободряющей улыбкой.— Я же говорила тебе, что этот дольмен — ворота в мои владения. Теперь мы в стране, лежащей вне

времени и пространства, в том смысле, в котором ты привык их понимать. Но колдовство здесь ни при чем, кроме тайного знания друидов, владевших секретом этого скрытого царства и воздвигших этот портал для перехода между мирами. Если ты устанешь от меня, можешь в любое время вернуться через эти ворота. Но я надеюсь, что это случится не слишком скоро.

При этих словах Ансельм вздохнул с облегчением, хотя недоумение его и не рассеялось до конца. Он поспешил доказать, что надежда, выраженная Сефорой, была небеспочвенной. Он уверял ее в этом столь долго и пылко, что прежде чем волшебница снова отдышалась и смогла говорить, солнце зашло за горизонт.

— Становится прохладно,— заметила она, прижимаясь к своему спутнику и слегка дрожа.— Впрочем, отсюда рукой подать до моего дома.

Уже в сумерках они подошли к высокой круглой башне, возвышавшейся среди травянистых холмов.

— Когда-то,— начала рассказывать Сефора,— на этом месте красовался огромный замок. Сейчас от него осталась одна башня, и я ее владелица, последняя в моем роду. Башня и все земли вокруг называются Силер.

Высокие светильники освещали помещение, украшенное роскошными гобеленами, рисунок на которых показался Ансельму странным и непонятным. Дряхлые слуги в старинных одеждах сновали бесшумно, как призраки, относя изысканные яства и вина в просторный зал, в котором расположились волшебница и ее гость. Вина оказались восхитительны, еда была приправлена диковинными пряностями, и Ансельм воздал им должное. Все происходящее напоминало ему какой-то небывалый сон, и он принимал то, что его окружало, как принимает свое видение спящий, нимало не тревожась его странностью.

Крепкое вино ударило ему в голову, и все его чувства растворились в жарком забвении, но еще сильнее опьяняла его близость Сефоры.

Однако юноша удивился, когда черный волк, который был утром на берегу пруда, вбежал в зал и начал тереться о ноги хозяйки, словно верный пес.

— Как видишь, он довольно смирный,— сказала она, бросая волку куски мяса со своей тарелки.— Я часто раз-

решаю ему приходить в башню, а иногда он сопровождает меня, когда я покидаю Силер.

— Он выглядит таким свирепым...— нерешительно заметил Ансельм.

Казалось, волк понял его слова, ибо он оскалил на юношу зубастую пасть, издав низкий и хриплый рык. В его глазах зажглись злые красные огоньки.

— Уходи прочь, Малаки,— решительно скомандовала волшебница. Волк немедленно покинул зал, на прощание бросив злобный взгляд на Ансельма.

— Ты ему не понравился,— объяснила Сефора.— Впрочем, это не удивительно.

Ансельм, опьяненный вином и любовью, не обратил внимания на последние слова и не задумался о том, что они могут значить.

Утро наступило слишком быстро, позолотив солнечными лучами верхушки деревьев вокруг башни.

— Я оставлю тебя ненадолго,— объявила Сефора после завтрака.— В последнее время я совсем забросила магию. Кроме того, мне необходимо кое-что разузнать.

Грациозно наклонившись, она поцеловала ладони своего гостя и, одарив его прощальной улыбкой, удалилась в комнату на вершине башни, где хранились всевозможные снадобья и амулеты.

Заскучав в одиночестве, Ансельм решил выйти из замка и побродить по лесу вокруг башни. Вспомнив о черном волке, в чью кротость, несмотря на все заверения Сефоры, он совершенно не верил, юноша взял с собой дубину, которую вырезал накануне в зарослях у реки Исуаль.

В лесу было много тропинок, и каждая вела в какое-нибудь очаровательное местечко. Силер был поистине волшебной землей. Восхищенный дивным золотистым светом и ветром, пахнущим весенними цветами, Ансельм брел от одной поляны к другой.

Наконец он очутился в заросшей папоротником ложбине, где из-под мшистых валунов бил маленький родник. Размышляя о том, сколь неожиданно и счастливо изменилась его жизнь, влюбленный юноша точно снова окунулся в один из тех старинных романов, которые он так любил читать. С улыбкой он вспомнил язвительную Доротею де

Флеше. Интересно, что бы она подумала теперь? Впрочем, скорее всего, ей было бы все равно.

Его размышления были прерваны внезапным шуршанием кустарника. Черный волк выскользнул из рощи, рядом с которой стоял Ансельм, и заскулил, как будто стараясь привлечь его внимание. Казалось, вся его свирепость куда-то исчезла.

Заинтригованный и слегка встревоженный, Ансельм с удивлением смотрел, как волк выкапывает лапами какие-то растения, похожие на чеснок и с жадностью объедает их.

Дальнейшее еще больше изумило юношу. Там, где только что стоял черный волк, появился сильный худощавый мужчина с иссиня-черной гривой волос. Глаза незнакомца мрачно пылали, волосы спускались до бровей, а лицо заросло бородой до самых глаз. Его руки, ноги и плечи были покрыты густым волосом.

— Не бойся, я не причиню тебе зла,— произнес мужчина.— Я — Малаки дю Маре, колдун и бывший любовник Сефоры. Пресытившись мной, она превратила меня в оборотня, напоив водой из заколдованного источника. Этот источник с давних времен носит проклятие ликантропии, и Сефора усилила его мощь своими заклинаниями. Я сбрасываю волчью личину только во время новолуния. В остальное время я могу обрести человеческий вид лишь на короткий миг, проглотив корень, который я выкопал и съел сейчас. Но эти корни встречаются редко, и отыскать их очень непросто.

Ансельм понял, что Силер опутан волшебными чарами гораздо сильнее, чем он представлял себе до тех пор. Но он все же не мог поверить странному существу, стоявшему перед ним. Ему доводилось слышать множество историй про оборотней: ведь превращение людей в животных и животных в людей считалось обычным делом в средневековой Франции. Люди говорили, что их жестокость была жестокостью демонов, а не животных.

— Позволь мне предостеречь тебя. Ты находишься в смертельной опасности,— продолжал Малаки дю Маре.— Ты опрометчиво позволил Сефоре соблазнить тебя. Если жизнь хоть немного дорога тебе, немедленно беги прочь из Силера. Эта страна уже давно опутана злыми чарами, и все, кто живет в ней, так же стары, как и сама волшеб-

ница, и точно так же прокляты. Слуги, встретившие вас прошлым вечером в башне, на самом деле вампиры, которые днем спят в своих склепах, а ночью выходят оттуда. Через врата друидов они пробираются в Аверуан, чтобы охотиться на людей.

Он замолчал, точно желая придать особое значение словам, которые собирался сказать. Его глаза зло сверкнули, а в низком голосе послышались шипящие нотки.

— Сама Сефора — древняя ламия, почти бессмертная, пока она пьет жизненные силы молодых мужчин. На протяжении веков у нее было много любовников, и лишь я ведаю об их печальной участи, хотя и не знаю всех подробностей. Молодость и красота, которые она сохранила, не что иное как иллюзия. Если бы ты мог видеть Сефору в ее истинном обличье, ты в мгновение ока излечился бы от своей опасной любви. Ты увидел бы ее — немыслимо старую и омерзительно порочную.

— Но разве такое возможно? — удивился Ансельм.— Честно говоря, я вам не верю.

Малаки пожал волосатыми плечами.

— Я предупредил тебя. Снова приближается время моего превращения в волка, и мне надо идти. Мое жилище находится в миле к западу от башни. Если ты придешь ко мне, быть может, мне удастся убедить тебя в том, что я сказал правду. А пока попробуй вспомнить, попадалось ли тебе на глаза в комнате Сефоры хоть одно зеркало, которое непременно должно быть у молодой и красивой женщины. Вампиры и ламии боятся зеркал, и отнюдь не без причины.

Ансельм вернулся в башню в глубоком смятении. То, что он услышал от Малаки, звучало невероятно, но что-то все же продолжало беспокоить Ансельма. Действительно, он не видел среди безделушек Сефоры ни единого зеркала.

Он нашел волшебницу ожидающей его возвращения в парадном зале. Одного взгляда на ее женственную красоту было достаточно, чтобы он почувствовал себя пристыженным. Серо-голубые глаза Сефоры глядели на него нежно и вопросительно, и Ансельм без утайки рассказал ей о встрече с оборотнем.

— Ага! Хорошо, что я доверилась своему предчувствию,— вздохнула она.— Прошлым вечером, когда чер-

ный волк так злобно рычал на тебя, мне показалось, что он может быть опаснее, чем я думала. Сегодня утром я использовала свой дар ясновидения и многое узнала. Я действительно была слишком беспечна. Малаки становится опасным. К тому же, он возненавидел тебя и не успокоится, пока не разрушит наше счастье.

— Значит, это правда? — спросил Ансельм.— Он был твоим любовником, и ты сделала его оборотнем?

— Да, он был моим любовником в незапамятные времена. Но оборотнем он стал по собственной вине, из-за пагубного любопытства, напившись из заколдованного источника. С тех пор он не раз пожалел об этом, ибо волчье обличье хотя и дает ему некоторые преимущества, сильно ограничивает его колдовские способности. Он хочет вернуть себе человеческий облик, и если это ему удастся, он будет вдвойне опасен. Мне следовало бы получше за ним присматривать, ибо он недавно украл у меня рецепт снадобья, возвращающего человеческий облик. Пока лишь проклятый корень возвращает ему человеческий видно, когда же он сварит и выпьет зелье из корня, он навсегда станет человеком. Я думаю, что он дожидается новолуния, когда заклятье ликантропии на время теряет силу.

— Но за что Малаки ненавидит меня? — с недоумением спросил Ансельм.— И как мне помочь тебе справиться с ним?

— Твой первый вопрос немного глуп, мой дорогой. Конечно, он ревнует тебя ко мне. Что же касается помощи... Я, кажется, придумала неплохую шутку, которую мы вскоре с ним сыграем.

Волшебница извлекла из-за корсажа маленький треугольный фиал рубинового стекла.

— Этот фиал,— объяснила она Ансельму,— наполнен водой из того самого источника. Из своего видения я узнала, что Малаки держит свежесваренное зелье в точно таком же. Если ты сможешь незаметно подменить его, последствия могут быть забавными.

Ансельм пылко заверил ее, что готов это сделать.

— Скоро наступит подходящее время. Малаки часто охотится в полуденные часы, а если он и вернется раньше времени, ты всегда можешь сказать, что пришел по его приглашению.

Волшебница подробно объяснила Ансельму, как добраться до логова оборотня. Кроме того, принесла ему меч, объяснив, что клинок заговорен.

— Волк может повести себя непредсказуемо,— проговорила Сефора.— Если он набросится на тебя, деревянная дубина будет плохой защитой.

Найти логово волка оказалось несложно, ибо туда вела протоптанная дорожка. Жилищем Малаки были развалины разрушенной башни, от которой остался только замшелый фундамент, густо заросший лещиной. Вход в логово, по всей видимости, когда-то был высокими воротами, теперь же он превратился в простой лаз, который прорывают животные, чтобы попасть в свою нору.

Ансельм заколебался перед входом.

— Ты здесь, Малаки дю Маре? — прокричал он.

Ответа не последовало. Из темной норы не доносилось ни единого звука. Ансельм позвал еще раз. Наконец, встав на четвереньки, он протиснулся в узкий лаз.

Тусклый свет лился сверху сквозь несколько отверстий, образовавшихся там, где стена обвалилась. Место походило скорее на пещеру, нежели на человеческое жилье. В нос юноше ударил тяжелый запах хищного зверя. Пол был усеян обглоданными костями, сухой травой, расколотыми или заржавевшими сосудами. Позеленевший медный чайник свисал с треноги над остывшим кострищем. Отсыревшие рукописи гнили в ржавых металлических переплетах. На сломанном колченогом столе, среди всякого хлама, Ансельм приметил пурпурный фиал, похожий на тот, что дала ему Сефора.

Ансельм огляделся вокруг и внимательно прислушался, затем, не теряя времени, подменил сосуды. Украденный пузырек немедленно перекочевал под его камзол.

Внезапно у входа раздались шаги. Повернувшись, Ансельм столкнулся с черным волком. Зверь присел на задние лапы, точно собираясь прыгнуть. Глаза его горели, как угли. Ансельм судорожно сжал рукоятку меча.

Глаза волка следили за каждым его движением; казалось, он узнал меч. Отвернувшись от Ансельма, он начал жевать корни похожего на чеснок растения.

В этот раз обратное превращение было неполным. Перед Ансельмом появились голова и тело Малаки дю Ма-

ре, но ноги его были задними лапами чудовищного волка. Он напоминал кошмарное создание из древних легенд.

— Твой визит — большая честь для меня,— прорычал он. В глазах его явственно читалось подозрение.— Немногие удостоили посещением мое убогое жилище, и я благодарен тебе. В знак признательности за твою доброту я хочу сделать тебе подарок.

Он подошел к разломанному столу и порылся в наваленной на нем куче всевозможных вещей. Выудив оттуда богато украшенное серебряное зеркальце, которое, несомненно, привело бы в восторг любую модницу, он протянул его Ансельму.

— Это — зеркало Истины,— объяснил он.— В нем отражается подлинная сущность вещей, колдовские чары не могут обмануть его. Ты не поверил мне, когда я предостерегал тебя. Но если ты поднесешь зеркальце к лицу волшебницы и посмотришь на отражение, то поймешь, что ее красота — не что иное, как бессовестный обман — маска древнего ужаса и порока. Если ты сомневаешься в моих словах, поднеси зеркало к моему лицу, вот так — ибо я тоже часть незапамятного зла этой страны.

Повиновавшись указанию Малаки, Ансельм чуть не выронил зеркало, ибо оно отразило лицо, которое давно должно было стать добычей могильных червей.

Это зрелище так сильно потрясло его, что позже он не мог вспомнить, как выбрался из логова оборотня. Странное зеркало все еще было у него в руках, и он несколько раз порывался выбросить его, но не смог этого сделать. Юноша пытался убедить себя, что виденное в зеркале было результатом какого-то ловкого фокуса. Он отказывался верить, что может увидеть Сефору в зеркале вовсе не той юной красавицей, чьи поцелуи еще пламенели на его губах.

Все эти мысли, однако, тут же вылетели у него из головы, когда он вернулся в башню. Пока его не было, в Силер прибыло трое гостей. Они стояли перед Сефорой, которая с безмятежной улыбкой им что-то объясняла. Ансельм узнал посетителей с великим изумлением, ибо одной из них была Доротея де Флеше, одетая в элегантное дорожное платье. В двух других он узнал слуг ее отца,

вооруженных до зубов. Они были увешаны арбалетами, мечами и кинжалами, но, несмотря на весь этот арсенал, явно чувствовали себя не в своей тарелке. Лишь Доротея сохраняла свою обычную самоуверенность.

— Что ты делаешь в этом странном месте? — воскликнула она.— И кто такая эта женщина — Силера, как она себя называет?

Ансельм решил, что она вряд ли поймет любой ответ, который он мог бы ей дать. Он взглянул на Сефору, затем снова на Доротею. Сефора была средоточием всей красоты и нежности, о которых он мечтал. Как мог он вообразить, что влюблен в Доротею; как мог стать отшельником из-за ее холодности? Она была хорошенькой но прелесть ее была быстро преходящей прелестью юности. К тому же она оказалась непроходимо глупа и напрочь лишена воображения. В самом расцвете юности она была скучна, как почтенная матрона. Не удивительно, что она никогда не могла его понять.

— Что привело вас сюда? — задал он встречный вопрос.— Не думал, что когда-нибудь вас увижу.

— Я скучала по тебе, Ансельм,— вздохнула девушка.— Ходили слухи, что ты удалился от мира из-за любви ко мне, стал отшельником. Я стала искать тебя, но выяснилось, что ты исчез. Охотники видели, как вчера ты шел с неизвестной женщиной через пустошь у камней друидов, и оба вы исчезли за дольменом, точно растворились в воздухе. Сегодня я пошла за тобой следом, вместе со слугами моего отца. Мы очутились в странном краю, о котором никто никогда не слышал. А теперь эта женщина...

Ее излияния были прерваны диким воем. Черный волк ворвался в открытую дверь и кинулся к Доротее, словно избрав ее первой жертвой своей ярости.

Было очевидно, что привело его в такое бешенство. Должно быть, вода из заколдованного источника, которой подменили противоядие, удвоила силу заклятия, превращавшего его в волка.

Вооруженные слуги от неожиданности застыли, точно статуи. Ансельм выхватил меч и бросился между Доротеей и разъяренным зверем. Взбесившийся волк взвился в воздух, словно распрямившаяся пружина, и острие меча вонзилось прямо ему в разверстую пасть. Сильный удар

отбросил Ансельма назад. Волк, содрогаясь, упал к его ногам. В предсмертных судорогах он продолжал грызть меч, пока потускневшее от крови острие не показалось из его шеи. Затем покрытое черным мехом тело обмякло, и Ансельм легко вытащил меч. На каменных плитах пола лежало мертвый колдун Малаки дю Маре. Его лицо стало таким, каким юноша увидел его в зеркале Истины.

— Чудо! Ты спас меня! — воскликнула Доротея, бросаясь к Ансельму с распростертыми объятиями. Ситуация становилась неловкой.

Тут Ансельм вспомнил о зеркальце, спрятанном под камзолом вместе с фиалом, украденным у оборотня. Что увидит в его сияющих глубинах Доротея, если заставить ее заглянуть туда?

Он быстро вытащил зеркало и поднес к ее глазам. Ансельм никогда так и не узнал, что за зрелище предстало ее глазам, но Доротея онемела от ужаса, глаза ее расширились. Затем, закрыв лицо руками, она с пронзительным криком выбежала из зала. Слуги последовали за ней, с прытью, явно свидетельствовавшей, что они охотно покидают это недоброе место.

Сефора тихонько рассмеялась. Ансельм и сам не мог удержаться от хохота. Некоторое время они предавались безудержному веселью. Затем Сефора вновь стала серьезной.

— Я знаю, зачем Малаки дал тебе зеркало,— объявила она.— Не хочешь взглянуть на мое отражение?

Только сейчас Ансельм осознал, что все еще держит зеркало в руке. Ничего не ответив, он подошел к ближайшему окну. Оно выходило на заросший кустарником глубокий овраг, который некогда был частью оборонительного рва, и швырнул зеркало вниз.

— Я доволен тем, что видят мои глаза, и мне не нужно никакого зеркала,— объявил он.— Давай вернемся к делам, от которых нас долго отрывали.

И вновь восхитительное тело Сефоры оказалось в его объятиях, а ее нежные уста прижались к его жадным губам. Самое могущественное волшебство из всех сковало их своей золотой цепью.

КОНЕЦ РАССКАЗА

Это повествование было найдено в бумагах Кристофа Морана, студента, изучающего право в Туре, после его необъяснимого исчезновения во время поездки к своему отцу в Мулен в ноябре 1798 года.

«Вот-вот должна была разразиться гроза. Зловещие коричневато-пурпурные осенние сумерки окутали Аверуанский лес. Деревья вдоль дороги, по которой я ехал, превратились в черные расплывчатые громады, а сама дорога, неясная и призрачная, казалось, слабо колышется передо мной. Я пришпорил лошадь, утомленную нашим путешествием, которое началось на рассвете, и она, много часов назад перешедшая на рысь, галопом поскакала по темнеющей дороге между огромных дубов, чьи сучья склонялись над нами, словно желая схватить одинокого путника.

С ужасающей быстротой на нас опускалась ночь. Темнота превращалась в ощутимую звенящую завесу. Смятение и отчаяние заставляли меня вновь и вновь пришпоривать свою лошадь с все возрастающей жестокостью. Но первые дальние раскаты приближающейся бури уже мешались со стуком копыт, и вспышки молний освещали наш путь, который, к моему изумлению (я полагал, что нахожусь на главном Аверуанском тракте), странным образом сузился и превратился в хорошо утоптанную тропу.

Решив, что сбился с пути, но тем не менее не отважившись вернуться в пасть тьмы, туда, где сгущались косматые грозовые облака, я спешил вперед, надеясь, что такая ровная дорога приведет меня к какому-нибудь домику или замку, где я мог бы найти приют до утра.

Мои надежды вполне оправдались, ибо через несколько минут я различил среди деревьев проблески света и неожиданно очутился на открытой опушке. Впереди на невысоком холме возвышалось большое здание, на нижнем этаже которого светилось несколько окон, а крыша казалась почти неразличима на фоне бешено бегущих туч.

„Вне всякого сомнения, это монастырь",— подумал я, остановив свою лошаденку и спешившись. Подняв тяжелый медный молоток в виде собачьей головы, я из всей силы ударил им о крепкую дубовую дверь. Раздавшийся звук оказался неожиданно громким и звонким, отозвавшимся в темноте зловещим эхом. Я невольно поежился. Но мой страх полностью рассеялся, когда через миг дверь распахнулась, открыв ярко освещенный коридор, и передо мной на пороге предстал высокий румяный монах.

— Прошу пожаловать в Перигонское аббатство,— учтиво пригласил он. В тот же самый миг появился еще один человек в рясе с капюшоном и увел моего коня в стойло. Как только я пробормотал бессвязные слова благодарности и признательности, разразилась буря, и страшные потоки дождя, сопровождаемые приближающимися раскатами грома, с демонической яростью обрушились на закрывшуюся за мной дверь.

— Какая удача, что вы так своевременно нас нашли,— заметил монах.— В такую непогоду в лесу пришлось бы несладко и человеку, и зверю.

Догадавшись, что я был столь же голоден, сколь и изнурен, он провел меня в трапезную и поставил передо мной миску со щедрой порцией баранины с чечевицей, кувшин отличного крепкого красного вина и дал ломоть хлеба.

Пока я ел, он сидел за столом напротив меня. Отчасти утолив голод, я воспользовался возможностью и более внимательно рассмотрел своего гостеприимного хозяина. Он был высоким и крепко сбитым, а лицо, со лбом, ничуть не менее широким, чем мощная челюсть, выдавало острый ум вкупе с жизнелюбием. От него веяло каким-то

изяществом и утонченностью, образованностью, хорошим вкусом и воспитанием. Про себя я подумал: «Да этот монах глотает книги с такой же охотой, как и вина». Очевидно, по выражению моего лица монах догадался, что меня мучает любопытство, ибо, точно отвечая на мои мысли, представился:

— Я — Хилари, настоятель Перигона. Мы — орден бенедиктинцев, живущих в мире с Богом и людьми, и мы не считаем, что дух надо укреплять, умерщвляя или истощая плоть. В наших закромах множество всяческих яств, а наши погреба хранят старейшие отборные вина, сделанные в Аверуане. И, если это вам интересно, у нас есть библиотека, заполненная редчайшими томами, драгоценными манускриптами, шедеврами язычества и христианства, среди которых есть даже несколько уникальных произведений, переживших пожар Александрии.

— Очень признателен за ваше гостеприимство,— ответил я, кланяясь.— Я — Кристофер Моран, изучаю право. Сейчас я еду домой из Тура во владения отца под Муленом. Я тоже люблю книги, и ничто не могло бы доставить мне большее удовольствие, чем привилегия изучить библиотеку столь богатую и диковинную, как та, о которой вы говорите.

С этого момента, пока я доедал свой ужин, мы обсуждали классику и соревновались в цитировании отрывков римских, греческих и христианских авторов. Мой хозяин проявил такую блестящую образованность, широкую эрудицию и глубокое знание как в древней, так и в современной литературой, что я почувствовал себя в сравнении с ним не более чем простым новичком. Он, в свою очередь, был так любезен, что похвалил мою весьма далекую от совершенства латынь, так что к тому времени, когда я осушил бутылку красного вина, мы уже по-приятельски болтали, точно два старых друга.

Всю мою усталость как рукой сняло, и ей на смену пришло редкостное ощущение довольства, физического комфорта, перемешанного с ясностью и остротой ума. Поэтому, когда настоятель предложил пройти в библиотеку, я с готовностью согласился.

Он провел меня по длинному коридору, с обеих сторон которого располагались монашеские кельи, и открыл боль-

шим медным ключом, свисавшим с его пояса, дверь огромного зала с высокими потолками и несколькими окнами-бойницами. Воистину, мой хозяин нисколько не преувеличивал, рассказывая о сокровищах библиотеки, ибо длинные полки были завалены книгами, и еще множество фолиантов громоздились на столах или возвышались грудами в углах. Там были свитки папируса, пергамента и вощеной бумаги, диковинные византийские и коптские книги, древние арабские и персидские манускрипты в раскрашенных или осыпанных драгоценными камнями обложках; десятки бесценных инкунабул, сошедших с первых печатных станков; бесчисленные монастырские копии античных авторов в переплетах из дерева и слоновой кости, с богатыми иллюстрациями и украшениями, которые зачастую и сами по себе были произведениями искусства.

С осторожностью, достойной истинного любителя, настоятель Хилари раскрывал передо мной том за томом. Многих книг я никогда раньше не видал, а о некоторых даже и не слышал. Мой рьяный интерес, неподдельный энтузиазм явно доставлял ему удовольствие, ибо через некоторое время монах нажал на скрытую внутри одного из библиотечных столов пружину и вытащил длинный ящик, в котором, как он сказал мне, содержались такие сокровища, которые он не отваживался вынимать в присутствии остальных, и о чьем существовании монахи даже не догадывались.

— Вот,— продолжал он,— три оды Катулла, которых вы не найдете ни в одном опубликованном издании его произведений. А вот подлинная рукопись Сапфо — полная копия поэмы, которая доступна всем остальным лишь в виде разрозненных отрывков. А тут два утерянных предания Милета, письмо Перикла к Аспазии, неизвестный диалог Платона и древняя арабская работа по астрономии, написанная неизвестным автором, в которой предвосхищена теория Коперника. И, наконец, вот печально известная «История любви» Бернара Велленкура, все издание которой было уничтожено сразу же после выхода в свет, и кроме этой копии, сохранилась лишь еще одна, известная.

С благоговением, перемешанным с любопытством, глядя на редкостные, неслыханные сокровища, которые он

открывал передо мной, я заметил в углу ящика тоненькую книжицу в простом переплете из темной кожи. Я осмелился взять ее, обнаружив, что она содержит несколько листов убористого рукописного текста на старофранцузском.

— А это что такое? — обратился я с вопросом к Хилари, чье лицо, к моему крайнему изумлению, неожиданно приняло грустное и беспокойное выражение.

— Лучше бы ты не спрашивал, сын мой,— с этими словами он перекрестился, а его голос перестал быть добродушным, и в нем зазвучали резкие, взволнованные и полные печального беспокойства нотки.— Проклятие лежит на страницах, которые ты держишь в руках: губительные чары довлеют над ними. Тот, кто отважится прочесть их, в тот же миг окажется в огромной опасности как телом, так и душой.

Он решительно забрал у меня книгу и положил ее назад в ящик, вновь набожно перекрестившись.

— Но, отец мой, разве такое возможно? — решился возразить я.— Какую опасность могут представлять несколько исписанных листов пергамента?

— Кристофер, есть многие вещи, постичь которые ты не в состоянии, вещи, которых тебе лучше не знать. Власть Сатаны проявляется в различных видах и разными способами. Существует множество искушений, кроме мирских и плотских соблазнов, множество бедствий, подстерегающих человека столь же коварно и незаметно, сколь и неизбежно; и есть тайные ереси и заклятия иной природы, чем те, которым предаются колдуны.

— И с чем же связаны эти страницы, если в них таится такая сверхъестественная опасность, такая пагубная сила?

— Я запрещаю тебе спрашивать об этом.— Тон монаха стал строгим, в нем послышалась какая-то законченность, удержавшая меня от дальнейших расспросов.

— А для тебя, сын мой,— продолжал он,— опасность возрастает вдвое, ибо ты молод и горяч, полон желаний и любопытства. Поверь мне, лучше будет забыть, что ты вообще видел эту рукопись.

Настоятель закрыл потайной ящик, и как только странная рукопись оказалась на своем месте, выражение гне-

тущего беспокойства на его лице сменилось прежним добродушием.

— А сейчас,— возвестил он, повернувшись к одной из книжных полок,— я покажу тебе копию Овидия, когда-то принадлежавшую самому Петрарке.

Преподобный Хилари снова превратился в славного ученого, доброго и радушного хозяина, и я понял, что не стоит пытаться вновь заговаривать о загадочной рукописи. Но странное волнение монаха, темные и пугающие намеки, которые он обронил, смутные зловещие слова его предостережения возбудили во мне нездоровое любопытство, и хотя я отдавал себе отчет в том, что охватившее меня наваждение безрассудно, остаток вечера я не мог думать ни о чем другом. Всевозможные догадки, фантастические, абсурдные, скандальные, нелепые, ужасные, бродили в моем воспаленном мозгу в то время, когда я из вежливости восхищался инкунабулами, которые Хилари любезно доставал с полок и демонстрировал мне.

Около полуночи он проводил меня в мою комнату — комнату, которая была отведена специально для гостей и обставлена с большими удобствами, даже, можно сказать, с большой роскошью, чем кельи монахов и самого настоятеля, ибо там были и пышные занавеси, и ковры, а на кровати лежала мягкая перина. Когда мой гостеприимный хозяин удалился, а я, к моему большому удовольствию, убедился в мягкости своей постели, в моем мозгу все еще клубились вопросы относительно запретной рукописи. Хотя буря уже прекратилась, я долго не мог уснуть, а когда наконец сон пришел ко мне, я крепко заснул и спал без сновидений.

Когда я пробудился, ясные, точно расплавленное золото, потоки солнечного света изливались на меня из окна. Гроза совсем прошла, и на бледно-голубых октябрьских небесах не было видно ни намека на облачко. Я подбежал к окну и увидел осенний лес и поля, блестящие от росы. Пейзаж был поистине прекрасен и исполнен той идиллии, всю степень которой может постичь лишь тот, кто, как я, долгое время прожил в городских стенах, окруженный высокими зданиями вместо деревьев и ступающий по булыжной мостовой, а не по мягкой траве. Но как бы ни очаровательно казалось представшее моим глазам зре-

лище, оно удержало мой взгляд лишь на короткий миг, а затем я увидел возвышающийся над верхушками деревьев холм, который не мог быть дальше, чем в миле отсюда. На вершине его виднелись руины старого замка, запущенное состояние стен и башен которого было явно видно даже отсюда. Они неодолимо притягивали мой взгляд и обладали неизъяснимой романтической прелестью, которая казалась столь естественной, столь неотъемлемой частью пейзажа. Я не мог отвести от него взгляда. Застыв у окна, я пристально изучал все мельчайшие подробности полуразрушенных от времени башен и бастионов. Была какая-то неуловимая притягательность в самой форме, размерах и расположении громады замка — притягательность, схожая с тем воздействием, которое оказывает на нас нежная мелодия, волшебная рифма какого-нибудь стихотворения или черты любимого лица. Глядя на нее, я погрузился в мечты, которые не мог впоследствии воспроизвести, но которые оставили после себя то же самое мучительное чувство невыразимого наслаждения, какое порой вызывают полузабытые ночные грезы.

Меня возвратил к действительности негромкий стук в дверь, и я осознал, что забыл одеться. Это настоятель пришел узнать, как я провел ночь, и сказать, что мне подадут завтрак, когда бы я ни захотел выйти. Я почему-то почувствовал себя немного смущенным, даже пристыженным за то, что меня застали врасплох, и, хотя в том не было никакой необходимости, извинился перед преподобным Хилари за свою нерасторопность. Тот, как мне показалось, бросил на меня проницательный изучающий взгляд и быстро отвел глаза, с радушной любезностью хорошего хозяина ответив, что мне не за что извиняться.

Позавтракав, я с многочисленными выражениями признательности за гостеприимство сказал Хилари, что мне пора продолжить свое путешествие. Но его огорчение от моего заявления об отъезде было столь искренним, его приглашение задержаться хотя бы еще на день прозвучало так неподдельно сердечно, он так настойчиво меня уговаривал, что я согласился остаться. В действительности же меня не нужно было долго упрашивать, ибо кроме того, что я испытывал подлинную симпатию к Хилари, тайна запретной рукописи всецело завладела моим вооб-

ражением. Помимо того, для юноши, обладающего тягой к познанию, доступ к богатейшей монастырской библиотеке оказался редкой роскошью, бесценной возможностью, которую не следовало упускать.

— Я хотел бы произвести некоторые исследования при помощи вашей несравненной коллекции,— сообщил я монаху.

— Сын мой, я буду очень рад, если ты останешься. Мои книги будут в твоем полном распоряжении всякий раз, когда тебе это будет нужно,— объявил настоятель, снимая с пояса ключ от библиотеки и отдавая его мне.— Мои обязанности,— продолжил он,— вынуждают меня на несколько часов покинуть стены монастыря, а ты, несомненно, в мое отсутствие захочешь позаниматься.

Чуть позже настоятель извинился и ушел. В предвкушении столь желанной возможности, которая безо всякого труда сама упала мне в руки, я поспешил в библиотеку, снедаемый желанием прочитать запретную рукопись. Едва взглянув на ломившиеся от книг полки, я отыскал стол с потайным ящиком и стал отыскивать пружину. Через несколько томительных минут я наконец нажал на нужную точку и вытащил ящик. Мной руководил импульс, обратившийся в настоящее наваждение, лихорадочное любопытство, граничившее с помешательством, и даже ради спасения собственной души я бы не согласился подавить желание, заставившее меня вынуть из ящика тонкую книгу в простой, без всяких надписей, обложке.

Усевшись в кресло около одного из окон, я начал просматривать страницы, которых насчитывалось лишь шесть. Почерк казался очень необычным, буквы были выписаны с такой причудливостью, какой я никогда раньше не встречал, а французский был не только старым, но почти варварским в своей старомодной оригинальности. Не обескураженный трудностями, с которыми я столкнулся при расшифровке записей, с диким непостижимым волнением, охватившим меня с первых же прочитанных слов, я, как зачарованный, продолжал чтение.

Там не было ни заголовка, ни даты, а текст был повествованием, которое начиналось почти так же внезапно, как и заканчивалось. Оно рассказывало о некоем Жераре, графе де Вентильоне, который накануне женитьбы на знат-

ной и прекрасной девушке, Элеонор де Лис, встретил в лесу рядом со своим замком странное получеловеческое создание с копытами и рогами. Поскольку Жерар, как гласило повествование, считался благородным юношей, чья отвага, равно как и христианское благочестие, были всем известны, он, во имя Спасителя нашего, Иисуса Христа, приказал этому существу остановиться и рассказать все о себе.

Дико расхохотавшись в наступивших сумерках, странное существо бешено заплясало перед ним, вскричав:

— Я — сатир, а твой Христос для меня значит не больше, чем сорняки на помойке.

Ошеломленный подобным святотатством, Жерар чуть было не выхватил свой меч и не умертвил омерзительное создание, но оно опять закричало:

— Остановись, Жерар де Вентильон, и я открою тебе секрет, который заставит тебя забыть поклонение Христу и свою прекрасную невесту и велит тебе отвернуться от мира и от самого солнца добровольно и без сожалений.

И Жерар, хотя и не слишком охотно, наклонился и подставил сатиру ухо, и тот подошел ближе и что-то шепнул в него. Что было сказано, так и осталось неизвестным, но прежде чем исчезнуть в темнеющей лесной чаще, сатир снова возвестил:

— Власть Христа, как черный иней, сковала все леса, поля, реки, горы, где мирно жили веселые бессмертные богини и нимфы былого. Но в скрытых пещерах, в далеких подземных убежищах, глубоких, как ад, выдуманный вашими священниками, все еще живет языческая красота и восторги.

И с этими словами странное создание снова разразилось диким нечеловеческим хохотом и исчезло среди темных деревьев.

С того момента Жерара де Вентильона точно подменили. В тоске он вернулся в свой замок, не бросив, против обыкновения, ни слова приветствия слугам, и так же молча сидел в своем кресле или бродил по залам, и даже почти не притронулся к принесенной ему еде. Не пошел он в тот вечер навестить и свою невесту, нарушив данное ей обещание; но, когда приблизилась полночь, с восходом красной, точно окунувшейся в кровь, ущербной луны, граф

тайком прокрался через заднюю дверь замка и по старой, почти заросшей лесной тропе пробрался на развалины замка Фосефлам, возвышавшегося на холме против монастыря бенедиктинцев в Перигоне.

Эти развалины (как говорилось в рукописи) были очень древними, и давно заброшенными обитателями этих краев, ибо с ними связывали множество легенд о древнем Зле, и говорили, что в них обитали злые духи, и руины служили местом встреч колдунов и суккуб. Но Жерар, как будто забыв о дурной славе этих мест или не боясь ее, точно одержимый дьяволом, бросился в тень осыпавшихся стен и наощупь, словно следуя в хорошо известном ему направлении, прошел к северному концу внутреннего двора замка. Там он правой ногой ступил на плиту, находившуюся под двумя центральными окнами, прямо между ними, и отличавшуюся от остальных своей треугольной формой. Под его ногой плита сдвинулась и наклонилась, открывая гранитные ступени, ведшие в подземелье. Затем Жерар зажег принесенный с собой факел и спустился вниз по ступеням, а плита за его спиной заняла свое прежнее место.

На следующее утро его невеста, Элеонор де Лис, и вся свадебная процессия напрасно ждали графа у собора в Вийоне, главном городе Аверуана, где было назначено венчание. С того дня никто больше не видел Жерара Вентильона и ничего не слышал ни о нем самом, ни о судьбе, постигшей его...

Таково было содержание запретной рукописи, и вот так она заканчивалась. Как я уже упоминал, на ней не было ни даты, ни указания того, кто был ее автором и как до его сведения дошли описанные в ней события. Но, как ни странно, я ни на минуту не усомнился в ее правдивости, и одолевавшее меня любопытство относительно содержания рукописи немедленно сменилось жгучим желанием, в тысячу раз более могущественным, более неотступным, узнать конец этого рассказа и выяснить, что же нашел Жерар де Вентильон, спустившись по потайной лестнице.

Когда я читал это повествование, мне, конечно же, пришло в голову, что замок Фосефлам, описанный в нем, и был теми самыми руинами, которые я в то утро увидел из окна моей спальни, и, обдумывая этот факт, я все

больше и больше впадал в безумную лихорадку, загорался неистовым порочным возбуждением. Вернув манускрипт в потайной ящик, я ушел из библиотеки и некоторое время бесцельно бродил по коридорам монастыря. Случайно наткнувшись на того же монаха, который накануне увел в стойло мою лошадь, я отважился спросить его, как можно более осторожно и осмотрительно, о развалинах, которые были видны из монастырских окон.

Услышав мой вопрос, он перекрестился, и его широкое добродушное лицо омрачило испуганное выражение.

— Это развалины замка Фосефлам,— ответил он.— Говорят, что они многие годы служат жилищем злых духов, ведьм и демонов. В этих руинах они устраивают свои шабаши, описывать которые у меня язык не повернется. Ни одно людское оружие, никакие изгоняющие нечистую силу заговоры, ни даже святая вода не властны над этими демонами. Много отважных рыцарей и монахов исчезли во мраке Фосефлама, не вернувшись назад. Однажды, как говорят, сам настоятель Перигона отправился туда, чтобы бросить вызов силам Зла, но что отдало его в руки суккуб, никто не знает и даже не догадывается. Некоторые говорят, что демоны — омерзительные старухи, чьи тела заканчиваются змеиными хвостами; другие утверждают, что они — женщины, чья красота затмевает красоту всех смертных женщин, чьи поцелуи дарют дьявольское наслаждение, пожирающее людскую плоть, будто адский огонь... Что же до меня, не знаю, какие из этих слухов верны, но я бы не отважился отправиться в замок Фосефлам.

Еще прежде, чем он закончил говорить, в моем мозгу созрело решение, что мне необходимо пойти туда, чтобы собственноручно выяснить все, что можно, если это будет в моих силах. Желание оказалось таким неодолимым, что даже если бы я был исполнен решимости до последнего сопротивляться ему, я проиграл бы эту битву, точно околдованный какими-то могущественными чарами. Предостережение преподобного Хилари, таинственная неоконченная история из древней рукописи, дурная слава, на которую намекал монах,— все это, казалось бы, должно было испугать меня и отвратить от подобного решения, но, напротив, на меня точно нашло какое-то затмение, и мне казалось, что за всем этим скрывалась некая восхи-

тительная тайна, запретный мир невыразимых явлений и неизведанных наслаждений. Мысли об этом воспламенили мое воображение и заставили сердце лихорадочно колотиться. Я не знал, и не мог даже предположить, что могут представлять собой эти наслаждения, но каким-то загадочным образом был уверен в их совершенной реальности, точно так же, как настоятель Хилари верил в существование рая.

Я решил отправиться на руины в тот же день, пока не вернулся Хилари, который, как я инстинктивно чувствовал, с подозрением отнесся бы к подобному намерению с моей стороны и непременно воспротивился бы этому.

Мои приготовления были очень просты и заняли всего лишь несколько минут. Я положил в карман огарок свечи, позаимствованный из спальни, взял в трапезной краюшку хлеба и убедившись, что мой верный кинжал в ножнах, незамедлительно покинул гостеприимный монастырь. Встретив во дворе двоих братьев, я сказал им, что собираюсь прогуляться по лесу. Они удостоили меня веселым «pax vobiscum» и пошли своей дорогой, занятые разговором.

Стараясь идти как можно более прямой дорогой к Фосефламу, башни которого часто исчезали за переплетающимися сучьями деревьев, я вошел в лес. Я шел без дороги, и мне часто приходилось отклоняться в сторону от намеченного пути, чтобы обойти густой подлесок. В лихорадочной спешке, охватившей меня, казалось, что прошли часы, пока я добрался до вершины холма, где возвышались развалины, но на самом деле путь вряд ли занял чуть более получаса. Преодолев последний откос, я внезапно увидел перед собой замок, возвышавшийся в центре ровной площадки, которую представляла собой вершина. В разрушенных стенах пустили корни деревья, а обвалившиеся ворота заросли кустарником, ежевикой и крапивой. Не без труда пробившись сквозь эти заросли и изорвав колючками свою одежду, я, как и Жерар де Вентильон в старинной рукописи, пошел к северному концу дворика. Между плитами мостовой разрослись зловеще огромные стебли бурьяна, чьи толстые мясистые листья уже тронули коричневые и лиловые краски дыхания наступившей осени. Но я вскоре отыскал треуголь-

ную плиту, описанную в повествовании, и без малейшего промедления и колебания ступил на нее правой ногой.

Сумасшедшая дрожь, трепет безрассудного торжества, окрашенного легким волнением, пробежала по моему телу, когда огромная плита легко накренилась под моей ногой, обнаруживая темные гранитные ступени, точно так же, как в древнем манускрипте. Теперь на короткий миг смутные страхи, навеянные намеками монахов, ожили в моем воображении, превратившись в неизбежную реальность, и я остановился перед чернеющим отверстием, готовым поглотить меня, раздумывая, не дьявольские ли чары привели меня сюда, в царство неведомого ужаса и немыслимой опасности.

Я колебался, однако лишь несколько мгновений. Затем чувство опасности померкло, ужасы, описанные монахами, превратились в причудливый сон, и очарование чего-то непостижимого, что было все ближе и ближе, охватило меня, точно крепкое объятие любящих рук. Я зажег свечу и начал спускаться по лестнице, и точно так же, как за Жераром Вентильоном, треугольная каменная глыба бесшумно закрылась за мной и заняла свое место в вымощенном полу. Несомненно, ее приводил в движение какой-то механизм, срабатывавший под воздействием человеческого веса на какую-нибудь из ступеней, но я не остановился, чтобы выяснить, каким образом он работает, и не пытался найти способ заставить плиту открыться изнутри, чтобы я мог вернуться.

Там была, пожалуй, дюжина ступенек, ведущих в низкий, узкий, пахнущий плесенью склеп, где не было ничего, кроме древней, покрытой пылью паутины. Дойдя до конца, я обнаружил маленькую дверцу, сквозь которую прошел во второй склеп, который отличался от первого лишь тем, что казался более просторным и более пыльным. Оставив за спиной еще несколько таких же склепов, я очутился в длинном коридоре или туннеле, местами перегороженном каменными глыбами или грудами булыжников, обрушившимися со стен. Он выглядел очень неприглядным, и в нос мне бил омерзительный запах застоявшейся воды и подземной плесени. Несколько раз под моими ногами хлюпала вода, когда я вступал в маленькие

лужицы. Сверху падали тяжелые капли, зловонные и липкие, будто просочившиеся из склепа. Мне казалось, что за колеблющимся кругом света, который давала моя свеча, во тьме уползают куда-то зловещие призрачные змеи, потревоженные моим приближением, но я не был уверен, были ли то действительно змеи, или лишь беспокойные отступающие тени, почудившиеся глазам, еще не привыкшим ко мгле подземелья.

Завернув за неожиданно открывшийся передо мной поворот, я увидел то, чего менее всего ожидал,— проблеск солнечного света там, где, очевидно, был конец туннеля. Не могу сказать, что я рассчитывал там найти, но такой результат почему-то совершенно обескуражил меня. В некотором смятении я поспешил вперед и, вынырнув из отверстия, ослеплено моргая, оказался на ярком солнечном свету.

Еще прежде чем окончательно опомниться и протереть глаза, чтобы осмотреть окрестности, я был потрясен одним странным обстоятельством. Несмотря на то, что я вошел в подземелье утром, а все мои блуждания по склепам не могли занять больше нескольких минут, солнце уже садилось. Да и сам солнечный свет казался другим — более ярким и мягким, чем тот, который я видел над Аверуаном, а небо — синим-синим, даже без намека на осеннюю блеклость.

Тогда, со все нарастающим изумлением, я огляделся и не смог найти ничего не только знакомого, но и просто правдоподобного в пейзаже, расстилавшемся передо мной. Против всех разумных ожиданий, не было видно ничего похожего ни на холм, на котором стоял замок Фосефлам, ни на прилегавшую к нему местность. Вокруг меня лежала дышавшая покоем страна холмистых лугов, по которой извилистая река стремила свои золотистые воды к темно-лазурному морю, видневшемуся за вершинами лавровых деревьев... Но в Аверуане никогда не росли лавры, да и море находилось в сотнях миль, так что можно представить, как меня ошеломило и потрясло это зрелище.

Предо мной раскинулся самый очаровательный пейзаж, который мне когда-либо доводилось видеть. Трава, в которой утопали мои ноги, казалась мягче и ярче изумрудного бархата, и в ней там и сям проглядывали фиалки

и разноцветные асфодели. Темно-зеленые кроны деревьев, как в зеркале, отражались в золотистой реке, а вдали на невысоком холме смутно поблескивал мраморный акрополь, возвышавшийся над равниной. Все было напоено мягким дыханием весны, вот-вот готовой смениться теплым и радостным летом. Мне казалось, что я очутился в стране классических мифов, греческих легенд, и малопомалу все мое изумление и удивление отступило перед чувством затопившего меня восторга и восхищения совершенной, неописуемой красотой этой земли.

Неподалеку, в роще лавровых деревьев, под последними лучами солнца поблескивала белая крыша. Меня немедленно позвала туда все та же, только куда более могущественная и неотступная, сила притяжения, которую я ощутил, взглянув на запретный манускрипт и на развалины замка Фосефлам. Именно здесь, понял я со сверхъестественной уверенностью, находилась цель моих поисков, награда за всю мою безумное и, возможно, нечестивое любопытство.

Войдя в рощу, я услышал раздавшийся между деревьями смех, гармонично переплетавшийся с тихим шепотом листьев в мягком, благоуханном ветерке. Мне показалось, что мое приближение спугнуло какие-то смутные фигуры, исчезнувшие из виду среди стволов, а один раз косматое, похожее на козла создание с человеческой головой и телом перебежало мою тропинку, будто преследуя быстроногую нимфу.

В самом центре рощицы я обнаружил мраморное здание с портиком и дорическими колоннами. Когда я приблизился к нему, меня приветствовали две девушки в одеждах древних рабынь, и хотя мой греческий был совсем плох, я без труда разобрал их речь, чему немало способствовало их безукоризненное аттическое произношение.

— Наша госпожа, Ницея, ожидает тебя,— хором объявили мне незнакомки.

Я уже ничему не удивлялся, без вопросов и бесполезных догадок воспринимая происходящее, как человек, полностью погрузившийся в какое-то упоительное сновидение. «Возможно,— думал я,— все это лишь приснилось мне, и я еще лежу в роскошной постели в монастыре». Но

никогда прежде ночные видения, посещавшие меня, не были такими четкими и восхитительно прекрасными.

Дворец был обставлен с роскошью, граничившей с варварской, которая, несомненно, принадлежала к периоду греческого декаданса, с его смешением восточных веяний. Меня провели по коридору, блиставшему ониксом и полированным порфиром, в богато убранную комнату, где на обитой великолепными тканями софе возлежала ослепительно прекрасная, словно богиня, женщина.

При виде ее я затрепетал от охватившего меня странного волнения. Мне приходилось слышать о внезапной безумной любви, охватывавшей людей с первого взгляда на какое-то лицо и фигуру, но никогда раньше я не испытывал столь сильной страсти, такого всепоглощающего пыла, который я внезапно почувствовал к этой женщине. Поистине казалось, что я любил ее долгое время, сам не зная, что люблю именно ее, не в состоянии определить природу этого чувства или направить его в какое-то русло.

Невысокого роста, она обладала совершенной фигурой, чьи безупречные контуры и очертания были исполнены невыразимой чувственности. Ее темно-сапфировые глаза казались бездонными, точно летний океан, и я чувствовал, будто погружаюсь в их жаркую глубину. Изгиб ее соблазнительных губ таил в себе какую-то загадку, они были одновременно печальными и нежными, словно уста античной Венеры. Волосы, скорее медные, чем белокурые, ниспадали на шею, уши и лоб прелестными локонами, перехваченные простой серебристой лентой. Во всем ее облике таилась какая-то смесь гордости и сладострастия, царственного высокомерия и женственной уступчивости. Ее движения казались легкими и грациозными, как у змеи.

— Я знала, что ты придешь,— прошептала она на том же мелодичном греческом языке, на котором говорили ее служанки.— Я ждала тебя целую вечность, но, когда ты нашел убежище от грозы в Перигонском аббатстве и увидел в потайном ящике рукопись, я поняла, что час твоего прибытия близится. Ты и не подозревал, что те чары, что так неодолимо и с такой необъяснимой силой влекли тебя сюда, были чарами моей красоты, волшебным зовом моей любви!

— Кто ты? — спросил я.

Греческие слова без малейших усилий срывались с моих уст, что безмерно удивило бы меня еще час назад. Но сейчас я мог принять что угодно, каким бы странным и абсурдным оно ни казалось, как часть удивительной удачи, невероятного приключения, выпавшего на мою долю.

— Я — Ницея,— ответила красавица на мой вопрос.— Я люблю тебя. Мой дворец, как и мои объятия, в твоем полном распоряжении. Ты хочешь знать еще что-нибудь?

Рабыни куда-то исчезли. Я бросился к ложу богини и покрыл поцелуями ее протянутую руку, принося ей клятвы, которые, вне всякого сомнения, звучали абсолютно бессвязно, но тем не менее казались исполненными такой пылкости, которая заставила красавицу нежно улыбнуться.

Ее рука показалась моим губам прохладной, но прикосновение к ней воспламенило мою страсть. Я осмелился присесть на софу рядом с Ницеей, и она не воспрепятствовала моей фамильярности. Нежные пурпурные сумерки начали сгущаться в углах комнаты, а мы все беседовали и беседовали, полные радости, без устали повторяя все те милые нелепые и счастливые пустячки, которые инстинктивно срываются с губ влюбленных. Ницея оказалась такой невероятно мягкой в моих объятиях, что, казалось, в ее прелестном теле не было ни одной косточки.

В комнате бесшумно появились служанки. Они зажгли замысловато украшенные золотом красивые лампы и поставили перед нами ужин, состоявший из пряных яств, невиданных ароматных фруктов и крепких вин. Но я едва мог заставить себя проглотить что-нибудь, и, даже пригубив вина, жаждал еще более сладкого и хмельного напитка — поцелуев Ницеи.

Не помню, когда мы наконец заснули, но вечер пролетел как один миг. Пьяный от счастья, я унесся прочь на нежных крыльях сна, и золотые лампы и лицо Ницеи растворились в блаженной дымке и пропали из виду...

Внезапно что-то вырвало меня из глубин забытья, и я проснулся. Какое-то мгновение я даже не мог сообразить, где я, и еще меньше понимал, что же пробудило меня. Затем я услышал тяжелые шаги, приближающиеся к открытой двери комнаты, и, выглянув из-за головы спящей Ницеи, в свете ламп увидел преподобного Хилари, замер-

шего на пороге. На его лице застыло выражение ужаса, и, поймав мой взгляд, он начал что-то быстро-быстро лопотать на латыни, и в его голосе страх мешался с отвращением и ненавистью. Я увидел, что в руках у него была большая бутыль, наполненная святой водой, и уж, конечно, догадался, для чего она предназначалась.

Взглянув на Ницею, я увидел, что она тоже проснулась, и понял, что она знает о присутствии аббата. Красавица улыбнулась мне странной улыбкой, в которой я различил нежную жалость, смешанную с ободрением, как будто она утешала испуганное дитя.

— Не беспокойся за меня,— прошептала она.

— Гнусная вампирша! Проклятая ламия! Змея дьявола! — внезапно разбушевался Хилари, переступив порог комнаты с поднятой бутылью. В тот же миг Ницея соскользнула с нашего ложа и с невероятным проворством исчезла за дальней дверью, выходившей в рощу лавровых деревьев. Ее голос прозвенел в моих ушах, как будто доносящийся из немыслимой дали:

— Прощай, Кристофер! Но не бойся, ты вновь найдешь меня, если будешь смелым и терпеливым.

Как только слова замерли вдели, капли святой воды упали на пол комнаты и на софу, где еще миг назад рядом со мной лежала Ницея. Раздался оглушительный грохот, и золотистые лампы растворились во тьме, наполнившейся осыпающейся пылью и летящим дождем обломков. Я лишился чувств, а когда очнулся, оказалось, что я лежу на куче булыжников в одном из склепов, по которым я проходил днем. Преподобный Хилари склонился надо мной со свечой в руке, с выражением сильнейшего беспокойства и безграничной жалости на лице. Рядом с ним стояла бутыль.

— Благодарение Господу, сын мой, я нашел тебя вовремя,— пробормотал он.— Когда я вечером вернулся в монастырь и узнал, что ты ушел, я догадался, что произошло. Я знал, что в мое отсутствие ты прочитал проклятую рукопись и попал под ее губительные чары, точно так же, как и множество других, среди которых был и один почтенный аббат, мой предшественник. Все они, увы, начиная с Жерара де Вентильона, жившего много сотен лет назад, пали жертвами ламии, обитающей в этих склепах.

— Ламии? — переспросил я, едва осознавая, что он сказал.

— Да, сын мой, прекрасная Ницея, которую этой ночью ты сжимал в своих объятиях, ламия, древняя вампирша, создавшая в этих омерзительных склепах свой дворец дарующих блаженство иллюзий. Неизвестно, как ей удалось обосноваться в Фосефламе, ибо ее появление здесь уходит корнями в древность более глубокую, чем людская память. Она стара, как само язычество, ее знали еще древние греки, ее пытался изгнать еще Аполлон из Тианы, и если бы ты мог увидеть ее подлинный облик, то вместо обольстительного тела увидел бы кольца чудовищно омерзительной змеи. Всех тех, кого любила и с таким радушием принимала в своем дворце эта красавица, она потом сжирала, высосав из них жизнь и силы своими дарящими дьявольское наслаждение поцелуями. Заросшая лаврами равнина, которую ты видел, золотистая река, мраморный дворец со всей его роскошью,— все это не больше чем сатанинский мираж, красивый обман, выросший из пыли и плесени незапамятной смерти, древнего тлена. Он рассыпался под каплями святой воды, которую я захватил с собой, когда пустился в погоню. Но Ницея, увы, ускользнула от меня, и боюсь, что она уцелела, чтобы опять возвести свой дьявольский заколдованный дворец, чтобы снова и снова предаваться невыразимой мерзости своих грехов.

Все еще в каком-то остолбенении, вызванном крушением моего только что обретенного счастья, от странных разоблачений, сделанных аббатом, я покорно побрел за ним по склепам Фосефлама. Монах взошел по ступеням, по которым я спускался вниз, и когда мы добрались до последней ступени, нам пришлось немного нагнуться; массивная плита повернулась вверх, пропустив внутрь поток холодного лунного света. Мы выбрались наружу, и я позволил ему увести меня назад в монастырь.

Когда мой разум начал проясняться, и смятение, охватившее меня, рассеялось, ему на смену быстро пришло возмущение — яростный гнев на помешавшего нам Хилари. Не задумываясь, спас ли он меня или нет от ужасной физической или духовной опасности, я оплакивал прекрасный сон, от которого он пробудил меня. Поцелуи

Ницеи все еще горели на моих губах, и я знал, что, кем бы она ни была, женщиной ли, демоном или змеей, никто другой в мире не смог бы внушить мне такую любовь и подарить мне такое наслаждение. Однако я позаботился скрыть свое состояние от Хилари, сознавая, что если я выдам свои чувства, это всего лишь заставит его считать меня заблудшей душой...

* * *

Наутро, сославшись на необходимость безотлагательного возвращения домой, я покинул Перигон. Сейчас, в библиотеке отцовского дома под Муленом, я пишу этот отчет о своих приключениях. Воспоминания о Ницее остаются такими же волшебно ясными, столь же невыразимо дорогими для меня, как если бы она все еще была рядом со мной, и я все еще вижу пышные занавеси полуночной спальни, освещенной причудливыми золотыми лампами, и в моих ушах все звучат слова ее прощания:

„Не бойся, ты найдешь меня, если будешь смелым и терпеливым".

Вскоре я вернусь, чтобы опять посетить развалины замка Фосефлам и вновь спуститься в подземелье, скрытое треугольной плитой. Но, несмотря на близость Перигона к Фосефламу, несмотря на все свое уважение к почтенному аббату, всю признательность за его радушие и восхищение его несравненной библиотекой, я и не подумаю навестить моего доброго друга Хилари».

СВЯТОЙ АЗЕДАРАК

Глава 1

— Клянусь Рэмом, прародителем овечьих стад! Клянусь когтем Дагона и рогами Деркето! — воскликнул Азедарак, указывая пальцем на маленький пузырек из тонкого стекла с кроваво-красной жидкостью, стоявший перед ним на столе.— Необходимо избавиться от этого настырного брата Амброза. Я узнал, что архиепископ Аверуана послал его в Ксим с единственной целью — собрать доказательства моей тайной связи с Азазелем и Старцами. Он следил за тем, как я вызывал духов в подземелье, он слышал тайное заклинание и видел истинный облик Лилит и даже Йог-Сотота и Содагуи, демонов более древних, чем мир. Сегодня утром, час назад, он сел на своего белого осла и отправился обратно в Вийон. Есть два способа или, в известном смысле, один, благодаря которому я смогу избежать неприятностей и привлечения к суду за колдовство. Амброз должен проглотить содержимое этой склянки, прежде чем доберется до Аверона. В противном случае, мне самому придется выпить это снадобье.

Жан Мавуазье взглянул на пузырек, затем перевел взгляд на Азедарака. Он не только не ужаснулся, но даже не удивился, услышав из уст епископа Ксима богохульные клятвы и далеко не канонические высказывания. Он знал его слишком давно и оказал ему достаточно много услуг, необычных по своей сути, чтобы чему-либо удивляться. На самом деле, он знал Азедарака задолго до того, как колдун задумал стать прелатом, в тот период его существования,

о котором никто из жителей Ксима даже не подозревал. И у Азедарака никогда не было секретов от Жана.

— Я понял,— кивнул Жан.— Вы можете быть уверены, содержимое этого пузырька отправится по назначению. Брат Амброз вряд ли сможет далеко уехать, даже на своем легконогом белом осле. Он не доберется до Вийона раньше завтрашнего дня. Вполне достаточно времени, чтобы его догнать. Конечно, он знает меня. По крайней мере, он знает Жана Мавуазье... Но это легко поправимо.

Азедарак понимающе улыбнулся.

— Я доверяю это дело тебе, Жан. Конечно, в моем распоряжении все сатанинские и более древние заклятия, так что опасность от этих пустоголовых фанатиков для меня не так уж велика. Однако жить под личиной христианского епископа среди всеобщего почитания, и при этом общаясь с Соперником, намного лучше, чем подвергаться гонениям за колдовство. Не хочется, чтобы мне досаждали или нарушали мой покой, или отобрали синекуру, если всего этого можно избежать.

— Пусть пожрет Молох этого ханжу-молокососа Амброза,— продолжал он.— Ведь я даже не подозревал его. Какой же я тупица! Он смотрел на меня с таким ужасом и смятением. Я сразу понял, что он видел тайные обряды. А когда услышал, что он уезжает, догадался проверить мою библиотеку. И обнаружил, что Книга Эйбона, содержащая древние заклинания и тайные, забытые людьми знания об Йог-Сототе и Содагуи, исчезла. Ты знаешь, что я еще раньше заменил ее первоначальный переплет из человеческой кожи на переплет из бараньей кожи, от христианского служебника, и поместил между вполне законных богослужебных книг. Амброз вынес ее под сутаной, чтобы представить архиепископу как доказательство того, что я занимаюсь черной магией. Никто в Авероне не сможет прочесть древние гиперборейские письмена, но им достаточно увидеть украшения и рисунки, сделанные кровью дракона, чтобы осудить меня.

Хозяин и слуга понимающе посмотрели друг на друга. Жан взирал с глубоким почтением на Азедарака. Статный, с надменно поднятой головой, резкими чертами лица, странным багровым кривым шрамом, пересекающим правую бровь, с огоньками оранжево-желтого пламени,

горящими в глубине черных глаз, Азедарак мало походил на священника, и только обрамленная седыми волосами тонзура указывала на его принадлежность к Церкви. Азедарак, в свою очередь, воспринимал без недоверия полисьи хитрые черты лица и сдержанные манеры своего слуги, который мог, если возникала необходимость, стать кем угодно, от торговца до монаха.

— Прискорбно,— заключил Азедарак,— что вопрос о моей праведности и благочестии будет обсуждаться в Аверуане. Но рано или поздно это неизбежно произойдет, хотя бы из-за главного различия между мною и другими церковниками: я служу Дьяволу сознательно и по собственной воле, а они делают то же самое в своей ханжеской слепоте... Тем не менее, мы должны сделать все возможное, чтобы избежать публичного скандала и моего изгнания из этого теплого гнездышка. Сейчас только один Амброз может причинить мне вред. Отныне я буду вдвойне бдителен. Следующий шпион из Вийона, будь уверен, не обнаружит ничего, кроме благочестивых молитвенников.

Глава 2

Мысли брата Амброза беспокойно теснились в голове, и даже спокойная красота Аверуанского леса, обступившего узкую дорогу, по которой он ехал из Ксима в Вийон, не могла отвлечь его от тяжких раздумий. Ужас поселился в его душе, как свернувшаяся кольцом гадюка. И дьявольская Книга Эйбона — древнее руководство по первобытному колдовству, казалось, жгла его тело под сутаной и, как огромная горячая сатанинская печать, давила на живот. Он был не первым, кому архиепископ Клемент поручил выяснить, привержен ли Азедарак демонам подземного мира. Проведя в доме епископа месяц, Амброз узнал и увидел слишком много такого, что могло бы расстроить мысли любого набожного клирика, и что оставило неизгладимый след стыда и ужаса в его душе. Одно то, что католический прелат может служить подземным силам, втайне поощряет зло более древнее, чем Асмодей, глубоко потрясло благочестивого Амброза. С тех пор ему повсюду мерещился запах гнили и коварное вторжение Антихриста.

Проезжая среди сосен и зеленого кустарника, он сожалел, что под ним всего лишь тихоходный осел, а не быстроногий конь. Ему казалось, что его преследуют смутные лики уродливых горгулий, невидимые демоны на раздвоенных копытах крадутся за ним по пятам, скрываясь за тесно стоящими вдоль извилистой дороги деревьями. Солнце клонилось к закату. В его косых лучах тени удлинились, и лес, казалось, наполнился слабым зловонным дыханием и скрытыми шорохами. Тем не менее Амброз покрывал одну милю за другой; и пока он не заметил ни птицы, ни зверя, ни ползучего гада.

Его мысли, подстегнутые страхом, настойчиво возвращались к Азедараку, который представлялся ему восставшим из пылающей глубины Абаддона огромным Антихристом с подъятыми ввысь крылами. Снова и снова он вспоминал подземелье под епископским дворцом, где однажды ночью, вглядываясь в темноту, наблюдал ужасающую дьявольскую сцену: епископ колдовал, окруженный огромными, колеблющимися клубами дыма от нечестивых курильниц, которые смешивались с зеленовато-желтыми и аспидно-черными парами преисподней. И сквозь клубы дыма и пара проступали очертания похотливо извивающихся отродий, расплывающиеся и тающие черты отвратительных существ... Вспоминая увиденное, он опять содрогался от первобытной похотливости Лилит, вздрагивал от вселенского ужаса перед демоном Содагуи и непереносимого отвращения к тому, кто был известен колдунам Аверона как Йог-Сотот.

«Каким гибельным могуществом обладают эти древние дьяволы, поместившие своего слугу Азедарака в самое сердце Церкви, в средоточие святой веры»,— вот о чем думал он.

В течение пяти лет прелат, не вызывая ни малейших подозрений, осквернял епископство Ксима. Это было хуже богохульства еретиков. Затем различными окольными путями до Клемента дошли невероятные слухи, и тогда Амброз, молодой бенедиктинский монах, племянник Клемента, был послан в Ксим, чтобы тайно проведать, верны ли слухи о гноящемся нечестии, угрожающем целостности Церкви. Только тогда кто-то вспомнил, как мало известно о прошлом Азедарака, как искусно он домогался продвижения в церковной иерархии, какими скрытными и по-

дозрительными были его поступки, благодаря которым он добился своего положения. И тогда стало ясно, что без колдовства здесь не обошлось.

Встревоженный Амброз гадал, обнаружил ли Азедарак исчезновение Книги Эйбона среди молитвенников, осквернённых ее нечестивым соседством. И если да, то сколько времени ему понадобится, чтобы связать отсутствие книги с тайным бегством своего гостя, и что он предпримет в этом случае.

В этом месте размышления Амброза были прерваны раздавшимся у него за спиной громким стуком копыт скачущего галопом коня. Лес вокруг был таким дремучим, что, появись из его глубин языческий кентавр, монах вряд ли удивился бы; и Амброз, полный тяжких предчувствий, оглянулся на приближающегося всадника. Этот бородач в ярком дорогом камзоле, скачущий на прекрасном черном жеребце с богатой сбруей, очевидно, был знатным человеком или придворным. Всадник догнал Амброза и проскакал мимо с вежливым поклоном, всем своим видом показывая, что спешит по своим делам. Монах тут же успокоился, хотя некоторое время его тревожило неясное чувство, будто он где-то видел эти узкие глаза и резко очерченный профиль, с которыми так не вязалась длинная борода. Однако он с облегчением подумал, что никогда не видел этого человека в Ксиме. Всадник вскоре скрылся за поворотом лесной дороги. Амброз снова вернулся к своим воспоминаниям, вызывающим у него мрачные предчувствия и дрожь ужаса в членах.

По мере того как монах продолжал свой путь, ему казалось, что солнце опускается к вершинам деревьев как-то неестественно быстро. И хотя над Амброзом сияло безоблачное небо, а воздух был чист и прозрачен, дремучий лес, обступивший его со всех сторон, застыл, объятый непонятным мраком. Стволы деревьев казались странно изогнутыми, а густая листва на низко висящих ветвях пугала причудливыми очертаниями. Амброзу казалось, что тишина вокруг подобна хрупкой оболочке, которую вот-вот разорвут бормочущие дьявольские голоса — так тихое и спокойное течение вод вдруг нарушает вынырнувшая из глубины облепленная тиной коряга.

С огромным облегчением Амброз вспомнил, что находится совсем недалеко от постоялого двора «Услада пут-

ника». Он решил переночевать там, поскольку проделал большую часть пути до Вийона.

И действительно, через некоторое время показались огни таверны. Перед их милостивым золотистым светом безмолвные лесные тени отступили, и монах устремился к воротам постоялого двора с таким чувством, будто вырвался из лап скопища гоблинов.

Предоставив своего осла заботам конюха, Амброз вошел в таверну. Здесь его приветствовал с особым почтением к его сану тучный и елейно угодливый хозяин, поспешивший заверить, что слуге Господа будет предоставлена лучшая комната. Амброз уселся за один из столов, присоединившись к другим посетителям, дожидавшимся ужина.

Среди них Амброз заметил длиннобородого всадника, который недавно обогнал его в лесу. Тот сидел в одиночестве и немного в стороне от других. Гости — пара странствующих купцов, нотариус и два солдата — отнеслись к появлению монаха с приличествующей вежливостью. Всадник же поднялся из-за стола и направился к Амброзу с явным намерением завязать знакомство.

— Не разделите ли вы со мной трапезу, господин монах? — предложил он. В его грубоватом, но льстивом голосе прозвучали странно знакомые нотки, и его хищный профиль снова показался Амброзу знакомым, хотя он никак не мог припомнить, где мог видеть этого человека.

— Сьер де Эмо из Турина, к вашим услугам,— представился тот.— Кажется, мы встретились с вами по дороге. Полагаю, вы, так же как и я, едете в Вийон?

Несмотря на смутное беспокойство и даже некоторое опасение, Амброз не посчитал удобным отклонить предложение. В ответ на вопрос он подтвердил, что, действительно, держит путь в Вийон. Ему совсем не нравился сьер де Эмо, узкие глаза которого, отражая свет свечей, угрожающе поблескивали, и манера держаться казалась слишком фамильярной, а любезность неискренней. Однако он проследовал вместе с ним к его столу, стоящему чуть в стороне от остальных.

— Я вижу, вы принадлежите к бенедиктинскому ордену,— продолжал сьер де Эмо со странной улыбкой, в которой как будто сквозила скрытая ирония.— Я всегда

восхищался вашим орденом — самым благородным и богатым братством. Могу я узнать ваше имя?

Амброз неохотно назвал себя.

— Ну а теперь, брат Амброз, пока нам будут сервировать ужин, я предлагаю выпить по бокалу красного аверуанского за ваше здоровье и процветание вашего ордена,— предложил сьер де Эмо.— Вино поддерживает силы во время долгого путешествия и очень полезно перед хорошим мясным блюдом.

Амброзу волей-неволей пришлось согласиться. Он не мог понять, почему, но этот человек все больше становился ему неприятен. Где-то он уже слышал этот зловещий мурлыкающий голосок, и этот уклончивый взгляд явно был ему знаком. Он искал еще какие-нибудь детали, чтобы оживить память. Не встречал ли он своего собеседника в Ксиме? И не был ли этот мнимый сьер де Эмо замаскированным приспешником Азедарака?

Пока монах размышлял, пригласивший его человек покинул стол и отправился заказывать вино. Амброз слышал, как он разговаривает с хозяином таверны и даже настаивает на том, что готов заплатить, лишь бы спуститься в подвал и лично выбрать напиток по вкусу. Заметив, с каким почтением поглядывали посетители таверны на знатного господина, Амброз немного успокоился. Когда хозяин таверны в сопровождении сьера де Эмо вернулся с двумя кувшинами вина, он почти избавился от своих смутных подозрений и страхов.

На стол поставили два больших бокала, и сьер де Эмо сейчас же наполнил их из кувшина. Амброзу показалось, что на дне одного из бокалов уже была какая-то красная жидкость; но в таверне царил полумрак, и он подумал, что, вероятно, ошибся.

— Здесь бесподобное вино двух урожаев,— объяснил сьер де Эмо, указывая на кувшины.— И то и другое превосходно, так что я в затруднении, какое выбрать. Но вы, брат Амброз, возможно, способны определить, какое из них лучше. Ваш вкус, полагаю, лучше моего.

Он пододвинул один из наполненных бокалов Амброзу.

— Это вино из виноградников Ла Френэ,— пояснил он.— Попробуйте, оно перенесет вас из этого мира в совершенно иной мир благодаря дремлющему в нем скрытому огню.

Амброз взял предложенный бокал и поднес к губам. Сьер де Эмо склонился к своему, как будто смакуя напиток. И что-то в его позе показалось ужасающе знакомо Амброзу. В вспышке ужаса его память ожила, и он вспомнил, что эти тонкие губы и острый подбородок, скрытые широкой бородой, подозрительно напоминают черты лица Жана Мавуазье, которого он часто встречал во дворце Азедарака и который, как он знал, был вовлечен в колдовские дела епископа. Его поразило, почему он сразу не определил это сходство, и он вдруг понял, что не иначе как находится под влиянием колдовства.

Даже сейчас он не был уверен до конца в своей догадке; но явное подозрение ужасало его, как будто ядовитая змея подняла свою голову над столом.

— Давайте выпьем, брат Амброз, за ваше здоровье и благосостояние всех добрых бенедиктинцев! — предложил сьер де Эмо и осушил свой бокал.

Амброз медлил в нерешительности. Его собеседник смотрел на него холодным гипнотическим взглядом, и у монаха не было сил отказаться, несмотря на все усилия. Дрожа, с чувством какого-то непреодолимого принуждения и зная почти наверняка, что ему грозит смерть от яда, он осушил свой бокал.

Через мгновение монах почувствовал, что его худшие опасения оправдались. Вино горело у него в горле и на губах, как жидкое пламя Флегетона, а вены, казалось, наполнились горячей адской ртутью. Одновременно непереносимый холод охватил все его существо. Ледяной ревущий вихрь закружил его, стул под ним исчез, и он полетел в бесконечную ледяную пропасть. Стены таверны растворились, как редеющий туман, огни погасли, как звезды в черной болотной мгле, и лицо сьера де Эмо исчезло в водовороте теней, как разбегающиеся круги на глади ночного озера.

Глава 3

По каким-то слабым признакам Амброз понял, что не умер. Ему казалось, что падение продолжалось целую вечность. Он летел сквозь серую мглу, населенную какими-

то постоянно меняющимися непонятными образами с расплывчатыми очертаниями. Затем вокруг него как будто снова возникли стены; и тогда его стало бросать с одного призрачного вала на другой. Ему казалось, что он видит человеческие лица; но все вокруг было сомнительным и мимолетным, все было затянуто дымом и волнами мрака.

Неожиданно, без всякого перехода или удара, он обнаружил, что уже не падает. Туманная фантасмагория вокруг него превратилась в реальность, однако то, что он увидел, не имело ничего общего ни с таверной «Услада путника», ни с сьером де Эмо.

Амброз, не веря своим глазам, оглядывал совершенно непонятное место. Он сидел в широком пятне света на большом квадратном блоке грубо вытесанного гранита. Вокруг него, на небольшом расстоянии, окружая зеленую поляну, стояли величественные сосны. Лучи заходящего солнца золотили раскидистые ветви старых деревьев. Прямо перед ним стояли несколько человек.

Похоже, они относились к Амброзу с глубоким и почти религиозным благоговением. Бородатые и дикие на вид, они были одеты в белые одежды странного покроя, какого он никогда не видывал. Спутанные длинные волосы, похожие на кольца черных змей, покрывали их плечи, глаза горели фанатичным огнем. Каждый держал в правой руке тяжелый нож из грубо отесанного камня.

Амброз подумал, что он, вероятно, умер, а эти создания — странные демоны из преисподней. Он уставился на них с тревогой и беспокойством и зашептал молитву Господу, который так необъяснимо покинул его и оставил беззащитным перед духовными врагами. Затем он вспомнил, что Азедарак владеет черной магией, и предположил, что тот перенес его из таверны «Услада путника» прямо в руки сатанинских существ, которые служат епископу-чародею. Удостоверившись, что сам он вполне реален, более того, даже цел и невредим, и понимая, что вряд ли похож на покинувшую тело душу и что лес вокруг него едва ли тянет на преддверие ада, Амброз принял это предположение о колдовстве, как единственно возможное. Он был все еще жив и все еще находился на земле, хотя в месте непостижимо загадочном и полном страшной и неизведанной опасности.

Странные существа пребывали в полнейшем молчании, как будто были слишком ошеломлены, чтобы говорить. Слушая молитвенный шепот Амброза, они, похоже, начали оправляться от удивления, и оказалось, что они могут говорить не только членораздельно, но и громогласно. Амброз не понимал их резкой речи, в которой свистящие, горловые и придыхательные звуки сочетались так, что обычный человек не смог бы им подражать. Однако он разобрал слово «таранит», которое повторялось несколько раз, и подумал, что это, скорее всего, имя особенно злобного демона.

Говор таинственных существ начал принимать тяжеловесный ритм, как первобытное песнопение. Двое из них приблизились и схватили Амброза, а другие затянули громкую торжественную литанию.

Амброз не представлял, что происходит, и еще меньше — что может произойти. Вот его бросили навзничь на гранитный камень и прижали к нему. Одно из странных существ занесло над ним острый кремневый клинок. Нож завис в воздухе, целя в сердце Амброза, и монах внезапно понял, что он вот-вот упадет и пронзит его грудь.

Вдруг сквозь дьявольские голоса, которые перешли в сумасшедший злобный визг, он услышал сладостный и повелительный женский голос. Амброз был растерян и испуган — слова, которые он услышал, показались ему странными и бессмысленными, но схватившие его существа их явно поняли и беспрекословно подчинились приказу. Каменный нож медленно опустился, и Амброзу позволили сесть на гладкой плите.

Его спасительница стояла на краю поляны в тени раскидистой древней сосны. Но вот она подошла, и твари, одетые в белые одежды, почтительно склонились перед ней. Высокая, с царственной осанкой, она была одета в мерцающие одежды, темно-синие, словно усеянное звездами ночное летнее небо. Волосы у нее были заплетены в длинную золотисто-каштановую косу, тяжелую, словно блестящие кольца восточной змеи. Янтарные глаза, губы, словно киноварь, оттененная прохладой леса нежная алебастровая кожа. Амброз подумал, что ему еще не доводилось видеть такую красавицу; но она внушала ему смешанный чувства — и благоговение, как перед королевой,

и ужас, который целомудренный молодой монах испытал бы в греховном присутствии соблазнительной суккубы.

— Идем со мной,— приказала она Амброзу на языке, который он понял благодаря своим монастырским занятиям. Красавица говорила на древнефранцузском, которым пользовались в Аверуане в стародавние времена и на котором уже сотни лет никто не говорил. Ошеломленный монах послушно поднялся и последовал за незнакомкой. Вслед ему раздался ропот недовольства, но никто не посмел его задержать.

Женщина провела Амброза по узкой тропинке, которая, извиваясь, тянулась в глубь темного леса. Через некоторое время поляна, гранитная глыба и одетые в белое существа скрылись из виду за густой листвой.

— Кто ты? — спросила женщина, повернувшись к Амброзу.— Ты похож на одного из тех безумных миссионеров, что совсем недавно появились в Аверуане. Знаю, люди называют их христианами. Друиды многих принесли в жертву Таранит, так что я поражаюсь твоему безрассудству, раз ты не побоялся сюда прийти.

Амброз с трудом постигал архаичную речь. К тому же смысл слов красавицы показался ему настолько странным и запутанным, что он решил, что не понял ее.

— Я — брат Амброз,— ответил он, медленно и неуклюже подбирая слова древнего диалекта.— Конечно, я христианин. Но, должен признаться, я не понимаю вас. Мне доводилось слышать о друидах-язычниках, однако они были изгнаны из Аверуана несколько столетий назад.

Женщина с удивлением и жалостью посмотрела на Амброза. Желтые глаза ее казались чистыми и ясными, как выдержанное вино.

— Бедняжка,— пробормотала она.— Переживания, вероятно, помутили твой разум. Тебе повезло, что я подоспела вовремя и сочла нужным вмешаться. Я редко мешаю друидам совершать жертвоприношения, но мне стало жаль тебя, когда я увидела, как ты сидишь на их алтаре, такой юный и миловидный.

Амброз все сильнее ощущал, что стал жертвой какого-то особенного чародейства; но он и предположить не мог, в чем суть этого колдовства. Однако даже несмотря на смущение и испуг, он понял, что его жизнь принадлежит

этой одинокой и красивой женщине, и начал бормотать слова благодарности.

— Не нужно меня благодарить,— с нежной улыбкой отмахнулась красавица.— Я Моримис, чародейка, и друиды боятся моей магии. Она более могущественна и совершенна, чем их ворожба, хотя я пользуюсь своим искусством только для блага людей, а не во зло.

Монах ужаснулся, узнав, что его прекрасная спасительница — колдунья, хотя ее силы явно были направлены на служение добру. Тревога его возросла, но он понимал, что будет лучше, если он постарается держать себя в руках.

— Я действительно благодарен вам,— заверил он волшебницу.— И буду перед вами в еще большем долгу, если вы покажете мне дорогу к таверне «Услада путника», которую я недавно покинул.

Моримис нахмурила тонкие брови.

— Я никогда не слышала о таверне «Услада путника». В округе нет такого места.

— Но ведь это Аверуанский лес? — спросил обескураженный Амброз.— Разве мы не рядом с дорогой, которая соединяет Ксим и Вийон?

— Я никогда не слышала ни о Ксиме, ни о Вийоне,— ответила Моримис.— Действительно, эта страна называется Аверуан, и вокруг нас великий Аверуанский лес. Люди называют его так с незапамятных времен. Но здесь нет тех городов, о которых ты говоришь, брат Амброз. Боюсь, что ты все еще блуждаешь в грезах.

Амброз стоял в недоумении и растерянности.

— Меня подло обманули,— сказал он, отчасти обращаясь к самому себе.— Теперь я уверен, это все происки гнусного колдуна Азедарака.

Женщина вздрогнула, будто ее ужалила дикая пчела. Что-то резкое и жестокое мелькнуло во взгляде, который она метнула в Амброза.

— Азедарака? — переспросила она.— Что ты знаешь об Азедараке? Однажды я была знакома с человеком, которого так звали. Может быть, ты говоришь о нем? Он высокий, с сединой, у него горячие темные глаза и гордое, будто рассерженное выражение лица, а еще полукруглый шрам на брови.

Амброз, необычайно удивленный и испуганный, подтвердил ее описание. Понимая, что нежданно наткнулся

на тайное прошлое чародея, он поведал Моримис историю своих злоключений, надеясь, что она еще что-нибудь расскажет об Азедараке.

Та слушала с видом заинтересованным, но без капли удивления.

— Мне все понятно,— сказала она, когда Амброз закончил свой рассказ.— Сейчас я объясню тебе все, что тебя смущает и пугает. Думаю, что я знаю и Жана Мавуазье. Он был долгое время слугой Азедарака, хотя тогда его звали Мелькир. Они оба всегда были приспешниками зла и служили Старцам способами, которые забыты или даже неизвестны друидам.

— Очень прошу, объясните мне, что произошло,— взмолился Амброз.— Это страшно, непонятно и возмутительно — выпить бокал вина в таверне под вечер, а утром очнуться в глухом лесу, среди демонов, от которых вы меня спасли.

— Хорошо,— согласилась Моримис.— Но случившееся с тобой намного непонятнее, чем ты думаешь. Скажика, Амброз, в каком году ты покинул «Усладу путника»?

— Ну конечно, в 1175 году от Рождества Христова. А в каком же еще?

— Друиды используют иное летосчисление,— пояснила Моримис.— Их записи тебе ничего не скажут. Но если верить тому календарю, которому следуют пришедшие в Аверуан христианские миссионеры, сейчас идет 475 год от Рождества Христова. Тебя перенесли на семьсот лет назад, во времена, которые люди твоей эпохи будут называть прошлым. На месте алтаря друидов, где я тебя обнаружила, в будущем, возможно, будет стоять таверна «Услада путника».

Амброз был настолько ошеломлен, что его разум отказывался воспринять все значение слов Моримис.

— Как же такое может быть? — воскликнул он.— Как может человек перенестись в прошлое, сквозь годы, и очутиться среди людей, которые давным-давно обратились в пыль?

— Может быть, это тайна Азедарака, которую нам предстоит раскрыть. Так или иначе, прошлое и будущее сосуществуют с тем, что мы называем настоящим. Это только два сегмента от круга времени. Мы видим их и называем так или иначе в зависимости от нашего места в этом круге.

Амброз понял, что он попал в сети особенно нечестивой черной магии и стал жертвой дьявольских козней, неизвестных христианским книгам.

Он молчал, сознавая, что все рассуждения, возражения и даже молитвы будут бесполезны. Вскоре над стволами сосен, стоящих вдоль тропы, по которой они с Моримис шагали, показалась каменная башня с маленькими ромбовидными окошками.

— Это мой дом,— объявила чародейка, когда они вышли из поредевшего леса к небольшому холму, на котором стояла башня.— Брат Амброз, будь моим гостем.

Амброз не смог отказаться от ее приглашения, хотя понимал, что Моримис вряд ли подходящая хозяйка для целомудренного и богобоязненного монаха. Однако религиозный страх, который она ему внушала, не мог развеять ее обаяния. К тому же, словно потерявшийся ребенок, он уцепился за единственную возможную защиту в этой стране ужасных грехов и поразительных тайн.

Внутри башни было светло, чисто и уютно, несмотря на мебель топорной работы и грубо вышитые гобелены на стенах. Служанка, такая же высокая, как Моримис, но смуглее, принесла монаху большую чашку молока и ломоть пшеничного хлеба, и Амброз получил наконец возможность утолить голод ведь ему так и не привелось поесть в «Усладе путника».

Собираясь приступить к этой простой трапезе, он ощутил вдруг тяжесть за пазухой и вспомнил, что Книга Эйбона все еще при нем. Он достал тяжелый том и осторожно протянул его Моримис. Колдунья широко раскрыла глаза от удивления, но не промолвила ни слова, пока он не закончил есть. Тогда она сказала:

— Эта книга действительно принадлежит Азедараку, который прежде был моим соседом. Я знаю этого негодяя довольно хорошо — даже слишком хорошо.— Тут красавица глубоко вздохнула, подавляя переполнявшие ее чувства, и выдержала многозначительную паузу.— Он был мудрейшим и могущественнейшим из магов, и к тому же самым загадочным. Никто не знал, когда он появился в Авероне и откуда он достал древнюю Книгу Эйбона, чьи рунические письмена оставались тайной для других чародеев. Он владел всеми видами магии, считался повелите-

лем всех демонов и к тому же умел составлять могущественные снадобья. Среди них были некоторые зелья, смешанные с сильнодействующими заклинаниями. Они обладали удивительной силой и могли перенести человека в будущее или в прошлое. Одно из них, надо полагать, Мелькир, или Жан Мавуазье, дал тебе. А сам Азедарак и его слуга использовали другое зелье — возможно, не впервые,— когда переместились из эпохи друидов во времена владычества христианства. Склянка с кроваво-красной жидкостью для путешествия в прошлое, а другая — с зеленой — для будущего. Подожди-ка! У меня есть обе — хотя Азедарак и не подозревал, что я знаю об их существовании.

Волшебница открыла небольшой ларец, где хранились всевозможные амулеты, высушенные на солнце травы и смешанные в лунном свете зелья, необходимые чародейке. Из них она выудила две склянки, одна из которых содержала кроваво-красную жидкость, другая — прозрачную изумрудно-зеленую.

— Когда-то я их украла, просто так, из женского любопытства, случайно наткнувшись на его тайник со снадобьями и эликсирами,— продолжала Моримис.— Я могла бы, если бы захотела, отправиться за этим мерзавцем в будущее. Но мне неплохо и здесь, к тому же я не из тех женщин, которые преследуют охладевших любовников...

— Значит, если бы я выпил зеленую жидкость, то смог бы вернуться в свое время? — с надеждой в голосе спросил Амброз.

— Верно. И я больше чем уверена, если судить по твоему рассказу, что твое возвращение причинит немало хлопот Азедараку. Это в его вкусе — развлекаться на сытой должности. Он всегда был хозяином положения, всегда заботился только о своем собственном благе. Уверена, ему вряд ли понравится, если ты попадешь к архиепископу... По натуре я не мстительна, но, с другой стороны...

— Трудно поверить, что кто-то мог охладеть к вам,— галантно заметил Амброз, начиная понимать ситуацию.

Моримис улыбнулась.

— Хорошо сказано. А ты милый юноша, несмотря на твою ужасную одежду. Я рада, что спасла тебя от друидов. Они бы вырезали у тебя сердце и принесли в жертву своему демону Таранит.

— Значит, вы вернете меня обратно, в мое время?

Моримис слегка нахмурилась, а затем ее лицо преобразилось, на губах заиграла соблазнительная улыбка.

— Тебе так не терпится меня покинуть? Теперь ты в другом веке, поэтому день, неделя, месяц не повлияют на дату твоего возвращения. А еще я помню формулу Азедарака. Обычный период перемещения — семьсот лет.

Солнце опускалось за сосны, и мягкий полумрак заполнил башню. Служанка покинула комнату. Моримис приблизилась и села на скамье рядом с Амброзом. Все еще улыбаясь, она пристально смотрела на него янтарными глазами, и в их глубине горел томный огонь — пламя, которое разгоралось по мере того, как сумрак становился темнее. Не говоря ни слова, она стала медленно распускать свои густые волосы, от которых шел слабый аромат, такой нежный и еле уловимый, как запах цветущей виноградной лозы.

Амброз был смущен этой восхитительной близостью.

— Я не уверен, что вправе остаться. Что подумает архиепископ?

— Мой дорогой мальчик, до рождения архиепископа по меньшей мере шестьсот пятьдесят лет. Когда же ты вернешься, все то, что произойдет между нами, пока ты здесь остаешься, окажется в далеком прошлом, семьсот лет назад... Такого срока более чем достаточно, чтобы обеспечить отпущение любого греха, и не имеет значения, сколько раз его совершали.

Как человек, оказавшийся в тенетах какого-то фантастического сновидения и считая, что сон в целом не так уж неприятен, Амброз сдался этому по-женски неопровержимому доказательству. Он едва ли знал, что должно произойти, но под грузом исключительных обстоятельств, указанных Моримис, оковы монастырской дисциплины окончательно ослабли, тем более что это не влекло за собой духовного проклятия или наказания за серьезное нарушение обета.

Глава 4

Месяц спустя Моримис и Амброз стояли возле алтаря друидов. Наступила ночь, и слегка ущербная луна поднялась над пустынной поляной, окруженной деревьями с

серебристыми от лунного света вершинами. Теплое дыхание летней ночи было нежным, как дыхание женщины во сне.

— Ты непременно должен вернуться? — печально спросила Моримис. В ее голосе звучали умоляющие нотки.

— Это мой долг. Я обязан вернуться к Клементу с Книгой Эйбона и сообщить ему другие свидетельства против Азедарака.

Эти слова самому Амброзу казались неубедительными, хоть он и старался сам себя убедить в обоснованности своих доводов. Идиллия его счастливой жизни с Моримис, которую он вряд ли мог считать истинно греховной, придавала всему, что предшествовало их встрече, некоторую гнетущую нереальность. Свободный от всех обязательств и условностей, в совершенном забвении сна, он жил как счастливый язычник; и сейчас должен вернуться назад к унылому существованию бенедиктинского монаха, побуждаемый сомнительным чувством долга.

— Я не буду удерживать тебя,— вздохнула Моримис.— Но я буду скучать по тебе и вспоминать, каким ты был чудесным возлюбленным и милым другом. Вот зелье.

Изумрудная жидкость казалась почти бесцветной в лунном свете, когда Моримис наливала ее в маленькую чашу, которую затем передала Амброзу.

— Ты уверена в ее действии? — спросил монах.— Ты уверена, что я вернусь в таверну «Услада путника» через месяц после моего исчезновения оттуда?

— Да,— подтвердила Моримис.— Зелье действует безошибочно. Но постой, я дам тебе еще вот эту склянку — с зельем прошлого. Возьми ее с собой. Кто знает, может быть, случится так, что ты захочешь снова ко мне вернуться.

Амброз принял пузырек с красной жидкостью и засунул его под сутану, рядом с древним руководством по гиперборейскому колдовству. Затем, после нежного прощания с Моримис, он с внезапной решимостью выпил содержимое чаши.

Лунная поляна, серый алтарь, Моримис — все исчезло в вихре пламени и мрака. Амброзу казалось, что он целую вечность летит вверх по фантасмагорической пропасти среди беспрестанно меняющихся и растворяющихся неясных очертаний, мимолетных образов и постепенно исчезающих неведомых миров.

Наконец он обнаружил, что снова сидит в таверне «Услада путника», возможно, даже за тем же самым столом, за которым сидел вместе с сьером де Эмо. Стоял полдень, и таверна была полна посетителей, среди которых он тщетно высматривал краснолицего тучного хозяина или слуг и гостей, которых видел прежде. Все казались ему незнакомыми, и обстановка казалась на удивление обветшалой.

Обнаружив присутствие Амброза, окружающие уставились на него с нескрываемым любопытством. Высокий человек с хмурым взглядом и впалыми щеками поспешно подошел к нему и склонился перед ним в поклоне, выражавшем не столько услужливость, сколько нахальное любопытство.

— Что желаете? — спросил он.

— Это таверна «Услада путника»?

Хозяин постоялого двора уставился на Амброза.

— Нет, это таверна «Приятное ожидание». Я тут хозяин вот уже тридцать лет. Разве вы не прочли вывеску? Таверна называлась «Услада путника» при моем отце, но после его смерти я поменял название.

Амброза охватил ужас.

— Но у постоялого двора было другое название и другой хозяин, когда я останавливался в нем совсем недавно,— в замешательстве воскликнул он.— Хозяин был полным, веселым человеком.

— Так выглядел мой отец,— сказал хозяин, с еще большим подозрением вглядываясь в Амброза.— Он умер тридцать лет назад, как я уже сказал. А вы тогда еще родиться не успели.

До Амброза стало доходить, что произошло. Изумрудно-зеленое зелье по какой-то ошибке или излишней силе перенесло его на много лет в будущее!

— Я должен закончить свое путешествие в Вийон,— смущенно пробормотал он, еще не вполне уверенный в своей догадке.— У меня есть послание к архиепископу Клементу, и я должен незамедлительно его доставить.

— Но Клемент умер даже раньше моего отца! — воскликнул хозяин таверны.— Откуда вы взялись, что не знаете этого? — По выражению его лица явно было видно, что он начал сомневаться в здравом рассудке Амброза. И

другие посетители, слыша их странный разговор, стали оборачиваться и осыпать монаха веселыми и даже неприличными насмешками.

— А что случилось с Азедараком, архиепископом Ксима? Он тоже умер? — спросил Амброс с безнадежным отчаянием.

— Вы, конечно, имеете в виду Святого Азедарака? Он пережил Клемента, но ненамного, и был канонизирован тридцать два года назад. Поговаривали, что он не умер, а живым вознесся на небеса, и большая гробница, возведенная для него в Ксиме, осталась пустой. Но, возможно, это просто легенда.

Отчаяние и смущение охватило Амброза. Между тем шум вокруг него усилился, и, несмотря на его сутану, в его адрес посыпались грубые замечания и насмешки.

— Добрый брат совсем лишился ума,— крикнул кто-то.

— Аверонские вина оказались слишком крепки для него,— вторили другие.

— Какой сейчас год? — в отчаянии спросил Амброс.

— 1230 год от Рождества Христова,— ответил хозяин таверны, разражаясь ироническим смехом.— А вы думали, какой?

— Когда я был в таверне «Услада путника», шел 1175-й,— пробормотал Амброз.

Его заявление было встречено новыми насмешками и хохотом.

— Ну, молодой господин, в это время вы еще не родились,— хмыкнул хозяин. Затем, как будто вспомнив что-то, он задумчиво продолжил.— Когда я был ребенком, отец рассказывал мне про одного молодого монаха, примерно вашего возраста. Он приехал на наш постоялый двор летним вечером 1175 года и вдруг неожиданно исчез, после того, как выпил бокал красного вина. Кажется, его звали Амброз. Возможно, вы и есть тот Амброз и вернулись из своего путешествия в никуда.

Он шутливо подмигнул, и эта новая насмешка пошла гулять среди посетителей таверны от одного к другому.

Амброз лихорадочно обдумывал свое положение. Его миссия была бесполезна из-за смерти или исчезновения Азедарака; сейчас в Авероне не осталось никого, кто бы мог узнать его и поверить его рассказу. Он чувствовал себя

беспомощным и чужим в этом непонятном времени среди незнакомых людей.

Вдруг он вспомнил про пузырек с красной жидкостью, который ему вручила Моримис. Это снадобье, так же как и зеленое зелье, могло дать непредсказуемый эффект, но Амброза охватило всеобъемлющее желание вырваться из рокового затруднения. А кроме того, он стремился вернуться к Моримис, как ребенок к своей матери. Воспоминание о радости и наслаждениях жизни в прошлом нахлынуло на него неотразимыми чарами. Не обращая внимания на красные лица и шум голосов вокруг, он достал пузырек из-за пазухи, открыл и выпил содержимое...

Глава 5

Он снова оказался на лесной поляне, рядом с огромным алтарем. Моримис стояла возле него, прекрасная, теплая, живая. И луна все еще освещала верхушки сосен. Казалось, не прошло и нескольких мгновений с тех пор, как он попрощался со своей любимой чародейкой.

— Я знала, что ты вернешься,— проворковала Моримис.— И решила немножко подождать.

Амброз рассказал ей, как по ошибке попал совсем в другое время.

Моримис кивнула в замешательстве.

— Зеленое зелье оказалось более сильным, чем я предполагала,— заметила она.— К счастью, красное снадобье оказалось нужной силы и смогло перенести тебя ко мне сквозь все добавочные годы. Тебе придется остаться со мной навсегда — ведь у меня было только два пузырька. Надеюсь, ты меня простишь.

Амброз подтвердил способом, далеким от монашеского целомудрия, что он не в обиде.

И ни тогда, ни после Моримис не открыла ему, что могла сама немного усиливать или ослаблять действие снадобья с помощью особого заклятия, которое выведала у Азедарака.

СОЗДАТЕЛЬ ГОРГУЛИЙ

Среди множества горгулий, дерзко и злобно глядящих с крыши недавно построенного собора в Вийоне, две отличались от остальных своей причудливостью и мастерством, с которым они были изваяны. Эту пару создал камнерез Блез Рейнар, уроженец Вийона, недавно вернувшийся из долгого путешествия по Провансу и нанявшийся на строительство собора, когда отделочные работы были уже почти завершены. Архиепископ Амброзиус горько сожалел о том, что не мог нанять его прежде и поручить ему создание всех горгулий, но другие, чьи вкусы были строже, выражали противоположное мнение.

Возможно, на это мнение повлияла неприязнь, которую весь Вийон испытывал к Рейнару с мальчишеских лет, и которая с новой силой вспыхнула после его возвращения. Само лицо его, казалось, было создано для того, чтобы вызывать всеобщую ненависть: очень смуглое, с иссиня-черными волосами и бородкой, с косящими разноцветными глазами, придававшими камнерезу недобрый вид. Его скрытность и молчаливость заставляли некоторых говорить о том, что он колдун; были даже такие, кто обвинял его в сношениях с дьяволом, хотя эти злые слова так и остались всего лишь словами из-за недостатка убедительных доказательств.

Однако люди, обвинявшие Рейнара в сношениях с нечистой силой, через некоторое время стали приводить в

качестве доказательства созданных им горгулий. Ни один человек, утверждали они, не смог бы столь зримо воплотить в камне злобу и порок, не будь он вдохновлен самим Сатаной.

Две горгульи находились по углам высокой башни собора. Одна — чудовище с кошачьей головой, лапами и крыльями грифона — застыла на краю крыши, словно готовясь спикировать на Вийон. Вторым был сатир с крыльями нетопыря, с похотливым взглядом, точно пожирающим беспомощную жертву Обе фигуры камнерез изваял во всех деталях. Мало напоминая обычные украшения церковных крыш, они выглядели так, словно в любой момент могли ожить и сорваться с насиженного места.

Амброзиус, большой ценитель искусства, откровенно любовался этими причудливыми созданиями. Но остальные горожане, среди которых было немало служителей церкви, оказались возмущены, кто в большей степени, кто в меньшей. Они утверждали, что мастер изваял эти фигуры во славу скорее Сатаны, чем Господа. Конечно, признавали они, облик горгулий и должен быть причудливым и устрашающим, но в данном случае мастер перешел все допустимые границы.

Однако, когда строительство закончилось, к горгульям Блеза Рейнара постепенно привыкли и вскоре почти перестали их замечать. Злословие сошло на нет, а сам камнерез нашел другую работу не без помощи разбирающихся в искусстве покровителей. Он стал ухаживать, хотя и без особенного успеха, за дочерью трактирщика, Николетой Вильом, в которую, как говорят, был тайно влюблен долгие годы.

Но сам Рейнар не забыл горгулий. Часто, проходя мимо величественной громады собора, он разглядывал их с тайной гордостью, причину которой он и сам вряд ли смог бы объяснить. Казалось, они имеют для него особое значение и их вид согревает ему душу.

Если бы его спросили о причинах его гордости, он ответил бы, что гордится искусной работой. Он не сказал бы, а может, и сам не подозревал о том, что в одной из горгулий воплотил всю злобу и обиду на несправедливость жителей Вийона и водрузил ее на крышу собора, откуда она должна была вечно взирать на суетящихся внизу го-

рожан. Может, он не догадывался и о том, что во второй горгулье он изобразил свою страсть к Николете, безмолвную и упорную страсть, которая вновь привела его в ставший ненавистным город его юности.

Камнерезу, даже больше, чем его хулителям, они казались одушевленными, живущими собственной жизнью. И больше всего они стали казаться живыми, когда лето подошло к концу и над городом начали собираться осенние бури. Когда потоки воды низвергались с крыши собора, могло показаться, что горгульи злобно плюются в тех, кто смотрит на них снизу.

В то время, в 1138 году от Рождества Христова, Вийон считался главным городом провинции Аверуан. С двух сторон глухие леса, о которых рассказывали страшные вещи, подходили так близко к городским стенам, что их тень на закате достигала городских ворот. С двух других сторон располагались возделанные поля и ручьи, петляющие между ивами, и дороги, ведшие через открытую равнину, в земли, лежащие за пределами Аверуана.

Сам город процветал уже долгое время и никогда не разделял недобрую славу окружавших его лесов. Его освящало присутстви двух женских монастырей и одного мужского, и теперь, когда строительство долгожданного собора закончилось, горожане считали, что Вийону гарантировано заступничество святых и нечисть будет держаться от него подальше.

Разумеется, как и во всех средневековых городах, в Вийоне время от времени обнаруживались случаи колдовства или одержимости бесами; и как-то раз, а может, и дважды, бессовестные суккубы совращали добродетельных жителей города. Но никто не мог предвидеть ужасных событий, начавшихся в последний месяц осени, в тот год, когда было закончено строительство собора.

Первое из них произошло по соседству с собором, в тени священных стен, что было совсем уж непостижимо. Двое горожан, почтенный портной по имени Гийом Маспье и столь же уважаемый бондарь, Жером Мацаль, возвращались домой поздним вечером, добросовестно перепробовав все красные и белые аверуанские вина в нескольких трактирах. Если верить словам Маспье, они проходили по соборной площади и рассматривали засло-

няющую звезды громаду собора, когда летающее чудище, черное, как сажа преисподней, спикировало с крыши и набросилось на Жерома. Оно сбило его с ног и вцепилось в него зубами и когтями.

Маспье был не в состоянии подробно описать чудовище, ибо судьба его товарища отбила у него всякое желание задержаться на месте происшествия. Он бежал без оглядки, со всей прытью, на которую был способен, и остановился лишь у дома священника, где и поведал о своем приключении, перемежая рассказ дрожью и икотой.

Вооружившись святой водой и наперсным крестом, в сопровождении толпы горожан, несущих факелы, священник последовал за Маспье на место трагедии, где они нашли растерзанное тело Мацаля. Лицо его было искажено ужасом, горло и грудь истерзаны когтями. В ту ночь никто больше не видел чудовища, но горожане разошлись по домам напуганные, убежденные в том, что их город посетил выходец из преисподней.

Наутро, когда весть о ночном происшествии облетела всех обитателей города, священники прошли повсюду с ладаном и святой водой, но напрасны оказались их старания, ибо злой дух был рядом и на следующую ночь снова вышел на охоту.

В узком переулке он напал на двух достойных горожан, мгновенно умертвив одного из них и вцепившись в другого сзади, когда тот пытался убежать. Пронзительные крики и утробное рычание демона слышали люди, живущие в близлежащих домах. Те из них, у кого хватило храбрости выглянуть в окно, видели, как мерзкая тварь улетала, затмевая размашистыми черными крыльями осенние звезды.

После этого происшествия очень немногие отваживались выходить на улицу по ночам, да и то лишь вооруженными группами, с факелами в руках, рассчитывая таким образом отпугнуть демона, которого они считали созданием тьмы, боящимся огня и света. Но чудовище продолжало нападать, гася факелы взмахами широких крыльев и дерзко выхватывая жертвы из толпы.

Казалось, им движет смертельная ненависть, ибо люди, на которых оно нападало, были растерзаны в клочья. Те же, кому посчастливилось остаться в живых, не могли

подробно описать чудище, сходясь лишь в том, что у него была звериная голова и огромные птичьи крылья. Знатоки демонологии утверждали, что это был Модо, дух убийства, другие считали его одним из приближенных Сатаны.

Город был охвачен суеверным ужасом, паническим ужасом, который невозможно выразить словами. Казалось, над ним клубится тяжелая душная мгла. Даже днем обывателям мерещились огромные крылья, страх проник повсюду, словно моровое поветрие.

* * *

Горожане выходили на улицу, дрожа и крестясь, архиепископ, точно так же как и подчиненные ему священнослужители, признавался в своей неспособности справиться с разрастающимся злом. В Рим отправили гонца, который должен был привести воду, освященную самим папой. Лишь это средство, по слухам, могло спасти Вийон от кошмарного гостя.

Однажды вечером, примерно в середине ноября, настоятель францисканского монастыря, покинувший келью, чтобы соборовать умирающего друга, был настигнут чудовищем прямо на пороге дома, куда направлялся, и умерщвлен столь же варварски, как и остальные жертвы.

К этому гнусному деянию вскоре прибавилось и немыслимое кощунство. На следующую же ночь, когда аббата отпевали в соборе, демон ворвался сквозь высокие двери нефа. Затушив взмахами крыльев свечи, теплившиеся у гроба, он растерзал троих священников прямо на ступенях алтаря.

Каждый ощущал теперь грозную близость смерти. Среди растерянности и хаоса последовал прискорбный всплеск человеческих злодеяний: убийства, грабежи и воровство уже казалось, никого не удивляли. Множество неофитов служило черные мессы в окрестных лесах и тайных капищах.

В самый разгар смятения и неразберихи по Вийону пошли слухи, что в городе появился второй демон, что первое чудище нашло себе товарища — духа распутства и похоти, преследовавшего женщин. Это создание до истерики напугало нескольких дам, девиц и служанок, подглядывая в окна их спален.

Однако, как ни странно, не было ни одного достоверного случая, чтобы этот омерзительный урод посягнул на честь какой-нибудь женщины. Он приближался ко многим, пугая их своим обликом и сладострастными гримасами, но ни одну не тронул. Даже в эти страшные времена кое-кто отпускал непристойные шуточки по поводу странной сдержанности этого демона. Он ищет кого-то, уверяли они, кого еще не встречал на ночных улицах.

Лишь длинный изогнутый переулок отделял жилище Блеза Рейнара от трактира, который держал Жан Вильом, отец Николеты. В этом трактире Рейнар имел обыкновение проводить все вечера, хотя Жан был этим недоволен, да и сама Николета не слишком-то привечала резчика. Его терпели благодаря туго набитому кошельку, вкупе с почти беспредельным пристрастием к вину. Камнерез появлялся, едва только садилось солнце, и безмолвно просиживал час за часом, мрачно глядя на Николету и безрадостно глотая крепкие аверуанские вина. Несмотря на желание сохранить выгодного посетителя, в трактире Блеза побаивались за его скверную репутацию и угрюмый нрав. Никто не общался с ним больше, чем это было необходимо.

Как и все в Вийоне, Рейнар по ночам ощущал бремя суеверного ужаса, когда посланник ада реял над городом, высматривая очередную жертву, которой теперь мог оказаться любой. Ничто менее властное, чем его страсть к Николете, не смогло бы заставить его преодолеть извилистый переулок, отделявший его дом от двери трактира.

Осенние ночи были безлунны. В следующую ночь после осквернения собора серп молодого месяца склонился над крышами домов, когда в обычный час Рейнар вышел из дверей своего жилища. В узком петляющем переулке было темно, и он дрожал от страха, пробираясь во мраке, лишь изредка нарушаемом слабым отсветом свечи. Ему казалось, что вот-вот над ним раздастся хлопанье дьявольских крыльев и в темноте загорятся зловещие глаза. Дойдя почти до конца переулка, он увидел, что растущая луна скрылась за облаком, имеющим сходство с неуклюже изогнутыми заостренными крыльями.

Он испытал огромное облегчение, достигнув наконец двери трактира. Его преследовало ощущение, что кто-то неслышно следует по пятам, наполняя сумерки дыханием

опасности. Резчик быстро захлопнул за собою дверь, словно надеясь спастись за ней от невидимого преследователя.

В тот вечер в трактире оказалось не слишком много посетителей. Николета подавала вино молодому купцу Раулю Купену и охотно смеялась над его грубыми остротами. Жан Вильом тихим голосом обсуждал последние происшествия со своими посетителями и пил с ними наравне.

Кипя от ревности, Рейнар уселся за стол и начал бросать злобные взгляды на воркующую парочку. Казалось, никто не заметил его появления. Вильом продолжал как ни в чем не бывало беседовать с друзьями, и Николета со своим кавалером обращали на него не больше внимания, чем на веник у порога. К ревнивому гневу Рейнара вскоре прибавилась обида, и он начал барабанить тяжелыми кулаками по столу, пытаясь привлечь к себе внимание.

Вильом, который сидел к камнерезу спиной, не оборачиваясь, позвал Николету и велел ей обслужить Рейнара. Через плечо улыбнувшись Купену, она медленно подошла к столу своего нежеланного поклонника.

Она была маленькая и пухленькая, с золотисто-рыжими волосами, обрамлявшими прелестное круглое личико. Платье цвета зеленых яблок подчеркивало ее соблазнительные формы. Выражение лица девушки казалось пренебрежительным, ибо Блез ей не нравился, и она не давала себе труда скрывать отвращение. Но Рейнару она показалась еще прелестнее и желаннее, чем когда-либо прежде. Ему хотелось схватить ее в объятия и унести прочь прямо на глазах ее отца и Рауля Купена.

— Принеси мне кувшин вина из Ла Френэ,— бросил он отрывисто. Голос выдавал бушевавшую в нем смесь обиды и желания.

Насмешливо встряхнув головой и кидая кокетливые взгляды на Купена, девушка повиновалась Поставив перед Рейнаром заказанное вино, она вернулась за стол к молодому купцу и возобновила беседу.

Рейнар принялся за вино, но оно лишь сильнее растравило обиду. Его глаза загорелись злобой, изгиб губ стал угрожающим, как у изваянной им горгульи на башне нового собора. Мрачный гнев, точно ярость угрюмого фавна, запылал в его душе, но Блез сидел неподвижно, пытаясь заглушить чувства и снова и снова осушая свой кубок.

Рауль Купен тоже изрядно выпил и стал смелее в своих ухаживаниях. Он пытался поцеловать руку Николеты, которая уселась на скамью рядом с ним. Рука была игриво отдернута, но после того, как ее хозяйка легонько шлепнула наглеца, снова протянута Раулю.

Блез вскочил на ноги и шагнул к любезничающей парочке с нечленораздельным рыком. Им владело неодолимое желание задушить счастливого соперника. Один из посетителей приметил его движение и кликнул Вильома. Трактирщик встал, пошатываясь, пересек комнату и уставился на Рейнара, готовый немедленно вмешаться.

Рейнар на секунду остановился в нерешительности, затем двинулся дальше, безумный от ненависти, затмевающей его разум. Он жаждал убить Вильома и Купена, всех их приятелей, сидевших в углу, а потом, над их задушенными телами, истерзать неистовыми ласками тело Николеты.

Видя приближение камнереза, Купен также поднялся на ноги и выхватил небольшой кинжал, который носил под плащом. Тем временем Жан Вильом втиснул свое дородное тело между соперниками.

— Сядь за свой стол, камнерез,— прикрикнул он на Рейнара.

Видя, что сила не на его стороне, Рейнар остановился, хотя гнев все еще кипел в его душе, точно варево в котле колдуна. Он смотрел злобно горящими узкими глазами и видел за их спинами серые рамы трактирного окна, в котором смутно отражалась комната с горящими свечами, головы Купена, Вильома и Николеты и его собственное мрачное лицо.

В этот момент ему почему-то вспомнилось неясное облако, которое он видел на фоне луны, и ощущение, что кто-то следует за ним, появившееся в переулке.

Пока он нерешительно глядел на группу, стоящую перед ним, и ее отражение в окне, раздался оглушительный треск, и стекла вылетели, разлетаясь десятками осколков. Чудовищная темная фигура влетела в комнату вместе с фонтаном стеклянных брызг, и хлопанье тяжелых крыльев заставило неистово заплясать огоньки свечей. Тварь взмыла под потолок и на мгновение повисла среди испуганно мечущихся теней. Ее глаза горели, точно угли, а губы

изгибались в злобной и презрительной ухмылке, позволяя видеть змеиные клыки.

За ней сквозь разбитое окно в комнату проникло еще одно летучее чудовище. В каждом его движении сквозили похоть и сластолюбие, так же, как в полете его товарища была видна убийственная злоба. Лицо сатира кривилось жуткой застывшей ухмылкой, а желтые глаза были прикованы к Николете.

Рейнар, как и все остальные, остолбенел от ужаса, столь сильного, что на миг он забыл обо всем остальном. Неподвижно смотрели они на вторжение демонов, и в душе Рейнара ужас мешался с изумлением. Николета, дико завизжав, повернулась и бросилась бежать.

Ее вопль точно подхлестнул двух демонов. Один ударом когтистой лапы разодрал горло Жану Вильому, а затем напал на Рауля Купена, второй погнался за девушкой, и настигнув ее, накрыл, словно дьявольскими занавесями, черными перепончатыми крыльями.

В комнате бушевал стонущий вихрь, хаос диких криков и мечущихся переплетенных теней. Рейнар слышал утробное рычание чудища, терзавшего тело Купена, и похотливый смех инкуба, заглушающий крики девушки. Свечи погасли от ветра, поднятого огромными крыльями. В темноте Рейнар сильно ударился головой обо что-то твердое и провалился во мрак беспамятства.

* * *

С неимоверным усилием Рейнар приходил в сознание. Он не сразу вспомнил, где он и что произошло. Голову наполняла пульсирующая боль, перед глазами кружились человеческие лица и огни факелов, жужжали возбужденные голоса, но главным стало ощущение непоправимой беды, придавившее его, едва сознание начало проясняться. Память возвращалась медленно и неохотно. Он лежал на полу в трактире, и лицо заливала кровь, струившаяся из раны на голове.

Длинную комнату заполнили соседи, вооруженные, чем попало. Изодранные тела Вильома и Купена лежали на полу, усыпанном обломками мебели и посуды. Николета слабо стонала, не слыша вопросов, с которыми обраща-

лись к ней столпившиеся женщины. Двое приятелей Вильома лежали мертвые рядом с перевернутым столом, за которым они ужинали несколько минут назад.

Преодолев дурноту и головокружение, Рейнар встал на ноги и тут же был окружен взволнованными людьми. Многие смотрели на него подозрительно, так как камнерез пользовался дурной славой и к тому же оказался единственным мужчиной, оставшимся в живых, но его ответы убедили всех, что в трактир наведались демоны, свирепствовавшие в Вийоне уже несколько недель. Однако Рейнар не смог признаться им в главной причине своего ужаса. Эту тайну ему суждено было хранить в самой глубине души, не смея поделиться ею ни с кем.

Каким-то образом он покинул разоренный трактир, пробравшись сквозь онемевшую толпу, и в одиночестве очутился на полуночной улице. Забыв об опасности, едва сознавая, куда он идет, он бродил по улицам Вийона долгие часы, пока, наконец, не добрел до своей мастерской. Плохо понимая, что делает, он вошел туда и вновь вышел с тяжелым молотом в руках. Потом, движимый неисцелимой мукой, он снова бродил по городу, пока бледный рассвет не тронул церковные шпили и крыши домов.

Ноги сами собой вынесли его на площадь перед собором. Не обращая внимания на потрясенного служку, он вошел и направился к лестнице, которая, головокружительно извиваясь, вела на вершину башни.

В сумрачном свете ноябрьского утра он вышел на крышу и, подойдя к самому краю, стал рассматривать каменные фигуры. Он не слишком удивился, обнаружив что зубы и когти грифона испачканы кровью, а с когтей сатира свисают клочья яблочно-зеленой ткани.

В пепельном утреннем свете Рейнару показалось, что лица его последних творений выражают неописуемое торжество и глубочайшее злорадство. Он глядел на свою работу с мучительным восхищением, пока бессильная ярость, отвращение и раскаяние не поднялись в нем удушающей волной. Он едва осознавал, что изо всех сил колотит молотом по рогатой голове сатира, пока не услышал зловещий скрежет и не обнаружил, что отчаянно балансирует на самом краю крыши. Яростные удары раскололи лицо горгульи, но не стерли выражения злобного торжества.

Закусив губу, Рейнар снова поднял молот над головой. Удар пришелся по пустому месту, какая-то сила отбросила его назад, вонзаясь в тело десятками коротких ножей. Он лежал на самом краю крыши, его голова и плечи свисали над безлюдной площадью. Теряя сознание от боли, он увидел горгулью, впившуюся передней лапой в его плечо. Чудовище возвышалось над ним, словно зверь над добычей. Рейнар чувствовал, что сползает по водосточному желобу, а горгулья поворачивается, будто хочет вернуться в свое обычное положение. Ее медленное неумолимое движение казалось частью его головокружения. Сама башня наклонялась и кружилась под ним самым кошмарным образом.

Смутно, сквозь ужас, застилающий глаза, Рейнар разглядел клонящуюся к нему тигриную морду с яростно оскаленными клыками. Вне себя от ужаса, он ударил молотом кошмарную фигуру, которая надвигалась на него, заслоняя свет, и тут же снова почувствовал, что башня начала кружиться, и ощутил, что висит над пустотой, зажатый в когтистой лапе. Он еще раз размахнулся молотом, пытаясь попасть по омерзительной морде, но не смог дотянуться, и молот с глухим лязгом опустился на переднюю лапу, вцепившуюся в его плечо, точно крючья мясника. Лязг превратился в неприятный треск, и склонившаяся над ним горгулья скрылась из виду. Больше он не видел ничего, кроме темной громады собора, стремительно уносящейся в пасмурные небеса...

Изувеченное тело Рейнара нашел архиепископ Амброзиус, спешивший на утреннюю службу. При виде этого зрелища его святейшество в ужасе перекрестился, а потом, заметив предмет, все еще вцепившийся в плечо Рейнара, повторил этот жест с благоговейным трепетом.

Он наклонился ниже, чтобы рассмотреть находку. Безошибочная память истинного ценителя искусств подсказала ему, что это такое. Затем с той же ясностью он увидел, что каменная лапа, вцепившаяся когтями в тело Рейнара, невероятно изменилась: та, которую он помнил, была расслаблена и слегка изогнута; теперь же она была растопырена и вытянута, будто лапа живого зверя, пытающегося удержать в когтях тяжелую ношу...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЖАБ

— Пьер, мальчик мой, почему ты всегда так рано от меня уходишь? — спросила мать Антуанетта. Пьер, скромный деревенский юноша, был учеником аптекаря и пришел к Антуанетте, местной колдунье, по поручению своего хозяина. Она годилась в матери юноше, однако в голосе ведьмы звучали похотливые нотки, и она пыталась заигрывать с молодым гостем.

Дырявая засаленная блузка, слишком тесная для тучной фигуры матери Антуанетты, не могла прикрыть ее огромного бесформенного бюста и живота, желтого и вздутого, как у лягушки...

Юноша ничего не ответил, и ведьма наклонилась над ним, так что ее грудь оказалась на уровне его глаз. В углублении Пьер увидел капельку пота, которая блестела, как роса на болоте, или скорее, как слизь какого-то земноводного... Хриплый голос Антуанетты звучал все настойчивее:

— Ну, посиди еще, красавчик. Ты — сирота. В деревне тебя никто не ждет, а твой хозяин не будет возражать.

Ведьма схватила руку юноши и прижала к своей груди. Ее короткие плоские пальцы, казалось, были соединены перепонкой.

Пьер выдернул руку и тактично отодвинулся. Внешний вид колдуньи, ее грубая и неумелая манера заигрывать — все вызывало в нем чувства брезгливости и отвращения,

подобные тому, что он испытывал, когда нечаянно наступал на огромных склизких жаб, в потемках возвращаясь от жилища ведьмы в свою деревню. Эти твари сотнями жили вокруг избушки ведьмы, они и сейчас квакали, эхом вторя словам колдуньи. В деревне мать Антуанетту называли Повелительницей жаб и говорили, что жабы выполняют все ее приказы. В этой глухой провинции люди все еще верили в любовные напитки и заклинания, боялись колдовства, поэтому неудивительно, что о Повелительнице жаб рассказывали жуткие истории, в которые нетрудно было поверить, глядя в выпуклые, немигающие, как у жабы, глаза колдуньи...

Юноша подумал, что скоро стемнеет, и поежился при мысли, что придется идти через болото ночью. Ему так хотелось побыстрее уйти, а назойливая старуха, как назло, все не отпускала его. Пьер потянулся за черной треугольной бутылочкой, которая стояла перед ним на грязном столе. В ней находилось сильнодействующее приворотное зелье, которое его хозяин, Ален ле Диндон, поручил ему принести. Деревенский аптекарь тайно приторговывал сомнительными препаратами, которыми снабжала его ведьма, и Пьеру часто приходилось ходить с подобными поручениями в ее хижину, затаившуюся среди густого ивняка.

Старик-аптекарь, любивший сальные шутки, не раз намекал Пьеру, что мать Антуанетта положила на него глаз.

— Однажды ночью, мой мальчик, ты останешься у нее. Будь осторожен, а то эта жирная жаба раздавит тебя.

Вспомнив ехидные слова хозяина, юноша покраснел. Он уже встал из-за стола, но колдунья продолжала уговаривать:

— На болоте холодный туман, и он быстро сгущается. Я знала, что ты придешь, и сварила тебе прекрасный глинтвейн.

Она сняла крышку с глиняного кувшина и вылила его содержимое в большую кружку. Бордово-красное вино приятно пенилось и наполняло комнату утонченным ароматом горячих специй, вытеснив дурные запахи, исходящие от медленно кипящего котла, недосушенных тритонов, гадюк, крыльев летучих мышей и тошнотворных трав, развешанных по стенам, а также зловонных свечей, сде-

ланных из смолы и протухшего сала и освещающих убогое мрачное жилище днем и ночью.

— Я выпью вино,— неохотно согласился Пьер.— Но только если ты ничего туда не подмешала.

— Это хорошее молодое вино с арабскими специями,— приговаривала колдунья и заискивающе заглядывала в глаза юноше.— Оно согреет тебя изнутри и...— ведьма что-то неразборчиво добавила, и Пьер взял кружку, но прежде чем выпить, осторожно понюхал напиток. Приятный запах не предвещал ничего плохого — несомненно, там не было никакого колдовского зелья, так как юноша хорошо знал: все, что мать Антуанетта готовит сама, очень дурно пахнет. Однако, повинуясь какому-то внутреннему чутью, Пьер колебался. Тут он вспомнил, что вечер действительно холодный, и когда он шел к Антуанетте, над болотом уже клубился густой туман. Вино придаст ему сил для долгой дороги домой. Пьер выпил глинтвейн залпом и поставил кружку.

— Действительно, хорошее вино... Спасибо... Теперь я должен идти.

Не успел он договорить, как почувствовал, что блаженное тепло от алкоголя и специй растекается по всему телу. Пьеру показалось, что его голос звучит как-то неестественно и откуда-то сверху. Раньше он ничего подобного не испытывал. Его словно окатило волшебной горячей волной, отчего кровь стала пульсировать с невиданной силой. В ушах стоял приятный нежный звон, а перед глазами качалась манящая розовая пелена. Внезапно ему показалось, что комната стала больше и все вокруг изменилось. В причудливом свете свечей он с трудом узнавал убогую обстановку и зловещие колдовские предметы. Вдруг огоньки на свечах загорелись ярче и веселее и слились в едином мягком розовом сиянии. Сердце юноши стало биться в одном ритме с язычками пламени.

На миг он осознал, что ведьма что-то подсыпала в вино и околдовала его. Страх сковал его душу. Ему захотелось бежать без оглядки, но тут прямо перед собой он увидел мать Антуанетту. Она стояла перед Пьером нагая, сбросив засаленную юбку к его ногам. Юношу поразило, как она изменилась. Тотчас же из души его исчезли и страх, и прежнее отвращение к колдунье. Волшебный жар разго-

рался в нем все с большей силой, и юноша знал, какое неземное блаженство уготовано ему судьбой... Бесформенное тело колдуньи приобрело пышные формы; бесцветные тонкие губы манили жаркими поцелуями. Короткие толстые руки, тяжелая отвислая грудь, жирные складки дряблого живота и бедер — все казалось соблазнительным и предвещало райское наслаждение.

— А теперь я тебе нравлюсь, мой мальчик? — спросила Антуанетта, прижимаясь к нему. Юноша обнял ее со всей страстью юности. Его руки были горячими и ненасытными, ее — влажными и холодными. Тело женщины казалось послушным и податливым, как болотная кочка, когда на нее наступаешь ногой. Оно было белым и полностью лишенным волос, местами шероховатым, как у лягушки, однако это не отталкивало, а возбуждало еще сильнее. Антуанетта была такой толстой, что Пьеру не удавалось обнять ее, но любовный жар, рожденный вином, уже кипел в его крови.

Колдунья увлекла юношу на деревянную лавку, служившую ей постелью. Там не было ни подушки, ни белья, но тело женщины было мягче и желанней самой дорогой подушки. Рядом с постелью пылал очаг, там кипел странный огромный котел, и его испарения сплетались в неясные причудливые образы, в которых можно было угадать человеческие фигуры, сплетенные в непристойных позах.

* * *

Когда Пьер проснулся, за окном царила серая предрассветная мгла. Свечи уже догорели, и в комнате царил полумрак. У него кружилась голова, и он тщетно пытался вспомнить, где он и что он тут делает. Затем он повернул голову и увидел прямо рядом с собой нечто, что могло привидеться только в самом кошмарном сне, — огромную мерзкую жабу, размером с тучную женщину. Ее конечности чем-то напоминали женские руки и ноги. Рука юноши лежала на чем-то круглом и мягком, отдаленно похожем на женскую грудь, и гадкая тварь прижималась к нему своим склизким пупырчатым телом.

Воспоминания о безумной ночи тотчас вернулись, и юноша с трудом сдержал тошноту. Коварная ведьма окол-

довала его, и он поддался ее злым чарам. Пьер попытался пошевелиться, но отвращение и ужас, казалось, парализовали его. Несчастный закрыл глаза, он не мог больше выносить вида отвратительной твари, которой на самом деле оказалась мать Антуанетта в ее истинном обличии. Но, потом собравшись с силами, Пьер медленно отодвинулся от неподвижной уродливой туши. Колдунья не подавала никаких признаков пробуждения, и юноша осторожно поднялся с лавки. Однако, словно повинуясь какой-то неведомой силе, он обернулся, чтобы вновь взглянуть на постель — и увидел только тучную пожилую женщину. Может быть, огромная жаба всего лишь померещилась или приснилась ему? Пьер постепенно приходил в себя, ему уже не было так страшно, но при мысли о ночи, проведенной с развратной старухой, тошнота подступала к горлу.

Опасаясь, что ведьма может в любой момент проснуться и попытается вновь задержать его, Пьер бесшумно выскользнул из хижины. Уже совсем рассвело, но над болотом висел холодный белый туман. Он скрыл тростники и призрачным пологом висел над тропинкой, по которой предстояло идти. Пьер решительно вошел в белое облако, и оно оплело его своими холодными влажными щупальцами, пытаясь проникнуть под одежду.

Юноша плотнее закутался в накидку и ускорил шаг. Туман становился все гуще и холоднее, он клубился и принимал причудливые формы, словно создавая непреодолимую преграду на пути Пьера. Узкая извилистая тропинка была уже еле видна, он с трудом узнавал ориентиры, ивы и осины появлялись перед ним, как привидения, и тотчас же исчезали в молочной пустоте. Никогда он не видел такого странного тумана: казалось, сотни ведьм варят колдовское зелье в огромных котлах, и туман — его удушливые испарения.

Пьер не был уверен, что идет в нужном направлении, но он уже должен был пройти полдороги до деревни. Внезапно на его пути стали попадаться жабы. Они сидели на тропинке или выскакивали из тумана и шлепались прямо перед ним с противным хлюпающим звуком. Огромные и уродливые, они смотрели на юношу выпуклыми немигающими глазами и скалили беззубые рты. Некото-

рые твари прыгали ему прямо под ноги, на одну он нечаянно наступил и поскользнулся на омерзительном месиве, которое от нее осталось. Беглец чуть не упал в болото: зловонная мутная жижа была уже совсем близко, когда юноша схватился за куст.

Выбираясь на тропинку, Пьер раздавил еще несколько жаб — болото просто кишело ими. Холодные и липкие, они прыгали ему на ноги, на голову, на грудь. Их были тысячи, и казалось, в их поведении таился какой-то дьявольский умысел. Юноша уже не мог идти по тропинке. Он шатался, ступая наугад, закрывая лицо руками, отмахиваясь от противных скользких тварей, которые атаковали его со всех сторон. Его охватил панический ужас, кошмарное пробуждение в постели ведьмы казалось всего лишь далеким сном.

Жабы преграждали ему путь к деревне, словно загоняли его обратно, в логово ведьмы. Их количество все увеличивалось, они становились все агрессивнее, больно били по голове, лезли за шиворот. Они были везде: на земле, в воздухе, под одеждой. В отчаянии Пьер побежал наугад, не разбирая дороги. С единственным желанием спрятаться от этих безжалостных тварей он метался в зарослях осоки и тростника, не замечая, что давно потерял тропинку, и зыбкая болотная почва опасно хлюпает у него под ногами. Полчища жаб следовали за ним по пятам, но иногда они оказывались впереди, образуя непреодолимую стену, чтобы направить Пьера в нужную сторону. Несколько раз они оттоняли его от края бездонной болотной топи, в которую юноша неминуемо упал бы. Казалось, они намеренно и согласованно гонят его к какой-то предначертанной ему цели.

И вдруг, как по мановению руки волшебника, туман исчез. В ласковых лучах утреннего солнца Пьер увидел зеленую ивовую рощу, окружавшую хижину матери Антуанетты. Жабы тоже исчезли, хотя Пьер мог поклясться, что еще мгновение назад они были повсюду. Значит, он все еще в сетях злой колдуньи, и люди недаром говорят, что жабы ей повинуются. Вонючие твари не дали ему уйти, привели его назад к своей повелительнице. Так кто же она такая? Женщина? Жаба? Исчадье ада? Пьеру стало жутко, словно он с головой провалился в бездонную, черную трясину.

Из хижины вышла Антуанетта и направилась к нему. В руках, больше похожих на лягушачьи лапы, она несла большую дымящуюся кружку. Внезапный порыв ветра, налетевший неизвестно откуда, высоко задрал ее рваную юбку, обнажив уродливые ноги. Пьер почувствовал знакомый аромат горячих специй.

— Почему ты так рано ушел от меня, мой малыш? — сладким голосом ворковала колдунья, не спуская с него вожделенных глаз.— Я бы не позволила тебе уйти без доброй кружки хорошего красного вина, сваренного на арабских специях. Посмотри, я знала, что ты вернешься, и приготовила тебе глинтвейн.

Она подошла вплотную и поднесла кружку к губам несчастного. От запаха вина у Пьера закружилась голова, и он отвернулся. Парализующая сила сковала все его мышцы: даже легкое движение требовало неимоверных усилий. Однако голова оставалась ясной, и он снова пережил кошмарную сцену своего пробуждения рядом с огромной отвратительной жабой.

— Я не буду пить твое вино,— твердо объявил Пьер.— Ты подлая ведьма, и я тебя ненавижу. Отпусти меня.

— Почему ты меня ненавидишь? — голос Антуанетты все больше напоминал кваканье лягушки.— Вчера ты любил меня. Я могу дать тебе все, что и любая другая женщина... и даже больше.

— Ты — не женщина,— ответил Пьер,— Ты — огромная мерзкая жаба. Я видел тебя в твоем истинном обличье сегодня утром. Я скорее утону в болоте, чем буду спать с тобой.

При этих словах Пьера подобострастная улыбка исчезла с лица колдуньи, и оно на секунду потеряло человеческий облик: ее выпуклые глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, тело раздулось, как будто сейчас из него закапает яд.

— Что ж, иди,— злобно прошипела старуха и сплюнула.— Но очень скоро ты об этом пожалеешь!

Странное оцепенение тут же прошло, как будто ведьма сняла свое проклятие. Не проронив ни слова, Пьер повернулся и решительно направился в сторону деревни. Он шел очень быстро, почти бежал, не останавливаясь и не оборачиваясь. Но не успел он сделать и сотни шагов, как снова появился туман.

Густые клубы поднимались из болота и наползали на тропинку. Голубое небо побледнело, солнце превратилось в тусклый серебряный диск и скрылось в бескрайней белой пустоте у него над головой. Тропинку уже невозможно было разглядеть, и Пьеру казалось, что земля дымится у него под ногами и он идет по краю белой пропасти, которая движется вместе с ним. Клубы тумана уплотнялись, складываясь в причудливые образы, похожие на призраки, которые окружали его плотным кольцом, прикасались к нему, хватали ледяными пальцами, пытаясь залезть в горло и в нос, душили его зловонием болотных вод. Одежда Пьера насквозь промокла. Запах плесени и тины становился все сильнее и наконец стал невыносимым, как будто сотни разлагающихся трупов поднялись откуда-то со дна болотной топи на поверхность.

Внезапно огромная склизкая волна накрыла Пьера с головой. Юноша упал в затхлую болотную воду, которая кишела противными липкими жабами, вероломно напавшими на него из белой пустоты. Его рот и нос забились густой слизью, болотная тина запуталась в волосах. К счастью, яма оказалась неглубокой, всего лишь по колено, и скользкое илистое дно не проваливалось под ногами. Сквозь туман Пьеру удалось разглядеть спасительную кочку, с которой он упал, но живое квакающее месиво мешало ему идти. Жабы то вертелись под ногами, образуя головокружительный водоворот, то запрыгивали на спину и потом скатывались холодным липким потоком. Шаг за шагом, по колено в воде Пьер пробивался к краю болота. Однако дьявольские отродья не уступали, и чувство полной безысходности овладевало юношей все больше и больше. Казалось, еще чуть-чуть, и смертоносная карусель завлечет его в свои объятия.

Медленно, но верно Пьер приближался к берегу, он уже ясно различал росший вдоль тропинки тростник, гибкий и крепкий, как проволока. И в тот момент, когда его руки уже были готовы ухватиться за спасительную болотную растительность, второй, еще более сильный поток болотной воды и жаб хлынул на него с окутанного туманом берега. Мощная волна мерзких квакающих тварей отбросила юношу далеко от желанной тропинки, и зловонная черная жижа сомкнулась над его головой.

Пьер еще пытался бороться, барахтаясь и хватая слабеющими руками скользкие холодные тела. На мгновение его голова вновь оказалась над водой, и в кишащей жабами болотной жиже его рука наткнулась на что-то массивное и упругое. Тварь имела форму жабы, но была большой и тяжелой, словно тучная женщина. Прежде чем черная пучина забвения навеки поглотила его, Пьер почувствовал, как две чудовищные округлые массы, словно огромный уродливый бюст, надвигаются на лицо, сдавливают виски и смыкаются над головой.

СВИДАНИЕ В АВЕРУАНСКОМ ЛЕСУ

Жерар де Л'Отом торопливо шагал по лесной дороге через дремучий Аверуанский лес, сочиняя на ходу новую балладу в честь Флоретты. А поскольку молодой человек спешил на свидание со своей возлюбленной, которая назначила ему встречу среди дубов и буков, как какая-нибудь деревенская девчонка, то думал он сейчас больше о любви, чем о стихосложении. Чувство Жерара скорее рассеивало внимание, чем вызывало вдохновение, и он, все время отвлекаясь, никак не мог сосредоточиться на рифмах.

Трава и листья блестели на майском солнце, словно покрытые эмалью. Голубые, белые и желтые цветочки украшали дерн, как вышитый орнамент. Рядом с дорогой журчал ручей, и струйки воды, катясь по усыпанному галькой дну, издавали звуки, похожие на голоса ундин. Пронизанный солнечными лучами воздух навевал романтические мечты, и страстное желание, охватившее Жерара, казалось, становилось еще сильнее от наполнявших лес ароматов.

Жерар был странствующим трубадуром и, несмотря на свою молодость, уже снискал некоторую известность и славу, благодаря постоянным скитаниям от замка к замку, от двора к двору. Сейчас он пользовался гостеприимством герцога де ла Френе, чей огромный замок гордо возвышался над окрестными лесами. Посетив однажды большой соборный город Вийон, стоявший на краю древнего

Аверуанского леса, Жерар встретил Флоретту, дочь преуспевающего торговца по имени Гийом Коше, и был очарован ее красотой. Влюбленность его оказалась сильнее, чем можно было ожидать от того, кто так часто увлекался женской красотой. Он сумел устроить так, что она узнала о его чувствах. Не прошло и месяца, наполненного любовными записками, балладами и тайными встречами, которые им устраивала одна услужливая вдовушка, как Флоретта, воспользовавшись отъездом отца, назначила ему свидание в лесу. В сопровождении горничной и слуги она должна была сразу же после полудня выехать из города и встретиться с Жераром под огромным древним буком. Предполагалось, что слуги затем благоразумно удалятся, чтобы оставить влюбленных наедине. А поскольку среди окрестных крестьян Аверуанский лес пользовался дурной славой, никто не должен был помешать их любовным ласкам. Где-то здесь находился разрушенный и заброшенный замок Фосефлам, а также гробница, в которой покоились Хью дю Малинбуа и его жена, в свое время подозреваемые в колдовстве и похороненные без отпевания двести лет тому назад. О владельцах замка, так же как и об их привидениях, рассказывали страшные истории. Среди местных жителей ходило множество легенд о гоблинах, феях, дьяволах и вампирах, которыми, как они считали, кишел Аверуанский лес. Но Жерар не опасался нечисти, считая, что такие создания вряд ли могут появиться при дневном свете. Сумасбродная Флоретта заявила, что тоже ничего не боится, однако слугам пришлось пообещать существенное вознаграждение, поскольку они разделяли эти суеверия.

Жерар, спешивший по освещенной солнцем дороге, напрочь забыл о легендах Аверуана. Он уже почти достиг заветного бука. Сердце трубадура учащенно забилось, когда он представил, что Флоретта уже ждет его в условленном месте. Жерар оставил все попытки продолжить балладу, которая уже на третьей миле от Ла Френэ не продвигалась дальше середины первой строфы.

Как всякий пылкий и нетерпеливый любовник, Жерар думал только о предстоящей встрече. Но неожиданно его мысли прервал пронзительный крик, донесшийся из-за сосен, которые густой зеленой каймой обрамляли дорогу.

Вздрогнув от неожиданности, Жерар уставился на заросли. Когда крик затих, трубадур услышал приглушенный топот и шарканье множества ног. Крик повторился. Кричала женщина, которой явно угрожала опасность. Вытащив кинжал из ножен и посильнее сжав длинную дубину, которую трубадур взял с собой для защиты от кабанов, влюбленный, не раздумывая, нырнул под низко висящие ветви, откуда доносился голос.

На маленькой поляне Жерар увидел женщину, отбивавшуюся от троих необычайно свирепых на вид злодеев. Даже в спешке Жерар отметил, что ему никогда прежде не приходилось видеть таких людей. Изумрудно-зеленое платье женщины удивительно подходило к цвету ее зеленых глаз, а мертвенная бледность словно подчеркивала ее удивительную волшебную красоту. Губы на бледном лице красавицы казались алыми, как только что пролитая кровь. Красные глаза негодяев, чернокожих, словно мавры, злобно горели под сенью густых бровей. Их ноги показались трубадуру какими-то странными. И только много позже, восстанавливая в памяти подробности, Жерар вспомнил, что вместо ступней у них были копыта, хотя двигались злодеи на удивление проворно. Как они были одеты, ему так и не удалось припомнить.

Как только Жерар показался из-за сосен, женщина устремила на него умоляющий взгляд. Однако мужчины, казалось, не замечали его появления, хотя один из них все же ослабил хватку волосатых рук. Тут несчастная попыталась броситься навстречу своему спасителю.

Подняв дубину, Жерар кинулся на негодяев. Он обрушил сокрушительный удар на голову ближайшего головореза — удар, который мог бы вбить того по пояс в землю. Но дубина рассекла пустоту, и Жерар чуть не упал, с трудом сохранив равновесие. Выпрямившись, он с удивлением оглядел поляну. Клубок сплетенных в борьбе тел неожиданно исчез. По крайней мере, трое мужчин исчезли бесследно, а мертвенно-бледное лицо женщины с неизъяснимо коварной улыбкой на кроваво-красных губах постепенно таяло в глубине ветвей высоких сосен.

Теперь только Жерар понял, в чем дело, и, дрожа от страха, перекрестился. Его ввели в заблуждение привидения или демоны. Без сомнения, это не к добру. Он попал

под чары какого-то колдовства, совсем как в легендах об Аверуанском лесе, где, по поверьям, этой нечисти было не счесть.

Жерар решил вернуться на дорогу. Но когда он достиг места, где, по его мнению, должна была находиться дорога, то был сильно удивлен. Дороги там не оказалось, а лес вокруг изменился до неузнаваемости. Листва уже больше не сверкала молодой зеленью; увядшая, сухая, она уныло висела на поникших ветвях. Да и сами деревья были не те, что прежде. Вместо сосен теперь его окружали темные кипарисы с корявыми стволами, подпорченными гнилью. Вместо звонко журчащего ручья перед ним раскинулось круглое озеро, воды которого, темные и тусклые, как свернувшаяся кровь, не отражали ничего, что росло на его унылых берегах: ни бурой осоки, которая стелилась по воде, как волосы утопленников, ни скелетов гниющих ветел.

Теперь Жерар окончательно убедился, что стал жертвой дьявольского наваждения. Отозвавшись на крик, он поддался колдовству и оказался под действием его чар. Трубадур не знал, под влияние каких сил — волшебных или демонических — он попал, но не сомневался, что ему угрожает опасность. Всматриваясь в открывшийся перед ним мрачный пейзаж, Жерар покрепче сжал дубину и принялся молиться про себя всем святым, каких только смог вспомнить.

Местность выглядела необычайно унылой и безжизненной; ведьмы могли бы здесь назначать свидание демонам. Ни малейшего движения на озере или в лесу, ни шороха сухой травы, ни трепета листвы, ни пения птиц, ни жужжания пчел, ни плеска воды. Серые небеса, казалось, никогда не посещало солнце, и тусклый рассеянный свет лился неизвестно откуда, не создавая теней.

Жерар настороженно оглядывался кругом; и чем больше он смотрел, тем меньше ему нравилось то, что он видел. Постепенно он стал замечать новые, ранее ускользнувшие от его внимания подробности: мелькавшие в лесу огни, пропадавшие, как только он останавливал на них взгляд; туманные тени в водах озера, то всплывавшие, то снова исчезавшие в глубине, прежде чем он успевал рассмотреть их. Вглядевшись пристальней в другой берег, Жерар с удивлением заметил башни замка, чьи стены из

серого камня нависали над мертвыми водами озера. Замок выглядел таким замшелым, спокойным и величественным, что казалось, будто он стоит у недвижного озера под такими же недвижными небесами бессчетное множество веков. Строение казалось более древним, чем миф, более старым, чем свет: оно было ровесником страха и тьмы; и ужас навис над ним, крался, невидимый, но явственно ощутимый, вдоль его бастионов.

Вокруг замка не видно было каких-либо признаков жизни; ни один флаг не реял над его башнями. Но Жерар уверился, как если бы ему об этом сказали, что именно здесь средоточие колдовства, под влияние которого он попал. Его охватил панический страх. Вдруг совсем близко послышался зловещий шорох и страшное угрожающее бормотанье. Резко повернувшись, трубадур бросился бежать прочь от озера.

Несмотря на охватившие его ужас и замешательство, Жерар не переставал думать о Флоретте, гадая, ожидает ли она его в условленном месте или вместе со своими спутниками также оказалась под властью колдовства и завлечена в царство нечисти. Он снова стал молиться, взывая к святым о спасении и своей, и ее души.

Лес, через который он бежал, походил на запутанный и мрачный лабиринт. В нем не было ни звериных троп, ни тропинок, проложенных человеком. Заросли кипарисов становились все гуще, как будто какая-то злая сила делала лес непроходимым. Сучья тянулись к Жерару, как враждебные руки, преграждая ему путь, и он чувствовал, что они обвиваются вокруг него с силой и гибкостью живых существ. Трубадур, как безумный, упорно продирался вперед и, казалось, слышал в треске ветвей раскаты дьявольского хохота. Наконец со вздохом облегчения он выбрался на некое подобие тропы и побежал по ней в безумной надежде на спасение. Но вскоре вновь очутился на берегу озера, над недвижными водами которого все также высились древние башни замка. И снова он повернулся и побежал; и снова после блужданий по лесу и бесплодной борьбы с зарослями вернулся к неизменному озеру.

С замиранием сердца, отчаянием и ужасом Жерар понял, что все попытки спастись бессмысленны. Его воля притупилась, подавленная какой-то высшей силой, кото-

рая окончательно сломила его слабое упорство. Он больше не способен был сопротивляться и покорно подчинился чьей-то злой воле, заставившей его отправиться вдоль берега озера к замку, очертания которого неясно вырисовывались впереди.

Подойдя ближе, он увидел, что массивное сооружение окружено рвом, наполненным водой, такой же безжизненной, как и воды озера, и покрытой переливчатой тиной разложения. Подвесной мост был опущен и ворота открыты, словно в ожидании гостя. Но по-прежнему в замке не ощущалось ни малейшего присутствия человека, стены огромного серого здания высились молчаливо, как стены гробницы.

Подчиняясь той же силе, которая вела его вдоль озера, Жерар прошел по мосту и под навесной башней во внутренний двор. Пустые окна тускло смотрели вниз; в другом конце двора за таинственно приоткрытой дверью виднелся темный коридор. Направившись к дверному проему, он вдруг увидел на пороге какого-то человека, хотя за мгновение до этого там было пусто.

Жерар крепче сжал дубину, понимая, что бессилен против колдовства. Какой-то смутный инстинкт заставлял его сжимать свое единственное оружие, когда он приближался к маячившей в дверях фигуре.

Ожидавший его человек, необычайно высокий и мертвенно-бледный, был одет в черное одеяние старинного покроя. Его обрамленные густой бородой губы казались удивительно яркими на бледном лице, такими же алыми, как губы женщины, той, что вместе со своими сообщниками исчезла, стоило Жерару к ним приблизиться. Глаза незнакомца светились тускло, как болотные огни. Трубадур вздрогнул встретившись с ним взглядом. Холодная ироничная улыбка играла на кроваво-красных губах незнакомца. Казалось, этот человек знает все отвратительные и ужасные тайны мира.

— Я сьер дю Малинбуа,— объявил человек глухим тягучим голосом, вызвавшим у трубадура необъяснимое отвращение. Когда губы незнакомца приоткрылись, Жерар заметил, что зубы у него неестественно мелкие и острые, как клыки дикого зверя.

— Волей провидения вы оказались моим гостем,— продолжал тот.— Мое гостеприимство, может быть, покажет-

ся вам не вполне отвечающим требованиям хорошего тона, и возможно, вы найдете мое жилище несколько унылым. Тем не менее, примите мои уверения в том, что я окажу вам любезный прием.

— Благодарю вас за приглашение,— ответил Жерар,— однако у меня назначена встреча с другом, а я сбился с дороги. Буду вам необычайно признателен, если вы покажете мне направление к Вийону. Где-то здесь поблизости дорога, а я по собственной дурости сошел с нее и заблудился.

Произнося эти слова, Жерар сам понимал, как беспомощно они звучат. Имя, которым представился странный хозяин замка,— сьер дю Малинбуа, -- прозвучало для него, как похоронный звон, хотя в тот момент он никак не мог припомнить, откуда знал его.

— К сожалению, от моего замка нет дороги к Вийону,— заметил дю Малинбуа.— Что касается вашего свидания, то оно пройдет несколько иначе и в другом месте. Я вынужден настаивать, чтобы вы воспользовались моим гостеприимством. Входите, прошу вас. И оставьте вашу дубинку у двери: здесь она вам не понадобится.

Жерару показалось, что хозяин замка скривил от отвращения красные губы, произнося последние слова, а во взгляде его проскользнула тень страха. И странный тон, которым он произнес эти слова, и его необычное поведение пробудили в голове Жерара фантастические и мрачные мысли, хотя трубадуру никак не удавалось сосредоточиться и определить, что пугает его. Но что-то побудило его оставить при себе оружие, каким бы бесполезным оно ни казалось против врага, который, без сомнения, был дьяволом или привидением. Поэтому он сказал:

— Прошу позволения оставить дубину при себе. Я дал обет постоянно носить ее с собой, пока не убью двух змей.

— Странный обет,— вздохнул хозяин замка.— Однако, если хотите, оставьте ее.

Он резко повернулся, знаком предложив Жерару следовать за ним. Трубадур неохотно подчинился, взглянув напоследок на хмурое, низкое небо и пустынный двор. Он не особенно удивился, обнаружив, что над замком сгустились тучи, как будто поджидавшие, когда он войдет внутрь. Словно складки пыльного покрывала плотно окутали землю, и стало душно, как в мраке гробницы, запечатанной

и не открывавшейся веками. Шагнув через порог, Жерар почувствовал, что ему не хватает воздуха и он задыхается.

В мрачном коридоре, куда его пригласил хозяин, горели светильники, хотя трубадур не заметил, кто и когда их зажег. Их необычайно рассеянный свет создавал необъяснимое множество теней, которые двигались с загадочным трепетом, хотя пламя в светильниках не колыхалось — так горят над покойником в закрытом склепе погребальные свечи.

В конце коридора сьер дю Малинбуа открыл тяжелую дверь из темного дерева. За ней оказался зал, который, очевидно, служил трапезной, где за длинным столом сидели несколько человек, освещенные таким же, как в коридоре, мрачным и гнетущим светом. При таком странном неясном освещении казалось, что на их бледных лицах застыло мрачное сомнение. Еще Жерару почудилось, что какие-то тени, едва различимые в этом свете, толпятся у стола. Среди них он узнал женщину в изумрудно-зеленом платье, которая так внезапно исчезла, стоило Жерару откликнулся на ее зов о помощи. По одну сторону стола, бледная, несчастная и напуганная, сидела Флоретта Коше. У дальнего края стола, предназначенного для вассалов и слуг, застыли в неподвижности горничная и слуга, которые сопровождали Флоретту на свидание с Жераром.

Сьер дю Малинбуа повернулся к трубадуру с сардонической усмешкой.

— Полагаю, вы уже встречались раньше,— заметил он.— А теперь я познакомлю вас с моей женой. Агата, позволь представить тебе Жерара де Л'Отома, молодого трубадура, весьма уважаемого и достойного юношу,— обратился он к даме, сидевшей во главе стола.

Женщина слегка кивнула и, не сказав ни слова, указала Жерару на стул напротив Флоретты. Жерар уселся, и сьер дю Малинбуа занял, согласно обычаю, место рядом с женой.

Теперь Жерар заметил слуг, которые входили и выходили из зала, ставя на стол разнообразные вина и яства. Слуги двигались неестественно быстро и бесшумно, и ему почему-то никак не удавалось разглядеть их лица и одежду, как будто они мелькали в зловещем полумраке сумерек. Чем-то они неуловимо напомнили Жерару темнокожих злодеев, напавших на женщину в зеленом.

Последовавшая затем трапеза проходила в мрачном молчании. Чувство непреодолимой принужденности, сжимающего сердце ужаса и отвращения не покидало Жерара. И хотя ему хотелось задать Флоретте сотню вопросов и потребовать от хозяина и хозяйки объяснения всему, что с ним случилось, он не способен был произнести ни слова. Он мог только смотреть на Флоретту и читать в ее глазах отражение своего беспомощного изумления. Сьер дю Малинбуа и его жена тоже молчали, лишь обмениваясь тайными зловещими взглядами. Горничная и слуга Флоретты сидели, парализованные страхом, как птицы, попавшие под гипнотический взгляд змей.

Блюда, в изобилии подававшиеся на стол, имели странный привкус. Сказочно старые вина, казалось, хранили скрытый огонь прошедших столетий. Но Жерар и Флоретта едва притронулись к еде и чуть пригубили вина. Что касается сьера дю Малинбуа и его леди, то они вообще ничего не ели и не пили. Постепенно в зале сгущался мрак. Слуги казались все более призрачными. В душном зале ощущалась необъяснимая угроза, воздух накалился от заклинаний черной смертоносной магии. Над ароматами редких блюд и букетом старых вин витало удушливое марево тайных подземелий и векового тления набальзамированных мумий, смешанное с терпким запахом странных духов, исходящих от хозяйки замка. И снова Жерар вспомнил аверуанские легенды, которым в свое время не придал значения. Он припомнил историю о сьере дю Малинбуа и его жене, последних представителях своего рода и выдающихся злодеях, которые сотни лет назад были похоронены где-то в этом лесу. Крестьяне избегали приближаться к их могиле из-за поверья, что преступная чета продолжает свое колдовство даже после смерти. Жерар спрашивал себя, какая сила затуманила его память настолько, что он забыл об этой легенде, когда услышал имя хозяина замка. И трубадур стал припоминать всякие случаи и истории, связанные с этим именем, укрепившие его уверенность в том, что люди, к которым он попал, не принадлежат к миру живых. А еще он вспомнил народное поверье, связанное с деревянным колом, и понял, почему сьер дю Малинбуа проявил такое внимание к его дубине. Жерар, усаживаясь за стол, положил ее возле

стула и теперь очень тихо и незаметно поставил на нее ногу.

Мрачный ужин подошел к концу. Хозяин и хозяйка встали.

— Я покажу вам ваши комнаты,— объявил сьер дю Малинбуа, окинув гостей тяжелым непроницаемым взглядом.— Каждый из вас может занять отдельные покои, если пожелает. Но если Флоретте Коше угодно, чтобы ее горничная Анжелика ночевала с ней в одной комнате, пусть так и будет. И слуга Рауль может спать в одной комнате с мессиром Жераром.

Флоретта и трубадур предпочли последний вариант. Мысль о том, чтобы остаться в одиночестве в комнате этого замка вечной ночи и безымянной тайны внушала им непреодолимый ужас.

Их провели в покои, расположенные по разным сторонам коридора, освещенного по всей длине рассеянным светом. Флоретта и Жерар тревожно и неохотно пожелали друг другу спокойной ночи под напряженным взглядом сьера дю Малинбуа. Им даже в голову не пришло заняться любовными утехами, настолько они оказались ошеломлены произошедшим. Как только они расстались, Жерар принялся проклинать себя за трусость: как он мог расстаться с Флореттой! И еще он подивился заклятью, которое, словно колдовское зелье, подавило его волю и притупило мысли...

Посреди комнаты, предназначенной для Жерара и Рауля, стояла огромная кровать под пологом старинного фасона, а у стены, ближе к двери, притулилась длинная скамья. Освещалась комната свечами, напоминающими по форме погребальные. Они тускло горели в затхлом воздухе, словно пронизанном пылью ушедших лет.

— Спокойной ночи,— промолвил сьер дю Малинбуа, сопроводив слова улыбкой не менее зловещей, чем тон, которым они были произнесены. Трубадур и слуга почувствовали глубокое облегчение, когда он ушел, закрыв за собой дверь и щелкнув ключом в замочной скважине.

Жерар, осматриваясь, прошелся по комнате. Подойдя к маленькому окну, глубоко утопленному в толстой стене, он увидел лишь густую тьму ночи, такую плотную, что к ней, казалось, можно было притронуться рукой, как будто

замок был погребен под землей и покрыт слоем плесени. Затем, в приступе гнева из-за разлуки с Флоретой, он подбежал к двери и бросился на нее, стуча кулаками, но тщетно. Понимая, что ведет себя глупо, трубадур прекратил бесплодные попытки открыть дверь и повернулся к слуге.

— Ну, Рауль, что ты обо всем этом думаешь? — поинтересовался он.

Слуга перекрестился, прежде чем ответить. Его лицо было искажено смертельным страхом.

— Полагаю, мессир, что колдуны заманили нас в ловушку,— пробормотал он, щелкая от страха зубами.— И вам, и мне, и мадемуазель Флоретте, и Анжелике — нам всем угрожает опасность...

— И я так думаю,— согласился Жерар.— Мне кажется, лучше нам спать по очереди. Тот, кто будет часовым, должен держать в руках дубину. Сейчас я заточу ее конец кинжалом... Ты, конечно, знаешь, что делать, если кто-то к нам заявится. Нет нужды объяснять, зачем он придет. Мы находимся в замке, который не должен существовать, в гостях у людей, умерших двести с лишним лет назад. А такие люди, выбравшись из могилы, ведут себя не лучшим образом.

— Да, мессир,— содрогнулся Рауль.

Однако за заточкой кола он наблюдал с большим интересом. Жерар заострил твердое дерево, словно пику, и тщательно спрятал стружки. Он даже вырезал контур креста в середине кола, подумав, что это может придать ему большую силу или охранить от бесовского заклятия. Затем, зажав кол в руке, трубадур уселся на кровати, откуда мог обозревать всю комнату из-за занавесей полога.

— Ты будешь спать первым, Рауль,— он указал на стоявшую у двери скамью.

Они разговаривали еще некоторое время. Рассказ Рауля о том, как они сбились с пути, услышав женский крик среди сосен, и не смогли затем найти дорогу, слишком хорошо напомнил трубадуру его собственную историю, и он переменил тему. Говоря о посторонних вещах, Жерар старался отвлечься от мучительного беспокойства за Флоретту. Вдруг он заметил, что Рауль ему не отвечает — слуга заснул. Тотчас сильная дремота нахлынула на Жерара, вопреки его воле, несмотря на сильный страх и терзавшие его дурные предчувствия. Он слышал сквозь растущее оцепенение шелест

невидимых крыльев в коридорах замка; ему казалось, что даже сквозь толстые стены подземелий, башен и дальних покоев до него доносится звук шагов того, кто спешит свершить тайное злодеяние. Трубадур погрузился в сон, словно плотной паутиной опутавший его истерзанное волнением сознание и притупивший тревожные предчувствия...

Когда Жерар наконец проснулся, свечи почти догорели, и тусклый дневной свет едва пробивался сквозь стекла. Кол все еще был зажат у него руке, и хотя трубадур плохо соображал после странного сна, который сморил его, словно ему подмешали в вино сонное зелье, он понял, что цел и невредим. Однако, выглянув из-за полога, он обнаружил, что Рауль, смертельно бледный, лежит на скамье, не подавая признаков жизни.

Жерар пересек комнату и склонился над ним. На шее у слуги виднелась маленькая алая ранка, сердце билось слабо и прерывисто, как будто он потерял много крови. А от скамьи исходил легкий аромат — томный запах духов, принадлежащих леди Агате.

Наконец Жерару удалось привести Рауля в чувство, но тот выглядел очень слабым и утомленным. Слуга не помнил ничего из того, что произошло ночью. Когда же он понял, что с ним произошло, то испытал такой ужас, что на него жалко было смотреть.

— Следующим будете вы, мессир,— закричал он.— Эти вампиры будут держать нас здесь, пока не высосут всю кровь до последней капли. Их заклинания как мандрагора или снотворные зелья Кетея; ни один человек не может устоять перед ними.

Жерар попытался открыть дверь и, к своему удивлению, обнаружил, что она не заперта. Насытившийся вампир, уходя, забыл об осторожности. В замке стояла мертвая тишина, и Жерару показалось, что оживший дух зла отдыхает, а призрачные крылья ужаса и злодейства затихли. Видимо, колдуны и откликнувшиеся на их призывы духи впали в кратковременный сон.

Открыв дверь, трубадур на цыпочках пересек пустынный коридор и постучался в дверь комнаты Флоретты. Девушка, полностью одетая, немедленно отворила дверь, и он без слов схватил ее на руки, с нежной тревогой вглядываясь в ее бледное лицо. Через ее плечо он увидел

Анжелику, сидевшую на постели, с такой же меткой на белой шее, что и у Рауля. Еще до того, как Флоретта заговорила, он знал, что в комнате девушек произошло то же самое, что и в его покоях.

Он попытался успокоить и приободрить Флоретту, но его мысли были заняты другой, более важной задачей. Замок был пуст и, скорее всего, сьер дю Малинбуа и его жена спали после ночного пира. Жерар представил, где и как они могут спать, и глубоко задумался, перебирая все возможные варианты спасения.

— Не унывай, золотце,— сказал он Флоретте.— Думаю, мы спасемся из этих отвратительных сетей колдовства. Но я должен ненадолго покинуть тебя и поговорить с Раулем. Мне понадобится его помощь.

Он вернулся в свою комнату. Слуга, сидя на скамье, крестился дрожащей рукой и слабым голосом шептал молитвы.

— Рауль,— нетерпеливо промолвил трубадур,— собери все силы и следуй за мной. Среди этих мрачных стен, что нас окружают, среди древних залов, высоких башен и крепких бастионов, есть один-единственный предмет, который существует на самом деле. Все остальное — плод воображения. Мы должны найти этот предмет и поступить с ним, как подобает истинным христианам. Пойдем, нужно обыскать замок, пока хозяин и его жена не проснулись.

Жерар двинулся по извилистым коридорам с быстротой, которая свидетельствовала о том, что он все обдумал заранее. Мысленно он восстановил в памяти расположение древних стен и башен, которые видел накануне вечером, и понял, что огромный донжон, центр и опора всего здания, может быть тем местом, которое он ищет. С заостренным колом в руке, он миновал множество потайных комнат, прошагал мимо множества окон, выходивших во внутренний двор, и наконец достиг нижнего этажа главной башни. Рауль следовал за ним по пятам.

Вскоре они оказались в большом пустынном зале с облицованными камнем стенами, который освещался тусклым дневным светом, лившимся через узкие бойницы, расположенные высоко наверху и предназначенные для лучников. В зале царил полумрак, но Жерар разглядел очертания предмета, находившегося посреди комнаты, который казался совершенно чуждым окружающей обста-

новке. Это была мраморная гробница. Подойдя ближе, он увидел, что поверхность ее источена непогодой и временем и покрыта серым и желтым лишайником, который растет только на солнце. Плита, накрывающая гробницу, была очень широкой и выглядела такой массивной, что два человека с трудом смогли бы поднять ее.

Рауль бессмысленно уставился гробницу.

— И что теперь, мессир? — спросил он.

— Мы с тобой, Рауль, попали в спальню наших хозяев.

По команде Жерара слуга взялся за один конец плиты, а сам трубадур ухватился за другой. Огромным усилием, от которого их кости и сухожилия напряглись до предела, они попытались сдвинуть ее с места. Но плита едва шевельнулась. Наконец, со стонами, напрягая все свои силы, они приподняли ее с одной стороны. Плита соскользнула и с грохотом упала на пол. Под ней оказались два открытых гроба, в которых лежали сьер дю Малинбуа и леди Агата. Оба, казалось, мирно спали, словно дети. Но на их лицах застыла печать затаенного греха, умиротворенного зла, а губы их казались еще более красными, чем прежде.

Не раздумывая, Жерар вонзил острый конец кола в грудь сьера дю Малинбуа. Тело рассыпалось в прах, словно было сделано из пепла, и легкий запах давнего тления коснулся ноздрей Жерара. Точно так же он расправился с леди дю Малинбуа. И тут башни замка растаяли, словно зловещие испарения, стены рассыпались, как от удара невидимой молнии. Чувствуя головокружение и замешательство, Жерар и Рауль увидели, что замок исчез без следа. И мертвого озера и его тленных берегов как не бывало. Они оказались на освещенной утренним солнцем лесной поляне, а от зловещего замка осталась лишь покрытая лишайником пустая гробница. Флоретта с горничной стояли поодаль. Жерар подбежал к девушке и заключил ее в свои объятия. Она еще не пришла в себя, словно только что пробудилась от долгого колдовского сна.

— Я думаю, любовь моя, сьер дю Малинбуа с женой больше никогда не помешают нашим свиданиям,— уверил свою возлюбленную Жерар.

Но Флоретта от изумления все еще не обрела дара речи и смогла ответить на его слова лишь поцелуем.

САТИР

Рауль, граф де Ла Френэ, по натуре был начисто лишен подозрительности, свойственной многим мужьям. Отсутствие этого качества, возможно, объяснялось недостатком воображения, а, с другой стороны, притупившейся, вследствие пристрастия к крепким напиткам наблюдательностью графа. Как бы то ни было, он не видел ничего предосудительного в дружбе его жены Адели с Оливье дю Монтуа, молодым поэтом, который мог бы со временем стать одним из самых блистательных поэтов Франции, если бы эта дружба не закончилась самым неожиданным и роковым образом. В самом деле, господин граф испытывал скорее гордость, наблюдая за интересом к госпоже графине этого милого юноши, чья поэтическая слава уже начала стремительно распространяться за пределами Аверуана. Нимало не беспокоило Рауля и то, что его баллады несомненно восхваляли блестящие локоны, медовые глаза и прочие прелести Адели. Господин граф не претендовал на роль знатока поэзии: его умственные способности сковывал полный паралич, когда он сталкивался с чем-либо, что было зарифмовано. Между тем баллады и их автор постепенно позволяли себе все большие и большие вольности.

В тот год снега сошли за какую-то неделю, и земля оделась нежной зеленью ранней весны. Оливье все чаще и чаще появлялся в замке Ла Френэ, и они с Аделью подолгу оставались наедине, ибо то, о чем они так ожив-

ленно говорили, не представляло ни малейшего интереса для господина графа. Теперь они могли выходить за стены замка и бродить по окружавшему его лесу, отдыхать на нагретых солнцем полянах, где воздух был напоен ароматом первых весенних цветов. Если люди и злословили о них, то только за глаза, так, что слухи не достигали ушей Рауля, Адели или Оливье.

Но по какой-то непонятной причине графа вдруг начала беспокоить его супружеская репутация. Возможно, в краткий промежуток между пьянством и охотой он заметил, что его жена молодеет и хорошеет с каждым днем, чего никогда не случается с женщинами, которых не согревают волшебные лучи любви. Не исключено, что он перехватил один из тех нежных взглядов, которыми обменивались Адель и Оливье, или под влиянием ранней весны в нем вдруг всколыхнулись давно забытые мысли и чувства, или его посетило озарение. Как бы то ни было, вернувшись в замок из Вийона, он узнал от слуг, что госпожа Адель и господин Оливье решили прогуляться по лесу. Однако на его хмуром лице не отразилось никакого чувства. Задумавшись на миг, он спросил:

— Какой дорогой они пошли? Я должен сейчас же увидеть госпожу графиню.

Слуги указали ему направление, и он медленно пошел следом, пока не скрылся из виду. Затем, схватившись за эфес своей шпаги, граф резко ускорил шаги.

* * *

— Я немного боюсь, Оливье. Может быть, остановимся здесь?

Адель и Оливье на этот раз забрели дальше, чем обычно оканчивались их прогулки, и приближались к той части Аверуанского леса, где деревья были много старше и выше других. Говорили, что некоторые огромные дубы росли здесь еще во времена язычества. Среди местных крестьян издавна ходили страшные поверья и легенды об этих местах. Здесь видели такие вещи, самое существование которых было бы для науки оскорблением, а для религии — богохульством. Ходили слухи, что тех, кто забредал сюда, всю жизнь преследовали несчастья и неуда-

чи. Поверья сильно отличались друг от друга, но все сходились на том, что в этом лесу незримо обитала враждебная человеку сила, дух зла, более древний, чем сами Иисус или Сатана. Паника, сумасшествие, одержимость или пагубные страсти, приводящие к гибели, были уделом тех, кто вторгался во владения этой силы. Встречались люди, рассказывавшие о том, что представлял собой этот дух, и шепотом пересказывавшие о нем невероятные истории, но благочестивым христианам не пристало даже слушать подобное.

— Пожалуйста, пойдемте дальше,— взмолился Оливье.— Что может быть прекраснее, чем смотреть на Вас, моя госпожа, и слушать, как лес радуется приходу весны!

— Но, Оливье, ведь люди говорят разное...

— Все это детские сказки. Пожалуйста, пойдемте дальше. Здесь нет ничего опасного, и к тому же тут так красиво.

Действительно, как он и сказал, ветвистые дубы и буки покрылись свежей листвой, и лес дышал такой безмятежной радостью, что было трудно поверить в старые сказания. Выдался один из тех дней, когда сердца, соединенные запретной любовью, чувствуют желание быть вместе бесконечно. После нескольких не слишком настойчивых возражений Адель позволила Оливье убедить себя, и они продолжили свой путь.

По протоптанной неизвестно кем тропинке они постепенно углублялись в лес. Склонившиеся ветви ласкали их своей мягкой листвой, солнечные лучи проникали сквозь высокие кроны, высвечивая распустившиеся в тени лилии. Стволы деревьев были изогнутыми и корявыми, в уродливых наплывах коры, но в чаще царила атмосфера глубокого покоя.

— Неужели я был не прав? — спросил Оливье.— Стоит ли бояться безобидных цветов и деревьев?

Адель улыбнулась, ничего не ответив. Стоя в освещенном солнцем кругу, они смотрели друг на друга, охваченные чувством новой, завладевающей их сердцами близости. В безветренном воздухе ощущался пьянящий аромат, исходящий из какого-то незримого источника; аромат, тайно говорящий о желании и любовном томлении, призывавший их отдаться страсти. Непонятно было, что за

цветок его издает, ибо вокруг их ног росло великое множество незнакомых цветов. Адель и Оливье вдруг посмотрели друг на друга и ощутили властный зов в крови, будто они напились любовного зелья. Одна и та же мысль читалась в дерзких глазах Оливье и в скромно зардевшихся щеках графини. Любовь, о которой ни один из них до сих пор не заговаривал вслух, проснулась в душе обоих. Они продолжили прерванную прогулку, но их молчание стало неловким и смущенным.

Молодые люди не осмеливались взглянуть друг на друга, и никто из них не заметил, как странно изменился лес, по которому они шли, никто не увидел, как зловеще искривлены окружающие их серые стволы, как мерзко выглядят растущие под ногами грибы, сладострастно пламенеют на солнце головки цветов. Влюбленные были околдованы страстью, и все, кроме биения их сердец, казалось им смутным, словно сон.

Лес становился все более дремучим, и ветви смыкались над их головами, образовывая глубокие тоннели. Звериные глаза сверкали во мраке рубиновыми и зелеными огоньками. В ноздри ударил запах стоячей воды и опавших листьев, и наваждение, владевшее ими, слегка отступило.

Они остановились на краю окруженной валунами заводи, над которой густо переплетались старые трухлявые ольхи и ивы. Там, среди нижних ветвей они увидели лицо, уставившееся на них.

Какое-то мгновение они не могли поверить своим глазам. Два рога проглядывали сквозь гриву нечесаных волос; лицо с косо посаженными глазками, клыкастым ртом и щетинистой, как у вепря, бородой, можно было назвать получеловеческим. Лицо казалось старым — неизмеримо старым, его складки и морщины свидетельствовали о неисчислимых годах, и весь его облик дышал злобой и порочностью. Это было лицо Пана, глядящего на ошеломленных путников из своей дремучей чащи.

Ужас охватил молодых людей, когда они вспомнили старинные предания. Любовное наваждение рассеялось, и упоение желания утратило свою власть. Точно очнувшись от глубокого забытья, они услышали сквозь бешеное биение собственных сердец раскаты зловещего смеха, и видение вновь исчезло среди ветвей.

Дрожа, Адель бросилась в объятия возлюбленного.

— Вы видели это? — прошептала она, прижимаясь к своему спутнику.

Оливье привлек ее ближе. У него кружилась голова от близости этой женщины, и видение, мелькнувшее в чаще, казалось совершенно неважным. Он не знал, было ли оно мимолетной галлюцинацией, игрой воображения, навеянной пробивающимися сквозь листья солнечными лучами, или же тем самым демоном, который, по поверьям, обитал в Аверуане, и почему-то собственный страх показался ему вдруг глупым и ребяческим. Он даже чувствовал благодарность к этому видению, чем или кем бы оно ни было, ибо именно оно толкнуло Адель в его объятия. Он не мог думать ни о чем, кроме этих теплых приоткрытых губ, которых он так долго жаждал. Оливье начал успокаивать ее, и его утешения перешли в пылкие признания в любви. Их губы соприкоснулись, и оба вскоре забыли про мелькнувший в лесу призрак.

Они лежали на ложе золотистого мха, когда Рауль нашел их. Они не услышали, как он подобрался и застыл с обнаженной шпагой при виде их преступного счастья.

Граф был готов наброситься на любовников и пронзить обоих одним ударом, но тут произошло нечто совершенно неожиданное: смуглое волосатое создание, дьявольская помесь человека и зверя, выскочило из ольховых зарослей и вырвало Адель из объятий Оливье. Тварь стремительно пронеслась мимо графа и исчезла, так же неожиданно, как и появилась, унося с собой женщину. Взрывы безумного смеха чудовища заглушили отчаянные крики несчастной.

Потом все затихло вдали, в безмолвии заколдованного леса, и больше ни один звук не нарушал тишину. Рауль и Оливье остались стоять друг против друга застыв как каменные...

ГИПЕРБОРЕЯ

ВОСПОМИНАНИЯ АТАМАСА
ДВЕРЬ НА САТУРН
КРАЖА ТРИДЦАТИ ДЕВЯТИ ПОЯСОВ
ЛЕДЯНОЙ ДЕМОН
ПОВЕСТЬ САТАМПРА ЗЕЙРОСА
ПРИШЕСТВИЕ БЕЛОГО ЧЕРВЯ
СЕМЬ ИСПЫТАНИЙ
УББО-САТЛА
СУДЬБА АВУЗУЛА ВУТОКВАНА

ВОСПОМИНАНИЯ АТАМАСА

Вот и пришло время поведать о любопытных и печальных событиях, произошедших еще до того, как Коморион оставили король и жители, хотя я и привык иметь дело скорее с длинным двуручным мечом, чем с палочкой из бронзы или пером из тростника, и совсем не обладаю даром рассказчика. Но Судьба подготовила меня к этому повествованию, отведя ключевую роль в тех давних событиях... Я ушел из города последним.

Все знают, что в далекие времена Коморион, блистательная и великолепно отстроенная из мрамора и гранита столица, считался венцом Гипербореи. Но вот о том, как она опустела, ходит теперь слишком много противоречивых легенд и сказаний. Они настолько фантастичны и неправдоподобны, что мне, старику, трижды заслужившему почет; мне, трудившемуся, как минимум, одиннадцать пятилетий на благо общества, именно мне приходится писать эти воспоминания о случившемся, пока события, о которых пойдет речь, совершенно не исчезли из народной молвы и памяти людей. И я делаю это, несмотря на то, что мне придется расписаться в собственном поражении, признаться в своей единственной ошибке...

Разрешите представиться тем, кому доведется прочитать мое повествование в будущем. Мое имя — Атамас. Я — главный палач Узулдарума, и эту же должность исправлял в Комориоие. Мой отец, Мандхай Тал, служил

палачом до меня, палачами были и все его предки, включая даже тех, кто жил в годы легендарных поколений ранних правителей. Все они блестяще владели большим медным мечом правосудия, легко управляясь им на плахе.

Простите старика, если его рассказ покажется вам слишком медленным, старости свойственно задерживать внимание на юношеских воспоминаниях об отливающем вдали королевском пурпуре и славе, которая освещает безвозвратно ушедшее. О чудо! Я снова становлюсь молодым, вспоминая Коморион! Мысленно находясь в этом мрачном городе, я созерцаю сквозь ушедшие в прошлое годы стены Комориона, громадами возвышающиеся над джунглями, и вижу множество устремленных в небо белоснежных шпилей. Коморион считался главным, лучшим и самым богатым из всех других городов, управляя ими всеми. Комориону платили дань все земли — от берегов Атланского моря до моря, омывающего огромный континент Му. Сюда съезжались купцы из далекого Талана, граничащего на севере с неизведанной страной льдов, и из южных областей Тешо Вулпаноми, вдоль которых протянулись озера кипящей лавы. Ах, каким гордым и величественным был Коморион! Его самые бедные дома выглядели роскошнее дворцов в других городах. Нынешние легенды гласят, что город из-за невнятного предсказания седой колдуньи со снежного острова Полярион, был обезображен ползучими растениями и пятнистыми змеями. Вовсе не так все было! Нет, виной всему другие, более серьезные и страшные причины, вызвавшие такой неподдельный ужас, против которого и закон королей, и мудрость святых, и острота мечей — все оказалось бессильно. Ах! Как не хотел город сдаваться, с каким нежеланием отступали его защитники! И хотя многие забыли это или, возможно, считают Коморион не более, чем пустой и сомнительной легендой, я никогда не перестану оплакивать его.

Силы моих мышц, к сожалению, истощились. Время иссушило кровь в моих венах и засыпало волосы пеплом умирающего солнца. Но в те далекие времена, о которых я веду речь, не было во всей Гиперборее более здорового и рослого палача, чем я, и мое имя грозило кровавой расправой и служило громогласным предупреждением всем

злодеям в лесах и в городе и диким разбойникам из бесчисленных чужеземных племен. Облаченный в яркий пурпур, говорящий о моем ремесле, я стоял каждое утро на главной городской площади, где исполнял в назидание всем свой долг, и каждый желающий мог присутствовать на экзекуции и наблюдать за действом. Ежедневно, по нескольку раз, крепкая золотисто-красная медь огромного серповидного меча обагрялась кровью. Я пользовался большим уважением короля Локваметроса и простых людей Комориона за то, что моя рука ни разу не дрогнула, за мой верный глаз и безошибочный удар, который никогда не приходилось повторять дважды.

Однажды по городу разнеслись слухи о беззаконных деяниях Кнегатина Зума. Я прекрасно помню их, поскольку доходившие сведения отличались невероятной жестокостью. Разбойник принадлежал к невежественному и очень дикому племени, называемому вурмис. Этот народ обитал в черных Эйглофианских горах, находившихся в сутках пути от Комориона. Вурмисы селились, по традиции, в пещерах диких животных. Самих зверей они убивали или просто выгоняли. Представители племени, впрочем, сами были похожи скорее на зверей, чем на людей, отличаясь чрезмерной волосатостью, отвратительным видом, а также склонностью к жутким обрядам и обычаям. Главным образом из этих отвратительных существ пресловутый Кнегатин Зум и сколотил банду, которая постоянно грабила и наводила страх на все население холмов, прилегающих к Эйглофианским горам. Причем, ограбление считалось наименьшим из их преступлений, а людоедство не было самым худшим.

Из сказанного становится понятно, что вурмисы являлись представителями расы аборигенов Гипербореи с самыми отвратительными и неприглядными этническими чертами. Утвердилось мнение, что Кнегатин Зум имел более противные черты, чем другие его сородичи, поскольку являлся родственником по материнской линии странного и совсем не похожего на человека бога Тсатоггуа, которому поклонялись в доисторические времена. Находились и такие, кто нашептывал, что в его жилах течет еще более чуждая людям кровь, если это вообще кровь, и что сам Кнегатин появился в результате чудовищной

связи женщины и темного отродья Протеан, явившегося в эти земли вместе с Тсатоггуа из древних миров. Судя по росту разбойника, тело его отрицало законы физиологии и геометрии. Говорили, все из-за того, что в жилах Кнегатина Зума текла смешанная кровь аборигенов и существ из другого мира. На его теле, в отличие от тел его лохматых разноцветных соплеменников, не было волос, зато от макушки и до пят его покрывали пестрые большие пятна черного и желтого цвета. Более того, он считался самым жестоким и хитрым из всех вурмисов.

Долгое время отвратительный разбойник оставался для меня не более, чем страшным именем, но определенный профессиональный интерес с неизбежностью возвращал к нему мои мысли. Многие верили, что Кнегатин Зум неуязвим для любого вида оружия. Рассказывали, как ему непонятным образом удалось сбежать из подземных темниц, откуда не под силу выбраться ни одному смертному. Но я, конечно, не принимал всерьез все эти сказки, потому что профессиональный опыт подсказывал мне, что людей, способных на такое, не существует. К тому же, мне хорошо была известна склонность к суевериям среди простого люда.

С каждым днем все новые слухи доходили до меня, в то время как я не уставал исполнять свой долг. Безжалостный Кнегатин, казалось, не удовольствовался обширными территориями его родных гор и прилегающих к ним холмистых районов с процветающими деревнями и густо населенными городами. Его участившиеся грабительские набеги становились с каждым разом все смелее. И вот однажды ночью он оказался в одной из деревень в непосредственной близости от Комориона, считавшейся его пригородом. Здесь Кнегатин Зум совершил немыслимо жестокие убийства и увел в пещеры ради своих непристойных целей многих селян. Прежде чем служители правосудия успели схватить их, грабители скрылись в глубине Эйглофиана.

Именно это наглое нападение заставило власти направить все свое внимание и силу на то, чтобы уничтожить Кнегатина Зума. До этого с его шайкой боролись пограничные отряды, но отныне его преступления превзошли компетенцию местных властей, потребовав участия ар-

мии Комориона. С тех пор все дороги патрулировали конные разъезды; города, в которых мог появиться разбойник, строго охранялись, везде были устроены засады.

Но проходили месяцы, а Кнегатин Зум избегал всех ловушек. Банда людоедов продолжала совершать набеги со все более устрашающей частотой. И только, вероятно, случайно или в результате безрассудного поведения разбойника, его, в конце концов, схватили вблизи столицы. Вопреки всем ожиданиям, а свирепость Кнегатина Зума была хорошо известна, он не оказал никакого сопротивления. Бандит сразу же сдался, как только увидел, что окружен лучниками в кольчугах и воинами с алебардами. Но при этом он как-то загадочно и криво ухмыльнулся. Эта ухмылка не одну ночь тревожила сон всех, кто присутствовал при аресте.

Никто так и не узнал, почему он оказался один в тот момент, когда его схватили, и почему ни один из его приспешников так никогда и не попался в руки полиции. Тем не менее, это не помешало всеобщему ликованию и радости в Комориоие. Каждый горожанин с любопытством стремился увидеть страшного разбойника. Но, наверно, наибольший интерес он вызывал у меня, поскольку именно мне после окончания официального следствия предстояло его обезглавить.

Наслушавшись страшных рассказов и легенд, которые, как я уже говорил, уходили корнями в далекое прошлое, я ожидал от преступника чего-нибудь необычного. Но он превзошел все мои, даже самые зловещие и неприятные, предчувствия сразу же, как только я увидел его в первый раз, когда Кнегатина Зума вели в тюрьму сквозь беспорядочную толпу. Обнаженный до пояса, он носил лишь бурую накидку из шкуры какого-то длинношерстного зверя, которая грязными лохмотьями свисала до колен. Вид разбойника добавлял мало приятного к уже известным мне сведениям об особенностях его внешности, которые шокировали меня и вызывали отвращение. Руки и ноги, тело и даже черты лица бандита казались такими же, как и у остальных аборигенов, и даже полное отсутствие волос можно было объяснить тем, что Кнегатин своего рода карикатура — издевательское изображение бритого жреца. Даже бесформенную пестроту его кожи,

напоминающую окрас шкуры большого удава, можно было принять за экстравагантную неестественную пигментацию. Но за этими чертами притаилось что-то еще. Масляная мягкость тела, поразительная легкость, волнообразная гибкость, текучесть каждого движения говорили о строении, не свойственном человеческому организму и позвоночнику. Порой возникало подозрение, что у Кнегатина вообще не было скелета, как, например, у змеи. В результате всех этих размышлений я впервые за всю свою жизнь взглянул на пленного и на предстоящую мне задачу с непривычным отвращением. Создавалось впечатление, что Кнегатин не идет, а скользит по дороге, да и сам вид его суставов — коленей, бедер, локтей и плеч — казался произвольным и неестественным. По всему чувствовалось, что внешний вид этого существа являлся своего рода уступкой анатомической условности, и его тело могло бы с легкостью принять самый невероятный вид и необъяснимо огромные размеры, свойственные представителям тех миров, которые расположены за пределами нашей галактики. Конечно, теперь-то я мог поверить в ужасные рассказы о его предках. И с ужасом, впрочем, не меньшим, чем любопытство, я жаждал узнать, что станет с ним в результате справедливого удара меча, и какой зловонный гной, вместо благородной крови, осквернит мой беспристрастный клинок.

Нет надобности описывать подробности судебного процесса и вынесения приговора Кнегатину Зуму за многочисленные его чудовищные преступления. Судебные власти действовали неумолимо, быстро и безошибочно, а беспристрастность их решения не позволила ни уклониться от исполнения приговора, ни затянуть следствие. Пленника заключили в потайную подземную темницу, находившуюся под главной подземной тюрьмой города. Темница представляла из себя узкую камеру большой глубины. Единственным входом в нее служило отверстие, через которое при помощи длинного каната и лебедки опускали и поднимали преступника. Отверстие закрывалось большой каменной плитой и охранялось день и ночь дюжиной вооруженных стражников. Однако Кнегатин Зум не предпринял ни одной попытки бежать. Он казался неестественно покорным судьбе.

Я всегда обладал даром интуитивного предвидения событий. На этот раз мне показалось, что в такой неожиданной покорности таится нечто угрожающее. Кроме того, мне не нравилось поведение заключенного в ходе судебного процесса. Со времени пленения он не проронил ни слова. Хранил молчание он и перед судьями. Несмотря на предоставленных ему переводчиков, владевших грубым свистящим эйглофианским диалектом, разбойник не отвечал на вопросы и не оправдывался. Но больше всего мне не понравился равнодушный вид, с которым он прослушал объявление смертного приговора в высшем суде Комориона, зачитанного последовательно восемью судьями и торжественно утвержденного затем королем Локваметросом. После этого я тщательно проверил, хорошо ли заточен мой меч, и дал себе обет собрать всю силу и проявить все мастерство, на которое только был способен, во время предстоящей казни.

На этот раз казнь отложили ненадолго. Обычно с момента вынесения приговора и до его исполнения проходило две недели, но, приняв во внимание тяжесть преступлений Кнегатина Зума, этот срок сократили до трех дней.

Накануне выбранного для казни дня я спал очень плохо, всю ночь меня мучили отвратительные кошмары. И все же утром с привычной для себя точностью я направился к деревянной плахе, установленной ровно посередине главной площади. Там уже собралась огромная толпа, и яркое янтарное солнце царственно освещало серебро и драгоценности, украшавшие одеяния королевских сановников, грубую шерсть одежды купцов и ремесленников, а также шкуры чужестранцев.

Вскоре появился Кнегатин Зум в сопровождении стражи, окружившей его колючей изгородью из алебард, копий и трезубцев. Утром этого дня все улицы, ведущие из города, а также выходящие на площадь, охранялись множеством солдат — власти опасались, что разбойники могут в последний момент попытаться освободить своего предводителя.

Под бдительным наблюдением стражников Кнегатин Зум вышел вперед. Он остановил на мне внимательный, но невыразительный взгляд своих желтых глаз. Только

тогда я разглядел, что у разбойника не было век. Зрачков я тоже не заметил. Преступник опустился на колени перед плахой и без колебаний подставил мне свой пестрый затылок. Когда я взглянул на него расчетливым глазом, примериваясь к смертоносному удару, меня более чем прежде охватило непонятное отвращение к его беспозвоночному телу, скрытому под кожей и обладавшему тошнотворной и не свойственной человеку пластичностью. Словно издеваясь и глумясь, принял Кнегатин Зум человеческую форму. Я ощутил невероятный холод, отрешенный и непроницаемый цинизм, который исходил от каждой частицы его тела. Бандит напоминал дремлющую змею или огромную лиану в джунглях.

Я очень хорошо осознавал, что, возможно, имею дело с особенным существом, и тогда обезглавить его было делом непосильным для обычного общественного палача. Тем не менее, я поднял огромный меч, засверкавший гранями, описал им безупречную дугу, и опустил его на пестрый затылок с привычной для меня силой и точностью.

В момент удара рука, держащая меч, испытывает различные ощущения от соприкосновения с шеей преступника. На этот раз я ощутил нечто совершенно не похожее на впечатление, связанное в моем сознании с обезглавливанием любого известного живого существа. С облегчением я увидел, что удар оказался успешным. Идеально отрубленная голова Кнегатина Зума лежала на пористом основании плахи, а его тело распростерлось на мостовой, без малейших признаков предсмертных конвульсий. Как я и ожидал, вместо крови вытекла только черная, густая, зловонная жидкость. После удара меча стало очевидно, что у казненного в самом деле не было позвоночника, необходимой части скелета любого человека. Судя по всему, Кнегатин Зум все же окончил свою постыдную жизнь. Таким образом, приговор короля Локваметроса и восьми судей Комориона был приведен в исполнение.

Гордо, но сдержанно принял я аплодисменты толпы, наблюдавшей за казнью. Горожане с готовностью засвидетельствовали смерть негодяя и теперь громко ликовали над телом казненного. Проследив, чтобы останки Кнегатина Зума передали в руки могильщиков, в чьи обязанности входило захоронение трупов, я отправился домой, пото-

му что других казней на этот день не назначали. Моя совесть была спокойна, и я чувствовал, что вел себя достойно при выполнении далеко не приятного долга.

С телом Кнегатина Зума поступили так, как это было принято по отношению к телам наиболее опасных преступников. Его останки с особенной поспешностью кинули в яму, вырытую между двумя кучами мусора на бесплодном поле за городом, куда люди выбрасывали отходы. Яму закидали землей. Место захоронения никак не отметили, и даже не сделали могильной насыпи. Закон восторжествовал, и все остались довольны, начиная от короля Локваметроса и заканчивая селянами, пострадавшими от грабежей.

Той ночью я лег спать после обильного ужина из фруктов суваны и бобов джонгуа, смоченных в вине фоум. С моральной точки зрения, я имел полное право спать сном праведника, но, как и прошлой ночью, меня терзали страшные кошмары. Я запомнил только все нарастающее ощущение невыносимого беспокойства и постепенно накапливающийся ужас, у которого не было ни имени, ни формы. Меня преследовало мучительное чувство напрасного, темного, безнадежного и тяжелого труда, а также ощущение крушения всех надежд. Кроме того, в памяти остался смутный образ чего-то странного, что не напоминало ни один из известных мне предметов, не предназначенного для человеческого восприятия и понимания. Все эти ощущения и весь ужас, оставшийся в памяти от прошедшей ночи, были как-то связаны с этим образом.

Утром я проснулся разбитым и измученным от, казалось, бесконечной вереницы безуспешных попыток и однообразных неудач. Приписав ночные страдания бобам джонгуа, я решил, что, должно быть, накануне съел слишком много. Хорошо, что тогда мне не пришло в голову обвинить в этих кошмарных снах те зловещие символы, которым вскоре предстояло проявить себя...

Теперь пришло время описать то, что представляет грозную опасность для Земли и ее обитателей; то, что находится за пределами человеческого или земного распорядка, ниспровергает закономерности, насмехается над масштабами и бросает вызов биологическому развитию. Имя этому — страх. И даже по прошествии семи пяти-

летий моя рука, пишущая эти строки, все еще дрожит при одном воспоминании о пережитом страхе.

Но обо всем этом я еще не знал, когда шел в то утро к месту казни, где трое ничем не примечательных преступников, чьи лица и вину я уже забыл, готовились встретить свою смерть. Однако не успел я отойти от своего дома, как услышал немыслимый шум, который быстро наполнял Коморион. Я различил множество криков, яростных и жалобных, наполненных ужасом и страхом. По-видимому, их подхватывал и повторял каждый, оказавшийся в этот час на улице. Встретив нескольких горожан, которые, пребывая в состоянии крайнего возбуждения, все еще продолжали кричать, я спросил, что случилось. От них-то я и узнал, что Кнегатин Зум, чьим преступлениям, казалось, был положен конец, появился вновь, отметив свое сверхъестественное возвращение совершением пугающего действа на главной улице города на глазах у прохожих! Он схватил уважаемого в Коморионе продавца бобов джонгуа и тут же начал поедать свою жертву живьем, не обращая внимания на сыпавшиеся со всех сторон удары и проклятия, на кирпичи, стрелы, копья и булыжники, которыми закидывала его собравшаяся толпа и полиция. Лишь утолив зверский аппетит, он позволил полиции увести себя, оставив на месте жуткого происшествия только кости и одежду продавца. Поскольку случай был беспрецедентным, Кнегатина Зума бросили в потайную темницу под городской подземной тюрьмой, дожидаясь решения Локваметроса и восьми судей.

Нетрудно представить, какое невообразимое замешательство и глубокое смущение почувствовал не только я, но и городские власти, и жители Комориона. Все видели, что Кнегатин Зум, успешно казненный, был похоронен в соответствии с традиционным ритуалом. Его воскрешение не только нарушало законы природы, но и являлось наиболее дерзким и загадочным вызовом правовым нормам. По существу, с юридической точки зрения, требовалось немедленно провести и утвердить специальный закон, который бы закрепил право проведения повторного суда и пересмотр дел тех преступников, кто смог выбраться из своих законных могил. Но проблема заключалась не только в отсутствии юридических норм. Народ оказался

невероятно напуган происшедшим, и сразу же после известия о возвращении разбойника, наиболее невежественные и религиозные горожане стали склоняться к мысли, что в этом событии кроется предзнаменование неминуемого бедствия.

Что же касается меня, то научный склад моего ума не позволял мне верить в существование сверхъестественных сил и заставлял искать объяснение в неземном происхождении Кнегатина Зума. Я был уверен, что тут не обошлось без участия чуждых нам законов биологии и неизведанных свойств внеземного живого организма.

С воодушевлением, почувствовав себя настоящим исследователем, я собрал могильщиков, которые похоронили тело Кнегатина Зума, и приказал им привести меня к месту его погребения на поле отбросов. Тут-то и открылись исключительные обстоятельства дела. Земля над могилой осталась нетронутой, но сбоку было проделано глубокое отверстие, которое мог бы прорыть какой-нибудь крупный грызун. Ни одно существо, обладающее размерами человека или хотя бы имеющее человеческую форму, не смогло бы выбраться через эту дыру. По моему приказу могильщики раскопали могилу. Когда они выгребли всю свежую землю, перемешанную с черепками и мусором, которой они накануне засыпали обезглавленного преступника, то на дне ничего не оказалось, кроме слоя слизи на том месте, где лежал труп. Впрочем, и слизь вскоре испарилась.

Это поставило меня в тупик и еще больше, чем раньше, заинтриговало. Однако все еще уверенный, что происшествие имеет вполне объяснимые причины, я стал ждать нового суда. На этот раз судебное разбирательство прошло быстрее, и судьи вели себя более уверенно, чем раньше. Заключенного снова осудили, и решили казнить его сразу же, на рассвете следующего дня. К приговору суд добавил особые требования к погребению: останки должны были запечатать в прочном деревянном саркофаге, саркофаг поместить на дно глубокой шахты, пробитой в цельном камне, и заполнить шахту массивными валунами. Такие меры предосторожности посчитали достаточными для того, чтобы помешать останкам этого отъявленного негодяя исчезнуть.

На утро Кнегатина Зума вновь привели ко мне под усиленным конвоем. На этот раз народу собралось еще больше. Толпа заполнила площадь и все прилегающие к ней улицы. Я посмотрел на преступника с глубоким беспокойством и с еще более усилившимся отвращением. Обладая хорошей памятью к анатомическим подробностям строения тела, я заметил некоторые странные изменения в его облике. Большие пятна серовато-черного и болезненно-желтого цвета, которые раньше покрывали все его тело с головы до ног, теперь перераспределились. В результате появившиеся вокруг глаз и рта пятна придали лицу негодяя невероятно жестокое и, в то же время, язвительное выражение. Его шея заметно укоротилась, хотя от среза между головой и плечами не осталось и следа — все идеально срослось. Рассматривая конечности разбойника, я разглядел другие, почти незаметные, изменения. Несмотря на свою проницательность в вопросах строения его тела, я не хотел размышлять о тех процессах, которые явились причиной этих изменений, и еще менее хотел строить догадки об их сомнительных последствиях. Искренне надеясь, что Кнегатин Зум и отвратительные изощренные свойства его жуткого тела теперь навсегда будут уничтожены, я поднял меч правосудия в воздух и обрушил его на шею негодяя.

Как и положено, глаза смертных вновь увидели безупречный удар. Голова разбойника отскочила от тела, а туловище с конечностями рухнуло на покрытую пятнами мостовую и лежало там бездыханно. С точки зрения закона этот дважды злодей был теперь дважды мертв.

Тем не менее, на этот раз я сам наблюдал за захоронением останков. Я видел, как закрепили болтами крышку крепкого деревянного саркофага, куда прежде уложили останки; как опустили его на глубину в десять футов в каменную шахту, а затем наполнили эту шахту специально отобранными для этого валунами. Поднять самый легкий из этих валунов можно было только усилиями троих мужчин. Всем нам казалось, что теперь неугомонному Кнегатину Зуму наступил конец.

Но, увы! Суетны земные надежды и труды! Следующее утро началось с невыразимого, невероятного известия о том, что насилие возобновилось. Жуткий преступник-по-

лучеловек снова оказался на воле, и в очередной раз его склонность к людоедству принесла смерть достопочтенному жителю Комориона. Оживший разбойник с жадностью сожрал одного из восьми судей, и, не доев этого достойного гражданина, откусил на десерт самую выдающуюся часть лица одного из полицейских, который пытался остановить его зверства. Все это, как и в предыдущий раз, свершилось под неистовые крики и протесты толпы. После того как Кнегатин Зум обгрыз остатки левого уха несчастного стража порядка, он, казалось, насытился и покорно позволил тюремщикам увести себя.

Эта новость поразила меня и всех тех, кто помогал мне в трудной работе по захоронению. К тому же происшедшее плачевно сказалось на настроениях жителей. Наиболее суеверные и робкие начали покидать город. Тут же вспомнились забытые пророчества, жрецы начали активно обсуждать необходимость умиротворения мистических богов и идолов щедрыми жертвоприношениями. Я полностью игнорировал эту чепуху, но при таких обстоятельствах новое возвращение Кнегатина Зума являлось для науки не менее опасным, чем для религии.

На всякий случай мы обследовали гробницу и обнаружили, что некоторые из лежащих в ней валунов смещены таким образом, что между ними могло протиснуться тело, не превышающее в ширину размеров большой змеи или выхухоли. Саркофаг, закрепленный металлическими болтами, с одной стороны оказался вскрыт, и мы содрогнулись при мысли о том, какая же страшная сила для этого потребовалась.

Из-за того, что возвращение преступника нарушало все известные биологические законы, формальности гражданского права теряли силу. В тот же день, еще до того, как солнце оказалось в зените, меня, Атамаса, вызвали и торжественно возложили на меня обязанность немедленно обезглавить Кнегатина Зума еще раз. Погребение и различные распоряжения, связанные с останками, оставили полностью на мое усмотрение, а все местные войска и полиция, если понадобится, поступали под мое командование.

Прекрасно осознавая честь, которую мне тем самым оказали, я не на шутку забеспокоился, но бесстрашно

взялся за работу. Когда преступник появился в третий раз, все увидели, что строение его тела после возрождения невероятным образом изменилось. Пестрота кожи Кнегатина Зума непредсказуемо увеличилась, а его человеческий облик исказило воздействие неземных сил. Теперь между головой и туловищем почти совсем не было шеи, глаза располагались на лице по диагонали, став более плоскими и выпученными, нос и рот, казалось, стремились поменяться местами. Остальных изменений я не стану описывать, поскольку они связаны с отвратительным исчезновением наиболее важных и отличительных человеческих органов. Я, однако, упомяну о странных колышущихся образованиях, появившихся у разбойника вместо суставов. Например, вместо коленок, у него свисали подвижные наросты, состоящие из нескольких кольцеобразных кожных складок. Тем не менее, это был Кнегатин Зум, собственной персоной, который вновь стоял перед плахой правосудия.

Из-за фактического отсутствия шеи, третье обезглавливание требовало особой точности глаза и верности руки, чего ни один другой палач, кроме меня, не смог бы продемонстрировать. Я рад заметить, что мое мастерство отвечало необходимым для этого требованиям, и в очередной раз у преступника отсекли отвратительный придаток, заменявший голову. Но если бы лезвие меча хотя б чуть-чуть отклонилось в сторону, такое расчленение уже нельзя было бы назвать отсечением головы.

Особое внимание, с которым я вместе со своими помощниками осуществлял третье погребение, заслуживало того, чтобы увенчаться успехом. Мы положили тело в прочный бронзовый саркофаг, а голову — в другой саркофаг, поменьше, но сделанный из того же материала. Затем мы приварили крышки расплавленным металлом, после чего увезли эти своеобразные гробы в противоположные части города. Саркофаг с телом захоронили глубоко под грудой камней, а саркофаг с головой я решил не закапывать, собираясь наблюдать за ним всю ночь вместе с вооруженными стражниками. На месте захоронения тела я также поставил хорошую охрану.

Настала ночь, и с семью надежными гвардейцами, вооруженными трезубцами, я направился к малому сарко-

фагу. Он стоял во дворе заброшенного особняка, в пригороде, вдали от людных мест. В ту ночь я вооружился коротким мечом и алебардой. Мы взяли много факелов, чтобы не испытывать недостатка в освещении во время нашей тяжелой вахты, и сразу же зажгли несколько из них, воткнув в щели между плитами мощеного двора таким образом, чтобы саркофаг оказался внутри освещенного круга.

Кроме того, мы принесли с собой много кожаных бутылок с вином и большие игральные кости, чтобы скоротать темные ночные часы. Не упуская из виду саркофаг, мы благоразумно переключили внимание на вино, начали играть в кости на незначительные суммы, ставя на кон не более пяти пазуров,— такая манера свойственна хорошим игрокам, так, начиная с малого, они постепенно полностью разоряют соперников. И лишь время от времени мы бросали внимательные взгляды в сторону саркофага.

Темнота быстро сгущалась. В темно-синем небе, слегка подкрашенном отблесками факелов, мы заметили Поляpис и красные планеты, которые в последний раз видели Коморион в дни его славы. Но тогда мы не думали о приближении беды, а лишь отважно шутили и пили, позволяя себе непристойно насмехаться над безобразной головой, наконец, занявшей свое место в гробу. Теперь-то она находилась на безопасном расстоянии от отвратительного тела. Мы все пили и пили вино, и вскоре его благотворный дух вскружил нам головы. Теперь на кону уже стояли большие суммы, и игра пошла с невероятным возбуждением.

Я не знаю, ни сколько звезд промчалось над нашими головами в задымленном небе, ни сколько раз я прикладывался к бутылкам, постоянно ходившим по рукам. Но я хорошо помню, что выиграл тогда не меньше девяноста пазуров у охранников, которые громко и крепко ругались, безуспешно пытаясь помешать моему выигрышу. Я, так же как и все остальные, абсолютно забыл о цели нашего ночного бдения.

Саркофагом, в котором находилась голова, послужил один из тех гробов, что первоначально предназначались для погребения ребенка. Можно, конечно, поспорить, было ли грешно и кощунственно расточать великолепную

бронзу для такого дела. Но ничего другого, подходящего размера и настолько же прочного, в данный момент не оказалось у нас под руками.

В запале игры, как я уже намекнул, мы забыли, что надо следить за гробом. Я содрогаюсь при одной только мысли о том, что мы могли бы заметить или даже услышать, до того момента, как необычное и пугающее поведение саркофага привлекло к себе наше внимание. Внезапно раздался резкий металлический звук, похожий на колокольный звон или удар меча по щиту. Мы поняли, что за спиной у нас что-то происходит. Мы все одновременно обернулись в направлении странного звука и увидели, как в кругу неровно горящих факелов самым невероятным образом подпрыгивает саркофаг. Приподнимаясь то с одного, то с другого конца, он танцевал и выделывал сложные пируэты, постоянно стуча по гранитным плитам.

Едва мы осознали весь ужас происходящего, как ситуация стала меняться к худшему. Страх нарастал. Мы увидели, что у саркофага выпятились крышка, бока и дно, и он быстро начал терять правильную форму. Он вздувался и кривлялся, как видение из ночного кошмара, пока не принял овальную сферическую форму, после чего с жутким скрежетом треснул по швам, в тех местах, где крышка была приварена к корпусу, и лопнул, расколовшись на части. Сквозь длинные неровные щели с адским бульканьем полилась черная пенящаяся масса отвратительного вещества, в котором тошнотворно бурлили миллионы змей, шипя, как бродящее вино и пуская огромные черные пузыри. Опрокинув несколько факелов, гадкая масса потекла в разные стороны, затопляя плиты мостовой, и мы в страхе отступили.

Прижавшись к забору, мы наблюдали в свете вспыхивающих чадящих факелов за удивительными превращениями бесформенной массы, которая неожиданно приостановилась, словно для того, чтобы собраться с силами, и затихла, как некое дьявольское тесто. Затем она начала собираться в комок, пока ее размеры не приблизились к размерам головы. Впрочем, ей не удалось сразу принять нужную форму. Постепенно этот ком превратился в черный шар, и на его пульсирующей поверхности начали вырисовываться неясные очертания. Сначала появился глаз,

рыжеватый, мерцающий, без зрачка и века, который уставился на нас из центра шара. С минуту голова лежала спокойно, затем резко подпрыгнула и покатилась мимо нас к открытым воротам, исчезнув в ночных улицах.

Мы остолбенели от изумления и замешкались, но это не помешало нам заметить направление, в котором исчезла голова. К нашему смущению и ужасу, она отправилась в сторону пригорода Комориона, где захоронили тело Кнегатина Зума. Мы даже не осмелились предположить, что все это значит и чем может закончиться... Несмотря на невероятный страх и множество дурных предчувствий, мы схватили оружие и бросились вслед за этой нечестивой головой с максимальной скоростью, на которую оказались способны после такого количества выпитого вина.

На улицах в этот час никого не было, не считая отъявленных кутил, которые либо возвращались домой, либо спали, напившись, под открытым небом. Улицы потонули во мраке, и казались страшными и мрачными. Сквозь туман, образованный ядовитыми испарениями, едва просвечивали звезды. Мы бежали по главной улице, и стук наших шагов по тротуару разносился в тишине глухим эхом, как будто внутри сплошного камня под нашими ногами оказалась полость, содержащая склепы для наших грешных тел.

За все время, пока мы бежали, нам не попалось никаких признаков невообразимо омерзительного и жуткого существа, которое появилось из лопнувшего саркофага. Нас не столько успокаивало, сколько пугало, то, что мы так и не встретили ничего похожего по своему происхождению на страшное существо, и это, в свою очередь, лишь подтверждало наши самые худшие опасения. Недалеко от главной площади Комориона, мы встретили вооруженную алебардами, трезубцами и факелами группу людей, оказавшихся охранниками, которых вечером я поставил над могилой с телом Кнегатина Зума. Их состояние вызывало жалость. В сильном возбуждении они поведали нам страшную историю о том, как огромные блоки, наваленные на гробницу, приподнялись, будто от сильного землетрясения, и похожая по форме на питона пенящаяся текучая масса просочилась между камнями и исчезла в темноте, двигаясь по направлению к Комориону. В ответ мы рас-

сказали о том, что произошло за время нашего дежурства. Все единогласно пришли к выводу, что страшный уродец — тварь, более смертоносная, чем дикий зверь или змея, опять разгуливает на свободе и разбойничает в ночи. И мы испуганно стали перешептываться о том, что может принести утро.

Объединив наши усилия, мы обыскали весь город, тщательно прочесав аллеи, главные улицы и переулки. Мы хотели отыскать темное, преступное отродье, которое мнилось нам за каждым поворотом, в каждом укромном месте, в каждой подворотне. Но поиски оказались напрасны. Звезды потускнели. Среди мраморных шпилей с серебряным мерцанием занимался рассвет. Первые лучи солнца омыли янтарем стены и тротуары.

Вскоре послышались шаги горожан, разносившиеся эхом по городу, и мало-помалу знакомые стуки и звуки просыпающейся жизни наполнили город. Появились ранние прохожие. Пришли из ближайших окрестностей продавцы молока и бобов. Но от того, кого мы искали, не осталось и следа.

Мы продолжали обыскивать улицы, в то время как город вокруг нас просыпался. Вдруг, внезапно, без всякого предупреждения, мы настигли свою добычу, при таких обстоятельствах, которые поразили бы самых сильных духом и напугали бы самых доблестных. Мы как раз выходили к площади, где стояла плаха, на которой тысячи и тысячи злодеев сложили свои головы, когда услышали крик. Так кричат только в агонии или от смертельного испуга, который могло вызвать лишь одно существо на свете. Кинувшись туда, мы увидели, что двое прохожих, еще недавно мирно шедших по площади рядом с помостом справедливости, боролись, оказавшись в лапах немыслимого чудища, которое выглядело страшнее самых жутких созданий, когда-либо существовавших в истории человечества или встречавшихся в мифах.

Непонятные особенности телодвижений чудовища мешали опознать его, но, подойдя поближе, мы признали в нем Кнегатина Зума. Голова после третьего воссоединения с омерзительным туловищем приклеилась практически вплотную, где-то в районе грудины и диафрагмы. Видимо, во время процесса очередного сращивания, один глаз отскочил, потеряв связь не только с другим глазом, но и

с головой, и теперь расположился ровно посередине торса, под выпуклым подбородком. Произошли другие, еще более удивительные изменения: руки удлинились и превратились в щупальца, а пальцы стали похожи на скрюченные ядовитые жала. На плечах, где по всем законам природы должна была находиться голова, образовался конический нарост, оканчивающийся чашеподобным ртом. Наиболее фантастическим и невероятным образом изменились и нижние конечности: каждое колено разветвлялось на длинные гибкие хоботы, с рядами присосок. Используя их многочисленные рты, странное существо пожирало обоих схваченных им несчастных.

Пока мы приближались к центру площади, где разыгрывалось это жуткое зрелище, собралась привлеченная криками толпа. Мгновенно весь город наполнился возгласами, шум голосов все нарастал, и в каждом звуке чувствовался невероятный ужас.

Я не буду говорить о тех чувствах, которые мы, как воины и просто как люди, испытали в те минуты. Стало ясно, что неземные черты предков Кнегатина Зума проявились в самом неприглядном виде, ускоренном его последним воскрешением. Но, несмотря на это и на чудовищную злобу находящегося перед нами негодяя, мы все еще были готовы выполнять свой долг и охранять беззащитное население настолько, насколько могли. Я не хвастаюсь проявленным героизмом. Будучи самыми обычными людьми, мы должны были сделать то, в чем чувствовали свое призвание.

Наш отряд окружил страшное создание и сразу же попытался атаковать его алебардами и трезубцами. Но нам помешали внезапно возникшие трудности: чудовище загораживалось от нас, обвивая свои жертвы. Они находились в постоянном движении, и мы боялись использовать оружие, чтобы не убить и не ранить горожан. Однако, борьба стала затихать по мере того, как чудовище поглощало тела и высасывала из них кровь.

Когда же наступил удобный момент, мы бы все возобновили атаку, пусть даже и безуспешную. Но, очевидно, чудовище устало от бесполезной траты времени, ему надоели досадные приставания людей. Когда мы подняли оружие и приготовились нападать, существо отступило, все еще крепко сжимая обескровленные и обессилевшие

жертвы, и вскарабкалось на плаху. Здесь, перед лицом собравшегося народа, все части его тела начали раздуваться, источая нечеловеческую вражду и злость. Скоро оно достигло таких размеров, что перестало помещаться на плахе и начало постепенно сползать с нее во все стороны волнообразными складками. Надо заметить, что его тело раздувалось скорее вширь, чем ввысь. Скорость, с которой увеличивались рост и размеры существа, могла устрашить любого героя древних мифов.

Когда уродец достиг размеров, превысивших размеры любого живого существа, обитающего в этом мире, и стал агрессивно двигаться в нашу сторону, медленно вытягивая удавообразные руки, мои доблестные товарищи отступили. Еще меньше я осуждаю население города — горожане покидали Коморион, пронзительно крича и причитая. Бегство, без сомнения, ускорили звуки, которые впервые в нашем присутствии издало чудовище. Они скорее напоминали шипение, но звучали так громко, что были почти невыносимы, а их тембр мучительно воспринимался ухом. Но хуже всего было то, что это шипение исходило не только изо рта, расположенного на голове, но и изо всех маленьких ртов, которыми заканчивались присоски. Даже я, Атамас, отступил и остановился поодаль, за пределами досягаемости извивающихся змееобразных пальцев.

Тем не менее, я с гордостью готов поведать, что задержался на краю опустевшей площади дольше других. Жуткое создание, которое раньше было Кнегатином Зумом, по-видимому, осталось довольно своим триумфом и размышляло о чем-то, лениво развалившись на побежденной плахе, словно гора живой плоти. Его пронзительное шипение притихло, превратившись в слабый свистящий звук, который могла бы издавать семья дремлющих питонов. Существо не предпринимало никаких попыток наброситься или даже приблизиться ко мне. Осознав, что я не имею ни малейшей возможности исполнить профессиональный долг и казнить это чудовище, а также то, что Коморион остался теперь без короля, судебной власти, полиции и населения, я, наконец, покинул обреченный город и последовал за остальными...

ДВЕРЬ НА САТУРН

Как-то с восходом солнца Морги, верховный жрец богини Йоунде, отправился в сопровождении своих двенадцати наиболее способных и жестоких помощников на поиски проклятого грешника Эйбона. Однако, подойдя к мысу над северной дорогой, они с удивлением обнаружили, что в доме из черного гнейса, где жил Эйбон, никого нет. Такой поворот дела, несомненно, разочаровал их.

Тут было чему удивляться. Жрецы рассчитывали застать колдуна врасплох, не зря же весь заговор против Эйбона разрабатывался в самых глубоких подземельях, за запертыми дверьми, не пропускавшими ни единого звука. Сами служители культа тайком пробрались к его дому всего за одну ночь, подойдя к дверям в тот момент, когда был оглашен приговор Эйбону. Отсутствие преступника на месте разочаровало их еще и потому, что грозное предписание о его аресте, а также символически выжженные на свитках из человеческой кожи руны оказались бесполезными. Все было напрасно. Кажется, теперь им уже не представится возможность поиздеваться над грешником самыми изощренными способами, применив к нему мучительные пытки, которые они так тщательно придумывали.

Морги оказался разочарован больше всех. Из его уст вырвалось воистину кабалистическое проклятие, длинное и ужасное, когда выяснилось, что верхняя комната пуста. Эйбон являлся его основным соперником в колдовстве и,

к тому же, становился все более известным и популярным среди населения Му Талана, этого отдаленного полуострова, лежавшего на краю континента Гипербореи. Поэтому Морги с радостью поверил в некоторые злые сплетни, ходившие об Эйбоне, и выдвинул на их основании свои обвинения против него.

Слухи заключались в том, что Эйбона считали почитателем древнего, ныне запрещенного, а когда-то очень распространенного, культа языческого бога Зотаквы. Этот бог был древнее самого человечества, и говорили, что Эйбон черпает силы именно из своей незаконной приверженности этому божеству, которое пришло на Землю из других миров, из чуждой вселенной в доисторические времена, когда земля была еще дымящимся болотом. Люди до сих пор боялись могущества Зотаквы, и ходила молва, что те, кто готов забыть свою человеческую сущность, служа ему, получат в дар жуткие знания и мастерство; им откроются доисторические секреты, принесенные с других планет — обителей ночи и хаоса.

Дом Эйбона, построенный в форме пятиугольной башни, состоял из пяти этажей, в том числе двух подземных. На каждом этаже располагалось по комнате. Приспешники Морги обыскали все помещения тщательно и усердно, но обнаружили только трех слуг Эйбона. Их подвергли мучительным пыткам, медленно заливая их кипящей смолой. Жрецы пытались выяснить, куда пропал их хозяин. Слуги хором утверждали, что ничего не знают, и вскоре пришлось признать, что они говорят правду.

Никаких признаков подземного хода в доме не оказалось. Потайных дверей ни в стенах, ни в полу подземных этажей жрецы не обнаружили. Морги даже дошел до того, что снял плиты пола под непристойной фигурой Зотаквы, находившейся в одной из комнат на нижнем этаже. Впрочем, сделал он это с большой неохотой, потому что коренастый, обросший шерстью бог со своими неприятными, напоминающими летучую мышь, чертами лица и телом ленивца казался страшно отвратительным для верховного жреца богини-лосихи Йоунде.

Обыск возобновился. Поднявшись на верхний этаж башни Эйбона и осмотрев комнату, инквизиторы вынуждены были признать, что все их планы рухнули. Они не

нашли ничего, кроме нехитрой мебели, полки древних книг с заклинаниями, которые могли принадлежать любому из колдунов, нескольких отвратительных картинок, нарисованных на свитках, выделанных из кожи птеродактиля, и нескольких десятков примитивных урн, скульптур и тотемных столбов, которые коллекционировал Эйбон. Зотаква, в том или ином виде, был изображен на большинстве из этих предметов. На ручках урн красовалось его лицо со злобно и полусонно смотревшими на мир глазами. Неудивительно, что его фигура украшала половину тотемов, доставшихся нынешнему их владельцу от древних племен, наравне с другими тотемами, изображавшими тюленей, мамонтов, гигантских тигров и зубров. Морги чувствовал, что все обвинения против Эйбона теперь легко можно было бы доказать, иначе зачем понадобилось бы человеку, не являвшемуся почитателем Зотаквы, хранить хотя бы одно изображение этого отвратительного существа.

Несмотря на то, что теперь вина преступника была с очевидностью доказана, какой бы значительной и еретической она ни представлялась, это никак не облегчало поиски Эйбона...

Морги выглянул из окна комнаты и посмотрел вниз. Стены вырастали прямо из скалы, а в четырехстах футах внизу по обеим сторонам скалы бушевало море. Жрецу пришлось признать, что его соперник владеет магией лучше, чем он мог предположить. В противном случае, в исчезновении колдуна крылось слишком много мистического. Морги не любил ничего таинственного, если только оно не являлось его собственным изобретением.

Он отвернулся от окна и еще раз тщательно осмотрел комнату. Очевидно, что Эйбон использовал ее в качестве кабинета. Посреди помещения возвышался письменный стол из слоновой кости, на котором в маленьких глиняных горшочках хранились цветные чернила; там лежали тростниковые перья и листы бумаги, выделанной из тростника, полностью испещренные странными астрономическими и астрологическими вычислениями. Морги нахмурился, так как не смог понять, что они означают.

На каждой из пяти стен висело по одному рисунку на пергаменте. Казалось, что все они являлись работами ка-

кой-то одной расы аборигенов. На этих богохульных и возмутительных рисунках фигура Зотаквы была изображена среди различных животных на фоне природы. Возможно, эти картины являлись грубыми и некрасивыми вследствие примитивной техники художников. Недолго думая, Морги сорвал их, одну за другой, со стен, словно надеясь, что Эйбон каким-то образом прячется за ними.

Теперь стены остались совершенно голыми, и Морги долго рассматривал их, в то время как его помощники почтительно молчали. На юго-восточной стене, высоко под потолком, оказалась странная панель, которую раньше скрывал рисунок. Густые брови Морги вытянулись в длинную черную полосу, пока он внимательно разглядывал эту панель. Она заметно выделялась на общей поверхности стены. Это была вставка овальной формы из какого-то красноватого металла, но не золота и не меди. Металл излучал непонятное мимолетное свечение, но если смотреть на него пристально, слегка прикрыв глаза, то он переливался редкими цветами. Однако вспомнить оттенки этого свечения с широко открытыми глазами было невозможно.

Морги, вероятно, оказался умнее и проницательнее, чем думал о нем Эйбон. Он с большим подозрением отнесся к стене, в которую была встроена панель. Жрец понимал, как абсурдно и безосновательно предполагать, что колдун сбежал через эту своеобразную дверь. Сделать это было бы затруднительно, поскольку стена являлась продолжение высокого обрыва, у подножия которого волны бились об острые утесы.

Тем не менее жрец взобрался на письменный стол и ударил по панели кулаком. Он испытал поразительное неприятное ощущение от удара, но результат превзошел все его ожидания. Ледяной холод, невероятно резкий, трудно отличимый от жара, пробежал по его руке и всему телу в момент удара о незнакомый красноватый металл. Панель легко откинулась наружу, словно держалась на невидимых петлях, высоко и мелодично зазвенев при этом. За ней, как оказалось, не было ни неба, ни моря, собственно, ничего такого, что Морги когда-либо видел, или о чем он хотя бы слышал. Даже в самых страшных ночных кошмарах ему не могло привидеться такое...

Тогда Верховный жрец повернулся к своим помощникам. Его лицо выражало и изумление, и ликование одновременно.

— Ждите здесь, пока я не вернусь,— приказал он и нырнул головой вперед в пустоту.

* * *

Обвинения, которые выдвигались против Эйбона, на самом деле были справедливыми. Проницательный колдун всю свою жизнь посвятил изучению естественных и сверхъестественных законов и принципов действия, принимая во внимание, в том числе, и мифы о Зотакве, широко распространенные в Му Талане. Чародей был уверен в непреходящей ценности этих мифов, особенно в момент непосредственного исследования темной доисторической сущности мертвого бога.

Эйбон начал общаться с Зотаквой в то время, когда его культ уже считался запрещенным, и поэтому был вынужден вести скрытую жизнь. Он читал полагавшиеся этому божеству молитвы, приносил самые желанные для него жертвы, и странный дремлющий маленький божок взамен доверил Эйбону некоторые знания, которые оказались весьма полезными в практике черной магии. Зотаква, кроме того, сообщил колдуну некоторые подробности своей биографии, подтверждавшие популярные легенды и дополнявшие их более подробными деталями. Бог не стал уточнять, почему решил поселиться на Земле, но рассказал, что давным-давно он перебрался сюда с планеты Цикранош — этим именем в Му Талане называли Сатурн, который, в свою очередь, был только лишь перевалочным пунктом в его путешествии из отдаленных миров.

В качестве особого вознаграждения за многолетнюю службу и жертвоприношения, Зотаква подарил Эйбону большую тонкую овальную плиту и объяснил ему, как закрепить ее на петлях в верхней комнате дома. Если открыть панель со стены наружу, то она, благодаря своим чудесным свойствам, сможет перенести любого желающего в мир Цикраноша, через много миллионов миль, сквозь космос.

Если верить смутным и не очень подробным объяснениями Зотаквы, которыми он соизволил поделиться, эта

панель, изготовленная из особого материала, очень распространенного в другой вселенной, обладает необыкновенными излучающими свойствами. Они соединяют ее с наивысшим измерением пространства, и тогда расстояние до астрономически удаленных планет становится равным одному шагу.

Зотаква, однако, предупредил Эйбона, чтобы тот не использовал панель до тех пор, пока не будет в том крайней необходимости. Колдун пообещал использовать ее, только когда она окажется единственным средством, чтобы спастись от неизбежной опасности. Бог не мог гарантировать своему почитателю легкого возвращения с Цикраноша на Землю, если оно вообще было возможно. По словам Зотаквы, в новом мире Эйбон найдет все, что пожелает, но только не сможет быстро приспособиться к новым условиям жизни, которые будут полностью отличаться от привычного для него Му Талана, хотя действующие там физические законы не так уж сильно отличаются от земных, как это обычно бывает на удаленных планетах.

Некоторые родственники Зотаквы все еще жили на Цикраноше, и местные жители почитали их. Зотаква сообщил Эйбону наиболее труднопроизносимое имя одного из самых могущественных из этих божеств, пообещав, что оно пригодится ему, как своего рода пароль, если он когда-нибудь вздумает посетить Цикранош.

Мысль о панели, которая будет открываться в какой-то отдаленный мир, поразила Эйбона, показавшись слишком фантастичной, если не выдуманной. Но он знал, что Зотаква всегда и во всем являлся самым правдивым божеством. Однако колдун даже не пытался проверить особые свойства панели, пока Зотаква, пристально наблюдавший за всеми тайными делами на Земле, не предупредил его об интригах Морги и о процессе жрецов, проходившем в подземелье под храмом Иоунде.

Зная могущество этих завистливых фанатиков, Эйбон решил, что поступит неблагоразумно и глупо, если позволит себе попасться в их руки. Поблагодарив Зотакву и попрощавшись с ним, колдун собрал в дорогу маленький мешочек с хлебом, мясом и вином, вернулся в свой кабинет и влез на письменный стол. Затем, сдвинув грубую картину, изображавшую сцену из жизни на Цикраноше,

на которую Зотаква вдохновил доисторического художника, он открыл панель, скрывавшуюся за рисунком.

Эйбон увидел, что Зотаква не соврал, потому что открывшийся за панелью пейзаж ничем не напоминал ни привычную местность Му Талана, ни какой другой уголок Земли. Этот пейзаж совершенно не привлекал колдуна, но все же оказаться на другой планете было лучше, чем томиться в пыточных камерах богини Йоунде. Мысленно оценив изощренность различных невыносимых мучений, которые Морги готовил ему, Эйбон спрыгнул через отверстие на Цикранош с резвостью, по-юношески проворной для колдуна зрелого возраста.

Он сделал всего один шаг, но, повернувшись, увидел, что не осталось и следа от панели и его дома. Эйбон стоял на длинном склоне, топча ногами сыпучую серую почву, а в низину с огромных неприступных высот, словно с плеч или рогов какого-то животного, медленно стекал поток, но не воды, а какого-то жидкого, напоминающего ртуть, металла. Он втекал в окруженное холмами озеро, заполненное той же жидкостью.

На склоне холма, уходящем вниз, рядами стояли странные создания, но Эйбон никак не мог понять, что это — деревья, неорганические соединения или живые организмы, потому что они являлись и тем, и другим, и третьим. Этот противоестественный ландшафт ничем не напоминал Землю, даже небо было темно-зеленым, освещенное ослепительно ярким, пересекающим его, словно арка, трехцветным кольцом. Воздух казался холодным, но Эйбон не обращал внимания на то, что вдыхал едкий запах серы, который оставлял в ноздрях и легких странное ощущение колючего прикосновения. Колдун сделал несколько шагов по чужой, непривлекательной почве. Оказалось, что она такая же рыхлая, как зола, высохшая после дождя.

Волшебник начал спускаться по склону, несколько опасаясь, что какое-нибудь из этих сомнительных растений, стоявших вокруг, остановит его своими не то сучьями, не то руками и не пустит дальше. Они напоминали одну из разновидностей сине-пурпурных обсидиановых кактусов с ветвями, оканчивающимися страшными, похожими на когти, шипами и маленькими головками, которые могли оказаться как цветами, так и фруктами. Когда Эйбон про-

ходил мимо, растения не шевелились, однако, послышался слабый разноголосый звон, ни на что не похожий. Колдун недовольно поморщился, представив, что странные создания таким образом переговаривались друг с другом, обсуждая его самого или что можно с ним сделать.

Впрочем, ему так никто и не помешал добраться до конца склона, откуда открывался вид на многочисленные террасы и выступы бывшего кратера — словно громадная древняя лестница, обрамлявшие серое озеро жидкого металла. Эйбон в нерешительности замер на одном из выступов, размышляя, куда же ему теперь идти.

Стройный поток его мыслей прервало появление тени, которая внезапно упала перед ним, накрыв раскрошившиеся под его ногами камни исполинским темным пятном. Колдун не имел ничего против такой тени, но она оскорбила его эстетический вкус, настолько уродливыми и кривыми показались ее очертания, совершенно не соответствовавшие общепринятым формам. По меньшей мере, она представлялась экстравагантной.

Колдун обернулся, чтобы рассмотреть, как же выглядело то создание, которое отбрасывало столь неприятную тень. Существо не походило ни на одно животное, знакомое Эйбону — у него были нелепо короткие ноги, непропорционально длинные руки, сферическое тело и круглая голова. Казалось, оно засыпало на ходу и раскачивало головой во сне. Изучая строение тела незнакомца, колдун заметил слабое сходство с богом Зотаквой, только вывернутым на изнанку. Он вспомнил, как Зотаква рассказывал ему, что форма, которую он принял на Земле, не полностью соответствовала его образу на Цикраноше, поэтому Эйбону пришло в голову, что странное создание являлось родственником Зотаквы.

Он судорожно пытался вспомнить то труднопроизносимое имя, которое сообщил ему бог в качестве пароля, а тем временем хозяин необычной тени, казалось, не замечая присутствия Эйбона, начал спускаться по террасам и выступам вниз, к озеру. Существо передвигалось, в основном, при помощи рук, потому что ноги были слишком короткими, чтобы оно могло широко шагать.

Подойдя к краю озера, зверь стал пить металлическую жидкость энергичными, большими глотками, чем оконча-

тельно убедил Эйбона в своем божественном происхождении. Колдун рассудил, что ни одно животное, стоящее на более низкой ступени биологического развития, не стало бы утолять жажду этой необычной жидкостью. Затем, снова поднявшись на выступ, где стоял Эйбон, существо приостановилось и, кажется, впервые обратило внимание на землянина.

Эйбон, наконец, вспомнил чужеродное имя.

— Хзиулквоигмнзах,— нерешительно произнес он. Несомненно, результат его усилий несколько отличался от произношения цикраношан, но Эйбон и без того сделал все, что мог. Однако, потенциальный собеседник, похоже, узнал слово, и теперь пристально смотрел на Эйбона, менее сонно, чем раньше, изучая его своими криво расположенными глазами. Он даже соизволил что-то сказать, видимо, пытаясь исправить неправильное произношение пришельца. Эйбону очень хотелось бы знать, сможет ли он когда-нибудь выучить этот язык, и, если все же выучит его, как он будет произносить слова. Однако успокаивало то, что его все-таки поняли.

— Зотаква,— выговорил колдун, повторив имя три раза в своей наиболее звучной магической манере.

Зверь открыл глаза немного шире и снова поправил его, произнеся «Зотаква» несколько иначе, невероятным образом проглатывая гласные и выпячивая согласные. Некоторое время создание стояло и рассматривало Эйбона, будто сомневалось в чем-то или размышляло. Наконец, оно оторвало одну из своих четырехфутовых рук от земли и указало на берег, где между холмами едва был виден проход в низкую долину, сказав при этом загадочные слова:

— Икви длош одхлонг.

Пока колдун размышлял, что же это могло значить, существо отвернулось и широким шагом начало подниматься по направлению к просторной пещере с входом, окруженным колоннами. Эйбон почему-то раньше не заметил этой пещеры. Как только существо скрылось из вида, он услышал за спиной голос верховного жреца Морги, который с легкостью нашел его по следам, оставленным в золистой почве.

— Ненавистный колдун! Отвратительный еретик! Я арестую тебя! — воскликнул Морги с интонацией, свойственной всем жрецам.

Эйбон удивился, если не сказать, смертельно испугался, но, заметив, что Морги один, успокоился. Он вытащил меч из закаленной бронзы, который всегда носил при себе, и улыбнулся.

— Полегче в выражениях, приятель! — предостерег он.— Твоя идея арестовать меня — настоящий бред, потому что мы с тобой одни на Цикраноше, а Му Талан и пыточные камеры в часовне Йоунде теперь остались за много миллионов миль отсюда.

Казалось, эти слова не пришлись по вкусу Морги. Он нахмурился и пробормотал:

— Предполагаю, это лишь твое очередное проклятое колдовство!

Эйбон сделал вид, что не заметил хамства.

— Я только что разговаривал с одним из богов Цикраноша,— многозначительно сказал он.— Его имя Хзиулквоигмнзах, он возложил на меня ответственную миссию — вручил послание и попросил его доставить, указав направление, в котором я должен идти. Полагаю, у тебя нет выбора. Придется тебе отложить наши мелкие земные разногласия и последовать за мной. Конечно, мы можем запросто перерезать друг другу глотки или убить друг друга в бою, поскольку оба вооружены. Но в данных обстоятельствах, думаю, ты сочтешь это ребячеством, не говоря уже о явной бесполезности подобного поступка. Ведь если мы оба останемся в живых, то сможем оказаться полезными друг другу, помогая друг другу в этом странном мире, где я уверен, есть свои проблемы и трудности. Если я не ошибаюсь, нам будет намного легче преодолеть их сообща.

Морги нахмурился, размышляя.

— Хорошо,— наконец, произнес он с неохотой.— Я согласен. Но предупреждаю, что все встанет на свои места, как только мы окажемся в Му Талане.

— Это обстоятельство не должно тебя беспокоить,— убедительно парировал Эйбон.— Ну что, в путь?

Оба гипербореанца пошли по ущелью, которое, извиваясь, уводило их прочь от озера из жидкого металла. Оно протянулось среди холмов, которые становились все ниже, а растительность на их склонах — более густой и разнообразной. Вскоре путники попали в ту самую долину,

на которую указал колдуну зверь. По дороге Морги, будучи настоящим инквизитором до мозга костей, задавал Эйбону различные вопросы.

— Что это было за странное существо, которое скрылось в пещере перед тем, как я обратился к тебе?

— Это был бог Хзиулквоигмнзах.

— И что же это за бог такой? Клянусь, я никогда не слышал о нем.

— Он дядя Зотаквы со стороны отца.

Морги промолчал, издав только какой-то сдавленный звук, не то чихнув, не то фыркнув от отвращения. Однако через некоторое время он снова спросил:

— И в чем состоит твоя миссия?

— Всему свое время,— ответил Эйбон с нравоучительным достоинством в голосе.— Мне не разрешили обсуждать это раньше времени. У меня есть послание от бога, которое я должен доставить конкретной персоне.

Эти слова невольно произвели на Морги большое впечатление.

— Ладно, думаю, ты знаешь, что делаешь и куда идешь. Может, хотя бы намекнешь мне, куда мы все-таки направляемся?

— Я уже сказал, всему свое время.

Холмы постепенно перешли в густо заросшую долину, растительность которой привела бы в отчаяние земных ботаников. Пройдя мимо последнего холма, Эйбон и Морги оказались на узкой дороге, неожиданно начавшейся у подножия холма и убегающей вдаль. Колдун без колебания отправился вперед по дороге. Действительно, у него не оставалось выбора, потому что возвышавшиеся вокруг заросли неорганических растений и деревьев из металла быстро становились непроходимыми. Они свешивали на дорогу зазубренные ветви, которые напоминали клинки дротиков и кинжалов, лезвия мечей или иглы.

Эйбон и Морги вскоре заметили, что на дороге много больших следов, круглых по форме и окаймленных отпечатками когтей. Однако они предпочли не делиться дурными предчувствиями.

После часа или двух пути по мягкой дороге из золы, среди растений, которые по мере их продвижения вглубь все более ощетинивались ножами и колючками, напоми-

навшими проволочных ежей, путники почувствовали, что проголодались. Морги, спеша арестовать Эйбона, не завтракал, а колдун, ничуть не меньше торопясь избежать ареста, совершил ту же ошибку. Они остановились на обочине дороги, и Эйбон поделился со жрецом прихваченными из дома хлебом, мясом и вином. Они очень бережно отнеслись к имеющимся продуктам, лишь слегка утолив голод и жажду, поскольку запасов было не так уж и много, а ландшафт вокруг не сулил никакого пропитания, пригодного для человеческого существа.

Перекусив, они почувствовали прилив сил и вновь пустились в путь. Не успели они далеко уйти, как их догнало удивительное чудище, которому, скорее всего, и принадлежали многочисленные следы на дороге. Оно присело на корточки, повернувшись к путникам бронированными бедрами, и полностью перекрыло путь слишком крупной задней частью тела. Колдун и жрец рассмотрели, что у странного создания множество коротких ног, но никак не могли понять, где на этом теле голова, и где передняя часть туловища.

Эйбон и Морги здорово испугались.

— Это еще один из твоих богов? — иронично спросил Морги.

Колдун не ответил, но понял, что репутацию придется поддерживать. Он смело шагнул вперед и громко выкрикнул самым грозным голосом, на который только был способен:

— Хзиулквоигмнзах! — одновременно с этим он выхватил меч и воткнул его между двумя плитами из роговой брони, покрывавшими заднюю часть тела зверя.

К большой радости колдуна, существо вскочило и отправилось дальше по дороге. Колдун и жрец последовали за ним, и, как только оно останавливалось, Эйбон повторял свои действия, которые оказались столь эффективными. Морги пришлось взглянуть на своего спутника с некоторым благоговением.

Так прошло несколько часов. Большое светящееся трехцветное кольцо так и висело аркой в зените, но удивительно маленькое и холодное солнце тем временем пересекло линию кольца и клонилось теперь к западу. Лес вдоль дороги так и стоял сплошной стеной, угрожая путникам ост-

рой металлической листвой, но появились многочисленные тропинки и дорожки, которые то тут, то там ответвлялись от основной дороги. По одной из них и направилось существо, а вслед за ним двое путешественников.

Вокруг стояла тишина, не считая шарканья многочисленных ног неуклюжего животного; ни Эйбон, ни Морги так и не решились заговорить. Верховный жрец все больше и больше жалел о своем необдуманном поступке — слишком уж стремительно он принял решение преследовать Эйбона, а колдун размышлял о том, почему Зотаква открыл ему доступ именно в этот мир. Внезапно раздался гул низких голосов, который вывел обоих людей из тяжелых раздумий. Шум раздавался где-то впереди. Путешественникам показалось, что они попали в сущий ад нечеловеческих, гортанных звуков, мычания и карканья, в которых слышались упреки и выговоры, напоминавшие стук неугомонных барабанов, будто их провожатого бранила группа немыслимых существ.

— Ну? — спросил Морги.

— Все, что нам нужно увидеть, мы в свое время увидим,— ответил Эйбон.

Лес стал быстро редеть, и шум сварливых голосов приблизился. Продолжая двигаться следом за своим многоногим спутником, который упирался и нехотя полз вперед, путешественники вышли на открытое место и увидели весьма странную живописную картину. Их провожатый, видимо, ручное, безобидное и глупое создание, пригнулся перед группой существ не крупнее человека, вооруженными лишь длинными кнутами.

Эти обитатели Цикраноша, хотя и ходили на двух ногах и имели не столь немыслимое анатомическое строение, как у того существа, которое Эйбон встретил у озера, тем не менее, выглядели достаточно необычно. Их голова сидела прямо на туловище, а уши, глаза, ноздри, рот и некоторые другие органы непонятного назначения располагались все вместе, на груди и животе. Совершенно голые, аборигены имели темную кожу, без каких-либо признаков волосяного покрова. За ними невдалеке маячило много странных строений, вид которых едва ли соответствовал человеческим представлениям о симметрии и внешнем виде архитектурного сооружения.

Эйбон отважно шагал впереди, а Морги предусмотрительно следовал позади. Головопузые существа прекратили бранить свое провинившееся животное и уставились на землян с непонятным выражением, которое не поддавалось интерпретации из-за странного и непонятного соотношения между чертами лица.

— Хзиулквоигмнзах! Зотаква! — произнес Эйбон торжественным и звучным голосом оракула. Затем, многозначительно выждав паузу, добавил.— Икви длош одхлонг!

Результат действительно был прекрасен, что, впрочем, и следовало ожидать от такой замечательной фразы. Цикраношане побросали кнуты и склонились перед колдуном, почти коснувшись своими выразительными животами земли.

— Я выполнил миссию и доставил послание, переданное мне Хзиулквоигмнзахом,— объявил Эйбон Морги.

В течение нескольких цикраношских месяцев гипербореанцы являлись почетными гостями странных, но достойных и добродетельных существ, которые называли себя блемпроимцами. У Эйбона проявился настоящий лингвистический дар, и он осваивал местные языки с большей готовностью, чем Морги. Он быстро пополнял свои знания о местных обычаях, а также об образе жизни, понятиях и верованиях, которые разочаровали его столь же сильно, как и вдохновили.

Бронированное чудовище, которое они вместе с Морги так отважно гнали перед собой, оказалось, как выяснилось, домашним животным, использовавшимся для перевозки тяжестей, но оно убежало от хозяев и заблудилось в неорганических лесах, примыкающих к Влору, главному городу Блемпроима. Коленопреклонение, которым жители приветствовали Эйбона и Морги, оказалось не более чем выражением благодарности за благополучное возвращение этого животного, а отнюдь не являлось, как думал Эйбон, преклонением перед теми божественными именами, которые он произнес, и страшной фразой «Икви длош одхлонг».

Существо, которое Эйбон встретил у озера, действительно было богом Хзиулквоигмнзахом, а в древних мифах Блемпроима сохранились даже некоторые элементы культа Зотаквы. Но теперь люди, к сожалению, стали при-

держиваться иных взглядов и давно перестали приносить жертвы и возносить молитвы богам, хотя и говорили о них с прежним уважением и без богохульства.

Эйбон узнал, что слова «Икви длош одхлонг», несомненно, принадлежали к особому языку богов, который блемпроимцы не понимали, но зато этот древний язык изучали соседние племена идхеемцев, которые до сих пор поклонялись Хзиулквоигмнзаху и его различным родственникам.

Блемпроимцы и в самом деле были практичной расой. Они не имели других интересов, кроме выращивания разных видов съедобных грибов, разведения больших многоногих животных и размножения. Размножались они, как выяснили Эйбон и Морги, несколько необычным способом: хотя блемпроимцы были двуполыми, только одна женщина из поколения выбиралась для зачатия. Эта женщина откармливалась до гигантских размеров на особой диете, питаясь только пищей, приготовленной из специальных грибов, после чего становилась матерью всего нового поколения.

Когда гипербореанцы приспособились к новой жизни и освоились с обычаями Влора, им позволили взглянуть на будущую мать племени, по имени Денквом, которая теперь после нескольких лет усиленного питания достигла необходимых размеров. Она жила в специальном доме, который, в связи с особыми размерами хозяйки, был больше, чем остальные здания во Влоре, и вся ее деятельность пока заключались только том, чтобы потреблять необъятное количество пищи. Обоих, и колдуна, и жреца-инквизитора, поразило, если не привлекло, безграничное очарование и невиданное доселе строение тела удивительной женщины. Им сообщили, что ее будущий партнер, или партнеры, пока еще не выбраны.

Наличие у гиперборейцев головы, не слитой с телом, казалось, вызвало в глазах их радушных хозяев особый интерес. Считалось, что блемпроимцы не всегда были безголовыми, но достигли своего нынешнего анатомического строения благодаря медленному процессу эволюции, в ходе которого у предков блемпроимцев незаметно атрофировалась голова, слившись с телом.

Но в отличие от большинства людей, они не принимали безоговорочно положительно современную им стадию

биологического развития. Они считали отсутствие головы национальным горем, сожалея об этой ошибке природы, поэтому появление Эйбона и Морги, которых рассматривали как идеальные примеры анатомического строения головы, усугубило их мрачные раздумья о наследственных особенностях.

Колдуну и инквизитору, со своей стороны, жизнь среди блемпроимцев показалась довольно скучной, особенно когда новизна экзотических ощущений сменилась однообразными буднями. Диетическое питание грибами также надоело им. Сырые и вареные грибы постоянно чередовались с жареными, и даже жесткое невкусное мясо домашнего животного, и без того редко попадавшее в их меню, больше не радовало. Приютившие их аборигены, всегда вежливые и очень уважавшие путешественников, казалось, без особого благоговения относились к гиперборейской магии, которую Эйбон и Морги демонстрировали им; а отсутствие у них религиозного рвения сводило на нет все попытки приобщить их к божественному культу. Полностью лишенные воображения, они нимало не удивились, когда узнали, что их гости прибыли с отдаленной планеты.

— У меня такое чувство, что бог здорово ошибся, соизволив передать этим людям какое бы то ни было послание,— однажды сказал Эйбон жрецу.

Вскоре совет племени блемпроимцев пригласил Эйбона и Морги на свое заседание и известил их, что после долгого обсуждения именно они выбраны в качестве будущих отцов для следующего поколения и немедленно должны жениться на племенной матери. Местные жители надеялись, что в результате такого своеобразного скрещивания появится новая раса блемпроимцев с правильно расположенными головами.

Эйбон и Морги полностью потеряли самообладание от такой чудовищной чести. Представив себе огромную, словно гора, женщину, которую они видели, Морги с радостью готов был вспомнить свой священный обет безбрачия, а Эйбон согласился бы принять подобный обет без промедления. Инквизитор впал в состояние транса и почти лишился дара речи, зато Эйбон с редким самообладанием стараясь выиграть время, поинтересовался официальным

и социальным статусом, который будет предоставлен Морги и ему самому, как мужьям Денквом. Наивные блемпроимцы ответили ему, что об этом не стоит беспокоиться, поскольку после выполнения своего супружеского долга мужья обычно преподносятся племенной матери в виде рагу или других кулинарных изысков.

Гипербореанцы попытались скрыть от своих хозяев отвращение, с каким они оба отнеслись к предоставленной им чести во всех ее проявлениях. Благодаря свойственной Эйбону дипломатичности, он, не долго думая, дал формальное согласие от имени их обоих. Но как только делегация блемпроимцев удалилась, он сказал Морги:

— Я больше чем когда-либо уверен, что бог ошибся. Мы должны уйти из этого города Влора как можно быстрее и путешествовать до тех пор, пока не найдем людей, заслуживающих того, чтобы получить послание моего бога.

Видимо, простым и патриотичным блемпроимцам никогда не приходило на ум, что от отцовства, по сути, национальной привилегии, можно отказываться. Стать отцом очередного поколения считалось весьма почетным. Поэтому Эйбона и Морги не лишили свободы и не заточили в тюрьму, никто даже не наблюдал за их передвижениями. Им не составило труда выйти из дома, в котором их поселили, пока их хозяева храпели, да так громко, что звук этого храпа поднимался высоко в небо, к большому кольцу цикраношских лун. Беглецы тем временем направились по дороге, ведущей из Влора в страну идхеемцев.

Дорога была хорошо освещена, поскольку кольца на ясном небе светили почти так же ярко, как и в разгар дня. Колдун и жрец все шли и шли вперед, наблюдая за сменой разнообразных и неповторимых пейзажей, которые развлекали их до восхода солнца, до того самого момента, когда блемпроимцы обнаружили их исчезновение. Этих простодушных двуногих, вероятно, так сильно смутила и ошарашила пропажа гостей, выбранных в качестве будущих отцов, что они даже не подумали преследовать их.

Страна идхеемцев, как можно было предположить из случайных высказываний блемпроимцев, находилась на расстоянии многих миль от Влора. Две страны разделяли пепельные пустыни, заросли кактусов неорганического про-

исхождения, грибные леса и высокие горы. Границу Блемпроима, отмеченную у дороги грубым скульптурным изображением племенной матери, путники пересекли перед рассветом.

В течение следующих дней они повидали представителей нескольких самых различных и странных рас, обитавших в таком невероятном количестве на Сатурне. Они познакомились с дибисами бескрылыми и стилитеанами, человекоподобными птицами, которые селились поодиночке, каждая в своем собственном доломитовом гнезде, где годами размышляли о космосе, периодически выкрикивая друг другу мистические слова «йор», «йир» и «йуп», которые, как говорили, выражали непостижимо логичную последовательность эзотерических мыслей.

Встретили они и болтливых пигмеев, ефиксов, выдалбливавших свои дома в ножках некоторых сортов больших грибов, и всегда пребывавших в поисках новых жилищ, потому что старые через несколько дней рассыпались в пыль. Путешественники слышали кваканье таинственных людей, глонгсов, которые боялись не только солнечного света, но и света кольца, и поэтому ни один житель Сатурна никогда еще не видел их на поверхности планеты.

К заходу солнца, однако, Эйбон и Морги оставили позади владения всех перечисленных выше обитателей этого мира и даже успели вскарабкаться на нижний уровень крутых горных откосов, отделявших их от страны идхеемцев. Здесь, на уступе, усталость одолела беглецов, и пришлось сделать привал. К концу первых суток пути они перестали бояться преследования блемпроимцев, поэтому плотнее закутались в накидки, чтобы не замерзнуть ночью, и, скудно поужинав сырыми грибами, заснули.

Спали они очень плохо, просыпаясь каждый раз оттого, что видели жуткие сны, в которых они оба оказывались в плену у блемпроимцев, заставлявших их жениться на Денквом. Окончательно они проснулись перед рассветом от очередного кошмара, детали которого невыносимо ярко запомнились им, и решили сразу же снова подниматься в горы.

Горные уступы и отвесные скалы, возвышавшиеся над ними, выглядели настолько неприступно, что могли бы отвратить любого путешественника, не отличавшегося боль-

шой храбростью. По мере их продвижения высокие заросли грибов становились все ниже и вскоре уменьшились до размера лишайника, после чего на склонах гор не осталось ничего, кроме голых черных камней. Жилистый и стройный Эйбон не испытывал особых затруднений в восхождении, зато Морги со свойственной любому жрецу полнотой и грузностью стал вскоре задыхаться. Но каждый раз, когда он останавливался, чтобы перевести дух, Эйбон говорил своему спутнику:

— Не забывай о племенной матери,— и Морги карабкался на следующий уступ, как проворный, но страдающий астмой горный козел.

К полудню они добрались до перевала, с одной стороны которого высился остроконечный пик горной гряды, откуда они увидели раскинувшуюся внизу страну идхеемцев. Это была огромная и плодородная равнина с обширными лесами гигантских грибов, водорослей и лишайников, более крупных, чем такие же растения в тех районах, которые путешественники прошли в предыдущий день. К тому же, местность казалась более густо заросшей разнообразной растительностью. Даже горные склоны с этой стороны хребта были плодороднее: Эйбон и Морги лишь ненамного спустились с вершины горной гряды и сразу же оказались в роще громадных грибов-дождевиков и поганок.

Не успели они восхититься величиной и формами этих растений, как услышали звуки, напоминавшие раскаты грома, раздававшиеся с горы над ними. Звук приближался, превращаясь в громовой грохот. Эйбон хотел было начать молиться Зотакве, а Морги чуть не обратился к богине Йоунде, но, к сожалению, у них не хватило времени. Их подхватило могучей волной летящих дождевиков и сломанных поганок, опрокинутых огромной лавиной, которая образовалась на горных вершинах, и понесло вниз, унося все быстрее и быстрее, с головокружительной скоростью и ревом, вперемешку с растущим потоком поломанных грибов. В результате, они спустились с горы меньше, чем за минуту.

Пытаясь выбраться из груды грибных обломков, которая чуть не погребла их под своей массой, Эйбон и Морги обратили внимание на то, что шум продолжается до сих

пор, хотя лавина уже сошла. Кроме них, в грибной массе шевелился еще кто-то. Когда беглецам удалось высунуть головы и осмотреться, они обнаружили, что рядом с ними барахтаются люди, отличавшиеся от их недавних хозяев, блемпроимцев, только наличием головы.

Это оказались идхеемцы, жители города, на который обрушилась лавина. Постепенно из-под камней и дождевиков стали появляться крыши и башни, а прямо перед гипербореанцами оказалось большое, похожее на храм, здание, из заваленных дверей которого пробивала себе путь толпа аборигенов. Увидев Эйбона и Морги, они замерли. Колдун, только что выбравшийся из-под завала, убедившись в том, что все части его тела целы, решил использовать представившуюся возможность и обратился к ним с речью.

— Слушайте! — произнес он торжественным голосом.— Я пришел передать вам послание от бога Хзиулквоигмнзах. Я с честью пронес его сквозь все преграды и опасности трудного пути. На священном языке богов оно звучит так: «Икви длош одхлонг».

Поскольку Эйбон говорил на диалекте блемпроимцев, который несколько отличался от языка местных жителей, то он усомнился, поняли ли начало его торжественной речи идхеемцы. Но Хзиулквоигмнзах оказался именно тем божеством, которому они поклонялись, тотемом их рода, и к тому же, они понимали язык богов. Поэтому, услышав слова «Икви длош одхлонг», идхеемцы удивительно оживились. Они засуетились и забегали с места на место, выкрикивая гортанные приказания. Из завала с большой скоростью начали появляться все новые головы, руки и ноги.

Те, кто прокладывал себе дорогу из храма, возвратились обратно и тут же показались снова, неся огромное изображение Хзиулквоигмнзаха, несколько небольших, менее важных, икон других божеств, возможно, его родственников, и казавшегося очень древним идола, в котором оба, Эйбон и Морги, нашли сходные черты с Зотаквой. Остальные идхеемцы начали выносить утварь и мебель из своих домов. Призывая гиперборианцев сопровождать их, все население двинулось прочь из города.

Такой поворот дела очень заинтриговал Эйбона и Морги. И только после того, как на равнине, среди грибных

лесов, возник новый город, на расстоянии дня пути от разрушенного, а сами путешественники заняли свое место среди прочих священников нового храма, они узнали причину этого перемещения и значение фразы: «Икви длош одхлонг». Слова означали всего лишь: «Иди прочь отсюда». Бог, обращаясь так к Эйбону, позволил тем самым ему уйти. Но случайный сход лавины и прибытие Эйбона и Морги со своим предполагаемым посланием от бога идхеемцы восприняли, как божественную волю, указывающую им на необходимость уйти вместе с богами с привычного места. Оттого и началось всеобщее переселение людей, их идолов и имущества.

Новый город назвали «Гломф», в память о засыпанном лавиной. Здесь, до конца своих дней в большом почете и жили путешественники, и их появление с посланием «Икви длош одхлонг» считалось счастливым предзнаменованием, потому что лавины с тех пор не угрожали безопасности Гломфа, расположенного в новом месте, вдали от гор.

Гипербореанцы пользовались всеми благами, изобилием и благосостоянием, присущими этому обществу, постепенно возраставшими в результате того, что город избежал повторяющейся опасности схода лавины. У идхеемцев не было племенной матери, и они размножались более традиционным способом, в отличие от блемпроимцев, поэтому жизнь гипербореанцев протекала спокойно, в полной безопасности. Эйбон, наконец, попал в свою стихию. Новые сведения, принесенные им о Зотакве, которому все еще поклонялись в этом районе Цикраноша, позволили ему считаться своего рода малым пророком, независимо от известности, которую он приобрел как вестник священного послания и основатель нового города Гломфа.

Морги, однако, досталась не такая счастливая судьба. Хотя идхеемцы были людьми верующими, они не доводили свой религиозный пыл до фанатизма или нетерпимости. Поэтому он не видел никакой возможности внедрить в этом городе инквизицию. Но зато бывший жрец нашел утешение в другом. У идхеемцев оказались очень крепкие грибные вина, хотя и неприятные на вкус, и женщины, пусть несколько своеобразные, но подходящие для не слишком щепетильного человека.

Оба, Морги и Эйбон, обосновались в духовном правлении, которое, в отличие от всего остального, ничем радикально не отличалось от подобного учреждения в Му Талане или в любом другом месте их родной планеты.

Этим и закончились приключения бесстрашной парочки, в конце концов, обретшей покой на Цикраноше. А в башне Эйбона из черного гнейса, на полуострове Му Талан в северном море помощники Морги дни и ночи ждали своего начальника, не желая следовать за верховным жрецом через магическую панель, и не отваживаясь нарушить его приказ.

Наконец, их отозвали особым распоряжением священнослужителя, который был назначен временным преемником Морги. Но окончательный результат дела высшим духовенством богини Йоунде был признан плачевным. Все верили в то, что Эйбон не только исчез с помощью магической силы, полученной им от Зотаквы, но в придачу избавился от Морги. В результате этого убеждения религия Йоунде пришла в упадок, и в последнее столетие перед началом великого обледенения во всем Му Талане возродилось массовое поклонение темному культу Зотаквы.

КРАЖА ТРИДЦАТИ ДЕВЯТИ ПОЯСОВ

Перед тем как рассказать эту историю, хотелось бы предупредить вас, что я не ограбил ни одного человека, который бы, хоть в малой степени, не являлся грабителем сам. За всю свою долгую и трудную карьеру, я, Сатампра Зейрос из Узулдарума, известный некоторым как лучший специалист по кражам, на самом деле лишь стремился, по сути, к справедливому перераспределению собственности. Приключение, о котором я сейчас собираюсь поведать, не было исключением. В результате, моя добыча оказалась поистине скудной, если ни сказать пустяшной.

Теперь я состарился. Ныне предаваясь лени, которую я заслужил многими рискованными делами, я попиваю различные вина, приносящие бодрость в старости. Каждый раз, когда я начинаю тянуть вино маленькими глотками, ко мне возвращаются воспоминания о сокровищах и смелых нечестивых проделках. Передо мной блестят диалы и пазуры, ловко изъятые из сундуков несправедливых купцов и ростовщиков. В такие часы я мечтаю о рубинах, которые были бы краснее, чем кровь, пролитая за них; о сапфирах, более синих, чем глубины арктического льда; об изумрудах, зеленее, чем весенние джунгли. Я вспоминаю, как забирался на решетчатые балконы, карабкался на террасы и башни, охраняемые чудовищами, грабил алтари прямо на глазах злобных идолов или охранявших их змей.

Часто я вспоминаю Виксилу, мою единственную настоящую любовь, самую проворную и отважную из всех моих помощников, особенно если дело касалось краж со взломом. Она уже давно отошла в мир иной, где почивают все честные воры и их друзья, и все эти долгие годы я искренне оплакиваю ее. Моей памяти все еще дороги наши амурные и рискованные ночи, полные подвигов, которые мы совершали вместе. Наиболее замечательной и дерзкой из всех наших совместных проделок, вероятно, была кража тридцати девяти поясов.

Я имею в виду золотые, украшенные драгоценными камнями пояса девственниц, посвященных богу луны Леникве, чей храм с незапамятных времен стоял в пригороде Узулдарума, столицы Гипербореи. Девственниц всегда было тридцать девять. Их выбирали за молодость и красоту, и они прекращали служение богу в возрасте тридцати одного года.

Этих девственниц запирали на висячие замки из закаленной бронзы, и ключи к ним хранил верховный жрец, который иногда сдавал их за высокую плату самым богатым кавалерам города. Нетрудно догадаться, что девственность жриц оставалась чисто номинальной, но частота и повторяемость такой своеобразной продажи считалась похвальным жертвоприношением божеству.

Сама Виксила однажды попала в число девственниц, но сбежала из храма и даже из самого Узулдарума за несколько лет до окончания жреческого срока и освобождения от ритуального пояса. Она предпочитала не рассказывать мне о своей жизни в храме. Я удивлялся тому, что она не находила удовольствия в служении богу, и ее раздражали ограничения, сопутствовавшие этому положению. После побега она страдала от нужды и лишений в южных городах. Об этом периоде своей жизни Виксила рассказывала, но очень мало, как человек, опасавшийся возвращения болезненных воспоминаний.

Она вернулась в Узулдарум за несколько месяцев до нашей первой встречи. Повзрослев со времени побега и перекрасив свои светло-коричневые волосы в черный цвет, она не боялась, что ее узнают жрецы Лениквы. По сложившейся традиции, они быстро заменили пропавшую красавицу другой, более молодой, и с тех пор мало интересовались судьбой правонарушительницы.

Ко времени нашей встречи Виксила уже совершила несколько мелких краж. Но, по неопытности, ей не удалось закончить ни одного крупного дела, кроме нескольких самых легких и простых, и она совсем исхудала от голода. Она все еще оставалась привлекательной, и ее проницательный ум и хватка в обучении вскоре понравились мне. Моя будущая напарница была небольшого роста, очень ловкой и могла взбираться по стенам, как лемур. Я вскоре пришел к выводу, что ее помощь неоценима, поскольку худенькая девушка могла влезать в окна, недоступные мне при моей комплекции.

Мы уже совершили несколько прибыльных ограблений, когда мне в голову пришла идея проникнуть в храм Лениквы и похитить ценные пояса. Связанные с этой задачей проблемы и трудности, которые требовалось решить, на первый взгляд, казались слишком уж непреодолимыми. Но наличие таких препятствий всегда лишь повышало интерес к делу, являясь стимулом, и никогда не устрашало меня.

Во-первых, нам предстояло решить, как проникнуть внутрь, избежав серьезных неприятностей, если нас обнаружат вооруженные серпами жрецы, охранявшие храм Лениквы. К счастью, во время своей службы в храме Виксила узнала о подземном ходе, давно не используемом, но, как она считала, все еще существующем. Попасть в подземный ход можно было через тоннель, являвшийся продолжением естественной пещеры, находившейся где-то в лесу за Узулдарумом. В давние времена его использовали посетители девственниц. Но теперь желающие открыто проходили через главные двери храма или через менее людный черный ход, что, возможно, являлось показателем либо усилившегося религиозного чувства в народе, либо потери скромности. Сама Виксила никогда не видела пещеры, но знала ее приблизительное расположение. Вход в тоннель из храма закрывался лишь плиткой пола, которую незаметно можно было сдвинуть как снизу, так и сверху — она находилась за статуей Лениквы в большом нефе.

Во-вторых, нам предстояло выбрать правильное время, когда жрицы снимали пояса. Вновь познания Виксилы оказались бесценными, потому что она знала, в какие

именно ночи у девственниц бывали гости. В основном, количество желающих пообщаться с красавицами увеличивалось в ночи жертвоприношений, главной из которых считалась ночь полнолуния. Тогда все женщины без исключения выходили к посетителям по нескольку раз.

Однако задача осложнялась тем, что в храме в это время должно быть слишком много людей — священников, девственниц и их клиентов. Вначале это показалось нам непреодолимой трудностью. Как бы мы смогли собрать пояса и уйти с ними в присутствии такого количества народа? Возникшее затруднение, должен признаться, ставило меня в тупик.

Понятно, что нам надо было найти какое-то средство, чтобы либо освободить храм от посетителей, либо привести их в бессознательное состояние, либо, в крайнем случае, лишить их возможности что-то предпринять.

Я подумал о некоторых усыпляющих веществах, которые применял уже несколько раз, чтобы усыпить хозяев домов. Но, к сожалению, этих средств было не так уж много, и они не смогли бы проникнуть во все уголки и альковы такого большого здания, как храм. Кроме того, нам пришлось бы ждать полчаса, открыв двери и окна, пока помещение полностью проветрится, иначе усыпляющее средство подействует и на нас, а не только на наши жертвы.

Существовал еще один способ. Я знал о редких лилиях, растущих в джунглях, пыльца которых, если ее бросить в лицо человека, вызывает временный паралич. Но и от этого средства я тоже отказался. Уж слишком со многими людьми нам предстояло иметь дело, а пыльцу трудно раздобыть в таком большом количестве.

Наконец я решил проконсультироваться с магом и алхимиком Визи Фенкором, который, владея плавильными печами и соответствующей техникой, часто помогал мне превращать украденное золото и серебро в слитки или другие формы, не напоминающие монеты. Я несколько скептически относился к его способностям мага, но зато ценил Визи Фенкора, как искусного фармацевта и знатока ядов. Он всегда мог достать странные и смертоносные зелья, и, очевидно, мог помочь нам на этот раз, обеспечив чем-нибудь новеньким.

Когда мы зашли к нему, Визи Фенкор переливал из котла в прочные глиняные бутылки зловонное варево, которое все еще пузырилось и бурлило. По запаху я понял, что это нечто особенно сильнодействующее — по сравнению с запахом варева выделения хорька показались бы совершенно безобидными. Увлеченный делом, алхимик не заметил, что мы вошли, пока все содержимое котла не было разлито по бутылкам. После чего он прочно закупорил их и запечатал черноватой смолой.

— Это — любовный напиток,— объяснил Визи с елейным самодовольством.— Он распалит любого инфантильного человека и восстановит силы умирающего девяностолетнего старика. Хотите попробовать...?

— Нет,— выразительно ответил я.— Мы не за этим пришли. Сейчас нам нужно нечто совершенно иное.

Я в нескольких словах обрисовал нашу проблему и добавил:

— Если ты сможешь нам помочь, то, уверен, тебе предстоит немалая работа по переплавке золотых поясов. И, как обычно, ты получишь треть прибыли.

Визи Фенкор сморщил бородатое лицо в полуехидной и полуязвительной улыбке.

— Ваше предложение приятно со всех сторон. Мы освободим храмовых девушек от возложенных на них обязанностей, которые должны им казаться несколько неудобными, не говоря уж об их очевидной обременительности. К тому же, я использую драгоценные камни и металл исключительно для нашего обогащения.— И, словно раздумывая, он добавил.— По счастливой случайности я могу снабдить вас совершенно необычным препаратом. Гарантирую, что все посетители в один момент освободят храм.

Пройдя в затянутый паутиной угол, алхимик снял с верхней полки пузатую бутылку из бесцветного стекла, наполненную изумительным серым порошком, и вынес ее на свет.

— Теперь я объясню вам особые свойства этого порошка и способ его использования. Это — истинный триумф химии, последствия которого более опустошительны, чем чума.

Рассказ мага поразил нас, но потом мы рассмеялись.

— Будем надеяться, что тут не задействовано ни твое колдовство, ни заклинания,— шутливо заметил я.

Визи Фенкор надулся, сделав обиженный вид, будто бы я глубоко оскорбил его в лучших чувствах.

— Уверяю вас, что действие порошка, хотя и необычное, ни в чем не противоречит законам природы,— запротестовал он. Однако немного подумав, он продолжал.— Я думаю, что могу помочь осуществлению вашего плана и другим образом. После того, как вы украдете пояса, возникнет новая проблема, как тайком провезти такой тяжелый товар через весь город, который к тому времени уже может быть взбудоражен ужасным преступлением. Стража станет патрулировать улицы... Однако у меня есть план...

Нам очень понравился остроумный план, намеченный Визи Фенкором. После того, как мы обсудили и уладили по нашему общему согласию различные детали, алхимик принес какое-то вино, оказавшееся на вкус более приятным, чем все те, которые мы до сих пор пробовали. Затем мы отправились домой. Я нес в плаще бутылку с порошком, за который Визи Фенкор благородно отказался принять плату. Воодушевленные очищенным пальмовым вином, мы радовались, как дети, предвкушая успех.

И я, и Виксила старались не выходить из дома, надеясь, что стража, давно подозревавшая за нами различные грешки, поверит, что мы либо покинули город, либо бросили воровать.

В условленный вечер, в полнолуние, немного раньше полуночи, Визи Фенкор осторожно постучал в нашу дверь — тройным стуком, как мы и договорились.

Как и мы, он надел грубую крестьянскую домотканую одежду.

— Я раздобыл двухколесную тележку у продавца овощей из деревни,— объяснил алхимик.— Она полностью загружена овощами и запряжена двумя маленькими ослами. Я спрятал ее в лесу как можно ближе ко входу в пещеру с тоннелем, насколько позволяла заросшая дорога. Я также разведал саму пещеру. Наш успех будет полностью зависеть от произведенного беспорядка. Если никто не увидит, как мы входим или выходим через подземный ход, то, по всей вероятности, никто и не вспомнит о его

существовании. Жрецы будут искать всюду, но не там. Утащив пояса и спрятав их под грудой овощей, а затем, дождавшись назначенного часа перед восходом солнца, мы с другими крестьянами войдем в город.

Держась подальше от мест скопления народа, различных таверн и дешевых закусочных, куда, в основном, стягивались все силы полиции, мы прошли по Узулдаруму и вскоре оказались неподалеку от храма Лениквы, на дороге, ведущей в сторону пригорода. Джунгли становились все гуще, а домов встречалось все меньше. Никто не увидел, как мы свернули на боковую тропинку, заросшую кустарником. Повернув еще не раз, мы подошли к тележке с впряженными в нее ослами. Алхимик так искусно скрыл ее от посторонних глаз, что даже я смог ее обнаружить только по острому запаху овощей и свежего помета. Ослы, видимо, были хорошо обучены для нужд воров, они ни разу не закричали, и, тем самым, не выдали своего присутствия.

Мы ощупью прошли между изогнутыми корнями, обходя сросшиеся стволы, мешавшие проехать здесь тележке. Я бы не заметил пещеру, но Визи Фенкор, приостановившись, наклонился перед низким холмиком и разъединил спутавшиеся ползучие растения, открыв черный вход, достаточно большой, чтобы ползком можно было проникнуть внутрь.

Мы зажгли факелы и забрались в пещеру. Визи полз впереди. К счастью, сезон выдался не дождливый, пещера оказалась сухой. Мы испачкали свои одежды в земле, что вполне подходило для тех, кто занимается сельским хозяйством.

В том месте, где камни вывалились из свода, пещера внезапно сузилась. Я со своей комплекцией с трудом пробрался через завал. Мы проползли еще какое-то расстояние, вдруг ход расширился, и Визи остановился. Он оказался перед каменной стеной, вдоль которой поднимались едва различимые ступени.

Виксила проскользнула вперед него и поднялась вверх по лестнице. Я последовал за ней. Одной рукой воровка держала факел, а другой нащупала большую каменную плиту пола, закрывавшую выход с лестницы. Плита начала бесшумно подниматься. Виксила загасила факел и поло-

жила его на верхнюю ступеньку. Тем временем отверстие все расширялось, пропуская внутрь слабый колеблющийся свет. Наконец плита, полностью откинулась с помощью спрятанного механизма. Моя спутница осторожно выглянула, а затем выбралась из подземного хода и поманила нас за собой.

Мы очутились в тени широкой колонны где-то в задней части храма Лениквы. Внутри не было видно ни священников, ни женщин, ни посетителей, но откуда-то издалека доносился беспорядочный шум голосов. Перед нами возвышался священный зад Лениквы, покоившийся на высоком престоле в центре нефа. Золотые, голубые и зеленые огни горели, пульсируя, на алтаре перед богом, заставляя его гигантскую тень извиваться на полу и на стене, словно в исступленном танце совокупления с невидимым партнером.

Виксила нашла механизм, управлявший пружиной и, с его помощью, вернула плиту в исходное положение, выровняв ее с полом. Затем мы все втроем прокрались вперед, оставаясь невидимыми в колеблющейся тени божества. В нефе пока еще было пусто, но шум голосов становился все громче, проникая из открытой двери с одной стороны зала. Мы отчетливо различали веселые крики и истерический хохот.

— Пора,— прошептал Визи Фенкор.

Я вынул из кармана бутыль, которую нам дал алхимик, срезал воск острым ножом, и легко вынул полусгнившую от времени пробку. Я высыпал содержимое бутылки на последнюю нижнюю ступеньку престола Лениквы. Бледная струйка порошка дрожала и колыхалась с неестественной живостью и страстью, попадая в тень бога. Когда бутылка опустела, я поджег порошок.

Он мгновенно вспыхнул, высоко взметнувшись вверх чистым пламенем. Тотчас же, казалось, воздух наполнился оживающими призраками — многочисленные беззвучные вспышки, окружившие нас, въедались в наши легкие могильным зловонием, пока мы задыхаясь и давясь пробирались через зал. Однако мы не ощутили реального воздействия этих отвратительных форм, которые, казалось, порхали вокруг и проникали сквозь нас, разбегаясь в разные стороны, как будто каждая мельчайшая частица сгоревшего порошка превратилась в отдельное привидение.

К тому же мы заткнули носы кусками толстой материи, специально прихваченной с собой по совету Визи. К нам частично вернулась свойственная нам самоуверенность, и мы двинулись вперед сквозь многочисленное сборище призраков. Похотливые голубые мертвецы сплетались вокруг нас. Над нами витали женщины, совокупляющиеся с тиграми. Двухголовые и трехвостые чудовища, гоблины и вампиры взлетали к высокому потолку, кружились, таяли, превращались в других, не имеющих названия, призраков и улетали все дальше и дальше. Зеленые морские существа, похожие на помесь людей и осьминогов, скручивались кольцами и ползали илистой слизью по полу.

Потом мы услышали испуганные крики жрецов и посетителей, а затем показались голые мужчины и женщины, в испуге бежавшие к выходу сквозь осаждавшую их армию призраков. Те, кто встречался с нами лицом к лицу, в ужасе отскакивали, будто и мы выглядели также невыносимо жутко.

Голые мужчины, большей частью, были молодыми. За ними бежали купцы и чиновники среднего возраста, лысые с толстыми животами, некоторые успели надеть нижнее белье, другие схватили накидки, правда, слишком короткие, чтобы прикрыть их наготу. Худые, неповоротливые или, наоборот, проворные женщины толпились, крича, у наружных дверей. Ни одна из них, как мы заметили, не успела надеть своего пояса целомудрия.

Наконец мимо нас проследовала охрана храма и священники, разинувшие от ужаса рты и пронзительно кричавшие. Все стражники побросали серпы. Они пробегали мимо, не замечая нашего присутствия. Вскоре туча рожденных порошком призраков скрыла их из виду.

Обрадовавшись, что, наконец, храм опустел, и внутри не осталось ни служителей, ни посетителей, мы направились к боковому коридору. Двери отдельных комнат все были открыты. Мы разошлись по комнатам, распределив их между собой, и забрали из оставленных в беспорядке кроватей и лежавшей на полу одежды брошенные золотые пояса с драгоценными камнями. Встретились мы в конце коридора, побросали собранную добычу в крепкую тонкую сумку, которую я принес с собой под одеждой.

Многие призраки все еще витали в воздухе, приобретая новый, более жуткий, вид.

Вскоре мы обыскали все комнаты женщин. Моя сумка заполнилась, и в конце третьего коридора я насчитал тридцать восемь поясов. Одного пояса недоставало, но острые глаза Виксилы заметили мерцание изумруда пряжки, высовывавшейся из-под испаряющихся ног волосатого призрака, похожего на сатира, в куче мужской одежды в углу. Она схватила пояс и принесла его в вытянутой руке.

Мы поспешили обратно в неф Лениквы, думая, что теперь-то там точно никого нет. К своему изумлению мы увидели, что Верховный жрец, которого звали, насколько помнила Виксила, Маркуанос, стоял перед алтарем, кладя поклоны длинному бронзовому фаллосу. Знак отличия, свидетельствовавший о его принадлежности к священнослужителям, парил в воздухе на одном из призраков

Не успели мы подойти ближе, как Маркуанос с громким криком бросился к нам, пытаясь ударить Виксилу, и чуть было не размозжил ей голову, но, к счастью, она успела увернуться. Верховный жрец пошатнулся, потеряв равновесие, и до того, как он снова повернулся к ней, Виксила ударила его по бритой голове тяжелым поясом девственницы, который все еще несла в правой руке. Маркуанос рухнул, как бык, заколотый топором мясника, и лежал, распростершись, на полу, корчась в конвульсиях. Кровь ручьями текла из рваной раны, оставшейся на его черепе от удара крупными драгоценными камнями. Но мы не стали задерживаться, чтобы удостовериться, умер ли он или остался жив.

Втроем, мы без промедления бросились к потайному ходу, надеясь, что служители культа, достаточно натерпевшись страха, в ближайшее время не отважатся вернуться в храм. Мы спустились по лесенке, и подвижная плита плавно легла на свое место. Торопливо пробираясь по подземному ходу, я тащил пояса, а Виксила и Визи ползли впереди, чтобы, в случае необходимости, помочь мне протащить пухлую сумку в узких местах и через кучи щебня, когда мне не удавалось протолкнуть ее самому. Мы добрались до выхода без происшествий. Там мы некоторое время выждали перед тем, как выбраться в лес, залитый лучами лунного света, внимательно прислушиваясь к крикам, приглушенным расстоянием. Очевидно, никто не

вспомнил о подземном ходе и даже не догадался, что за нападением ужасных духов может стоять обычная кража.

Успокоившись, мы вышли из пещеры и разыскали спрятанную тележку и дремлющих ослов. Сбросив часть овощей в кусты, чтобы сделать выемку, мы уложили на тележку наполненную поясами сумку и закидали ее овощами. Затем, сев на траву, мы стали ждать предрассветного часа. Вокруг нас в скором времени послышалось тихое шуршание и топот маленьких лесных зверьков, решившихся попробовать выброшенные нами продукты.

Если кто-то из нас и спал, то, как говорится, одним глазом и одним ухом. Мы поднялись в ранних сумерках, когда луна почти спряталась за горизонтом, а тени, уходящие к востоку, удлинились.

Ведя наших ослов под уздцы, мы подошли к главной дороге и спрятались за кустом, выждав, пока мимо не проехала первая телега. Когда скрип колес стих, мы выбрались из леса и направились к городу. Вскоре нас догнала еще одна телега.

Возвращаясь по удаленным от центра улицам, мы встретили только несколько ранних прохожих, которые едва взглянули на нас. Приблизившись к дому Визи Фенкора, мы оставили тележку на его попечение и проследили, как он свернул во двор. По дороге его никто не окликнул, и, видимо, кроме нас, никто не видел. Я подумал, что он надолго теперь обеспечен овощами и фруктами.

Мы старались не выходить из дома два дня. Было бы неразумно напоминать стражникам о своем присутствии в Узулдаруме. На третий день вечером наши съестные припасы закончились, и мы отправились на ближайший рынок, где никогда ранее не промышляли.

Вернувшись, мы обнаружили явные следы пребывания Визи Фенкора в нашем доме. Алхимик наведался в наше отсутствие, несмотря на то, что, уходя, мы закрыли все двери и окна, которые, впрочем, до сих пор были плотно закрыты. Маленький золотой кубик покоился на столе, придерживая небрежно написанную записку.

Записка гласила:

Мои уважаемые друзья и компаньоны. Я извлек из поясов различные камни и переплавил все золото в слитки,

один из которых оставляю вам, в знак моего большого уважения. К сожалению, я узнал, что меня разыскивает стража, и поэтому я спешно, в большой секретности уезжаю из Узулдарума, положив оставшиеся слитки и камни в тележку с ослами и закрыв их овощами, которые я предусмотрительно сохранил, хотя они уже немного подгнили. Я предполагаю совершить длительное путешествие в направлении, которое не могу вам сообщить. Я уеду далеко, и, уверен, вы не будете настолько проницательны, чтобы последовать за мной. Мне потребуются остатки нашей добычи для непредвиденных расходов и прочего. Удачи вам во всех ваших будущих рискованных предприятиях.

С уважением,
Визи Фенкор.

ПОСТСКРИПТУМ: Вас тоже разыскивают, и я советую вам покинуть город со всей возможной поспешностью. Маркуанос, несмотря на треснутую черепушку от удара Виксилы, полностью пришел в сознание вчера поздно вечером. Он опознал в Виксиле бывшую жрицу по натренированной ловкости ее движений. Хотя он так и не сумел распознать ее, но сейчас ведутся тщательные тайные расследования, и нескольких красавиц уже подвергли пытке служители Лениквы.

Тебя и меня, мой дорогой Сатампра, тоже взяли на учет, хотя еще и не объявили возможными сообщниками девушки. Разыскивают человека твоего роста и комплекции. Порошок «Вонючие Призраки», следы которого остались на престоле Лениквы, уже взяли на экспертизу. К сожалению, и я, и другие алхимики уже применяли его раньше.

Надеюсь, вам тоже удастся сбежать, но только иным путем, чем тот, который наметил я.

ЛЕДЯНОЙ ДЕМОН

Охотник Кванга вместе с Хумом Фитосом и Эйбуром Тсантом, двумя самыми предприимчивыми ювелирами из Иквы, пересек границы страны, куда редко входили люди, и откуда они возвращались еще реже. Путешествуя на север от Иквы, они пришли в покинутый людьми Му Талан, куда из Поляриона наползал великий ледник, словно замерзшее море, наступая на богатые и широко известные города, пряча под вечными льдами толщиной в несколько морских саженей широкий перешеек от берега до берега.

В глубине под ледником, если верить легендам, были сокрыты купола Сернгота, похожие на раковины, также как и высокие острые шпили Огон-Зая, врезавшиеся в толщу льда вместе с папоротниковыми пальмами, мамонтами и кубическими черными храмами бога Тсатоггуа. Лед много веков назад захватил в плен эти земли и с тех пор могучим искрящимся валом все еще двигался к югу через пустынные земли.

Теперь по тропе, проложенной по поверхности ледника, Кванга вел своих спутников. Они собирались отыскать рубины короля Халора, который со своим магом Оммум-Вогом и отрядом хорошо вооруженных солдат пять десятилетий назад отправился бороться с полярным льдом. Из этой невероятной экспедиции ни Халор, ни Оммум-Вог не вернулись. Лишь несколько жалких и оборванных во-

инов из отряда добрались до Иквы через два лунных месяца и рассказали ужасную историю.

Воины, по их словам, разбили лагерь на холме, тщательно выбранном Оммум-Вогом, с видом на наступающие ледники. Затем могущественный маг, стоявший с Халором внутри кольца из жаровен, которые непрерывно выпускали золотой дым, начал произносить руны, более древние, чем сам мир, и вызвал огненный шар, казавшийся больше и краснее, чем вечернее солнце в небесах. Жаркие лучи шара, висевшего в зените, хлынули на землю, после чего настоящее солнце стало выглядеть не ярче, чем луна днем. Солдаты в тяжелой броне едва не падали в обморок от жары. Под лучами искусственного солнца края ледника начали таять и растекались в разные стороны быстрыми ручьями и реками. Теперь Халор надеялся завладеть королевством Му Талан, где правили его прадеды в давние времена.

Ринувшиеся на равнину воды врезались в почву, прокладывая себе русла, и широкими потоками потекли, омывая холм, на котором стояла армия короля Халора. Потом, словно поддавшись ответным чарам, над реками стал подниматься бледный удушливый туман, скрывший солнце Оммум-Вога. Под воздействием тумана знойные лучи стали слабыми и холодными, перестали растапливать лед.

Напрасно маг произносил новые заклинания, стараясь рассеять густой холодный туман. А пар опускался тем временем на землю, злобный и липкий, собираясь кольцами и извиваясь в воздухе, словно изгибающиеся тела призрачных змей. Мороз, исходивший от него, пробирал людей до костей, наполняя мир холодом и смертью. Туман накрыл лагерь, становясь все осязаемее, холоднее и плотнее. Те, кто пробирался ощупью сквозь него, не в состоянии были разглядеть лица товарищей, находившихся на расстоянии вытянутой руки. От холода немели руки и ноги. Несколько простых воинов, кое-как добравшихся до границ лагеря, бросились в страхе прочь от этого места. Отойдя подальше от лагеря, они увидели, что в небе светит лишь тусклое солнце, а колдовской шар, вызванный Оммум-Вогом, исчез. В панике отбежав подальше от лагеря, они увидели вместо низко стелившегося тумана свежий слой льда, куполом накрывший холм, на вершине которого король и маг разбили свой лагерь. Лед оказался

толще человеческого роста, и в его мерцающей глубине убежавшие воины различили смутные очертания заточенных тел своих предводителей и товарищей.

Солдаты не считали случившееся естественным явлением. Решив, что это колдовство, вызванное великим ледником, а сам ледник — живое и злобное существо, обладающее неведомой пагубной силой, они бежали, не останавливаясь. И лед позволил им беспрепятственно уйти, словно в назидание всем, кто осмелится попытаться противостоять его мощи...

Одни верили этому рассказу, а другие сомневались. Но короли, которые правили в Икве после Халора, не стали больше сражаться с ледником, и ни один колдун не рискнул подняться на войну с помощью магического солнца. Местные жители отступали перед надвигающимся льдом, а в народе появились странные легенды, рассказывавшие о том, как льды застигали людей врасплох и отрезали в уединенных долинах, обрекая на ужасную смерть. Внезапное дьявольское перемещение льда как будто направляла живая рука. Ходили слухи об ужасных расселинах в леднике, которые внезапно раскрывались, словно исполинские рты, а затем плотно закрывались, поглотив неосторожных храбрецов, отважившихся выйти на ледяные просторы. Рассказывали и о ветрах, подобных дыханию северных демонов, которые в один момент окутывали человеческое тело морозным воздухом и превращали в статуи, крепкие, как гранит. Постепенно все районы на много миль перед ледником полностью обезлюдели, и только самые настойчивые охотники преследовали добычу в землях, опустошенных внезапной зимой.

Однажды бесстрашный охотник Ильяк, старший брат Кванги, ушел в Му Талан, преследуя громадную черную лису. Зверь завел его далеко в бескрайние поля ледника. На протяжении многих лиг Ильяк шел по следу, но никак не мог приблизиться к зверю на расстояние выстрела из лука. Наконец он подошел к большому холму на ледяной равнине, который напоминал могильник. Ильяк подумал, что лисица спряталась в пещере и, подняв лук и наложив на тетиву стрелу, смазанную ядом, вошел в подземное царство.

Пещера походила на зал северных королей или богов. В центре по кругу, в тусклом зеленом свете, стояли огромные

мерцающие колонны, а с потолка свешивались гигантские сосульки, напоминая сталактиты. Пол был наклонным, и Ильяк, обойдя пещеру, не нашел никаких следов лисы. Но в прозрачной глубине у другой стены, на полу, он увидел множество человеческих фигур. Несчастные были заморожены и заперты во льду, как в гробнице. Тела их не разложились, и черты лиц прекрасно сохранились. Люди были вооружены длинными копьями, многие из них несли полное вооружение солдат. Впереди застыла надменная фигура, облаченная в небесно-голубую мантию короля, рядом склонился старик в черном, как ночь, одеянии мага. Королевскую мантию густо украшали драгоценные камни, сверкавшие сквозь лед, как разноцветные звезды, а крупные рубины — красные, как пятна только что замерзшей крови, располагались треугольником на груди короля, образуя символ правителей Иквы. По этим признакам Ильяк узнал, что нашел гробницу Халора, Оммум-Вога и воинов, с которыми они выступили против ледника в стародавние времена.

Пораженный странной находкой и перебирая в голове древние легенды, Ильяк впервые в жизни лишился свойственного ему мужества и без промедления выбежал из зала. Черную лису он так нигде и не нашел. Прекратив бесплодные поиски, он возвратился на юг, благополучно добравшись до земель, куда ледник еще не дошел. Позднее он клялся, что пока он находился в пещере, лед снаружи таинственным образом изменился, поэтому, выйдя из пещеры, он некоторое время раздумывал, в каком же направлении ему идти. Там, где раньше ничего не было, появились крутые гребни и холмы. В результате возвращение охотника превратилось в утомительное путешествие, а ледник, казалось, разросся на много миль за пределы своей первоначальной границы. Из-за всех этих событий, которые отважный охотник не мог ни объяснить, ни понять, в сердце Ильяка зародился странный суеверный страх.

Он никогда больше не возвращался на ледник, но рассказал своему брату Кванге о том, что обнаружил, и подробно описал расположение пещеры-зала, где были погребены король Халор, Оммум-Вог и их вооруженный отряд. Вскоре после этого Ильяка убил белый медведь.

Кванга вырос не менее смелым, чем Ильяк, и ничуть не боялся ледника, потому что бывал на нем много раз и

не замечал ничего подозрительного. Его сердце страстно желало побед, и он часто мечтал о рубинах Халора, запертых вместе с королем в вечных льдах. Кванге казалось, что смелый человек смог бы достать эти рубины.

С этой мыслью как-то летом, в разгар торговли мехом в Икве, он зашел к ювелирам Эйбуру Тсанту и Хуму Фитосу, прихватив с собой несколько гранатов, найденных им в северной долине. Пока ювелиры оценивали камни, охотник, будто между прочим, завел разговор о рубинах Халора и в нужный момент спросил об их цене. Затем, услышав в ответ, что стоят они невероятно дорого, он заметил жадный интерес, который проявили Хум Фитос и Эйбур Тсант, и тогда поведал им историю, которую слышал от своего брата Ильяка. Охотник предложил за половину стоимости рубинов отвести ювелиров в тайную пещеру.

Ювелиры согласились на его предложение, несмотря на трудности предстоящего похода и сложности, которые могут возникнуть при тайном сбыте драгоценностей, принадлежавших королевской семье Иквы, поскольку, узнав о находке камней, нынешний король Ралур, возможно, потребует их вернуть. Стоимость легендарных рубинов разожгла в ювелирах алчность. Кванга, со своей стороны, нуждался в поддержке и соучастии со стороны торговцев, зная, что иначе ему будет тяжело продать драгоценности. Он не доверял Хуму Фитосу и Эйбуру Тсанту, и поэтому потребовал, чтобы они пошли вместе с ним в пещеру и заплатили ему заранее обговоренную сумму, как только они станут владельцами сокровища.

Странная троица отправилась в дорогу в середине лета. Теперь, после двух недель пути через дикие местности с субарктическим климатом, они приблизились к границе вечного льда. Они шли пешком, а их снаряжение везли три лошади, размером немногим больше овцебыка. Кванга, меткий стрелок, ежедневно охотился за зайцами и водоплавающей птицей.

В спины путникам с безоблачного бирюзового неба светило низкое солнце, которое, как говорили, в прежние времена всегда висело в зените. В тени высоких холмов ветра намели сугробы. Снег лежал и в глубоких долинах, скрывая под собой границу ледника. Деревья и кусты

встречались все реже, а попадавшаяся путникам растительность выглядела весьма чахлой, хотя когда-то, в старые времена, при более мягком климате, на этой земле пышно росли густые леса. Зато в полях и вдоль склонов пламенели маки, словно алый ковер под ногами вечной зимы. Тихие озера и бегущие ручьи окаймляли белые водяные лилии.

На востоке курились вершины вулканов, которые пока еще сдерживали продвижение ледника. На западе возвышались мрачные горы. Их отвесные скалы и остроконечные вершины, словно шапкой, накрывал снег. Окружавшие их низкие холмы утопали в снегу, как в море. Перед искателями сокровищ неясно вырисовывалась зубчатая стена царства льда, надвигающегося на долины и холмы, вырывавшая с корнями деревья, выдавливавшая землю многочисленными складками и грядами... Но пока дальнейшее перемещение ледника немного задерживалось из-за северного лета. Кванга и ювелиры подошли к мутному ручейку, образованному от таяния льда, тихо струившемуся из-под блестящих сине-зеленых глыб.

Путешественники оставили своих навьюченных лошадей в поросшей травой долине, привязав их длинными плетенными ремнями к карликовым ивам. Они взяли с собой провизию, а также инструменты, которые могли бы им потребоваться в течение двух дней пути, и полезли вверх по ледяному склону в том месте, которое выбрал Кванга, посчитавший этот склон наиболее доступным. Их путь лежал в сторону пещеры, найденной Ильяком. Кванга ориентировался по положению вулканов и по двум одиноким пикам, которые поднимались к северу на покрытой льдом равнине, напоминая груди великанши, укрытые блестящими доспехами.

Трое путников взяли в дорогу все самое необходимое для поисков. Кванга нес бронзовый ледоруб странной формы. С его помощью охотник собирался высвободить из гробницы тело короля Халора. Кроме того, он вооружился коротким кинжалом с листообразным клинком, в дополнение к луку и колчану со стрелами. Его одежда была сшита из шкуры гигантского черно-бурого медведя.

Хум Фитос и Эйбур Тсант оделись в тулупы, хорошо простеганные толстым слоем гагачьего пуха. Они следова-

ли за своим предводителем, ворча, но с жадным рвением. Эти двое не получали никакого удовольствия ни от долгого перехода по ледяной пустыне, ни от грубой пищи. Кроме того, им не нравился Кванга. Ювелиры считали охотника грубым и слишком властным. Их недовольство еще более усугублялось тем фактом, что он заставил их нести большую часть снаряжения в дополнение к двум тяжелым мешкам с золотом, которые они в скором времени рассчитывали обменять на драгоценные камни. Ничто менее ценное, чем рубины Халора, не вынудило бы их отправиться в такую даль и, тем более, ступить на грозные просторы ледника.

Перед путниками расстилалась ледяная пустыня, подобная некоему замороженному миру, внешне совершенно пустынному. Громадная, плоская, за исключением нескольких разбросанных тут и там холмов и гребней, равнина тянулась до самого горизонта и покрытых льдом горных пиков. Ничто, казалось, не жило и не двигалось в этой жуткой местности, поверхность которой была полностью очищена от снега. Солнце побледнело, и его лучи стали холоднее. Казалось, светило пряталось за спины искателей приключений, зато ветер непрестанно дул с ледника. Однако, не считая одиночества и тоски, ничто не могло бы испугать Квангу и его спутников. Ни один из путников не был суеверным. Они считали, что старые легенды являлись пустыми мифами, навеянными страхом перед иллюзиями. Кванга сочувственно улыбался, вспоминая брата Ильяка, который стал слишком пугливым и впечатлительным к подобным преданиям после того, как нашел короля Халора. Это было единственной слабостью Ильяка, решительного и безрассудно храброго охотника, который не боялся ни человека, ни зверя. Что касается Халора и Оммум-Вога с армией, попавших в ледяную ловушку, то совершенно очевидно, что они просто позволили застигнуть себя врасплох снежной буре, а несколько уцелевших воинов, лишившись рассудка от трудностей, выпавших на их долю, рассказали неправдоподобную историю. Лед — хотя он и покорил половину континента — был не более чем обычным льдом и действовал всегда лишь в соответствии с законами природы. Ильяк говорил, что ледяной покров — огромный демон, жестокий и жад-

ный, испытывавший ярость даже при мысли о том, чтобы отдать однажды захваченное. Но подобная вера являлась грубым и примитивным суеверием, которому не должны поддаваться просвещенные умы Плиоценового века.

Искатели сокровищ поднялись на передний вал ледника рано утром. Кванга заверил ювелиров, что до пещеры они доберутся, самое позднее, к полудню, даже если возникнут некоторые трудности и придется долго искать пещеру.

Равнина впереди оказалась удивительно гладкой. Им не попалось ни одной расселины, и мало что препятствовало их продвижению вперед. Ориентируясь в выборе направления по двум горам, по форме напоминавшим груди, они, после трех часов ходьбы, подошли к возвышенности, которая соответствовала холму из рассказа Ильяка. Без особых усилий они нашли вход в глубокое помещение.

Казалось, что после посещения Ильяка это место мало изменилось или не изменилось вовсе. Интерьер пещеры с колоннами и свисающими сосульками почти полностью соответствовал описанию. Вход напоминал клыкастую пасть. Внутри пол оказался очень сильно наклонен, и путешественникам пришлось скользить более сотни футов. Зал словно плыл в холодном серовато-зеленом полупрозрачном тумане, проникавшем сквозь куполообразную крышу. В нижнем, самом глубоком, конце ребристой стены Кванга и ювелиры увидели множество людей, вмороженных в лед. Искатели сокровищ без труда различили высокую фигуру короля Халора и Оммум-Вога в темных одеждах. За ними с трудом можно было разглядеть фигуры воинов, с навечно поднятыми копьями, отступавших плотными рядами назад, в бездонную глубину.

Халор, величественный и высокий, стоял, широко открыв глаза, глядя пристально и надменно, как в жизни. На его груди неугасимо тлел треугольник из горячих кровавоярких рубинов, а на лазурном одеянии мерцали и сверкали холодные топазы, бериллы, бриллианты и хризолиты. Казалось, легендарные драгоценные камни отделяло от жадных пальцев охотника и его спутников не больше двух футов льда.

Молча, в восхищении, разглядывали ювелиры сокровища, превосходящие все их ожидания. Не говоря уже о

громадных рубинах, ювелиры быстро подсчитали стоимость других камней, украшавших одежды Халора. Они самодовольно подумали, что цена, которую они выручат за эти камни, стоила того, чтобы терпеть трудности пути и наглость Кванги.

Охотник, со своей стороны, жалел, что не заключил более выгодной сделки. Но даже благодаря двум мешкам золота он станет богатым человеком. Он сможет пить дорогие вина, более красные, чем рубины, которые привозят с юга, из далекого Узулдарума. Смуглые косоглазые девушки Иквы будут танцевать по его приказанию, и он сможет играть в азартные игры, делая высокие ставки.

Все трое забыли о противоестественности своего положения. Они остались одни в северном безлюдном мире с замороженными мертвецами, им даже в головы не пришло вспомнить о дьявольской природе грабежа, который они собирались совершить. Не дожидаясь своих спутников, Кванга поднял острый, хорошо закаленный бронзовый ледоруб и сильными ударами начал долбить полупрозрачную стену.

Лед с шумом летел в разные стороны из-под ледоруба, рассыпаясь на хрустальные осколки и алмазные камешки. Через несколько минут в толще льда образовалось большое углубление и теперь лишь тонкая оболочка, отделяла грабителей от тела Халора. Теперь Кванга рубил лед с большой осторожностью. Вскоре треугольник гигантских рубинов, все еще покрытый тонкой корочкой звенящего льда, лежал в его руке. Пока гордые и холодные глаза Халора пристально наблюдали за ним из-под неподвижной ледяной маски, охотник отбросил ледоруб и, вытащив из ножен острый кинжал с клинком в форме листа, начал отделять прекрасную серебряную проволочку, крепившую рубины к королевской одежде. В спешке он оторвал лоскуток небесно-голубой материи, оголив замерзшее мертвенно-белое тело. Освобождая один за другим все рубины, охотник передавал их Хуму Фитосу, стоявшему рядом, а тот, с горящими от жадности глазами, пуская слюни от восторга, осторожно складывал их в большую сумку из пятнистой кожи ящерицы, которую принес специально для этого.

Когда ювелир спрятал последний рубин, Кванга собрался заняться остальными драгоценностями, которые в

виде любопытных фигур, а также астрологических и священных символов украшали королевскую одежду. Но не успел он приступить к новой работе, как их с Хумом Фитосом напугал громкий звук — словно на ледяной пол рухнуло чего-то бьющееся. Падение сопровождалось звоном разбитого стекла. Оглянувшись, грабители могилы увидели, что огромная сосулька упала со свода пещеры и ее острие, словно прицелившись, рассекло череп Эйбура Тсанта, который теперь лежал среди кусков разбившегося льда. Острый конец одного из осколков глубоко врезался в голову, из этой раны теперь медленно вытекал мозг ювелира. Он умер мгновенно, не узнав своей судьбы.

Несчастный случай казался вполне естественным, такое могло произойти с каждым. Даже летом в любой момент могла упасть огромная, слегка подтаявшая сосулька. Несмотря на пережитое потрясение, Кванге и Хуму Фитосу пришлось обратить внимание на другие обстоятельства, которые были далеко не такими обычными, и не могли объясняться естественными законами. Пока они увлеченно извлекали рубины, зал сузился в половину первоначальной ширины, потолок опустился, и теперь висящие сосульки оказались прямо над головами людей, словно зубы огромной пасти. Вокруг потемнело, а освещение напоминало тусклый свет, который просачивался сквозь тяжелые плавучие льды в толщу воды арктических морей. Наклон пещеры стал еще круче, будто соскальзывая в бездонную глубину. Далеко наверху, слишком далеко, двое мужчин увидели крошечное отверстие, которое казалось не больше, чем вход в лисью нору.

На мгновение они замерли. Изменения, произошедшие в пещере, не имели естественного объяснения, и искатели сокровищ почувствовали, как липкая волна суеверных ужасов, которых они ранее не признавали, подступила к горлу. Они больше не могли отрицать присутствия злых дьявольских сил, приписываемых льду в старых легендах.

Ярко представив, что им грозит, охваченные дикой паникой, они начали взбираться по наклонному полу. Хум Фитос не отпускал пухлую сумку с рубинами и тяжелый мешок с золотыми монетами, свисавший с его пояса, а Кванга имел достаточно самообладания, чтобы сохранить

кинжал и ледоруб. Подгоняемые ужасом, в спешке они оба забыли о втором мешке с золотом, оставшемся рядом с Эйбуром Тсантом под обломками разбитой сосульки.

Но вот заколдованная пещера прекратила сужаться, а пугающее и зловещее перемещение потолка остановилось. Во всяком случае, пока искатели сокровищ карабкались к выходу, они не заметили, чтобы движения продолжались. Им приходилось проползать между могучих клыков, угрожавших проткнуть их насквозь. Несмотря на то, что они были обуты в грубые мокасины из тигровых шкур, они с трудом удерживались на крутом склоне. Они использовали как ступеньки скользкие, похожие на столбы, образования. Время от времени Кванге приходилось поспешно вырубать ледорубом ступени в наклонном полу.

Хум Фитос слишком сильно испугался, чтобы размышлять. Но Кванга, карабкаясь, обдумывал причины столь существенных изменений в пещере, не представляя, каким образом их можно сопоставить с его широкими и разнообразными познаниями о природных явлениях. Он пытался убедить себя, что просто ошибся в определении размеров пещеры и наклона пола. Но эта попытка оказалась заведомо бессмысленной. Охотник столкнулся лицом к лицу с явлением, которое оскорбляло здравый смысл, искажало известный облик мира неземным отвратительным безумием.

После бесконечного подъема, словно пытаясь выбраться из длинного кошмарного сна, они все же добрались до выхода из пещеры. Им едва хватало места, чтобы проползти на животе под острыми тяжеловесными зубами. Кванга, чувствуя, что клыки могут в любой момент сомкнуться, как пасть огромного чудовища, бросился вперед и, судорожно извиваясь, полез в отверстие, забыв о свойственной героям неторопливости. Что-то придерживало его сзади, и он в какое-то мгновение подумал, исполнившись ужаса, что оправдываются его самые жуткие подозрения. Но, обернувшись, он обнаружил, что его лук и колчан со стрелами, которые он забыл снять с плеч, зацепились за ледяную сосульку. Пока Хум Фитос что-то невнятно бормотал от безумного страха и нетерпения, охотник отполз назад и освободился от оружия, выбросив его вместе с ледорубом из пещеры, и, на этот раз более успешно, проскочил сквозь узкое отверстие.

Поднявшись на ноги на ледяном просторе, он услышал дикий крик Хума Фитоса, который, пытаясь последовать за Квангой, застрял, так как был более плотным и грузным. Его правая рука, вцепившись в сумку с рубинами, высунулась наружу, за порог пещеры. Несчастный выл, выкрикивая бессвязные слова, смысл которых сводился к тому, что ледяные зубы до смерти загрызли его.

Несмотря на панический ужас, охвативший Квангу, охотник все еще сохранял достаточно мужества, чтобы повернуться и попытаться помочь Хуму Фитосу. Он уже начал сбивать большие сосульки своим ледорубом, когда услышал мучительный стон ювелира, за которым последовал грубый и неописуемый скрежет. Кванга отчетливо видел, как они вонзились в пол! Из тела Хума Фитоса, пронзенного насквозь одной из сосулек, зажатого между другими, более тупыми, зубами, мощной струей била кровь, заливая поверхность ледника красными, будто из винного пресса, брызгами.

Кванга не мог поверить своим глазам. То, что произошло, было уж очень невероятным. Он никак не мог объяснить, почему ужасные клыки сомкнулись, ведь в холме над входом в пещеру он не разглядел ни одного следа от трещины, которая объясняла бы их падение. На его глазах совершилось немыслимое чудовищное убийство, но все произошло слишком быстро, чтоб охотник мог установить его причину.

Хуму Фитосу уже ничто на свете не могло помочь, и Кванга, охваченный безумной паникой, не видел смысла оставаться здесь дольше. Но, заметив сумку, выпавшую из рук ювелира, охотник в порыве жадности, смешанной с ужасом, схватил ее, после чего, не оборачиваясь, побежал по леднику в ту сторону, где низко над горизонтом застыло солнце.

Убегая от пещеры, Кванга не заметил жуткие перемены, каким-то невероятным образом происшедшие с поверхностью равнины. Однако и то, что он увидел, настолько потрясло его, что у отважного охотника закружилась голова. Оказалось, что он карабкается по длинному, крутому склону, над которым висело крошечное солнце, ставшее маленьким и холодным, как будто оно светило не здесь, а на другой планете. Само небо изменилось, на нем

по-прежнему не было видно ни облачка, но оно окуталось, словно туманом, непонятной бледной дымкой. Кванга почувствовал присутствие чьей-то злой воли и ледяной ненависти, которые, казалось, насквозь пропитали воздух. Но более страшным, чем вся эта ненависть и злоба, казался головокружительный наклон к полюсу, который приняло некогда горизонтальное плато.

Кванга чувствовал, что само мироздание стало безумным. Боги оставили его на волю демонических сил, пришедших из безбожной внеземной бездны. Продолжая опасный подъем, покачиваясь и шатаясь, с трудом поднимаясь все выше, он постоянно боялся, что поскользнется и упадет, безвозвратно соскользнет обратно в бездонные арктические глубины. И все же, когда он осмелился, наконец, остановиться и, дрожа, повернулся, чтобы взглянуть вниз на пройденный им путь, он увидел, что за его спиной возвышается точно такой же крутой подъем, как тот, на который он взбирался. Какое-то безумие. Ледяная стена поднималась ввысь к другому, такому же далекому, солнцу.

Странное видение привело Квангу в полное замешательство, ему казалось, что он потерял последние остатки равновесия. Он попытался снова выбрать правильное направление, восстанавливая в памяти потерянные ориентиры, но ледник закружился и закачался перед ним, словно перевернутый мир. Казалось, маленькое тусклое солнце насмехалось над ним, высвечивая бесконечные ледяные откосы. Охотник возобновил безнадежное восхождение по вывернутому наизнанку миру иллюзий, впервые в жизни он не мог определить, где север, юг, восток или запад.

Внезапно налетел ветер, он дул вниз по леднику, завывая в ушах Кванги, подобно множеству голосов насмехающихся дьяволов. Ветер стонал, смеялся и завывал, издавая резкие звуки, похожие на раскалывающийся лед. Он, казалось, хватал Квангу живыми злобными пальцами, высасывая его дыхание. Несмотря на плотную одежду и скорость подъема, Кванга чувствовал болезненные и ядовитые укусы ветра, нападавшего на него и проедавшее тело до мозга костей.

Охотнику казалось, что он по-прежнему карабкается вверх, но в какой-то момент он заметил, что ползет не по гладкой поверхности. Лед торосами поднимался вокруг

него, взмывая ввысь столбами и пирамидами, приобретающими очертания невероятных форм. Огромные злобные профили с вожделением выглядывали из сине-зеленого хрусталя, уродливые головы развратных дьяволов неодобрительно следили за охотником. Тут и там вставшие на дыбы драконы, застыв, взвивались в небо вдоль откосов, а затем их ледяные фигуры исчезали в глубоких расселинах.

Кроме этих воображаемых форм, созданных из льда, Кванга увидел человеческие тела и лица, вмерзшие в ледник. Казалось, из глубины льда к искателю сокровищ неуверенно тянулись бледные руки, и он ясно ощущал на себе замерзшие взгляды людей, пропавших в прежние времена, видел их исчезнувшие в толще льда негнущиеся конечности, застывшие в странных позах после агонии.

Кванга больше не мог думать. Глухой, слепой первобытный ужас, более древний, чем рассудок, наполнил его сознание первозданной тьмой. Он неукротимо вел охотника все дальше, как управляют животным, и не позволял ему ни задержаться, ни поникнуть на дразнящем кошмарном уклоне. Если бы охотник мог размышлять, он бы понял, что побег невозможен, и что ледник — живое, сознательное и смертоносное существо, просто играет с ним в жестокую и фантастическую игру. Наверно, ему повезло, что Кванга лишился способности рассуждать.

Потеряв последнюю надежду на спасение, совершенно неожиданно он добрался до конца ледника. Словно внезапно проснувшийся человек, Кванга не понимал, что же произошло с ним на самом деле. Некоторое время смотрел он непонимающим взглядом на знакомые долины Гипербореи, расположенные ниже границы ледника и уходящие на юг, на вулканы, которые темным дымом курились за южными холмами.

Дорога от пещеры заняла почти весь долгий субполярный вечер, и солнце теперь висело низко у горизонта. Ложные солнца пропали, и ледяной щит, как по мановению волшебной палочки, приобрел нормальную горизонтальную поверхность. Кванга так ни разу и не удивился тому, насколько мгновенно ледник производил пугающие сверхъестественные изменения.

Неуверенно, как будто это был мираж, который мог исчезнуть в любой момент, охотник оглядел открывшийся

ему пейзаж под зубчатой стеной льда. По всей вероятности, Кванга вернулся к тому самому месту, откуда он с ювелирами начал путешествие по льду. Он увидел склон, размытый ручьями и испещренный промоинами, сбегавший вниз, к травянистым лугам. Боясь, что все это обман и выдумка, прекрасная, предательская ловушка, очередная ложь жестокого и всесильного демона, Кванга, подпрыгивал на ходу, торопливо сбежал со склона. Даже когда он стоял по колени в зеленом плауне среди покрытых листьями ив и осоки, он все еще не верил в свое окончательное избавление.

Панический страх, все еще управлял сознанием охотника, и безумный примитивный инстинкт погнал его по направлению к пикам вулканов. Инстинкт подсказывал, что если где-нибудь он и найдет защиту от жестокого северного холода, то только в их окрестностях, и только там он будет в безопасности от дьявольских махинаций ледника. Кипящие родники, как рассказывали, вечно били у подножия холмов, располагавшихся вокруг этих гор. Это были большие гейзеры, ревом и шипением напоминавшие адские котлы. Огромные снежные тучи проливались вблизи вулканов мягкими дождями, а буйная и ярко окрашенная растительность, присущая когда-то всему этому краю, пышно зеленела там круглый год.

Кванга никак не мог найти маленьких лохматых лошадей, которых он со своими спутниками оставил в долине, привязав к карликовым ивам на лужайке. Вероятно, он оказался все же не в той долине, из которой они начинали путешествие. Во всяком случае, Кванга не стал долго искать лошадей. Больше не мешкая, бросив последний испуганный взгляд на угрожающую массу ледника, охотник двинулся напрямик к дымящимся горам.

Солнце опустилось ниже, двигаясь вдоль юго-западного горизонта, простиравшегося вдоль наступающей зубчатой громады льда. Ледяное поле поблескивало в его лучах светом бледного аметиста. Кванга в ужасе помчался прочь. Постепенно его нагнали долгие прозрачные предрассветные сумерки северного лета.

Каким-то удивительным образом ему удалось сохранить ледоруб, лук и стрелы. Автоматически несколькими часами раньше Кванга для большей сохранности спрятал

тяжелую сумку с рубинами под одеждой на груди. Теперь он забыл о ней и даже не заметил, что капли воды от растаявшего льда, окружавшего камни, стекали по его телу, промочив насквозь сумку из кожи ящерицы.

В одной из многочисленных долин Кванга споткнулся о выступавший корень ивы и, упав, повредил пальцы ледорубом. Поднявшись на ноги, он бросился бежать, даже не посмотрев, что случилось.

Красное свечение вулканов было отчетливо различимо на фоне темнеющего неба. Оно усиливалось по мере того, как Кванга продвигался вперед, и охотник чувствовал, что приближается к надежному убежищу, которое он так давно искал. Несмотря на то, что он все еще сильно дрожал, истощенный нечеловеческими испытаниями, он уже поверил в то, что, наконец, ускользнул от ледяного демона.

Внезапно осознав, что его мучит жажда, охотник осмелился остановиться в одной из небольших долин и напился из ручья, заросшего по краям цветами. Затем, поддавшись давлению накопившейся усталости, он повалился на землю, чтобы немного отдохнуть среди кроваво-красных маков.

Сон навалился на него подобно мягкому падающему на ресницы снегу, но Кванга проснулся от зловещего кошмара, в котором все еще безуспешно убегал от страшного ледника. Он проснулся в холодном поту, дрожа от ужаса, и посмотрел на небо, где медленно умирал нежный румянец заката. Ему показалось, что большая, несущая смерть тень, плотная и материальная, двигалась вдоль горизонта, перешагивая низкие холмы, направляясь к долине, где он лежал. Она приближалась неописуемо быстро. В небесах сверкнул последний луч, холодный, как отражение, пойманное во льду.

Кванга вскочил на ноги, онемев от страха. Ночной кошмар все еще смешивался с наполовину проснувшимися страхами. Решив бросить бессмысленный вызов стихии, охотник снял лук и стал выпускать стрелу за стрелой, опустошая колчан, целясь в огромную мрачную бесформенную тень, нависшую над ним. Когда стрелы закончились, охотник вновь побежал.

Но даже во время бега он непроизвольно вздрогнул всем телом от внезапного нахлынувшего сильного холода, наполнившего долину. Испугавшись, Кванга смутно по-

чувствовал, что в наступавшем холоде есть что-то ужасное и неестественное, то, что не соответствует ни месту, ни сезону. Горячие вулканы высились совсем близко. «Еще немного,— думал Кванга.— И я доберусь до холмов. Тогда воздух потеплеет, станет жарко».

Внезапно стемнело, и над головой охотника возникло сине-голубое мерцание. На мгновение он увидел бесформенную гигантскую Тень, которая поднималась ввысь, затеняя звезды и свет вулканов. Затем вокруг Кванги закружился туман, сомкнувшийся леденящей и безжалостной хваткой. Тень напоминала призрачный лед, она ослепляла и душила, словно охотник попал в ледяную гробницу. Беглец окоченел от трансарктического холода, которого он никогда раньше не испытывал. Его тело пронзила нестерпимая боль, а за нею последовало быстро распространявшееся по всем его членам онемение.

Кванга смутно расслышал звуки падающих сосулек, трение тяжелых плавучих льдов, передвигавшихся в сине-зеленой полутьме, сжимавшейся и уплотнявшейся вокруг него. Казалось, будто длань ледника схватила его на бегу. Охотник пытался бороться с ней окоченевшими руками в полусонном ужасе. Повинуясь внезапно возникшему импульсу, словно стремясь умилостивить мстительного бога, несчастный вынул сумку с рубинами и, с трудом заставив себя пошевелить рукой, с болезненным усилием отшвырнул ее от себя. Ремни, связывавшие сумку, развязались при падении, и Кванга услышал звон рассыпавшихся рубинов, катившихся по какой-то твердой поверхности. Затем на него навалилось забвение, и он упал, окоченев, даже не сознавая, что падает.

Утро застало его рядом с маленьким ручьем. Замерзший Кванга лежал вниз лицом в окружении почерневших маков. Казалось цветы примяли ноги какого-то гигантского ледяного демона. Ближайшее озерцо, образованное неторопливым ручейком покрывал тонкий слой льда, на котором, как капли замерзшей крови, лежали рубины Халора. В свое время огромный ледник, движущийся медленно и непреодолимо к югу, вновь заберет свою добычу...

ПОВЕСТЬ САТАМПРА ЗЕЙРОСА

Я — Сатампра Зейрос из Узулдарума. Несмотря на то, что осталась у меня только левая рука, я все же найду в себе силы, чтобы поведать вам обо всех приключениях в гробнице бога Тсатоггуа, которые выпали нам с Тировом Омпаллиосом. Люди позабыли об этом склепе вот уже несколько столетий назад. И теперь он лежал в глубине дикого леса, который вырос на месте пригородов Комориона, некогда блистательной столицы Гипербореанских правителей, давно уже покинутой своими жителями. Я напишу свой рассказ фиолетовым соком пальмысуваны, который со временем приобретет кроваво-красный оттенок, на прочном тонком пергаменте, выделанном из шкуры мастодонта. И пусть моя повесть станет предостережением самым отважным ворам и авантюристам, которые, возможно, наслушавшись лживых легенд о потерянных сокровищах Комориона, соблазнятся ими.

Итак, Тиров Омпаллиос был моим лучшим другом и надежным компаньоном везде, где могли потребоваться ловкие руки и живой, находчивый ум. Не боюсь польстить ни себе, ни Тирову Омпаллиосу, сказав, что мы вдвоем достигли несравнимо больших успехов, чем прославленные умельцы, одно имя которых навевает жуткий страх. Чтобы пояснить, что я имею в виду, напомню о краже драгоценностей королевы Кунамбрии, хранившихся в комнате под надзором двух дюжин ядовитых рептилий, или

о взломанной алмазной шкатулке Акроми, где лежали все медальоны ранней династии Гипербореанских королей. Правда, от этих медальонов было нелегко избавиться, и притом рискованно, поэтому мы отдали их почти даром капитану варварского корабля из отдаленной Лемурии. Однако это был славный подвиг, ведь нам удалось взломать шкатулку в полной тишине, несмотря на охрану из дюжины стражников, вооруженных трезубцами. Пришлось использовать редкую ядовитую кислоту... Впрочем, мне не следует зря терять время, тратя его на всяческую болтовню, хотя все же есть немалый соблазн в том, чтобы с удовольствием окунуться в героические воспоминания, полные очарования доблестных подвигов и ловких проделок.

В нашем деле, как, впрочем, и в любом другом, стоит считаться с превратностями судьбы, ведь божественное провидение далеко не всегда бывает щедрым на успех. Случилось так, что в то время, о котором я веду речь, мы с Тировом Омпаллиосом оказались в затруднительном финансовом положении. Эта, хотя и временная, ситуация, тем не менее, чрезвычайно сильно раздражала нас, свалившись на наши головы, как всегда, не вовремя. Мне хорошо знаком такой период, наступающий обычно накануне череды удачливых дней, или, точнее, ночей. Люди стали чертовски осторожно относиться к своим драгоценностям и другими материальным ценностями, окна и двери они запирали в два раза крепче, поставив новые замысловатые замки, охранники стали более бдительными и менее сонливыми. Короче говоря, все привычные для нас профессиональные трудности умножились. В какой-то момент мы даже начали красть громоздкие и не особенно ценившиеся предметы, на которых раньше никогда не специализировались. Но и это таило свои опасности. Даже сейчас мне неприятно вспоминать ту ночь, когда нас чуть не поймали с мешком красных гранатов, и я упоминаю об этом только для того, чтобы не выглядеть хвастуном.

Однажды вечером, зайдя в аллею бедного квартала Узулдарума, мы остановились, чтобы подсчитать наши денежные средства, и обнаружили, что осталось всего три пазура на двоих, ровно столько, сколько могло понадобиться,

чтобы купить большую бутылку гранатового вина или две буханки хлеба. Мы принялись обсуждать проблему, как нам лучше потратить эти деньги.

— Хлеб восстановит силы наших тел, придаст крепость нашим изможденным рукам и ногам, нашим измученным трудной работой пальцам,— утверждал Тиров Омпаллиос.

— Гранатовое вино облагородит наше мысли, воодушевит и просветит мозги и, может быть, подскажет способ, как решить наши трудности,— возражал я.

Тиров Омпаллиос, в результате, отказался от своих слабых доводов и согласился с моими превосходными аргументами. И мы отправились на поиски ближайшей таверны.

Судя по запаху, нам подали не самое лучшее вино, но нас вполне устроило его количество и крепость. Мы уселись в переполненной таверне и лениво потягивали яркокрасный напиток, пока весь его жар не добрался до нашего рассудка. Наше мрачное и сомнительное будущее осветилось, словно светом факелов, и тотчас все самые непривлекательные черты этого мира чудесным образом смягчились. Меня тут же осенило.

— Тиров Омпаллиос,— начал я.— Знаешь ли ты хоть одну причину, по которой мы с тобой, такие бравые ребята, ничуть не подверженные страхам и суевериям большинства людей, не воспользовались бы старыми добрыми сокровищами Комориона? Всего день пути от этого скучного города. Мы приятно проведем время в деревне, а вечером или ночью займемся археологическими раскопками. И, кто знает, что нам с тобой доведется найти?

— Это мудро и смело, мой дорогой друг,— поддержал меня Тиров Омпаллиос.— Действительно, я не вижу причины, почему бы не пополнить наши растаявшие финансы за счет нескольких мертвых королей или богов.

Сейчас все в мире знают, что Комориoн опустел много столетий назад из-за пророчества седой колдуньи из Поляриона. Она предсказала неописуемую и отвратительную судьбу всем смертным, кто осмелится жить в предместьях города. Одни говорили, что оставшимся грозит смерть от чумы, которую принесут с северных просторов племена, живущие в джунглях, другие утверждали, что людям грозит какая-то форма сумасшествия. Во всяком

случае, никого: ни короля, ни священника, ни купца, ни рабочего, ни вора — ни одной живой души не осталось в Коморионе. Никто не решился испытать на себе появление этого ужаса, чем бы оно ни было. Все жители, повинуясь единому порыву, ушли из города и основали новую столицу Узулдарум на расстоянии дня пути от проклятого места. Странные легенды до сих пор ходят в народе, пугая невиданными жуткими призраками, наведывающимися с тех пор в мавзолеи, гробницы и дворцы Комориона. Подобных тварей никогда не видел ни один человек, а встретившись с ними, непременно погибнет. О самом же городе легенды гласят, что он все еще стоит, во всем своем великолепии и блеске, не потускнел еще мрамор и не рассыпался гранит, а над стенами его все еще возвышаются шпили, купола и обелиски, которые так и не скрылись за мощными деревьями джунглей, заполонившими плодородную внутреннюю долину Гипербореи. Говорят, под сводами города лежат в целости и сохранности, с тех времен, величайшие сокровища древних правителей. В высоких гробницах до сих пор хранятся драгоценные камни и украшения, захороненные с мумиями, в храмах еще остались золотые чаши и церковная утварь, а в ушах, ртах, ноздрях и пупках идолов сверкают драгоценные камни.

Думаю, нам лучше было бы отправиться в путь этой же ночью, но не хватило второй бутылки гранатового вина, которая могла бы поддержать и воодушевить нас. Поэтому мы решили выступить на рассвете. Тот факт, что в карманах не было денег на дорогу, нас мало волновал: пока свойственная нам ловкость не покинула нас, мы могли бы в любой момент собрать небольшую дань с простодушных селян. Приняв решение, мы вернулись домой. С недовольным ворчанием нас встретил хозяин квартиры и весьма недружелюбным тоном потребовал свои деньги. Однако надежда на залежи золота, которые мы рассчитывали найти завтра, позволила нам не беспокоиться по этому пустяшному поводу, и мы помахали парню с таким пренебрежением, которое, как минимум, удивило его, если не заставило поверить нам.

На следующий день проснулись мы поздно. Солнце уже высоко поднялось в лазурные небеса, а мы только

лишь выходили за ворота Узулдарума, направляясь по северной дороге, ведущей к Комориону. По пути мы плотно позавтракали янтарной дыней и украденной курицей, которую поджарили тут же, в лесу, после чего продолжили поход. Несмотря на усталость, нараставшую к концу дня, путешествие приятно радовало нас, и мы с удовольствием разглядывали встречавшихся по дороге людей и меняющийся пейзаж тех мест, где проходили. Некоторые из поселян, уверен, еще вспомнят нас недобрым словом. Что поделать, мы не смогли отказать себе в удовольствии прихватить с собой то, что казалось нам соблазнительным с профессиональной точки зрения. К тому же, мы успели проголодаться.

Дорога пролегала по благодатной стране. Вдоль нее тут и там встречались фермы, раскинувшиеся фруктовые сады, журчащие речки и зеленые цветущие леса. Наконец, ближе к вечеру, мы вышли к старой, почти заросшей дороге, которой давно никто не пользовался. Она вела от проезжего тракта, через старые джунгли, к Комориону.

Никто не видел, как мы свернули на эту дорогу, и мы с тех пор тоже никого не встретили. Сделав всего один шаг, мы полностью скрылись от глаз людей. Казалось, тишину леса, окружавшего нас, не тревожили звуки человеческих шагов с того времени, как здесь прошли легендарный король и его подданные много веков назад. Деревья, под кронами которых мы шли, были выше и мощнее всех когда-либо встреченных нами, их стволы, словно гигантская доисторическая паутина, обвивали бесконечным лабиринтом стеблей и листьев ползучие растения, почти такие же старые, как сами деревья. Вокруг росли неимоверно крупные цветы, и их запах был невыносимо сладким, если не сказать зловонным, а их лепестки — либо смертельно бледными, либо кроваво-красными. По пути нам встречались такие же громадные фрукты, пурпурного, оранжевого или красновато-коричневого цвета, но мы как-то не решались их есть.

По мере нашего продвижения вперед лес становился все гуще, наполняясь более буйной растительностью. Дорога, хотя и мощеная гранитными плитами, все больше зарастала, поскольку сильные корни деревьев взламывали тяжелые плиты, сдвигая их в разные стороны. Солнце еще

не приблизилось к горизонту, а тени от гигантских стволов и ветвей становились все гуще, и теперь мы двигались в темно-зеленых сумерках, наполненных угнетающими ароматами ярких растений и гниющих плодов. В этих диких джунглях не было ни птиц, ни животных, которые должны водиться в любом густом лесу. Лишь изредка бесшумно крадущаяся гадюка с бледными и тяжелыми кольцами выскальзывала из-под наших ног и уползала в листья буйных придорожных растений, или вдруг громадный мотылек с причудливой пятнистой зловещей раскраской пролетал перед нами и исчезал в темноте джунглей. В наступившей полутьме, в стороне от нас огромные пурпурные летучие мыши с глазами, словно маленькие рубины, взлетали при нашем приближении с фруктов, казавшихся ядовитыми. Мы явно помешали их трапезе, и теперь они, тихо паря в воздухе, наблюдали за нами с враждебным вниманием. Чувствовалось, что за нами кто-то украдкой следит, и нас постепенно охватывал страх перед чудовищными джунглями. Мы уже давно перестали вести громкие беседы, лишь изредка перешептываясь.

По пути, среди прочего, мы раздобыли большой бурдюк с пальмовым спиртом. Несколько глотков горячительного напитка уже не раз облегчали утомительную скуку нашего путешествия, и теперь им предстояло в очередной раз поддержать наш дух. Мы оба отпили немного от этого живительного эликсира, и сразу же джунгли показались не такими уж страшными. Мы удивились, почему вдруг тишина и уныние, любопытные летучие мыши и необъятные джунгли смогли испортить нам настроение, пусть даже на короткое время, а я подумал, что после следующего глотка мы запоем.

Когда наступили сумерки, и растущая луна засияла в небесах после захода солнца, нас настолько переполнял азарт и жажда приключений, что мы решили идти дальше и добраться до Комориона этой же ночью. Мы поужинали запасенными у селян продуктами, и по нескольку раз отпили из бурдюка. Затем, хорошо подкрепившись, полные смелости и доблести, вдохновленные гениальной идеей, продолжили наше путешествие.

В действительности до города было недалеко. Даже когда, вдыхая запах, заставлявший нас забывать о цели

долгого пути, обсуждали друг с другом, что из многочисленных мистических сокровищ Комориона выберем для себя, мы уже видели в лунном свете блеск мраморных куполов над вершинами деревьев, а среди ветвей и стволов мелькали бледные колонны тенистых портиков. Еще несколько шагов, и мы уже добрались до мощеных улиц, разбегавшихся в стороны от основной дороги, по которой мы пришли, в высокий роскошный лес, возвышавшийся слева и справа. Листья гигантских пальмовых папоротников, растущих вдоль дороги, скрывали крыши древних домов.

Мы остановились. Вновь глубокая тишина, напоминавшая, что это место давно опустело, сомкнула наши уста. Белые дома напоминали гробницы. Вокруг лежали глубокие тени, холодные и зловещие, таинственные, словно тени смерти. Казалось, будто лучи солнца веками не проникали сюда, и ничего теплее, чем свет смертельно бледной луны, не касалось мрамора и гранита с тех пор, как все население Комориона покинуло город, поверив предсказанию седой колдуньи из Поляриона.

— Как бы мне хотелось, чтобы сейчас был день,— пробормотал Тиров Омпаллиос странным низким шипящим голосом. Но и это тихое шипение прозвучало неестественно громко в гробовой тишине.

— Тиров Омпаллиос, я знаю, что суеверие по-прежнему не свойственно тебе,— возразил я.— Не думаю, что ты вдруг поддался нелепым предрассудкам толпы. Однако давай лучше еще выпьем.

Мы заметно облегчили кожаный бурдюк, уделив повышенное внимание его содержимому, и удивительно приободрились благодаря этому. Причем настолько сильно, что немедленно приступили к изучению дорожки, убегающей влево. Ровная, словно вымеренная по линейке, она, тем не менее, исчезала невдалеке, теряясь среди пальмовых деревьев. Здесь, поодаль от других строений, на небольшом участке земли, еще не заросшем джунглями, мы обнаружили маленькую, выстроенную в древнем стиле часовню, которая выглядела намного старше окружающих ее зданий. Материалом для нее послужил темный базальт, покрытый теперь лишайником, казалось, таким же древним, как и она сама. Строение кубической формы

не имело ни купола, ни шпиля, ни фасада с колоннами, а только ряд узких окон, расположенных высоко над землей. Такие часовни редко встречаются в современной Гиперборее. Но мы хорошо знали, что когда-то они служили местом поклонения Тсатоггуа, одному из древнейших богов, которого уже давно перестали чтить люди. Когда-то, говорят, к его алтарю, выкрашенному в пепельный цвет, прокрадывались даже дикие животные джунглей: то обезьяна, то гигантский ленивец, а то и саблезубый тигр. Иногда людям доводилось увидеть, как они склонялись над этими алтарями и по-своему молились, издавая вой или жалобный визг.

Часовня, как и другие здания, почти идеально сохранилась. Следы запустения были видны только на резных перемычках дверей, которые местами выкрошились, а местами откололись. Сама дверь из темной бронзы, позеленевшая от времени, оказалась немного приоткрыта. Зная, что внутри должен находиться украшенный драгоценностями идол, не говоря уже о различной церковной утвари из драгоценных металлов, в нас проснулся воровской инстинкт.

Мы предположили, что нам может понадобиться недюжинная сила, чтобы открыть дверь, и поэтому сделали по большому глотку из бурдюка, после чего полностью посвятили себя выполнению поставленной задачи. Как мы и думали, петли заржавели, и, даже напрягши все свои мускулы, мы едва сдвинули дверь с места. После небольшого перерыва мы возобновили свои попытки. Дверь медленно начала подаваться вперед, а затем открылась внутрь с ужасным скрежетом и скрипом, похожим на крик, и в этом звуке нам послышался голос нечеловеческого существа. Внутри часовни было темно. Нам в лицо пахнуло затхлой плесенью и странным незнакомым запахом. Но мы, будучи радостно возбуждены, не обратили на это внимания.

Со свойственной мне проницательностью, я еще днем запасся смолистым суком дерева, подумав, что он может послужить нам факелом во время ночных прогулок по Комориону. Я зажег его, и мы вошли в часовню.

Пол часовни был вымощен огромными пятиугольными плитами из того же базальта, что и стены. Внутри

оказалось совсем пусто, лишь в дальнем конце стояла статуя, изображающая сидящего на троне бога, перед которой, по центру, располагался алтарь с двумя металлическими фигурами животных в непристойных позах и большой, странно смотревшейся бронзовой чашей на трех ножках. Бросив лишь беглый взгляд на чашу, мы двинулись вперед и поднесли факел к лицу идола.

Я впервые видел статую Тсатоггуа, но легко узнал его по описаниям, которые не раз слышал. Коренастый и толстопузый, с головой, напоминавшей голову, скорее, чудовищной жабы, чем божества, и телом, покрытым каким-то подобием короткого меха, он производил впечатление одновременно и летучей мыши, и ленивца. Его выпуклые глаза были наполовину прикрыты сонными веками, а кончик странного языка высовывался изо рта, обрамленного толстыми губами. Честно говоря, такой бог не был ни миловидным, ни человекоподобным, и не удивительно, что люди перестали ему поклоняться, и только невежественные аборигены до сих пор придерживались древних верований.

Мы с Тировом Омпаллиосом одновременно выругались именами всех известных нам современных городских богов. Оказалось, что в этой отвратительной фигуре не было не только драгоценных, ни даже и самых обыкновенных, полудрагоценных, камней. Какая неслыханная скупость! Даже глаза бога был вырезаны из того же скучного камня. Ни рот, ни нос, ни уши, ни другие отверстия не были украшены. Нам оставалось только подивиться бедности и скупости тех существ, которые изваяли это уникальное животное.

Теперь, когда мы осознали тщетность наших надежд на немедленное обогащение, пришло время уделить внимание окружающей обстановке. Только тогда мы почувствовали отвратительный незнакомый запах, о котором я уже упоминал. Но теперь зловоние неприятно усилилось. Казалось, оно исходило из бронзовой чаши, которую мы тут же бросились изучать, хотя и не надеялись, что обследование принесет выгоду или хотя бы будет приятным.

Я уже упоминал, что чаша была очень большой. Ее размеры, по сути, составляли не менее шести футов в диаметре и трех футов в глубину, а края находились на

уровне плеча высокого мужчины. Чашу поддерживали три изогнутые массивные ноги, изображавшие тигриные лапы, выпустившие когти. Подойдя ближе и заглянув внутрь, мы увидели, что чаша заполнена какой-то вязкой полужидкой субстанцией, черной и мутной. Оттуда-то и распространялся по всей часовне отвратительный тошнотворный запах. Но воняло не гнилью, а каким-то грязным мерзким болотным существом. Эту вонь было почти невозможно терпеть, и мы уже чуть не повернули назад, как вдруг заметили слабое шевеление на поверхности черной жидкости, словно внутри проснулось какое-то подводное животное и решило выбраться наружу. Внезапно движение усилилось, мутная жидкость забурлила, и мы, оцепенев от ужаса, увидели, как странная аморфная голова с тусклыми глазами навыкате медленно поднялась над поверхностью. Злые глаза уставились на нас, затаив страшную ненависть. Потом показалась шея, которая вытягивалась все больше и больше, и, наконец, постепенно поднялись две руки, если только их можно было назвать руками, и мы увидели, что ошибались, думая, что существо жило на дне жидкости. Мы поняли, что отвратительная шея и голова образовывались из этой жидкости, из которой теперь формировались проклятые руки, тянувшиеся в нашу сторону своими щупальцами, тут же выраставшими вместо пальцев.

Даже во сне мы никогда не испытывали подобного ужаса, и никогда не представляли, что можно так сильно испугаться. Мы всегда бесстрашно совершали свои самые опасные ночные вылазки, а теперь внезапный страх лишил нас дара речи, но не заставил замереть на месте. Мы отпрянули от чаши, но в тот же миг, прямо на наших глазах, жуткая шея и мерзкие руки вытянулись. Затем и вся темная жидкость начала подниматься. Намного быстрее, чем сок суваны стекает с моего пера, она перелилась через край чаши, словно поток черной ртути. Как только существо коснулось пола, оно вытянулось и приняло форму змеи. Из извивающегося змеиного тела сразу же показалось более дюжины коротких лап.

Мы испытали такой немыслимый ужас перед протоплазменной жизнью, которая в самой отвратительной форме растянулась перед нами, оставляя за собой следы

первобытной слизи и собираясь поглотить нас, что даже не успели толком рассмотреть своего врага и осознать происходящее. Мы ни на секунду не задумались о последствиях, настолько ужасно выглядело чудовище. Это существо проявляло по отношению к нам удивительную враждебность и с потрясающей очевидностью демонстрировало свои намерения. Оно непредсказуемо быстро поползло в нашу сторону, постепенно раскрывая свой беззубый громадный рот. Чудовище изумленно оглядело нас и высунуло язык, развернувшийся, будто длинная змея. Его пасть полностью раскрылись, так же эластично, как и любое другое его движение.

Тут-то мы поняли, что настало время делать ноги из часовни Тсатоггуа. Отвернувшись от отвратительного чудовища, мы одним махом перескочили через порог этой жуткой часовни и, очертя голову, бросились бежать по освещенным луной пригородам Комориона. Нам приходилось заворачивать за угол каждого дома, чтобы как можно лучше замести следы. Бегая вокруг дворцов давно забытых аристократов и многочисленных складов купцов, мы подсознательно выбирали такие места, где росли самые мощные и высокие деревья. Наконец, в глухом переулке, откуда не было видно ни одного дома, мы остановились и, набравшись смелости, оглянулись.

И Тиров Омпаллиос, и я едва дышали, задыхаясь от быстрого бега, чуть не надорвав свои легкие от героических усилий. Накопившаяся за день усталость со всей тяжестью обрушилась на нас. Но как только мы увидели, что черное чудовище, чуть ли не наступая нам на пятки, преследовало нас легко и непринужденно, напоминая не то извивающуюся змею, не то поток, спускающийся с горы, наши ноги внезапно перестали дрожать. Мы вновь без оглядки бросились вперед, с предательски освещенной дороги в густые джунгли, бежали, не разбирая дороги, надеясь скрыться от преследователя в лабиринте стволов, лиан и гигантских листьев. Мы в клочья изорвали нашу одежду и исцарапались, попав в заросли колючей ежевики, но продолжали стремительно убегать прочь от преследователя. Спотыкаясь о корни и поваленные деревья, натыкаясь в темноте на огромные стволы и гибкие молодые деревца, стремившиеся обвиться вокруг нас, мы слышали

шипение древесных змей, которые плевались ядом с верхних веток, и различали грозное рычание и вой невидимых во тьме зверей, которым наступали не то на лапы, не то на хвосты, не замечая ничего вокруг. Но мы так больше и не осмелились ни остановиться, ни оглянуться.

Должно быть, прошел не один час с тех пор, как страшная тварь бросилась за нами в погоню. Луна и без того слабо светила сквозь густую листву, а теперь она опустилась ниже и затерялась среди больших пальмовых листьев и спутанных ползучих растений. Но именно тусклый свет заходящей луны спасал нас от отвратительного болота, из которого торчали пучки трав и местами выпирали кочки, скрывающие опасную зловонную топь. Мы безостановочно и бездумно бежали вдоль кромки этого болота, не имея возможности даже сориентироваться, куда лучше ринуться в следующий момент, а следом мчался наш проклятый преследователь.

Наконец, луна зашла. С этих пор наши метания по лесу стали более беспорядочными и рискованными. Словно в кошмарном бреду, изможденные и отчаявшиеся, устав от изнурительной борьбы с бесконечными препятствиями, которые мы, по большому счету, не осознавали, мы прорывались сквозь ночь, цеплявшуюся за нас и мешавшую нам, будто зловещий груз, словно волочащийся следом шлейф чудовищной паутины. Казалось, чудовище, скользившее позади, благодаря своему неестественно гибкому телу, способному вытягиваться, и быстроте передвижения, могло схватить нас в любой момент, но, очевидно, решило продлить себе удовольствие. Всю ночь мы пребывали в состоянии нескончаемого ужаса. Но так ни разу не остановились и не оглянулись.

Среди деревьев, где-то вдалеке, забрезжил тусклый рассвет, предвещая наступление утра. Смертельно уставшие, мечтая лишь найти безопасное место, где можно было бы передохнуть, пусть даже в какой-нибудь нечестивой гробнице, мы с надеждой побежали к свету и, спотыкаясь, выскочили из джунглей на мощеную дорогу, ведущую между домами из гранита и мрамора. Окончательно раздавленные тяжестью навалившейся усталости, мы начали смутно понимать, что попали в замкнутый круг, и теперь снова вернулись в окрестности Комориона. Перед нами,

всего в нескольких шагах, высилась темная часовня Тсатоггуа.

Мы отважно оглянулись и прямо перед собой увидели мягкое тело чудовища. Его ноги удлинились, и теперь оно нависало над нами всей своей массой. Тело существа разрослось до таких размеров, что оно смогло бы одним махом проглотить нас обоих. Оно скользило следом за нами легко и уверенно, с невыносимо ужасным и циничным намерением нас съесть. Мы ворвались в часовню Тсатоггуа. Дверь с тех пор, как мы ее открыли, так и осталась распахнутой. Немедленно захлопнув за собой дверь, подгоняемые страхом и отчаянием, мы с нечеловеческим усилием ухитрились сдвинуть с места один из заржавевших засовов.

Узкие лучи холодного и мрачного рассвета падали на пол через расположенные высоко на стене окна. Мы попытались успокоиться, с воистину героическим смирением ожидая, что приготовила для нас судьба. Пока мы сидели внутри часовни, бог Тсатоггуа разглядывал нас еще более злобно, чем раньше. Теперь он казался нам другим, нежели при свете факела: каким-то по-глупому приземистым и уродливым.

Помнится, я уже говорил, что дверь посередине выкрошилась и в нескольких местах высыпалась. Теперь я увидел, что под воздействием времени образовалось три небольших отверстия, через которые просачивался дневной свет. Через них, например, внутрь часовни могло проникнуть небольшое животное размером со змею. Почему-то именно эти дырки приковали к себе наше внимание.

Но недолго мы наслаждались проникавшим сквозь них светом. Внезапно во всех трех отверстиях стемнело, и вскоре черное вещество начало стекать из них тремя струями вниз по двери на плиты пола, где вновь сливалось в одно целое, приобретая форму существа, которое нас преследовало.

— Прощай, Тиров Омпаллиос,— закричал я из последних сил, которые мог собрать. Затем ринулся вперед и спрятался за толстой фигурой Тсатоггуа, достаточно большой, чтобы скрыть одного человека из поля зрения чудовища, но, к сожалению, слишком маленькой, чтобы служить убежищем для двоих. Тиров Омпаллиос побежал

было следом за мной, вдохновленной такой же похвальной мыслью спастись, но я оказался проворнее. Увидев, что для нас обоих не хватит места позади Тсатоггуа, он тоже крикнул мне что-то на прощание и залез в большую бронзовую чашу. Она оставалась единственным предметом во всей часовне, в которой можно было мгновенно спрятаться.

Выглядывая из-за спины отвратительного божества, единственным достоинством которого была толщина брюха и ляжек, я наблюдал за действиями чудовища. Как только Тиров Омпаллиос исчез из виду в трехногой чаше, жуткое создание взвилось вверх, словно черный столб, и зависло над чашей. Голова его начала менять форму, пока глаза, нос и рот не превратилась лишь в смутные очертания посередине аморфной туши без рук, ног и шеи. Существо нависло над чашей, собирая все свое тело в одну общую массу в виде заостренного хвоста, а, затем, будто падающая океанская волна, бросилось на Тирова Омпаллиоса. Все чудовищное тело, казалось, раскрылось, образовав огромный рот, нырнуло в чашу и пропало из вида.

Я едва переводил дух от ужаса, приготовившись к худшему, но из чаши не раздавалось ни единого звука. Все замерло. Не было слышно даже стонов Тирова Омпаллиоса. Наконец, с тревогой в глазах, перемещаясь очень осторожно, я отважился выбраться из-за спины Тсатоггуа, и, пройдя на цыпочках мимо чаши, умудрился добраться до двери.

Теперь, для того чтобы выбраться на свободу, нужно было лишь отодвинуть засов и открыть дверь. Но я панически боялся сделать это, не желая шуметь. Конечно, было бы крайне неблагоразумно беспокоить существо в чаше, пока оно переваривало Тирова Омпаллиоса, но, казалось, другого пути не было, если я хотел когда-нибудь вырваться из этой проклятой часовни.

Но как только я отодвинул засов, из чаши с дьявольской скоростью вылетело одно щупальце и, вытянувшись через все помещение, вцепилось мертвой хваткой в запястье моей правой руки. Вещество, из которого состояло щупальце, не было похоже ни на что, к чему я когда-либо прикасался. Оно оказалось невероятно вязким, липким и холодным, отвратительно мягким, как вонючая грязь бо-

лота, и колючим, как заостренный металлический наконечник. Щупальце начало сжиматься, мучительно всасываясь в мою кожу. Я громко вскрикнул, почувствовав, как оно стянуло мое запястье, врезаясь в него, словно лезвие ножа. Пытаясь вырваться, я распахнул дверь и рухнул на порог. Я далеко не сразу осознал, что оказался на свободе. Сильная боль заставила меня посмотреть на свою правую руку, и к своему ужасу я обнаружил, что вместо нее остался странный короткий обрубок, с которого капала кровь. Тогда, заглянув внутрь часовни, я увидел, как щупальце постепенно отступало, укорачиваясь, пока не исчезло за краем чаши, утащив туда и мою пропавшую руку, чтобы присоединить ее к останкам Тирова Омпаллиоса.

ПРИШЕСТВИЕ БЕЛОГО ЧЕРВЯ

Маг Эваг, живший рядом с северным морем, заметил, что в середине лета происходит слишком много странных и несвоевременных чудес. Солнце в небе над Му Таланом, ясном и бледном, как лед, почти не грело. По вечерам в зените над землей сверкало северное сияние, словно гобелен под потолком высокого зала богов. В этот год цветы маков были тусклыми, а анемоны в скрытых скалами долинах за домом Эвага почти совсем не выросли. Фрукты в его огороженном саду не дозревали, оставаясь бледными, с зеленой сердцевиной. Каждый день маг наблюдал, как птицы стаями летят с северных островов за Му Таланом, а по ночам слышал их крики. Птицы летели на юг в совершенно неподходящий для перелета сезон.

Эвага крайне обеспокоили эти перемены, потому что даже его магия оказалась бессильной полностью объяснить их происхождение. Грубые рыбаки, жившие на берегу у подножия скалы, на которой стоял его дом, тоже не на шутку испугались. Изо дня в день летом они уплывали на своих рыбачьих лодках, сплетенных из ивовых прутьев и обтянутых лосиными шкурами, в море, забрасывали сети, но сети по большей части приносили только дохлую замерзшую рыбу, погибшую от слишком сильного холода. И это в то время, когда лето в самом разгаре! После этого лишь немногие могли питаться дарами моря.

На севере, среди арктических островов обычно плавали суда из Сернгота. Этим летом ветер и течение прибили к берегу галеру. Ее весла безжизненно повисли вдоль бортов, а руль бесцельно вращался. Прилив вынес ее на сушу и оставил на песке, среди рыбачьих лодок, у подножия той самой скалы, где возвышался дом Эвага. Рыбаки столпились перед галерой, рассматривая застывших за веслами гребцов. Лица и руки всех моряков были белыми, как у прокаженных, а зрачки широко открытых глаз странно побелели, сливаясь с белками глаз, бледных от ужаса, словно лед глубоких озер, в одно мгновение промерзших до дна.

Рыбакам очень не хотелось прикасаться к мертвым морякам. Они ворчали, решив, что на море обрушился злой рок, и все и вся, связанное с морем — проклято. Но Эваг, считая, что под лучами солнца тела мертвецов покраснеют и станут источником чумы, приказал рыбакам обложить галеру прибитыми к берегу бревнами и досками, и когда забор поднялся выше борта, скрыв из вида мертвых гребцов, он собственноручно поджег его.

Огонь взвился высоко в небо. От погребального костра повалил черный дым, словно штормовая туча, клубящаяся от ветра. Когда костер потух, тела гребцов по-прежнему сидели среди россыпи догорающих углей, а их руки все так же тянулись вперед, будто держась за весла, их пальцы не разжимались, но весла выпали из рук, превратившись в головни и пепел. Капитан галеры все еще навытяжку стоял на своем месте, а обгоревший штурвал лежал у его ног. Даже одежда на телах моряков сгорела, и теперь они казались мраморными статуями, возвышавшимися над деревянными углями. Огонь не оставил на их телах ни единого черного пятна.

Уверенные, что это плохое предзнаменование, рыбаки поразилась увиденному и быстро разбежались, попрятавшись за скалами. Однако маг Эваг подождал, пока головни остынут.

Угли быстро потемнели, но дым и в полдень, и после полудня все еще поднимался над ними. День уже клонился к вечеру, а они так и не остыли, не давая возможности магу пройти по ним. На закате Эваг принес несколько ведер морской воды и вылил их на золу и угли, чтобы подобраться к телам. После того, как дым и шипение

утихли, он приблизился к матросам, но почувствовал такой сильный холод, что у него заболели руки и уши. Ледяной мороз внезапно проник под его меховую куртку. Подойдя вплотную к мертвецам, он прикоснулся к одному из них кончиком указательного пальца, и, несмотря на то, что маг в то же мгновение отдернул руку, его обожгло, словно огнем.

Эваг очень удивился. Он никогда еще не встречался с подобным колдовством, и в своих занятиях магией ему не попадалось ничего, что могло бы объяснить этот процесс.

Колдун вернулся домой поздно вечером и зажег у каждого окна и перед дверью камедь, которую не переносили северные демоны. После чего маг с особым вниманием прочитал рукописи Пнома, где приводились различные сильные заклинания против белых духов севера. Именно эти духи, как показалось Эвагу, наложили проклятие на команду галеры, и колдун никак не мог понять, что же они предпримут дальше.

Ближе к полуночи, несмотря на то, что в камине потрескивали сосновые и терпентинные поленья, смертельный холод начал заполнять воздух. Пальцы Эвага, переворачивавшие пергаментные листы, занемели, и он едва мог пошевелить ими. А холод постоянно усиливался, замедляя и леденя кровь. Маг чувствовал, что в лицо ему дохнул ледяной воздух. При этом тяжелые двери и надежно застекленные окна были плотно закрыты, а огонь в камине горел настолько ярко, что подбрасывать дрова в него не было нужды.

Веки глаз, закостенев, перестали двигаться. Полуприкрытыми глазами Эваг различил, что в комнате стало светлее от странного свечения, лившегося через окна, выходящие на север. Проникавший в комнату бледный луч падал прямо туда, где сидел маг. У него аж резь появилась в глазах от холодного излучения, и мороз все крепчал вместе с усиливавшейся яркостью луча. Казалось, от этого странного света и исходит ледяной ветер. Воздух превратился в редкий химический элемент, непригодный для дыхания, как, например, эфир. Напрасно пытался Эваг вытянуть из оцепенелой памяти заклинания Пнома. Из его тела тонким ветерком выдуло жизнь, и он упал в обморок, близкий к смерти. Ему слышались различные

голоса, произносившие незнакомые заклинания, пока холодный свет и ледяной воздух волнами накатывал и отступал словно морской прибой. Временами у колдуна создавалось впечатление, что его глаза и тело закалялись, готовясь вытерпеть мороз... Вот он вздохнул еще раз, и его кровь вновь побежала по жилам, он вышел из транса и поднялся, будто очнувшийся от смерти.

Через окна на него мощным потоком лился странный свет. Но маг чувствовал лишь прохладу, естественную для ночи позднего лета. Его тело оттаяло. Выглянув из окна, Эваг стал свидетелем странного чуда: над гаванью возвышался айсберг, такой огромный, какого еще ни разу не встречало ни одно ушедшее к северу судно. Ледяная глыба полностью заполнила широкую гавань, от берега до берега, уходя вертикально ввысь, испещренная трещинами, с нагроможденными тут и там выступами. Ее острые вершины, напоминавшие башни, стремились к зениту. Айсберг был крупнее и круче, чем гора Ярак, возвышавшаяся на северном полюсе. Именно он излучал морозный свет, более белый и яркий, чем свет полной луны.

На берегу по-прежнему лежали обгорелые остатки галеры и посреди них — тела, не сгоревшие в огне. Но теперь к ним добавились тела рыбаков, застывших в неподвижных позах на песке вдоль скал. Они стояли, словно живые, будто пришли посмотреть на огромный айсберг и попали под чары магического сна. Весь берег вдоль бухты и сад Эвага наполнились мертвенно-бледным великолепием. Все живое сковал мороз.

Невероятно удивившись, Эваг собрался уже выйти из дома, но не успел он сделать и трех шагов, как снова полностью оцепенел, и тут же, избежав смертельной ловушки, погрузился в глубокий сон.

Когда он проснулся, солнце уже встало. Выглянув, он увидел новое чудо: его сад, скалы и морской песок внизу исчезли. Вместо них вокруг дома оказалась ровная ледяная равнина с высокими ледяными пиками. За краем льда он увидел море, простиравшееся внизу, вдали от его дома, а за морем различил очертания низкого туманного берега.

Теперь Эвага охватил ужас. Он понял, что виной всему колдовство, намного превосходящее по своей силе возможности людей-волшебников. Было совершенно ясно,

что его прочный гранитный дом уже больше не стоит на берегу Му Талана, а переместился на один из утесов громадного айсберга, внезапно появившегося в ночи. Дрожа всем телом, колдун преклонил колени и начал молиться Древним, которые таились в подземных пещерах, в морских пучинах или во внеземном пространстве. Как только маг начал молиться, он услышал громкий стук в дверь.

Исполненный страха, он поднялся и открыл дверь. Перед ним стояли два человека, одетые в плащи из расшитого рунами материала, который обычно носят маги. Однако руны были странные и незнакомые. Люди, впрочем, обратились к нему на диалекте гиперборейских островов, и Эваг кое-что понял из их речи.

— Мы служим Внеземному Владыке, чье имя Рилим Шайкорт,— объявили они.— Из дальних миров, расположенных за пределами северных границ мира, он приплыл сюда в своей цитадели — ледяной горе Йикилт, источающей невероятный холод и бледное великолепное свечение, разрушающие человеческое тело. Из всех жителей острова Туласка он оставил в живых только нас, закалив наши тела и приспособив их тем самым к суровым условиям жизни. Теперь мы можем вдыхать воздух, пагубный для любого смертного. Наш Владыка взял нас с собой в морское путешествие на Йикилте. Он также пощадил и тебя, сделав своими заклинаниями стойким к морозу и легкому эфиру. Приветствуем тебя, о, Эваг. Мы признаем тебя как величайшего мага, потому что только самые могущественные из магов избраны для путешествия и избавлены от смерти.

Эваг невероятно удивился, но, видя, что теперь ему предстоит общаться с такими же, как и он сам, людьми, попытался поподробнее расспросить двух магов из Туласка. Их звали Дуни и Укс Лодхан, они оказались знатоками учений древних богов. Они не рассказали ему ничего о Рилиме Шайкорте, но признались, что их собственное служение этому существу заключается в особом почитании, сопровождающемся отречением от всего, что когда-либо объединяло их с человечеством. Маги сообщили Эвагу, что он должен немедленно предстать вместе с ними перед Рилимом Шайкортом и выполнить надлежащий ритуал поклонения, приняв на себя обет отчуждения.

Итак, Эваг отправился вместе с ледяными колдунами. Они провели его на громадную ледяную вершину, которая, не тая, возвышалась над всеми своими собратьями под летним солнцем. Вершина оказалась полой, и, взобравшись по ледяным ступеням, они втроем, наконец, вошли в зал Рилима Шайкорта с круглым возвышением по центру, образующим престол.

При первом же взгляде на существо, находившееся на престоле, сердце Эвага чуть не остановилось от ужаса; от жуткого зрелища, представшего его взору, мага чуть не вытошнило. Он не знал таких слов, чтобы выразить всю омерзительность Рилима Шайкорта. Хозяин айсберга походил на жирного белого червя, но по своим размерам превышал большого морского слона. Его сложенный полукольцом хвост был такой же толщины, как и центральная часть тела, передняя часть которого с нечеткими чертами лица возлежала на престоле в форме белого круглого диска. Посреди лица располагался грязный изогнутый рот, который существо постоянно то открывало, то закрывало, демонстрируя бледную глотку, без языка и зубов. В глазных впадинах, посаженных очень близко друг к другу над мелкими ноздрями, не было глаз, однако время от времени в них появлялись шарики из непонятного вещества цвета крови, по форме напоминавшие глазные яблоки. Эти шарики каждый раз лопались, и кровавые капли падали на пол перед престолом. Из постоянно капавшей жидкости образовалось два темно-пурпурных столбика цвета замерзшей крови, похожих на сталагмиты, поднимающиеся с ледяного пола.

Дуни и Укс Лодхан распростерлись на полу, и Эваг последовал их примеру. Лежа ничком на льду, он слышал, как падали, словно тяжелые слезы, красные капли, а затем с престола над его головой раздался голос, он напоминал звук спрятанного в леднике, испещренном пещерами, водопада.

— О, Эваг,— произнес бог.— Я сохранил тебе жизнь, предоставив возможность избежать участи других людей, и изменил тебя, сделав похожим на тех, кто живет здесь, в вечном холоде, и вдыхает безвоздушный эфир. Неизреченная мудрость и мастерство, недоступные смертным, откроют тебе свои секреты, если ты будешь поклоняться

мне и согласишься стать моим рабом. Со мной ты отправишься в путешествие по островам и королевствам земли и увидишь, как от света Йикилта людей постигнет белая смерть. Наше появление принесет человечеству вечный холод, превратит в лед растительность и уничтожит человеческую плоть суровостью трансарктических морей. Ты станешь свидетелем всего этого, являясь одним из повелителей смерти, верховным и бессмертным властелином, после чего вернешься со мной в мой мир, в мою империю.

Видя, что у него нет выбора, Эваг заявил, что он согласен поклоняться и служить белому червю. Приятели-маги рассказали, как выполнить необходимые по этому случаю обряды, которые не заслуживают того, чтобы их описывать. После ритуальных действий маг дал обет отчуждения от человечества...

Путешествие проходило, по меньшей мере, странно. Казалось, колдовская сила управляла гигантским айсбергом, плывшим против ветра и течения. Повсюду, где бы они ни появлялись, их приближение сопровождалось воздействием ледяного великолепия Йикилта на все живое. Гордые галеры замирали, и их команды молча гибли у весел. Прекрасные порты Гипербореи, еще недавно оживленно занимавшиеся морскими перевозками, утихали при приближении айсберга. Безлюдными становились улицы и пристани прибрежных городов, пустели морские пути и гавани, когда приходил, а затем удалялся бледный свет. Смертоносные лучи доставали и земли, расположенные вдали от моря. Они приносили полям и садам больший вред, чем самая лютая зима. Леса вымерзали, а звери, бродившие по ним, становились словно мраморными. Люди, которые через много веков придут в эти места, найдут и лося, и медведя, и мамонта застывшими все в тех же позах, как живые. В то же время Эваг, сидя в своем доме или расхаживая по айсбергу, не замерзал, он чувствовал лишь легкую прохладу, как летом в тени.

Теперь кроме Дуни и Укса Лодхана на айсберге появилось пять других магов, которые тоже путешествовали с Эвагом. Их отобрал сам Рилим Шайкорт и перенес вместе с домами на айсберг силой незнакомого Эвагу колдовства. Они оказались выходцами из племен, живших на островах, расположенных ближе к полюсу, чем широ-

кое побережье Туласка. Эваг почти ничего не понимал из их рассказов. Их заклинания были ему незнакомы, а речь казалась неразборчивой. Впрочем, ледяные колдуны также не знали их языка.

Ежедневно восемь магов находили на своих столах все необходимые для пропитания продукты, хотя они не знали, каким образом эта пища попадала на айсберг. Все были, казалось, едины в своем стремлении поклоняться червю. Но у Эвага становилось тяжело на сердце, когда он видел, что Йикилт постоянно уничтожает прекрасные города и процветающие прибрежные страны. С состраданием наблюдал он за гибелью города Гернгота, где раньше росло множество цветов; видел, как опустилась тишина на шумные улицы Леквана; как внезапно побелели от мороза рощи и фруктовые сады прибрежной долины Агила.

Громадный айсберг продвигался к югу, неся смертельную зиму людям, жившим там, где высоко в небе светило летнее солнце... Эваг держал свои мятежные мысли в секрете и следовал во всем примеру остальных. В определенное время, в соответствии с движением полярных звезд, маги собирались в верхнем зале, где безвылазно находился Рилим Шайкорт, наполовину свернувшись на своем ледовом престоле. Здесь они совершали ритуал, и ритм его соответствовал падению кровавых слез, которыми плакал червь. Колдуны преклоняли колени в такт с его зевками, тем самым воздавая Рилиму Шайкорту необходимое почитание. От других колдунов Эваг узнал, что червь всегда спит в новолуние, и только на это время кровяные слезы прекращают капать из его глаз, а рот неподвижно замирает, переставая закрываться и открываться.

Когда они в третий раз пришли воздать ритуальные почести червю, оказалось, что на башню взобрались только семь магов. Эваг, пересчитав их, обнаружил, что отсутствовал один из пяти иноземцев. Позднее он пытался расспросить Дуни и Укс Лодана, а также узнать подробности у четырех других колдунов, но выяснилось, что судьба отсутствовавшего мага для всех осталась тайной. О нем никто ничего не слышал и не видел, и Эваг долго размышлял об этом происшествии. Во время церемонии в башенном зале ему даже показалось, что червь стал шире по объему и обхвату живота, чем в прошлые разы.

Тайком он спросил у ледяных магов, чем питается Рилим Шайкорт. Вопрос вызвал небольшую дискуссию, потому что Укс Лодхан настаивал, что согласно легендам червь питается только сердцами белых полярных медведей, тогда как Дуни клялся, что на самом деле он поглощает китовую печень. Но, насколько им было известно, червь ничего не ел в течение всего времени их пребывания на Йикилте.

Тем временем айсберг по-прежнему следовал своим курсом, а солнце все выше поднималось над землей. Снова, в предназначенное звездами время, приходившееся на полдень каждого третьего дня, маги собрались перед червем. На этот раз их оказалось только шестеро, пропал еще один иноземец. Червь же теперь уже заметно увеличился в размере, потолстев от головы до хвоста.

Шестеро оставшихся на разные голоса умоляли червя рассказать им о судьбе, постигшей их отсутствующих товарищей. Червь ответил, и его речь была понятна всем, поэтому каждый думал, что бог обращался именно к нему на его родном языке:

— То, что случилось — тайна, но каждый из вас в свое время получит ответ на этот вопрос. Знайте одно, двое исчезнувших незримо присутствуют здесь, и наравне с вами разделят, как я и обещал, внеземное учение и познают могущество Рилима Шайкорта.

Когда влолшебники спустились с башни, Эваг решил обсудить с ледяными колдунами значение этого ответа. Эваг придерживался мнения, что их пропавшие товарищи действительно присутствовали в зале, но только находясь в животе у червя, ледяные колдуны, в свою очередь, доказывали, что эти люди подверглись мистической трансформации и теперь вознеслись в иное измерение, находясь за пределами человеческого видения и слуха. Они тут же начали готовиться, изнуряя себя молитвами и постом, к чему-то возвышенному, что, как они ожидали, придет к ним в свое время. Но Эваг не мог поверить в искренность заверений червя, и сомнение, а вместе с ним и страх, поселились в его душе.

Чтобы найти хоть какие-нибудь следы пропавших товарищей и разрешить сомнения, он решил обследовать громадный айсберг, на уступах которого его собственный

дом и жилища других магов примостились, как маленькие хижины рыбаков на скалах у океана. Поисками он занимался один, остальные отказались сопровождать его из боязни вызвать недовольство червя. Эваг бродил из конца в конец ледяной глыбы совершенно беспрепятственно, с риском для жизни взбирался на крутые верхние откосы, спускался в глубокие расщелины и пещеры, куда не добиралось солнце, и где не было другого света, кроме странного свечения неземного льда. Эваг видел постройки, покоившиеся среди стен и камней нижнего слоя ледника, которые никогда не строил человек, и корабли, принадлежавшие, возможно, другому времени или иным мирам, но он нигде так и не обнаружил ни одного живого существа. Ни один дух и ни одна тень не отозвались на его магические вызовы.

Итак, Эваг все еще боялся предательства со стороны червя и решил не спать в ту ночь, которая предшествовала следующему ритуальному собранию. Накануне вечером он убедился, что остальные пятеро магов остались в своих домах, а затем сам сел у окна и начал внимательно следить за входом в башню Рилима Шайкорта, который был хорошо виден из окон его собственного дома.

Сверхъестественным и холодным светом мерцал в темноте большой айсберг, озаряя все вокруг лучами, словно исходившими от замерзших звезд. С востока над морем поднялась луна. Эваг, дежуривший у окна до полуночи, видел, что ни одно существо не появилось из башни, и никто не вошел в нее. В полночь на него напала внезапная дремота, и он не смог продолжать свое наблюдение и, глубоко заснув, проспал до утра.

На следующий день под ледяным сводом собралось только четверо магов, возносивших молитвы Рилиму Шайкорту. Эваг видел, что на этот раз пропало еще двое чужестранцев, людей грузных и малорослых по сравнению с их товарищами.

С тех пор постепенно, ночью, предшествующей церемонии поклонения, товарищи Эвага исчезали. Настал момент, когда, после очередного исчезновения, только Эваг, Укс Лодхан и Дуни пришли в башню, а затем лишь Эваг и Укс Лодхан вдвоем. Ежедневно ужас все больше охватывал Эвага. Он бросился бы в море с Йикилта, если бы

Укс Лодхан, предугадав его намерение, не предупредил его, что ни один человек не сможет уйти отсюда и жить в солнечном тепле и вдыхать земной воздух, после того, как привык к морозу и разреженному эфиру.

Как-то раз, когда луна потускнела и полностью исчезла с небосвода, пришло время подниматься к Рилиму Шайкорту. Эваг шел с бесконечной тревогой в сердце, неохотно и тяжело передвигая ноги по ступеням. Войдя в помещение с опущенными глазами, он обнаружил, что остался один.

Его парализовал страх, но он почтительно склонился, все еще не решаясь поднять глаза и взглянуть на червя. Вскоре, преклонив колени, как обычно, он обратил внимание, что красные слезы Рилима Шайкорта больше не падали на пурпурные сталагмиты, и не раздавалось больше никаких других звуков, как это бывало раньше, когда червь попеременно то открывал, то закрывал рот. Отважившись, наконец, взглянуть наверх, Эваг увидел отвратительно распухшую бесформенную тушу чудовища, настолько растолстевшего, что его бока свешивались с краев престола, и он увидел, что рот и глазные впадины червя закрыты во сне. Тогда он вспомнил, как маги из Туласка рассказывали ему, что червь спит во время каждого новолуния.

Эваг сильно смутился, потому что обряд, который он выучил, мог выполняться как следует, только когда капали слезы Рилима Шайкорта, а его рот закрывался и открывался с размеренной очередностью. Никто не сообщил ему, какие ритуалы можно выполнять во время сна червя. И с сомнением в голосе он тихо спросил:

— Ты ведь не спишь, о, Рилим Шайкорт?

В ответ, как ему показалось, раздалось множество голосов, которые каким-то образом исходили из бледной раздувшейся туши, распростертой перед ним. Звук доносился, словно издалека, но маг ясно различил акцент Дуни и Укса Лодхана. Кроме них, не так отчетливо, слышались непонятные слова, произносившиеся низкими голосами, в которых через несколько мгновений Эваг узнал произношение пяти иноземных колдунов. Вслушиваясь внимательнее, он разобрал, как ему казалось, многочисленные едва доносившиеся до его слуха второстепенные звуки,

которые не принадлежали ни одному из земных созданий. Ропот усиливался, несчастные откуда-то издалека, словно из глубокой темницы, молили его о спасении.

Эваг слушал доносившиеся голоса в страхе и смятении. Внезапно, шум и шепот затихли, и раздался отчетливый голос Дуни, как будто огромная толпа замолчала, чтобы услышать оратора. И Эваг различил слова Дуни, произнесшего длинную речь.

— Червь спит, но мы, те, кого червь проглотил, бодрствуем. Он предательски обманул нас, потому что приходил в наши дома ночью, проглатывал нас одного за другим, пока мы спали, убаюканные его чарами. Он съел наши души вместе с нашими телами, и теперь мы действительно стали частью Рилима Шайкорта, находясь в вечной темноте, в этой шумной тюрьме, пока червь бодрствует. Мы теперь не отдельные существа, а составные части тела и души Рилима Шайкорта. Слушай же, о, Эваг, правду, которую мы узнали благодаря нашему единению с червем. Он спас нас от белой смерти и взял на Йикилт только ради себя, потому что мы, величайшие маги, обладающие огромным мастерством,— единственные из всего человечества, кто может выдержать смертельные для других тепловые изменения и вдыхать безвоздушный эфир. После этих перемен мы, в конце концов, становимся пригодными для его питания. Велик и ужасен сам червь, и то место, откуда он пришел и куда возвратится, не может себе даже представить ни один смертный. Этот червь знает все, кроме одного. Он не ведает, что те, кого он проглотил, пробуждаются и бодрствуют во время его сна. Но червь, хотя он и древнее, чем сам мир, не бессмертен, у него есть уязвимое место. Любой, кто знает время и способ, как его убить, и кто обладает достаточным для этого мужеством, легко может расправиться с чудовищем. Поэтому мы умоляем тебя сейчас с верой в Древних вынуть кинжал, который ты носишь под плащом, и воткнуть его в бок Рилима Шайкорта, ибо это единственное средство его уничтожить. Только так можно остановить продвижение бледной смерти, и мы, твои товарищи, обретем свободу, выйдя из слепого рабства и заточения, а с нами многие и многие, те, кого червь обманул и съел в древности в других мирах. Только убив его, ты избежишь

нашей судьбы и не останешься навсегда среди других душ в его чреве. Но знай, что тот, кто убьет Рилима Шайкорта, при этом погибнет сам.

Эваг с удивлением стал задавать разные вопросы Дуни, и тот с готовностью отвечал на них. Он многое узнал о происхождении и сущности червя и о том, каким образом Йикилт смог попасть из заполярных заливов в другие моря Земли. Но чем больше он слушал, тем больше возрастало его отвращение, несмотря на то, что занятия черной магией давно закалили его тело и душу, сделав его бесчувственным к самым различным ужасам. Но о том, что он узнал, даже упоминать не стоит.

Наконец в зале наступила тишина. Эвагу больше не хотелось расспрашивать дух Дуни, а те, кто был заточен внутри чудовища вместе в Дуни, казалось, ждали, наблюдая за ним в гробовой тишине.

Затем, будучи человеком решительным и отважным, Эваг не стал больше медлить. Он вынул из ножен из слоновой кости короткий, хорошо закаленный бронзовый кинжал, который всегда носил на перевязи. Приблизившись к престолу, маг глубоко воткнул лезвие в разбухшую тушу Рилима Шайкорта.

Кинжал легко вошел в тело червя, как будто он проткнул большой пузырь, даже широкий эфес не помешал клинку втягиваться внутрь туши, врезаясь в бок чудовища все глубже, и вскоре правая рука Эвага целиком вслед за кинжалом вошла в рану.

Червь не вздрогнул и ни шевельнулся, однако из раны внезапно хлынул поток черной жидкости. Ее становилось все больше и больше, и вытекала она все быстрее. Кинжал выскочил из руки Эвага. Жидкость оказалась намного горячее крови, от нее поднимался странный зловонный туман Черные брызги перепачкали одежду мага, неприятное вещество струилось по его рукам. Жидкость быстро растеклась по льду вокруг его ног, но не прекращала литься, словно из неиссякаемого грязного источника, в разные стороны ручьями и лужами.

Эваг хотел было убежать, но черная жидкость, пузырясь, растекалась во все стороны, поднявшись почти до его лодыжек. Когда он добрался до лестницы, черный поток хлынул вниз по лестнице, как водопад. Жидкость

становилась все горячее, она кипела и пузырилась, а бурный все усиливавшийся поток, казалось, хотел утащить колдуна вслед за собой. Эваг не стал даже пытаться спускаться по лестнице, но в зале он тоже не видел подходящего места, куда бы можно было забраться, чтобы спастись. Он повернулся обратно, сопротивляясь течению и пытаясь найти хотя бы какую-нибудь опору для ног. Маг с трудом разглядел сквозь испарения покоящуюся на троне тушу Рилима Шайкорта. Рана расширилась невероятным образом, и теперь из нее лился поток, словно вода из прорвавшейся плотины, а в качестве еще одного доказательства неземной природы бога, Эваг увидел, что объем червя совершенно не уменьшился. Черная жидкость продолжала литься из бледного тела смертельным потоком, поднявшись до колен мага, она кружилась вокруг него, а испарения, казалось, принимали формы бесконечного количества разных призрачных образов. Эти тени извивались и распадались, словно в тумане, проплывая мимо колдуна. Затем, шатавшегося и кружившегося на одном месте в жутком водовороте человека, стоявшего у лестницы, подхватил черный поток. Тело Эвага замертво упало на ледяные ступени у входа в башню.

В этот день на море, к западу от центральной части Гипербореи, команды нескольких купеческих галер наблюдали неслыханное явление. Они шли на север с далеких океанских островов, возвращаясь с попутным ветром, помогавшим им грести. Внезапно в середине дня они заметили гигантский айсберг, башенки и утесы которого уходили высоко в небо, как горы. От айсберга исходил зловещий свет, а с его самого высокого пика лился черный, как чернила, поток, стекавший вниз по ледяным скалам и уступам широкой черной рекою с бурными водопадами. Попадая в море, жидкость дымилась, словно кипящая вода, и море вокруг айсберга тоже бурлило и вода была темной, будто от черной жидкости каракатицы.

Моряки боялись подходить ближе. От страха и удивления они побросали весла и замерли, наблюдая за действом. Ветер стих, и галеры весь день дрейфовали вблизи ледяной глыбы. Айсберг быстро уменьшался, тая, как будто какой-то неизвестный огонь пожирал его, воздух тем временем становился все теплее. Лишь изредка налетали

порывы арктического холодного ветра. Вода вокруг их судов тоже становилась теплее. Скала за скалой, лед таял и обрушивался в море, большие куски падали в воду с громкими всплесками, обвалился и верхний пик, но чернота все еще изливалась откуда-то, словно из неукротимого фонтана. Наблюдавшим иногда казалось, что они видели строения, падающие в море среди обломков льда, но они не были уверены в этом из-за постоянно поднимавшегося тумана. К вечеру айсберг уменьшился до размеров обычной плавучей льдины. Вскоре чернота залила ее целиком, и льдина ушла глубоко под воду, а вместе с ней погас и зловещий свет. Из-за того, что ночь была безлунной, льдина окончательно пропала из виду. Поднялся сильный южный ветер, и к рассвету на море не осталось никаких следов льда...

Обо всем этом в Му Талане, в королевствах и на архипелагах Гипербореи ходило много различных легенд. Среди них, впрочем, нет ни одной правдивой, потому что никто из смертных не знал до сих пор, как все было на самом деле. Но я, колдун Эйбон, вызвал с помощью магии блуждающую по волнам душу Эвага и узнал от него подлинную историю появления червя. Я записал ее в свою книгу с некоторыми пропусками, необходимыми для того, чтобы пощадить человеческую слабость и брезгливость. И люди будут читать это повествование, вместе со многими другими рассказами о стародавних временах, через много лет после наступления великого обледенения и последующего таяния льдов.

СЕМЬ ИСПЫТАНИЙ

Лорд Ралибар Вуз, главный магистр Комориона и третий кузен короля Хомквата, выехал в поисках добычи, водившейся в черных Эйглофианских горах, со своими двадцатью шестью наиболее доблестными вассалами. Оставив менее опытным поклонникам охоты больших ленивцев и летучих мышей-вампиров в джунглях, а также маленькую, но свирепую самку динозавра, Ралибар Вуз и его спутники быстро продвигались вперед и прошли за день расстояние от столицы Гипербореи до пункта назначения. Голые скалы и мрачные уступы горы Вурмисадрет, самой высокой из всех Эйглофианских гор и практически недоступной, нависали над ними, раскалывая солнце на части темными вулканическими пиками в полдень и полностью скрывая его из вида, заслоняя плотной стеной во время заката. Отряд провел ночь под самой низкой скалой Вурмисадрета, выставив на ночь охранников, чтобы они подбрасывали сухие сучья в костер и прислушивались к диким собачьим завываниям, раздававшимся в вызывающей ужас высоте. Так выли человекоподобные дикари, вурмисы, давшие название и самой высокой горе. До охотников доносились рев катоблепов, которых преследовали вурмисы, и дикое рычание саблезубого тигра, то усиливавшееся, то стихавшее, и Ралибар Вуз думал, что эти звуки предвещают удачную завтрашнюю охоту.

Он рано поднял своих людей, и, позавтракав вяленой медвежатиной с темным кислым вином с бодрящими

свойствами, они немедленно начали подниматься на гору. Верхняя часть ее была изрыта пещерами, в которых и жили вурмисы. Ралибар Вуз не первый раз охотился на этих созданий, и многие комнаты его дома в Комморионе были увешаны их толстыми лохматыми шкурами. Они считались наиболее опасными представителями гиперборейской фауны, и даже обычное восхождение на Вурмисадрет, не сопровождавшееся встречей с ее обитателями, уже было подвигом, связанным с немалыми опасностями. Но Ралибар Вуз, увлеченный таким своеобразным видом спорта, не мог остановиться ни на чем заурядном.

Он со своими спутниками был хорошо вооружен и экипирован. Одни несли связки канатов и скальные крюки для подъема на крутые утесы. Другие волокли тяжелые арбалеты. Многие были вооружены длинными алебардами и секирами, которые, как показал опыт, оказались наиболее эффективным оружием в рукопашном бою с вурмисами. Кроме того, каждый получил что-нибудь из холодного оружия — ножей, дротиков, сабель, булав, кинжалов и зазубренных топоров. Всех охотников Ралибар Вуз снабдил куртками и облегающими штанами из кожи динозавра и обул в шипованные горные ботинки, а сам надел легкую медную кольчугу, гибкую, как материя, не стесняющую движений. Он взял щит из мамонтовой шкуры с длинным бронзовым шипом по центру, который можно было использовать как кинжал, и, человек рослый и сильный, надел на плечи перевязь, увешанную оружием.

Эйглофианские горы имели вулканическое происхождение, но четыре их кратера считались потухшими. Несколько часов группа с трудом поднималась на грозные откосы из черной лавы и обсидиана, в то время как крутые склоны вырастали на глазах, упираясь вершинами в безоблачный зенит, недоступный человеку. Солнце поднималось намного быстрее храбрецов, теперь оно жарило их спины и нагревало скалы, и вскоре охотники начали обжигать руки о камни, как о стенку печи. Но Ралибару Вузу не терпелось поскорее обагрить оружие, и поэтому он не позволял своим вассалам задерживаться ни в темных расселинах, ни под скудной тенью редких можжевельников.

Однако казалось, что в этот день вурмисы не выходили из горы Вурмисадрет. Без сомнения, они слишком бурно

пировали ночью, когда их охотничьи возгласы доносились даже до подножия гор. Похоже, отряду на этот раз предстояло захватить потайные пещеры верхнего яруса, что тревожило даже такого отважного охотника, как Ралибар Вуз. До этих пещер человеку не добраться без специального снаряжения, поэтому обладавшие сверхчеловеческой ловкостью вурмисы обычно прятались там. Сверху они сбрасывали камни на головы нападающих. Многие пещеры были узкими и темными, и охотники, входившие в них, попадали в заведомо невыгодное положение, вурмисы же сражались с удвоенной силой, защищая своих детенышей и самок, живших во внутренних пещерах. Впрочем, самки были даже свирепее и опаснее, чем самцы.

Ралибар Вуз на ходу обсуждал со своими соратниками предстоящие им сложности, а подъем тем временем становился все более трудным и опасным. И вот они увидели над своими головами дыры нижних пещер. Ходили легенды о храбрых охотниках, которые попадали в эти пещеры и больше не возвращались, и слухи о диких обычаях вурмисов, съедавших свои жертвы, о ритуалах перед каннибальским пиром и после того, как обглодают кости пленников. Вурмисы, по глубокому убеждению большинства населения, являлись потомками обычных женщин и неких ужасных существ, которые жили в первобытные времена в пещерах, а потом переселились в недра Вурмисадрет. Где-то в глубине этой многоярусной горы до сих пор жил медлительный и смертоносный бог Тсатоггуа, спустившийся с Сатурна, как повествуют мифы, в первые годы после создания Земли. Поэтому, поклоняясь ему у черных алтарей, верующие всегда встают лицом к Вурмисадрет. Другие, менее известные, чем Тсатоггуа, существа спали в жерлах потухших вулканов или в поисках добычи рыскали в этом скрытом от солнца подземном мире, но об этих созданиях знали лишь единицы, самые сведущие волшебники-затворники.

Ралибар Вуз был человеком здравомыслящим и потому очень пренебрежительно относился ко всему сверхъестественному, чего не скрывал, а, напротив, открыто и недвусмысленно выражал свой скептицизм, если слышал, что его оруженосцы развлекают друг друга этими древними легендами. Он клялся, грубо ругаясь, что богов нет

нигде — ни над горой, ни под горой Вурмисадрет. А сами вурмисы, несомненно, отвратительнейшие твари, но вряд ли нужно объяснять их происхождение причинами, которые не подчиняются законам природы. Они просто потомки выродившегося племени аборигенов, которым пришлось спрятаться в этой вулканической крепости после того, как появились настоящие гиперборейцы.

Некоторые седоволосые ветераны лишь качали головами в ответ и ворчали, слушая такую ересь, но из уважения к высокому титулу и отваге Ралибара Вуза не осмеливались открыто спорить с ним.

После нескольких часов героического подъема охотники оказались вблизи от нижних пещер вурмисов, а под ними в широкой головокружительной перспективе расстилались прекрасные плодородные равнины и лесистые холмы Гипербореи. Пока они не заметили ни одного дикаря в этом мире черных расколотых скал с бесчисленными обрывами и расселинами сверху и снизу. Как раз над их головами, на поверхности почти отвесной скалы находилось сразу три входа в пещеру, скорее всего, отверстия для выхода вулканических газов. Большая обсидиановая часть скалы блестела, на ее поверхности оказалось лишь несколько выступов, пригодных для того, чтобы зацепиться руками. Казалось, даже проворные как обезьяны вурмисы с трудом могли бы вскарабкаться на эту стену. Ралибар Вуз после тщательного изучения откоса решил, что до пещер можно добраться единственным способом. Диагональная трещина, начинавшаяся от уступа под ними и уходившая наверх, без сомнения, позволяла входить и выходить обитателям гор.

Но сначала нужно было одолеть провал наверху, задача сама по себе уже сложная и опасная. С одной стороны длинного выступа, на котором стояли охотники, расселина извивалась вверх по стене и заканчивалась в тридцати футах от вершины. Поднявшись вдоль расселины до верхнего конца, хороший скалолаз мог забросить туда канат и крюки, зацепив их за верхнюю выступающую кромку.

В этот момент из пещер посыпались камни и мусор, подтверждая предположения охотников о пире вурмисов, а, значит, дикари действительно имели определенное преимущество над своими противниками. Среди отбросов

охотники обнаружили и человеческие останки, уже разлагающиеся, и хорошо обглоданные кости. Ралибар Вуз не на шутку разозлился на людоедов и повел двадцать шесть своих соратников на подъем, подбадриваемый их пылкостью. Вскоре он добрался до конца расщелины, где наклонный уступ позволял опереться на него ногой. После третьего броска веревка все же закрепилась, и он стал подтягиваться на руках вверх, к провалу.

Храбрец оказался на широком и относительно высоком уступе. Сама же гора уходила ввысь, возвышаясь над ним еще на две тысячи футов, словно ступенчатая пирамида. На уступе повсюду лежали россыпи черной застывшей лавы, образующие многочисленные гребни и странные завалы, похожие на пьедесталы развалившихся гигантских колонн. Сухая скудная трава и анемичные альпийские цветы там и сям тянулись из тонкого слоя темной почвы, невдалеке несколько низкорослых кедров, пустивших корни в растрескавшейся скале, выглядели словно побитые молниями. Среди черных кряжей, до которых, казалось, рукой подать, поднималась струйка бледного дыма, странно извиваясь в спокойном воздухе полудня. Она взмыла высоко ввысь и только после этого исчезла. Ралибар Вуз пришел к выводу, что здесь, на уступе, жило некое существо, более близкое к цивилизованному человечеству, чем вурмисы, не умевшие добывать огонь. Удивленный своим открытием, он не стал дожидаться, пока его спутники присоединятся к нему, и сразу же отправился на поиски места, откуда поднималась струйка дыма.

Он думал, что костер находится в нескольких шагах от него, за первой же из этих уродливых борозд лавы. Но, видимо, ошибся. Он взбирался с уступа на уступ, прошел мимо широких и необычных камней, напоминавших гробницы, крупных минералов, выраставших неожиданно там, где, как он думал мгновением раньше, не было ничего, кроме обычных валунов. Бледные извивающиеся струйки дыма через одинаковые промежутки времени по-прежнему улетали в небеса.

Ралибара Вуза, главного магистра и знаменитого охотника, озадачило поведение дыма. Скалы вокруг него казались неприятно обманчивыми. Он потерял слишком много времени в бесплодных поисках, не имевших никакого

отношения к самому важному предприятию этого дня, но охотник не имел обыкновения бросать начатое дело, каким бы банальным оно ни выглядело, не добившись результата. Громко окликнув своих спутников, которые, должно быть, уже поднялись к этому времени на скалу, он направился дальше, в сторону обманчивого дыма.

Ему показалось, что раз или два он слышал ответные возгласы охотников, очень далекие и едва различимые, словно те кричали, находясь по другую сторону пропасти шириной в милю. Ралибар снова позвал их, но на этот раз ответа не последовало. Пройдя еще дальше, он начал различать доносившийся из-за ближних скал странный монотонный разговор, прерываемый бормотанием. Казалось, звучали четыре или пять различных голосов. Очевидно, таинственные собеседники были значительно ближе, чем странный дым, который теперь исчез, будто мираж. Один из голосов явно принадлежал гиперборейцу, но у других был незнакомый тембр и акцент. Ралибар Вуз, несмотря на свои обширные этнографические познания, не мог приписать их ни одной из известных ему этнических групп. Эти звуки напоминали и жужжание больших насекомых, и треск огня, и журчание воды, и скрежет металла одновременно.

Ралибар Вуз издал гневное рычание, чтобы предупредить о своем приходе, заранее испугав собравшихся между скалами. Его оружие и снаряжение громко стучало, пока он перелезал через кромку лавы по направлению к голосам.

Оказавшись за гребнем, он посмотрел вниз. То, что он увидел, оказалось намного более таинственным и неожиданным, чем он мог себе представить. Под ним в круглом углублении стояла грубая хижина, сбитая из валунов и обломков камней и покрытая ветвями кедра вместо крыши. Перед этой хибарой на большом плоском камне из обсидиана горел костер, выбрасывая то синее, то зеленое, то белое пламя, из которого поднималась бледная спираль дыма. Ее-то странное появление и привлекло внимание Ралибара Вуза.

Перед огнем стоял изможденный и неприятный старик, одетый в куртку, казавшуюся не менее древней, чем ее хозяин. Нетрудно было заметить, что он не занимался

приготовлением пищи и при таком жарком солнце едва ли нуждался в тепле, исходящем от странного цветного огня. Напрасно рядом с подозрительной личностью Ралибар искал участников только что подслушанного им разговора. Ему показалось, что вокруг обсидианового камня порхали быстро исчезающие тусклые и уродливые тени, но тени слишком быстро поблекли и пропали. Поскольку вокруг не было ни одного объекта или существа, которое могло бы их отбрасывать, Ралибар Вуз подумал, что оказался жертвой весьма неприятной оптической иллюзии. Похоже, этой части горы Вурмисадрет свойственны миражи.

Старик посмотрел на охотника горящим взглядом и, как только тот спустился в углубление в скале, начал ругаться на беглом, несколько архаичном наречии. Птица с черным оперением и хвостом ящерицы, вероятно, какая-то разновидность ночных летающих археоптериксов, в унисон с ним начала щелкать зубастым клювом и хлопать крыльями, заканчивающимися когтями. Она сидела на корявом пне, служившем ей насестом. Ралибар Вуз поначалу не заметил этого пня, стоявшего с подветренной стороны костра.

— Чтоб демоны обгадили тебя с ног до головы! — закричал старец.— О неуклюжий горластый идиот, ты разрушил самый многообещающий и важный совет. Удивляюсь, как ты вообще здесь оказался. Я окружил это место двенадцатью кругами иллюзий, причем их эффект умножался в зависимости от того, сколько раз их пересечь, поэтому вероятность того, что какой-нибудь незваный гость найдет путь к моему жилищу, была невероятно мала и математически ничтожна. Будь проклят тот шанс, который привел тебя сюда! Теперь Те, которых ты спугнул, не вернутся больше, пока важнейшие звезды не повторят определенное редкое и недолговременное сочетание. За этот период я лишусь так много мудрости!

— Прямо сейчас, негодяй! — воскликнул Ралибар Вуз. Его удивило и рассердило приветствие, из которого он почти ничего не понял кроме того, что старику не нравится его присутствие.— Кто ты такой, что позволил себе говорить так грубо с магистром Комморионa и кузеном короля Хомквата? Советую тебе обуздать свою наглость, потому что если я захочу, то ничто мне не помешает

поступить с тобой так же, как я поступаю с вурмисами. Хотя мне кажется,— добавил он,— твоя шкура слишком грязна и неприятна, чтобы стать достойным украшением комнаты и висеть среди моих охотничьих трофеев.

— Знай же, что я колдун Эздагор,— заявил старик, и его голос эхом разнесся среди скал, приобретая страшное звучание.— По своему собственному выбору я поселился вдали от городов и людей, и никакие вурмисы не беспокоят меня в этом уединенном магическом месте. Мне безразлично, какого свинства ты магистр и какого собачьего короля ты кузен. Я отомщу тебе за то, что ты уничтожил волшебство, погубив его своим неуклюжим вторжением, я наложу на тебя страшное, смертоносное и мучительное заклятие.

— Твои слова устарели, никто не верит в эти предрассудки,— ответил Ралибар Вуз несмотря на то, что подсознательно его все же поразил ораторский стиль обвинительной речи Эздагора.

Старик же не обратил на его слова никакого внимания.

— Тогда слушай, какие испытания тебе предстоят, о Ралибар Вуз,— заявил он.— Начнем с того, что ты должен оставить здесь все свое снаряжение и безоружным отправиться в пещеры к вурмисам. Там тебе придется бороться голыми руками с их самками и детьми, ты должен победить их, после чего, наконец, добраться до скрытой в недрах Вурмисадрета пещеры, где с древнейших времен живет бог Тсатоггуа. Ты узнаешь его по большим размерам тела, по шкуре, похожей на шерсть летучей мыши, и по облику, напоминающему сонную жабу, вид которой он постоянно сохраняет. Он не поднимается со своего места, даже когда очень голоден, но будет в священной лени ждать жертвоприношения. Поэтому ты должен сказать богу Тсатоггуа: «Я — жертвоприношение, присланное волшебником Эздагором». Тогда, если это будет ему приятно, Тсатоггуа воспользуется твоим предложением.

Чтобы ты не заблудился, птица Рафтонтис будет указывать тебе дорогу в скитаниях по горам и пещерам,— колдун особым жестом указал на ночного археоптерикса, сидевшего на отвратительном пне, и медленно добавил, словно раздумывая: — Рафтонтис останется с тобой до окончания мытарств и, соответственно, конца твоего путеше-

ствия под Вурмисадрет. Ему известны все секреты нижнего мира и жилища Древних. Если бог Тсатоггуа отвергнет жертвоприношение и великодушно пошлет к своим собратьям, Рафтонтис знает, как провести тебя по любому пути, предопределенному богом.

Ралибар Вуз не смог достойно возразить на это более чем оскорбительное разглагольствование. По сути, он не мог вообще ничего произнести, потому что почувствовал, что лишился дара речи. Более того, к его невероятному ужасу и изумлению, он осознал, что не только лишился способности говорить, его тело самопроизвольно двинулось. Ему казалось, что он спит и его заставляют смотреть кошмарный сон, одновременно он осознавал, что теряет рассудок. Против своей воли лорд начал сбрасывать с себя оружие. Его щит, булава, широкий меч, охотничий нож, топор и дротик зазвенели рядом с обсидиановым камнем.

— Я разрешу тебе оставить шлем и доспехи,— вдруг добавил Эздагор.— Иначе, боюсь, ты доберешься до Тсатоггуа, не сохранив свое тело в целости, пригодной для того, чтобы стать жертвой. Зубы и когти вурмисов такие же мощные, как и их аппетит.

Пробормотав какие-то непонятные и неясно прозвучавшие слова, волшебник отвернулся от Ралибара Вуза и начал гасить трехцветный костер смесью из праха и крови, высыпая их из мелкой бронзовой чаши. Не удостоив своего незваного гостя прощальным словом и даже не дав понять знаком, что он может идти, колдун повернулся спиной к охотнику, лишь слегка махнув левой рукой птице Рафтонтис. Это создание расправило темные крылья, после чего, щелкая пилообразным клювом, покинуло свой насест и повисло в воздухе, злобно уставившись на лорда угольно-красным глазом. Затем, медленно паря, птица с вытянутой змеевидной шеей, внимательно оглядывая окрестности единственным глазом, полетела среди гребней лавы к пирамидальному конусу Вурмисадрет, и Ралибар Вуз последовал за ней, движимый непонятными силами, которым не мог противостоять.

Птица-демон знала все повороты этого лабиринта иллюзий, которым Эздагор окружил свое жилище, она вела охотника почти по прямой линии по заколдованному уступу. По пути он слышал, как вдалеке кричали его спут-

ники, но, пытаясь ответить им, обнаружил, что его голос стал слабым и тонким, как у летучей мыши. Вскоре лорд оказался на площадке у основания большого откоса, которым начиналась верхняя часть горы, изрытая входами в пещеры. Этот откос Вурмисадрет он еще никогда не посещал.

Рафтонтис поднялась к самой нижней пещере и парила перед ее входом, пока Ралибар Вуз с риском для жизни карабкался следом за птицей среди разбросанных вурмисами неуклюжих заграждений из костей, острых кремней и других отбросов, происхождение которых даже не стоит упоминать. Грубые низкорослые дикари, высунув из темных входов своих пещер отвратительные морды и тела, дико завывая, приветствовали приближение охотника тем, что непрерывно бросали в него множество отбросов. Однако они не трогали Рафтонтис и, похоже, боялись угодить в нее своими метательными снарядами, хотя парящая ширококрылая птица заметно мешала им хорошенько прицеливаться в приближавшегося к самой нижней пещере человека.

Благодаря своеобразной защите птицы, охотник смог добраться до пещеры без серьезных повреждений. Вход в нее оказался довольно прямым. Рафтонтис налетала на вурмисов, открыв клюв и хлопая крыльями, заставляя обитателей отступить внутрь, пока Ралибар Вуз старался занять хорошую оборонительную позицию на уступе порога. Некоторые из вурмисов упали лицом вниз, пропуская Рафтонтис, а когда птица пролетела, вскочили и напали на незваного гостя, мешая следовать за своим проводником в вонючую темноту. Они стояли наполовину выпрямившись, и их косматые головы оказались примерно на уровне талии комморионца. Защитники пещер рычали, словно собаки, царапая его своими крючковатыми когтями, застревавшими в кольцах кольчуги.

Обезоруженный Ралибар Вуз боролся с ними, повинуясь предназначенным ему мытарствам, бил отвратительные лица вурмисов облаченным в кольчугу кулаком с настоящим безумием, не имевшим ничего общего с горячностью охотника. Он чувствовал, как когти и зубы нападавших ломались о тесно сплетенные кольца кольчуги, когда отбрасывал их от себя, но другие тут же занима-

ли освободившееся место, стоило ему хоть немного продвинуться вглубь мрачной пещеры. Самки тоже не дремали, они били его по ногам, будто мечущиеся змеи, а их дети слюнявили его колени своими беззубыми ртами, в которых еще не выросли клыки.

Перед охотником, направляя его, раздавалось хлопанье крыльев Рафтонтис и хриплые звуки, напоминавшие наполовину шипение, а наполовину — карканье. Темнота душила Ралибара Вуза зловонием, а ноги на каждом шагу скользили по крови и слякоти. Вскоре он понял, что вурмисы больше не нападают. Пещера наклонно уходила вперед, и он вдыхал теперь воздух, насыщенный резкими минеральными запахами.

Он прошел сквозь непроглядную ночь на ощупь, а затем, спустившись по крутому спуску, попал в некое подобие подземного зала, где царили сумерки. Своды скалы различались благодаря слабому свечению, которое могло бы исходить от спрятанной внутри горы луны. Затем Рафтонтис провела его сквозь отлогие гроты вдоль опасных провалов в мир под горой Вурмисадрет. И повсюду его преследовал слабый неестественный свет, источника которого охотник не смог определить. Крылья, слишком широкие для крыльев летучих мышей, хлопали над его головой, а временами в затемненных углублениях он замечал большие страшные туши, напоминающие бегемотов и гигантских рептилий, которые населяли Землю в древние времена. Но из-за темноты он не мог определить, были ли они живыми созданиями или лишь формами, которые приняли камни.

Слишком сильной оказалась сила предназначенных Ралибару Вузу страданий, его разум оцепенел, и он чувствовал только притупленный страх и странное удивление. Казалось, его воля и мысли больше не принадлежали ему, подчиняясь другой личности. Он спускался к какому-то скрытому, но предопределенному концу, путь был темен и заранее неизвестен.

Наконец птица Рафтонтис остановилась и многозначительно начала парить под сводами пещеры, отличающейся отвратительной смесью запахов. Ралибар Вуз подумал сначала, что пещера пуста. Но, пройдя вперед, чтобы догнать Рафтонтис, он споткнулся о какие-то иссохшие ос-

танки, лежавшие на полу. Ему показалось, что это облаченные в шкуры скелеты людей и животных. Затем, следуя за угольно-красным глазом птицы-демона, он разглядел в темной нише бесформенную тушу. При его приближении туша немного шевельнулась и подалась вперед, приподнимая с бесконечной медлительностью громадную голову жабы. Эта голова, как будто наполовину очнувшись от дремоты, открыла глаза, и теперь они светились на черной безбровой морде существа, как две щелки слизистого фосфора.

Охотник различил запах свежей крови среди бесконечного зловония, наполнявшего пещеру. Он исходил от аморфной туши и добирался до ноздрей. Ужас тотчас охватил лорда, потому что, взглянув вниз, он увидел лежащую перед темным чудовищем тощую шкуру существа, которое не было ни человеком, ни животным, ни вурмисом. Охотник замер в нерешительности, боясь подойти ближе и бессильный отступить. Но раздалось сердитое шипение археоптерикса, а затем птица с силой ударила его клювом между лопаток, предостерегая от неверного движения, и Ралибар Вуз пошел вперед, пока не увидел прекрасный темный мех, покрывающий спящее тело и голову, вытянутую во сне.

С вновь охватившим его ужасом, предчувствуя жуткую кончину, он услышал свой собственный голос, безвольно произнесший: «О бог Тсатоггуа, я — жертвоприношение, посланное волшебником Эздагором».

Тсатоггуа медлительно наклонил жабью голову, его глаза приоткрылись немного шире, и свет, липкий и вязкий, полился из них капля за каплей на морщинистые нижние веки. Затем Ралибар Вуз услышал низкий грохочущий звук, но не знал, раздавался ли он в сумеречном воздухе или отражался в его собственном сознании. Этот звук принимал форму слогов и слов, хотя и неуклюжих:

— Благодарю Эздагора за его подношение. Но, поскольку я только что съел полнокровную жертву, мой голод на некоторое время утолен и мне не нужно сейчас жертвоприношений. Однако, возможно, другие Древние жаждут или алчут отведать плоти. И уж коли ты пришел сюда с одним поручением, не гоже уходить отсюда без другого. Потому я возлагаю на тебя такое наказание: иди

ниже, через глубокие пещеры, пока не достигнешь после долгого спуска бездонной бездны, над которой бог-паук Атлах-Наха плетет свою вечную паутину. И там, обратившись к нему, ты должен сказать: «Я — подарок, меня послал Тсатоггуа».

И Рафтонтис повела Ралибара Вуза прочь от Тсатоггуа по новому пути. Дорога становилась все круче и круче, она бежала через залы настолько большие, что их невозможно было окинуть одним взглядом. Длинные пропасти справа и слева резко обрывались, уходя на неведомую глубину в черный шевелящийся туман к дремотному шепоту подземных вод.

Наконец у края пропасти, другая сторона которой терялась в темноте, ночная птица неподвижно повисла в воздухе, расправив крылья и опустив хвост. Ралибар Вуз подошел ближе к обрыву и увидел, что огромная паутина прикреплялась к самому краю пропасти, видимо, соединяла противоположные стороны обрыва сетью серых, толщиной с веревку, нитей. Другого моста, кроме этой паутины, не было. Вдалеке, на одном из сегментов паутины охотник различил темную фигуру размером с сидящего человека, но с длинными паучьими ногами. Затем, словно во сне различая отдаленные звуки ночного кошмара, он услышал собственный голос, громко кричащий: «О Атлах-Наха, я — подарок, который прислал Тсатоггуа».

Темная фигура побежала к нему с невероятной скоростью. Когда существо приблизилось, он увидел, что на приземистом черном теле, внизу на брюхе под паучьими ногами располагалось лицо. Оно смотрело вверх с таинственным выражением, будто сомневаясь или спрашивая, и ужас пополз по венам смелого охотника, когда он встретился взглядом с маленькими хитрыми глазками, окруженными волосами.

Тонким, пронзительным, как жало, голосом бог-паук Атлах-Наха сказал ему:

— Премного благодарен за подарок. Но, поскольку, кроме меня, некому построить переход через эту пропасть, и для этой работы требуется вечность, я не могу терять время на то, чтобы извлекать тебя из этой металлической шелухи. Но, может быть, колдун, человек-муравей Хаон-Дор, живущий на другой стороне пропасти в

своем дворце первобытных заклинаний, сможет как-то использовать тебя. Я только что закончил участок моста, доходящий прямо до порога его жилища, а твой вес послужит испытанием прочности моего плетения. Вот тебе такое испытание: перейди мост и предстань перед Хаон-Дором, сказав: «Атлах-Наха прислал меня».

С этими словами бог-паук оторвался от паутины и быстро побежал вдоль кромки пропасти. Вскоре он пропал из вида, чтобы начать постройку нового моста где-то в отдаленном месте.

Третье испытание было достаточно тяжелым и обременительным, но Ралибар Вуз все же последовал за Рафтонтис над черными глубинами, хотя и не слишком охотно. Плетение Атлах-Наха прочно держалось под его ногами, лишь немного прогибаясь и покачиваясь. Ему казалось, что в неизмеримой глубине между нитями он смутно различает движения драконов с когтистыми крыльями. Создавалось впечатление, что темнота кипела, и из нее время от времени появлялись страшные неуклюжие формы, которые вздымались над паутиной и снова опускались вниз.

Однако они с птицей беспрепятственно перешли на другую сторону пропасти, где паутина Атлах-Наха крепилась к нижней ступеньке громадной лестницы. Ступеньку эту охраняла свернутая кольцом змея, размер пятен на ее шкуре был крупнее его щита, тварь выглядела толще, чем тело крепкого воина. При приближении охотника хвост с роговыми пластинами затрещал, как погремушка, а змея вытянула вперед злобную голову с ядовитыми зубами, длинными, как серпы. Но, заметив Рафтонтис, она сдвинула в сторону свои кольца, позволив Ралибару Вузу подняться по ступенькам.

Итак, выполняя третье задание, охотник вошел во дворец Хаон-Дора с тысячью колонн. Странными и тихими были эти залы, высеченные внутри серой скалы. В них двигались фигуры без лиц, созданные из дыма и тумана, которые беспокойно сновали туда и обратно, по сторонам стояли статуи, изображающие чудовищ с множеством голов. Под сводами залов в темноте висели, словно сами по себе, лампы. Они горели перевернутым пламенем, напоминающим костер изо льда. Повсюду витал холодный дух зла, настолько древний, что находился за пределами чело-

веческого понимания. Здесь и там ползли ужас и страх, будто невидимые змеи, распутавшиеся после сна.

Уверенно пробираясь по лабиринту залов, знакомая со всеми этими поворотами Рафтонтис привела Ралибара Вуза в высокую комнату, стены которой замыкались в круг, прерванный одним единственным порталом, через который они вошли. В комнате совсем не было мебели, за исключением поднятого высоко к потолку трона на пяти колоннах, к нему не вели ступеньки, и не виделось другого средства для подъема, так что казалось — лишь крылатое существо могло бы туда добраться. Но на троне сидела фигура, окутанная густой мрачной темнотой, а над ее головой возвышался колпак, отбрасывавший неприятную тень.

Птица Рафтонтис зловеще парила перед троном на колоннах. И Ралибар Вуз в изумлении услышал голос, произносивший: «О Хаон-Дор, Атлах-Наха послал меня». И пока он звучал, охотник узнал свой собственный голос.

Долгое время висела тишина. Высоко сидящая фигура не шевелилась. Но охотник, внимательно и беспокойно разглядывая стены вокруг, увидел, что, первоначально гладкие, они вдруг украсились рельефными изображениями тысячи лиц, искривленных и искаженных, словно образы безумных дьяволов. Лица высовывались из стены, вытягивались вперед на удлинявшихся шеях, вслед за ними из камня постепенно появлялись плечи и тела. Под его ногами из пола возникали другие лица, они постоянно поворачивались и сменяли друг друга, открывая все шире и шире свои демонические рты и глаза.

Наконец закутанная фигура заговорила, и хотя ее слова звучали не на языке смертных, слушателю показалось, что он смутно понимает их.

— Очень благодарен Атлах-Наху за его послание. Если у тебя создается впечатление, что я колеблюсь, то только потому, что я с сомнением раздумываю, как бы распорядиться тобой. Мои близкие, заполнившие стены и пол этого зала с большим удовольствием проглотили бы тебя, но ты слишком маленький кусочек для того, чтобы удовлетворить такое множество голодных созданий. Собственно говоря, мне кажется, лучшее, что я могу сделать, это отправить тебя к моим союзникам, людям-змеям. Они владеют необычайными знаниями, и, наверно, ты смо-

жешь снабдить их какими-нибудь специальными компонентами, нужными для их химических опытов. Считай, что это твое очередное поручение, и иди в пещеру, где живут люди-змеи.

Повинуясь этой инструкции, Ралибар Вуз отправился еще ниже, сквозь самый темный слой этого первобытного подземного мира, располагавшийся под дворцом Хаон-Дора. Рафтонтис никогда не подводила его, и вскоре он пришел в отдельную пещеру, где люди-змеи занимались своими многочисленными делами. Они, гибко извиваясь, передвигались прямо по первобытным организмам, их пестрые, белые с черными пятнами, безволосые тела сгибались с необычайной легкостью. Слышалось громкое шипение различных формул, когда они сновали туда и обратно. Одни плавили черные подземные руды, другие выдували из расплавленного обсидиана фляги и сосуды; некоторые отмеряли химикалии, остальные же переливали странные жидкости и коллоиды. Казалось, занятый каждый своим делом, никто из них не заметил прибытия Ралибара Вуза и его проводника.

После того как охотник много раз повторил послание, переданное через него от Хаон-Дора, одна из рептилий наконец обратила внимание на его присутствие. Она какое-то время разглядывала его с холодным, но смущающим любопытством, а затем издала звонкий свист, который перекрыл разговоры и звуки работы. Змеи-мужчины немедленно побросали свои инструменты и столпились вокруг Ралибара Вуза. По тону их шипения можно было догадаться, что они о чем-то спорят. Некоторые подползли вплотную к комморионцу и начали щупать его лицо и руки своими холодными чешуйчатыми пальцами, залезая даже под доспехи. Он чувствовал, с какой методичной точностью змеи изучали его строение. Рафтонтис уселась на большой перегонный куб, но на птицу рептилии не обращали никакого внимания.

Вскоре несколько химиков покинули пещеру, а затем быстро вернулись с двумя большими стеклянными сосудами, наполненными прозрачной жидкостью. В одном из сосудов плавал в вертикальном положении хорошо развитый экземпляр взрослого самца вурмиса, а в другом — большой и не менее изумительный образец гиперборейца, имеющий определенное сходство с самим Ралибаром

Вузом. Принесшие эти образцы химики поставили их рядом с охотником, а затем каждый выступил с речью. Их действия напоминали защиту научных диссертаций по сравнительной биологии, только лекции, не в пример наземным, были очень короткими.

В конце концов химики-рептилии разошлись, вернувшись к прерванным работам, и унесли сосуды. Один из ученых обратился к Ралибару Вузу с прекрасным, хотя и несколько шипящим подобием человеческой речи:

— Было очень разумно со стороны Хаон-Дора послать тебя к нам. Однако ты сам видел, что у нас уже есть один образец твоего вида. Когда-то давно мы внимательно анатомировали других представителей твоей расы и разузнали все, что можно, об этой очень странной и необычной форме жизни. Ты не интересен нам и с точки зрения составляющих тебя химических элементов. Наше химическое производство почти полностью занято изготовлением сильных токсичных реактивов, поэтому мы не видим пользы в том, чтобы производить испытания с крайне примитивными веществами, из которых состоит твое тело. Они не представляют для нас никакой фармацевтической ценности. Кроме того, мы давно перестали питаться грязной натуральной пищей и теперь ограничиваемся синтетическими продуктами. Ты, наверно, уже понял, что тебе нет места в нашем хозяйстве. Однако, возможно, Архетипы смогут как-то использовать тебя. По крайней мере, ты станешь новинкой для них, поскольку ни один представитель современной человеческой эволюции до сих пор не опускался в их слои. Поэтому мы сейчас быстро введем тебя в состояние очень сильного транса, который на языке магов известен как «испытание». И, повинуясь гипнозу, ты пойдешь вниз, в Пещеру Архетипов...

Район, в который теперь проводили магистра Коммориона, лежал на еще большей глубине, под лабораториями змей. По дороге воздух в переходах и гротах начал заметно теплеть и теперь стал сырым и влажным, как у экваториальных болот. Казалось, пространство наполняло первобытное свечение, которое, наверное, могло существовать на заре создания вселенной — до появления звезд.

В этом густом водянистом свете охотник различал скалы, животных и растительные формы грубого примитив-

ного мира. Их очертания были смутно различимы, неровные и неопределенные, они словно состояли из отдельных, не связанных между собой элементов. Даже в этом причудливом и совершенно непонятном подземном мире Рафтонтис чувствовала себя как дома, она прекрасно ориентировалась, летая между этими словно нарисованными растениями и едва различимыми валунами. Но Ралибар Вуз, несмотря на чары, которые подавляли его волю и заставляли идти вперед, ощутил естественную усталость, накопившуюся за время длительных скитаний. Кроме того, продвигаться вперед очень мешала податливая почва, проваливавшаяся при каждом шаге, будто топкое болото. Дорога казалась ненадежной.

К своему большему удивлению он вскоре обнаружил, что привлек внимание огромного чудовища с размытыми контурами и грубыми чертами тиранозавра. Это создание решило преследовать его среди первобытных папоротников и плаунов и, догнав после пяти-шести прыжков, проглотило его с быстротой, присущей молодым современным ящерицам той же породы. К счастью, тело тиранозавра не было приспособлено к поглощению такой пищи. Хотя плоть животного и оказалась непрозрачной, но все же более тонкой, чем обычная кожа, и Ралибар Вуз, отважно сопротивляясь и не желая быть съеденным, почувствовал, что темные стенки брюха ящера подались под его ударами. Он вывалился на землю.

После третьей неудачной попытки проглотить его чудовище, вероятно, решило, что он несъедобный. Оно повернулось и убежало прочь огромными прыжками в поисках другой пищи, которая была бы ему по зубам. Ралибар Вуз продолжил свое путешествие через пещеру Архетипов. Его продвижение часто замедляли возникавшие перед ним динозавры, птеродактили, птеранодоны, стегозавры и другие древние плотоядные животные, желавшие немедленно наполнить свои грубые желудки новой пищей.

Наконец после очередной неудачной попытки наиболее настойчивого мегалозавра съесть его, он увидел перед собой двух существ, смутно напоминавших людей. Огромные, с телами шаровидной формы, они, скорее, летали, чем ходили. В их чертах, несколько размытых, казалось на

первый взгляд, застыло выражение отвращения и враждебности. Они приблизились к лорду. Охотник был уверен, что один из них обратился к нему. Язык, на котором они говорили, состоял из примитивных гласных звуков, но общий смысл их неопределенной речи был абсолютно ясен:

— Мы, прародители человечества, напуганы видом этой копии, так грубо и нагло искажающей исходную модель. Мы отрекаемся от тебя с сожалением и негодованием... Твое присутствие здесь является недопустимым вторжением в наш мир, тебя даже не могут съесть наши самые голодные динозавры. Поэтому мы даем тебе очередное испытание. Отправляйся без промедления из пещеры Архетипов и найди илистый залив, в котором Абот, отец и мать всей космической нечисти, занимается своим отвратительным размножением. Мы считаем, что ты пригоден только для Абота, который, вероятно, примет тебя за одного из своих собственных потомков и проглотит в соответствии со своей привычкой.

Неутомимая птица Рафтонтис повела уставшего охотника в глубокое ответвление на том же самом уровне, где жили Архетипы. Возможно, оно служило своеобразным дополнением к этому горизонту. Но почва здесь оказалась гораздо тверже. Вокруг было мрачно. Ралибар Вуз немного излечился от присущей ему излишней самоуверенности при виде нечестивых отвратительных созданий, которые попадались на его пути. Охотнику встречались существа, которых он мог сравнить разве что с чудовищными одноногими жабами, многохвостыми червями и уродливыми ящерицами. Они двигались, шлепая своими лапами или ползая непрекращающейся чередой сквозь темноту, и, казалось, не будет конца отвратительным изменениям в строении их тел. В противоположность Архетипам, они состояли из плотной однородной материи, и Ралибар Вуз устал сбрасывать их со своих голеней. Его начало тошнить. Правда, лорда немного успокоило то, что эти ужасные уроды уменьшались в размерах по мере его продвижения вперед.

Темнота вокруг него сгущалась, висел горячий дьявольский туман, который оставлял липкий осадок на его доспехах и лице. С каждым вздохом он вбирал в свои легкие

невообразимо зловонный запах. Он спотыкался и скользил на расползшейся под ногами грязи. Затем в этих затхлых сумерках он увидел, что Рафтонтис зависла в воздухе. Под демонической птицей он различил какое-то озеро с берегами из глины, смешанной с грязными отбросами, а в озере — страшную серую массу, которая почти полностью заполняла его от края до края.

Здесь, казалось, и находился основной источник всех уродливых тварей и мерзостей. Серая масса колыхалась, постоянно раздуваясь, и от нее отделялись зародыши тех существ, которые расползались во все стороны. Они напоминали то ноги и руки без тел, которые трепыхались в слизи, то крутящиеся головы, то барахтающиеся животы с рыбьими плавниками. Эти бесформенные и чудовищные существа увеличивались в размерах по мере удаления от Абота. А тех, которые плыли к берегу медленно, пожирали многочисленные рты, далеко вытянувшиеся из родительской туши.

Ралибар Вуз не мог уже ни о чем думать и ничего не боялся от усталости. Иначе он бы познал невыносимый стыд, увидев, как выглядит место, которое, по мнению Архетипов, являлось наиболее подходящим и правильным для него. Он услышал, что где-то вдалеке, высоко над ним, раздался голос, объявивший Аботу причину его появления, и на этот раз не догадался, что это был его собственный голос.

Ответа не последовало, но из бесформенной массы выделилась часть, которая, удлиняясь, направлялась к Ралибару Вузу, туда, где он стоял в ожидании у кромки озера. Вытянувшееся щупальце превратилось в плоскую перепончатую руку, мягкую и скользкую. Она прикоснулась к охотнику и медленно ощупала его с головы до ног. Закончив изучать его тело, она, кажется, выполнила свое задание и, тут же оторвавшись от Абота, извиваясь, как змея, двинулась в темноту вместе с другими собратьями.

Все еще ожидая решения своей судьбы, Ралибар Вуз почувствовал, что в его сознании раздалось подобие речи, доносившейся до него без слов и звуков. Смысл ее, переданный человеческим языком, заключался в следующем:

— Я, Абот, современник древних богов, считаю, что Архетипы проявили сомнительный вкус, рекомендуя тебя.

После внимательного осмотра я не узнал ни одного из моих родственников или потомков, хотя, должен признать, чуть не ошибся сначала, различив определенные биологические сходства. Ты совершенно чуждый мне организм, и я не хочу подвергать опасности свою пищеварительную систему, съев непроверенный продукт питания. Кто ты такой и откуда взялся, я не могу догадаться, а потому не считаю нужным благодарить Архетипов за то, что они прервали мое глубокое и умиротворенное состояние размножения. Ты предлагаешь слишком незначительную проблему моему существованию. Я слышал, что есть суровое, мрачное и ужасное преддверие ада, известное как Внешний Мир, думаю, что он станет подходящей целью твоего путешествия.

Видимо, Рафтонтис поняла, что немедленное выполнение седьмого задания находилось за пределами физических возможностей ее подопечного. Ему нужно было немного отдохнуть. Птица повела охотника к одному из бесчисленных выходов из грота Абота, ведущему к районам, противоположным пещере Архетипов. Там, выразительно жестикулируя крыльями и клювом, она указала на узкую выдолбленную в скале нишу. Впадина оказалась сухой и, несомненно, удобной для сна. Ралибар Вуз с радостью прилег и, как только закрыл глаза, утонул в черном потоке. Рафтонтис оставалась на страже перед каменной нишей, отбивая своим клювом охоту у блуждающих потомков Абота напасть на спящего человека.

Поскольку в этом подземном мире не существовало ни ночи, ни дня, едва ли можно привычным образом описать, сколько спал Ралибар Вуз. Его разбудил шум энергично хлопающих крыльев. Открыв глаза, он увидел рядом с собой птицу Рафтонтис, держащую в своем клюве непривлекательный объект, скорее похожий на рыбу, чем на что-либо другое. Где и как она поймала это создание во время своего бдения, неясно, но Ралибар Вуз слишком долго постился, чтобы быть разборчивым. Он без церемоний проглотил предложенный завтрак.

После этого, повинуясь приказанию Абота, он возобновил свое путешествие в обратном направлении, на поверхность Земли. Путь, выбранный Рафтонтис, был, наверно, самым коротким. Во всяком случае, он пролегал в

стороне от туманной пещеры Архетипов и лабораторий, в которых люди-змеи продолжали свою тяжелую работу и токсикологические исследования. Путешественники оставили позади и зачарованный дворец Хоан-Дора. Но, после того как охотник долго и утомительно пробирался сквозь заброшенные скалы и карабкался через некое подобие подземного плато, он снова оказался у кромки той широкой бездонной пропасти, перейти через которую можно было только по паутине бога-паука Атлах-Наха.

Ему уже не раз приходилось ускорять шаги из-за тех потомков Абота, которые следовали за ним от первобытного озера. Они постоянно росли, становясь все крупнее, как это обычно случалось с созданиями Абота, достигая размеров молодых тигров или медведей. Однако когда охотник приблизился к мосту, он заметил, что тяжеловесное и медлительное существо, преследовавшее его, уже начало перебираться через пропасть. Заднюю часть этого монстра украшали многочисленные злые глаза, и Ралибар Вуз, немного понаблюдав, так и не понял, на кого они смотрят. Все же он решил идти подальше от развернутых назад когтями пяток чудища и выжидал, пока жуткое существо исчезнет в темноте. К этому времени его догнало несколько потомков Абота.

Рафтонтис с резким предостерегающим карканьем парила перед лордом Вузом над гигантской паутиной. А сзади его подгоняли, мешая с осторожностью выбирать дорогу, рыла черных уродов. Из-за этой поспешности и опрометчивости он не заметил, что паутина ослабла, и некоторые из нитей порвались или вытянулись под весом медлительного чудища. Увидев противоположный берег бездны, он думал только о том, чтобы добраться до него, и ускорил шаг. Но в этот момент паутина просела. Он судорожно схватился за оборванные нити, но не смог удержаться и полетел вниз. Держа в пальцах несколько кусочков плетения Атлах-Наха, он провалился в пропасть, которую никто и никогда не пытался измерить добровольно.

Это, к сожалению, была случайность, не предусмотренная условиями семи испытаний.

УББО-САТЛА

...Ибо Уббо-Сатла суть начало и конец всего. До того как Сотаква, или Йог-Сотот, или Ктулху пришли в этот мир с других звезд, Уббо-Сатла обитал в дымящихся топях вновь сотворенной Земли, у него не было ни головы, ни ног, только серое бесформенное распластанное тело. Именно он дал начало всем сущему и стал прообразом всего живого. И, как говорят пророчества, формы земной жизни в конце концов, пройдя великий круг времени, вернутся назад — к Уббо-Сатла.

Книга Эйбона

Пол Трегардис обнаружил этот матовый кристалл случайно. Он зашел в лавку антиквара, повинуясь неосознанному порыву и отчасти из праздного любопытства, не собираясь ничего покупать. Просто хотелось посмотреть-пощупать разные диковины, и теперь он стоял посреди лавки, медленно озираясь. Тусклое мерцание на одном из столов привлекло его внимание, и, подойдя, он извлек из кучки мелких редкостей (среди которых были и уродливый идол ацтеков, и окаменелый осколок яйца динозавра, и фаллический амулет из Нигерии) странный шарообразный предмет.

Вещица размером с маленький апельсин, слегка приплюснутый и поэтому напоминавший планету с ярко выраженными полюсами, не походила на обычный крис-

талл. Камень казался матовым, внутри него что-то постоянно менялось, а в центре то появлялся, то гас необычный свет. Это-то и заинтересовало Трегардиса. Он поднес шар к заснеженному окну и рассматривал его некоторое время, тщетно пытаясь понять принцип пульсации. Его недоумение, однако, вскоре возросло от появившегося чувства, что когда-то уже видел это, но совершенно забыл, при каких обстоятельствах. Будто он смотрит на знакомую вещь и не узнает ее.

Пол повернулся к антиквару, карлику-еврею, чья внешность вполне отвечала пыльной старине, которой он владел. Создавалось впечатление, что торговец бросил коммерцию ради призрачных мистических исканий.

— Не могли бы вы рассказать мне об этой вещице?

Продавец неопределенно пожал плечами, но в то же время интригующе приподнял брови.

— Предположительно, она очень древняя, скорее всего — палеоген. Много не расскажу, поскольку мало что знаю. Какой-то геолог привез этот камень из Гренландии, где нашел подо льдом, в миоценовом слое. Возможно, он принадлежал колдуну из древнего Талана. Гренландия во времена миоцена была теплым и плодородным краем, щедро согретым солнцем. Без сомнения, это магический кристалл: если долго вглядываться в него, то в центре можно увидеть нечто странное.

Трегардиса очень удивили слова антиквара. Предположения владельца с поразительной точностью совпали с его собственными изысканиями в оккультизме. Они напомнили ему о Книге Эйбона, редчайшем и самом странном из древних фолиантов по магии, которую не раз переводили с оригинала, написанного на забытом языке гипербореев. Когда-то Трегардис с большим трудом достал средневековый французский список, прошедший через руки нескольких поколений волшебников и сатанистов, но так и не смог найти греческую рукопись, с которой был сделан перевод.

Считалось, что оригинал составил великий маг Гипербореи, по имени которого рукопись и получила название. Книга представляла собой сборник неясных и устрашающих мифов, священных ритуалов и заклинаний, таинственных и зловещих. Не без содрогания он изучал то, что обыч-

но человеку кажется более чем удивительным. Трегардис скрупулезно сопоставил Книгу Эйбона со страшным Некрономиконом, сборником по черной магии безумного араба по имени Абдула аль Хазред, и нашел много общего между их темными и жутковатыми символами, хотя большинство таинственных фактов либо не были известны арабу, либо были опущены им... или же его переводчиками.

Трегардис задумался. Возможно, он пытался вспомнить именно это — краткое случайное упоминание в Книге Эйбона о матовом кристалле, которым владел колдун Зон Мезамалех в городе Талане, что некогда находился на мифическом материке Му. Конечно, все это лишь предположение, слишком невероятное и сомнительное, но если Му Талан, северный удел древней Гипербореи, действительно существовал, то он должен был располагаться как раз на месте современной Гренландии, которая в ту эпоху примыкала к материку как полуостров. И тогда этот камень, который он сейчас держит в руках, по странной случайности может оказаться кристаллом Зон Мезамалеха.

Трегардис иронично улыбнулся, осознав всю абсурдность этой идеи. Такого не могло произойти, по крайней мере, в современном Лондоне, и, по всей вероятности, Книга Эйбона — не более чем сборник суеверных побасенок. Тем не менее в кристалле было что-то необычное, что продолжало дразнить и завлекать. Поэтому знакомство с камнем закончилось его покупкой за вполне приемлемую сумму. Продавец назначил цену, а покупатель заплатил, даже не пытаясь торговаться.

Спрятав покупку в карман, любитель старины поспешил домой вместо того, чтобы продолжить неторопливую прогулку. Он поместил матовый шар на письменный стол, и тот устойчиво встал на один из приплюснутых боков. Затем, все еще улыбаясь своей глупой мысли, Пол Трегардис достал кожаный чехол с застежками из тусклой стали с почетного места на заветной полке, открыл начертанную на желтом пергаменте рукопись под названием Книга Эйбона и стал читать по старофранцузски абзац, где упоминался Зон Мезамалех:

Этот маг, самый могущественный из всех колдунов, нашел матовый камень, шарообразный и слегка приплюснутый, в котором мог видеть множество картин, изобра-

жавших прошлое Земли, включая начальные моменты: зарождение жизни на Земле, когда Уббо-Сатла, источник всего сущего, раскинулся, раздувшись, и его тело пенилось среди испаряющейся слизи... Но о том, что он видел, Зон Мезамалех оставил мало сведений; люди говорят, что вскоре он неизвестным образом исчез, и с тех пор матовый кристалл пропал.

Пол Трегардис отложил манускрипт. Опять возникло мучительное состояние, словно он пытался вспомнить забытый сон или нечто давно ушедшее. Заинтригованный, сидел он за столом, пристально вглядываясь в холодный матовый шар. Он подождал немного, испытывая что-то хорошо знакомое, что являлось неотъемлемой частью его сознания и было понятно без слов.

Так он сидел и наблюдал за равномерно вспыхивающим и затухающим в сердце кристалла мистическим огнем. Незаметно появилось ощущение необъяснимой двойственности, будто он начал засыпать. Как себя самого, так и окружающую обстановку, он осознавал теперь в двух вариантах. С одной стороны, он все еще был Полом Трегардисом, но с другой, как во сне,— кем-то другим. Он, вроде, все еще сидел за столом в своей лондонской квартире, но в то же время ощущал себя в ином, не менее знакомом месте. И оба они пристально вглядывались в один и тот же шар.

Трегардис ничуть не удивился, когда через некоторое время произошло отождествление. Теперь он понял, что стал тем самым Зоном Мезамалехом, колдуном из Талана, знатоком всех магических учений, известных в его время. Владея опасными тайнами, которые не были известны Полу Трегардису, дилетанту-оккультисту и любителю антропологии, живущему в современном Лондоне, он стремился с помощью матового кристалла постичь еще более древние и устрашающие знания.

Он каким-то образом сумел завладеть камнем, получив его из самых темных источников. Кристалл, уникальный в своем роде, не имел равных ни во времени, ни в пространстве. В нем с поразительной точностью отображались все ушедшие времена, все, что когда-либо существовало, и теперь панорама времени становилась доступной терпеливому взгляду исследователя. Благодаря этому свойству кристалла Зон Мезамалех мечтал овладеть мудростью

богов, которые умерли еще до того, как зародилась Земля. Они проникли в подвижный хаос, записав свои знания на таблицах из межзвездных камней, и эти-то таблицы глупый демиург Уббо-Сатла хранил в первобытном болоте. Только с помощью кристалла Зон Мезамалех еще надеялся отыскать и прочитать древние скрижали.

Сначала он хотел проверить предполагаемые свойства шара. Отделанная пластинами из мамонтовой кости, наполненная магическими манускриптами и другими вещами комната, в которой сидел колдун, медленно исчезала из сознания. Перед ним на столе какого-то темного гиперборейского дерева, на котором крупно были выгравированы руны, стоял кристалл. Камень, казалось, раздувался и темнел, и в его туманной глубине чародей различал быстро меняющиеся в водовороте времени неясные сцены, исчезающие, словно брызги бурного потока. Создавалось впечатление, что маг видел реальный мир, перед его взором мелькали города, леса, горы, моря и луга, все это пролетало мимо, то озаряясь, то темнея, как будто в таинственном ускоренном временном потоке чередовались дни и ночи.

Зон Мезамалех забыл Пола Трегардиса, и не только его. Он позабыл и свою собственную сущность, не замечая того, что его окружало в Талане. Постепенно видения в кристалле становились более ясными и отчетливыми. Шар уводил взгляд колдуна все глубже, пока у того не закружилась голова, словно он всматривался с опасной высоты в какую-то неизмеримую бездну. Маг знал, что время в кристалле шло назад, раскручивая живые картины всех ушедших дней, но странное беспокойство охватило его, и он побоялся дальше смотреть в прошлое. Будто на краю обрыва, с трудом удержавшись от рокового шага, он заставил себя оторвать взгляд от мистического шара.

И завораживающий вертящийся мир, в который он всматривался, превратился в маленький матовый кристалл, стоящий на изрезанном рунами столе в Талане. Постепенно большая комната, обшитая панелями мамонтовой кости, начала сужаться и стала темной каморкой, а Зон Мезамалех, теряя свою сверхъестественную мудрость и магическую силу, снова странным образом оказался Полом Трегардисом.

Однако, судя по всему, вернуться он смог не полностью. Ошеломленный, Трегардис сидел перед письменным

столом, на который поставил приплюснутую сферу. Он испытывал некоторое смущение, свойственное тем, кто только проснулся и еще не полностью отошел ото сна. Вид собственной комнаты немного озадачил его, как будто что-то было не так: в размерах, обстановке... Он помнил, что купил кристалл в антикварной лавке, но эти воспоминания странно перебивались уверенностью, что кристалл приобретен совершенно иначе.

Пол Трегардис чувствовал, что с ним произошло нечто очень странное, когда он всматривался в кристалл, но что именно — никак не мог вспомнить. В голове путались воспоминания и образы, будто бы после курения гашиша. Он убеждал себя, что зовут его Пол Трегардис, что живет он на одной из улиц Лондона и сейчас — 19** год. Но все эти обыденные сведения почему-то потеряли для него свое значение и смысл. Все, что так или иначе касалось его нынешней жизни, было теперь серым и несущественным. Сами стены, казалось, колебались, словно за пеленой дыма, люди на улицах были отражениями призраков, да и сам он стал потерянной тенью, блуждающим эхом чего-то давно забытого.

Он решил, что не стоит повторять эксперимент с разглядыванием кристалла. Слишком тревожными и сомнительными оказались последствия. Но на следующий день, опять повинуясь необъяснимому порыву почти автоматически, даже не сопротивляясь, он обнаружил, что снова сидит перед магическим шаром. Опять он превратился в колдуна Зона Мезамалеха, вновь стремился постичь мудрость древних богов и, как и в первый раз, в ужасе отпрянул от разверзшего свои глубины кристалла, боясь упасть. После чего как-то неуверенно, без особого желания, будто обреченный на вечные муки призрак, вернулся в тело Пола Трегардиса.

После этого еще трижды Трегардис повторял эксперимент. И каждый раз его собственное «я» и окружающий мир становились все более неопределенными и непонятными. Он ощущал себя, словно во сне, пытался проснуться, но не мог. Лондон казался ему нереальным, город остался в подсознании, все более отступая в глубины памяти, прячась в туманной дымке от света. Явно теряя ощущение реальности, Трегардис чувствовал, что вокруг него толпятся

образы, чуждые, но в то же время знакомые. Казалось, что странная путаница времени и пространства развертывалась перед ним, чтобы увести его в другую, истинную реальность или окунуть в сон о пространстве и времени.

Наконец наступил день, когда Пол Трегардис сел перед кристаллом и больше уже никогда не возвращался в свою комнату. Это произошло, когда Зон Мезамалех, набравшись смелости, игнорируя очевидные, предостерегавшие его от опасности знаки, решил преодолеть необъяснимый страх перед падением в призрачный мир, который ему открылся в кристалле, страх, который до сих пор не давал ему последовать вслед за обратным потоком времени. Колдун убедил себя, что должен перебороть свой страх, если хочет когда-нибудь увидеть и прочитать утраченные таблицы Богов. Поскольку до сих пор он так и не увидел ничего, кроме нескольких эпизодов из истории Му Талана, предшествовавших веку, в котором жил сам, видел то, что произошло за время его собственной жизни, и несколько непонятных эпох, прошедших в промежутке между последними годами и Началом.

Вновь под пристальным взглядом Зона Мезамалеха кристалл раскрыл свои объятия, показывая картины прошлого, события следовали в обратном временном потоке. Снова магические руны на темном столе исчезли из поля зрения колдуна, и стены с мистической резьбой растаяли, словно в тумане. В который раз у него перехватило дух и закружилась голова, когда он склонился над вихрем, вращающимся и рассыпающимся на части в бездонном временном водовороте, вглядываясь в подобный земному шару кристалл. Исполненный страха, несмотря на свое решение, он попытался отклониться назад, но слишком долго он смотрел в глубину камня, слишком часто наклонялся над ним. Колдуну показалось, что он падает в бездонную пропасть, а неотвратимые токи вихря всасывали его все глубже, унося вниз, сквозь быстротечные, неустойчивые видения его прошлой жизни. Он вновь прочувствовал муки своего рождения и период утробного развития. Его тело испытало острую боль, после чего оно уже не было более телом Зона Мезамалеха, мудреца и ученого, наблюдавшего за кристаллом, а стало частицей таинственно мчащегося потока, устремляющегося к Началу.

Казалось, он прожил бессчетное количество жизней, умирал миллиарды раз, вновь и вновь забывая каждую прожитую жизнь и смерть. Он был то воином, сражающимся в легендарных битвах, то ребенком, играющим на развалинах какого-то города в Талане, то королем, который правил в этом городе, когда тот еще находился в зените славы, то пророком, предсказывающим строительство города и его гибель. Будучи женщиной, он оплакивал смерть любимого на разрушенном кладбище. Он же был и древним колдуном, бормочущим примитивные магические заклинания, а потом, воплотившись в жреца доисторического бога, стоял в храме с колоннами, вырубленном в базальте, сжимая в руке жертвенный нож. Так, жизнь за жизнью, век за веком он шел назад по тому пути, который человечество проделало за тысячелетия, поднимаясь в своем долгом циклическом развитии от дикости к вершинам цивилизации.

В какой-то момент он стал дикарем из пещер и спасался от медленно наступающего снега в предыдущий ледниковый период, пробираясь в земли, озаренные красным огнем вечных вулканов. Затем прошло несчетное число лет, и он больше уже не был человеком. Он принимал образы различных человекоподобных животных и то бродил по лесу из гигантских папоротников, то строил грубое гнездо в ветвях могучих саговников.

Сквозь нескончаемые переживания, грубые желания и голод, первобытный ужас и безумие кто-то или теперь уже что-то прорывалось назад, в прошлое. Смерть становилась рождением, а рождение означало смерть. Медленно, но ощутимо Земля менялась, казалось, она таяла, теряя холмы и горы, а затем и саму почву. Солнце становилось крупнее и жарче, опаляя дымящиеся болота, кишевшие грубыми животными формами и заросшие растениями. Существо, которое когда-то было и Полом Трегардисом, и Зоном Мезамалехом, теперь стало частью всего этого чудовищного вырождающегося мира. Оно то летало, будучи птеродактилем с когтистыми крыльями, то плавало в теплых морях, превратившись в крикливого громоздкого ихтиозавра, то грубо ревело на огромную луну, просвечивающую сквозь туманы, став бегемотом с бронированным горлом и обреченным на вымирание.

Наконец, после череды животных состояний, не оставивших следа в его памяти, бывший колдун превратился в одно из змееподобных существ, которые воздвигали города из черного гнейса и вели между собой злобные войны на первом и единственном континенте Земли.

Это существо неуклюже передвигалось по древним улицам, проползало под странными изогнутыми сводами, вглядывалось в первобытные звезды с высоких башен, поклонялось великим и злым идолам, с шипением вознося им молитвы. Сквозь годы и века змеиной эры, пройдя время вспять, оно стало другим, еще более примитивным созданием, которое ползало в иле и еще не научилось ни строить, ни думать, ни мечтать. В конце концов вернулось такое время, когда континента еще не существовало, а была только огромная хаотичная топь, море слизи, без границ и пределов. Оно бурлило и клокотало, выпуская пары.

Там, где из серой мути зарождалась Земля, среди слизи и паров лежало бесформенное тело, которое и было Уббо-Сатла. Без головы, без рук и ног, оно сбрасывало кожу со своих скользких боков, создавая постоянные, медленные волны, в которых, по образу и подобию своего создателя, рождались первые амебы — прототипы земной жизни. Тело Уббо-Сатла было ужасным и отвратительным, но никто тогда еще не мог прочувствовать ужас и испытать это отвращение. Около него стояли и лежали громадные каменные таблицы неземного происхождения с записями о непостижимой мудрости древних богов.

И туда, к цели своих поисков, давно уже позабытой, подползло существо, которое раньше было — и когда-нибудь еще будет — Полом Трегардисом и Зоном Мезамалехом. Став бесформенным доисторическим тритоном, оно ползало медленно и бессознательно по лежащим таблицам богов, то и дело вскидываясь и слепо сражаясь с другими порождениями Уббо-Сатла.

О Зоне Мезамалехе и его исчезновении нигде не встречалось никаких упоминаний, кроме краткого абзаца в Книге Эйбона. О пропавшем Поле Трегардисе появились лишь крохотные заметки в нескольких лондонских газетах. Похоже, никто о нем ничего не знал, и он ушел, словно никогда и не жил в этом мире. Кристалл же, скорее всего, затерялся. По крайней мере, никто его так и не нашел.

СУДЬБА АВУЗУЛА ВУТОКВАНА

– Подай, подай мне монетку, о великодушный и щедрый покровитель бедняков,— воскликнул нищий.

Резкий и жуткий голос попрошайки, напоминающий жужжание цикады, прервал размышления Авузула Вутоквана, самого богатого и жадного ростовщика не только во всем Комморионе, но и во всей Гиперборее. Он шел к дому и думал о великолепном блеске благородных металлов, монет, слитков, золотых и серебряных изделий, представляя, как прекрасно блестят и сияют разноцветные драгоценные камни, которые ручьями, полноводными реками и водопадами стекают к нему в сундуки. И вот неожиданно из-за этого крикливого голоса, молившего о милостыне, видение исчезло. Авузул Вутокван пренебрежительно взглянул на просителя.

— У меня ничего нет для тебя,— его голос прозвучал так, будто скрипнул закрывающийся засов.

— Только два пазура, о милосердный, и я предскажу тебе будущее.

Авузул Вутокван снова измерил взглядом нищего. За все время своих странствий по Комморион он ни разу не встречал такого странного попрошайки. Человек выглядел нелепо, он казался слишком старым. Его сильно изборожденная глубокими морщинами кожа, коричневая, как у мумии, походила на огромную паутину, сплетенную гигантским пауком, обитающим в джунглях. Лох-

мотья старика смотрелись еще более неправдоподобно, и в них терялась свисающая до земли борода, седая, как мох первобытного можжевельника.

— Мне не нужно твое предсказание.

— Тогда один пазур.

— Нет.

В глазах нищего появился недобрый огонек, который зловеще вспыхнул во впалых глазницах, напоминая головы двух ядовитых маленьких гадюк, выглядывающих из своих нор.

— Тогда, о Авузул Вутокван, я поведаю тебе твою судьбу даром,— прошипел он.— Слушай же! Безбожная и безмерная любовь, которую ты питаешь ко всему бренному, и страсть к драгоценностям приведут тебя к удивительным поискам, а что произойдет потом — неведомо ни звездам, ни солнцу. Скрытые земные богатства заманят тебя в ловушку, из которой не будет выхода, и сама земля в конце концов поглотит тебя.

— Убирайся вон,— буркнул Авузул Вутокван.— Предсказание твое началось слишком туманно, зато закончилось совершенно банально. Я не собираюсь выслушивать предсказание нищего о том, что суждено всем смертным.

* * *

С тех пор прошло много времени. Наступил год, известный в доледниковый период как год Черного Тигра.

Авузул Вутокван сидел в комнате, расположенной на нижнем этаже своего дома, служившей ему рабочим кабинетом. Помещение освещали последние золотые лучи красноватого заката, косо падавшие сквозь хрустальное стекло окна. Отблески солнца, попадая на инкрустированные драгоценностями лампы, свешивавшиеся на медных цепях, извивались на полу разноцветными лентами, переливающимися радужными искрами. Серебристые извилистые нити отраженного света попадали на стены и преображали темные гобелены, вдыхая в них новую, яркую жизнь. Авузул Вутокван, отстранившись от мерцающего заката, расположился, сидя в кресле, в темно-коричневом сумраке, и пристально рассматривал посетителя — серьезно, но в то же время с иронией. Смуглое лицо и темную

накидку незнакомца великолепно золотили лучи умирающего солнца.

Стоявший перед ним человек был чужестранцем. Авузул Вутокван предположил, что он — либо странствующий купец из отдаленного королевства, либо представитель более сомнительной профессии. Узкие и раскосые, зеленые, как бериллы, глаза незнакомца, его борода, отливающая голубым цветом, и грубоватый покрой темной одежды подтверждали, что он не является жителем Комморион.

— Триста диалов — большая сумма,— произнес ростовщик задумчиво.— Кроме того, я не знаю тебя. У тебя есть какие-нибудь гарантии?

Посетитель достал из-за пазухи маленький мешочек из тигровой шкуры, перевязанный жилой животного, открыл его ловким движением и высыпал содержимое на стол перед ростовщиком. Из мешочка выкатились два необработанных, но огромных и безупречно чистых изумруда. В косых лучах заката они вспыхнули ледяными зелеными искрами. В глазах хозяина загорелся огонь алчности, но он произнес холодно и безразлично:

— Может быть, я смогу ссудить тебе сто пятьдесят диалов. Изумруды очень трудно сбыть, и если ты не вернешься, чтобы забрать эти камни и вернуть деньги, мне, возможно, придется пожалеть о своей щедрости. Я ведь рискую.

— Залог, который я прошу, это всего лишь десятая часть истинной стоимости камней,— запротестовал чужестранец.— Дайте мне двести пятьдесят диалов. Впрочем, мне говорили, что в Комморионе есть и другие ростовщики.

— Я не могу предложить больше двухсот диалов. То, что камни бесценны, это правда. Но, может быть, ты их украл. Откуда я знаю? Я ведь не имею дурной привычки задавать нескромные вопросы.

— Возьмите их,— поспешно проговорил незнакомец. Не собираясь больше спорить, он торопливо собрал серебряные монеты, отсчитанные хозяином дома. Ростовщик наблюдал за уходящим гостем со злобной ухмылкой, сделав собственные выводы. Он был уверен, что ему продали краденые драгоценности, но не думал ни пережи-

вать, ни волноваться по этому поводу. Неважно, кому они принадлежали и какова их история. Теперь они станут желанным и ценным дополнением к содержимому его сундуков. Даже один, меньший, изумруд стоил во много раз больше трехсот диалов, но ростовщик не опасался, что незнакомец когда-нибудь вернется за ними... Нет, этот человек — действительно вор, и он с радостью избавился от улик. А что касается законного владельца драгоценных камней, то он не интересовал ростовщика. Теперь эти камни являлись его собственностью благодаря сумме, заплаченной в серебре, которую они с торговцем по молчаливому согласию обоих приняли в качестве цены, а не простого займа.

Лучи заката быстро исчезали из комнаты. В коричневых сумерках начали тускнеть и серебристая вышивка на гобеленах, и цветные глаза драгоценных камней. Авузул Вутокван зажег украшенную резьбой лампу и затем открыл небольшую бронзовую шкатулку. На стол рядом с изумрудами высыпался сверкающий ручеек драгоценностей. Среди них были бледные и прозрачные, как лед, топазы из Му Талана, великолепные турмалины из Тешо Вулпаноми, холодные и таинственные северные сапфиры, арктические карнеолы, напоминающие застывшую кровь, бриллианты, в центре которых, будто сердца, сверкали белые звезды. Красные, совершенной формы рубины выделялись своим блеском из мерцающей груды кристаллов, глазковые шпаты светились, как глаза тигра, а мрачные отблески гранатов среди переливающихся всеми цветами радуги опалов оттеняли свет лампы. Приобретенные этим вечером камни не были единственными изумрудами в коллекции ростовщика, но, безусловно, являлись самыми крупными и совершенными.

Авузул Вутокван рассортировал драгоценные камни, разложив одни — в сверкающие ряды, а другие — в круги. Так он делал уже не в первый раз, но теперь ростовщик впервые выложил отдельно все изумруды, старые и вновь приобретенные, причем два новых камня он разместил рядом, перед кучкой остальных, будто они были капитанами, которые вели роту солдат. Он был очень доволен сделкой и теперь наслаждался содержимым своих переполненных сундуков. Авузул Вутокван рассматривал дра-

роценности с жадной любовью, алчным самодовольством, и можно было подумать, что его собственные глаза — это маленькие бусинки яшмы, вставленные в глазницы, словно в дымчатую пергаментную обертку старинной рукописи по магии. Он считал, что только деньги и драгоценные камни были вечны в изменчивом мире, где все так мимолетно.

Не успел он в очередной раз подумать об этом, как его мысли прервало нечто странное. Внезапно без какого-либо предупреждения два больших изумруда, к которым сам он не прикасался и ничем другим не мог затронуть, покатились прочь от своих собратьев по гладкой поверхности стола из черного дерева. Не успел перепуганный ростовщик сообразить, что надо протянуть руку и остановить камни, как они уже исчезли за противоположной кромкой стола и упали с приглушенным стуком на покрытый ковром пол.

Такое поведение самоцветов не только не поддавалось никакому объяснению, но было невероятно странным и подозрительным. Ростовщик вскочил на ноги с единственной мыслью — лишь бы вернуть камни. Он обежал вокруг стола как раз вовремя, чтобы увидеть, что они, продолжая таинственно катиться, выскользнули в наружную дверь, которую незнакомец, уходя, оставил приоткрытой. Дверь вела во двор, а двор, в свою очередь, выходил на улицы Комориона.

Происшествие сильно взволновало Авузула Вутоквана. Однако еще большую тревогу у него вызывало не столько сверхъестественное и таинственное исчезновение изумрудов, сколько возможность навсегда потерять камни. Он последовал за ними с неожиданным для его комплекции проворством и, открыв настежь двери, увидел, как беглые изумруды необъяснимо скользили по неровным, неравномерно уложенным плитам мощеного двора. Сумерки сгущались, надвигалась ночная синева, но изумруды, будто специально и даже насмешливо мерцали странным фосфорическим блеском, пока он следил за ними. Ростовщик ясно различил во мраке, что они проскочили сквозь незапертые ворота, которые выходили на главную улицу, и исчезли.

Авузулу Вутоквану стало очевидно, что он приобрел заколдованные камни, но даже опасность столкновения с

неизвестным колдовством отступила перед желанием не потерять ничего, за что он заплатил щедрую сумму в двести диалов. Ростовщик выбежал на главную улицу. Он замер ненадолго, чтобы убедиться, что его изумруды укатились именно в этом направлении, и побежал следом.

На темной улице было пустынно, в этот час почтенные богатые обитатели Комориона всегда ужинали. Изумруды, воспользовавшись удобным случаем, легко скользили по безлюдной дороге. Казалось, они летели, направляясь прочь от центра города, в сторону бедных пригородов и диких буйных джунглей за околицей. Авузул Вутокван понял, что если он хочет догнать свои драгоценности, то ему придется бежать быстрее.

Задыхаясь и хрипя от непривычного для него занятия, ростовщик бросился бежать следом за камнями с удвоенной скоростью, но, несмотря на все усилия, изумруды катились впереди, сохраняя между собой и преследователем прежнюю дистанцию, с раздражающей легкостью и жуткой настойчивостью, то и дело музыкально позвякивая по тротуару. Обезумев от гонки, совершенно сбитый с толку поведением камней, ростовщик вскоре вынужден был приостановить бег, чтобы отдышаться. Он очень боялся потерять сбежавшие камни из вида, но они почему-то тоже замедлили скорость и теперь передвигались так же медленно, как и Авузул Вутокван, постоянно находясь в поле его зрения.

Ростовщик впал в отчаяние. Изумруды привели его в пригородные кварталы Комориона, где обитали грабители, убийцы и нищие. Но и здесь он мало кого встретил. Редкие прохожие подозрительного вида удивленно таращились на летящие камни, но никто даже не попытался их остановить. Затем грязные жилища, мимо которых он пробегал, сменились маленькими домиками, уже не стоявшими впритык друг к другу. Вскоре по краям дороги лишь изредка стали встречаться лачуги, из окон которых в наступившей тьме едва виднелись мерцающие огоньки, скрытые густым кустарником, окружавшим высокие пальмы.

Летевшие по темной дороге перед Авузулом Вутокваном изумруды были, однако, все еще хорошо видны, поскольку продолжали насмешливо фосфоресцировать даже в ночи. Ростовщику, однако, показалось, что он немного

приблизился. Поэтому несмотря на то, что у него ослабли ноги, тучное тело размякло от усталости, он, тяжело дыша, продолжал бежать со все более возраставшей надеждой, жадно вдыхая воздух. Полная луна, большая, с янтарным оттенком, поднялась над джунглями и освещала путь преследователя.

Комморион остался теперь далеко позади, и на лесной пустынной дороге не встречалось больше ни лачуг, ни попутчиков. Авузул Вутокван немного дрожал — то ли от страха, то ли от ночной прохлады, но не прекращал своего преследования. Он приближался к изумрудам, медленно, но неуклонно, и чувствовал, что еще чуть-чуть и он схватит их. Его мысли полностью поглотила эта странная погоня, а взгляд был прикован только к мерцающим впереди камням, поэтому он даже не осознал, что бежит уже не по большой дороге. Ростовщик не заметил, где и когда он свернул на узкую тропинку, которая извивалась среди громадных деревьев, а листва превратила лунный свет в серебристую паутину с тяжелыми фантастическими вкраплениями черного дерева. Казалось, что обступившие его со всех сторон деревья, словно чудовищные ископаемые, угрожающе склонились над Авузулом Вутокваном. Но ростовщик не чувствовал угрозы, исходящей от гигантских теней, и не обращал внимания ни на зловещe странную и пустынную тропу в джунглях, ни на сырой запах, скопившийся под деревьями, словно поднимающиеся из-под земли пары невидимых болот.

Он был все ближе и ближе к убегающим камням. Казалось, ускользая совсем ненамного и мерцая поблизости, они смотрели на него, будто два зеленых горящих глаза, насмешливых и соблазняющих. И вот когда ростовщик рванулся вперед, пытаясь схватить их, изумруды внезапно пропали из вида, как будто лесные тени, лежавшие, как черные питоны поперек освещенной луной тропинки, поглотили их.

Это озадачило и смутило Авузула Вутоквана. Он остановился и недоверчиво уставился на то место, где исчезли камни. Только тут ростовщик заметил, что тропинка заканчивалась входом в пещеру, зияющую перед ним своей темной и безмолвной пастью и ведущую в неизвестные подземные глубины. Пещера выглядела подозрительно и

странно, ее окаймляли острые камни, напоминающие клыки, и спутанная, словно борода, трава. В любой другой ситуации Авузул Вутокван долго бы сомневался перед тем, как войти туда. Но именно сейчас, исполненный страстью преследования и алчностью, он не был способен ни на что другое, кроме как броситься следом.

Пещера, предательски поглотившая его изумруды, начиналась с крутого наклона, быстро сбегающего вниз, в темноту. Она была низкой, узкой и скользкой от зловонной слизи, но как только ростовщик заметил светящиеся камни, он приободрился. Изумруды, казалось, парили рядом с ним в черном воздухе, будто бы освещая путь. Наклонный спуск закончился, приведя преследователя к извилистому проходу. Авузул Вутокван продолжил погоню за своей неуловимой собственностью, и в его сильно бьющемся сердце вновь вспыхнула надежда.

Он уже почти схватил камни, когда они с неожиданной ловкостью снова ускользнули из его рук и скрылись из виду за очередным резким поворотом. Устремившись следом за ними, ростовщик замер от удивления, словно чья-то невидимая рука остановила его. Он оказался в огромной пещере, ослепленный на мгновение бледным таинственным голубоватым светом, отражавшимся от ее стен и свода. У него захватило дух от увиденного: вокруг блестело, переливалось, сверкало и искрилось, играя всеми цветами радуги, невообразимое великолепие драгоценных камней.

Авузул Вутокван замер на узком каменном выступе, а вся пещера, простиравшаяся вдаль и вглубь, почти до самого выступа, на котором он стоял, была заполнена драгоценными камнями, как амбар зерном! Создавалось впечатление, что кто-то собрал в этой огромной пещере рубины, опалы, бериллы, алмазы, аметисты, изумруды и сапфиры со всего мира. Ростовщику показалось, что он увидел свои собственные изумруды, которые спокойно и умиротворенно лежали в ближайшей кучке на неровной поверхности драгоценностей, но вокруг сверкало так много других, таких же крупных и безупречно прозрачных, что он немного усомнился.

Некоторое время ростовщик с трудом верил в реальность немыслимого видения. Затем, вскрикнув от восторга, он спрыгнул с уступа и почти по колена погрузился в

сыпучие, позвякивающие, перекатывающиеся камни. Захватив полную пригоршню сверкающих и искрящихся драгоценных камней, он поднял их и высыпал сквозь пальцы. Медленно и сладостно, они с легким звоном падали обратно, в огромное море других камней. Радостно мигая, он наблюдал, как великолепные цвета и оттенки минералов переливались, создавая в этом сказочном море то широкую, то узкую рябь, он видел, как они горели, словно каменный уголь в печи или звезды в небе, и подпрыгивали, переливаясь, будто бы передавали друг другу волшебный огонь.

Даже в самых своих дерзких мечтах ростовщик никогда не предполагал, что может оказаться в окружении такого богатства: В приливе счастья, играя бесчисленными драгоценными камнями, он громко восхищался ими и не замечал, что с каждым движением своего грузного тела все больше погружается в бездонную яму. Его ноги увязли в драгоценностях, колени и короткие бедра скрылись в блистающем великолепии камней, и только тогда в его жадное восторженное сознание проникла мысль об опасности.

Он попытался выбраться из камней и вернуться на безопасный уступ, напуганный мыслью, что тонет в только что обретенном богатстве, как в предательски зыбучем морском песке. Ростовщик беспомощно барахтался, подвижные камни расступались под весом его тела, не освобождая, а все глубже затягивая внутрь, и вскоре блестящая подвижная поверхность сокровищ поднялась до пояса несчастного.

Авузул Вутокван испытал безумный ужас, осознав всю невыносимую иронию своего положения. Он вскрикнул, и, словно в ответ, из пещеры за его спиной раздался громкий, ядовитый и уродливый смех. С болезненным усилием он повернул толстую шею и, с трудом взглянув через плечо, увидел невероятное существо, которое притаилось на плоском выступе над ямой с драгоценностями. Существо не напоминало ни человека, ни животное, обитающее на земле, и не походило ни на одного из известных в Гиперборее богов или демонов. Его внешний вид увеличил тревогу и панику ростовщика: странное создание было очень большим, белым и толстым, с лицом, как у жабы, раздутым телом и многочисленными лапами, похожими

на щупальца каракатицы. Его тело распласталось на выступе, а голова без подбородка, с широким, словно щель, ртом и косыми глазами без век свешивалась над ямой с драгоценностями. Существо вглядывалось в Авузула Вутоквана. Ростовщик еще больше испугался, когда услышал отвратительно хриплый голос, который напоминал стук капель жира, падающих с трупов, варившихся в котле колдуна.

— Хо! Что у нас тут такое? — прошипело чудовище.— На черном алтаре Тсатоггуа — жирный ростовщик, который барахтается в моих драгоценных камнях, как увязшая в болоте свинья!

— Помоги мне! — закричал Авузул Вутокван.— Разве ты не видишь, что я тону.

Существо довольно хихикнуло.

— Конечно же, я вижу, что ты попал в затруднительное положение... Что ты здесь делаешь?

— Я искал мои изумруды — два прекрасных, безупречно чистых камня, за которые я совсем недавно заплатил двести диалов.

— Твои изумруды? — удивилось существо.— Боюсь, мне придется огорчить тебя. Эти два изумруда — мои. Их не так давно украли из этой пещеры, в которой я уже много лет собираю и стерегу свои подземные сокровища. Вор в испуге убежал... когда увидел меня... я не стал его догонять. Он взял всего два изумруда, и я знал, что они вернутся ко мне — мои драгоценности всегда возвращаются, как только я позову их. Вор был худой — кожа да кости, и я правильно сделал, что дал ему уйти, потому что сейчас на его месте — толстый, упитанный ростовщик.

Авузул Вутокван, охваченный нарастающим ужасом, едва ли способен был разобрать слова и понять смысл сказанного. Он медленно и неумолимо погружался в податливую бездну. Зеленые, желтые, красные и фиолетовые камни великолепно мерцали у его груди, слегка позвякивая у подмышек.

— Помогите! Помогите! — вопил он.— Я же сейчас утону!

Сардонически ухмыльнувшись, необычное существо высунуло раздвоенный кончик толстого белого языка и соскользнуло с уступа. Его бескостное, жирное тело, распла-

ставшись по поверхности озера из драгоценностей, в которое оно едва погрузилось, легко заскользило вперед к тому месту, откуда могло дотянуться до обезумевшего ростовщика своими длинными и липкими, как у спрута, щупальцами. Оно с легкостью вынуло Авузула Вутоквана одним невероятно быстрым движением. Затем, не оставив ему времени на размышления, без подготовки и без дальнейших рассуждений оно неторопливо и методично начало поглощать несчастного.

ЗОТИКА

ЧЕРНЫЙ АББАТ ПАТУУМА
БОГ ИЗ ХРАМА СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ИДОЛ
СМЕРТЬ ИЛАЛОТЫ
ИМПЕРИЯ НЕКРОМАНТОВ
САД АДОМФЫ
ОСТРОВ МУЧИТЕЛЕЙ
В КНИГЕ ВЕРГАМЫ
ПОСЛЕДНИЙ ИЕРОГЛИФ
ПОВЕЛИТЕЛЬ КРАБОВ
МОРФИЛЛА
НЕКРОМАНТИЯ В НААТЕ
ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ГРОБНИЦЫ
СЕМЕНА ИЗ СКЛЕПА
ЦИТРА

ЧЕРНЫЙ АББАТ ПАТУУМА

Пурпурный огонь винограда
И любовь юных дев
Наши по праву:
Под черной луной безымянной земли
Мы убили Чудовище и весь его род.

Песня лучников царя Хоурафа.

Зобал-лучник и Кушара-копейщик вместе прослужили в войске царя Хоурафа уже десять лет. Это было нелегкое десятилетие, за которое на их долю выпадали и яростные схватки, и встречи с невиданными опасностями. В борьбе с ними и завязалась между воинами крепчайшая дружба, во имя которой они пролили немало крови врагов Йороса и не раз поднимали кубки, наполненные кроваво-алыми винами этой страны. Ссоры редко омрачали их долгую и крепкую дружбу. Да и то это были только мелкие, быстро проходящие размолвки, в основном, по таким незначительным поводам, как дележ бурдюка с вином или спор из-за девушки. Два воина выделялись на фоне остального войска, и скоро молва об их доблести достигла ушей Хоурафа. Царь почтил Кушару и Зобала своим вниманием, включив их в ряды избранных воинов, охранявших его дворец в Фарааде. Иногда им вместе поручали такие дела, для которых требовались

люди выдающейся отваги, чья верность владыке не подвергалась сомнению.

Это поручение было именно таким, однако теперь с ними был евнух Симбан — главный поставщик образцового гарема Хоурафа. Они совершали утомительный переход через Издрель — пустыню, ржаво-бурым клином рассекающую надвое западную часть Йороса. Король послал их проверить, есть ли хоть какое-нибудь зерно истины в рассказах некоторых путешественников о деве небесной красоты, якобы живущей в одном из земледельческих племен за Издрелью. На поясе у Симбана висел кошель, полный золотых монет, которые должны были пойти в уплату за девушку, если ее красота будет хоть в какой-то мере сравнима с той, о которой твердила молва. Король полагал, что, послав с евнухом Зобала и Кушару, он снабдил его спутниками, которые смогут быть полезными в любых непредвиденных обстоятельствах. По общему мнению, Издрель была свободна от разбойников, или, точнее, там попросту не жили люди. При этом, однако, говорили, что дорогу путешественникам там часто преграждали злобные, горбатые, как верблюды, гоблины великанского роста. Упоминали также и ламий — ведьм в облике прекрасных женщин, заманивавших путников навстречу ужасной смерти. Симбану вовсе не хотелось отправляться в такую дальнюю дорогу, и он ехал с мрачным видом, тучно покачиваясь в седле. Однако сердца лучника и копейщика были полны здорового скептицизма. Всю дорогу они болтали, делая объектом своих довольно непристойных шуточек то замкнувшегося в себе евнуха, то казавшихся пока такими далекими демонов.

Без каких-либо неприятностей, если не считать бурдюка, который прорвался под напором забродившего в нем молодого вина, они преодолели однообразную и скучную пустыню и оказались среди зеленых, поросших густой травой пастбищ. Здесь в глубоких долинах среднего течения Воза, жило племя скотоводов, которые каждые два года посылали Хоурафу дань от своих тучных стад скота и дромадеров. В деревушке на берегу Воза Симбан со спутниками встретили девушку, которую искали, и, увидев ее, даже евнух вынужден был признать, что они не зря проделали такой долгий путь.

Что касается Кушары и Зобала, то они были мгновенно покорены красотой девушки. Ее звали Рубальса. Это была высокая стройная как королева девушка с кожей светлой и нежной, как лепестки белого мака. Солнце играло тусклой медью в волнистой черноте ее тяжелых волос. Пока Симбан назойливо торговался со старой каргой — бабушкой девушки, воины с плохо сдерживаемым желанием разглядывали Рубальсу и отпускали в ее адрес самые смелые комплименты, какие могли позволить себе в присутствии евнуха.

Наконец сделка была заключена и деньги уплачены. Кошель евнуха изрядно уменьшился в объеме. Теперь Симбану не терпелось вернуться в Фараад с добычей и он, казалось, совершенно забыл о том страхе, который вызывала у него дорога через пустыню.

Не в силах терпеть до утра, евнух еще затемно поднял Зобала и Кушару, и, захватив не совсем проснувшуюся Рубальсу, все трое покинули спящую деревню.

Полдень с его раскаленным добела солнцем в темно-синем зените застал их глубоко посреди бурых песков и похожих на железные зубы скал Издрели. Дорожку, по которой они шли, едва ли можно было назвать тропой. Несмотря на то, что в этом месте Издрель имела в ширину от силы тридцать миль, немногие путешественники отваживались преодолеть несколько лиг по этим кишащим демонами землям. Большинство предпочитали делать огромный крюк к югу от опасного запустения и шли по дороге, следовавшей вдоль Воза почти до самого его устья на берегу Индаскийского моря. Этой дорогой часто пользовались пастухи, и она считалась безопасной.

Кушара был великолепен в своих бронзовых чешуйчатых доспехах. Он ехал впереди небольшого отряда на рослой пегой кобыле в обшитом медными пластинами кожаном нагруднике. За ним на черном мерине, которого ей послал Хоураф, ехала Рубальса, облаченная в красный домотканый плащ. Сразу позади нее следовал Симбан. Евнух боялся лошадей и верблюдов, и поэтому для своих поездок всегда использовал серого неопределенного возраста осла. Он и сейчас тяжело и внушительно восседал на нем в пестром наряде, окруженный со всех сторон пухлыми чересседельными сумками. В руке Симбан дер-

жал поводья другого осла, который буквально падал под тяжестью нагруженных на него бурдюков с вином, сосудов с водой и других припасов. В арьергарде на нетерпеливом жеребце, который непрестанно беспокоился и фыркал в удилах, ехал Зобал. Стройный и жилистый, он сидел в седле в легкой кольчуге. Лук он снял с плеча и держал в руках. За его спиной был колчан со стрелами, которые придворный маг Амдок пытался подготовить для схватки с демонами, читая над ними какие-то странные заклинания и вымачивая в сомнительного вида жидкостях. Зобал скорее из вежливости учтиво принял стрелы, но позже с удовлетворением заметил, что колдовство Амдока нисколько не повредило их железным наконечникам. Кушаре Амдок тоже предложил заколдованное копье, но тот наотрез отказался от подарка, сказав, что и со своим собственным испытанным оружием сможет противостоять козням какой угодно нечисти.

Из-за Симбана и двух ослов отряд двигался с черепашьей скоростью. Однако они надеялись к ночи преодолеть самую заброшенную и дикую часть Издрели. Хотя Симбан и продолжал смотреть с сомнением на мрачное запустение, его теперь больше занимала ценная добыча, чем воображаемые бесы и ламии пустыни. Погруженные в любовные мечтания Зобал и Кушара почти не обращали внимания на то, что творилось по сторонам.

Всю утреннюю часть пути Рубальса провела в молчании. Вдруг она закричала. Ее приятный нежный голос дрожал от тревоги. Все натянули поводья своих скакунов, и Симбан засыпал девушку вопросами. Рубальса ничего не ответила, только указала рукой на юг к горизонту, где, как только сейчас заметили путешественники, собиралась странная непроглядно-черная тень. Она уже совсем скрыла от взгляда дальние холмы и закрыла значительную часть небосвода. Это было не похоже ни на облако, ни на песчаную бурю. Развернувшись полукругом, тень стремительно приближалась к путешественникам. Через минуту или даже меньше она черным туманом легла на тропу спереди и позади них, и два крыла тени, двигаясь на север, сомкнулись и заключили их в кольцо. После этого тьма остановилась и замерла на расстоянии не меньше сотни футов от них. Непроницаемой отвесной стеной она окружила

путников, и только над их головами оставалось небольшое отверстие, через которое внутрь проникали лучи солнца — далекого, маленького и бесцветного, словно смотришь на него со дна глубокого колодца.

— Ай! Ай! Ай! — завыл Симбан, пытаясь поглубже укрыться среди своих мешков.— Я так и знал, что с нами обязательно приключится какая-нибудь чертовщина!

В тот же момент громко заревели оба осла, и лошади с неистовым ржанием и визгом задрожали под своими седоками. Только жестоким ударом шпор Зобал смог заставить своего жеребца приблизиться к кобыле Кушары.

— Может, это просто какой-нибудь дурацкий туман,— сказал Кушара.

— Что-то я никогда раньше такого тумана не видел,— с сомнением ответил Зобал.— Пару здесь неоткуда взяться, но мне кажется, так должен выглядеть дым семи адских кругов, о которых люди рассказывают, что они будто бы лежат под Зотикой.

— Давай подъедем чуть-чуть поближе,— сказал Кушара.— Я хочу посмотреть, выдержит ли эта тень удар копья.

Сказав пару слов утешения Рубальсе, они попытались подъехать к мрачной стене, но, сделав несколько шагов, лошади заартачились, захрапели, покрылись потом, и их никак нельзя было заставить сдвинуться с места. Кушаре и Зобалу пришлось спешиться и продолжить свой путь пешком.

Воины приближались к тени с осторожностью, ведь они не знали, с чем предстояло иметь дело — ни что это было, ни откуда оно взялось. Зобал наложил стрелу на тетиву, а Кушара выставил перед собой тяжелое копье с бронзовым наконечником, как будто шагал навстречу готовым к бою рядам противника. Когда они подошли вплотную, мрак не расступился перед ними, как обычный туман, а стоял непрозрачной завесой.

Кушара уже был готов метнуть свое копье, как вдруг без какого-нибудь предупреждения прямо перед ним из темноты раздался вселяющий ужас грохот барабанов, рев труб, звон цимбал и звяканье доспехов, грубые голоса, топот множества закованных в броню ног по каменистой земле. Изумленные Кушара и Зобал отпрянули, но грохот продолжал расти и шириться, пока его воинственные звуки

не заполнили все пространство, в котором странная ночь заперла путешественников.

— Воистину, мы окружены! — крикнул Кушара своему спутнику, когда они вернулись к лошадям.— Похоже, какой-то король с севера наслал на Йорос целую армию своих приспешников.

— Да,— сказал Зобал,— но странно, что они никак не обнаруживали себя. Эта тьма... Клянусь, это совсем не простая темнота!

Прежде, чем Кушара успел возразить, воинственные крики и шум резко прекратились. Теперь, казалось, все пространство было заполнено грохотом бессчетного количества трещоток, шипением тысяч огромных змей, хриплыми криками птиц, пророчащими несчастье. Затем к наводящим ужас звукам прибавилось непрекращающееся ржание лошадей и безумный рев ослов, на фоне которых еле слышны были крики Рубальсы и Симбана.

Кушара и Зобал тщетно пытались усмирить своих скакунов и успокоить сходящую с ума от страха девушку. Было ясно, что никакая армия смертных не могла угрожать им. Звуки же за завесой тьмы продолжали меняться, злобные завывания и рев исчадий ада оглушали их своей мощью.

Стена мрака оставалась непроницаемой, однако круг тьмы начал быстро перемещаться на север. Для того, чтобы оставаться в его центре, воинам и их спутникам пришлось, забыв о тропинке, мчаться, не разбирая дороги, через каменистые гребни и глубокие овраги. Стоило приблизиться к непроницаемой для взгляда завесе на определенное расстояние, и неизменно слышались исполненные злобы и ненависти звуки, которые продолжали вселять в них ужас.

Лучи склонившегося к западу солнца больше не проникали в этот несущийся непонятно куда колодец, и глубокие сумерки окутали людей. Зобал и Кушара скакали, держась так близко к Рубальсе, как только позволяла каменистая почва, по которой пролегал их путь. Напрасно напрягали они глаза, пытаясь рассмотреть какие-нибудь признаки окружавших их когорт противника. Оба воина

были полны самых мрачных предчувствий — они прекрасно понимали, что какая-то сверхъестественная сила уводит их неизвестно куда по нехоженой пустыне.

Казалось, каждую минуту завеса тьмы приближается, и монстроподобные формы, вихрем проносящиеся за ней, становятся осязаемыми. Лошади спотыкались о булыжники и острые, как бритва, осколки камней, а тяжело навьюченные ослы должны были развивать невиданную скорость, чтобы не отставать от этого бурлящего круга, шум которого так их пугал. Рубальса перестала кричать, как будто совсем обессилела от страха, а тонкие повизгиванья евнуха превратились в исполненные ужаса сипение и сдавленный хрип.

Время от времени представлялось, что огромные, горящие яростью глаза свирепо смотрели из окружающего мрака, то летя прямо над землей, то возносясь на немыслимую высоту. Каждый раз, когда они появлялись, Зобал одну за другой посылал в них свои колдовские стрелы. Каждую стрелу встречал громовой взрыв сатанинского хохота и улюлюканья.

Путники совсем потеряли меру времени и чувство направления, но продолжали нестись вперед. Ноги животных были сбиты, Симбан — едва жив от страха и усталости, Рубальса безжизненно обмякла в седле, а воины, сбитые с толку обстоятельствами, в которых их оружие оказалось совершенно бесполезным, поникли от глухой усталости.

— Никогда больше я не усомнюсь в легендах, что рассказывают об Издрель,— мрачно произнес Кушара.

— По моему разумению, сейчас у нас нет времени на то, чтобы верить или сомневаться,— возразил Зобал.

Вдобавок ко всем несчастьям, местность изменилось — начался длинный неровный подъем. Беглецам приходилось карабкаться на пологие холмы и спускаться в бесконечно глубокие долины. Вскоре они вышли на покрытое щебнем плоское пространство. И сразу же адское столпотворение подалось в стороны и назад, удаляясь и затихая до слабого, еле уловимого шепота, который замер где-то очень далеко. Одновременно окружающая их непроглядная мгла поредела, на небе показались звезды, и острые гребни безжизненных холмов пустыни расплывчато проявились в красноватом свете вечерней зари. Путешественники остановились и изумленно посмотрели друг на друга

в полумраке, который на этот раз был обычными предзакатными сумерками.

— Что это еще за новая чертовщина? — спросил Кушара, едва веря в то, что адские легионы оставили их в покое.

— Не знаю,— ответил лучник, вглядываясь в окружающие их сумерки.— Но, похоже, один из этих дьяволов еще здесь.

В этот момент все увидели приближавшуюся к ним фигуру в просторной одежде, которая скрывала очертания. Она несла зажженный фонарь, сделанный из полупрозрачного рога какого-то животного. Позади странной фигуры внезапно зажглось множество огней, и путешественники только сейчас заметили темную угловатую массу, которая оказалась большим зданием с множеством окон.

Фигура приблизилась, и в тусклом желтоватом свете фонаря стало видно, что это темнокожий человек необыкновенного роста и мощи, облаченный в просторную шафраново-желтую накидку, какие обычно носят члены некоторых монашеских орденов. На голове у него была украшенная двумя рогами пурпурная шапка аббата. Его появление было совершенно неожиданным. Если на выжженных бесплодных пространствах Издрели и существовали какие-нибудь монастыри, о большинстве из них никто во внешнем мире не знал. Однако, изрядно покопавшись в памяти, Зобал выудил оттуда полустершееся предание, которое слышал однажды. В нем говорилось о секте чернокожих монахов, процветавшей в Йоросе много веков назад. С тех пор о ней никто не слышал, и даже место, где стоял монастырь, забылось. Сейчас чернокожих в царстве почти не осталось, если не считать нескольких евнухов, которые несли службу в гаремах придворных и богатых купцов.

При приближении незнакомца животные стали нервничать.

— Кто ты? — спросил Кушара и крепче сжал в руке древко своего оружия.

Черный человек широко улыбнулся, обнажив два ряда грязных зубов с мелкими, как у дикой собаки, резцами. От этой улыбки его огромные жирные щеки и подбородок собрались бесчисленными складками невообразимого размера. Его близко сидящие глаза непрестанно моргали в трясущихся студенистых мешках вокруг них. Огромные

ноздри раздувались, с ярко-красных дрожащих губ сочилась слюна. Прежде чем ответить на вопрос Кушары, человек облизнулся своим толстым красным языком.

— Я Уджук — аббат монастыря в Патууме,— произнес он густым и громким голосом, который, казалось, шел прямо из-под земли.— Прошу воспользоваться нашим гостеприимством, потому что, похоже, ночь застала вас далеко в стороне от обычной дороги.

— Да, и притом она застала нас слишком рано,— сухо ответил Кушара. Вид похотливых и часто моргающих глазенок аббата, которые тот устремил на Рубальсу, совсем не нравился ни Зобалу, ни Кушаре. Больше того, сейчас они заметили непропорционально длинные ногти на его огромных руках и босых плоскостопых ногах — это были острые изогнутые трехдюймовые когти дикого зверя или хищной птицы.

На Рубальсу и Симбана аббат или не произвел такого отталкивающего впечатления, или они просто не заметили того, что бросилось в глаза воинам. Они заявили, что с радостью примут предложение аббата, и стали склонять к этому воинов, вид которых говорил, что им эта идея совсем не по нраву. Зобал и Кушара поддались уговорам, но про себя решили неотступно следить за аббатом. Держа светящийся рог над головой, Уджук повел путешественников к массивному зданию. Огромные ворота из темного дерева распахнулись настежь, и путники вошли в обширный внутренний двор, вымощенный стертыми булыжниками, тускло поблескивающими в неярком свете факелов, воткнутых в ржавые железные гнезда. Сначала двор казался совершенно пустынным, и тем больше было удивление и испуг путников, когда несколько монахов появились перед ними как из-под земли. Все они были необыкновенного роста и силы, в их чертах замечалось поразительное сходство с Уджуком. Монахов нельзя было бы отличить от аббата, если бы они носили такие же красные рогатые шапки, а не желтые капюшоны. Сходство дополнялось похожими на звериные когти изогнутыми ногтями необыкновенной длины. Их движения были тихи и неуловимы. Не говоря ни слова, они взяли под уздцы лошадей и ослов. Зобал и Кушара нехотя решились доверить своих скакунов заботе этих не вы-

зывающих доверия хозяев, однако Рубальса и евнух не разделяли их опасений.

Монахи также выразили готовность избавить Кушару и Зобала от забот о тяжелом копье и луке из железного дерева заодно с полупустым колчаном с заколдованными стрелами. Однако воины наотрез отказались расстаться со своим оружием.

Затем Уджук провел путешественников внутрь и, пройдя по темному коридору, они оказались в трапезной. Это была низкая просторная комната, освещенная медными лампами работы древних мастеров. Такие сейчас можно найти только в занесенных песком могильниках пустыни. С людоедской ухмылкой на лице аббат провел гостей к столу черного дерева и указал им места на стульях и лавках из того же материала.

Когда все расселись, Уджук сам сел во главе стола. Сразу после этого в трапезную вошли четыре монаха с тарелками пряно пахнущих яств и темными глиняными кувшинами, наполненными питьем цвета темного янтаря. Эти монахи, как и предыдущие во дворе, были огромными, черными копиями своего аббата и повторяли его черты и повадки. Зобал и Кушара с осторожностью попробовали напиток, который, судя по запаху, был каким-то особенно крепким сортом пива. Их опасения насчет Уджука и его монастыря росли с каждой минутой. Поэтому, несмотря на жестокий голод, они не притронулись к разложенной перед ними еде, состоящей из различных сортов печеного мяса непонятного происхождения. Симбан и Рубальса набросились на еду с аппетитом, усиленным долгим постом и необычными переживаниями прошедшего дня.

Воины обратили внимание, что перед Уджуком не поставили никакой еды, и предположили, что он уже обедал. Его жирное тело, развалившееся на стуле, похотливый взгляд маслянистых глаз, впившихся в Рубальсу, и не сходящая с губ ухмылка вызывали в воинах все большее отвращение. Скоро этот взгляд стал смущать девушку, а потом беспокоить и пугать ее. Она не могла больше есть, и Симбан, который до этого был целиком занят ужином, заметил эту перемену. Она явно обеспокоила его. Казалось, он впервые заметил совсем не монашеские взоры, которые аббат постоянно бросал на Рубальсу. Придав своему лицу

недовольное выражение, он громким резким голосом многозначительно заметил, что девушка предназначена для гарема Хоурафа. Услышав это, Уджук засмеялся, как будто Симбан только что рассказал занятную шутку.

Зобалу и Кушаре стоило больших усилий сдержать свой гнев. Оба они уже были готовы вонзить свое оружие в огромное жирное тело аббата, но тот, похоже, понял намек Симбана и отвел глаза от Рубальсы. Вместо этого он стал пристально рассматривать воинов. В его взоре на этот раз сквозила какая-то странная отвратительная алчность, которая была нисколько не лучше тех влюбленных взглядов, которые он до этого бросал на Рубальсу. Потом не менее пристального внимания Уджука удостоился и наевшийся евнух. Во взгляде аббата сквозило нетерпение гиены, пожирающей глазами свою будущую добычу.

Симбану было явно не по себе, он напугался и попытался завести с аббатом какое-то подобие разговора, рассказывая все о себе, своих спутниках и приключениях, которые привели их в Патуум. Уджука эти рассказы, казалось, совсем не интересовали. Он ничему не удивлялся, и Кушара и Зобал еще больше утвердились во мнении, что это никакой не аббат.

— Насколько мы отклонились от дороги в Фараад? — спросил Симбан.

— Я бы не сказал, что вы отклонились,— пророкотал Уджук своим подземным голосом.— Вы как раз вовремя пришли в Патуум. У нас тут не часто бывают гости, и нам всегда очень жаль расставаться с теми, кто отдает честь нашему гостеприимству.

— Добрый Хоураф с нетерпением ожидает нашего скорейшего возвращения с девушкой,— дрожащим голосом произнес Симбан.— Мы должны покинуть вас завтра рано утром.

— Завтра будет завтра,— сказал Уджук голосом наполовину елейным, наполовину зловещим.— Может случиться так, что к утру вы уже забудете об этой бесполезной, изматывающей спешке.

Остаток трапезы прошел в тишине, и, похоже, даже Симбан потерял свой обычно зверский аппетит. Уджук

все продолжал ухмыляться, как будто веселая шутка, которая занимала его, не имела никакого отношения к его гостям.

Неожиданно несколько монахов вошли без зова, чтобы убрать пустые тарелки, и только когда они уходили, Зобал и Кушара поняли, что на освещенном полу рядом с неотчетливыми движущимися тенями сосудов, которые несли монахи, не было других теней! Рядом со стулом Уджука, однако, на полу распростерлась бесформенная и неуловимо уродливая тень.

— Кажется мне, мы попали в логово демонов,— прошептал Кушаре Зобал.— Ты и я, мы с тобой дрались со многими людьми, но только не с такими полупрозрачными тенями.

— Ты прав,— буркнул копейщик.— Да только этот аббат нравится мне еще меньше, чем его монахи, хотя из них только он один и отбрасывает тень.

Уджук поднялся со своего места и сказал: «Я полагаю, вы устали, а сейчас самое время поспать».

Рубальса и Симбан выпили изрядное количество крепкого эля Патуума и сейчас только сонно кивнули в знак согласия, а Зобал и Кушара, увидев, как быстро сон одолел их спутников, порадовались тому, что не очень налегали на странный напиток.

Мрак коридора, по которому аббат повел своих гостей, был рассеян только неровным светом факелов, пляшущим в сильном потоке неизвестно откуда дующего ветра. Тени беспокойно метались вокруг них, затеяв какой-то дикий танец. По обе стороны прохода были видны двери келий, завешенные только обрывками конопляной рогожи. Все монахи куда-то исчезли, кельи были темны, и в самом воздухе носилось ощущение многовекового запустения, к которому примешивался неотчетливый запах, как от груды костей, плесневеющих и гниющих где-то глубоко в тайном подземелье.

Внезапно Уджук остановился и приподнял завесу при входе в одну из келий, которая ничем не отличалась от других. Внутри на старой изъеденной ржавчиной цепи необычного плетения висела зажженная лампа. Комната была пустая, но довольно просторная. У дальней стены под открытым окном стояла кровать черного дерева со

старомодным, но роскошным стеганым одеялом. Аббат дал понять, что эта комната предназначалась для Рубальсы, и, оставив ее там, предложил показать евнуху и мужчинам отведенные для них кельи.

Перспектива расставания с девушкой, за которую Симбан отвечал головой, как рукой сняла с него сон, и он стал бурно возражать против того, чтобы их разлучали таким образом. Уджук, казалось, был готов к этому. В комнате тотчас же появился монах с несколькими одеялами, которые он расстелил на плитчатом полу у входа в келью Симбан с готовностью растянулся на этой импровизированной постели, и Уджук с воинами удалились.

— Заходите,— сказал аббат, и его волчьи зубы при этом недобро блеснули в свете факела.— Вы хорошо выспитесь на постелях, которые я для вас приготовил.

Однако Зобал и Кушара решили простоять всю ночь на часах около двери в келью Рубальсы. Они сухо сообщили Уджуку, что несут ответственность перед Хоурафом за безопасность девушки, и должны все время наблюдать за ней.

— Желаю вам приятного дежурства,— сказал Уджук со смешком, напоминающим смех гиены, да еще и доносящийся из какой-нибудь подземной гробницы.

Когда он ушел, показалось, что черный мертвящий сон седой старины воцарился в здании. Рубальса и Симбан спали беззвучным сном, и из-за задернутой занавеси не доносилось ни звука. Два воина разговаривали только шепотом, боясь разбудить девушку. Оружие их было готово к бою, и они, не смыкая глаз, следили за темным коридором. Воины совсем не доверяли этой тишине вокруг них и были уверены, что орды грязного бесовского отродья притаились сейчас под ее прикрытием и выжидают подходящего момента для нападения.

Однако пока их опасения ничем не подтверждались, и в сквозняке, который тянул вдоль стен, не чувствовалось ничего, кроме давно забытой смерти и тысячелетнего одиночества и запустения. Привыкнув к темноте, воины стали различать на стенах и полу признаки ветхости и разрушения, которых не замечали раньше. Какое-то внутреннее чувство говорило, что надо ожидать худшего: им представлялось, что монастырь простоял на этом месте тысячи лет необитаемыми руинами, что сам аббат и его

не отбрасывающие тени монахи не больше чем наваждение. Дьявольские голоса и чернота, которые привели их сюда, как овец, были не настоящими, а кошмаром, само воспоминание о котором постепенно исчезало, как исчезают днем воспоминания о дурном сне.

Скоро их начали беспокоить жажда и голод, ведь с раннего утра они ничего не ели, если не считать нескольких глотков вина или воды, которые им удалось в спешке перехватить днем. Несмотря на это, оба воина чувствовали, как их совершенно некстати начинает одолевать сонное оцепенение. Они клевали носом, проваливались в забытье и просыпались, и вскакивали для того, чтобы осмотреться, но тишина голосом сирены из опиумных сновидений говорила им, что все опасности миновали и бояться нечего.

Прошло насколько часов, и через окно в западной стене коридора, где они несли свою стражу, проник свет восходящей луны. Зобал и так чувствовал себя немного бодрее Кушары, а внезапное смятение среди животных во дворе заставило его окончательно прийти в себя Через окно его ушей достигала оглушающая какофония — к неистовому ржанию лошадей присоединялся низкий и грубый рев ослов. Казалось, страх переполнял животных. Кушара тоже проснулся.

— Смотри, не засни снова,— предупредил Зобал копейщика.— Я схожу туда и посмотрю, что могло поднять такой переполох.

— Это хорошая мысль,— согласился Кушара.— И, раз уж ты все равно идешь туда, посмотри, не попортил ли кто наш провиант. И захвати несколько абрикосов, пирогов с кунжутом и бурдюк вина.

Зобал мягко ступал по плитам коридора своими высокими сапогами на шнуровке, и звук его шагов разносился в глухой тишине, охватившей монастырь. В конце зала он увидел открытую дверь и прошел через нее во двор. Когда он появился на улице, животные успокоились. Все факелы, кроме одного, догорели или были потушены, а молодая луна еще не поднялась над монастырской стеной, и Зобал мог различать только неясные очертания предметов. Во дворе он не заметил ничего странного: два осла спокойно стояли рядом с горами провизии и другой клади, которую везли днем, а сбившиеся в плотную группку лошади, ка-

залось, тоже спали. Зобал решил, что, возможно, его жеребец и кобыла Кушары просто что-то не поделили.

Он прошелся немного по двору, чтобы еще раз проверить, не могло ли что-нибудь вызвать этот шум. Затем вернулся к бурдюкам, намереваясь перед тем, как вернуться к Кушаре с грузом провизии и питья, сначала освежиться, но не успел первый долгий глоток вина смыть дорожную пыль Издрели с его губ, как воин услышал неестественный резкий шепот. Зобал поначалу не смог определить, откуда он доносился. Временами казалось, что кто-то шепчет прямо на ухо, потом вдруг голос удалялся, как будто погружаясь в непостижимо глубокие подземелья. Однако, изменяясь таким образом, шепот не прекращался ни на минуту, и в нем слышались слова, которые уже почти можно было разобрать — слова, наполненные безнадежной печалью и отчаянием мертвеца, согрешившего много лет назад и веками кающегося во мраке склепа.

Зобал вслушивался в безграничную боль, сквозившую в этом увядшем голосе, и волосы его вставали дыбом от страха, подобного он не испытывал даже в гуще самой жестокой схватки. И в то же время Зобал понимал, что печаль, охватывающая сейчас его сердце, была глубже и сильнее, чем боль от потери боевых товарищей. Голос умолял его о сочувствии, просил о помощи, пробуждая необычное стремление к действию, которому Зобал не смел противиться. Он не мог полностью понять все, о чем просил его голос, но знал, что должен хоть как-нибудь облегчить эту одинокую безграничную боль.

Шепот слышался то тише, то громче, а Зобал совсем забыл о Кушаре, которого он оставил в одиночестве на посту, окруженного всеми опасностями ада, забыл о том, что и сам голос мог быть дьявольской ловушкой — способом отвлечь его. Он насторожился, его зоркие глаза обшаривали двор в поисках источника звука, и после некоторого раздумья он решил, что шепот доносился из-под земли в противоположном от ворот углу двора. Здесь, в углублении стены, в брусчатке он обнаружил большую плиту с ржавым металлическим кольцом в центре. Его догадка быстро подтвердилась: шепот стал громче и разборчивей, и Зобалу показалось, что тот произнес: «Подними плиту».

Лучник обеими руками ухватился за кольцо и неимоверным усилием, от которого, как ему показалось, хребет чуть не переломился пополам, смог немного сдвинуть назад и наклонить плиту. Под ней открылось темное отверстие, и Зобала накрыла волна такого невыносимого могильного зловония, что он должен был отпрянуть в сторону, чтобы его не вырвало. Но преисполненный печали голос из темноты внизу сказал Зобалу: «Спускайся».

Зобал вырвал все еще горевший факел из его гнезда. В свете мечущегося багрового пламени он увидел под собой пролет истертых каменных ступеней, ведущих в зловонный мрак склепа. Он решительно сошел по лестнице и оказался в вырубленной в земле камере. По обе стороны от него вдоль стен в темноту уходили ряды глубоких каменных полок, на которых грудами были навалены человеческие кости и мумифицированные тела. Очевидно, раньше это место было подземным монастырским кладбищем.

Шепот прекратился, и Зобал начал в страхе и замешательстве вглядываться в темноту.

— Я здесь,— зазвучал снова сухой шелестящий шепот. На этот раз он доносился из горы беспорядочно наваленных останков на полке прямо рядом с ним. Зобал вздрогнул и почувствовал, как волосы снова поднимаются на его спине. Он поднес факел к полке и взглянул на говорившего: в узкой нише среди множества беспорядочно разбросанных костей он увидел полуразложившиеся останки. Это был черный, как эбеновое дерево, труп негра гигантского роста. Его вытянутые члены и иссохшее тело были прикрыты несколькими почти истлевшими лоскутами желтой ткани. Увидев их, Зобал сразу вспомнил желтые накидки монахов Патуума. Он просунул факел немного дальше в углубление и увидел иссушенную голову мумии. Над ней кучей праха и плесени лежало то, что раньше было рогатой шапкой аббата. Видно было, что он лежал в склепе с незапамятных времен, однако от него исходил тяжелый запах разлагающейся плоти, от которого и стало плохо Зобалу, когда он приподнял плиту над входом в подземелье.

Воин стоял и смотрел на эти останки, и ему вдруг привиделось, что труп пошевелился, как будто не в силах

привстать на своем ложе. Он уловил блеск сидящих глубоко в темных глазницах глаз, болезненно изогнутые губы обнажали два ряда зубов: из них-то и исходил тот леденящий шепот, который привел Зобала в подземелье.

— Слушай внимательно,— зазвучал голос мертвеца.— Я должен много тебе рассказать, а ты должен будешь много сделать, когда я закончу.

Я Альдор, аббат Патуума, больше тысячи лет назад я пришел со своими монахами в Йорос из Илькара — черной империи на севере. Император Илькара изгнал нас потому, что наши обеты безбрачия и культ девы-богини Оджал были ненавистны ему. Здесь, среди песков Издрели, нашли мы тихое прибежище и построили монастырь.

Сначала нас было много, но шли годы, и одного за другим клали мы наших братьев в склеп, который вырыли под землей. Они уходили, и некому было заменить их. В конце концов остался я один. Святость, которой я сподобился, удлинила дни моей жизни. Я стал могущественным волшебником, и самый страшный демон — время так и не одолело меня — я как будто стоял в магическом круге. Силы не покидали меня, и могущество не уменьшалось, пока я жил отшельником в монастыре.

Одиночество поначалу не тяготило, и я был погружен в изучение тайн природы. Потом этого мне показалось мало, я начал осознавать свое одиночество, меня окружали демоны пустыни, которые до этого не причиняли никаких неприятностей. Прекрасные, но несущие гибель суккубы, пьющие кровь младенцев ламии, с их мягкими округлыми телами красивых женщин, приходили во время безотрадных ночных бдений и искушали меня.

Я вынес все, но была среди них одна особенно коварная и изобретательная дьяволица. Она пробралась в мою келью в обличье девушки, которую я любил очень давно, еще до того, как принял обет безбрачия и дал клятву верности Оджал. И я уступил, поддался силе ее чар, и от этого греховного союза появилось на свет чудовище — изверг Уджук, назвавший себя позднее аббатом Патуума.

Совершив этот грех, я захотел умереть, и это желание многократно возросло, когда я узрел плоды греха. Тяжело оскорбил я Оджал, и ужасным было постигшее меня наказание. Я жил, но каждый день меня преследовал и

мучил безобразный монстр Уджук. Он рос сильным и сладострастным, как и положено плоду такого дьявольского союза. Когда он достиг вершины своего развития, на меня нашла неодолимая слабость, и я с надеждой подумал, что смерть близка. Уджук воспользовался моим бессилием и на руках, мощи которых я не мог противиться, отнес меня в подземелье и положил среди мертвых. Здесь я и гнил заживо целые тысячелетия, вечно умирающий, но и вечно живой. И все это время меня непрерывно мучила жесточайшая боль раскаяния без надежды на искупление.

Обладая способностью магического видения, я был обречен наблюдать за грязными делами, адскими беззакониями, творимыми Уджуком. Он веками царил в Патууме, облачась в сутану аббата и пользуясь данной ему преисподней властью и бессмертием. Благодаря его чарам о монастыре не знал никто, кроме тех, кого он сам заманивал для того, чтобы удовлетворять свой чудовищный голод и отвратительную страсть. Мужчин он пожирал, а женщин заставлял служить утехой его похоти. Я был свидетелем всех его бесчинств, и это было самым тяжелым наказанием.

Зобал слушал, охваченный суеверным страхом. Шепот умолк, и лучник забеспокоился, не умер ли Альдор. Потом сухой шепот зазвучал вновь:

— Лучник, я прошу тебя о милосердии, а взамен хочу предложить тебе то, что поможет справиться с Уджуком. В колчане у тебя за спиной лежат заклятые стрелы. Мудр и могуществен был тот, кто выковал их. Такой стрелой можно поразить самые темные силы зла. Ими можно поразить и Уджука, и даже то зло, которое живет во мне, мучит и не дает умереть. Лучник, умоляю тебя, пронзи стрелой мое сердце, а если этого будет недостаточно, всади по стреле в правый и левый глаз. Оставь стрелы в ране — тебе нет надобности беречь их. Для Уджука будет достаточно и одной стрелы. Что касается монахов, которых ты видел в монастыре, то я должен открыть тебе одну тайну. Всего их двенадцать, но...

Зобал ни за что не поверил бы тому, что рассказал Альдор, если бы удивительные приключения предыдущего дня не перевернули все его представления о невероятном. Аббат продолжал:

— Когда я умру, возьми с моей груди талисман. Он сможет развеять чары, которые заставляют тебя видеть и осязать то, чего на самом деле нет. Надо только приложить талисман к обманчивому видению.

На провалившейся груди Альдора Зобал увидел талисман — простой овальный камень серого цвета на почерневшей серебряной цепочке.

— Торопись, лучник,— умолял голос.

Зобал воткнул факел в груду покрытых плесенью костей рядом с Альдором. Со странным чувством сопротивления принуждению он вытянул из колчана за спиной стрелу, наложил ее на тетиву и твердой рукой направил в сердце Альдора. Стрела точно поразила цель. Зобал ждал, и скоро с растянутых губ черного аббата сорвался слабый шепот: «Еще, еще одну стрелу!»

Опять он натянул свой лук, и стрела неотвратимо устремилась в пустую правую глазницу. И снова через некоторое время послышались еле уловимые слова мольбы: «Еще одну стрелу, лучник!»

Еще раз в тишине склепа пропел лук железного дерева, и в левом глазу Альдора затрепетала от неизрасходованной мощи стрела. На этот раз больше ни звука не сорвалось с истлевших губ, но Зобал услышал странное шуршание и шелест осыпающегося песка. На его глазах огромное черное тело быстро оседало, голова и лицо провалились, а две стрелы покосились, так как теперь они стояли всего лишь в груде пыли и осколков костей.

Зобал, как его и просил Альдор, оставил стрелы в этой куче праха, и стал искать талисман, погребенный под обрушившимися останками. Найдя камень, он осторожно повесил его на пояс рядом с длинным прямым мечом.

— Возможно,— подумал он,— эта штука пригодится еще до того, как кончится ночь.

Он быстро развернулся и взбежал по ступенькам во двор. Похоже, прошло уже слишком много времени с тех пор, как он покинул Кушару на его посту. Луна успела подняться высоко и висела над стеной кривобоким оранжево-желтым пятном. Однако все, казалась, было спокойно: сонных животных никто не тревожил, монастырь оставался темным и беззвучным. Захватив бурдюк вина и кое-что из провизии, Зобал поспешил обратно в коридор.

Как только он вошел в здание, чудовищный грохот и шум разорвал надвое завесу тишины перед ним. Среди этой какофонии он разобрал вопли Рубальсы, высокий визг Симбана и яростный рев Кушары, но господствовал непрерывно возрастающий, жуткий и непристойный смех, как будто темные подземные воды, густые и зловонные, вырвались из глубоких колодцев, чтобы затопить все вокруг.

Зобал уронил бурдюк и мешок с продуктами и, срывая с плеча лук, побежал на звук. Крики его спутников не утихали, но теперь их едва можно было расслышать из-за безмерно разросшегося, наполнявшего монастырь дьявольского смеха. Приблизившись ко входу в келью Рубальсы, он увидел, что Кушара, вооруженный только древком копья, кидается на глухую стену, в которой больше нет занавешенного рогожей прохода. За стеной визг Симбана сменился булькающим стоном зарезанного теленка, но усиленный страхом крик девушки еще пробивался сквозь оглушительный хохот.

— Эту стену сделали демоны,— неистовствовал копейщик, понапрасну обрушивая мощные удары на гладкую кладку.— Я не спал и смотрел в оба, но они выстроили ее за моей спиной, и все это в полной тишине! Грязные дела творятся за ней сейчас.

— Умерь свою ярость,— сказал Зобал, пытаясь прийти в себя и побороть страх, грозящий перейти в безумие. В этот момент он вспомнил об овальном сером камне Альдора, который на черной серебряной цепочке свешивался с перевязи. Его осенило, что каменная стена, возможно, всего лишь наваждение, которое можно разрушить с помощью талисмана, как об этом говорил Альдор.

Он быстро взял камень и приложил его к непроницаемой стене там, где раньше была дверь. Кушара смотрел на него в изумлении, думая, очевидно, что лучник сошел с ума. Но как только талисман с тихим стуком прикоснулся к стене, она начала растворяться, оставляя после себя только занавесь, которая клочьями падала на пол, как будто тоже была не больше чем колдовской иллюзией. Странное преображение ширилось, стена таяла, оставляя на своем месте несколько поврежденных временем плит, в комнату проник свет почти полной луны, и под ней аббатство беззвучно превращалось в груду развалин.

Все это произошло не мгновенно, но у воинов не было времени обдумывать происшедшее. Луна наклонила к земле свой лик, напоминающий обглоданное червями лицо мертвеца, и в ее багровом свете Кушаре и Зобалу предстала картина настолько ужасная, что они забыли обо всем на свете. Перед ними на растрескавшемся полу, сквозь щели которого проросла чахлая трава пустыни, раскинувшись, лежал мертвый Симбан. Его одеяние лежало рваными полосами, и кровь темной струей струилась из его растерзанного горла. Кожаные кошели, которые он носил на поясе, лежали разорванные, и золотые монеты, флаконы с лекарствами и другие мелочи рассыпались по полу.

Поодаль, около полуразвалившейся внешней стены, на груде истлевших тканей и дерева, которая раньше была роскошной, богато убранной кроватью эбенового дерева, лежала Рубальса. Вытянув руки вверх, она пыталась оттолкнуть от себя невероятных размеров тень, которая горизонтально нависала над ней. Воинам показалось, что тень держится в воздухе благодаря крылообразным складкам желтой рясы, и они сразу признали аббата Уджука.

Всепоглощающий хохот черного чудовища стих, и он повернул искаженное дьявольской похотью и яростью лицо. Его глаза горели докрасна раскаленным железом, он громко щелкнул зубами, и гигантской туманной тенью встал в полный рост посреди руин.

Не успел Зобал наложить первую стрелу на тетиву, как Кушара уже устремился к Уджуку с копьем наперевес. Но как только копейщик пересек порог, показалось, что неимоверно раздувшееся тело Уджука вдруг распалось на двенадцать одетых в желтое фигур, которые поспешили отразить натиск Кушары. Как по какому-то адскому волшебству, монахи Патуума собрались вместе и пришли на помощь своему аббату.

Криком Зобал пытался предупредить Кушару, но тени были повсюду вокруг него. Они ловко уклонялись от ударов его оружия и пытались пробить его броню своими страшными когтями. Кушара доблестно сражался, но через некоторое время исчез, погребенный под грудой тел.

Зобал помнил о секрете, который ему открыл Альдор, и не тратил стрел на монахов. С луком наготове он стоял и ждал, пока из-за сцепившегося в жестокой схватке клуб-

ка тел, беспорядочно перекатывающегося над поверженным Кушарой, не появится Уджук. Когда борьба немого утихла, стрелок направил лук на высившегося в темноте монстра. Тот, казалось, был целиком занят кипящей перед ним яростной схваткой. Уджук как будто управлял ею, ни словом, ни жестом не выдавая своего участия. Верно направленная стрела с ликующим пением понеслась точно в цель. Колдовство Амдока не подвело: Уджук завертелся на месте и упал. Его неуклюжие отвратительные пальцы напрасно пытались ухватиться за древко стрелы, которая вошла в тело чудовища почти по самое оперение из орлиных перьев.

А потом случилось что-то странное: когда пораженный монстр упал и забился в конвульсиях, все двенадцать монахов свалились с Кушары и тоже начали корчиться на полу в предсмертных судорогах. Они были всего лишь неверными тенями того страшного существа, которое только что умерло. Зобалу показалось, что их формы стали размытыми и прозрачными, сквозь них он увидел трещины в плитах пола. Их агония слабела одновременно с агонией Уджука, и, когда он наконец замер, очертания его слуг пропали, как будто их никогда и не было. Ничего, кроме зловонной отвратительной кучи, не осталось от выродка, плода греховной связи аббата Альдора и ведьмы-ламии. С каждым мгновением эта груда заметно уменьшалась под оседающей одеждой. Тяжелый запах гниющей плоти поднимался над ней, как будто все, что было человеческого в этом исчадии ада, быстро разлагалось.

Кушара тяжело поднялся на ноги и с оглушенным видом осмотрелся вокруг. Его тяжелая броня уберегла его от когтей нападающих чудищ, но теперь ее от наголенников до шлема покрывали бесчисленные глубокие царапины.

— Куда подевались монахи? — спросил он.— Еще минуту назад они облепили меня с ног до головы, как дикие собаки, терзающие павшего зубра.

— Монахи были всего лишь тенями, двойниками Уджука,— сказал Зобал.— Это просто призраки, фантомы, которых он усилием воли выпускал и призывал обратно. Без него они не могли существовать, и после его смерти стали даже меньше, чем тенями.

— Это воистину удивительно,— сказал копейщик.

Наконец воины обратили внимание на Рубальсу, сидящую среди обломков кровати. Обрывки истлевших одеял, которыми она стыдливо прикрылась при их приближении, были слабой зашитой и не могли скрыть ее округлого обнаженного тела цвета слоновой кости. Она была напугана и смущена, как человек, которого разбудили посреди тяжелого ночного кошмара.

— Чудовище не навредило тебе? — обеспокоено спросил Зобал. Ее слабое «Нет» успокоило его. Трогательный беспорядок ее девичьей красоты заставил его опустить глаза. Зобал почувствовал глубокое и сильное влечение, какого не испытывал никогда раньше. Чувство нахлынуло на него с такой нежностью, какой он и не знал в спешных, страстных увлечениях своей полной опасностей жизни. Украдкой посмотрев на Кушару, он со страхом понял, что те же чувства владеют сейчас и его товарищем.

Воины немного отошли в сторону и скромно отвернулись, пока Рубальса одевалась.

— Я полагаю,— сказал Зобал тихо, чтобы девушка не могла его слышать,— что сегодня мы с тобой встретились и одолели такое чудовище, о котором даже и речи не было, когда мы нанимались на службу к Хоурафу. И я думаю, ты согласишься, что мы оба слишком сильно привязались к девушке, чтобы позволить ей служить утехой капризной похоти пресыщенного царя. Таким образом, мы не можем вернуться в Фараад. Если тебя это устроит, мы бросим жребий и определим, кто будет обладать девушкой, а проигравший будет сопровождать победителя как верный товарищ до тех пор, пока мы не преодолеем Издрель и не пересечем границу какой-нибудь страны, на которую не распространяется власть Хоурафа.

Кушара согласился. Когда Рубальса оделась, воины стали осматриваться в поисках предмета, который мог бы пригодиться в предполагаемом состязании. Кушара предложил подбросить одну из монет с изображением Хоурафа, которые рассыпались из разорванного кошелька Симбана. Зобал отрицательно покачал головой, так как нашел нечто, по его мнению, подходящее для выбранной цели

гораздо больше монет. Это были когти чудовища, чей труп изрядно уменьшился в размерах и ужасно разложился. Его голова омерзительно сморщилась, а все члены укоротились. При этом когти на руках и ногах монстра отвалились и лежали в беспорядке на плитах пола. Зобал снял шлем, наклонился, подобрал пять когтей с правой руки аббата (коготь с указательного пальца был самым длинным) и положил в шлем.

Он энергично встряхнул металлическую шапку, как обычно трясут стаканчик с игральными костями, раздался резкий стук когтей. Затем он протянул шлем Кушаре и сказал:

— Тот, кто вытянет коготь с указательного пальца, заберет девушку.

Кушара опустил руку в шлем и быстро вынул ее, подняв над головой тяжелый коготь большого пальца — самый короткий. Зобал вытянул средний коготь, а Кушара со второй попытки достал коготь с мизинца. Потом, к глубокой досаде копейщика, Зобал добыл из глубины шлема такой вожделенный самый длинный коготь.

Рубальса все время следила за странным действом с нескрываемым любопытством и спросила:

— Что вы делаете?

Зобал начал объяснять, но не успел он закончить, как девушка в негодовании вскричала:

— Никто из вас не спросил о моем мнении! Никто не спросил, кто нравится мне!

И с милой гримаской она отвернулась от смущенного лучника и обвила руками шею Кушары.

БОГ ИЗ ХРАМА СМЕРТИ

— Мордигиан — бог города Зуль-Бха-Сейра,— возвестил хозяин постоялого двора с подобострастной торжественностью.— Он был богом с тех незапамятных времен, что теряются в памяти людей во тьме более глубокой, чем подземелья его черного храма. В Зуль-Бха-Сейре нет другого бога. И все умершие в стенах города уходят к Мордигиану. Даже короли и знать после смерти попадают в руки его жрецов. Таков наш закон и обычай. А очень скоро жрецы придут и за твоей нареченной.

— Но Илейт не умерла,— с жалобным отчаянием уже в третий или четвертый раз возразил юный Фарион.— Ее недуг — лишь мнимое подобие смерти. Уже два раза до этого она утрачивала все чувства, а ее щеки покрывала мраморная бледность, и кровь останавливалась так, что девушку почти нельзя было отличить от тех, кто покинул наш мир, но дважды она просыпалась вновь через несколько дней.

Хозяин с выражением полного недоверия взглянул на девушку, бледную и недвижную, точно сорванная лилия, лежавшую на убогом ложе в бедно обставленной чердачной комнате.

— Тогда тебе не следовало привозить ее в Зуль-Бха-Сейр,— заявил он с иронией.— Врач подтвердил ее смерть, и об этом уже объявлено жрецам. Она должна отправиться в храм Мордигиана.

— Но мы чужеземцы, и здесь ненадолго. Мы приехали из Ксилака, что на далеком севере, и этим утром должны были отправиться через Тасуун к Фарааду, столице Йороса, который лежит на берегу южного моря. Должно быть, вашему богу не нужна Илейт, даже если бы она была действительно мертва.

— Все, кто умирает в Зуль-Бха-Сейре, принадлежат Мордигиану,— нравоучительно сказал старик.— И чужеземцы тоже. Мрачная утроба его храма вечно разверста, и никто — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок — за все эти годы не ускользнул от нее. Вся плоть смертных должна, когда суждено, превратиться в пищу бога.

От этого елейного и напыщенного заявления Фариома затрясло.

— Я что-то слышал о Мордигиане в неясных легендах, которые странники рассказывают в Ксилаке,— признал он.— Но я забыл название его города, и мы с Илейт случайно попали в Зуль-Бха-Сейр. Но даже если бы я знал об этом, то усомнился бы в существовании странного обычая, о котором ты рассказал. Что это за божество, которое ведет себя, точно гиена или гриф? Да он же не бог, а упырь!

— Эй, поосторожнее, а то так и до богохульства недалеко! — предостерег хозяин.— Мордигиан стар и всемогущ, как сама смерть. Ему поклонялись еще на древних континентах, до того, как из моря поднялась Зотика. Он спасает нас от тления и могильных червей. Точно так же, как люди других стран дарят своих мертвых всепожирающему пламени, мы отдаем наших богу. Величественен храм Мордигиана, место ужаса и зловещей тьмы, никогда не освещаемой солнцем, куда его жрецы приносят мертвых и кладут на огромные каменные столы, где трупы ждут появления бога из подземного склепа, в котором он обитает. Никто из живущих, кроме жрецов, не видел его, а лица жрецов скрыты за серебряными масками, и на их руках всегда перчатки, ибо никому не разрешено смотреть на тех, кто видел Мордигиана.

— Но ведь есть же в Зуль-Бха-Сейре король? Я подам ему прошение с жалобой на эту гнусную и ужасную несправедливость! Он должен мне помочь!

— Наш король — Фенквор, но он не смог бы помочь тебе, даже если бы и захотел. Твое прошение даже не

выслушают. Мордигиан выше всех королей, и его закон свят. Слышишь — жрецы уже идут.

Фариом с упавшим сердцем, не в силах отвратить нависшую над его юной женой жестокую гибель в ужасном склепе этого кошмарного города, услышал приглушенное зловещее поскрипывание ступеней, ведущих на чердак постоялого двора. Звук с невероятной скоростью приближался, и в комнату вошли четыре странные фигуры, плотно закутанные в траурный пурпур, в серебряных масках в виде черепов. Было совершенно невозможно угадать их настоящий облик, ибо — точно так, как рассказывал хозяин,— даже их руки скрывали перчатки без пальцев, а пурпурные рясы ниспадали просторными складками, волочившимися за их ногами, словно размотанные саваны. Они несли с собой ужас, и зловещие маски — лишь самая ничтожная его часть, ужас был в их неестественных согбенных позах, в звериной быстроте, с которой они двигались, несмотря на свои неуклюжие одеяния.

Служители страшного бога несли с собой необычные носилки, сделанные из сплетенных полос кожи и огромных костей, служивших вместо рамы и ручек. Кожа была засаленной и потемневшей от долгих лет чудовищного использования. Не сказав ни слова ни хозяину, ни Фариому, без каких-либо промедлений или формальностей они двинулись к кровати, на которой лежала Илейт.

Не обращая внимания на их угрожающий облик, совершенно обезумевший от горя и ярости юноша выхватил из-за пояса короткий кинжал, свое единственное оружие. Не слушая предупреждающий крик хозяина, быстр и силен, и, кроме того, одет в легкие и облегающие одежды, что, казалось бы, давало ему небольшое преимущество перед его пугающими соперниками.

Жрецы стояли к нему спиной, но, точно предвидя каждое его действие, двое из них развернулись со стремительностью тигров, метнув костяные лезвия, которые были у них при себе. Одно выбило нож из руки Фариома еле заметным глазу движением, похожим на бросок разъяренной змеи. Затем оба набросились на юношу, ответив ему ужасными молотоподобными ударами своих закутанных рук, отбросившими его через полкомнаты в пустой угол. Оглушенный падением, он на несколько минут потерял сознание.

Медленно очнувшись, он увидел, что толстый хозяин склонился над ним, точно сальная луна. Мысль об Илейт, более болезненная, чем удар кинжалом, вернула его в мучительную действительность. Он опасливо оглядел темную комнату и увидел, что жрецы уже ушли, и ложе опустело. До него донесся напыщенный замогильный голос старика:

— Служители Мордигиана милостивы, они простили тебе помешательство и неистовство только что понесшего утрату человека. Хорошо, что тебе не чужды сострадание и чуткость.

Фариом резко выпрямился, точно его ушибленное и ноющее тело опалил внезапный огонь. Остановившись лишь затем, чтобы поднять свой кинжал, все еще лежавший на полу в центре комнаты, он устремился к двери. Его остановила рука хозяина, схватившая за плечо.

— Остерегайся перейти границы милости Мордигиана. Очень дурно преследовать его жрецов, и еще дурнее входить без разрешения под смертоносную и священную сень его храма.

Фариом едва слышал эти увещевания. Он нетерпеливо вырвался из толстых пальцев и рванулся к выходу, но рука вновь предостерегающе схватила его.

— По крайней мере, отдай мне то, что задолжал за еду и комнату, прежде чем уходить,— потребовал хозяин.— Кроме того, нужно еще заплатить лекарю, что я могу сделать вместо тебя, если ты дашь мне нужную сумму. Плати сейчас, ибо никто не поручится, что ты вернешься назад.

Фариом вытащил кошелек, в котором лежало все его состояние, и вытряхнул на жадно подставленную ладонь кучку монет, которые даже не пересчитал. Не удостоив старика ни прощальным словом, ни взглядом, он сбежал по грязным выщербленным ступеням захудалой гостиницы, точно за ним гнался инкуб, и окунулся в паутину неосвещенных извилистых улиц Зуль-Бха-Сейра.

Город не слишком отличался от всех других, которые он повидал, был, пожалуй, лишь более старым и мрачным, но Фариому, охваченному мучительной болью, дороги, по которым он шел, казались подземными коридорами, ведущими в бездонный и чудовищный склеп. Солнце под-

нялось над самыми высокими крышами домов, но он не видел света, за исключением угасающего скорбного мерцания. Прохожие, возможно, были похожи на всех остальных людей, но он видел их сквозь призму своего несчастья, и они казались юноше вурдалаками и демонами, спешившими по своим гнусным надобностям по улицам некрополя.

В отчаянии он с горечью вспоминал прошлый вечер, когда они вместе с Илейт в сумерках вошли в Зуль-Бха-Сейр. Девушка ехала верхом на единственном верблюде, пережившем их переход по пустыне, а он шел рядом с ней, усталый, но довольный. Розовый пурпур вечерней зари, окутывавший городские стены и купола, и желтые глаза ярко освещенных окон придавали окрестностям вид прекрасного безымянного города мечты, и они планировали отдохнуть в нем день или два, прежде чем продолжать долгое и изнурительное путешествие в Фараад, столицу Йороса.

Это путешествие было предпринято в силу необходимости. Фарием, юноша из знатного, но обедневшего рода, был изгнан из Ксилака из-за политических и религиозных убеждений его семьи, не совпадавших с воззрениями правящего императора, Калеппоса. С молодой женой, с которой они только что поженились, Фарием отправился в Йорос, где поселились его дальние родственники, готовые предложить ему свое гостеприимство.

Они путешествовали с большим караваном торговцев, идущим прямо на юг до Тасууна. За границами Ксилака, в красных песках Целотианской пустыни, на караван напали разбойники, убившие большинство путешественников и разогнавшие немногих уцелевших. Фарием и его жена, которым удалось сбежать на своих верблюдах, заблудившись, очутились одни в пустыне, и, потеряв дорогу в Тасуун, нечаянно пошли по другой тропе, приведшей их к Зуль-Бха-Сейру, обнесенному высокой стеной городу на юго-западном краю пустыни, не входившему в их маршрут.

Войдя в Зуль-Бха-Сейр, юная чета из соображений экономии остановилась на постоялом дворе в бедном квартале. Там ночью Илейт настиг третий приступ каталептического недуга, которым она страдала. Лекари Ксилака распознали истинную природу предыдущих приступов,

произошедших до ее замужества с Фариомом, и их искусное врачевание дало свои плоды. Казалось, ее болезнь больше не вернется, но утомление и трудности долгого путешествия несомненно стали причиной третьего приступа. Фариом был уверен, что Илейт поправится, но врач Зуль-Бха-Сейра, поспешно вызванный перепуганным хозяином, утверждал, что она действительно мертва, и, подчиняясь странному закону этого города, без промедления доложил об этом служителям Мордигиана. Отчаянные протесты несчастного мужа оставили без внимания.

Казалось, была какая-то дьявольская предопределенность во всей цепи обстоятельств, из-за которых Илейт, все еще живая, хотя внешне и не отличимая от мертвой, попала в лапы приверженцев бога склепов. Фариом до одури раздумывал об этой предопределенности, в яростной, бесцельной спешке шагая по извилистым людным улицам.

К неутешительным сведениям, полученным им от хозяина гостиницы, он прибавлял все новые и новые смутно вспоминаемые легенды, которые слышал в Ксилаке. Воистину зловещей и сомнительной была слава Зуль-Бха-Сейра, и он удивлялся, как мог забыть об этом, и последними словами ругал себя за эту кратковременную, но ставшую роковой забывчивость. Уж лучше бы Илейт вместе с ним сгинула в пустыне, чем вошла в широкие ворота ужасного храма смерти, вечно распахнутые в ожидании добычи, как велел обычай Зуль-Бха-Сейра.

Это был большой торговый город, куда заходили иноземные путешественники, но не задерживались надолго из-за омерзительного культа Мордигиана, незримого пожирателя мертвых, который, как полагали, делил добычу со своими закутанными служителями. Говорили, что мертвые тела несколько дней лежали на столах в темном храме, и бог не приходил за ними до тех пор, пока они не начинали разлагаться. Люди между собой шептались о еще более гнусных вещах, о святотатственных обрядах, проходивших в подземельях вурдалаков, и о немыслимых целях, для которых использовали тела, прежде чем Мордигиан призывал их к себе. Во всех других землях удел тех, кто умирал в Зуль-Бха-Сейре, стал угрожающей поговоркой и проклятием. Но для обитателей города, выросших с верой в этого кровожадного бога, он был лишь обычным

и ожидаемым видом погребения умерших. Могилы, гробницы, катакомбы, погребальные костры и прочие раздражающие ухищрения благодаря этому в высшей степени полезному божеству стали ненужными.

Фарион был поражен, увидев на улицах людей, полностью поглощенных своими повседневными делами и хлопотами. Проходили носильщики с кипами хозяйственных товаров на плечах. Купцы сидели на корточках у своих лавок, как ни в чем не бывало. Покупатели и продавцы громко торговались на базарах. Женщины смеялись и беззаботно болтали у своих дверей. И лишь по пышным одеждам в красных, черных и фиолетовых тонах и по странному грубоватому произношению юноша мог отличить жителей Зуль-Бха-Сейра от таких же чужестранцев, как и он сам. Пелена кошмарного мрака начала потихоньку спадать с его сознания, и постепенно, по мере его передвижения по городу, зрелище повседневной жизни, окружавшей его со всех сторон, помогло ему немного умерить свое безумное неистовство и отчаяние. Ничто не могло рассеять ужас его потери и бесславной судьбы, угрожавшей Илейт. Но сейчас с холодной логикой, порожденной печальной необходимостью, Фарион начал обдумывать неразрешимую, на первый взгляд, проблему спасения жены из храма бога-вурдалака.

Он постарался придать своей лихорадочной ходьбе вид праздной прогулки, чтобы никто не мог догадаться о тяжелых мыслях, разрывавших его изнутри. Притворившись, что разглядывает товары продавца мужской одежды, он втянул торговца в разговор о Зуль-Бха-Сейре и его обычаях, задавая такие вопросы, которые не выглядели бы удивительными в устах пришельца из далекой страны. Собеседник попался разговорчивый, и Фарион вскоре узнал расположение храма Мордигиана, стоявшего в самом сердце города. Продавец также рассказал ему, что святилище открыто круглые сутки, и люди свободны входить и выходить за пределы его ограды. Однако у этого бога не было никаких других ритуалов поклонения, кроме некоторых тайных обрядов, проводимых жрецами. Немногие отваживались входить в храм, ибо в городе бытовало убеждение, что любой живущий человек, посягнувший на его тьму, вскоре вернется туда как пища кровожадного бога.

Мордигиан, по всей видимости, в глазах обитателей Зуль-Бха-Сейра выглядел милостивым божеством. Как ни странно, ему не приписывали каких-то определенных личных черт. Он являлся, так сказать, некой безликой силой, сродни природным стихиям — всепоглощающей и очищающей энергией, как, скажем, огонь. Его служители были столь же загадочными; они жили в храме и выходили из него лишь для исполнения своих погребальных обязанностей. Никто не знал, каким образом их нанимали, но многие считали, что среди них были как мужчины, так и женщины, что позволяло сохранять их численность из поколения в поколение, не привлекая сторонние силы. Другие думали, что они вовсе не люди, а группа подземных существ, живших вечно и питавшихся трупами, как и сам бог. Из-за этих верований в последнее время возникла опасная ересь, чьи сторонники утверждали, что бог — выдумка жрецов, которые сами пожирали мертвую плоть. Упомянув об этой ереси, торговец поспешил отречься от нее с праведным негодованием.

Фариом еще некоторое время поболтал с ним на другие темы, а затем продолжил свое движение по городу, пробираясь к храму так прямо, насколько позволяли извилистые улочки. У него не сложилось четкого плана, но он хотел изучить окрестности. Из всего того, что он узнал от торговца одеждой, единственной утешительной подробностью было то, что храм открыт, и всем, кто осмеливался, позволялось входить в него. Однако немногочисленность посетителей могла бы сделать присутствие Фариома в храме подозрительным, а он больше всего желал бы избежать ненужного внимания. С другой стороны, никто, казалось, не слышал о попытках выкрасть мертвое тело из храма — такая наглость не могла бы присниться жителям Зуль-Бха-Сейра и в страшном сне. Самая дерзость его замыслов могла бы в случае удачи отвести от него подозрения и помочь ему спасти Илейт.

Улицы, по которым он шел, плавно спускались вниз и сужались, становясь более темными и извилистыми, чем все те, которые он пересекал раньше. На короткий миг он подумал, что сбился с пути, и чуть было не попросил какого-то прохожего указать ему дорогу. Но тут четверка жрецов Мордигиана, несущих странные, похожие на

подстилку носилки из кости и кожаных ремней, вынырнула из узкого переулка прямо перед ним.

На носилках лежало тело девушки, и на мгновение объятый шоком и смятением, заставившими его задрожать, Фарием подумал, что это Илейт. Но взглянув на нее еще раз, он понял, что ошибся. Платье умершей, хотя и скромное, было сшито из какого-то необыкновенного экзотического материала. Ее лицо, такое же бледное, как у Илейт, обрамляли густые кудри, напоминавшие лепестки тяжелых черных маков. Ее красота, теплая и чувственная даже после смерти, отличалась от светлой чистоты Илейт, как роскошная тропическая лилия отличается от скромного нарцисса.

Тихо, выдерживая благоразумное расстояние, Фарием пошел за зловещими закутанными фигурами. Он заметил, что прохожие расступались перед носилками с благоговейной готовностью, и громкие голоса разносчиков и носильщиков затихали, когда мимо них проходили жрецы. Расслышав приглушенный разговор между двумя горожанами, юноша узнал, что девушку звали Арктела, дочь Кваоса, знатного аристократа и судьи Зуль-Бха-Сейра. Она умерла очень быстро и столь же загадочно от неизвестного врачам заболевания, которое ни в малейшей степени не попортило ее редкостную красоту. Некоторые подозревали не болезнь, а действие какого-то яда, который невозможно обнаружить, другие считали ее жертвой губительного колдовства.

Жрецы невозмутимо шествовали дальше, и Фарием старался, насколько это было возможно в переплетении темных улиц, не терять их из виду. Дорога становилась все более крутой, закрывая обзор того, что находилось внизу, и дома, казалось, сгрудились более тесно, точно отодвигаясь от края обрыва. Наконец юноша заметил впереди своих страшных проводников округлую ложбину прямо в центре города, где в одиночестве поодаль от других зданий высился храм Мордигиана, окруженный мостовой из траурного оникса и мрачными кедрами, чьи кроны чернели, как будто погруженные в вечный мрак склепа.

Здание было построено на странной каменной плите, окрашенной темным пурпуром, точно отрицавшим и яркий свет дня, и расточительство рассветного и закатного

сияния. Низкое, оно не имело окон, напоминая своей формой огромный мавзолей. Его ворота зловеще зияли в тени кедров.

Фарион видел, как жрецы исчезли в воротах вместе с лежащей на носилках Арктелой, точно привидения, несущие призрачную ношу. Широкая мощеная площадь между храмом и окружавшими его домами была пуста, но юноша не отваживался пересечь ее в предательски ярком свете дня. Обходя площадь, он заметил, что у огромного храма имелось несколько других входов, и все открыты и никем не охраняемы. Юноша задрожал, представив, что скрывалось за высокими храмовыми стенами, как пир червей скрывается под мраморными надгробиями.

Все гнусности, о которых он слышал, представились ему, и опять он дошел почти до безумия, зная, что Илейт должна лежать вместе с мертвыми в храме, в темной атмосфере мерзости, а он, охваченный неотступным неистовством, вынужден дожидаться благодатного покрова темноты, прежде чем начать свой неясный план ее спасения, успех которого был весьма сомнительным. А тем временем она могла проснуться и погибнуть, сраженная окружающим ее ужасом... Или могло произойти что-нибудь еще более страшное, если все пересказываемые шепотом истории — правда...

Абнон-Тха, колдун и некромант, поздравлял себя с удачной сделкой, заключенной со служителями Мордигиана. Он сознавал, возможно, имея на то основания, что никто не смог бы задумать и воплотить в жизнь эту сделку, превратившую Арктелу, дочь надменного Кваоса, в его бессловесную рабыню. Ни один влюбленный, говорил он себе, не был столь изобретательным, чтобы добиться желаемой женщины таким способом. Арктела, обрученная с Алосом, молодым аристократом, казалось, не питала к колдуну никаких чувств. Абнон-Тха, однако, был не каким-то там обычным захудалым волшебником, а величайшим знатоком, давно ставшим на путь самого ужасного и могущественного знания из всей черной магии. Он знал заклятья, убивавшие быстрее и надежнее, чем отравленный нож, причем на расстоянии, но владел и чарами,

позволявшими воскрешать мертвых даже после долгих лет и веков тления. Он умертвил Арктелу так, что никто не мог понять, в чем дело, слепив из воска ее куклу и пронзив кинжалом, и теперь ее тело лежало среди мертвых в храме Мордигиана. Сегодня вечером, с молчаливого согласия ужасных жрецов, он воскресит ее обратно к жизни.

Абнон-Тха не был уроженцем Зуль-Бха-Сейра, но многие годы назад пришел со зловещего полумифического острова Сотар, расположенного где-то на востоке от огромного континента Зотики. Точно лоснящийся молодой гриф, он устроился в тени храма склепов и процветал в окружении быстро появившихся у него учеников и помощников.

Его отношения со жрецами были долгими и разносторонними, и та сделка, которую он заключил сейчас, была далеко не первой. Они разрешали ему временно пользоваться телами тех, кого призвал Мордигиан, поставив ему лишь одно условие, чтобы во время всех его экспериментов в некромантии тела не покидали храм. Поскольку нарушение этого условия с точки зрения служителей бога было незаконным, он счел необходимым подкупить их — хотя и не золотом, а обещанием щедро снабжать их материями более зловещими и подверженными тлению, чем золото. Их соглашение было достаточно выгодным для обеих сторон: мертвые стекались в храм гораздо изобильнее с тех пор, как колдун появился в городе, у бога не было недостатка в пище, а Абнон-Тха никогда не испытывал затруднений, на ком опробовать свои гибельные чары.

В целом, у Абнона-Тха не было причин быть недовольным собой. Более того, он считал, что помимо своей искушенности в магии и непревзойденной находчивости, он проявил и почти беспримерное мужество. Он планировал ограбление, которое будет равносильно святотатству — похищение воскресшего тела Арктелы из храма. О таких похищениях как оживших, так и бездыханных тел, и о полагающихся за это наказаниях ходили лишь легенды, ибо за недавние годы не произошло ни одного подобного случая. И трижды более ужасной, как гласила молва, была судьба тех, кто, попытавшись совершить это преступле-

ние, попадался. Некромант вовсе не был слеп к опасностям своей затеи, но, с другой стороны, они не останавливали и не пугали его.

Два его помощника, Нарфай и Вемба-Тсит, знавшие о его намерении, со всей должной секретностью производили необходимые приготовления к побегу из Зуль-Бха-Сейра. Неодолимая страсть, которую колдун питал к Арктеле, не была единственной причиной, по которой он хотел покинуть город. Им двигала также и жажда перемен, ибо он уже немного устал от странных законов, ограничивавших его колдовскую деятельность, хотя в каком-то смысле и способствовавших ей. Он собирался двинуться на юг и поселиться в одном из городов Тасууна, королевства, знаменитого количеством и древностью своих мумий.

Время подошло к закату. Пять беговых верблюдов ожидали во внутреннем дворе дома Абнона-Тха, высокого и величественного здания, казалось, наклонявшегося над открытой круглой площадью, принадлежащей храму. На одного из верблюдов навьючили тюк с самыми ценными магическими книгами, манускриптами и прочими принадлежностями магии. Его товарищи должны были нести самого Абнона-Тха, двух его помощников и Арктелу.

Нарфай и Вемба-Тсит предстали перед своим учителем, чтобы доложить, что все подготовлено. Оба были много младше, чем Абнон-Тха, но, как и он сам, чужаки в Зуль-Бха-Сейре. Молодые колдуны происходили из смуглых и узкоглазых обитателей Наата, острова, имевшего чуть менее скверную славу, чем Сотар.

— Чудесно,— отозвался некромант, глядя на стоявших перед ним с опущенными глазами помощников.— Нам осталось лишь дождаться благоприятного часа. Между закатом и появлением луны, когда жрецы будут ужинать в нижнем склепе, мы войдем в храм и совершим все обряды, необходимые для воскрешения Арктелы. Сегодня их трапеза будет изобильной, ибо я знаю, что много мертвых на огромном столе в верхнем святилище достигли зрелости, и, возможно, сам Мордигиан тоже насытится. Никто не придет следить за нашим уходом.

— Но, учитель,— сказал Нарфай, слегка дрожа под своей кроваво-красной мантией,— так ли мудро затевать все это? Вам обязательно нужно забрать девушку из храма? Раньше вы всегда довольствовались тем, что позволяли жрецы, и, как они велели, возвращали мертвых назад бездыханными. Действительно ли необходимо нарушать закон бога? Говорят, что гнев Мордигиана, хотя он и редко его проявляет, гораздо более губителен, чем гнев других богов. Поэтому в последнее время никто не отваживался обмануть его и похитить тело из его храма. Рассказывают, что давным-давно один знатный мужчина этого города унес оттуда тело возлюбленной и бежал с ним в пустыню, но жрецы пустились за ним в погоню, более стремительные, чем шакалы... и гибель, настигшая беглеца, была столь ужасной, что легенды лишь смутно говорят о ней.

— Я не боюсь ни Мордигиана, ни его прихвостней,— объявил Абнон-Тха с мрачным тщеславием в голосе.— Мои верблюды обгонят жрецов, даже если они и не люди, а вурдалаки, как утверждают некоторые. Кроме того, маловероятно, что они попытаются преследовать нас, ибо после своего вечернего пиршества будут спать, точно обожравшиеся стервятники. Утром, еще прежде чем они пробудятся, мы окажемся далеко на пути в Тасуун.

— Учитель прав,— вмешался Вемба-Тсит.— Нам нечего бояться.

— Но говорят, что Мордигиан не спит,— настаивал Нарфай,— и что из своего черного склепа под храмом он непрестанно наблюдает за всем происходящим.

— Я слышал то же самое,— сухим и нравоучительным тоном ответил Абнон-Тха.— Но считаю, что это всего лишь предрассудки. И эти пожиратели падали до сих пор слухов ничем не подтвердили. До сих пор я ни разу не видел Мордигиана, ни спящего, ни бодрствующего, но, по всей вероятности, он самый обычный вурдалак. Я знаю этих тварей и их привычки. Они отличаются от гиен лишь своими чудовищными фигурами и размерами, да еще бессмертием.

— И все же я считаю неправильным обманывать Мордигиана,— пробормотал Нарфай себе под нос.

Чуткие уши Абнона-Тха уловили его слова.

— О нет, это не вопрос обмана. Я славно послужил Мордигиану и его жрецам и обильно покрывал мертвеца-

ми их черный стол. Кроме того, в каком-то смысле, я собираюсь выполнить условия сделки, касающейся Арктелы — за мою привилегию некроманта я приведу им нового покойника. Завтра же юный Алос, жених Арктелы, займет ее место среди мертвых. А сейчас идите и оставьте меня, ибо я должен обдумать заклятие, которое разрушит сердце Алоса, точно червь, вгрызающийся в спелый плод.

Фариому, дрожащему и отчаявшемуся, казалось, что безоблачный день течет с медлительностью затянутой илом реки. Не в силах обуздать тревогу, он бесцельно бродил по людным базарам, пока западные башни не потемнели на фоне шафрановых небес, и сумерки, точно серое комковатое море, не окутали дома. Потом он вернулся в гостиницу, в которой Илейт настиг приступ, и подозвал верблюда, оставленного там в стойле. Погоняя животное по темным улицам, освещенным лишь слабыми огоньками ламп и факелов, пробивающимися из полузанавешенных окон, он еще раз отправился в центр города.

Полумгла сгустилась в темноту, когда он подъехал к открытой площади, окружавшей храм Мордигиана. Окна, выходившие на площадь, были закрыты, и в них не виделось ни огонька, точно в мертвых глазах. Весь храм, огромную темную массу, как и любой мавзолей под зажигающимися звездами, не освещал ни один отблеск. Казалось, внутри никого не было, и, хотя тишина благоприятствовала его начинанию, Фариома бил озноб от нависшей над ним смертельной угрозы и одиночества. Копыта его верблюда извлекали из мостовой странный зловещий лязг, и юноша подумал, что уши спрятавшихся вурдалаков, бдительно вслушивавшихся в тишину, непременно обнаружат его.

Однако тьму гробницы не нарушало ни одно движение жизни. Достигнув тени одной из групп древних кедров, он спешился и привязал верблюда к низко свисавшей ветке. Стараясь прятаться за деревьями, он с чрезвычайной осторожностью приблизился к храму и медленно его обошел, увидев, что все четыре входа, соответствующие четырем сторонам света, открыты, пустынны и одинаково темны. Вернувшись на восточную сторону, где он оставил

верблюда, юноша отважился войти в черную зияющую дыру ворот.

Перешагнув порог, Фариом мгновенно погрузился в мертвую вязкую тьму, тронутую неуловимым запахом тления и зловонием горелых костей и плоти. Ему показалось, что он шел по огромному коридору, и, ощупывая правой рукой стену, он вскоре дошел до внезапного поворота и увидел голубоватое мерцание где-то вдалеке, возможно, в центральном святилище, где заканчивался зал. В этом сиянии вырисовывались смутные очертания множества колонн, и вдоль них прошествовало несколько закутанных фигур, являя профили огромных черепов. Двое из них тащили в руках человеческое тело. Фариому, замершему в темном зале, показалось, что витающий в воздухе запах разложения на миг стал сильнее после того, как фигуры прошли мимо.

Больше никто не появился, и храм вновь обрел свою мавзолейную тишину. Но юноша, нерешительный и дрожащий, еще много мучительных минут стоял в ожидании, перед тем как осмелиться продолжить свой путь. Гнет смертельной тайны наполнял воздух, делая его похожим на удушающие миазмы катакомб. Фариом, казалось, весь превратился в слух и различил слабое гудение, звук гулких и тягучих голосов, сплетавшихся в хор, который, по всей видимости, исходил из склепов под храмом.

Наконец, прокравшись в конец зала, он заглянул в помещение, бывшее, очевидно, главным святилищем. Его взгляду предстала низкая комната с множеством колонн, которую он смог оглядеть лишь частично в свете голубоватых огней, мерцавших в бесчисленных, похожих на урны плошках на тонких стелах.

Фариом немного поколебался, прежде чем переступить порог этого ужасного зала, ибо перемешанный запах горелой и разлагающейся плоти был тяжелее воздуха. Громкое гудение раздавалось, казалось, из темной дыры в полу у стены по левую руку юноши. В комнате, похоже, не было никого живого, никто не шевелился, кроме колеблющихся огоньков и трепещущих теней. Фариом различил в полутьме очертания огромного стола, вытесанного из точно такого же черного камня, как и все здание храма. На столе, тускло освещенном огоньками в урнах,

длинными рядами лежали мертвые тела, и юноша понял, что он обнаружил черный алтарь Мордигиана, на котором возлежали трупы тех, кого призвал к себе кровожадный бог.

В душе Фариома боролись безумный удушающий страх и еще более безумная надежда. Дрожа, он подошел ближе к столу, и на его лбу выступил липкий холодный пот, вызванный присутствием мертвых. Стол был около тридцати футов в длину, поддерживаемый дюжиной крепких ножек, и достигал юноше до груди. Начав с ближайшего к нему конца, он проходил мимо рядов трупов, боязливо вглядываясь в каждое лицо. Здесь были люди обоих полов, всех возрастов и разных сословий. Дворяне и богатые торговцы лежали в окружении нищих в грязных лохмотьях. Некоторые умерли лишь недавно, другие же, казалось, уже долго пребывали на ужасном столе и были тронуты разложением. В упорядоченных рядах зияло множество пустот — очевидно, некоторые трупы были унесены прочь. Фарион продолжал свое страшное занятие, разыскивая любимые черты Илейт. Наконец, когда он приблизился к дальнему концу стола и уже начал опасаться, что ее там нет, увидел ту, которую искал.

Объятая зловещей бледностью и оцепенением своей загадочной болезни, она лежала на холодном камне, столь же прекрасная, какой ее помнил Фарион. Его душу затопила волна горячей благодарности, ибо он был уверен, что она не умерла и не очнулась в этом ужасном храме. Если он сможет беспрепятственно вывезти ее из ненавистных ему окрестностей Зуль-Бха-Сейра, она поправится от своего подобного смерти недуга.

Мельком он заметил, что рядом с Илейт лежит еще одна женщина, узнав в ней прекрасную Арктелу, за чьими носилками он дошел почти до ворот храма. Больше не глядя на нее, он наклонился над столом, чтобы поднять Илейт.

В тот же миг он услышал тихий шепот, доносившийся от двери, сквозь которую он вошел в святилище. Решив, что кто-то из жрецов вернулся обратно, он мгновенно встал на четвереньки и забрался под омерзительный стол — единственное место в этом зале, в котором можно было укрыться. Отступив во тьму, куда не добиралось мерцание

высоких урн, он затаился, выглядывая из-за толстой, точно колонна, ножки стола.

Голоса стали громче, и он увидел обутые в диковинные сандалии ступни трех человек, приблизившихся к столу и остановившихся в том же самом месте, на котором сам недавно стоял. Фариом терялся в догадках, кто они такие, но их яркие темно-красные одежды были не такими, как у служителей Мордигиана. Он не знал, заметили его или нет, и, скорчившись в три погибели под столом, вытащил из ножен свой кинжал.

Теперь он мог различить три голоса, один торжественный и повелительный, другой несколько гортанный и раскатистый, а третий пронзительный и гнусавый. Их произношение было чужим, отличавшимся от речи жителей Зуль-Бха-Сейра, и многие слова были незнакомы Фариому. Кроме того, большую часть разговора он не расслышал.

— ...здесь... в конце,— произнес торжественный голос.— Быстрее... Нам нельзя терять времени...

— Да, учитель,— раздался раскатистый голос.— Но кто эта вторая?.. Она очень красива.

Казалось, разгорелся тихий спор. Очевидно, обладатель гортанного голоса настаивал на чем-то, с чем двое других были не согласны. Фариом из своего убежища слышал лишь обрывки слов, но из них уловил, что первого звали Вемба-Тсит, а тот, кто говорил пронзительно и гнусаво, носил имя Нарфай. Наконец их заглушил мрачный голос того, которого называли учителем:

— Я совершенно этого не одобряю... Это задержит наш отъезд... И двоим придется ехать на одном верблюде. Но ты, Вемба-Тсит, можешь взять ее, если справишься со всеми необходимыми заклинаниями без моей помощи. У меня нет времени произносить сразу две формулы... Это будет хорошей проверкой твоего мастерства.

Вемба-Тсит начал бормотать слова благодарности и признательности, но учитель прервал его:

— Замолчи и не трать времени понапрасну.

Фариом, мучительно старавшийся догадаться, что же означал этот странный разговор, увидел, что двое подошли ближе к столу, как будто наклонившись над мертвыми. Он услышал шорох ткани по столу, а через мгновение увидел, что все трое удаляются в направлении, противопо-

ложном тому, откуда пришли в святилище. Двое несли груз, бледно и неразличимо мелькавший в полумраке.

Черный ужас сжал сердце Фариома, ибо он слишком ясно понял, что за ноша пригибала к земле эти фигуры, и кому принадлежало одно из похищенных тел. Он в мгновение ока выполз из своего укрытия и увидел, что Илейт действительно исчезла со стола вместе с Арктелой. Темные фигуры растворились во мраке, окутывавшем западную стену зала. Юноша не знал, были ли похитители вурдалаками или кем-то еще более худшим, но двинулся следом за ними, в беспокойстве за Илейт позабыв обо всех других опасностях.

Дойдя до стены, он обнаружил выход в коридор, и нырнул в его узкий туннель. Где-то далеко перед собой он видел красноватый мерцающий свет. Затем до него донесся приглушенный металлический лязг, и светящаяся полоса сузилась, будто пробиваясь сквозь неширокую щель, точно кто-то прикрыл дверь зала, из-за которой доносилось мерцание.

Вслепую двигаясь вдоль стены, он дошел до щели, из которой лился алый свет. Медная дверь с темными пятнами была приоткрыта, и сквозь нее глазам Фариома открылось странное и жуткое зрелище, освещенное кроваво-красными неровными огоньками, горевшими в стоявших на высоких пьедесталах урнах.

Комната была обставлена с чувственной роскошью, странно сочетавшейся с тусклым мрачным камнем храма смерти. Диваны были обиты великолепными узорчатыми тканями, на полу лежали роскошные ковры — алые, золотые, лазурные, серебряные, в углах стояли украшенные драгоценными камнями кадильницы из непонятного металла. Низенький столик был заставлен странными бутылями и диковинными приспособлениями, которые могли бы использоваться для врачевания или колдовства.

Илейт лежала на одном из диванов, а рядом с ней на втором распростерлось тело Арктелы. Похитители, которых Фариом впервые увидел в лицо, были заняты какими-то странными приготовлениями, очень его озадачившими. Первым же его побуждением было ворваться внутрь, но чувство изумления быстро заглушило это желание, и юноша остался стоять за дверью, оцепеневший и бездвижный.

Высокий мужчина средних лет, которого он посчитал учителем, собирал какие-то диковинные плошки, среди которых была маленькая жаровня и курильница, и расставлял их на полу вокруг ложа Арктелы. Второй, более молодой, с распутными раскосыми глазами, устанавливал такие же предметы перед Илейт. Третий, столь же молодой мужчина недоброго вида, просто стоял и смотрел на все происходящее с боязливым и беспокойным выражением на лице.

Фариом догадался, что это колдуны, когда со сноровкой, достигнутой за долгие годы практики, они разожгли курильницы и жаровни и одновременно начали произносить нараспев ритмические размеренные слова на странном языке, сопровождая их через равные промежутки времени разбрызгиванием темных масел, с громким шипением падавших на угли в жаровнях и порождавших огромные клубы жемчужного дыма. Темные струи испарений, извиваясь, поднимались от курильниц, переплетаясь, точно вены, между расплывчатыми бесформенными фигурами, похожими на призрачных гигантов. Нестерпимо резкое зловоние каких-то смол наполнило зал, волнуя все чувства Фариома, пока картина перед его глазами не заколыхалась, невероятно расплывшись в наркотическом искажении.

Голоса некромантов взвивались ввысь и вновь падали, звуча нечестивой песнью. Повелительные и строгие, они, казалось, умоляют об осуществлении запретного святотатства. Точно столпившиеся привидения, извивающиеся и кружащиеся, наполненные губительной жизнью, пары поднимались над диванами, на которых лежала мертвая девушка и девушка, чья смерть была лишь видимостью.

Когда зловеще извивавшиеся дымки расступились, Фариом увидел, что бледная фигура Илейт зашевелилась, пробуждаясь ото сна, она открыла глаза и подняла бессильную руку. Молодой некромант прекратил песнопение, резко понизив голос. Торжественное пение другого все еще продолжалась, и Фариом никак не мог избавиться от странной колдовской паутины, не дававшей ему сдвинуться с места.

Дымка медленно поредела, как растворяющийся призрак. Юноша увидел, что Арктела встает на ноги, точно

лунатик. Звучная песнь Абнона-Тха, стоящего перед ней, закончилась. В наступившей тишине Фариом услышал слабый вскрик Илейт, а затем ликующий раскатистый голос Вембы-Тсита, склонившегося над ней:

— Смотри, о Абнон-Тха! Мои чары быстрее твоих, ибо та, что я избрал, проснулась раньше Арктелы!

Фариом очнулся от своего оцепенения, точно с него спало какое-то злое заклятие. Он рванул тяжелую дверь из потемневшей меди, которая подалась с протестующим скрежетом петель. Выхватив свой кинжал, юноша ворвался в комнату.

Илейт с широко раскрытыми в изумлении глазами повернулась к нему и сделала бесплодную попытку подняться со своего ложа. Арктела, безмолвная и покорная Абнону-Тха, казалось, не обращала внимания ни на что, кроме приказаний некроманта. Она выглядела как прекрасный бездушный механизм. Колдуны, резко обернувшиеся на звук открывшейся двери, с исключительным проворством отскочили, прежде чем он успел напасть на них, и вытащили короткие кривые мечи. Нарфай выбил нож из пальцев Фариома, метнув свой меч, отсекший тонкое лезвие от рукоятки, а Вемба-Тсит, замахнувшись, сразу убил бы юношу, если бы не вмешался Абнон-Тха, повелевший ему остановиться.

Разъяренный Фариом стоял под занесенными мечами, не решаясь двинуться, и темные испытующие глаза Абнона-Тха, точно глаза ночной хищной птицы, сверлили его своим взглядом.

— Я желаю знать, что значит это вторжение,— произнес некромант.— Ты действительно отважен, если решился войти в храм Мордигиана.

— Я пришел за девушкой, которая лежит вон там,— объявил Фариом.— Это Илейт, моя жена, которую несправедливо призвал бог. Но скажите мне, зачем вы принесли ее в эту комнату со стола Мордигиана, и что вы за люди, если смогли поднять мертвую так же, как подняли мою жену?

— Я — Абнон-Тха, некромант, а это мои ученики, Нарфай и Вемба-Тсит. Благодари Вембу-Тсита, ибо он воистину вернул твою жену из царства мертвых с мастерством, превзошедшим мастерство его учителя. Она очнулась еще прежде, чем заклинание было кончено!

Фарием с безжалостным подозрением взглянул на некроманта.

— Илейт была не мертва, а всего лишь впала в транс,— заявил он.— Вовсе не колдовство твоего ученика пробудило ее. И никто не может судить о том, была она мертва или жива, кроме меня. Позволь нам уйти, ибо я хочу покинуть Зуль-Бха-Сейр, где мы остановились лишь на короткое время.

С этими словами, он повернулся спиной к колдунам и подошел к Илейт, которая глядела на него изумленными глазами, но еле слышно произнесла его имя, когда он схватил ее в объятья.

— Какое замечательное совпадение,— промурлыкал Абнон-Тха.— Мы с учениками тоже собираемся уехать из Зуль-Бха-Сейра этой самой ночью. Возможно, вы удостоите нас своим обществом?

— Благодарю тебя,— отрывисто ответил Фарием.— Но я не уверен, что наши пути совпадают. Илейт и я поедем в Тасуун.

— И снова, клянусь черным алтарем Мордигиана, совпадение, еще более странное, чем первое, ибо Тасуун также место и нашего назначения. Мы возьмем с собой и воскресшую Арктелу, которую я считаю чересчур прекрасной для бога смерти и его лизоблюдов.

За масляными насмешливыми речами некроманта Фарием чувствовал темное затаившееся зло. Кроме того, он заметил тайные зловещие знаки, которые Абнон-Тха делал своим помощникам. Безоружный, он мог лишь согласиться на неприятное предложение колдуна. Он отлично понимал, что ему не позволят живым покинуть храм, ибо узкие глаза Нарфая и Вембы-Тсита, пристально его рассматривавших, налились жаждой убийства.

— Пойдем,— произнес Абнон-Тха повелительно.— Время уходит.

Он обернулся к неподвижной фигуре Арктелы и произнес непонятное слово. С пустыми глазами, шагая, как лунатик, она последовала за ним по пятам к открытой двери. Фарием помог Илейт подняться, шепча ей на ухо слова ободрения в попытке смягчить растущий ужас и тревогу, которые увидел в ее глазах. Она могла идти сама, хотя медленно и неуверенно. Вемба-Тсит и Нарфай посто-

ронились, жестом уступая дорогу девушке и Фариому, но тот, чувствуя, что как только обернется к ним спиной, они убьют его, подчинился неохотно, отчаянно оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить оружием.

Одна из металлических жаровен, полная тлеющих углей, стояла у самых его ног. Он быстро нагнулся, схватил ее и повернулся к некромантам. Вемба-Тсит, как юноша и подозревал, крался за ним с занесенным мечом, готовясь нанести удар. Фариом метнул жаровню вместе с ее сверкающим содержимым в лицо молодого некроманта, и Вемба-Тсит, задыхаясь, с ужасным криком упал на пол. Нарфай, свирепо рыча, прыгнул на беззащитного юношу. Его ятаган блеснул в тусклом свете, когда ученик некроманта занес его для удара. Но оружие не опустилось, и Фариом, приготовившийся к жестокой смерти, понял, что Нарфай пораженно глядит куда-то за него, точно превращенный в камень призраком Горгоны.

Словно подчиняясь чьей-то чужой воле, юноша обернулся и увидел, что отвело от него удар Нарфая. Арктела и Абнон-Тха, застывшие перед открытой дверью, вырисовывались на фоне тени, которую не могло бы породить ничто, находившееся в комнате. Она от края до края заполняла порталы и возвышалась над перекрытием двери, и затем мгновенно стала чем-то большим, чем простая тень — это было огромное облако тьмы, черное и непроницаемое, почему-то ослеплявшее глаза странным сиянием. Казалось, тьма высосала огоньки из красных урн и наполнило комнату холодом смерти и пустоты. Это облако напоминало червеобразную колонну, огромную, точно дракон, и все новые и новые кольца вползали в комнату из темного коридора, а оно само беспрестанно меняло форму, кружась и извиваясь, точно наполненное бурлящей энергией темных эпох. На мгновение оно стало похоже на дьявольского великана с безглазой головой и туловищем без рук и ног, а затем, раздуваясь и распространяясь, точно дымное пламя, облако заполнило комнату.

Абнон-Тха отшатнулся от него, отчаянно бормоча проклятия и заговоры, защищающие от нечистой силы, но Арктела, бледная, хрупкая и неподвижная, оказалась как

раз на пути чудовищного создания, и оно начало обволакивать ее своими голодными языками, пока девушка полностью не скрылась из вида.

Фариом, поддерживавший Илейт, бессильно повисшую у него на плече, точно собираясь лишиться чувств, не мог двинуться. Он забыл кровожадного Нарфая, и казалось, что они с Илейт лишь бледные тени перед лицом этого воплощения смерти и разложения. Он видел, как темнота росла и сгущалась, как взметнулось жадное пламя, поглотившее Арктелу, он видел, как оно мерцало клубящимися мрачными радугами, точно спектр темного солнца. На мгновение до него донеслось негромкое шелестение, похожее на потрескивание пламени. Затем быстро и устрашающе облако откатилось из комнаты. Арктела исчезла, точно растворилась в воздухе, подобно бесплотному призраку. Принесенный внезапной волной странно перемешанных жары и холода, в зале разлился резкий запах, какой мог бы исходить от выгоревшего погребального костра.

— Мордигиан! — взвизгнул Нарфай в приступе панического ужаса.— Это был бог Мордигиан! Он забрал Арктелу!

Казалось, на его крик отозвалось многоголосое насмешливое эхо, нечеловеческое, как вой гиен, но тем не менее отчетливое, повторявшее имя Мордигиана. Из темного зала в комнату ворвалась орда ужасных созданий, в которых Фариом лишь по фиолетовым рясам узнал служителей бога-вурдалака. Они сняли свои маски в виде черепов, обнажив головы и лица, которые были получеловеческими, полупсиными, и совершенно дьявольскими; перчаток на них тоже не было. Их явилось не меньше дюжины. Кривые когти блестели в темноте, точно крюки из темного тусклого металла. Рычащие пасти обнажали острые зубы, длиннее, чем гвозди в крышке гроба. Точно шакалы, они плотным кольцом окружили Абнона-Тха и Нарфая, оттеснив их в дальний угол. Несколько из вошедших позже со звериной жестокостью набросились на начавшего оживать Вембу-Тсита, который со стонами извивался на полу посреди рассыпавшихся из жаровни углей.

Казалось, они не видели Фариома и Илейт, которые смотрели на них, точно застыв в смертельном трансе. Но

последний жрец, прежде чем присоединиться к нападавшим на Вембу-Тсита, повернулся к юной чете и обратился к ним хриплым и гулким, точно отраженным от сводов гробницы, лающим голосом:

— Уходите, ибо Мордигиан справедливый бог, кто призывает лишь мертвых и не трогает живых. А мы, служители Мордигиана, жестоко наказываем тех, кто нарушает его закон, похищая мертвых из храма.

Фарием, поддерживая все еще опиравшуюся на его плечо Илейт, вышел в темный зал, слыша за своей спиной зловещий шум, в котором крики трех некромантов мешались с рыком, подобным шакальему, и с хохотом, точно издаваемым стаей гиен. Шум затих, когда они вошли в освещенное голубым светом святилище и тронулись по внешнему коридору. И тишина, наполнившая храм Мордигиана за их плечами, была столь же глубокой, как безмолвие мертвых, лежащих на черном столе-алтаре.

ЧЕРНЫЙ ИДОЛ

Тасайдон, ты владыка семи кругов ада,
Где обитает один лишь Змей,
Влача свои кольца из круга в круг
Сквозь огонь и бесконечности мрак.
Тасайдон, солнце подземных небес,
Твое древнее зло никогда не умрет.
Ты царишь в сердцах людей,
И по-прежнему ты велик,
Вопреки хуле вероломных слуг.

Песнь Кситры

Над Зотикой, последним континентом Земли, солнце показывается редко, ненадолго проглядывая сквозь тучи темно-красным тусклым шаром, словно омытое кровью. А с наступлением ночи на небесах зажигаются бесчисленные новые звезды, и оттого мрак бесконечности кажется ближе. Из этой тьмы возвращаются древние боги, забытые со времен Гипербореи, Му и Посейдониса, получившие другие имена, но не потерявшие своей власти над людьми. Возвращаются и древнейшие демоны и, жирея от дыма дьявольских жертвоприношений, вынашивают замыслы против первобытных колдунов.

Зловещая слава и чудеса, творимые некромантами и магами Зотики, превратились со временем в легенды, передаваемые из уст в уста. Самым же могущественным из всех чародеев считался Намирра, распространивший свою

черную власть над городами Ксилака и позже, в гордом исступлении, объявивший себя истинным слугой Тасайдона, владыки Зла.

Намирра обосновался в Уммаосе, столице Ксилака, куда пришел из пустынной области Тасуун. Мрачное известие о его колдовстве следовало за ним, как облако пыльной бури. Никто не знал, что в Уммаосе он родился, ибо все считали его уроженцем Тасууна. И в самом деле, никто даже предположить не мог, что этот великий чародей некогда был мальчишкой-попрошайкой и звали его Нартос. Сирота, не знавший своих родителей, он каждый день выпрашивал себе пропитание на улицах и базарах Уммаоса. Скверно он жил, одинокий и презираемый, и ненависть к богатому и жестокому городу затаилась в его сердце, как пламя, тайно тлеющее в ожидании часа, когда оно может разгореться в большой всепожирающий пожар.

Злоба к людям, постоянно усиливаясь, жгла сердце Нартоса. Однажды принц Зотулла, мальчик чуть старше его, проезжал верхом на норовистой лошади мимо, когда он просил милостыню на площади перед императорским дворцом. Нартос протянул к нему руку, но Зотулла с презрением посмотрел на маленького попрошайку и, пришпорив коня, наехал на него. Сбитый с ног, Нартос попал под копыта лошади, но чудом остался жив. Долго он лежал без чувств, в то время как люди проходили мимо, не обращая на него внимания. Наконец, придя в чувство, он потащился в свою лачугу. С тех пор небольшая хромота осталась у него на всю жизнь, и отметина от удара копытом навсегда запечатлелась на его теле, как клеймо. Позже он покинул Уммаос, и люди быстро забыли о нем. Пробираясь на юг, в Тасуун, он потерялся в огромной пустыне и чуть не погиб. Но в конце концов вышел к маленькому оазису, где жил чародей Умфалок, отшельник, который предпочитал шакалов и гиен обществу людей. Умфалок, разглядев в изнуренном мальчике великую силу и злобу к людям, накормил и приютил его. Нартос провел несколько лет с Умфалоком, стал его учеником и унаследовал его умение вызывать демонов. Удивительным вещам он научился, живя в этом уединенном уголке, питаясь плодами и зерном, не произраставшими на политой водой земле, подкрепляя себя вином, приго-

товленным не из виноградного сока. Подобно Умфалоку, он стал мастером в дьявольщине и установил собственную связь с владыкой ада Тасайдоном. Когда Умфалок умер, юноша взял себе имя Намирра и среди странников и глубоко захороненных мумий Тасууна приобрел известность как могущественный колдун. Но никогда он не забывал страданий своего детства в Уммаосе и несправедливость, которую претерпел от Зотуллы. Год за годом он вынашивал планы мести. Его черная слава распространилась повсюду; о нем услышали люди, живущие далеко за пределами Тасууна. Они шепотом передавали друг другу слухи о его деяниях в городах Йороса и в Зуль-Бха-Сейре, обиталище мерзкого божества Мордигиана. И задолго до появления самого Намирры жители Уммаоса знали, что он послан им в наказание, которое будет ужаснее, чем самум или мор.

И вот спустя многие годы после бегства мальчика Нартоса из Уммаоса, Питаим, отец принца Зотуллы, умер от укуса маленькой гадюки, которая, ища тепла в холодную осеннюю ночь, заползла в его постель. Поговаривали, что гадюку подбросил сам Зотулла, но это были лишь ничем не подтвержденные слухи. После смерти Питаима Зотулла, его единственный сын, стал императором Ксилака и жестоко правил со своего трона в Уммаосе. Обуреваемый необъяснимой жестокостью и жаждой роскоши он был безжалостным и тираничным, но окружавшие его люди, такие же злые, как и он, потакали его порокам. Так он благоденствовал, и ни боги, ни владыки ада не карали его. Шли дни, красное солнце и бледно-мертвенная луна всходили над Ксилаком и опускались на западе в море, которое редко бороздили корабли, ибо, если верить рассказам моряков, оно было огромным и бурным и несло свои воды, будто быстротечная река, мимо опасного острова Наат, а затем падало огромным водопадом в пропасть на далеком отвесном краю Земли.

А слава Зотуллы все росла, и грехи его были, как зреющие над глубокой пропастью плоды. Но ветры времени дуют тихо; и плоды не успели еще созреть. Император веселился среди своих шутов, евнухов и наложниц, и молва о его роскоши распространилась повсюду; о расточительных причудах Зотуллы толковали люди, живущие на

далеких окраинах, так же как о чудесах черной магии Намирры.

Это случилось в год Гиены и месяц звезды Сириус, когда Зотулла устроил великий праздник жителям Уммаоса. Блюда, сдобренные экзотическими специями с восточного острова Сотара, были выставлены для всех желающих, и горячие вина Йороса и Ксилака, словно наполненные подземным огнем, неистощимо лились из огромных сосудов. Эти вина вызвали буйное веселье и безумие: после празднества все жители города заснули тяжелым сном, крепким, как сама смерть. И где люди пили и кутили, там они и полегли друг подле друга — на улицах, в домах и садах,— как будто их свалил мор. И Затулла заснул в своем пиршественном зале, украшенном золотом и черным деревом; сон объял всех его одалисок и придворных. Итак, во всем Уммаосе не оказалось никого — ни мужчины, ни женщины,— кто проснулся бы в тот час, когда Сириус начал клониться к западу.

Так случилось, что никто не увидел и не услышал появления Намирры. Очнувшись около полудня, император Зотулла услышал смущенное бормотанье и беспокойный шум голосов своих евнухов и женщин. Когда он спросил о причине шума, ему сказали, что ночью произошло странное явление. Но поскольку он еще не пришел в себя после тяжелого сна и вообще от природы был не слишком сообразителен, его любимая наложница Обекса подвела его к восточному портику дворца, откуда он мог увидеть это чудо собственными глазами.

Дворец стоял в самом центре Уммаоса, окруженный садами, где росли высокие раскидистые пальмы и журчали бьющие вверх фонтаны. Лишь с восточной стороны оставалось открытое пространство, разделяющее жилище императора и богатые дома высших сановников. И на этом месте, совершенно пустом накануне, сейчас, при свете солнца, возвышалось огромное здание. Купола его, по высоте равные куполам дворца Зотуллы, блистали мертвенно-белым мрамором; портики и тенистые балконы из черного оникса и красного, как кровь дракона, порфира, украшали фасад. У Зотуллы непроизвольно вырвалось проклятие, так велико было его изумление перед чудом, которое не могло быть ничем иным, как колдовством. Женщи-

ны, столпившиеся вокруг него, пронзительно кричали в благоговении и страхе; просыпавшиеся один за другим придворные также поднимали крик; и толстые кастраты, разряженные в золотые одежды, тряслись от страха, как черное желе в золотых чашах. Но Зотулла, помня о своей власти императора и стараясь сдержать дрожь, вскричал:

— Кто осмелился проникнуть в Уммаос, как шакал под покровом ночи, и сотворил свое нечестивое логово прямо перед моим дворцом? Пойдите и узнайте имя этого мерзавца. Но прежде передайте палачу, чтобы он наточил свою секиру.

Несколько придворных, опасаясь императорского гнева, неохотно направились к странному сооружению. Ворота издали казались пустыми, но стоило им приблизиться, в проеме вдруг возник скелет, ростом намного выше любого человека, и двинулся им навстречу огромными шагами. На скелете не было ничего, кроме набедренной повязки из алого шелка, заколотой застежкой из черного янтаря, и черного тюрбана на голове, усыпанного бриллиантами. Глаза его горели в глубоких глазницах, как болотные огни, а черный язык торчал между зубами, как у разложившегося мертвеца. Другой плоти он не имел, и кости его засверкали белизной на солнце, когда он вышел из ворот.

Придворные онемели, не в силах произнести ни слова, лишь их золотые пояса позвякивали, да шуршал шелк одежд, когда они тряслись от страха. Скелет, громко стуча костяными ступнями по плитам из черного оникса, подошел к ним и, шевеля разлагающимся языком между зубами, произнес отвратительным голосом:

— Возвращайтесь и передайте императору Зотулле, что по соседству с ним поселился пророк и чародей Намирра.

Увидев, что скелет разговаривает, как живой человек, и услышав ужасное имя Намирры, звучащее словно отголосок крушения города, придворные не могли оставаться на месте. Они позорно бежали и, вернувшись в императорский дворец, передали послание Зотулле.

Теперь, когда император узнал, кто поселился рядом с ним в Уммаосе, его гнев угас, подобно слабому пламени под дыханием ночного ветра. И румянец от винных возлияний на его щеках сменился мертвенной бледностью.

Он ничего не сказал, но губы его непроизвольно шевельнулись, шепча не то молитву, не то проклятие. А новость о появлении Намирры распространилась, словно на крыльях дьявольских ночных птиц, по всему дворцу, а оттуда в город, оставляя за собой отвратительный страх, который и много времени спустя преследовал жителей Уммаоса. Ведь Намирра, о котором шла слава, что он великий чародей, и ему подчиняются ужасные демоны, обладал такой властью, какую ни один смертный правитель не осмелился бы оспорить. Люди повсюду боялись его так же сильно, как огромных невидимых демонов ада и неба. И жители Уммаоса говорили, что он со своими прислужниками прибыл из Тасууна на крыльях ветра пустыни, подобно моровой язве, и воздвиг свой дом рядом с дворцом Зотуллы с помощью дьяволов. А еще говорили, что фундамент дома покоится на нерушимом своде ада, и в полу его находятся колодцы, на дне которых горят адские огни или звезды адской ночи. А приспешники Намирры — это мертвецы из канувших в вечность королевств, демоны неба, земли и ада и безумные, нечестивые твари, порожденные самим колдуном от запретных соитий.

Люди избегали приближаться к этому величественному зданию, а во дворце Зотуллы немногие осмеливались подходить к окнам и балконам, выходившим на ту сторону. Да и сам император не упоминал о Намирре, притворившись, что не замечает присутствия захватчика. А женщины в гареме болтали и жадно слушали сплетни о Намирре и его наложницах. Однако горожане ни разу не видели самого колдуна, хотя ходили слухи, что он, скрытый заклинанием, разгуливает когда и где захочет. Слуг его тоже не видели, но временами из-за стен его дворца слышался ужасный вой. А иногда раздавался гулкий безудержный смех, словно громко хохотало какое-то огромное чудовище, или странный треск, как будто кто-то в холодном аду колол лед. Мутные тени бродили в портиках, когда их не мог коснуться свет солнца или лампы. А по вечерам жуткие красные огни появлялись и исчезали в окнах, словно мерцание дьявольских глаз. И медленно янтарное солнце проходило над Ксилаком и опускалось в далекие моря, и тускнела пепельная луна, падая каждую ночь в залив безбрежного моря.

Тогда, увидев, что волшебник открыто не творит зла и никто не пострадал от его присутствия, люди приободрились. А Зотулла впал в глубокий запой и окунулся в несущую забвение роскошь. И темный Тасайдон, князь порока, стал истинным, но тайным правителем Ксилака. И через некоторое время люди Уммаоса стали хвалиться Намиррой и его черным колдовством, как раньше похвалялись пороками Зотуллы.

Но Намирра, все еще не видимый смертными, сидел в нижних залах своего дома, воздвигнутого для него дьяволами, и снова и снова ткал в мыслях черную паутину мести. Во всем Уммаосе не нашлось никого, даже среди его бывших приятелей-попрошаек, кто вспомнил бы нищего мальчишку Нартоса. И обида, которую Зотулла причинил Намирре давным-давно, была одной из многих жестокостей императора, о которой тот давно забыл.

И вот когда страх Зотуллы немного улегся, а его женщины стали меньше болтать о соседе-колдуне, последовало небывалое чудо, вызвавшее новую волну ужаса. Однажды вечером, когда император сидел за праздничным столом, окруженный придворными, до него долетел стук копыт, словно множество подкованных железом коней неслись по его саду. Придворные тоже услышали этот звук, и поразились, хоть и были сильно пьяны. Разгневанный император послал стражей узнать причину странного шума. Но, пройдя по освещенным луной лужайкам и дорожкам, стражи не увидели никого, хотя громкий топот раздавался повсюду. Казалось, стадо диких жеребцов, шарахаясь из стороны в сторону, галопом носится перед дворцом. И стражи, догадавшись, что это происки колдуна, перепугались и, не осмелившись идти дальше, вернулись к Зотулле. Император, услышав их рассказ, протрезвел и сам вышел из дворца, чтобы увидеть это чудо. Всю ночь невидимые кони звонко стучали копытами по выложенным ониксом дорожкам и бегали с глухим топотом по траве и цветам. Пальмовые ветви качались в безветренном воздухе, как будто задетые обезумевшими лошадьми, а лилии и экзотические цветы с широкими лепестками, растоптанные, валялись повсюду на дорожках Панический страх закрался в сердце Зотуллы, когда он, стоя на балконе над садом, слышал призрачный грохот и видел,

какой ущерб наносится клумбам с редчайшими растениями. Женщины, придворные и евнухи в страхе столпились позади него. Ни один обитатель дворца не спал в ту ночь. Но к рассвету стук копыт стих, постепенно удаляясь по направлению к дворцу Намирры.

Когда над Уммаосом рассвело, император вышел в охраняемый стражей сад и увидел, что потоптанная трава и сломанные стебли почернели, как от огня, там, где их коснулись копыта. Лужайки и цветники были испещрены следами, начисто исчезавшими за пределами сада. И хотя ни у кого не возникло сомнения, что бесчинство это было устроено Намиррой, никаких доказательств его вины не было: на его земле не оказалось ни единого следа.

— Пусть Намирру поразит гром, если это его рук дело! — вскричал Зотулла.— Что я ему сделал? Воистину, я раздавлю горло этой собаке. Мои палачи вздернут его на дыбу и будут терзать так, как эти лошади топтали мои кроваво-красные лилии с Сотара, полосатые ирисы из Наата и орхидеи из Уккастрога, алые, как следы страстных поцелуев на теле женщины. Воистину, хоть он наместник Тасайдона на Земле и повелитель десяти тысяч демонов, моя дыба сломает его, и огонь выжжет клеймо на его спине, пока он не почернеет, как мои увядшие цветы!

Так хвалился Зотулла, однако не осмелился отдать приказ, чтобы слуги исполнили его угрозу, и никто не вышел из дворца к дому Намирры. Из ворот колдуна также никто не появился. А если кто и вышел, то никто этого не видел и не слышал.

Так прошел день и наступила ночь, приведя за собой слегка темнеющую по краям луну. Наступила тишина, и Зотулла, сидя за столом, полный ярости, часто прикладывался к кубку, придумывая новые кары для Намирры. Ночь тянулась медленно, и, казалось, ничто не нарушит ее спокойствия. Но в полночь, лежа в своей спальне с Обексой, полусонный от выпитого вина, Зотулла очнулся от чудовищного звона копыт, которые гремели и в портиках дворца, и на длинных галереях. Всю ночь дьявольские лошади носились туда-сюда, грохот их копыт эхом отдавался под каменными сводами, а Зотулла и Обекса прислушивались, дрожа от страха среди покрывал и подушек.

И все обитатели дворца проснулись от этого звона и тряслись в ужасе, но не осмелились выйти из своих спален. Незадолго до рассвета демоны внезапно исчезли, а при свете дня бессчетные следы копыт, глубокие и черные, словно выжженные огнем, были обнаружены на мраморных плитах галерей и балконов.

Лицо императора побелело, когда он увидел испещренный следами пол. И с тех пор страх постоянно преследовал его, даже во хмелю, ибо он не знал, когда начнутся набеги невидимых коней. Его женщины шептались, некоторые хотели бежать из Уммаоса. Казалось, прежнее веселье никогда не вернется во дворец, словно над его обитателями нависли темные крылья, тень от которых отражалась в золотистом вине и на позолоте светильников. И снова с наступлением ночи сон Зотуллы прервался стуком подков, звеневших по крыше и во всех коридорах дворца. Всю ночь до рассвета демоны наполняли дворец железным топотом, глухо грохотали по самым высоким куполам, как будто боевые кони богов мчались по небесам громозвучной кавалькадой.

Ужасные копыта загрохотали у самых дверей спальни Зотуллы, где он лежал в объятиях Обексы. Слыша этот грохот, они не могли предаваться любви и наслаждаться своей близостью. Когда предрассветное небо посерело, они услышали сильный удар по запертой на засов бронзовой двери в спальню, как будто могучий жеребец стучал по ней копытом. Вскоре топот стих, и воцарилась тишина, словно затишье перед страшной бурей. Позднее следы копыт, изуродовавших яркие мозаики, были найдены повсюду в залах дворца. В тканых золотом, серебром и киноварью коврах зияли черные дыры. И высокие белые купола пестрели пятнами, словно пораженные черной оспой. А на бронзовой двери императорской опочивальни глубоко отпечатались следы лошадиных копыт.

Сначала в Уммаосе, а затем и по всему Ксилаку распространились слухи об этих набегах. Люди видели в них знамение, хотя толковали по-разному. Некоторые считали, что это предупреждение Намирры, утверждающее его превосходство над всеми королями и императорами. Другие полагали, что это послание от нового колдуна, который объявился далеко на востоке, в Тинарате, и хочет

вытеснить Намирру. А жрецы Ксилака говорили, что боги послали это испытание, карая за то, что в храмах им приносят мало жертвоприношений.

Тогда в тронном зале, пол которого, выложенный сердоликом и яшмой, был изуродован отпечатками копыт, Зотулла созвал жрецов, чародеев и предсказателей. Он попросил их назвать причину знамения и найти средство против набегов коней. Но увидев, что между ними нет согласия, Зотулла одарил жрецов деньгами на жертвоприношения богам и отослал их прочь. А чародеям и ясновидящим заявил, что они должны посетить Намирру в его колдовском дворце и узнать, чего он хочет, если набеги коней его рук дело, в случае отказа угрожая казнью.

С неохотой согласились на это маги и прорицатели, ибо боялись Намирру и не хотели вторгаться в ужасный и таинственный его дворец. Но мечники императора подняли над ними кривые клинки и заставили идти к дворцу Намирры. Так, один за другим, беспорядочной толпой, они направились к воротам и вошли в дьявольский дом.

Еще до заката чародеи и маги вернулись к императору, бледные, дрожащие и обезумевшие от страха, словно заглянули в ад и увидели там свою судьбу. Они сказали, что Намирра учтиво принял их и отослал назад с таким посланием:

«Пусть Зотулла знает, что эти набеги — напоминание о деле, давно им забытом; причина будет открыта ему в час, назначенный судьбой. И час этот близок, ибо Намирра приглашает императора и его двор завтра днем на большой праздник».

Передав это послание удивленному и напуганному Зотулле, чародеи просили разрешения удалиться. Несмотря на расспросы императора, они не пожелали оглашать подробности своего визита к Намирре и отказались описать баснословный дом колдуна. Зотулла разрешил им уйти. Когда они удалились, он долго сидел один, размышляя о приглашении Намирры, которое не хотел принимать, но и боялся отклонить. В этот вечер он напился еще сильнее, чем обычно, и заснул мертвым сном; этой ночью его не тревожил стук копыт над дворцом. А в тишине ночи прорицатели и чародеи тайно, словно тени, покидали Уммаос. Никто из жителей города не видел, куда они ушли.

К утру все они покинули Ксилак, отправившись в другие страны, чтобы никогда не возвращаться...

В тот же вечер Намирра сидел в одиночестве в большом зале своего дома, отпустив прислужников. Перед ним на гагатовом алтаре стояла огромная черная статуя Тасайдона, которую вдохновленный дьяволом скульптор давным-давно изваял для грешного короля Тасууна по имени Фарнок. Архидемон был изображен в облике вооруженного воина с мечом в поднятой руке. Статуя долго лежала в засыпанном песком дворце Фарнока, ставшем прибежищем бездомных бродяг. Намирра с помощью ворожбы нашел ее, заколдовал адское изображение и с тех пор с ним не расставался. И часто, устами статуи, Тасайдон давал предсказания Намирре или отвечал на его вопросы.

Перед черным идолом висело семь серебряных ламп, отлитых в форме лошадиных черепов. Пламя вырывалось из их глазниц, меняя цвет от голубого до пурпурно-красного. Странным и внушающим страх был этот свет, вызывающий игру зловещих теней на лице демона под украшенным гребнем шлемом. Намирра сидел в кресле, облокотившись на подлокотники, вырезанные в виде змей, и мрачно разглядывал статую. Он спросил нечто у Тасайдона, но демон, говорящий устами идола, отказался отвечать. И в душе Намирры поднялся бунт. Чародей обезумел от гордыни, вообразив себя повелителем всех колдунов и царем над всеми князьями дьявольского мира. После долгих раздумий он повторил свой вопрос вызывающим и надменным тоном, обращаясь к Тасайдону, как равный к равному, словно тот не был его всемогущим сюзереном, которому он поклялся в верности.

— До этого я помогал тебе во всем,— ответил идол, звучно и веско, и голос его эхом отозвался под сводами дворцового зала.— Да, бессмертные демоны огня и тьмы армиями приходили на зов твоих заклинаний, и крылья адских духов поднимались и заслоняли солнце по твоему зову. Но сейчас я не буду помогать в задуманном тобой мщении, потому что император Зотулла не делал мне зла. Напротив, он верно служил мне, сам того не ведая. И люди Ксилака, погрязшие в пороке, не последние из моих земных почитателей. Поэтому, Намирра, лучше тебе

жить в мире с Зотуллой и забыть ту давнюю обиду, которую он причинил попрошайке Нартосу. Потому что пути рока неисповедимы, и смысл его законов подчас непонятен. Воистину, если бы копыта коня Зотуллы не ударили тебя, твоя жизнь сложилась бы иначе: имя и слава Намирры все еще спали бы в забвении, как никем не увиденный сон. Да и ты сам так бы и остался уммаосским попрошайкой, никогда бы не стал учеником мудрого и ученого Умфалока. И я, Тасайдон, потерял бы величайшего из всех некромантов, которые когда-либо служили и подчинялись мне. Подумай хорошенько об этом, Намирра. Похоже, мы оба в долгу у Зотуллы за тот удар, который он тебе нанес.

— Да, в долгу,— непримиримо прорычал Намирра.— Я заплачу этот долг завтра... И мне помогут те, кто откликнется на мои заклинания вопреки твоей воле.

— Не стоит мне перечить,— промолвил идол, помолчав немного.— Не стоит призывать тех, о ком ты упомянул. Я вижу ясно твои намерения. Ты слишком горд, упрям и мстителен. Что ж, поступай как знаешь, но не порицай меня за то, что получишь.

Статуя умолкла, и в зале, где сидел Намирра, воцарилась тишина. Только огни мрачно мерцали, меняя цвет, в лошадиных черепах, и неугомонные тени то взлетали, то падали на лик идола и лицо Намирры. Затем, уже за полночь, волшебник встал с кресла и поднялся по винтовой лестнице на самую высокую башню, на вершине купола которой было единственное маленькое круглое окно. Намирра с помощью магии устроил так, что на последнем витке лестницы казалось, будто он спускается, а не поднимается, и, достигнув последней ступени, он смотрел через окно *вниз*, а звезды мерцали под ним в головокружительной бездне. Там, встав на колени, Намирра коснулся тайной пружины в мраморной стене, и круглое стекло беззвучно отошло назад. Лежа ничком на изогнутом потолке купола лицом к бездне, свесив бороду, которая тихо колыхалась на ветру, он прошептал древние руны и воззвал к неким созданиям, которые не принадлежали ни аду, ни земле, и вызывать их было еще страшнее, чем подземных дьяволов или духов земли, воздуха, воды и огня. Он заключил с ними соглашение, нарушив волю

Тасайдона, и воздух вокруг него застыл от их голосов, иней покрыл его черную бороду от холода их дыхания, когда они склонились над землей...

С неохотой пробудился император от пьяного сна, и дневной свет показался ему тьмой, ибо вспомнил он о приглашении, которое боялся как принять, так и отвергнуть. Но, несмотря на страх, Зотулла сказал Обексе:

— В конце концов, кто он такой, этот шакал, что я должен бежать на его зов, как попрошайка, призванный с улицы каким-нибудь надменным господином?

Обекса, золотокожая девушка с Уккастрога, острова Палачей, нежно поглядела на императора раскосыми глазами и ответила:

— О Зотулла, ведь в твоей воле принять предложение или отказаться. Повелитель Уммаоса и Ксилака сам решает, идти ему или остаться, и ничто не может поколебать его власть. Так почему бы тебе не пойти?

Обекса, хотя и боялась колдуна, смело разглядывала дьявольский таинственный дом, о котором никто ничего не знал. И снедаемая любопытством, свойственным всем женщинам, желала увидеть знаменитого Намирру, чей облик был поводом для догадок и легенд.

— В твоих словах есть смысл,— признал Зотулла.— Но император всегда должен учитывать благо народа. Разве женщина может понять важность государственных дел?

Итак, после обильного завтрака, он созвал придворных и советников, чтобы обсудить с ними приглашение Намирры. Одни советовали ему отказаться, другие считали, что приглашение нужно принять, что это будет меньшим злом, чем набеги дьявольских коней, грохочущих копытами по всему дворцу и городу.

Затем Зотулла призвал всех жрецов и велел найти магов и ясновидящих, не зная еще, что они тайно покинули ночью город. Никто из них не откликнулся, и это вызвало великое удивление. Однако явилось множество жрецов, заполнивших тронный зал так, что животы стоящих впереди касались императорского помоста, а зады стоящих сзади были прижаты к дальним стенам и колоннам. Они утверждали, как и прежде, что Намирра никоим образом не связан со знамением, а его приглашение не предвещает никакого вреда императору. И это ясно следует из

послания. Зотулле будет дан оракул, и этот оракул, если Намирра действительно великий маг, укрепит их совместную мудрость и установит божественный источник знамений, а боги Ксилака снова будут прославлены.

Услышав заявления жрецов, император велел своим казначеям сделать новые пожертвования храмам, и жрецы удалились, льстиво призывая благословение богов на Зотуллу и его двор. День неспешно тянулся, солнце миновало зенит, медленно катясь по небесам, под которыми расстилались доходящие до моря пустыни. Но Зотулла все еще пребывал в нерешительности. Он призвал своих виночерпиев и велел им налить ему самого крепкого и благородного вина, но и в вине он не нашел ни уверенности, ни достойного решения.

Сидя в тронном зале, он вдруг услышал громкие крики у дворцовых ворот. Это были вопли мужчин и визг женщин и евнухов, как будто ужас передавался от одного к другому, наполняя залы и комнаты. Страшный крик поднялся по всему дворцу, и Зотулла, очнувшись от дремы, хотел уже послать слуг выяснить, в чем дело.

Но не успел. В зал вошла шеренга высоких мумий, одетых в королевские пурпурные саваны и в золотых коронах на иссохших черепах. А за ними, словно слуги, вошли гигантские скелеты в набедренных повязках из отливающей перламутром оранжевой ткани, и на их черепах, ото лба до темени, извивались живые змеи цвета шафрана и эбенового дерева. Мумии склонились перед Зотуллой и произнесли тонкими, слабыми голосами:

— Мы, властвовавшие прежде над огромным царством Тасуун, посланы к императору Зотулле, чтобы сопровождать его в качестве почетной стражи, когда он отправится на праздник, устроенный Намиррой.

Потом, сухо щелкая зубами, и шипя, словно воздух вырывался сквозь потрескавшуюся слоновую кость, заговорили скелеты:

— Мы, великие воины забытых народов, павшие на поле брани в давние времена, посланы Намиррой, чтобы охранять придворных императора от всякого зла, когда они последуют за ним на праздник.

Увидев это чудо, виночерпии и другие слуги распростерлись у императорского трона или спрятались за колон-

нами, а Зотулла с налитыми кровью глазами и бледным, как мрамор, лицом, застыл на троне, не находя в себе силы ответить посланникам Намирры.

Затем, подойдя к нему, мумии возвестили:

— Все готово, празднество ожидает Зотуллу.

Саваны мумий, колыхнувшись, приоткрылись у них на груди, и из выеденных сердец, словно крысы из нор, выскочили, сверкая мерзкими алыми глазками, маленькие зубастые чудовища, черные, как асфальт, и визгливо повторили эти же слова. Скелеты в свою очередь произнесли торжественное приглашение, и черные и шафрановые змеи, вторя им, зашипели у них на черепах. Те же самые слова, наконец, повторили с ужасным громыханьем какие-то мохнатые, непонятного вида чудовища, сидевшие под ребрами скелетов, как будто заточенные в белых плетеных клетках.

Как во сне, подчиняясь велению невидимого владыки, император поднялся с трона и направился к выходу, а мумии окружили его, словно почетный эскорт. И каждый скелет вынул из красно-желтых складок набедренной повязки старинную серебряную флейту необычной формы. Они заиграли сладкую, томную и греховную мелодию, под звуки которой император вышел из дворца. В этой музыке заключалось гибельное заклятие, и все приближенные Зотуллы — вельможи, женщины, стражи, евнухи, даже повара и поварята — двинулись за скелетами, словно процессия лунатиков, из комнат, спален, коридоров, кухонь, где они тщетно пытались спрятаться. Направляемые флейтистами, они против воли последовали за Зотуллой. Странно было видеть эту огромную толпу людей, идущих к дворцу Намирры, сопровождаемую кортежем из мумий королей и скелетов, чье мертвенное дыхание извлекало звуки из серебряных флейт. Зотулле стало немного легче, когда он увидел рядом с собой Обексу. Она двигалась, как и он, объятая сверхъестественным ужасом, а остальные женщины следовали за ней.

Открытые ворота дома Намирры охранялись огромными тварями с малиновыми, как у индюков, серьгами. Эти полудраконы-полулюди склонились перед Зотуллой, когда он подошел к воротам, подметая серьгами, как кровавыми метлами, темные ониксовые плиты. И император

прошел с Обексой мимо этих неуклюжих чудовищ, а мумии, скелеты и его придворные последовали за ним. Вся процессия представляла собой необычайно пышное зрелище. Зотулла вошел в огромный зал со множеством колонн, где мрачные огни тысяч ламп рассеяли дневной свет, робко просочившийся сквозь открывшиеся двери.

Даже объятый страхом, Зотулла подивился огромному залу, который явно не соответствовал размерам дворца. Капители колонн терялись где-то в вышине, бесчисленные ряды столов ломились от яств. Все это было освещено светом ламп, но дальше зал погружался в темноту, как в беззвездную ночь.

В широких проходах между столами непрестанно сновали приближенные Намирры и множество странных слуг, как будто перед императором наяву предстала фантасмагория горячечного бреда. Трупы королей в истлевших одеждах, с червями, выглядывающими из глазниц, наливали вино, похожее на кровь, в кубки из опаловых рогов единорогов. Ламии с тремя хвостами и четырехгрудые химеры проходили мимо, неся дымящиеся блюда в бронзовых когтях. Собакоголовые демоны, изрыгая пламя, сновали туда и сюда, прислуживая гостям. Перед Зотуллой и Обексой появилась странная тварь с толстыми ногами и бедрами огромной негритянки и лишенным плоти костяком громадной обезьяны. И это чудовище пояснило неописуемыми жестами своих костлявых пальцев, что император и его наложница должны следовать за ним.

Воистину, Зотулле показалось, что они проделали нескончаемо долгий путь по какой-то адской нечестивой пещере, пока не достигли конца зала. Здесь, в стороне от остальных, стоял стол, за которым в одиночестве сидел Намирра, освещаемый пламенем семи светильников в виде лошадиных черепов. Покрытый броней черный идол Тасайдона возвышался на гагатовом алтаре по его правую руку. А рядом с алтарем сверкало бриллиантовое зеркало, которое держали в когтях железные василиски.

Намирра поднялся и приветствовал их с торжественной и мрачной учтивостью. Его бесцветные глаза смотрели холодно, как далекие звезды, из глазниц, воспаленных от бессонных ночей, заполненных ворожбой и общением с демонами. На бледном лице губы были словно бледно-

красный отпечаток на сухом пергаменте, а борода завивалась в тугие черные напомаженные локоны, ниспадавшие по ярко-красной одежде, словно черные змеи. Кровь застыла в жилах у Зотуллы, и сердце его замерло, словно заледенело. И Обекса, глядевшая на Намирру из-под опущенных ресниц, смущенная и напуганная, чувствовала необъяснимый ужас, который окружал этого человека, как величие — короля. Но несмотря на страх, ее снедало любопытство, каков он с женщинами.

— Добро пожаловать, о Зотулла, будь моим гостем,— сказал Намирра. Как будто железный похоронный колокол звучал в его бесцветном голосе.— Прошу тебя, садись к столу.

Зотулла заметил кресло черного дерева, стоявшее напротив Намирры. Другое кресло, поменьше, для Обексы, стояло по левую руку. Они сели, и все приближенные Зотуллы тоже уселись за столами, а пугающие слуги Намирры застыли, ожидая знака, чтобы прислуживать им, словно черти, поджидающие в аду грешников.

Черная, покрытая трупными пятнами, рука, налила для Зотуллы вина в хрустальный кубок. И на этой руке красовался перстень с печаткой, принадлежавшей императорам Ксилака, украшенный огромным огненным опалом, который был вставлен в рот золотой летучей мыши. Точно такой перстень Зотулла всегда носил на указательном пальце. Повернувшись, он увидел справа от себя фигуру, в которой узнал своего отца, Питаима, каким он стал, после того как змеиный яд распространился по его членам, сделав их пурпурными и распухшими. И Зотулла, приложивший руку к тому, чтобы гадюка оказалась в постели Питаима, задрожал от страха. Создание, которое так походило на Питаима, чей труп или дух был вызван заклинанием Намирры, подошло и встало за спиной Зотуллы, сцепив черные распухшие пальцы. Зотулла видел его выпученные невидящие глаза и серовато-багровый рот, запечатанный смертным молчанием, и пятнистую гадюку, которая временами высовывалась из складок отцовского рукава и смотрела на него холодными глазами, когда тот наклонялся над ним, чтобы наполнить кубок или нарезать мясо. И сквозь ледяной туман ужаса император смутно разглядел фигуру вооруженного воина, словно движущу-

юся копию неподвижной, мрачной статуи Тасайдона, которую Намирра богохульно оживил, чтобы она прислуживала ему. И смутно, бессознательно, он отметил страшного прислужника, который стоял рядом с Обексой: лишенный кожи и глаз труп ее первого любовника, юноши из Цинтрома. Когда-то он был выброшен на берег острова Палачей после кораблекрушения. Обекса нашла его, лежащего в волнах отлива, и, приведя в чувство, спрятала в тайной пещере и приносила ему еду и воду. Она держала его там для собственного удовольствия, а позднее, охладев к нему, предала Палачам и получила новое удовольствие, наблюдая пытки и мучения, которые причиняли ему эти жестокие, безжалостные люди, пока тот не умер.

— Пей,— молвил Намирра и сам отпил глоток странного вина, красного и темного, словно наполненного пагубным закатом потерянных лет. Зотулла и Обекса выпили вина, но не почувствовали тепла, разливающегося по венам, а только медленно подбирающийся к сердцу холод, как от наркотического зелья.

— Воистину, прекрасное вино,— сказал Намирра.— Такое вино достойно того, чтобы поднять тост за продолжение нашего знакомства. Это вино было сделано давным-давно, когда умер король, и закрыто в похоронных урнах из темной яшмы. Мои оборотни нашли его, когда раскапывали могилы в Тасууне.

Язык Зотуллы примерз к небу, как мандрагора замерзает зимой в покрытой инеем почве, и он не смог ответить на учтивость Намирры.

— Прошу тебя, отведай мяса,— промолвил Намирра,— не пожалеешь, ведь это мясо того вепря, которого Палачи Уккастрога откармливали хорошо измельченными останками людей, погибших на их дыбах и виселицах. Более того, мои повара сдобрили его травами, собранными на могилах, и нашпиговали его сердцами гадюк и языками черных кобр.

Император ничего не ответил, и Обекса молчала, пораженная изуродованным подобием того, кто некогда был ее любовником. Страх ее перед магом рос с каждой минутой. Для нее самым весомым доказательством зловещей силы колдуна являлось то, что он знал об этом давно забытом убийстве и оживил труп.

— Однако я боюсь,— молвил Намирра,— что мясо тебе кажется недостаточно вкусным, а вино недостаточно крепким. Чтобы пробудить аппетит, я позову моих певцов и музыкантов.

Он произнес слово, неизвестное Зотулле и Обексе, которое прогремело по огромному залу, подхваченное множеством голосов. Тут же появились певицы-оборотни с бритыми телами и волосатыми ногами, скаля длинные желтые клыки, на которых налипла падаль, и стали вить-ся, как гиены, перед гостями. За ними вошли, топая ослиными ногами, черти, которые держали в обезьяньих лапах лиры, сделанные из костей и сухожилий каннибалов с Наата; за ними следовали волосатые сатиры, игравшие, надувая щеки, на гобоях, сделанных из бедренных костей молодых ведьм, и волынках из грудей негритянских королев.

Они склонились перед Намиррой в поклоне. Затем оборотни завыли печально и отвратительно, как шакалы, почуявшие падаль, а сатиры и черти заиграли мелодию, похожую на стон пустынных ветров, гуляющих в покинутом гареме. И Зотулла задрожал, ибо пение наполнило его душу ледяным холодом, а музыка оставила в его сердце страшную пустоту, как от разрушенных и растоптанных коваными копытами времени империй. В этой музыке он слышал шум песка в увядших садах и шелест истлевших шелков на некогда роскошных ложах, и шипение змей, свернувшихся вокруг поверженных колонн. Так исчезала навсегда слава Уммаоса, словно унесенная самумом.

— Какая веселая мелодия,— произнес Намирра, когда музыка стихла и певицы перестали выть.— Но мне кажется, что тебе мои развлечения скучноваты. Сейчас танцоры станцуют для тебя.

Он повернулся к залу и правой рукой начертал в воздухе загадочный знак. Тут же с потолка спустился бесцветный туман и на короткое время скрыл зал, словно упавший занавес. За занавесом раздался гомон голосов и приглушенные крики, которые вскоре стихли.

Потом пелена вдруг спала, и Зотулла увидел, что накрытые столы исчезли. В широких проемах между колоннами на полу лежали, связанные ремнями, его придвор-

ные, евнухи, вельможи, наложницы и все остальные, словно попавшие в сети птицы с великолепным оперением. Над ними под музыку лир и флейт танцевали скелеты, слегка прищелкивая костями, тяжело подпрыгивали мумии, и остальные приближенные Намирры скакали и ужасающе дергались всеми своими членами. Они носились по телам людей императора в ритме дьявольской сарабанды, с каждым шагом становясь выше и тяжелее, пока мумии не стали похожи на мумии Анакима, а скелеты не превратились в колоссов. И все громче звучала музыка, заглушая слабые крики людей. И все громаднее становились танцоры, головы которых уже достигали капителей огромных колонн, шатавшихся от их топота. А лежавшие у них под ногами люди, которых давили, как виноград для получения вина, стонали и кричали, и пол весь был забрызган их кровью, будто кровавым суслом.

Император, словно попавший ночью в зловонное болото, услышал голос Намирры:

— Похоже, тебе не нравятся мои танцоры. Тогда я покажу тебе по-настоящему королевское зрелище. Поднимайся и пойдем со мной, ибо ты увидишь всю свою империю.

Зотулла и Обекса поднялись с кресел, словно лунатики. Не оглядываясь ни на сопровождающих их призраков, ни на зал, где прыгали танцоры, они последовали за Намирой к алькову за алтарем Тасайдона. Оттуда по винтовой лестнице они поднялись на высокий балкон, с которого был виден дворец Зотуллы и обагренные закатом крыши города.

Похоже, пока шло это адское празднество, прошло несколько часов, и солнце клонилось к закату, опускаясь за императорский дворец и окрашивая бескрайние небеса кровавыми лучами.

— Смотри,— молвил Намирра, прибавив странное заклинание, на которое камни здания откликнулись, словно гонг.

Балкон слегка качнулся, и Зотулла, выглянув наружу, увидел, что крыши Уммаоса уменьшаются. Он взлетел на балконе в небо на невероятную высоту и увидел купола своего собственного дворца, городские дома, вспаханные поля, и пустыню, и огромное солнце, садившееся за гори-

зонт. У Зотуллы закружилась голова, и холод охватил его от ледяного ветра, подувшего в лицо. Но Намирра произнес другое слово, и балкон перестал подниматься.

— Смотри внимательно,— произнес колдун,— на империю, которая была твоей и которая больше твоей не будет.

Затем он простер руку к закату и бездне под ним и произнес двенадцать имен, на которые было наложено проклятие, а затем страшное заклинание: *Gna padambis devompra thungis furidor avoragomon.*

В тот же момент черные грозовые тучи закрыли солнце и, заслонив горизонт, приняли форму огромных чудовищ с лошадиными головами и телами. С яростным ржанием дьявольские кони затоптали солнце, и мчась, словно на титаническом ипподроме, стали подниматься все выше в огромное небо, направляясь к Уммаосу. Громкий гибельный грохот сопровождал их бег, и содрогнулась земля, и понял Зотулла, что это не облака, а живые создания, явившиеся в мир из космической бездны. Отбрасывая тени на много лиг вперед, кони ворвались в Ксилак, будто пришпоренные дьяволом, и копыта их опустились, словно падающие скалы, на оазисы и города.

Они налетели, как ужасающий шторм, и казалось, мир утонул в бездне под их огромной тяжестью. Окаменев, Зотулла стоял и смотрел, как рушится его империя. А гигантские жеребцы приближались с невероятной скоростью, и громче становился стук их копыт, которые уже топтали зеленые поля и фруктовые сады, раскинувшиеся к западу от Уммаоса. И тень от коней продвигалась, словно дьявольское затмение, пока не накрыла весь Уммаос. Посмотрев вверх, император увидел между землей и небом их огненные глаза, сверкающие сквозь парящие облака, словно гибельные солнца.

В сгущающейся тьме он услышал перекрывающий невыносимый грохот голос Намирры, который кричал в безумном триумфе:

— Знай, Зотулла, что я призвал коней Тамогоргоса, повелителя бездны. И эти кони сокрушат твою империю, как твой скакун когда-то сбил с ног нищего мальчишку по имени Нартос. И знай также, Зотулла, что я был тем мальчишкой.

Глаза Намирры, наполненные тщеславием безумия и злобы, горели, словно гибельные звезды в час их зенита.

Для Зотуллы, ошеломленного ужасом и грохотом, слова колдуна прозвучали, как гул светопреставления; он их не понял. С громовым топотом, срывая крыши и разнося по крошкам каменную кладку, жеребцы ворвались в Уммаос. Храмы были раздавлены, как хрупкие ракушки, каменные здания разрушены и втоптаны в землю, как тыквы. Дом за домом город был сровнен с землей с таким ужасающим треском, словно весь мир погрузился в хаос. Далеко внизу, на темных улицах, люди и верблюды метались, словно муравьи, но им некуда было бежать. Копыта скакунов неумолимо поднимались и опускались, пока город не превратился в щебень и пыль, покрывшую все черным покрывалом. Дворец Зотуллы был снесен до основания, и теперь копыта коней мелькали рядом с балконом Намирры, а головы их возвышались далеко наверху. Казалось, они разрушат и дом волшебника, но в тот момент, когда печальный свет заката проник сквозь облака, они разделились на два табуна и понеслись в разные стороны. Кони умчались, неся разрушение на восток от Уммаоса. Перед Зотуллой, Обексой и Намиррой лежали развалины города, как куча мусора, и затихал страшный грохот копыт, удаляющийся в сторону восточного Ксилака.

— Прекрасное зрелище,— изрек Намирра. Затем, повернувшись к императору, он злобно добавил: — Не думай, что это все. Я еще не закончил.

Балкон вернулся в свое прежнее положение и стал казаться еще выше и величественнее над руинами города. Намирра схватил императора за руку и повел его с балкона во внутренние покои, а Обекса без слов последовала за ними. Сердце императора сжималось от вида бедствий, постигших его страну, и отчаяние охватило его, как греховный инкуб, повисший на плечах человека, затерянного в стране проклятой ночи. И он не заметил, что при входе с комнату Обексу похитили приспешники Намирры, появившиеся, словно тени, и, заткнув ей рот кляпом, увлекли вниз по ступеням.

Эту комнату Намирра использовал для особо греховных ритуалов и заклинаний. Шафранно-красный свет светильников, освещавших покои, был, словно гноящаяся дья-

вольская пасть, и отражался в стеклянных трубках возгонных сосудов, котлах и перегонных кубах, предназначение которых было недоступно простому смертному. Колдун подогрел в одном из сосудов темную жидкость, полную холодных огней, как будто в ней плескались звезды, но Зотулла, равнодушный и отрешенный, смотрел на него без всякого интереса. Когда жидкость закипела и от нее спиралью пошел пар, Намирра налил ее в железные, украшенные золотом кубки, и дал один Зотулле, а другой оставил себе. Затем приказал Зотулле: «Выпей это».

Зотулла, опасаясь, что это яд, колебался. Тогда маг смерил его холодным взглядом и громко вскричал: «Ты боишься? Делай, как я». И поднес кубок к губам.

И когда император выпил зелье, как будто под принуждением ангела смерти, темнота пала на все его чувства. Но прежде чем погрузиться во тьму, он видел, что и Намирра выпил свой кубок до дна. Затем в неописуемой агонии император скончался, а его душа вырвалась на свободу. Тогда он снова увидел комнату, но уже потусторонним взором. Его бестелесный дух стоял в алом свете, а тело лежало, словно мертвое, на полу рядом с распростертым Намиррой.

Стоя так, он увидел странную вещь: его собственное тело, облаченное в короткую мантию из лазурного шелка, расшитого черным жемчугом и красными рубинами, шевельнулось и встало, а мертвое тело колдуна все еще оставалось на полу. Зотулла посмотрел себе в лицо. В его глазах горел темный огонь злобы. Тут он услышал, как его оживший труп говорит сильным и высокомерным голосом Намирры:

— Следуй за мной, бестелесный фантом, и делай все, что я тебе прикажу.

Словно невидимая тень, Зотулла двинулся за колдуном. Они спустились по ступеням в зал для пиршеств и подошли к алтарю Тасайдона, где стояла облаченная в броню статуя и горели семь светильников в форме лошадиных черепов. На алтаре у ног Тасайдона лежала связанная ремнями любимая наложница Зотуллы Обекса, единственная из женщин, имевшая власть над его пресыщенным сердцем. Но зал был пуст, и ничто не напоминало о дьявольских празднествах, кроме останков его людей, плавающих в темных лужах крови.

Намирра, пользуясь телом императора, как своим, остановился перед черным идолом и сказал духу Зотуллы: «Ты будешь заключен в этом образе. Ты не сможешь ни освободиться, ни даже шевельнуться».

Полностью подчиняясь воле колдуна, дух Зотуллы воплотился в статую. Император почувствовал на себе холодную тяжесть брони, которая давила, словно саркофаг. Он стоял, не в силах двинуться, и лишь смотрел тусклыми глазами, прикрытыми забралом шлема на те изменения, которые происходили с его телом по воле Намирры. Под короткой лазурной мантией его ноги превратились в ноги черного жеребца, копыта которого блестели красным светом, словно накаленные адским огнем. Пока Зотулла наблюдал за этим чудом, копыта накалились добела и стали прожигать пол.

Затем чудовище надменно подошло к Обексе, навзничь лежащей на черном алтаре и беспомощно взирающей на него глазами, похожими на озера застывшего ужаса. Там, где оно ступало, оставались дымящиеся следы. Остановившись рядом с девушкой, чудовище подняло копыто и поставило его между ее украшенными золотом и рубинами грудями. Обекса страшно закричала под ужасающей тяжестью, как грешная душа кричит в аду. И копыто засверкало нестерпимым блеском, словно только что вынутое из горна, где куется оружие демонов.

В это мгновение в запуганном, сокрушенном и усталом духе императора, заключенном в огромной статуе, проснулось мужество, которое беспробудно дремало до крушения его империи и гибели свиты. Одновременно в его душе ожили ненависть и великий гнев. Зотулле страстно захотелось, чтобы его правая рука, держащая меч, повиновалась ему.

И вдруг с ним заговорил голос, холодный, бесцветный и ужасный, как будто принадлежащий самой статуе. Этот голос произнес: «Я Тасайдон, повелитель семи кругов подземного ада и надземных кругов ада человеческого сердца, которых семь раз по семи. На миг, о Зотулла, моя сила станет твоей ради обоюдной мести. Слейся с моей статуей, когда дух един с плотью. Смотри! Вот адамантовая булава в моей правой руке. Подними ее и бей».

Зотулла почувствовал в себе великую мощь и огромную силу, послушно повинующуюся его воле. Он почувствовал

в закованной в броню руке рукоять огромной, унизанной шипами булавы. И хотя эту булаву не смог бы поднять ни один смертный, она была как раз Зотулле по руке. Тогда, подняв оружие, как воин на поле битвы, он нанес сокрушительный удар по твари, имеющей его тело и ноги дьявольского скакуна. И тварь рухнула на пол, а ее мозги разбрызгались из размозженного черепа на сверкающий гагат. Дергающиеся ноги вскоре затихли, а копыта, медленно остывая, из ослепительно белых превратились в алые.

В наступившей тишине слышались только слабые стоны Обексы, обезумевшей от боли и страха. Затем в душе Зотуллы, разрывающейся от этих стонов, снова зазвучал холодный ужасающий голос Тасайдона:

— Будь свободен, ибо тебе нечего здесь больше делать.

И дух Зотуллы вышел из идола Тасайдона и нашел в небесах свободу небытия и забвения.

Но для Намирры еще не все кончилось. Его безумная, обуреваемая гордыней душа освободилась из тела Зотуллы и вернулась, хотя это не входило в планы чародея, в собственное тело, лежащее на полу комнаты, предназначенной для дьявольских ритуалов и запретных переселений душ. Там Намирра пришел в чувство в страшном смущении, к тому же частично потеряв память, ибо из-за богохульства на нем лежало теперь проклятие Тасайдона.

Он не понимал ничего, кроме злобной неумолимой жажды мести, но и сама причина мести, и ее объект стали теперь лишь призрачными тенями. Но все еще побуждаемый тайным духом, он встал, и, опоясавшись заколдованным мечом с рукоятью, покрытой руническими сапфирами и опалами, спустился по ступеням и подошел к алтарю Тасайдона, где вооруженная статуя стояла бесстрастно, как и прежде, держа булаву в правой руке. Рядом с ней на алтаре лежали две жертвы.

Вуаль колдовской тьмы окутывала Намирру, который не видел чудовища с медленно остывающими копытами и не слышал стонов все еще живой Обексы. Его глаза были прикованы к бриллиантовому зеркалу, которое держали в бронзовых когтях василиски за алтарем. В нем он увидел лицо, которое уже не принадлежало ему. Глаза были замутнены, мозг опутан паутиной обмана, и он принял свое отражение за императора Зотуллу. Ненасыт-

ная, словно адское пламя, месть его снова возгорелась. Он поднял заколдованный меч и начал рубить отражение. Временами ему казалось, что он — Зотулла, борющийся с магом, а иногда, в своем безумии, он был Намиррой, рубящим императора, а потом снова, став неизвестно кем, он крушил безымянного врага. И скоро волшебный клинок, хотя и укрепленный могущественными заклинаниями, сломался у рукояти, но противник Намирры оставался цел и невредим. Тогда, выкрикнув полузабытые руны особо страшного проклятия, обезумев от своего беспамятства, он начал бить тяжелой рукояткой меча по стеклу, пока рунические сапфиры и опалы не раскололись и не упали к его ногам бесполезными стекляшками.

Обекса, умирая на алтаре, видела, как Намирра бьется со своим отражением, и это зрелище вызвало у нее безумный хохот, звучащий как звон колоколов из треснутого стекла. Перекрывая ее хохот, заглушая проклятья Намирры, возник, словно грохот бури, гром копыт скакунов Тамогоргоса, возвращающихся в космос из Ксилака через Уммаос, чтобы растоптать дворец, который они прежде пропустили.

СМЕРТЬ ИЛАЛОТЫ

Черный Повелитель зла, создатель хаоса!
Как рек твой пророк, ты колдунам
После смерти новую силу даруешь.
И ведьмы запретную жизнь обретают,
Превращаясь в ламий,
Творя ужасное колдовство и плетя паутину иллюзий.
И восстают погребенные трупы,
И светится в зловонных подвалах
Запретная любовь.
Тебе жертвы приносят вампиры, кровь изрыгая,
И погребальные урны ею полны,
И плавают в ней саркофаги.

Молитва Людара Тасайдону

Как издревле было заведено в Тасууне, похороны Илалоты, фрейлины вдовствующей королевы Ксантличи, скорее напоминали веселую свадьбу. В течение трех дней в королевском дворце в Мираабе в зале для празднеств стоял ее гроб, устланный цветастыми восточными шелками. И три дня она лежала, обряженная в праздничные одежды, под усыпанным розами балдахином, подходившем скорее для супружеского, чем для смертного ложа. Рядом с ней с раннего утра до сумерек, с прохладного вечера до знойного рассвета беспрерывно бушевали шумные волны похоронного празднества. Вельможи, сановни-

ки, стражи, повара, астрологи, евнухи и все придворные дамы, фрейлины и рабыни Ксантличи принимали участие в этой пышной оргии, вполне достойной, как все считали, покойной фрейлины. Пирующие распевали любовные баллады и непристойные песенки, танцоры кружились в захватывающем дух безумном танце под похотливые стоны неутомимых лютней. Вино рекой лилось из огромных амфор, над столами клубился пар от щедро сдобренных приправами блюд, холмами возвышающихся на огромных подносах. За Илалоту поднимали тосты, и ткань ее погребального ложа пестрела винными пятнами. Повсюду вокруг нее беспорядочно лежали те, кто не устоял перед усыпляющим воздействием обильных возлияний. Покоясь в розовой тени на катафалке с полуприкрытыми глазами и чуть приоткрытыми губами, она скорее напоминала спящую царицу, которая беспристрастно правит живыми и умершими. Это замечали все. Пораженные ее величественным видом и красотой, пирующие говорили, что она скорее ждет поцелуя возлюбленного, чем могильных червей.

На третий вечер, когда погасли бронзовые лампы и ритуальное празднество подошло к концу, ко двору вернулся лорд Тулос, признанный любовник Ксантличи, который неделей ранее уехал в свои владения к западной границе и ничего не знал о смерти Илалоты. Все еще в неведении, он вошел в зал в тот час, когда буйство празднества поутихло и павшие, кто от вина, кто от усталости, превзошли числом тех, кто еще танцевал, пил и смеялся.

Он без удивления оглядел растерзанный зал, ибо такие сцены были знакомы ему с детства. Потом, увидев гроб, он с некоторым испугом узнал покойницу. Много знатных женщины Мирааба перебывало в объятиях лорда, но Илалота влекла его больше всех и имела на него необычайно сильное влияние. И, как поговаривали, она сильнее, чем остальные, страдала от того, что он ее бросил. Месяц назад он променял ее на Ксантличу, которая оказывала Тулосу недвусмысленные знаки внимания. Возможно, Тулос оставил Илалоту не без сожаления: роль любовника королевы, дающая определенные выгоды и не всегда неприятная, вместе с тем была достаточно опасной. Ксантлича, по слухам, избавилась от короля Арчейна с помо-

щью найденного в заброшенной гробнице флакона с неощутимым на вкус ядом, имеющим необычайную силу благодаря искусству древних чародеев. После смерти короля она сменила множество любовников, и тех, кому не удавалось ей угодить, неизбежно постигала участь не менее жестокая, чем судьба Арчейна. Она была капризна, нетерпелива и требовала исключительной верности, что подчас утомляло Тулоса. И он, улаживая срочные дела в своем отдаленном поместье, радовался возможности провести неделю вне двора.

Теперь, стоя перед покойницей, Тулос забыл о королеве и вспомнил овеянные ароматом жасмина сладостные летние ночи, когда он наслаждался белой прелестью Илалоты. Ему, так же как и всем, не верилось в ее смерть: она лежала, как живая, словно приняла тот самый вид, который притворно напускала на себя, когда они бывали вместе. Потакая его прихотям, она притворялась вялой и безжизненной, словно под чарами сна или смерти, и в такие минуты он жадно любил ее, не боясь той дикой страсти, с которой в другое время она отдавалась его ласкам.

Как будто находясь под властью могущественного заклятия, он видел странные видения: ему казалось, что он снова вернулся в те летние ночи и входит в беседку в королевском саду, где Илалота, затаив дыхание, ждет его на усыпанном увядшими лепестками ложе. Он больше не замечал людного зала: яркие огни, разгоряченные от вина лица расплылись и превратились в освещенные лунным светом клумбы сонно склонившихся цветов, а голоса придворных казались легким шепотом ветра, качающего ветви кипарисов и жасмина. Теплые, возбуждающие ароматы июньской ночи окутывали его, и снова, как и раньше, ему казалось, что не от цветов, а от Илалоты исходит этот сладостный нежный запах. Движимый страстным желанием, он приблизился к ней и приник губами к ее руке, которая дрогнула, как ему показалась, от его поцелуя.

Затем с изумлением, как будто внезапно разбуженный ото сна, он услышал голос, словно источающий сладкий яд: «Ты забылся, лорд Тулос? Неудивительно, ведь многие мои любовники считают, что после смерти она еще прекраснее, чем при жизни». Когда таинственные слова коснулись его рассудка, он отшатнулся от Илалоты и, обер-

нувшись, увидел Ксантличу. Роскошные одежды королевы ниспадали в беспорядке, волосы растрепались. Она слегка пошатнулась и схватила его за плечо, впившись острыми ногтями. Полные, маково-алые губы королевы кривились от ярости, и в ее желтых глазах, обрамленных длинными ресницами, сверкала ревность влюбленной кошки.

Тулос, ошеломленный, вспомнил охватившее его очарование. Он не мог понять, действительно ли рука Илалоты дрогнула под его губами или ему только показалось. Нет, это невозможно, подумал он, и грезы сейчас же покинули его. Но его встревожили слова Ксантличи и ее гнев, а также пьяные насмешки пирующих и непристойные шутки, которые неслись ему вслед, когда он проходил по залу.

— Остерегайся, мой Тулос,— прошептала королева, чей внезапный гнев, казалось, утих.— Ходят слухи, что она была ведьмой.

— От чего она умерла? — спросил Тулос.

— Говорят, ее единственной болезнью была любовь.

— Тогда она точно не ведьма,— возразил Тулос, стараясь легкомысленным ответом скрыть свои истинные мысли и чувства.— Настоящая ведьма нашла бы снадобье.

— Она умерла от любви к тебе,— мрачно сказала Ксантлича,— а все женщины знают, что твое сердце темнее и тверже черного адаманта. Никакое колдовство, даже самое могущественное, не помогло бы ей вернуть тебя.— Казалось, ее настроение снова улучшилось.— Ты слишком долго отсутствовал, мой лорд. Приходи ко мне в полночь, я буду ждать тебя в южном павильоне.

И, бросив страстный взгляд из-под опущенных ресниц и стиснув его руку так, что ногти впились в кожу сквозь одежду, словно кошачьи когти, она отвернулась от Тулоса и позвала евнухов.

Тулос, воспользовавшись тем, что королева отвлеклась, снова осмелился взглянуть на Илалоту, обдумывая между тем странное замечание Ксантличи. Он знал, что Илалота, подобно многим придворным дамам, знала толк в заклинаниях и любовных зельях, но ее колдовство никогда не касалось его, ибо он не был подвержен иным чарам, кроме тех, которыми природа одарила женщин. И он не мог поверить, что Илалота умерла от испепеляющей страсти, ведь сам он никогда не испытывал ничего подобного.

Пока Тулос, обуреваемый противоречивыми чувствами, смотрел на Илалоту, ему снова показалось, что она жива. Предыдущее видение не повторилось, но ему показалось, что она чуть изменила свое положение на залитом вином ложе, слегка повернув к нему лицо, как женщина поворачивается к долгожданному возлюбленному, и рука, которую он поцеловал (во сне или наяву), немного сдвинулась с места.

Тулос наклонился ближе, завороженный этой тайной и испытывая странное необъяснимое желание. Скорее всего, он снова забылся или ему померещилось. Все еще сомневаясь, он увидел, как грудь Илалоты всколыхнулась от слабого вздоха, и до него донесся почти неслышный, но волнующий шепот: «Приходи ко мне в полночь, я буду ждать тебя... в гробнице».

В этот момент рядом с ней появились могильщики в темных одеждах, которые вошли тихо и незаметно. Они внесли отлитый из бронзы блестящий тонкостенный саркофаг, куда должны были поместить покойную и отнести в подземный склеп ее семьи, который находился в старом некрополе, расположенном к северу от королевских садов.

Тулос едва не крикнул, чтобы удержать их, но его язык отказался повиноваться. Он не мог даже двинуться с места. Не понимая, во сне он или наяву, лорд безмолвно наблюдал, как могильщики положили Илалоту в саркофаг и быстро вынесли из зала. Никто не последовал за ними. Сонные гуляки даже не заметили мрачный кортеж. Только когда могильщики скрылись из виду, Тулос обрел способность двигаться, но стоял в нерешительности. Мысли его были смутны. Наконец он отправился в свои апартаменты и, разбитый усталостью, естественной после целого дня, проведенного в пути, забылся сном, похожим на смерть.

Когда Тулос проснулся, бледная бесформенная луна, освободившись от кипарисовых ветвей, похожих на длинные изогнутые пальцы ведьм, глядела в окно, выходящее на восток. Он понял, что скоро полночь, и вспомнил о встрече, которую королева назначила ему. Это свидание он не мог отменить, не рискуя навлечь на себя губительный гнев госпожи. Но тут он ясно вспомнил про второе свидание... в то же время, но в другом месте. Все случившееся с ним на похоронах Илалоты и казавшееся таким смутным и похожим на сон, предстало перед ним, как

наяву, будто выжженное в его мозгу во время сна каким-то едким снадобьем... или силой колдовского заклятия. Теперь он точно знал, что Илалота шевельнулась и говорила с ним, и что могильщики отнесли ее в гробницу живой. Может быть, ее предполагаемая смерть была просто обмороком или она преднамеренно притворилась мертвой в последней попытке оживить его страсть. Эти мысли пробудили в нем лихорадочную волну любопытства и желания, и вновь, будто по волшебству, перед его глазами предстало ее бледное прекрасное лицо.

Словно потеряв рассудок, он спустился по темным лестницам и галереям в залитый лунным светом лабиринт сада, проклиная несвоевременное нетерпение Ксантличи. Однако, сказал он себе, скорее всего королева, напившись тасуунских вин, уже не помнит о назначенном свидании. Эта мысль приободрила его. В его ошеломленном сознании это предположение скоро переросло в уверенность, и он, повернув прочь от южного павильона, направился в темную мрачную рощу.

Вряд ли кто-то еще, кроме него, находился в саду. Неосвещенные флигели дворца замерли в оцепенении; по саду бродили только тени, и ветер доносил легкие ароматы цветов. А над всем этим разливала свой мертвенно-бледный свет луна, похожая на огромный блеклый цветок.

Тулос, уже забыв о свидании с Ксантличей, решительно и поспешно направился к воротам... Его влекло непреодолимое желание зайти в склеп и убедиться, что он не обманулся и Илалота жива. Может быть, если он не придет, она задохнется в гробу, и тогда ее мнимая смерть быстро превратится в реальную. И снова он услышал слова, которые она прошептала или ему показалось, что прошептала, словно разлитые в лунном свете: «Приходи ко мне в полночь... я буду ждать тебя... в гробнице».

Ускорив шаг, словно спеша к ложу обожаемой госпожи, он вышел из королевского сада через неохраняемые северные ворота и пересек заросший бурьяном пустырь между садом и старым кладбищем. Разгоряченный и полный нетерпения, он вошел в эти всегда открытые порталы смерти, где перед осыпающимися пилонами стояли чудовища из черного мрамора и глядели на него отвратительно сверкающими глазами.

Тишина глубоких могил, шаткие белые колонны, темные тени кипарисов,— во всем чувствовалась смерть и все это усилило странное волнение Тулоса, зажгло его кровь. Словно он выпил напиток, сдобренный зельем, разжигающим любовную страсть. Мертвая тишина вокруг него, казалось, горела и дрожала тысячью воспоминаний об Илалоте, призрачной надеждой, что она здесь...

Когда-то вместе с ней Тулос посетил подземную гробницу ее предков и, вспомнив это, он уверенно зашагал к арке входа, полускрытой тенью кедра. Заросли крапивы и пахучей дымянки, растущие у заброшенного прохода и примятые могильщиками, скрывали ржавую железную дверь, осевшую на неплотно пригнанных петлях. У его ног лежал потухший факел, брошенный, скорее всего, одним из ушедших могильщиков. Увидев его, Тулос вспомнил, что не взял с собой ни свечи, ни светильника, и счел, что само провидение позаботилось о нем.

Подняв факел, он зажег его и начал поиски, не обращая внимания на покрытые толстым слоем пыли саркофаги у входа в подземелье. Когда они с Илалотой были здесь в последний раз, она показала ему глубоко внутри склепа нишу, где, как она сказала, в свое время ее ждет вечный покой среди других мертвецов. Проходя мимо рядов саркофагов, он ощутил в затхлом воздухе странный приторный запах жасмина, словно аромат весеннего сада. И этот запах привел его к саркофагу, который, в отличие от других, стоял открытым. Там он увидел Илалоту, лежащую в ярких похоронных одеждах. И над ней витала такая странная лучистая благодать, такое чувственное спокойствие, что Тулос замер, словно пораженный заклятием.

— Я знала, что ты придешь, о Тулос,— прошептала она, шевельнувшись, словно от жара его поцелуев, которыми он начал покрывать ее шею и грудь...

Факел, выпавший из рук Тулоса, погас в пыли...

Ксантлича, рано уединившаяся в своих покоях, не могла заснуть. Может быть, она выпила слишком много или слишком мало темного ароматного вина, а может, ее кровь волновалась при мысли о возвращении Тулоса или мучила ревность из-за жаркого поцелуя, который он запечатлел на руке Илалоты. Ей не спалось; она встала за час до

встречи с Тулосом и стояла перед окном спальни, ожидая, что прохладное дыхание ночи ее освежит.

Однако воздух, казалось, был накален до предела. Сердце Ксантличи гулко билось в груди, она задыхалась. Вид залитого лунным светом сада еще более усилил ее волнение. Она отправилась бы в павильон раньше назначенного срока, но даже несмотря на нетерпение, ей хотелось помучить Тулоса ожиданием. Перегнувшись через подоконник, она увидела, как Тулос пробирается между кустами и деревьями. Ксантлича удивилась необычной быстроте его шага. Ей стало любопытно, куда он так спешит, ведь направлялся он явно прочь от того места, где она назначила ему свидание. Вскоре он повернул в кипарисовую аллею, ведущую к северным воротам, и королева потеряла его из виду. Удивление ее сменилось тревогой и гневом, когда спустя некоторое время он не вернулся.

Ксантлича не могла представить себе, чтобы Тулос или любой другой, будучи в здравом рассудке, осмелился забыть о свидании с ней. И в поисках объяснения она предположила, что он находится под действием какой-то могущественной черной магии. Королева знала, что Илалота любила Тулоса до безумия и безутешно горевала, когда тот бросил ее. Поговаривали, что она безуспешно применяла различные заклинания, чтобы вернуть его, тщетно призывала демонов и приносила им жертвы, а также использовала наговоры, чтобы накликать на Ксантличу смерть. В конце концов она умерла от разочарования и отчаяния, или, может быть, покончила с собой с помощью какого-нибудь особого яда... Но, как полагали в Тасууне, ведьма, умирающая таким образом, может превратиться в ламию или вампира и продолжить свое колдовство...

Королева содрогнулась от этой мысли. А еще она вспомнила о странных и зловещих изменениях, сопровождающих такую смерть: ведьма, использующая силы ада, сама превращалась в подземную тварь. Она представила, какая судьба ждет Тулоса и какая опасность подстерегает его, оправдайся ее предположения. И понимая, что и она не избежит такой опасности, Ксантлича все же решила последовать за лордом.

Времени на сборы не оставалось. Она вытащила из-под шелковой подушки кинжал, который всегда держала при

себе. Лезвие его от рукоятки до кончика клинка было отравлено ядом, губительным как для живого, так и для мертвого. Зажав кинжал в правой руке и держа небольшую лампу в левой, Ксантлича тихо выскользнула из дворца.

Последние винные пары, отуманивавшие ее сознание, испарились, но зато проснулся какой-то неосознанный страх, предостерегающий ее, словно голос предков. Однако приняв решение, она последовала за Тулосом по пути, ранее проложенном могильщиками. Луна, перебираясь от дерева к дереву, сопровождала ее, подмигивая незрячими глазами. Быстрый звук котурнов Ксантличи, нарушающий мертвую тишину, казалось, разрушал прозрачную паутину, которая отделяла ее от мира призраков. Снова и снова ей вспоминались слухи, ходившие о таких, как Илалота. И сердце королевы сжималось от страха, ибо она понимала, что встретит уже не смертную женщину, но создание, возвращенное к жизни из седьмого круга ада. Дрожа от ужаса, она продолжала свой путь, ибо мысль о Тулосе, находящемся в руках ламии, словно раскаленным клеймом жгла ей душу.

Перед Ксантличей раскинулся некрополь, и она направилась под мрачную сень кладбищенских деревьев, в тени которых скрывались склепы, похожие на разинутые пасти чудовищ. Воздух стал влажным и зловонным, словно наполнился испарениями из открытых могил. Королева остановилась, ей показалось, что черные невидимые демоны, возвышаясь над колоннами и стволами деревьев, поднялись перед ней из земли, готовые напасть, если она сделает еще хоть шаг. Однако Ксантлича тотчас опомнилась и смело шагнула в дверь гробницы. Дрожащими руками зажгла она маленький огонек лампы и, пронзая толщу тьмы подземелья узким клинком света, вошла, усмирив страх и отвращение, в это обиталище мертвых... или, возможно, уже не мертвых.

Никогда ей не приходилось видеть ничего более отвратительного, чем эта кладбищенская плесень и вековая пыль, ничего более ужасающего, чем сомкнутые ряды саркофагов в глубоких нишах. Воистину сон мертвых в гробнице был глубок, и тишина смерти, казалось, никогда не нарушалась.

Королева уже сомневалась, что Тулос мог прийти сюда, но, направив луч света на землю, заметила его следы,

легкие и почти незаметные среди отпечатков ног, оставленных могильщиками. Следы Тулоса показывали, что тот шел только в одном направлении, в то время как по другим следам стало ясно, что люди шли туда и обратно.

Вдруг Ксантлича уловила шедший издалека звук, в котором слышался стон влюбленной женщины и одновременно как будто рычание голодных шакалов. У нее кровь застыла в жилах, но шаг за шагом она продвигалась вперед, держа перед собой лампу и сжимая за спиной кинжал. Звук становился громче и ближе. Ноздрей ее коснулся сладкий аромат цветов июньской ночи, но, по мере того как она приближалась, этот аромат смешался со странным зловонием и запахом крови.

Еще несколько шагов, и Ксантлича остановилась, словно на ее плечо легла лапа демона. Луч лампы наткнулся на запрокинутое лицо и верхнюю часть тела Тулоса, свесившегося с края блестящего саркофага, который стоял между другими, позеленевшими от времени. Одной рукой Тулос крепко сжимал край саркофага, а другой ласкал склонившуюся над ним смутную тень. Руки этого создания сверкали жасминовой белизной в узком луче света, а темные пальцы были глубоко погружены в грудь Тулоса. Его тело казалось всего лишь пустой оболочкой, а рука безжизненно свисала с бронзового края саркофага, как будто из него выпустили всю кровь, и она вся вытекла из его разодранного горла и вскрытой груди.

Тварь, нависшая над Тулосом, непрерывно издавала не то стоны, не то рычание. Ксантлича стояла, окаменев от страха и отвращения. Вдруг ей показалось, что с губ Тулоса сорвался слабый шепот, еле слышимый стон скорее наслаждения, чем боли. Звук прервался, его голова безжизненно поникла, и королева решила, что он умер. Собравшись с духом, Ксантлича шагнула ближе и выше подняла светильник. Стараясь не поддаваться накатившей на нее волне панического страха, она решила, что с помощью отравленного волшебным ядом кинжала сможет, пусть даже случайно, прикончить убившую Тулоса тварь.

Колеблющийся свет пополз вверх, постепенно освещая призрака, которого Тулос ласкал в темноте... Луч дополз до измазанных кровью птичьих сережек и усеянного клыками алого отверстия полурта-полуклюва. В этом существе

не осталось ничего от Илалоты, кроме белых, некогда возбуждавших желание рук и смутных очертаний женской груди, превращающейся на глазах в нечто, не имеющее ни малейшего сходства с человеческим телом, как будто вдохновленный дьяволом скульптор лепил из глины уродливое изваяние. Руки тоже стали меняться, темнея и искривляясь. Когда они окончательно потеряли свою белизну, безжизненно висевшая рука Тулоса поднялась снова и потянулась к ужасному созданию. Тварь, не вынимавшая пальцев из его груди, пристально следила за ним. Вдруг она перегнулась и протянула свои неестественно вытянувшиеся лапы к королеве, как будто собираясь схватить ее или ласкать своими окровавленными когтями, с которых капали сгустки крови.

Ксантлича, обезумев, выронила лампу и кинжал и бросилась из подземелья с пронзительным визгом и безудержным сумасшедшим хохотом.

ИМПЕРИЯ НЕКРОМАНТОВ

Легенда о Матмуоре и Содосме родится только на последних оборотах Земли, когда веселые сказания ее золотых дней будут давно позабыты. Многие эпохи канут в прошлое, и морские воды придут туда, где прежде была суша, и новые континенты прорежут океанскую гладь, прежде чем наступит время ее рассказать. И, может быть, в тот день она немного рассеет жестокую тоску умирающей расы, неумолимо сходящей в пучину забвения. Я поведаю это предание так, как его будут рассказывать на Зотике — последнем континенте — под тусклым солнцем и грустными небесами, которые вечерней порой озаряются немыслимо яркими звездами.

Глава 1

Матмуор и Содосма были магами-некромантами с темного острова Наат. Однажды они пересекли высохшее море и появились в Тинарате, чтобы и там заниматься своим губительным искусством. Но не слишком преуспели, ибо таинство смерти считалось священным у жителей этой сумрачной страны, и не так-то просто было осквернить могильное небытие, а воскрешение мертвых чарами некромантии считалось кощунством.

Поэтому вскоре Матмуору и Содосме, изгнанным из города разгневанными жителями, пришлось бежать на юг, в пустыню Синкор, чьим населением были лишь скелеты и мумии — все, что осталось от некогда могущественной расы, погубленной Великим мором.

Их путь лежал по унылой растрескавшейся земле, выжженной лучами огромного солнца, которое, впрочем, напоминало едва тлеющий уголь. Один вид крошащихся камней и занесенных песком безлюдных просторов привел бы в ужас обычного человека. Колдуны оказались в этой бесплодной пустыне без еды и воды, поэтому их положение могло бы показаться отчаянным. Но Содосма и Матмуор, улыбаясь, все шагали и шагали в глубь Синкора с видом завоевателей, прокладывающих дорогу к долгожданной цели.

Они пересекали поля, лишенные растительности, русла пересохших рек, и перед ними расстилался великий путь, по которому в прежние времена путешественники добирались из Синкора в Тинарат. Ни единой живой души не встретилось им здесь, но зато вскоре они наткнулись на лежащие посреди дороги скелеты лошади в роскошной сбруе и всадника, чья одежда все еще была столь же великолепна, как и при жизни. Матмуор и Содосма остановились перед жалкими костями, на которых не осталось ни клочка плоти, и хищно улыбнулись друг другу.

— Скакун будет твоим,— предложил Матмуор.— Ведь ты старший из нас двоих, а всадник станет служить нам обоим и будет первым в Синкоре, кто присягнет нам на верность.

Маги начертили тройной круг на пепельном песке у обочины дороги и, стоя в центре, начали святотатственный ритуал, заставлявший мертвых пробудиться от безмятежного смертного сна и во всем подчиняться злой воле некроманта. Затем они всыпали по щепотке волшебного порошка в отверстия, бывшие когда-то ноздрями человека и лошади. И вот выбеленные ветрами и дождями кости, скорбно поскрипывая, поднялись с того места, где так долго лежали, и застыли в готовности служить своим хозяевам.

Как это было решено между ними, Содосма оседлал костяного скакуна, натянул украшенные драгоценными

камнями поводья и, словно в насмешку над Смертью, погнал свою жалкую клячу. Матмуор брел за ним, слегка опираясь на палку черного дерева, а человеческий скелет в развивающемся пышном одеянии шел следом, как верный оруженосец.

Вскоре маги нашли останки еще одного всадника с лошадью, которые шакалы обошли стороной, а солнце иссушило до состояния мумий. Они тоже были воскрешены из мертвых, и Матмуор взгромоздился на спину высохшего коня. Теперь оба некроманта скакали с торжественностью странствующих императоров, сопровождаемые свитой из двух скелетов. А так как по пути к Синкору встречались и другие останки, оживляемые посредством того же обряда, то процессия все разрасталась и разрасталась.

Когда дорога почти подошла к столице, Йетлириому, показались бесчисленные могилы города мертвых, чей покой никто не нарушал вот уже многие века. Всем спеленатым мумиям этого города также пришлось пробудиться, чтобы исполнять волю двух колдунов. Некоторым было приказано вспахать и засеять пустынные поля, добывать из глубоких колодцев воду; остальные занялись тем, чем занимались при жизни. Шум и грохот нарушили вековую тишину. Мертвые ткачи трудились над своими челноками, а мертвые пахари шли за плугами, которые тянули мертвые буйволы.

Утомленные долгим путешествием и многократно повторяемыми заклинаниями, Матмуор и Содосма наконец увидели с вершины бархана далекие башни и уцелевшие прекрасные купола Йетлириома. Был вечер, и город казался погруженным в густую, застоявшуюся кровь зловещего заката.

— Это обширная земля,— вздохнул Матмуор.— Мы поделим ее и будем властвовать над всеми мертвецами, лежащими в ней. Завтра же мы взойдем на императорский престол Йетлириома.

— Да,— согласился Содосма.— Ибо никто из живых не сможет противостоять нам здесь. А те, кого мы вызвали из царства мертвых, будут двигаться и дышать только по нашей воле и никогда не восстанут.

Так, в кроваво-красных сумерках, которые уже начали становиться пурпурными, некроманты в сопровождении

своей внушающей ужас свиты вошли в Йетлириом. Они прошествовали мимо многих величественных дворцов и расположились в том из них, откуда на протяжении двух тысяч лет императоры династии Нимботов правили Синкором.

Своим хитроумным колдовством маги разожгли в пыльных залах давно погасшие светильники из оникса и поужинали королевскими яствами, сотворенными тем же способом. Бесплотные руки слуг наливали древние имперские вина в кубки из лунного камня, и два колдуна пировали и веселились с фантасмагорической пышностью, отложив на следующий день воскрешение всех, кто спал вечным сном в земле Йетлириома.

Утром они поднялись, когда темно-малиновый рассвет еще только занимался над городом, ибо сделать предстояло многое. Они сновали по забытой столице, творя заклинания над непогребенными телами тех, кто умер в последний год Великого мора. Покончив с этой работой, маги перешли к другому некрополю, располагавшемуся за пределами Йетлириома, где в огромных мавзолеях покоились императоры и знать Синкора.

Некроманты приказали беспрекословным рабам-скелетам проломить запечатанные двери склепов, а потом своими страшными деспотическими заклятиями вызвали мумии императоров, не пощадив даже старейшего из династии. Те равнодушно вышли к ним, с безжизненными глазами, в роскошных саванах, расшитых сверкающими, словно огни, драгоценными камнями. После этого настала очередь вдохнуть подобие жизни в многочисленные поколения придворных и сановников.

Мертвые императоры и императрицы Синкора, с высохшими мрачными и высокомерными лицами, торжественно выразили свою покорность Матмуору и Содосме. И, словно караван пленников, последовали за ними по всем улицам Йетлириома. Затем некроманты установили в просторном тронном зале дворца высокий двойной трон, на котором когда-то восседали законные правители с супругами. Трон окружили императоры в пышных погребальных одеждах. Мумия Гестайона (первого императора династии Нимботов, правившего в полулегендарные времена) движением иссохшей руки облекла обоих магов

верховной властью. После этого все потомки Гестайона, заполонившие зал, невыразительными, точно эхо, голосами, провозгласили владычество Матмуора и Содосмы.

Так отверженные некроманты приобрели империю и подданных в безлюдной и бесплодной земле, куда жители Тинарата изгнали их на верную гибель. Они стали жесточайшими деспотами, беспредельно властвуя над всеми мертвыми Синкора. Все бесплотные прислужники из отдаленных уголков царства должны были платить дань. Тронутые тлением трупы сновали взад-вперед по поручениям колдунов. Высокие мумии, издающие запах бальзамических смол, выносили из своих неистощимых склепов груды потемневшего золота и покрытых пылью времен драгоценностей и складывали пред жадными очами новых правителей. Мертвые садовники украшали дворцовые сады давно увядшими цветами. Выбеленные ветрами скелеты гнули спины в копях или воздвигали великолепные, фантастические башни в честь угасающего солнца. Гордые принцы былых времен подносили некромантам кубки, а златокудрые императрицы услаждали их слух игрой на лютнях, перебирая струны точеными руками. Самые же прекрасные, чьи прелести были не слишком сильно обезображены тлением и червями, стали наложницами и утоляли порочную страсть колдунов.

Глава 2

Везде и во всем обитатели Синкора, по приказанию Матмуора и Содосмы, вели себя подобно живым. Они говорили и двигались, слышали и видели, ели и пили. Они помнили, хотя и очень смутно, свою прежнюю жизнь. Они даже испытывали чувства, сходные с теми, что испытывали при жизни. Но разум их был порабощен чудовищным колдовством. Их кровь медленно и неохотно струилась по жилам, смешанная с водой реки забвения, и дыхание Леты затуманивало их глаза. Пустым, беспокойным и унылым было их теперешнее существование.

Воскрешенные подданные повиновались приказаниям своих деспотичных властителей без возмущения и возражений, но с ощущением некой смутной, безграничной

тоски. Такая тоска терзает мертвых, когда, уже пригубив чашу вечного сна, они должны вновь возвращаться к лишениям земного бытия. Они не испытывали ни страсти, ни желания, ни удовольствия, лишь грызущую боль пробуждения от сна и жестокую, неутолимую жажду возвращения к этому прерванному забытью.

Самый младшим (и последним) императором династии Нимботов был Илейро. Он умер в первый же месяц Великого мора и двести лет пролежал в своем величественном мавзолее, пока не появились некроманты.

Разбуженный вместе с прародителями и подданными для прислуживания двум тиранам, Илейро без ропота и удивления влачил пустое существование. Он принял собственное воскрешение и воскрешение своих предков так, как принимают оскорбления из страшного сна. Он знал, что вернулся под дотлевающее солнце, в лживый и призрачный мир, где сам он — лишь покорная тень. Тревожила только смутная печаль и бессильная тоска по утраченному забвению.

Илейро был отравлен колдовством своих повелителей, поэтому его не возмущали все те надругательства, которым подвергались его предки. Как сомнамбула, наблюдал он за происходящим. Только через много дней слабая вспышка внезапно озарила его сумрачный разум.

Молодой император вдруг вспомнил безвозвратно утраченное великолепие своего царствования в Йетлириоме и вновь ощутил переполнявшие его тогда гордость и ликование. В душе слабо всколыхнулось возмущение, тень негодования против злодеев, вытащивших его из вечного покоя назад, в это убогое подобие жизни. Он начал втайне оплакивать свою поруганную землю и бедственное положение ее народа.

День за днем, поднося кубки в те залы, где прежде владычествовал сам, Иллейро был свидетелем деяний Матмуора и Содосмы. Он видел как исполнялись их прихоти, наблюдал их жестокость и то, как они удовлетворяли свою похоть, их все более и более омерзительное пьянство и обжорство. Он видел, как колдуны тонут в роскоши, толстеют, становятся все ленивее и невоздержаннее. Тираны давно забросили занятия магией и забыли многие заклинания. Тем не менее они правили, все еще могучие и

грозные. Развалившись на своих розовых и пурпурных ложах, Матмуор и Содосма грезили о том, как поведут армию мертвецов на Тинарат, как возрастет их могущество. За этими мечтами они жирели, словно могильные черви в полном гнили склепе. Своим деспотизмом и мерзкой похотью некроманты зажгли в сумрачном сердце Илейро огонек восстания, и разгорающееся пламя стало побеждать мертвенное дыхание Леты. Гнев все больше охватывал последнего императора, возвращая ему некоторое подобие прежней силы и твердости. Илейро видел постыдное поведение своих угнетателей, вспоминал все то зло, которое они причинили беззащитным мертвым, и хор приглушенных голосов в его мозгу требовал возмездия.

Но до поры до времени Иллейро безмолвно передвигался по залам дворца в Йетлириоме, повинуясь воле повелителей, или же замирал в ожидании приказаний. Он наполнял их агатовые кубки янтарными винами, что добывались с помощью колдовства на холмах под молодым солнцем; он терпел всяческие унижения и оскорбления. И ночь за ночью он лицезрел, как маги напиваются допьяна и засыпают, румяные и толстые, среди никак не заслуженной ими роскоши.

Живые мертвецы почти не разговаривали между собой. Отцы и сыновья, матери и дочери, бывшие возлюбленные проходили друг мимо друга, словно не узнавая, без слова жалобы на жестокий жребий. Но однажды ночью, когда тираны забылись пьяным сном и язычки пламени заколебались в колдовских светильниках, Илейро пришел за советом к своему старшему прародителю, Гестайону. Легенды прославляли первого императора как великого волшебника и хранителя потаенного знания древности.

Гестайон стоял поодаль от других, в углу полутемного зала, коричневый и высохший в своей жалкой одежде мумии, его безжизненные обсидиановые глаза неподвижно глядели в небытие. Он как будто не слышал вопроса Илейро, но через несколько минут вдруг заговорил сухим шелестящим шепотом:

— Я слишком стар, а гробовой сон был таким долгим, что заставил забыть очень многое. Но возможно, заглянув назад, в пустоту смерти, я смогу вернуть хотя бы часть былой мудрости, и мы вместе найдем способ спастись.

И Гестайон начал перебирать обрывки воспоминаний Так мудрец пытается найти крупицу драгоценного знания в книгах, давно изъеденных книжным червем и уже сгнивших в своих переплетах. Наконец он произнес

— Тысячу веков назад я был могущественным волшебником и очень многое было мне ведомо, в том числе заклятия некромантии. Хотя я и не использовал их, считая воскрешение мертвых отвратительным. Возможно, среди моих знаний найдется что-нибудь, что поможет нам сейчас. Я вспоминаю смутное, неясное пророчество, сделанное в те давние годы, когда был заложен Йетлирием и родилась империя Синкора. Пророчество гласило, что беда страшнее смерти постигнет империю в далеком будущем Но первый и последний из Нимботов, объединив свои силы, найдут способ освободиться и победить злой рок Предсказание ничего не говорило о том, какая это будет беда, однако упоминало, что два императора смогут преодолеть ее, разбив древнее глиняное изваяние, охраняющее самый нижний склеп под императорским дворцом в Йетлириоме.

Выслушав это пророчество из поблекших уст своего предка, Илейро некоторое время размышлял.

— Сейчас мне вспомнился один день моей ранней юности, когда я беспечно бродил по незанятым склепам дворца и добрался до самого последнего,— наконец заговорил Илейро.— Там стояло грубо слепленное глиняное изваяние, чей облик показался мне странным. Ничего не зная об этом пророчестве, я с разочарованием развернулся и ушел так же беззаботно, как и пришел.

Гестайон и Илейро оставили своих ничего не замечающих сородичей, прихватили из зала украшенные драгоценными камнями светильники и отправились к тайной лестнице в подземелье дворца. Долго пробирались они, словно тени, по лабиринту ночных коридоров и наконец вышли к самому нижнему склепу.

Предсказание оправдалось. В клубах паутины и черной пыли незапамятных времен императоры обнаружили глиняную статую с грубыми чертами одного из забытых земных божков. Иллейро разбил изваяние камнем и извлек огромный меч благородной стали, тяжелый бронзовый ключ и медные таблички. Надпись, высеченная на блестя-

щих табличках, рассказывала, как избавить Синкор от темного владычества некромантов и вернуть людей в милосердные объятия смерти.

Бронзовый ключ отпирал низенькую и узкую дверь в задней стене склепа, за разбитым изваянием. Винтовая лестница из темного камня вела вниз, в неисследованные глубины, где, как в гигантской топке, все еще горел угасающий земной огонь.

Илейро остался охранять открытую дверь, а Гестайон иссохшей рукой взял меч и вернулся в зал, где спали некроманты. Древнее пророчество вело его

Матмуор и Содосма распростерлись на розовых и пурпурных ложах и почивали пьяным сном в окружении безропотных бледных мертвецов. Вооруженный открывшимся знанием, Гестайон взмахнул мечом и разом отрубил головы обоим колдунам. Затем, как было указано в табличках, он сильными ударами четвертовал тела. И некроманты испустили свой нечистый дух, а нежные розы и темный пурпур их постелей стали алыми от крови.

Императоры и императрицы стояли безмолвно и равнодушно, едва ли осознавая свое избавление. Тогда древняя мумия Гестайона заговорила слабым шепотом, но не менее властно, чем король, отдающий приказания своим детям. Мертвые зашевелились, точно осенние листья на внезапном ветру, и в толпе пробежал шепот. Весть об освобождении быстро вылетела за пределы дворца, чтобы достичь самых дальних уголков Синкора

Всю ночь и весь последующий кроваво-сумрачный день наводящий ужас поток тянулся по улицам Йетлириома. В свете дрожащих факелов и под лучами слабеющего солнца шла нескончаемая армия только тронутых тлением покойников и давно высохших скелетов. Это напоминало шествие теней с неподвижным, отсутствующим взглядом Процессия безостановочно двигалась к подземному склепу под дворцом, чтобы пройти сквозь распахнутую дверь, у которой стоял Илейро, а потом спуститься вниз, по тысячам ступеней, к клокочущей затухающим огнем пучине. Там они во второй раз бросались в объятия смерти, чтобы навсегда исчезнуть в бездонном пламени.

Но даже когда все обрели избавление, Гестайон все еще оставался на своем месте, у рассеченных на части тел

Матмуора и Содосмы. Он купался в угасающем свете заката. Здесь, подчиняясь древнему приказу табличек, легендарный император в первый и последний раз испробовал заклинания древней некромантии, которые выучил в годы расцвета своей мудрости. Он произнес проклятие, обрекавшее обезображенные тела на вечную жизнь в смерти. Это была такая же пытка, какой колдуны подвергли народ Синкора. Бледные губы выговорили страшное проклятие, и оживленные головы магов начали бешено вращать свирепыми глазами, а туловища и члены корчиться в запекшейся крови императорских постелей. После этого Гестайон предоставил злосчастных некромантов их судьбе, зная, что все выполнено в точности так, как было предопределено с самого начала. Сам же он, не оборачиваясь, устало побрел сквозь лабиринт окутанных мраком подземелий, чтобы присоединиться к Илейро.

Так, в спокойном молчании, более не нуждаясь в словах, первый и последний из императорского рода Нимботов прошли через раскрытую дверь нижнего склепа, и Илейро запер ее за собой бронзовым ключом. Оттуда, по спиральной лестнице, они направились к затухающему пламени и воссоединились со своим родом и подданными в окончательном и абсолютном небытии.

Что же до Матмуора и Содосмы, то люди поговаривают, будто их четвертованные тела до сих пор скитаются в затерянном Йетлириоме. Они не могут найти ни успокоения, ни облегчения и тщетно разыскивают в темном лабиринте дверь, навсегда запертую Илейро.

САД АДОМФЫ

Владыкой был засеян сад
И адским пламенем согрет.
Ни солнца луч, ни звездный свет,
Ни чей-то любопытный взгляд
Туда проникнуть не могли.
Деревья дивной красоты
И бесподобные цветы
Сосали соки из земли.
Но их плоды — смертельный яд,
Они даруют вечный сон,
Ведь их посеял Тазайдон,
Чья вотчина — кромешный ад.

Как всем известно, Адомфа, властитель острова Сотар, среди своих обширных владений имел секретный сад, скрытый ото всех, кроме него самого и придворного чародея Дерласа. Мощные гранитные стены, огораживающие сад, высокие и грозные, возвышались над раскидистыми камфорными деревьями и величественными кедрами и были видны издалека. Но никто из жителей Сотара в точности не знал о том, что находится внутри этих стен. Сад требовал частого ухода, и, так как ни один человек за исключением этих двоих не мог туда войти, обязанности садовника взвалил на свои плечи Дерлас. Когда речь заходила о саде, Адомфа и колдун говорили загадками, смысла которых невозможно было понять. Массивная бронзовая

дверь приводилась в действие механизмом, секретом которого они ни с кем не делились. И король, и Дерлас, поодиночке или вместе, посещали сад лишь в те часы, когда никого не было поблизости. И никто не мог похвастать даже тем, что видел, как открывалась дверь.

Люди говорили, что даже сверху сад закрыт от солнца свинцовыми щитами, не оставляющими даже щелки, сквозь которую могла бы проглянуть звезда. Некоторые уверяли, что скрытность хозяев сада во время их визитов обеспечивал Дерлас, на время насылавший с помощью колдовства дремоту на всю округу.

Тайна так хорошо охранялась, что не могла не возбудить любопытства, и касательно характера этого сада возникали самые различные догадки. Одни утверждали, что сад заполнен зловещими растениями, способными расти только во тьме и приносящими смертельно ядовитые плоды. Эти плоды, якобы, и собирает волшебник и, выделяя из них гибельный экстракт, использует в своих колдовских опытах. Подобные предположения нельзя было назвать безосновательными. Слишком часто у внезапно умиравших придворных обнаруживались все признаки отравления. И большинство из них в чем-то не угождало Адомфе или Дерласу.

Среди легковерных и неискушенных людей шепотом передавались совсем чудные истории. Рассказывали, что в детстве король рос среди жестокости и лжи, постоянно являясь свидетелем кровавых расправ. Это, мол, и сделало его характер столь отвратительным. Адомфа, если верить слухам, был чуть ли не вампиром. Легенды же, ходившие о Дерласе, гласили о том, что его мать была настоящей ведьмой. Еще до рождения сына она продала его Дьяволу, и долгие годы Дерлас был у Тазайдона в подмастерьях. Живя в полном отречении от земных благ, он постиг многие тайны, и никто из колдунов не мог сравниться с ним глубиной познаний в области черной магии.

* * *

Очнувшись от дремоты и видений, которые подарил ему сок из черного мака, король Адомфа поднялся со своего ложа. Наступило время затишья между закатом

луны и восходом солнца. Во дворце было тихо, как в склепе. Его обитатели валялись кто где, забывшись тяжелым сном после чрезмерного количества выпитого вина и опия. В неверном свете факелов они были похожи на покойников. Сады и дома вокруг дворца были погружены во тьму. Столица Лоития спала под застывшими звездами безмятежного южного неба. Обычно в это время Адомфа и Дерлас могли, не опасаясь преследования или слежки, входить в секретный сад.

Адомфа взял фонарь и тихо вошел в комнату, примыкавшую к его спальне. Здесь жила Тулония, любимая наложница короля. Она провела с ним уже восемь ночей, что было большой редкостью, ибо Адомфа был столь же ненасытен в любви, сколь и непостоянен. Но он не удивился и не огорчился, когда, войдя, увидел, что смятая шелковая постель пуста. Он был уверен, что в этот момент Дерлас уже направляется в сад, и направляется туда не с пустыми руками.

Огни во дворце гасли один за другим, и вскоре все здание погрузилось во мрак. Этого и ждал Адомфа. Выбравшись из дворца, он направился к стенам сада. Подойдя вплотную к бронзовой двери, он издал тихий свистящий звук, напоминающий шипение кобры. В тот же миг дверь бесшумно качнулась внутрь и так же бесшумно закрылась, когда король вошел.

Сад засеяли и возделывали в строжайшей тайне, а те, кто когда-то выполнял работы по его устройству, бесследно исчезли. Даже небесные светила не могли заглянуть внутрь — весь сад был спрятан под металлической крышей. Единственным источником света являлся странный пылающий шар, реющий в самом центре. Адомфа относился к этому шару с благоговейным страхом, его сущность и происхождение оставались для короля загадкой. Дерлас утверждал, что в одну из безлунных ночей шар вызвали из ада по его приказу. Этот шар парил, удерживаемый в воздухе демоническими силами, и своим неугасающим пламенем согревал воздух, в котором плоды Тазайдона вырастали до невероятных размеров и приобретали ни с чем не сравнимый вкус. Колдовской светильник испускал багровый свет, в котором сад менял свои очертания и дрожал, как при взгляде сквозь кровавый туман.

Даже в холодные зимние ночи шар излучал мягкое тепло. Он никогда не менял своего положения и, тем более, не падал, хотя не было никакой опоры, различимой для глаз. И под этим шаром буйно разрастались, набирая силу, зловещие побеги.

Никакое солнце не смогло бы так повлиять на стремительное разрастание сада, как этот загадочный шар. Колдун объяснял этот тем, что и деревья, и шар очень близки друг другу по своей природе. Бледные, разветвленные деревья были так вытянуты вверх, что казалось, будто они выдергивают сами себя из земли, огромные распростертые листья напоминали костистые крылья драконов. Неувядающие цветы, широкие как бутоны, поддерживались мощными стеблями, которые непрестанно вздрагивали.

Существовали и другие, не менее таинственные растения, разнообразные, как семь кругов ада, не имеющие между собой ничего общего, кроме прививок, которые делал им Дерлас, ставя свои жуткие опыты.

А то, что он прививал растениям, было не чем иным, как различными частями человеческих тел. В совершенстве и не зная неудач, колдун выводил новое племя существ, что были наполовину растениями, наполовину животными. Стволы, обросшие человеческими органами, сочетали в себе два начала. Соки, текущие по ветвям смешивались с кровью. Он создал множество диковинных созданий, которые кому угодно внушили бы отвращение, но только не королю с Дерласом. На пальмовых стволах под листьями, похожими на перья, как огромные черные плоды, гроздьями висели головы евнухов. Голый, лишенный листьев, куст расцветал ушами провинившихся стражников. Мерзкие кактусы обросли женскими грудями и покрылись волосами. Целые туловища или конечности срослись с чудовищными деревьями. В бутонах огромных цветов пульсировали сердца, у некоторых цветочков поменьше в центре находились глаза с моргающими ресницами. И было там еще много чего, слишком непристойного или отвратительного для пересказа.

Адомфа шел среди гибридных растений, которые шевелились и шелестели при его приближении. Головы вытягивали шеи в его направлении, уши трепетали, груди

слегка вздрагивали, а глаза широко распахивались или, наоборот, закрывались.

Он знал, что эти человеческие обрубки живут вялой жизнью растений, и их активность чисто рефлекторна. Он относился к ним со смешанным чувством любопытства и болезненного эстетического удовлетворения, находя в них некую прелесть вещей ужасных и неестественных. Но сейчас он бродил среди них, не испытывая особого интереса. Он чувствовал приближение того рокового часа, когда сад со всеми его чудесами перестанет служить для него убежищем от нестерпимой скуки.

В глубине сада, где среди сгрудившихся растений было круглое свободное пространство, Адомфа подошел к насыпи из свежевскопанной земли. Около нее, совершенно обнаженная и неподвижная, как мертвая, застыла наложница Тулония. Рядом с ней лежали разные ножи и другие инструменты, пузырьки с жидкими бальзамами и баночки с какими-то густыми смолистыми веществами, которые Дерлас использовал в своих прививках, вытащенные из кожаной сумки. Из дерева, известного как дедаим, с круглым мясистым стволом светло-зеленого цвета, из центра которого расходились лучами чешуйчатые ветви, прямо на грудь Тулонии неторопливо капала желтовато-красная смола. Она вытекала из разреза, проделанного в гладкой коре.

Из-за земляной насыпи выглянул Дерлас и, увидев короля, с дьявольской поспешностью вылез из ямы, похожей на могилу. В руках он сжимал лопату, которой только что закончил копать. Рядом с царственной фигурой Адомфы чародей выглядел как сморщенный карлик. Судя по его внешности, он был очень стар, казалось, долгие века высушили его плоть и высосали кровь из жил. Его глаза сверкали в глубине глазных впадин, лицо, обтянутое потемневшей кожей, напоминало лицо мумии, угловатая фигура скрючилась, как старое засохшее дерево. Он постоянно сутулился, так, что его длинные сучковатые руки чуть ли не цеплялись за землю. Адомфа, как обычно, подивился ужасной силе его рук. Дерлас часто приходил сюда с тяжелой лопатой в руке и с человеческим телом за спиной, принося в сад жертвы, чьи части тел он пускал в дело. Король никогда не унижался до того, чтоб помо-

гать колдуну в его работе, хотя частенько просил Дерласа заняться кем-нибудь из неугодных ему людишек. Все, что делал правитель, так это наблюдал и контролировал разрастание сада.

— Она мертва? — спросил Адомфа, равнодушно взирая на прекрасное тело Тулонии.

— Нет,— ответил Дерлас скрипучим, как ржавые петли, голосом.— Но я напоил ее снотворным и чудодейственным соком дедаима. Биение ее сердца неуловимо, ее кровь течет так же медленно, как эта смола. Она уже не очнется... разве что, став частью сада и разделив участь остальных. А теперь я жду твоих дальнейших указаний. Какую часть... или части..?

— Ее руки были очень искусны,— промолвил в ответ на незаконченный вопрос Адомфа. Он говорил рассеянно, словно размышляя вслух.— Они знали толк в ласках и заставляли трепетать сердце мужчины. Я попрошу тебя сохранить ее руки,... но ничего более.

Удивительнейшая колдовская операция завершилась. Белые тонкие руки Тулонии, аккуратно отрезанные у запястий, колдун прикрепил к верхним, лишенным листьев, ветвям дедаима. Во время этой операции чародей использовал соки проклятых растений и многократно обращался в своих заклинаниях к некому подземному духу, к помощи которого он обычно прибегал. Теперь, словно с мольбой, ветви протягивали к Адомфе человеческие ладони. Король вдруг почувствовал возрождающийся интерес к садоводству Дерласа, и странное возбуждение охватило его при взгляде на смешение абсурда и красоты привитого сада. Он по-новому взглянул на растения... но взгляд его все время возвращался к рукам, навевавшим столько воспоминаний.

Он совершенно забыл о теле Тулонии, лишившемся рук. Но возвращенный из задумчивого состояния резким движением Дерласа, он повернулся и увидел колдуна, склонившегося над бездыханной девушкой, которая ни разу не шевельнулась во время операции. Кровь все еще лилась из обрубленных конечностей на темную землю. Дерлас со сверхъестественной силой, которая угадывалась в каждом его движении, обхватил одалиску своими жилистыми руками, переворачивая ее и рассматривая. Он походил на

человека, чья работа еще не завершена. Казалось, он колеблется, прежде чем бросить ее в яму, а точнее в могилу, где в земле, согреваемой светом адского шара, тело несчастной будет разлагаться и питать корни странного растения, на ветвях которого будут расти ее собственные руки. Можно было подумать, что он не хочет расставаться со столь соблазнительной ношей. Адомфа, с любопытством взиравший на колдуна, понимал те чувства, которые овладели отвратительным горбуном.

Как далеко ни заходил король в собственных беззакониях, им вдруг овладело смутное отвращение. Дерлас напоминал ему огромного мерзкого паука, сжимающего в лапах беззащитную жертву. Когда Адомфа впервые увидел в детстве паука, он поразился его внешним видом. Но король до сих пор помнил, как, не колеблясь ни минуты, схватил камень и раздавил мохнатую тварь. Предаваясь давним воспоминаниям, он вдруг почувствовал, что наступает один из тех моментов, когда его охватывает внезапное и безотчетное вдохновение, побуждающее его обычно к таким же внезапным действиям. Когда король входил в сад, в мыслях у него не было ничего подобного. Но на этот раз условия оказались слишком подходящими, и он не мог упустить случай. На несколько секунд Дерлас повернулся к Адомфе спиной, при этом руки колдуна оказались обременены тяжелым и красивым грузом. Размахнувшись лопатой, Адомфа опустил ее на маленькую плешивую голову Дерласа, сохраняя на своем лице невозмутимое спокойствие. Карлик, все еще сжимая Тулонию, рухнул прямо в глубокую яму.

Король прислушивался, все еще сжимая лопату и приготовившись снова ею воспользоваться в случае необходимости, но из могилы не доносилось ни звука. Адомфа ждал, что в любую секунду уцелевший колдун выкинет с ним какую-нибудь шутку. Король нервничал. Он был сильно удивлен тем, с какой легкостью он одолел могучего колдуна, также его поразила и опрометчивость собственного поступка. Наконец, убедив себя в гибели Дерласа, Адомфа немного успокоился. Ему неожиданно пришла в голову мысль поэкспериментировать с телом самого колдуна. Он столько времени проводил с Дерласом, наблюдая за его операциями, что теперь, как ему казалось, мог

справиться и сам. Голова горбуна явилась бы превосходным украшением для какого-нибудь растения. Однако, заглянув в яму, король был вынужден отказаться от своей идеи. Нанося удар, он не рассчитал свои силы, и теперь голова волшебника ни на что не годилась. Острая лопата расколола череп Дуэрласа почти надвое, а для операции необходимы лишь целые части тела.

С отвращением проворчав о том, что голова колдуна не прочнее страусиных яиц, Адомфа начал засыпать могилу. Распростертое тело Дерласа, прижавшееся к Тулонии, разделило ее участь, и вскоре они скрылись из виду под толстым слоем земли. Лишь только когда яма была полностью засыпана, страх Адомфы перед Дерласом постепенно улетучился. Король говорил себе, что поступил правильно. Колдун знал слишком много тайн и был очень силен. Однажды мог наступить день, когда чародей позарился бы на королевский трон, и Адомфа не смог бы ему противостоять.

Ни для королевского двора, ни для простых жителей Лоитии исчезновение Дерласа не осталось незамеченным. По городу ходили самые разнообразные слухи. Одни считали, что это дело рук Адомфы, другие благодарили самого Тазайдона. С этого момента имена короля Сотара и повелителя ада произносились, как никогда прежде, с одинаковым почтением и страхом. Раньше лишь самые отчаянные храбрецы, будь то люди или волшебники, отваживались перейти дорогу Дерласу. Ведь он, если верить слухам, больше тысячи лет, и днями, и бессонными ночами, творил на земле разные беззакония.

После погребения чародея, смутное чувство страха и отвращения, в котором Адомфа не давал себе отчета, удерживало его от посещения сада. Отвечая безмятежной улыбкой на нескромные вопросы любопытных придворных, он продолжал предаваться своим неистовым забавам в поисках новых ощущений. Но все безуспешно. Казалось, что любой путь к наслаждению, даже самый эксцентричный и запутанный, приводит к скрытой бездне скуки. Во время любовных утех и жестоких казней, пышных балов и восхитительных концертов, среди пышногрудых красавиц, завезенных из дальних стран, он все время вспоминал растения, выведенные Дерласом. И эти воспоминания завораживали его сильнее, чем женские чары.

Итак, как-то поздней ночью, в свой излюбленный час между закатом луны и восходом солнца, когда обитатели дворца и жители Лоитии уже давно спали, он вылез из постели наложницы и отправился в сад, который был теперь тайной для всех, за исключением его одного.

В ответ на змеиное шипение, известное лишь Адомфе, дверь открылась и закрылась позади него. Она еще не успела закрыться, как он понял, что за время его отсутствия в саду произошли удивительные изменения. Загадочный шар, висящий в воздухе, ослепительно сиял ярко-кровавым светом, как будто его пламя раздували рассерженные демоны. Растения, удивительно вымахавшие в высоту, были покрыты густой листвой и стояли совершенно неподвижно, словно замерши, хотя откуда-то дул сильный ветер, горячий, как дыхание ада.

Увидев все это, Адомфа растерялся. Он не понимал, что означают эти перемены. В какой-то момент он вдруг подумал о Дерласе и затрясся мелкой дрожью. Что, если эти необъяснимые явления — следствие его колдовства? Но ведь он убил чародея и закопал своими собственными королевскими руками. «Нарастающая жара, усилившееся свечение шара и быстрый рост деревьев — причина этому какой-то природный процесс, вышедший из-под контроля»,— успокаивал он себя.

Охваченный любопытством, он полной грудью вдохнул щекочущий ноздри, опьяняющий аромат. Свет ослепил его нестерпимо яркими красками. Нахлынула ужасная жара. Ему показалось, что он слышит чьи-то голоса, почти неразличимые. Потом они стали громче и зашептали ему в ухо сладкие слова о неземных наслаждениях. В это же время среди неподвижных растений он заметил в ярких вспышках огней полускрытые руки и ноги танцовщиц. Среди этих рук и ног он не мог узнать ни одну из тех, что прививал Дерлас.

Подчинившись волшебным чарам, король в каком-то упоении шагнул в этот адский лабиринт. Растения осторожно расступались, когда он приближался к ним, но как только он проходил мимо, они вновь смыкали свои ряды позади него. Казалось, что они прячут от Адомфы привитые им человеческие члены под покровом недавно выросшей листвы. Но, лишь стоило королю отвести от них свой

взгляд, они снова открывали свои сочленения, ставшие еще более дикими и необычными. Растения менялись у него на глазах, подобно бредовым образам, и король уже не в состоянии был сказать, на кого они больше похожи — то ли на деревья и цветы, то ли на мужчин и женщин. И эти древолюди выказывали все большее беспокойство. Оглянувшись вокруг, Адомфа увидел море трепещущей листвы, мельтешащих тел и конечностей. Они больше не росли, пустив корни в землю, они двигались. Присмотревшись, король увидел некое подобие ног, на которых они, словно в каком-то бешеном танце, кружились вокруг него.

Круг за кругом они проносились мимо него, эти странные создания, до тех пор, пока от их умопомрачительных движений у Адомфы не закружилась голова. Он услышал громкий шелест листвы, какой бывает в лесу во время бури, одновременно с этим в саду поднялся глухой ропот тысяч голосов. Одни выкрикивали проклятья, другие умоляли, третьи звучали с угрозой, а во многих слышалась жестокая издевка. Король узнавал эти голоса. Когда-то они принадлежали его солдатам, советникам, придворным, рабам, евнухам. А над всем этим полыхал кроваво-красный шар. Его зловещее сияние становилось невыносимым. Воздух так нагрелся, что казалось, будто все вокруг вот-вот вспыхнет адским пламенем.

Король Адомфа уже забыл о Дерласе и его черной магии. Его внимание полностью поглотил дьявольский шар. Властитель с трудом различал происходящее вокруг, обступивших его невиданных созданий Адомфа принимал за бредовые видения. Он был близок к безумию. Внезапно на него волной нахлынули воспоминания. Король вспоминал всю свою сумасшедшую жизнь, полную жестокости и лжи, но не испытывал раскаяния. Он изнемогал от жары и чувствовал неотвратимое приближение смерти.

Окруженный хаосом взбунтовавшихся растений, он услышал голос, напоминающий скрип ржавых петель или скрежет сдвигаемой крышки саркофага. Он не мог разобрать слов, но, словно повинуясь заклятию, весь сад неожиданно затих. Король оцепенел, ибо этот голос принадлежал Дерласу. Адомфа дико озирался, ошеломленный и сбитый с толку, но видел вокруг себя лишь растения, густо

покрытые листвой. Перед ним возвышалось дерево, в котором он безошибочно признал дедаим, несмотря на толстый ствол и прямые вытянутые ветви, поросшие длинными темными волосками.

Очень медленно и осторожно две верхние ветви дедаима опускались вниз, пока не оказались на одном уровне с лицом короля. Тонкие нежные руки Тулонии возникли из листвы и начали ласкать короля, так же искусно, как и при жизни их владелицы. В это время Адомфа взглянул на густые спутанные волосы, покрывавшие широкую и плоскую крону дерева. Из нее показалась маленькая сморщенная голова Дерласа и повернулась в сторону короля.

С тупым ужасом взирая на проломленный череп, покрытый запекшейся кровью, на темное, иссушенное веками лицо, на глаза, горящие в черных впадинах подобно углям, раздуваемым демонами, Адомфа застыл, не смея шевельнуться. Он даже не отреагировал, когда множество невесть откуда взявшихся людей набросилось на него со всех сторон. Больше не было изуродованных прививками деревьев. Вокруг него в раскаленном воздухе мелькали лица, которые он помнил слишком хорошо: теперь эти лица исказились от ярости и смертельного желания мести. Мягкие пальцы Тулонии все еще продолжали ласкать короля, когда многочисленные руки разорвали на нем одежду и, впившись ногтями, растерзали его плоть.

ОСТРОВ МУЧИТЕЛЕЙ

Серебряная Смерть обрушилась на Йорос после захода солнца. Ее появление, однако, было предсказано многими пророчествами, как древними, так и недавними. Астрологи говорили, что эта загадочная болезнь придет на землю с огромной звезды Ачернар, зловеще нависающей над землями южного континента Зотика. Эпидемия отметит тела мириадов людей блестящей металлической бледностью и будет распространяться все дальше во времени и пространстве, переносимая эфирными потоками в другие миры.

Серебряная Смерть внушала ужас, и никто не проник в тайну ее внезапного возникновения или в причины редкого исцеления. Стремительная, как пустынный ветер, она пришла в Йорос из обезлюдевшего царства Тасуун, опередив ночных гонцов, что спешили предупредить о ее приближении. Те, кого она поражала, чувствовали леденящий, пробирающий до костей холод, словно их обдавало дыхание последнего моря. Их тела и лица причудливо искажались, мерцая слабым блеском, и окостеневали, подобно давним трупам. И все это в мгновение ока.

По улицам Сильпона и Силоара, и в Фарааде, столице Йороса, зараза передавалась как жуткий сверкающий факел от человека к человеку, и жертвы падали там, где она их застала, и на их лицах оставалась блестящая печать смерти.

Шумные, буйные карнавалы стихали при ее приближении, и весельчаки замирали в игривых позах. В великолепных дворцах посреди пышных пиршеств бледность заливала лица раскрасневшихся от вина кутил, и они склонялись на роскошные кресла, сжимая наполовину опустошенные кубки окоченевшими пальцами. Купцы покоились в своих конторах на грудах монет, которые они начали считать; а воры, пришедшие позднее, уже никогда не смогли бы скрыться со своей добычей. Землекопы ложились в недорытые могилы, которые копали для других, но никто не пришел предъявить на них свои права.

Ни один человек не успел бежать от странной, неотвратимой беды. Чудовищно быстро ее дыхание отравляло Йорос, и на рассвете пробудились очень немногие. Фульбра, молодой король Йороса, лишь недавно занявший трон, стал правителем без подданных.

Фульбра провел ночь нашествия заразы на высокой башне своего дворца в Фарааде — башне обсерватории, оснащенной астрономическими приборами. Величайшая тяжесть легла на его сердце, и мысли затуманились отупляющим отчаянием, но сон не мог сомкнуть его веки. Он помнил многие пророчества, предсказывающие появление Серебряной Смерти. Более того, он сам прочитал по звездам ее близкий приход с помощью старого астролога и волшебника Вемдееза. Они и не подумали провозгласить народу это известие, слишком хорошо зная, что гибель Йороса издавна предопределена роком, а судьбу обмануть нельзя. Ни один человек не сможет избежать смерти, если только ему на роду не будет написано умереть по-другому.

Недавно Вемдеез составил гороскоп Фульбры. Там присутствовали определенные двусмысленности, но ясно значилось, что король умрет не в Йоросе. Где и каким образом придет к нему смерть — не говорилось. Старый астролог служил еще доблестному Альтату, отцу Фульбры, и был так же предан сыну. Своим магическим искусством он выковал заколдованное кольцо, должное защитить молодого короля от Серебряной Смерти везде и во все времена.

Кольцо было сделано из странного красного металла, более темного, чем червонное золото или медь, и украше-

но черным продолговатым камнем неземного происхождения, источавшим сильный аромат какого-то благовония. Волшебник велел Фульбре никогда не снимать кольцо со среднего пальца, на который оно было надето,— ни в самых удаленных от Йороса землях, ни годы спустя после окончания господства Серебряной Смерти. Он объяснил, что, если зараза коснется Фульбры, он будет всегда носить ее крошечные возбудители в своем теле, и как только кольцо будет снято, микробы вновь обретут силу. Но Вемдеез не открыл ему ни тайну происхождения красного металла и темного камня, ни цену, в которую обошлась эта защитная магия.

С грустью в сердце Фульбра принял это кольцо и носил его, поэтому Серебряная Смерть помиловала его этой ночью, не причинив ему ни малейшего вреда. В тревожном ожидании наблюдал он со своей высокой башни недостижимые звезды и золотые огни Фараада, чувствуя лишь легкую мимолетную прохладу. Он был свидетелем того, как беспечный шум города стих, жалобные песни лютни странно споткнулись и замерли, тишина сменила буйство карнавала. Несколько огней внизу потухло, и некому было зажечь их вновь. Во дворце тоже царило безмолвие, юноша больше не слышал смеха своих сановников и слуг. Вемдеез не пришел в обычный час, чтобы вместе наблюдать за звездами. И Фульбра понял, что стал королем без королевства. Огромная скорбь по погибшим подданным заглушила печаль, которую он до сих пор чувствовал после смерти своего отца.

Час за часом он сидел без движения, настолько убитый горем, что не мог даже плакать. Звезды сменяли друг друга над его головой, и смертоносная Ачернар все смотрела вниз, как горящий жестокостью глаз демона-насмешника. Тяжелый запах благовоний из кольца с темным камнем достиг его ноздрей и, казалось, стал душить его. У Фульбры даже мелькнула мысль сорвать кольцо и умереть так же, как умерли его подданные. Но отчаяние слишком сильно придавило его, чтобы сделать это. Медленно заигравшая на небесах заря, бледная, как Серебряная Смерть, застала его в той же неподвижности.

С рассветом король Фульбра очнулся и направился по винтовой лестнице в свой дворец. На ее ступенях он нашел

тело волшебника Вемдееза, умершего в тот момент, когда поднимался к своему господину. Морщинистое лицо старика было словно полированный металл и казалось белее волос и бороды, а его темные, сапфировые глаза остекленели от муки. Король медленно пошел дальше, горько оплакивая смерть Вемдееза, которого любил как приемного отца. Внизу, в многочисленных комнатах и залах, он увидел тела придворных, слуг и стражников. В живых не осталось никого, кроме трех рабов, охранявших позеленевшие медные ворота нижнего склепа, глубоко в дворцовом подземелье.

Тогда Фульбра задумался над советом покойного астролога, убеждавшего его бежать из страны и искать приюта на Синтроме, южном острове, платившем дань королям Йороса. И хотя сердце его не лежало ни к этому, ни к чему-либо другому, юноша приказал троим уцелевшим рабам собрать все необходимое для долгого путешествия и отнести на борт королевской галеры черного дерева, стоявшей в гавани на реке Воум.

Он вступил на борт и взялся за кормило, а рабам приказал поднять широкий парус цвета янтаря. Они оставили величественный Фараад, чьи улицы были заполнены серебристыми мертвецами, и вышли в расширяющуюся яшмовую дельту Воума, а затем в окрашенные пурпуром воды Индаскийского залива.

Дул попутный ветер, пришедший из опустошенного северного королевства Тасууна, откуда под покровом ночи прокралась Серебристая Смерть. За их галерой плыли корабли с мертвыми моряками: течение Воума несло их в открытое море. Фараад затих, как древний некрополь, ни малейшего движения не было видно на берегах речной дельты, кроме трепетания похожих на опахала пальмовых листьев, что покачивались под порывами крепчавшего северного ветра. Вскоре зеленые берега Йороса остались далеко позади и превратились в призрачную голубую полосу на горизонте.

Под высоко взошедшим утренним солнцем перед путешественниками раскинулось безмятежное море, покрытое пеной винного цвета. Приглушенные загадочные голоса звучали над волнами и заставляли вспоминать смутные сказки о диковинных вещах. Но ни чарующие морские

звуки, ни убаюкивающая качка не смогли утолить печаль Фульбры, его отчаяние было столь же темным, как камень в красном кольце.

Король без королевства сжимал кормило галеры из черного дерева и вел ее по солнцу так прямо, как только мог, в направлении острова Синтрома. Попутный ветер туго натягивал янтарный парус, и судно весь день стремительно скользило вперед, рассекая порфировые воды темным носом, увенчанным вырезанным из дерева изображением богини. А когда на море спустилась ночь, с ее знакомыми южными звездами, юноша смог уточнить по ним курс корабля.

Многие и многие дни они плыли на юг, и солнце снизилось в своем беспрестанном кружении, и новые звезды восходили и соединялись в незнакомые созвездия над черной богиней на носу. Фульбра, который еще мальчиком как-то раз плавал на остров Синтром вместе со своим отцом, рассчитывал вскоре увидеть возвышающиеся из винно-красной пучины берега, заросшие камфарными и сандаловыми деревьями. Но в его сердце не было радости и горькие слезы часто слепили его глаза, когда он вспоминал то давнее путешествие с Альтатом.

Однажды днем внезапно настал полный штиль, и вода стала гладкой, словно рубиновое стекло. Небо превратилось в купол чеканной меди, низко нависший над морем, точно по злому волшебству наступила ночь. И вдруг разразилась буря, как будто выдохнули разом несколько могущественных дьяволов. Временное затишье волн сменилось бесконечной чередой гигантских гребней и бездонных впадин. Мачта из черного дерева затрещала, как тростинка, парус разорвало в клочки, и беспомощное суденышко неумолимо швыряло вниз, в темноту, и вздымало вверх сквозь слепящую пену на головокружительных вершинах огромных валов. Фульбра отчаянно вцепился в бесполезное кормило, а рабы, подчиняясь его приказу, забились в трюм. Нескончаемо долго их несло по воле бешеного урагана, король не видел в кромешной мгле совсем ничего, кроме барашков на вершинах вздымающихся волн, и не мог определить, куда же их тащит буря.

Наконец, в зловещих сумерках он заметил неподалеку другое судно, то появляющееся, то вновь исчезающее за

морскими валами. Скорее всего, это была галера купцов, бороздящих моря между южными островами и торгующих благовониями, пером и киноварью; почти все ее весла были сломаны, а упавшая мачта вместе с парусом бесполезно свисала с носа корабля.

Корабли некоторое время держались рядом друг с другом. Внезапно молния расколола мглу и осветила мрачные крутые берега неизвестной земли, над которыми возвышались остроконечные башни. Фульбра не мог повернуть кормило, и их вместе с другим кораблем понесло на быстро увеличивающиеся в размере скалы. Юноша уже решил, что сейчас они разобьются. Но, словно по мановению волшебной палочки, буря утихла так же внезапно, как и началась, и над морем вновь повис мертвый штиль, а с очистившегося неба полился приветливый солнечный свет.

Корабль вынесло на широкую коричнево-желтую песчаную косу между утесами и неожиданно успокоившейся водой. Изумленный и оцепеневший, Фульбра прислонился к кормилу, а его рабы робко выбрались из трюма. На борт купеческой галеры высыпали люди, часть из которых была в скромных костюмах матросов, другая же одета, как и подобает богатым купцам. Юноша уже чуть было не окликнул их, но вдруг услышал странный смех, высокий, пронзительный и какой-то зловещий, который, казалось, звучал откуда-то сверху. Подняв голову, Фульбра увидел толпу людей, спускавшихся со скалы по некоему подобию лестницы. Они подтянулись ближе, столпившись вокруг кораблей. Их головы венчали фантастические, кроваво-красные тюрбаны, а облегающие одежды были пугающе черными. Цвет их кожи отдавал шафрановой желтизной; узенькие, косо посаженные аспидные глазки неприятно выглядывали из-под лишенных ресниц век, а тонкие, вечно улыбающиеся губы своим изгибом напоминали лезвие ятагана.

Островитяне несли наводящее ужас оружие: зазубренные мечи и двурогие копья. Некоторые из них низко кланялись молодому королю и подобострастно приветствовали его, не отрывая немигающих взглядов, значения которых он никак не мог разгадать. Их речь была столь же чужой, сколь и их вид: наполненная резкими и свистящими звуками, она была непонятна ни королю, ни его

слугам. Но Фульбра любезно поприветствовал чужестранцев на мягком и мелодичном языке своей родины и осведомился о названии земли, к которой его галеру прибило ураганом.

Казалось, несколько человек поняли его, ибо при звуках его речи в их непроницаемых глазах промелькнул слабый огонек. Один из них на ломаном языке Йороса ответил, что это остров Уккастрог. Потом с какой-то неуловимо жестокой улыбкой он добавил, что все потерпевшие крушение мореплаватели получат радушный прием во дворце Ильдрака, короля острова.

При этих словах у Фульбры упало сердце: ему приходилось слышать многочисленные истории об острове Уккастроге, и истории эти отнюдь не могли ободрить попавшего в беду путешественника. Уккастрог, лежавший далеко к востоку от Синтрома, был также известен как Остров Мучителей. Рассказывали, что ничего не подозревающих гостей, опрометчиво приставших к его берегам или выброшенных на них волей волн, островитяне заключали в тюрьму. Позже их подвергали бесконечным пыткам, что составляло основное развлечение этих жестоких созданий. Ходили слухи, что ни один человек не сумел сбежать с Уккастрога, но многие становились обитателями его темниц и адских пыточных камер на долгие годы, и их существование поддерживалось только затем, чтобы доставить удовольствие королю и его безжалостным придворным. Кроме того, некоторые верили, что Мучители были искусными волшебниками, способными своими заклинаниями вызвать жестокий шторм и заставить волны сначала унести корабль далеко от его курса, а потом выбросить на берега Уккастрога.

Желтолицые островитяне окружили галеру, и побег стал невозможен, поэтому Фульбра попросил немедленно отвести его к Ильдраку: только ему он назовет свое имя и происхождение. Наивный юноша думал, что даже самый жестокосердный король не станет пытать другого короля и держать его в плену. Кроме того, путешественники в своих рассказах могли и оклеветать жителей Уккастрога.

Так Фульбра со своими рабами последовал к скалам в сопровождении нескольких островитян. Высокие остро-

конечные башни дворца венчали дальние утесы, возвышаясь над скученными жилищами, в которых обитали подданные Ильдрака. Они взбирались по вырубленным в скале ступеням, когда сзади послышались неистовые крики и звон стали. Оглянувшись, юноша увидел, что команда купеческой галеры вытащила свои мечи и набросилась на желтолицых. Но сопротивление быстро подавили многочисленные Мучители, причем большинство мореплавателей захватили живыми. При виде этой картины сердце Фульбры больно сжалось, а его доверие к островитянам стало стремительно таять.

Вскоре он оказался во дворце и предстал перед Ильдраком, восседавшим в высоком бронзовом кресле. Король был на полголовы выше самого высокого из своих придворных, а его лицо походило на маску Зла, выкованную из какого-то бледного позолоченного металла. Королевское облачение тоже имело очень странный оттенок, словно пурпурную морскую воду смешали со свежей алой кровью.

Множество вооруженных стражников охраняло тронный зал. Между огромными базальтовыми колоннами угрюмо расхаживали узкоглазые придворные дамы в алых юбках и голубых корсетах. Повсюду стояли деревянные, каменные и металлические механизмы, каких Фульбра никогда раньше не видел. Эти механизмы походили на орудия пыток и представляли собой ужасающее зрелище: тяжелые цепи, веревки из рыбьей кожи, кресла, утыканные стальными иглами.

Молодой король Йороса мужественно вышел вперед и с истинно королевским достоинством обратился к Ильдраку, неподвижно сидевшему с равнодушным, немигающим взглядом. Юноша назвал свое имя и положение, рассказал, какое бедствие заставило его покинуть Йорос, и упомянул также, что ему необходимо как можно скорее достичь острова Синтром.

— Путь до Синтрома далек,— промолвил Ильдрак с едва заметной улыбкой.— Кроме того, не в наших привычках отпускать гостей, не дав им насладиться гостеприимством острова Уккастрог. Поэтому, король Фульбра, я прошу тебя умерить свое нетерпение. Мы можем очень многое показать тебе и предложить интереснейшие развлечения. Слуги отведут тебя в комнату, подобающую тво-

ему королевскому достоинству. Но сначала я попросил бы тебя отдать меч, который ты носишь на боку, ибо мечи часто бывают очень острыми, а я не хочу, чтобы мой гость невзначай пострадал от собственной руки.

Один из дворцовых стражников забрал у Фульбры меч, а также кинжал с рубиновым эфесом, который тот носил за поясом. Несколько вооруженных слуг окружили его и повели из зала по длинным коридорам и лестничным пролетам в глубь скалы, на которой стоял дворец. Юноша не знал, куда забрали троих его рабов и какие распоряжения сделаны относительно экипажа купеческой галеры. Вскоре дневной свет сменился коптящими огоньками бронзовых светильников, и они вошли в огромный подземный зал. Отовсюду доносились гнетущие стоны и громкие, нечеловеческие вопли, раздававшиеся и вновь замиравшие за несокрушимыми дверями скрытых камер.

Путь вел вниз, и в одном из залов Фульбра заметил юную девушку, более красивую, чем остальные островитянки, и не столь угрюмую. Пленнику показалось, что на ее губах мелькнула сочувственная улыбка. Неожиданно она еле слышно прошептала на языке Йороса:

— Мужайся, король Фульбра, ибо здесь есть кто-то, кто поможет тебе.

Очевидно, охранники не обратили внимания на эти слова или просто не поняли их, потому что знали только грубый, шипящий язык Уккастрога.

Спустившись вниз по нескончаемым ступеням, они подошли к массивной медной двери, один из стражников открыл ее и заставил юношу войти. Со зловещим стуком дверь захлопнулась за спиной короля.

Крепкие стены камеры с трех сторон были из темного камня, а четвертая — из толстого, непробиваемого стекла. За этой стеной плескались сине-зеленые, мерцающие воды моря, и настенные фонари освещали копошащегося гигантского спрута, чьи щупальца змеились в непосредственной близости от стекла. Огромные змееподобные чудовища свивались в ошеломительные золотистые кольца в подводном полумраке, а покачивающиеся в волнах человеческие трупы смотрели на пленника мертвыми глазами.

В углу темницы стояло убогое ложе, а в деревянных мисках оказались еда и вода. Король прилег, не отведав ни

крошки, так как был слишком изнурен и доведен до отчаяния. Лежа с крепко зажмуренными глазами, чтобы не смотреть на утопленников и морских чудищ, он пытался забыть свои несчастья и злой рок, нависший над ним. Скорбь и ужас овладели его сердцем, но сквозь них вдруг пробился миловидный образ той девушки, что сочувственно улыбнулась ему. Она единственная из всех на Уккастроге обратилась к нему с добрым словом и вселила надежду. Ее лицо всплывало в памяти снова и снова, с мягкой настойчивостью, словно доброе колдовство. И Фульбра впервые за многие дни почувствовал робкое желание жить. Вскоре он задремал, а милый образ сопутствовал ему в его видениях.

Когда молодой король проснулся, фонари над ним горели все тем же ровным пламенем, а море за стеклянной стеной кишело теми же чудищами. Но к плавающим трупам добавились ободранные тела его собственных рабов. Островитяне замучили их до смерти, а потом выкинули в подводную пещеру, примыкавшую к его темнице, чтобы Фульбра мог насладиться зрелищем.

При виде этой картины юноша помертвел от ужаса, но как раз в тот момент, когда он смотрел на лица замученных слуг, медная дверь со зловещим скрежетом открылась и вошли стражники. Увидев еду и воду нетронутыми, они заставили короля немного поесть и попить, угрожая широкими изогнутыми клинками. Затем его вывели из подземелья, и Фульбра вновь очутился в огромном зале пыток перед королем Ильдраком, сидевшим на своем высоком бронзовом троне.

По ровному золотистому свету из окон, длинным теням от колонн и пыточных машин Фульбра определил, что недавно рассвело. Зал заполняли Мучители: некоторые (и мужчины, и женщины) занимались пугающими приготовлениями, остальные наблюдали. По правую руку короля Ильдрака стояла высокая бронзовая статуя неумолимого бога подземелья с жестоким, дьявольским лицом.

Стражники вытолкнули Фульбру вперед, и Ильдрак коротко поприветствовал его. Злорадная улыбка все время играла на губах короля зловещего острова. Когда он закончил, статуя тоже начала говорить скрипучим, металлическим голосом, причем на языке Йороса. Бронзовый бог

подземелья перечислил все подробности тех бесчеловечных пыток, которым юноша подвергнется в этот радостный день.

Когда статуя завершила свою речь, Фульбра услышал тихий голос и увидел ту самую миловидную девушку, которую встретил накануне. Мучители не обращали на нее внимания, а она прошептала:

— Будь смелым и мужественно перетерпи все то, что тебе предназначено, ибо до начала следующего дня я попытаюсь устроить тебе побег.

Уверенность девушки приободрила молодого короля. Она показалась ему еще прекраснее, чем в прошлый раз, потому что ее глаза глядели на него с нежностью. Желание любить и жить странным образом воскресло в его сердце, вселяя мужество перенести все истязания.

Обитатели Уккастрога изобрели бесчисленные мучения, искусные и необычные, которые терзали все пять чувств. Они могли истязать самый мозг, доводя его до состояния более ужасного, чем безумство: отбирали дражайшие сокровища памяти и заменяли их неописуемыми мерзостями.

В тот день, однако, островитяне не стали применять самые изощренные пытки. Они терзали уши Фульбры невыносимой какофонией различных музыкальных инструментов. Звуки флейт леденили кровь и заставляли ее застыть в сердце, оглушительный барабанный бой отдавался, казалось, в каждой клеточке тела, а от звона литавр ныли все кости. Потом его заставили вдыхать дым, поднимавшийся от жаровен, где вместе с дровами горела смесь из высохшей желчи драконов и топленого жира мертвых каннибалов. А когда огонь угас, они залили угли маслом из летучих мышей-вампиров, и Фульбра потерял сознание, не в силах больше выносить зловоние.

Тогда палачи сорвали с него королевские одежды и повязали вокруг пояса шелковый кушак, который перед этим обмакнули в кислоту, действующую только на человеческую плоть. Кислота медленно и мучительно разъедала его кожу. Пытка длилась долго, но островитяне сняли кушак прежде, чем боль убила бы юношу.

Затем Мучители принесли несколько странных существ, телом походивших на змей, а с головы до хвоста покры-

тых густыми волосами, словно гусеницы. Эти существа плотно обвились вокруг рук и ног Фульбры. Тот отчаянно сопротивлялся, но не смог сбросить мерзких созданий. Тем временем волоски, покрывающие их тугие кольца, вонзились в его плоть миллионом крошечных игл, пока он не закричал в агонии. Когда юноша совершенно обессилел и крик превратился в предсмертный хрип, змей заставили разжать объятия, сыграв особую мелодию на свирели. Омерзительные твари уползли, но следы их объятий красными полосами остались на его членах, а тело опоясывало свежее клеймо от кушака.

Король Ильдрак и его подданные взирали на это зрелище с ужасающим злорадством, ибо так они утоляли свою порочную, неукротимую страсть к жестокости. Но Мучители хотели надолго растянуть удовольствие и, видя, что Фульбра больше не может выносить пытки, бросили его назад в темницу.

Полумертвый от пережитого ужаса, терзаемый болью, юноша все же не желал милосердной смерти: он надеялся на появление вчерашней незнакомки. Долгие часы прошли в полузабытьи, пламя светильников стало малиновым и, казалось, залило его глаза кровью, мертвецы и чудища за своей стеклянной стеной плавали в этой кровавой воде А девушка все не появлялась, и Фульбра начал впадать в отчаяние. Наконец он услышал, как осторожно открывается дверь.

Прекрасная незнакомка стремительно проскользнула к его ложу, прижав палец к губам, чтобы обрадованный пленник не выдал их возгласом. Тихим шепотом она поведала, что сегодня ее план провалился, но уж на следующую ночь она обязательно подпоит стражников и выкрадет ключи. Фульбра сможет бежать из дворца в укромную бухту, где его будет ждать лодка с провизией и водой. Девушка умоляла потерпеть еще один день пытки короля Ильдрака, и волей-неволей ему пришлось согласиться.

Молодой король решил, что незнакомка полюбила его, с такой нежностью она гладила его воспаленный лоб и смазывала измученное пытками тело целительным снадобьем. Сострадание в ее глазах казалось ему чем-то большим, нежели простая жалость. Фульбра верил ей и набрался мужества, чтобы пережить весь ужас наступающего дня.

Девушка рассказала, что ее мать была уроженкой Йороса, но попала в плен к островитянам. Чтобы избежать жестоких пыток короля Ильдрака, ей пришлось выйти замуж за одного из Мучителей. Так на свет появилась Ильваа.

Долго оставаться в темнице было опасно, и девушка вскоре ушла. Через некоторое время король задремал, и в бессвязном бреду сновидений Ильваа опять заклинала его выдержать ужас этого странного ада.

На рассвете стражники с кривыми ножами отвели пленника к Ильдраку. И снова дьявольская бронзовая статуя скрипучим голосом возвестила, какие страшные испытания ждут его в этот день. Но на сей раз он увидел в огромном зале и других пленников, ожидавших гибельного внимания Мучителей. Купцы и моряки из команды галеры также присутствовали среди них.

И опять в толпе зрителей Ильваа протиснулась поближе к нему, не замеченная его стражами, и прошептала слова поддержки. Она вселяла в его сердце решимость противостоять пыткам, предсказанным вещим бронзовым изваянием. Только поистине отважное сердце могло выдержать эти суровые испытания...

Страдальческие стоны и жуткие крики других пленников доносились из всех углов зала. Среди всех мучений, о которых страшно даже упоминать, палачи заставили Фульбру смотреть в странное колдовское зеркало. Оно отражало лицо таким, каким то станет после смерти. Король в ужасе следил, как застывшие черты его собственного лица покрывались синевато-зелеными пятнами тления, и сморщенная плоть распадалась, обнажая кости и обнаруживая жадных червей.

В адском зеркале появились и другие лица — мертвые, раздувшиеся, лишенные век. Они выглядели насквозь промокшими, к волосам прилипли водоросли. Холодное, влажное прикосновение заставило Фульбру обернуться, и он понял, что эти лица были не иллюзией. Несколько десятков утопленников, извлеченных из подводной пещеры губительным колдовством Мучителей, пришли в зал пыток и обступили юношу.

Его собственные рабы, чью плоть морские чудища обглодали почти до костей, тоже стояли в этой толпе и

смотрели на бывшего хозяина горящими глазами. Затем, повинуясь злым чарам Ильдрака, они неожиданно набросились на Фульбру, пытаясь вцепиться в его лицо и одежду полуобглоданными пальцами. И юный король, теряя сознание от отвращения, дрался с мертвыми слугами, которые были столь же бесчувственны, как пыточные колеса и дыбы.

Вскоре утопленники куда-то пропали, а Мучители раздели Фульбру и бросили его навзничь, привязав к железным кольцам за колени, лодыжки, запястья и локти. Потом внесли выкопанное из могилы тело женщины и положили рядом с пленником, по правую руку. Мертвое тело было уже почти съедено червями, на костях кишели мириады личинок и висели клочья разложившейся плоти. Затем притащили труп черного козла, который был лишь слегка тронут гниением, и опустили его на пол слева от юноши. Голодные личинки длинным копошащимся потоком поползли через тело Фульбры справа налево...

После этой пытки последовало множество других, столь же варварских и изощренных. Король стойко перенес мучения, поддерживаемый мыслью о девушке.

Однако ночью он напрасно дожидался ее в своей темнице. Светильники горели еще более кроваво-красным огнем, и к прежним обитателям подводной пещеры добавились новые трупы и чудовища. Странные двухголовые змеи появились из глубин бездны, они беспрестанно извивались, а их рогатые головы через хрустальную стену казались непропорционально огромными.

Ильваа так и не пришла в эту ночь. Отчаяние вновь прочно поселилось в сердце юноши, и ужас вцепился в его горло своими отравленными пальцами. Но Фульбра отказывался усомниться в девушке, говоря себе, что какие-то непредвиденные обстоятельства мешают ей прийти.

На рассвете третьего дня пленника опять привели в зал пыток. Бронзовое изваяние провозгласило, что его привяжут к алмазному колесу и заставят выпить заколдованное вино. Зелье навсегда унесет его память и поведет обнаженную душу по мерзким, чудовищным кругам ада. После долгих странствий измученная душа возвратится назад, в тронный зал Ильдрака, в искалеченное тело на колесе.

Несколько придворных дам, непристойно смеясь, вышли вперед и ремнями из кишок дракона привязали короля Фульбру к огромному колесу. А потом ужас охватил юношу, но то был не страх перед пытками — перед ним появилась Ильваа. Она держала в руке золотой кубок с отравленным вином и бесстыдно, с неприкрытым злорадством улыбалась. Она насмехалась над королем за глупость и доверчивость, с которой тот поверил ее обещаниям. Все остальные Мучители, мужчины и женщины, и сам Ильдрак в бронзовом кресле злобно захохотали и стали хвалить девушку за ее вероломство.

Сердце юного короля сжалось от такого глубокого отчаяния, какого ему еще никогда не приходилось испытывать. Короткая, жалкая любовь, рожденная в печали и муках, умерла в его душе, оставив лишь горечь. Но, глядя на предательницу грустными глазами, он не сказал ей ни слова упрека. Ему хотелось только поскорее умереть и уйти из этого жестокого мира. И тут Фульбра вспомнил о волшебном кольце Вемдееза, охранявшем его жизнь. Кольцо до сих пор было на среднем пальце: Мучители не заинтересовались им, посчитав дешевой безделушкой. Но придворные дамы крепко привязали к колесу руки юноши, и он не мог снять кольцо. Понимая, что островитяне ни за что не заберут талисман по его просьбе, он притворился внезапно обезумевшим и дико закричал:

— Вы с вашим проклятым зельем можете украсть мои воспоминания, если хотите, можете провести меня через тысячи кругов ада и вернуть назад на Уккастрог, но, умоляю, не снимайте кольцо, которое я ношу на среднем пальце, ибо оно мне дороже, чем королевство и жалкие радости любви!

При этих словах король Ильдрак поднялся со своего бронзового трона, подошел к пленнику и с любопытством осмотрел матово поблескивающее кольцо, украшенное загадочным темным камнем. И все это время Фульбра неистово кричал, как будто боясь, что драгоценность отберут.

Ильдрак пожелал еще больше усилить его мучения и сделал именно то, чего добивался узник: надел легко соскользнувшее кольцо на свою руку.

Жестокий властелин Уккастрога глядел на свою жертву с изуверской улыбкой, а к Фульбре, королю Йороса,

пришло ужасное и долгожданное избавление. Серебряная Смерть долго дремала в нем, сдерживаемая волшебным кольцом Вемдееза, но теперь вырвалась на свободу. Тело молодого короля окоченело в холодной агонии, лицо приобрело металлический блеск, словно его покрыл иней, и юноша заснул вечным сном.

В ту же секунду леденящее дыхание Серебряной Смерти коснулось Ильвыы и всех Мучителей, пришедших насладиться колесованием. Они упали замертво там, где стояли, и исцелились от терзающей их жажды, которую могли утолить, лишь причиняя боль ближним. Чума запечатлела свой сверкающий поцелуй на их лицах и пронеслась по огромному залу, избавляя от страданий других пленников. Она мгновенно облетела весь дворец и весь остров Уккастрог, невидимая, но неотвратимая.

Только Ильдрак, охраняемый талисманом, был неуязвим. Не понимая причин происходящего, он ошеломленно глядел на страшную гибель подданных и освобождение жертв. Минутой позже страх перед неведомым, губительным колдовством заставил его броситься прочь. В беспредельном ужасе король заподозрил, что именно перстень стал источником враждебной магии. Лучи восходящего солнца осветили его стремительный бег к берегу моря, где обезумевший властелин сорвал с пальца кольцо Вемдееза и швырнул его далеко в пенистые волны.

Умиротворение Серебряной Смерти настигло теперь и его. Он опустился на землю: кроваво-пурпурное одеяние подчеркивало неестественную белизну застывшего в предсмертной судороге лица. Король разделил судьбу своих подданных, и остров Уккастрог был предан забвению, а Мучители стали единым целым с теми, кого они мучили.

В КНИГЕ ВЕРГАМЫ[1]

В прошлые века о Вергаме говорили, что он был бессмертным со времени поднятия Зотики из затонувших руин континентов, забытых историей. Во все времена во всех королевствах и империях континента ходили слухи о Вергаме и разные легенды, касающиеся его личности, его сущности, его места рождения и места пребывания. Мудрецы вели ученые диспуты о том, был ли он демоном, богом, волшебником, фантомом либо совершенно иным существом из далеких миров. Подобным же образом спорили они о том, жил ли он в Чинкоре, населенном мумиями, или среди страшных пустынных гор северного Силака, или в Наате, острове злых волшебников, окутанном туманами и лежащем в далеком океане, либо в каком-то ином королевстве или на затерянном в морях острове.

Не было создано идолов в образе Вергамы, не было и алтарей в честь его; и все же варварские народы иногда обращались к нему в своих молитвах, а наиболее бесстрашные маги призывали его в своих таинственных и тайных заклинаниях. Некоторые утверждали, что получали ответ на свои молитвы и призывы; но это, подобно всему, связанному с Вергамой, было весьма сомнительно.

[1] Предисловие к рассказу «Последний иероглиф», опущенное Смитом.

Ему приписывали весьма всемогущие и странные силы, а также атрибуты страдания и доброты; но никогда не было действительных доказательств их проявления. В стране темной магии и разных тайн Вергама оставался неизвестным, скрытым, далеким от всех. Существовало поверье, что огромные массы людей в течение веков и тысячелетий попадали в его тайное жилище; но ни один из них не вернулся, не поведал об истинной сути Вергамы и об обстановке его обиталища. Некоторые пророки, появившиеся в последнее время, открыто заявляли, что Вергама возник одновременно со всей жизнью и смертью, и что он был первым и последним из нерукотворных божеств.

И до самого конца всех времен возникали таинственные легенды о Вергаме; и появлялись разные повествования о тех, кто побывал в его полном теней жилище; и много было рассказано небылиц о книжном томе, именовавшемся Книгой Иероглифов и являвшем собою часть его бытия, не согласующегося со Священным Писанием. Среди таких рассказов и легенд есть и рассказ о том, что произошло со звездочетом Нюшеном.

ПОСЛЕДНИЙ ИЕРОГЛИФ

И сам мир, в конечном итоге, будет обращен в круглый нуль.

Старая книга пророчеств Зотики

Звездочет Нюшен изучил ночные светила из множества удаленных пространств и составил гороскопы для несметного числа мужчин, женщин и детей. Он шел из города в город, из царства в царство, недолго задерживаясь на одном месте, часто местные судьи изгоняли его как простого шарлатана; и где-то в надлежащее время советники обнаружили погрешность в его предсказаниях и покинули его. Иногда он оказывался голодным и в лохмотьях, и повсюду мало уважения оказывали ему. Единственными спутниками Нюшена были жалкая дворняжка, которая прибилась к нему в малолюдном городке Зуль-Бха-Сайр, и немой одноглазый негр, которого он очень дешево купил в Поросе. Собаку он назвал Ансарат, по имени звезды из созвездий Псов, а негра — Музда, что означает «тьма».

В ходе длительных странствий звездочет пришел в Ксилак и пребывал в его столице Уммаосе, построенной когда-то на месте прежнего города того же названия, разрушенного ранее разгневанным колдуном. Здесь Нюшен вместе с Ансаратом и Муздой поселился в полуразрушенном чердаке ветхого помещения, с крыши которого Ню-

шен имел обыкновение наблюдать по вечерам расположение и движения астральных тел, не скрытых тучами. Иногда какая-нибудь хозяйка, либо шлюха, какой-нибудь носильщик или лавочник, или мелкий торговец взбирались по отвесной лесенке в его каморку и приносили ему небольшие деньги за гороскопы, которые Нюшен составлял с безмерной тщательностью при помощи своих ветхих книг по астрологии.

Когда (как это часто случалось) он оказывался все же в затруднении, рассматривая значение какого-либо небесного союза или противостояния, после размышлений над своими книгами он советовался с Ансаратом и строил сложные предзнаменования на различных движениях паршивого собачьего хвоста, либо на манере поиска блох. Некоторые из таких прорицаний сбывались, что способствовало росту известности Нюшена в Уммаосе. Люди обращались к нему чаще и свободнее, прослышав, что он будто бы правдивее других. Более того, от преследований его защищали не связанные с предрассудками законы Ксилака, позволяющие заниматься гаданиями, ворожбой и чародейством.

Впервые показалось, что несчастливые звезды его судьбы отступили перед благоприятными звездами. За эту удачу и за монетки, попавшие в его кошелек, он воздал благодарность Вергаме, которого на всем континенте Зотики считали самым мощным и таинственным гением, правящим как на небесах, так и на земле.

Однажды летней ночью, когда звезды густой россыпью светились на темно-лазурном небосводе, Нюшен вышел на крышу своего жилища. Как обычно, он взял с собой негра Музду, чей единственный глаз обладал чудодейственной зоркостью, и хорошо служил ему, во многих случаях дополняя значительную близорукость астролога. С помощью хорошо кодированной системы знаков и жестов немой негр умел сообщать Нюшену результаты своих наблюдений.

В ту ночь созвездие Большого Пса, которое когда-то руководило рождением Нюшена, восходило на востоке. Пристально вглядываясь в него своими слабыми глазами, звездочет был обеспокоен ощущением чего-то незнакомого в конфигурации созвездия. Он не сумел точно опреде-

лить характер изменений до тех пор, пока Музда, сильно взволнованный, не привлек его внимания к трем новым звездам второй величины, появившимся в непосредственной близости от созвездия Большого Пса. Эти примечательные звезды, чье свечение сам Нюшен различал лишь в виде трех красноватых помутнений, образовали небольшой равносторонний треугольник. И Нюшен, и Музда были уверены, что в предыдущие вечера эти звезды не появлялись.

«Клянусь Вергамой, это странно»,— клялся изумленный и ошеломленный звездочет. Он начал вычислять влияние новых звезд на истолкования воли неба и сразу осознал, что силы небесные по закону астральных излучений окажут смягчающее влияние на его судьбу, которая находилась под столь сильным воздействием созвездия Большого Пса.

Однако звездочет не мог без своих книг и таблиц определить конкретную тенденцию и последующее значение (исключительное, как он был уверен) для его благополучия и неудач. Оставив Музду наблюдать на небесах прочие предзнаменования, он спустился на чердак. Там, сопоставив мнения нескольких звездочетов прежних времен по поводу силы влияния новых звезд, он начал составлять заново свой гороскоп. В волнениях и мучениях проработал всю ночь и не закончил еще своих расчетов, когда наступил рассвет и смешал серые утренние краски с золотистым светом свечей.

Казалось, существует лишь одно возможное истолкование изменений на небесах. Появление треугольника новых звезд у созвездия Большого Пса ясно означало, что Нюшен должен отправиться в неожиданное путешествие и пройти не менее чем через три элемента. Сопровождать его будут Музда и Ансарат, а три проводника, которые последовательно появятся в соответствующие моменты, приведут его к назначенной цели. Вычисления позволили определить спутников, но не более: ничто не указывало — станет ли путешествие удачным или бедственным, и остались неизвестными его предел, цель, направление.

Звездочета сильно обеспокоили такие предзнаменования, имеющие и единый, и двойной смысл. Он был недоволен перспективой предстоящего путешествия, потому

что не желал покидать Уммаос, среди доверчивых жителей которого он уже начинал небезуспешно утверждаться. Более того, многообразные характеристики и неопределенный исход этого путешествия зародили у него дурное предчувствие. Неясность, полагал он, наводила на размышления о действиях неких оккультных и, возможно, зловещих сил. И уж конечно, это — необычное путешествие, требующее прохождения через три элемента и тройное сопровождение.

В следующие ночи он и Музда наблюдали таинственные новые звезды, движущиеся к западу за ярко сияющим созвездием Большого Пса. Нюшен непрерывно размышлял над картами и книжными томами, надеясь обнаружить погрешность в собственном истолковании. Но всегда в конце работы он был вынужден соглашаться с той же самой интерпретацией.

Звездочета все больше и больше тревожила мысль о нежеланном и таинственном путешествии, которое придется совершить. Он продолжал преуспевать в Уммаосе, и, казалось, нет никакого мыслимого резона, чтобы покинуть город. Нюшен ощущал себя человеком, который ждет какого-то сомнительного вызова, и неизвестно, откуда он придет и в какой час. Все время со страхом и беспокойством он вглядывался в лица своих посетителей, думая, что первый из трех предсказанных проводников может появиться среди них безвестным и неузнанным.

Музда и пес Ансарат, обладающие интуицией немых существ, ощущали эту странную тревогу, испытываемую их хозяином. Они явно разделяли ее, и негр выражал свои чувства дикими гримасами, а пес припадал к земле под столом либо безустанно шнырял взад и вперед с облезлым хвостом между ног. Такое поведение, в свою очередь, подтверждало беспокойство Нюшена, он счел его плохим предзнаменованием.

В один из вечеров звездочет в сотый раз размышлял над своим гороскопом, который вычертил многоцветной тушью на листе папируса. Он был потрясен, когда на чистом нижнем поле листа увидел любопытный знак, который не был частью его записей. Знак представлял собой

иероглиф, начерченный коричневой тушью, и изображал, по-видимому, мумию, покров которой неплотно окутывал ноги, а стопы были раздвинуты, словно шагали. Мумия повернулась лицом к той четверти карты, где стоял знак Большого Пса, которым в Зотике отмечали Храм зодиака.

Когда Нюшен исследовал иероглиф, его удивление сменилось беспокойством. Он помнил, что накануне поля на карте были совершенно чисты, а с чердака он вчера не выходил. Музда, конечно, никогда бы и не осмелился притронуться к карте; более того, негр почти не умел писать. Среди разнообразной туши, которой пользовался Нюшен, не было ни одной, имевшей этот неяркий коричневый оттенок — такой грустный и мягкий контраст на фоне белого папируса.

Предсказатель ощущал тревогу, как человек, противостоящий зловещему и необъяснимому видению. Конечно, образ мумии не был начертан человеческой рукой, подобно знаку странной планеты, которая была близка к тому, чтобы приблизиться к сферам его гороскопа. Появление трех новых звезд предполагало действие сверхъестественных сил. В течение многих часов он тщетно пытался разгадать эту тайну, но во всех его книгах не нашлось таких сведений. Казалось, в работах звездочетов таких прецедентов вообще не встречалось.

Весь следующий день Нюшен с утра до вечера был занят вычерчиванием линий судеб, предопределенных небесами жителям Уммаоса. Завершив со своей обычной изнурительной тщательностью все вычисления, он еще разок развернул и свою карту, хотя руки его и дрожали. Почти паническое предчувствие беды охватило предсказателя, когда он увидел, что коричневого иероглифа уже не было на полях, он в виде шагающей фигуры переместился в один из нижних Домов гороскопа, где развернулся по направлению к созвездию Пса и как бы наступал на этот знак созвездия, восходящего над горизонтом.

Звездочет начал дрожать от благоговейного страха и любопытства, как человек, ощутивший роковое и непостижимое дурное предзнаменование. Никогда в часы размышлений астролог не замечал изменений в появившемся знаке, и все же каждый вечер, когда он разворачивал карту, видел, что мумия шагнула еще ближе к Дому Пса...

Пришло время, когда фигура стояла уже на пороге Дома Пса. Необычная своей тайной и угрозой, которые были все же за пределами пророчеств, мумия, казалось, ждала исхода ночи, когда ее пронзит серая дымка рассвета.

Измученный ночными бдениями и работой, звездочет уснул в своем кресле. Никакие сны не тревожили его; Музда был достаточно осмотрителен, чтобы не беспокоить, и никаких посетителей в тот день не ожидалось. Так прошли утро, полдень и день; Нюшен и не заметил, как они прошли.

Вечером его разбудил громкий и печальный вой Ансарата, который раздавался из самого дальнего угла комнаты. Но только открыл он глаза, как с испугом ощутил аромат горьких специй и пронзительный запах натра. Затем сквозь туманную пелену сна, еще застилавшую глаза, астролог узрел в тусклом желтоватом свете свечей, зажженных Муздой, высокую мумиеподобную фигуру, безмолвно стоящую рядом с ним. Ее голова, руки и тело были плотно укутаны саваном, но ниже бедер одежды лежали неплотно. Фигура стояла в позе идущего: одна иссохшая коричневая ступня впереди другой. Ужас охватил Нюшена, и ему пришло в голову, что фигура в саване — был ли это фантом или приведение — напоминала тот странный перемещающийся иероглиф, переходивший из Дома в Дом по карте его судьбы.

Затем из-под тяжелого савана невнятно прозвучали слова: «Собирайся, о Нюшен, потому что я первый проводник в путешествии, которое предсказано тебе звездами».

Ансарат, съежившийся от страха под кроватью, все еще лаял, испугавшись гостя. Нюшен видел, что Музда попытался спрятаться вместе с собакой. Ощутив дрожь, как от холода приближающейся смерти, Нюшен подумал, что этот призрак и есть сама смерть. Он встал с достоинством, присущим астрологу, которое сохранял при всех превратностях судьбы. Он позвал Музду и Ансарата, и оба повиновались ему, хотя и испытывали раболепный страх перед темной, закутанной в саван мумией.

Вместе с товарищами по судьбе Нюшен повернулся к гостю. «Я готов,— сказал он, и голос его так дрожал, что был почти не слышен.— Но я хотел бы взять некоторые свои пожитки».

Мумия покачала своей закутанной головой: «Хорошо бы ничего, кроме гороскопа, не брать: только его ты должен хранить до конца».

Нюшен склонился над столом, где оставил свой гороскоп. Но прежде чем начал сворачивать раскрытый папирус, он заметил, что иероглиф мумии исчез. Это было, как если бы начерченный символ, пройдя по гороскопу, материализовался в мумию, которая сейчас его посетила. Но на нижнем поле карты, в удаленном противостоянии созвездию Пса, появился иероглиф цвета морской волны — причудливого водяного с хвостом сазана и головой получеловека и полуобезьяны; а за водяным — черный иероглиф маленького баркаса.

На мгновение удивление преобладало над страхом. Нюшен бережно свернул карту и стоял, держа ее в правой руке.

«Идем,— сказал проводник.— Времени мало, а ты должен пройти через три стихии, которые охраняют обитель Вергамы от неуместного вторжения».

Эти слова подтвердили прорицания звездочета. Но тайну его будущей судьбы не проясняло сообщение, что он должен войти, вероятно, в конце путешествия в мрачный Дом существа, именуемого Вергамой, которого некоторые считали самым тайным из всех богов, а другие, самым загадочным из всех демонов. Во всех землях Зотики о Вергаме ходили слухи и небылицы, они были разными и противоречивыми, за исключением того, что этому существу все приписывали обладание почти всемогущими силами. Ни один человек не знал, откуда Вергама появился; но считалось, что огромное число людей прибывало к нему в течение веков и тысячелетий, но ни один не вернулся обратно.

Много раз взывал Нюшен к имени Вергамы, кляня или протестуя, как это обычно делают люди, пользуясь именами окутанных тайной владык. Но теперь, услышав это имя из уст своего мрачного гостя, звездочет был полон жуткими предчувствиями. Он пытался подавить эти чувства и подчиниться очевидной воле звезд. Он, Музда и Ансарат следовали за закутанной Мумией, которой, казалось, совсем не мешали ее стелющиеся по земле одежды.

Взглянув с сожалением на свои потрепанные книги и бумаги, он вышел с чердака и спустился по лестнице.

Тусклый свет, казалось, окутывал одежды Мумии. И кроме этого света, другого освещения не было. Нюшен подумал, что дом странно темен и тих, как если бы все его обитатели ушли или умерли. Он не слышал никаких звуков вечернего города, и не смог разглядеть ничего, кроме тьмы, плывущей за окнами, выходящими на маленькую улицу. Кроме того, ему показалось, что и лестница изменилась, вытянулась, и не выходит больше во двор, а ведет окольными путями в какие-то душные подвалы и грязные, мрачные коридоры.

Воздух здесь словно нес смерть, и сердце астролога замерло. Повсюду в затененных склепах и укромных тайниках он ощущал присутствие бесчисленных мертвецов. Звездочет подумал, что ощущает рядом с собой печальное колыхание саванов, дыхание, исходящее от окоченевших покойников, сухое щелканье обнаженных челюстей. Но тьма застилала все вокруг, и он ничего не видел, кроме светящего силуэта своего проводника, который шествовал, как по своему родному царству.

Нюшену казалось, что он идет по бесконечным катакомбам, в которых собрались смерть и разложение всех времен. Он слышал за спиной шарканье Музды, и временами — жалобный, испуганный вой Ансарата. Он понимал, что эта парочка следует за ним. В этом холодном и смертоносном тумане нарастал ужас, астролог содрогался от отвращения, которое он, живой человек, испытывал в присутствии закутанной Мумии и всего того, что разлагалось вокруг в этой непостижимой тьме.

Почти не думая о том, чтобы подбодрить себя звуками собственного голоса, он начал расспрашивать проводника, хотя и язык прилип к горлу: «Правда ли, что Вергама, и никто другой, призвал меня отправиться в путь? С какой целью он призвал меня? И в какой земле он обитает?»

«Судьба твоя призывает тебя,— сказала Мумия.— Эту цель ты узнаешь в конце, в назначенное время и не раньше. А что касается третьего твоего вопроса, то ты не стал бы умнее, если бы я назвал тебе место, где спрятан дом Вергамы от прегрешений смертных существ: потому что эта Земля не обозначена ни на одной карте земли, и ни на одной карте звездного неба». Такие ответы показались Нюшену двусмысленными и тревожными. «Сомнитель-

ной, в самом-то деле,— подумал он,— должна быть цель путешествия, начало которого завело так далеко в империю смерти и разрушения, и, безусловно, подозрительным было существо, которое призвало его к себе и послало в качестве первого проводника сухую, сморщенную Мумию, закутанную в погребальные одеяния.

Теперь, когда он размышлял почти в безумном неистовстве, стены подземелья осветились мрачным светом. И он вслед за Мумией вошел в зал, где высокие факелы с черной смолой и в подставках из потускневшего серебра окружали огромный и одинокий саркофаг. Когда Нюшен приблизился, то на крышке и стенках саркофага он не увидел ни рун, ни скульптур, ни иероглифов, но по пропорциям представлялось, что в нем, должно быть, лежит гигант.

Не останавливаясь, Мумия прошла вперед. Но Нюшен, видя, что пещеры позади саркофага полны тьмы, отпрянул, не желая двигаться за ней. Пусть звезды и предписывали ему совершить путешествие, ему показалось, что никакое человеческое существо дальше идти не смогло бы. Движимый внезапным импульсом, он схватил один из тяжелых факелов длиной в ярд*, горевших вокруг саркофага, и, держа его в левой руке, с гороскопом, крепко зажатым в правой, и с Муздой и Ансаратом позади ринулся вон, надеясь по своим же следам вернуться по этим мрачным пещерам в Уммаос.

Нюшен не слышал, ищет ли Мумия дорогу. Но когда он бежал, свет необыкновенно ярко пылавшего факела раскрывал перед ним кошмары, скрытые тьмой. Он видел человеческие кости в отвратительном смешении с костями чудовищ; разбитые саркофаги, из которых торчали полуразложившиеся члены неведомых существ. Члены эти были ничуть не похожи на головы, руки или ноги. Вскоре катакомба стала разветвляться, и он наугад выбирал себе дорогу, не ведая, приведет ли она его на нехоженый путь, или в Уммаос.

Он наткнулся на огромный череп без надбровных дуг, лежащий на земле с глазницами, обращенными вверх; а позади черепа находился покрытый плесенью скелет этого чудовища, преграждавший путь. Ребра зажали сужающиеся стены, как будто чудовище доползло сюда и застряло. Белые пауки с головами демонов и размерами с

обезьяну, сплели свои паутины в пустых арках костей. Скелет, казалось, дрожал и шевелился, отвратительные пауки роились над ними, собирались в бесчисленные множества и покрывали каждую косточку. Нюшен со своими спутниками устремился назад; вернувшись к развилке пещеры, он последовал по другому ответвлению.

Здесь пауки-демоны его уже не преследовали. Но, торопясь, как бы Мумия и пауки не догнали его, астролог вскоре натолкнулся на край огромной ямы с водой, заполнявшей пещеру от стены до стены. Перепрыгнуть ее было невозможно. Пес Ансарат, принюхавшись к запахам, исходившим из ямы, отпрянул назад с бешеным лаем. Нюшен, державший факел высоко над собой, заметил далеко внизу мерцание ряби на воде, расходящейся кругами. Появились два кроваво-красных пятна, которые плыли, покачиваясь, к центру ямы. Потом Нюшен услышал шипение, как будто кипел какой-то огромный котел, нагреваемый колдовским огнем. Казалось, при кипении злобная тьма быстро поднималась кверху, переполняя яму, а кроваво-красные пятна, приближаясь к Нюшену, злобно уставились прямо на него подобно светящимся глазам...

Поэтому Нюшен поспешно отвернулся. Возвратившись на свою прежнюю дорожку, он увидел Мумию, ожидающую его на развилке.

«Кажется, о Нюшен, что ты усомнился в своем гороскопе,— сказал проводник с некоторой иронией.— Однако даже плохой звездочет при случае может верно прочитать волю небес. Повинуйся же звездам, которые направили тебя в путь!»

Астролог покорно поспешил за Мумией. В пещере, где стоял огромный саркофаг, Мумия заставила его вернуть факел, который он украл, на свое место. Нюшен пробирался во тьме глубоких склепов, и единственным источником света были фосфоресцирующие одежды Мумии. Наконец из пещер, в тени которых уже проникал хмурый рассвет, он выбрался на берег моря, бушующего под хмурым небом. Вздрогнув от резкого света и ветра, Мумия отпрянула в подземелье, сказав: «Здесь кончаются мои владения, и я должна тебя покинуть; жди второго проводника».

Нюшен стоял на берегу; штормовой ветер развевал его волосы и одежду, ощущался острый запах морской соли.

Он услышал лязг металла и увидел, как ржавая бронзовая дверь входа в пещеры захлопнулась. Взморье ограждали неприступные скалы, спускавшиеся прямо в море. Итак, волей-неволей пришлось ждать; и вскоре в несущемся прибое он увидел приближающегося Тритона с головой получеловека и полуобезьяны. Вслед за Тритоном подскакивал на волнах маленький черный баркас, но никто не стоял у руля, и никого не было на веслах. Нюшен сразу же вспомнил иероглифы морского существа и лодки, которые появились когда-то на полях его гороскопа. Развернув папирус, он с удивлением увидел, что обеих фигур там нет, и не усомнился в том, что они исчезли так же, как и иероглиф Мумии, во всех Домах Зодиака, и даже в том Доме, где предсказана была его судьба. А на месте тех двух фигур напротив созвездия Большого Пса в гороскопе теперь светился иероглиф огненной Саламандры. Тритон призывал его манящими и шутовскими жестами, широко оскалившись, показывая острые, как у акулы, белоснежные клыки. Подчиняясь этим знакам, Нюшен выступил вперед и взошел на баркас; верные своему хозяину Музда и Ансарат сопровождали его. После этого Тритон поплыл по бушующему прибою, а баркас, как будто повинуясь волшебным рулям и веслам, двинулся вперед, прямо в неведомый, туманный океан, борясь с ветром и волнами.

Еле заметный среди морской пены и тумана, Тритон, не останавливаясь, плыл вперед. Казалось, время и пространство отступили. Нюшен не ощущал ни голода, ни жажды, как будто перестал быть смертным.

Казалось, душа его плывет по морям странных сомнений и самого зловещего отчуждения; он опасался смутного хаоса вокруг так же, как раньше боялся катакомб. Астролог несколько раз пытался расспросить Тритона, куда они движутся, но ответа не получал. А ветер дул с неведомых берегов.

Обдумывая тайны своего путешествия, Нюшен едва не дошел до безумия. Ему пришла в голову мысль, что пройдя зону смерти, он пересекает сумрачное чистилище, место заточения существующих извечно, и, думая об этом, он с неохотой предполагал что-то о третьей части путешествия, но не осмеливался размышлять о природе его цели.

Вскоре туман внезапно рассеялся, и солнце, сияющее высоко в небе, послало потоки золотых лучей. Невдалеке,

с подветренной стороны от баркаса, возвышался остров с зеленеющими деревьями, светлыми куполами в форме ракушек и цветущими в полуденном сиянии садами. Прибой с кружевной пеной набегал на низкий, покрытый травой берег, никогда не знавший штормов, лозы в кистях ягод и распустившиеся цветы нависали над водой. Казалось, забвение и забытье исходили от этого острова, и любой, кто туда попадал, оставался навсегда пребывать в солнечных снах. Нюшен был охвачен страстным желанием остаться в этом тенистом зеленом краю, он не хотел больше путешествовать в мрачных просторах покрытого туманами океана. Из-за этих мечтаний и страха он совсем позабыл о пределах своей судьбы, установленных звездами.

Баркас ни останавливался, ни отклонялся от своего пути, он шел к берегу. Нюшен видел, что вода была чистой, а глубина небольшой, так что высокий мужчина легко мог бы прошагать до берега. Он спрыгнул в воду, держа гороскоп высоко над собой, и пошел к острову, а Музда и Ансарат следовали за ним, плывя бок о бок.

Хотя длинные намокшие одежды и затрудняли движение, звездочет думал достичь притягательного острова, и Тритон не сделал попыток остановить его. Вода доходила почти до подмышек, позднее — только до кушака, затем только до колен. И вот уже над ним склонялись и благоухали цветущие деревья.

Находясь в двух шагах от этого колдовского берега, он услышал громкое шипение и увидел, что стебли, сучья, цветы, травы переплелись с миллионом змей, беспрестанно извивающихся в отвратительном возбуждении. Шипение доносилось отовсюду, и отвратительные, пестрые змеи сворачивались в кольца и скользили. Человеку негде было бы пройти: на поверхности для него не оставалось ни ярда.

С отвращением отвернувшись от берега, Нюшен обнаружил, что и Тритон, и баркас находятся рядом и ждут его. С ощущением безнадежности он со своими спутниками вернулся на борт, и баркас встал на прежний курс, движимым колдовскими силами. И Тритон впервые заговорил, резко и не совсем членораздельно бросая слова: «Казалось бы, о Нюшен, тебе не хватает веры в свои собственные предсказания. Однако даже самый плохой из

звездочетов иногда может правильно построить гороскоп. Тогда прекрати выступать против того, что предсказано звездами».

Баркас шел вперед, туман плотно сомкнулся над ним, освещенный полуденным солнцем остров пропал из виду. Немного спустя скрытое дымкой солнце зашло, и повсюду опустилась ночная тьма. Вскоре астролог сквозь рваные облака уже наблюдал странное небо, на котором не мог распознать знаки, при этом он ощутил безысходный ужас от своей оплошности. Наплывали туманы и облака, скрывая это незнакомое небо, не давая времени внимательно его рассмотреть. Он не мог различить ничего, кроме Тритона, которого видел благодаря слабому фосфоресцированию окружающей воды.

Баркас шел вперед, и временами казалось, что алое утро уже встало за туманами. Лодка входила в широкую зону света, и Нюшен, который хотел понаблюдать за солнцем, был ослеплен видом странного берега, где пламя поднималось высокой сплошной стеной на голом песке и скалах. Гонимое ветром прибоя пламя резко подпрыгнуло и рванулось вперед, и жар, как от десятков печей, был обращен к морю. Баркас быстро подошел к берегу, и Тритон с неуклюжими жестами прощания нырнул и исчез в воде.

Лодка подошла к песчаной косе, и перед звездочетом из стены огня возникла охваченная пламенем Саламандра, имеющая и очертания, и оттенок того иероглифа, который в прошлый раз появился на его гороскопе. И Нюшен в ужасном оцепенении осознал, что Саламандра и есть его третий проводник в этом путешествии, состоящим из трех частей.

«Идем со мной»,— сказала Саламандра голосом, напоминающим треск сучьев. Нюшен сошел с баркаса на землю, которая под его ногами была горяча, как печь; за ним с явной неохотой последовали Музда и Ансарат. Приближаясь в полуобморочном состоянии вслед за Саламандрой к пламени, он поддался слабости своей плоти: снова стремясь избежать судьбы, астролог проскользнул по узкой песчаной косе между пламенем и водой. Ему удалось пройти лишь несколько шагов, когда Саламандра с яростным криком рванулась перехватить его и потащила прямо

в огонь. При этом она ужасно била своим дьявольским хвостом, из которого снопы искр сыпались во все стороны. Нюшен не мог видеть лица Саламандры и думал, что пламя поглотит его, как листок бумаги, но в стене появилось отверстие, пламя приняло форму свода. И он прошел под ним со своими спутниками, ведомый Саламандрой, и попал на покрытую пеплом землю, по которой низко стелился дым. Здесь Саламандра заметила с иронической интонацией: «Без ошибки, о Нюшен, истолковал ты волю звезд в своем гороскопе. А твое путешествие подходит к концу, и проводник тебе больше не нужен». И покинула его, исчезнув, как гаснущий огонек в дымном воздухе.

Нюшен, стоя в нерешительности, увидел перед собой белую лестницу, возвышающуюся среди клубящегося тумана. Позади поднималось пламя, сбоку из дыма вырисовывались фигуры демонов, угрожающих ему. Он начал подниматься по лестнице. Призраки двигались за ним и вокруг него, злобные, как колдовские силы. Они поднимались по лестнице в том же темпе, поэтому астролог не осмеливался ни остановиться, ни отступить назад. Высоко наверху он угодил в дымные сумерки и неожиданно увидел главный вход огромного дома из серого камня.

Гонимый толпящимися призраками, вырисовывающимися из дыма, Нюшен неохотно прошел через главный вход вместе со своими спутниками. Дом состоял из длинных пустых залов, извилистых, как лабиринт морской раковины. В стенах не имелось ни окон, ни ламп, но казалось, что в воздухе рассеяны яркие серебряные солнца. Спасаясь от адских призраков, преследующих его, звездочет последовал по изгибающимся залам и оказался во внутреннем помещении. В центре зала сидело, вытянувшись в мраморном кресле, существо исполинских размеров, закутанное в одежды, закрытое капюшоном, молчащее и неподвижное. Перед ним на столе лежала огромная раскрытая книга.

Нюшен испытывал благоговейный страх, который ощущает человек в присутствии кого-либо из демонов высокого ранга или божества. Видя, что призраки исчезли, звездочет задержался на пороге зала, от размеров которого голова у него закружилась, как от провала на границе двух миров. Ему хотелось уйти, но из-под капюшона мягко

зазвучал голос, похожий на внутренний: «Я — Вергама, иначе именуемый Судьбою. Вергама, к которому ты взывал слепо и тщетно, так, как люди привыкли вопрошать своих тайных владык. Я — Вергама, и я призвал тебя к этому путешествию, которое рано или поздно совершает, так или иначе, каждый человек. Подойди, о Нюшен, и прочти немного из моей книги!»

Невидимая рука подвела звездочета к столу. Наклонившись, он увидел огромный том, раскрытый посредине. Страницы были покрыты мириадами знаков, написанных тушью разных цветов, изображающих людей, богов, рыб, птиц, чудовищ, животных, созвездия и многое другое. В конце последнего столбца правой страницы, где было оставлено свободное место, Нюшен увидел иероглифы равносторонних треугольников, таких, какие в последнее время появились вблизи созвездия Большого Пса. Далее шли иероглифы Мумии, Тритона, Баркаса, Саламандры, а также прочие, которые привели его к дому Вергамы.

«В моей книге,— сообщила закутанная персона,— все записано и сохранено. Вначале все разновидности были мною записаны в виде символов; и, в конце концов, они останутся только в виде записи в моей книге. На какой-то период они выступают на передний план, переходя в состояние, именуемое субстанцией... Это Я, о Нюшен, расставлял звезды на небе, предсказавшие твое путешествие; это Я послал тебе трех проводников. И они исполнили свое назначение, а теперь всего лишь книжные знаки, как и раньше».

Вергама помолчал, в комнату вернулась бесконечная тишина; Нюшен ощутил огромное удивление. Тогда закутанное существо продолжило: «Среди людей в течение некоторого времени находилось лицо, именуемое звездочетом Нюшеном, а также пес Ансарат и негр Музда, разделившие его судьбу... Но сейчас, короче говоря, я должен перевернуть страницу, а прежде чем это сделать, должен окончить запись».

Нюшену показалось, что по залу пронесся ветерок, послышался странный легкий вздох. Он увидел, что шерсть Ансарата съежилась, и ветер раздувал ее. Затем под изумленным взором звездочета пес начал уменьшаться, как по злому волшебству. Он съежился до размеров крысы, затем

мыши, стал мелким, как насекомое, хотя и сохранил свои обычные очертания. В конце концов крошечное существо подхватил потоком воздуха и пронес мимо Нюшена, словно мошку. Следя взглядом за его полетом, астролог увидел, что иероглиф пса внезапно возник рядом с иероглифом Саламандры в нижней части правой страницы. Кроме этого значка, от Ансарата не осталось ни следа.

Снова по залу пронесся ветерок, не задев звездочета, но развевая потрепанные одежды Музды, который припал к ногам своего хозяина, как бы ища защиты. Немой негр сморщился и усох, стал легким и тонким, как черный, лохматый таракан, и был поднят ветерком. А Нюшен увидел, как иероглиф одноглазого негра появился рядом с псом, а сам Музда исчез из материального мира. И теперь, ясно осознав, какая судьба ему уготована, звездочет попытался убежать от Вергамы. Он отвернулся от раскрытого тома и побежал к двери зала, его яркие изношенные одежды развевались. Но в его ушах мягко звучал голос Вергамы: «Напрасно люди стремятся противостоять или избегать судьбы, которая в конце превращает их в нуль. В моей книге, о Нюшен, есть место и для плохого звездочета».

Еще раз промчался странный ветерок, и холодным воздухом пахнуло на Нюшена. Он застыл посреди огромного зала, как будто какая-то стена преградила ему путь. Ветерок мягко скользил по его худому изможденному телу, шевелил седеющие волосы и бороду, тихонько выдергивал свиток папируса, который он все еще держал в руке. Его слабым глазам казалось, что комната кружится и бесконечно увеличивается в размерах. Возносящейся вверх и несущейся по кругу в быстром головокружительном хороводе звездочет узрел сидящую фигуру, удаляющуюся в космическую даль. Божество потерялось из виду, а сам Нюшен стал невесомым и тонким существом, высохшим потерянным листком, взлетающим и опускающимся в этом ярком вихре.

В книге Вергамы в конце последнего столбца на правой странице возник иероглиф изможденного звездочета, несущего свернутый гороскоп.

Вергама наклонился вперед в своем кресле и перевернул страницу.

ПОВЕЛИТЕЛЬ КРАБОВ

Помнится, я немного поворчал, когда Миор Люмивикс разбудил меня. Прошлый вечер выдался довольно утомительным, выпало одно из так знакомых и ненавистных мне бдений, когда я постоянно клевал носом. От заката и пока с неба не исчезло созвездие Скорпиона, что в это время года происходит далеко за полночь, мне пришлось следить, как готовился отвар из скарабеев. Миор Люмивикс любил добавлять его в свои популярные приворотные зелья. Он неоднократно предупреждал меня, что нельзя допускать, чтобы варево густело как слишком быстро, так и слишком медленно. Поэтому я должен был поддерживать ровное пламя под котлом. Мне уже не раз доставалось от учителя за испорченное зелье, поэтому я изо всех сил старался не поддаться дремоте до тех пор, пока оно не было благополучно перелито из котла и трижды процежено через сито из продырявленной акульей кожи.

Неразговорчивый больше обычного, учитель рано удалился в свою комнату. Я знал, его что-то беспокоит, но слишком устал, чтобы строить какие-то предположения на этот счет, а спросить не осмеливался.

Казалось, что я проспал лишь несколько мгновений, когда сквозь мои смеженные веки пробился желтый свет фонаря учителя, а его жесткая рука сдернула с койки. Я понял, что этой ночью больше спать не придется, ибо старый

колдун надел свою однорогую шапку, его плащ был плотно запахнут, а из-за пояса высовывался кинжал в ножнах из шагреневой кожи, с рукояткой, черной от времени и множества рук прикасавшихся когда-то волшебников.

— Ах ты, ленивый недоносок! — бушевал он.— Поросенок, объевшийся мандрагоры! Ты собираешься дрыхнуть до второго пришествия? Мы должны поторапливаться — я узнал, что этот Сарканд добыл карту Омвора и пошел к пристани. Нет никаких сомнений в том, что он собирается погрузиться на корабль и отправиться на поиски храмовых сокровищ. Надо спешить за ним, ибо мы уже и так потеряли уйму времени.

Теперь я вскочил на ноги без дальнейших пререканий и проворно оделся, отлично понимая всю важность сообщения. Сарканд, лишь недавно пришедший в город Мируан, уже превратился в самого грозного соперника моего учителя. Говорили, что он родом с Наата, острова в ужасном западном океане, что его отцом был один из тех колдунов-некромантов, которыми так славится этот остров, а матерью — женщина из племени чернокожих людоедов, обитающих за горами в центральной части острова. Он унаследовал свирепый характер матери и темное колдовское могущество отца, и кроме того, приобрел множество диковинных знаний, а также весьма сомнительную репутацию за время своих скитаний по восточным странам, прежде чем поселился в Мируане.

Легендарная карта Омвора, начерченная в незапамятные времена, была той вещью, о которой грезили многие поколения колдунов. Омвор, древний пират, чья слава до сих пор не померкла, успешно осуществил деяние неслыханной безрассудности. Под покровом ночи со своей небольшой командой, переодетой в одежды жрецов, на украденных храмовых кораблях он пробрался в тщательно охраняемую дельту и ограбил Храм Бога Луны в Фарааде, захватив богатую добычу — множество его ослепительно красивых жриц, а также драгоценности, золото, жертвенные сосуды, амулеты, талисманы и книги жуткой древней магии. Эти книги были самой страшной потерей, ибо даже жрецы никогда не осмеливались переписывать их. Уникальные и невосстановимые, они хранили тайное знание давно ушедших эпох.

Набег Омвора породил множество легенд. Он со своей командой и похищенными жрицами на двух маленьких бригантинах бесследно исчезли на просторах западных морей. Считалось, что они попали в Черную Реку, ужасное океанское течение, которое с неумолимой быстротой течет мимо Наата к краю земли. Но перед тем, как уйти в свое последнее плавание, Омвор выгрузил с кораблей награбленные сокровища и начертил карту, на которой указал место, где спрятал этот поистине бесценный клад. Эту карту он отдал на хранение своему верному товарищу, который стал слишком стар, чтобы принять участие в морском путешествии.

Сокровище так и не было найдено. Но говорили, что прошедшие столетия пощадили карту, и она уцелела, спрятанная в столь же тайном месте, как и сам клад из Храма Бога Луны. С недавнего времени ходили слухи, что один моряк, получивший карту от своего отца, привез ее в Мируан. Миор Люмивикс через доверенных лиц как человеческой, так и сверхъестественной природы, тщетно пытался отыскать этого морехода, зная, что Сарканд и другие колдуны города также заняты его поисками.

Вот что мне было известно; но учитель поведал еще кое-что, пока я по его приказанию поспешно собирал запас провизии, необходимый для морского путешествия

— Я карауил Сарканда, точно ястреб, стерегущий свое гнездо,— рассказывал он.— Мои духи-хранители оповестили, что он разыскал владельца карты и нанял вора, чтобы выкрасть ее, и это все, что они смогли разузнать. Даже глаза моей кошки-демона, когда она попыталась заглянуть в его окно, ничего не увидели в дьявольской темноте, которой он при помощи заклинаний окружает себя, когда захочет. Но сегодня я пошел на очень рискованный шаг, поскольку другого выхода у меня не было. Выпив сок пурпурного дедайма, который способен погрузить в глубочайший транс, я отправил свое эго в его охраняемую стихиями комнату. Стихии обнаружили мое присутствие и окружили призрачной стеной огня и тени, угрожая. Они боролись со мной и выгнали прочь, но я видел вполне достаточно.

Учитель прервался, приказав мне заткнуть за пояс священный магический меч, схожий с его собственным, но

не столь древний. Он никогда прежде не разрешал мне его надевать. К этому моменту я уже собрал провизию и воду, положив ее в прочную сетку, которую без труда мог нести на плече. Этой сеткой мы пользовались, чтобы ловить некоторых морских гадов, из которых Миор Люмивикс добывал яд, обладающий исключительной силой

И лишь когда мы заперли все ворота и очутились на темной улице, по которой гулял ветер, учитель возобновил прерванный рассказ·

— Когда я входил в покои Сарканда, оттуда как раз вышел какой-то человек. Я видел его очень недолго, прежде чем шпалеры разошлись и задернулись вновь, но я узнал бы его, если бы увидел снова. Он был молодым и довольно полным, но его полнота скрывала могучие мышцы, а его желтое, почти девичье лицо с раскосыми глазами выдавало жителя южных островов. На нем были короткие штаны и башмаки до щиколоток, как у матроса, и больше никакой одежды. Сарканд сидел, повернувшись спиной ко мне, и держал в руках скатанный свиток папируса, желтый, как лицо моряка. Он поднес свиток к своей ужасной четырехрогой лампе, в которую заливает жир кобр. Лампа вспыхнула зловещим огнем, точно глаз вурдалака. Но я успел заглянуть через его плечо... и смотрел достаточно долго, прежде чем его демоны прогнали меня прочь из комнаты Папирус действительно был картой Омвора. Он сморщился от времени и был попорчен пятнами крови и морской воды. Но ее заглавие, обозначения и то, что на ней нарисовано, все еще можно различить, хотя они и написаны старинными письменами, которые в наши дни мало кто может прочесть. Там было западное побережье Зотика и омывающие его моря. Островок, лежащий к западу от Мируана, помечен как место, где зарыт клад. На карте он назывался островом Крабов, но, очевидно, это не может быть какой-то другой остров, кроме того, что сейчас носит имя Ирибос. Его редко посещают, но, тем не менее, он находится всего лишь в двух днях пути отсюда. Кроме него на расстоянии сотен лиг нет никакого другого острова ни на севере, ни на юге, за исключением нескольких пустынных утесов и маленьких атоллов.

Подгоняя, чтобы я шел быстрее, Миор Люмивикс продолжил:

— Я слишком долго был в обмороке, вызванном дедаймом. Кто-нибудь менее опытный совсем бы не проснулся. Мои духи-хранители предупредили, что Сарканд вышел из дома час назад. Он приготовился к путешествию и шел к пристани. Но мы перегоним его. Я думаю, что он никого не возьмет с собой на Иribос, желая сохранить тайну клада. Он действительно могущественный и грозный соперник, но его демоны не могут перебраться через воду, поскольку по природе своей способны жить только на суше. Он оставил их здесь вместе с частью своей силы. Тебе не стоит беспокоиться об исходе нашего предприятия.

Пристань была тиха и почти пустынна, за исключением нескольких спящих мертвым сном матросов, павших жертвой дрянного вина и арака, которые подавали в портовых тавернах. В свете поздней луны, кривой и острой, точно тонкий серп, мы сели в нашу лодку и отчалили. Учитель держал румпель, а я взялся за весла. Мы пробрались сквозь беспорядочное столпотворение кораблей, галер и шебек, речных барж, шаланд и фелук, жавшихся друг к другу в старой бухте. Спертый воздух, чуть шевеливший наш высокий треугольный парус, был полон морских ароматов, зловония груженных рыбой лодок, пряных запахов экзотических грузов. Никто не окликнул нас, и с темных палуб доносились лишь голоса вахтенных, объявляющих время на заморских языках.

Наша лодка, хотя маленькая и открытая, была очень прочной и сделанной из казуарового дерева. Остроносая, с глубоким килем и высокими фальшбортами, она ни разу не подводила нас даже в таких бурях, которых никак нельзя было ожидать на море в это время года.

Ветер, дующий над Мируаном с полей, садов и пустынь, стал свежее, как только мы покинули бухту. Он все крепчал, пока парус не надулся, как крыло дракона. Острый нос нашей лодки разрезал пенившиеся волны, и мы неслись к западу, ведомые созвездием Козерога.

Далеко впереди нас в неверном свете луны что-то непонятное, казалось, двигалось, танцевало и колыхалось, точно призрак. Возможно, это была лодка Сарканда... А может быть, чья-то еще. Несомненно, учитель тоже заметил лодку. Но он лишь промолвил:

— Теперь ты можешь вздремнуть.

Поэтому я, скромный подмастерье Мантар, ученик Миора Люмивикса, погрузился в сон, пока учитель правил лодкой, а звездные копыта и рога Козерога погружались в море.

Когда я проснулся, солнце уже высоко стояло над нашей кормой. Ветер, такой же сильный и благоприятный, все еще дул, с немыслимой скоростью унося нас к западу. Мы проплыли мимо берегов Зотика, не приближаясь к ним. Небо было безоблачным, и морская гладь, на которой не виделось ни единого корабля, расстилалась перед нами, точно необъятный свиток темной лазури с мелькавшими там и сям барашками пены.

День клонился к закату, исчезая за пустынным горизонтом, и ночь накрыла нас своим гигантским пурпурным парусом, расшитым созвездиями и планетами. Но и она, в свою очередь, прошла точно так же, как и последовавший за ней рассвет, уже второй с начала нашего путешествия

Все это время учитель вел лодку — без сна, с глазами, без устали смотрящими на восток, точно глаза морского сокола, и я лишь изумлялся его выносливости. Теперь он немного поспал, все так же сидя у руля, но казалось, что глаза под закрытыми веками все еще бодрствуют. Его руки держали штурвал, не ослабляя своей хватки.

Вскоре учитель открыл глаза, но едва ли пошевелился, оставшись в той же самой позе. Во время нашего путешествия он почти не говорил, а я и не спрашивал, зная, что в свое время он скажет мне все, что нужно. Но меня терзало любопытство, перемешанное со страхами и сомнениями. Хваленое колдовское искусство Сарканда напугало бы не только новичка, вроде меня. Я не мог понять, о чем думает учитель, за исключением того, что его мысли касались темных и сверхъестественных материй.

Заснув в третий раз с тех пор, как мы покинули берега Мируана, я был разбужен громким криком учителя. В тусклом свете третьего рассвета перед нами возвышался остров, ощерившийся зубчатыми скалами и утесами, расстилающийся на несколько лиг к северу и югу. Его форма напоминала какое-то угрожающее чудище, обращенное лицом к северу. Головой чудовища был мыс с высоким пиком, углубляющийся, точно клюв грифона, далеко в океан.

— Это Рибос,— сказал мне учитель.— Море у его берегов очень опасно, тут вздымаются странные волны и

господствуют грозные течения. С этой стороны негде пристать, и нам нельзя подходить слишком близко к берегу. Надо обогнуть северный мыс. В западных скалах есть небольшая бухточка, в которую можно войти только через морскую пещеру. Именно там и спрятаны сокровища.

Мы медленно изменили курс против ветра, к северу, на расстоянии полета трех или четырех стрел от острова. Нам понадобилось все наше мастерство, ибо ветер чудовищно усилился, точно ему помогали дьяволы. Но рокот прибоя, набегающего на чудовищные голые и пустынные скалы, заглушал завывания ветра.

— Остров необитаем,— сказал Миор Люмивикс.— Мореходы и даже морские птицы предпочитают держаться от него подальше. Говорят, что на остров в давние времена пало проклятие морских богов, поэтому никто не может здесь жить, кроме тварей из морских глубин. В его бухтах и пещерах водятся лишь крабы да осьминоги... И еще, возможно, более странные создания.

Мы вели лодку по утомительному извилистому курсу; время от времени нас то относило назад, то бросало к берегу порывами переменчивого ветра, борющегося с нами, точно толпа злобных демонов. На востоке показалось солнце, освещавшее своими лучами скалистую пустыню, которой был Рибос. Мы все еще лавировали, постоянно меняя курс, и я, казалось, начал ощущать странное беспокойство учителя. Но его поведение ничем не выдавало этого беспокойства, если оно мне не померещилось.

Был уже почти полдень, когда мы, наконец, обогнули длинный клюв северного мыса. Затем, едва мы повернули к югу, ветер необъяснимо утих, а море как по волшебству успокоилось, точно политое магическим маслом. Наш парус безвольно и бесполезно повис над зеркальной гладью вод, в которой, казалось, отражение лодки и наши собственные отражения, ничем не нарушаемые, недвижные, могли вечно плыть рядом с отражением чудовищного острова. Мы оба налегли на весла, но несмотря на все наши усилия, лодка ползла странно медленно.

Пока мы проплывали вдоль берегов, я внимательно рассматривал остров, приметив несколько небольших заливов, в которых, по всей видимости, могло пристать судно.

— Здесь очень опасно,— произнес Миор Люмивикс, никак не разъяснив свое утверждение.

Мы поплыли дальше, и утесы вновь превратились в сплошную стену, прерываемую лишь расселинами и ущельями. Местами они были покрыты скудной, мрачной растительностью, которая вряд ли смогла бы смягчить пугающее впечатление. Высоко в изрезанных ущельями скалах, куда, казалось бы, их не могла забросить ни одна волна или буря, я увидел расколотые рангоуты и шпангоуты древних кораблей.

— Подгребай ближе,— велел учитель.— Мы приближаемся к пещере, ведущей в скрытую бухту.

Как только мы повернули к берегу, гладкая, как хрусталь, вода вокруг нас внезапно забурлила и заволновалась, точно в глубине поднялось на дыбы какое-то гигантское чудище. Лодка понеслась на утесы с немыслимой скоростью, море вспенилось и забушевало, будто огромный спрут тащил нас в свое подводное логово. Точно листик, увлекаемый водопадом, наша лодка неуклонно приближалась к острову, несмотря на то, что мы изо всех сил налегали на трещавшие от напряжения весла, пытаясь побороть неумолимое течение.

С каждым мигом становясь все выше, утесы, казалось, рассекают небеса над нашими головами, неприступные, без единого уступа или даже малюсенькой опоры для ноги. Затем в отвесной стене появилась низкая и широкая арка входа в пещеру, которую мы не заметили раньше. Лодку несло туда с ужасающей стремительностью.

— А вот и вход,— прокричал учитель.— Но какая-то колдовская волна затопила его.

Мы бросили бесполезные весла и скорчились за скамьями, приблизившись к отверстию, ибо, похоже, небольшая высота арки с большим трудом позволяла пройти внутрь высокому носу нашей лодки. Не было времени снять мачту, и она сломалась, точно тростинка, когда нас стремительно увлекло в темноту.

Полуоглушенный, стараясь выпутаться из упавшего тяжелого паруса, я ощутил вокруг себя брызги холодной воды и понял, что лодка дала течь и идет ко дну. Еще через миг вода залила мои глаза, уши и ноздри, но даже когда я начал тонуть, меня не покинуло ощущение стремитель-

ного движения вперед. Затем смутно показалось, что в непроницаемой темноте вокруг меня обвились какие-то руки, и я внезапно очутился, задыхаясь, отплевываясь и отчаянно хватая ртом воздух, на ярком солнечном свету.

Когда я, наконец, откашлялся и более или менее пришел в чувство, то обнаружил, что мы с Миором Люмивиксом плывем по маленькой бухте, имевшей форму полумесяца Нас окружали утесы и пики мрачной скалы. В прямой отвесной стене зияло внутреннее отверстие пещеры, сквозь которую нас пронесло таинственное течение. От краев отверстия расходилась легкая зыбь, медленно затихающая в воде, гладкой и зеленой, точно нефритовое блюдо Напротив, на дальней стороне бухты, изогнутый пляж, усеянный галькой и прибитым к берегу деревом, плавно шел под уклон. У берега стояла лодка, напоминающая нашу, со снятой мачтой и свернутым парусом цвета свежей крови. Рядом с ней из неглубокой воды торчала сломанная мачта другого суденышка, чьи скрытые водой очертания были неотчетливыми. Два предмета, которые мы приняли за человеческие фигуры, лежали на отмели чуть дальше вдоль берега, наполовину погруженные в воду. С такого расстояния мы не смогли бы определить, были ли то живые люди или мертвые тела. Их контуры были скрыты какой-то странной коричнево-желтой занавесью, тянувшейся к скалам, которая, казалось, беспрестанно шевелится и колышется.

— Здесь какая-то тайна,— сказал Миор Люмивикс тихим голосом.— Мы должны быть очень внимательны и осторожны.

Мы доплыли до ближнего конца пляжа, где он сужался, подобно острию серпа месяца, смыкаясь со стеной утесов. Вытащив кинжал из ножен, учитель насухо вытер его полой своего плаща, приказав мне сделать то же самое со своим оружием, пока морская вода не разъела его. Затем, спрятав волшебные клинки под одеждой, мы пошли по расширяющемуся пляжу к причаленной лодке и двум лежащим фигурам.

— Это действительно то самое место, которое было указано на карте Омвора,— заключил учитель.— Лодка с кроваво-красным парусом принадлежит Сарканду. Несомненно, он уже нашел пещеру, скрытую где-то в скалах.

Но кто такие эти двое? Не думаю, что они приплыли сюда вместе с Саркандом.

Когда мы приблизились к фигурам, видимость коричнево-желтой занавеси, покрывавшей их, обнаружила свою подлинную сущность. Она состояла из бесчисленного множества крабов, ползавших по телам утопленников и бегавших туда-сюда за кучей гальки.

Мы подошли и остановились над телами, из которых крабы усердно рвали куски кровавой плоти. Один из утопленников лежал лицом вниз, а полуобглоданные черты другого были обращены к небу. Их кожа, а вернее, то, что от нее осталось, была смугло-желтой. Оба были одеты в короткие пурпурные штаны и матросские башмаки, бывшие их единственной одеждой.

— Что за чертовщина? — спросил учитель.— Эти люди лишь недавно умерли, а крабы уже раздирают их на части. Эти создания обычно ждут, пока тело начнет разлагаться. И посмотри — они даже не едят выдранные ими куски мяса, а уносят их куда-то.

Я тут же заметил, что от тел направляется, исчезая в скалах, непрерывная вереница крабов, и каждый несет в своих клешнях по кусочку плоти, тогда как другая процессия возвращается к телам с пустыми клешнями.

— Думаю,— сказал Миор Люмивикс,— что человек, который лежит лицом вверх, тот моряк, которого я видел на пороге покоев Сарканда. Вор, укравший у хозяина карту

Охваченный ужасом и отвращением, я подобрал осколок камня и собрался запустить им в несущих свой омерзительный груз крабов, уползавших от растерзанных трупов.

— Нет,— остановил меня учитель.— Пойдем вслед за ними.

Обогнув огромную кучу гальки, мы увидели, что двойная процессия входила и выходила из отверстия пещеры, которая раньше была скрыта камнями от нашего взгляда

Сжав рукоятки кинжалов, мы осторожно подошли к пещере, немного поколебавшись на входе. Однако с этого места не было видно практически ничего, за исключением цепочек ползущих крабов.

— Войдите! — раздался звучный голос, и долгое эхо начало бесконечно повторять слово, точно голос вампира, отражающийся от сводов глубокого склепа.

Мы узнали голос Сарканда. Учитель бросил на меня предостерегающий взгляд сузившихся глаз, и мы вошли в пещеру.

Она была неизмеримо просторной, с высокими сводами. Свет проникал внутрь через широкую расселину в скалах, сквозь которую в этот час лились прямые солнечные лучи, золотившие переднюю часть пещеры и кидавшие слабые отблески на огромные выросты сталактитов и сталагмитов в сумрачных углах. В одном конце виднелось небольшое озерцо, питаемое тоненьким ручейком, который тек из невидимого источника, нарушая тишину звонким журчанием.

В ярких лучах мы увидели Сарканда в полусидячем-полулежачем положении, он опирался спиной на открытый сундук из потемневшей от времени бронзы. Его огромное черное тело, мускулистое, хотя и начавшее полнеть, было полностью обнажено, если не считать обвивавшего его горло ожерелья из огромных рубинов, каждый — размером с утиное яйцо. Его алый саронг, странно изорванный, обнажал вытянутые ноги. Правая была явно сломана чуть пониже колена, ибо чернокожий колдун неуклюже обвязал ее повязкой, сделанной из щепок и обрывков саронга.

Плащ Сарканда из лазурного шелка он расстелил перед собой. На нем рассыпал драгоценные камни и амулеты, золотые монеты и инкрустированные камнями жертвенные сосуды, сверкавшие среди томов из пергамента и папируса. Книга в черном металлическом переплете, точно только что отложенная в сторону, была раскрыта на странице, украшенной рисунком, выполненным огненно-красными древними чернилами.

Рядом с книгой, в пределах досягаемости Сарканда, возвышалась куча сырых кровавых ошметков. По плащу, по монетам, свиткам и драгоценным камням шествовала вереница крабов, и каждый добавлял свою страшную ношу в кучу, а затем полз в выходящей из пещеры колонне своих товарищей.

Я вполне поверил в истории, касающиеся родителей Сарканда. Он, казалось, пошел по стопам своей матери, ибо его волосы, черты лица, равно как и кожа, были такими же, как у чернокожих людоедов Наата. Я видел их на рисунках путешественников. Он встретил нас с непро-

ницаемым видом, скрестив руки на груди. На его правой руке я заметил массивный изумруд, тускло поблескивающий на указательном пальце.

— Я знал, что вы будете преследовать меня,— сказал он,— точно так же, как знал, что вор и его товарищ тоже поплывут следом. Все вы хотели убить меня и завладеть кладом. Я действительно ранен — осколок расшатавшегося камня упал со свода пещеры, раздробив мне ногу, когда я склонился, чтобы рассмотреть сокровища в открытом сундуке. Мне придется лежать здесь, пока не срастутся кости. Но я неплохо вооружен... И мне хорошо служат и охраняют.

— Мы пришли за кладом,— прямо ответил Миор Люмивикс.— Я собирался убить тебя, но только в честном поединке, мужчина с мужчиной, колдун с колдуном, чему лишь мой ученик Мантар и скалы Рибоса стали бы свидетелями.

— Ну разумеется, и твой ученик тоже вооружен кинжалом. Однако это не слишком важно. Я спляшу на твоих костях, Миор Люмивикс, а твоя колдовская сила перейдет ко мне.

Учитель словно не слышал его слов.

— Что за мерзость ты придумал? — язвительно спросил он, указывая на крабов, все еще складывавших выдранные ими куски плоти в отвратительную кучу.

Сарканд поднял вверх руку, на указательном пальце которой блестел древний изумруд, оправленный, как мы только что заметили, в кольцо в виде щупальцев спрута, охватывающих круглый, как шар, камень.

— Я обнаружил это кольцо среди других сокровищ,— похвастался он.— Оно было заключено в цилиндр из неизвестного металла вместе со свитком, из которого я узнал о его действии и могущественной магии. Это перстень Басатана, морского бога. Тот, кто долго и внимательно всматривается в изумруд, может увидеть дальние места и события, какие пожелает. Тот, кто носит кольцо, может повелевать морскими ветрами и течениями и обретает власть над морскими тварями, начертив пальцем в воздухе определенный знак.

Пока Сарканд говорил, казалось, что зеленый камень становится все ярче и темнее, точно открывая маленькое

окошечко в тайны неизмеримых морских глубин. Покоренный и завороженный, я забыл обстоятельства нашего положения, ибо изумруд затмил мое зрение, закрыв черные пальцы Сарканда, будто водоворот волн, призрачными плавниками и щупальцами, показавшимися из его мерцающей зеленой глубины.

— Будь начеку, Мантар,— шепнул мне на ухо учитель.— Мы столкнулись с грозным волшебством и должны владеть всеми своими чувствами. Отведи глаза от изумруда.

Я подчинился неотчетливо слышному шепоту. Видение померкло, мгновенно исчезнув, и вновь вернулись фигура и лицо Сарканда. Его толстые губы кривились в широкой сардонической ухмылке, обнажающей крепкие белые зубы, острые, как у акулы. Он опустил огромную руку, на которой носил перстень Басатана, погрузив его в стоящий перед ним сундук, и вытащил оттуда пригоршню самоцветов, жемчужин, опалов, сапфиров, гелиотропов, алмазов. Они сверкающим дождем потекли между его пальцев, а колдун возобновил свои разглагольствования:

— Я высадился на Ирибосе намного раньше вас. Я знал, что во внешнюю пещеру можно безопасно войти только во время отлива, сняв мачту. Возможно, вы уже сами догадались обо всем, что я могу рассказать вам. Как бы то ни было, это знание умрет вместе с вами, и очень скоро. Узнав, как действует кольцо, я мог видеть в изумруде все, что происходит в морских глубинах вокруг острова. Лежа здесь с перебитой ногой, я видел приближение вора и его товарища. Я вызвал морское течение, которое унесло их лодку в затопленную пещеру, где она в мгновение ока утонула. Они могли бы доплыть до берега, но по моему приказу крабы в бухте подплыли к ним под водой и утащили на дно, позволив позднее волне вынести их тела на берег. Проклятый вор! Я щедро заплатил ему за украденную карту, которую он в своем невежестве не смог прочитать, но заподозрил, что речь идет о кладе... Немного позже я точно таким же образом поймал вас, предварительно немного помучив и задержав встречным ветром и штилем. Однако вам я предназначил другую гибель.

Голос некроманта затих, отозвавшись долгим эхом, оставив после себя тишину, наполненную нестерпимой не-

определенностью. Казалось, мы стоим посреди готовой разверзнуться пучины, в ужасной темноте, освещаемой лишь глазами Сарканда и камнем в волшебном кольце. Оцепенение, сковавшее меня, разбил холодный ироническ-ский голос учителя:

— Сарканд, а ведь есть еще одно колдовство, о котором ты не упомянул.

Смех Сарканда прозвучал, точно рокот бушующего прибоя.

— Я следую привычкам племени моей матери, и крабы снабжают меня тем, что мне нужно, а я вызываю их и управляю с помощью перстня морского бога.

С этими словами он поднял руку, указательным пальцем начертив в воздухе странный знак, и изумруд в кольце описал сияющую дугу. Двойная процессия на миг приостановила свое движение. Затем, точно повинуясь какому-то единому импульсу, они заспешили к нам, а из глубин пещеры и от входа потянулись множества других, присоединившихся к своим товарищам. Они приближались к нам с поистине невероятной скоростью, атакуя наши лодыжки и голени острыми, точно ножи, клешнями, как будто в них вселились демоны. Я нагнулся, бешено орудуя кинжалом, но на смену тем немногим, которых мне удалось уничтожить, пришли десятки новых. Другие, поймав подол моего плаща, начали взбираться по нему. Осажденный со всех сторон, я потерял равновесие на скользкой земле и упал на спину в столпотворение крабов.

Лежа на земле, пока крабы переливались через меня колышущейся волной, я увидел, что учитель сорвал свой отяжелевший плащ и отбросил его в сторону. Войско зачарованных крабов окружало его, карабкаясь по спинам друг друга и взбираясь по его коленям и бедрам. Миор Люмивикс странным движением метнул свой кинжал в воздетую руку Сарканда. Лезвие полетело вперед, вращаясь точно блестящий диск, и начисто отсекло ладонь чернокожего некроманта. И перстень блеснул на его указательном пальце, словно падающая звезда.

Кровь фонтаном брызнула из искалеченной руки, а Сарканд сидел, точно впав в оцепенение, сохранив еще на короткий миг ту позу, в которой творил свое заклятие. Потом рука бессильно повисла вдоль его бока. Кровь хлы-

нула на постеленный на полу плащ, быстро заливая самоцветы, монеты и фолианты, пачкая кучу принесенной крабами человеческой плоти. Крабы тотчас же потеряли всякий интерес к нам с учителем, как будто движение падающей руки было другим знаком, и нескончаемо длинной волной поспешили к Саркандуу. Они покрыли его ноги, карабкались на мощное тело, давили друг друга в попытке взобраться на плечи. Он пытался сбросить их своей единственной рукой, изрыгая ужасную брань и нечеловеческие проклятия, эхом раскатывающиеся по всей пещере. Но крабы все нападали на него, словно объятые дьявольским неистовством, и кровь сочилась новыми и новыми струйками из маленьких ранок, оставленных их острыми клешнями, пятная их панцири широкими алыми полосами.

Казалось, мы с Миором Люмивиксом бесконечно долго стояли и смотрели на агонию черного некроманта. Наконец распростертое существо, бывшее когда-то Саркандом, прекратило стонать и метаться под живым саваном, окутавшим его тело. Лишь нога в повязке из щепок и отрубленная рука с кольцом Басатана остались не тронутыми занятыми своей омерзительной работой крабами.

— Уф! — воскликнул учитель.— Он оставил дома своих демонов, но нашел себе новых... Пора бы нам выйти наружу и погреться на солнышке. Мантар, мой милый бестолковый ученик, я хочу, чтобы ты развел на берегу огонь. Полей дрова маслом, не жалея, чтобы угли были глубокими, горячими и красными, как в преисподней, и испеки нам дюжину крабов. Но потрудись выбрать тех, которые только что выбрались на берег из океана.

МОРФИЛЛА

В городе Амбри в Дельте после захода солнца, состарившегося и превратившегося в угольно-красную угасающую звезду, огни горели с ослепительной яркостью. И самыми блестящими, самыми сверкающими были светильники, освещавшие дом стареющего поэта Фамурзы, чьи анакреонтические баллады, воспевавшие земные радости, вино и любовь, принесли ему немалое состояние. Поэт прожигал его в безумных оргиях со своими друзьями и подхалимами. Здесь, в галереях, залах и комнатах факелы пылали, словно звезды на безоблачном ночном небе. Казалось, Фамурза хочет разогнать весь мрак, за исключением полутьмы в занавешенных беседках, установленных для тех гостей, которые будут охвачены внезапной любовной страстью.

Для разжигания этой страсти здесь было все — вина, подогревающие эликсиры, афродизиаки. Желающие могли отведать кушанья и плоды, которые возбуждали угасающие чувства. Странные заморские зелья служили для того, чтобы усиливать и продлевать наслаждение. В полускрытых нишах были расставлены диковинные статуэтки, а стены расписаны сценами чувственной любви, на которых тела людей и сверхъестественных существ сплетались в страстных объятиях. Фамурза нанимал певцов и певиц, исполнявших любовные песенки, танцоров и танцовщиц, чьи пляски были призваны возродить пресытившиеся чувства, когда все остальные способы оказывались бесполезными.

Но Вальцейн, ученик Фамурзы, известный как своим поэтическим даром, так и сластолюбием, был безразличен ко всем этим ухищрениям.

С равнодушием, граничившим с отвращением, он держал в руке полупустой кубок и взирал из своего угла на веселящуюся толпу. Он невольно отводил глаза от некоторых парочек, чересчур бесстыдных или слишком пьяных, чтобы искать уединения для своих утех. Учеником овладело внезапное пресыщение. Он чувствовал странное желание вырваться из трясины пьянства и похоти, в которую еще не так давно погружался с неизменным удовольствием. Казалось, он остался один на пустынном берегу, омываемом водами усиливающегося отчуждения от всех этих людей.

— Что с тобой, Вальцейн? Или вампир высосал всю твою кровь? — вопросительно тронул его за локоть Фамурза, румяный, седовласый, слегка располневший — само воплощение жизнелюбия. Дружески положив одну руку на плечо Вальцейна, другой он поднял свой внушительный кубок, из которого обычно пил только вино, избегая могущественных эликсиров, столь часто предпочитаемых сибаритами Амбри.

— Это меланхолия? Или безответная любовь? У нас здесь есть лекарства от обоих недугов. Только пожелай.

— Моя печаль неисцелима,— ответил Вальцейн.— Что же касается любви, я прекратил беспокоиться, взаимна она или нет. В любом напитке я чувствую лишь осадок. А все поцелуи мне прискучили.

— Да, у тебя меланхолия,— в голосе Фамурзы послышалось беспокойство.— Я читал некоторые из твоих последних стихов. Ты пишешь лишь о могилах и тисовых деревьях, о червях, призраках и загробной любви. Эта чепуха доводит меня до колик, и после каждой твоей поэмы мне требуется, по меньшей мере, полгаллона доброго вина.

— Хотя до последнего времени я и не подозревал об этом,— признался Вальцейн,— я открыл в себе интерес к миру духов, жажду к вещам, лежащим вне пределов материального мира.

Фамурза сочувственно покачал головой:

— Хотя я прожил на свете вдвое дольше, чем ты, но все еще доволен тем, что вижу, слышу и чего касаюсь.

Хорошее сочное мясо, женщины, вино, песни голосистых певцов — вот и все, что мне нужно от этой жизни.

— В своих снах,— задумчиво произнес Вальцейн,— я видел суккуб, которые были чем-то неизмеримо большим, нежели обычные женщины из плоти и крови, я познал наслаждения слишком острые, чтобы очнувшееся ото сна тело могло удержать их. Есть ли источник у таких грез, кроме самого человеческого разума? Я дорого бы дал, чтобы разыскать этот источник, если он существует. А до той поры мне осталось лишь отчаяние.

— Такой молодой, и такой пресыщенный! Ну, если ты устал от женщин и желаешь любви призрака, я осмелюсь предложить один способ. Знаешь древний некрополь, лежащий между Амбри и Псиомом, примерно в трех милях отсюда? Пастухи говорят, что там живет ламия — дух принцессы Морфиллы, умершей несколько веков назад и погребенной в мавзолее, который все еще стоит, возвышаясь над более скромными надгробиями. Почему бы тебе не пойти туда ночью и не навестить некрополь? Он больше подойдет твоему настроению, чем мой дом. Возможно, Морфилла покажется и тебе. Но не вини меня, если не вернешься назад. За все эти годы ламия так и не утолила свою жажду человеческой любви, а ты вполне можешь ей приглянуться.

— Разумеется, я знаю это место,— сказал Вальцейн.— Но, по-моему, вы шутите.

Фамурза пожал плечами и смешался с толпой кутил. Смеющаяся танцовщица, белокурая и гибкая, подскочила к молодому поэту и накинула ему на шею аркан из сплетенных цветов, объявив его своим пленником. Он осторожно разорвал венок и холодно поцеловал девушку, чем вызвал на ее личике гримасу неудовольствия. Незаметно, но быстро, прежде чем кто-то еще из веселящейся толпы попытался навязаться ему, Вальцейн покинул гостеприимный дом Фамурзы.

Побуждаемый не чем иным, как настоятельным желанием одиночества, он направился к городским окраинам, обходя стороной таверны и кабачки, в которых толпился народ. Музыка, смех, обрывки песен доносились до него из освещенных дворцов, где богатые жители Амбри каждую ночь устраивали пирушки. Но на улицах было не

слишком много гуляк, ибо было уже слишком поздно, чтобы собираться, и слишком рано, чтобы расходиться, для тех, кто приглашен на такие сборища.

Теперь, когда стареющее солнце Зотика померкло, огни поредели, и улицы погрузились во мрак ночи, окутавшей Амбри. Погасли дерзкие скопления ярко освещенных окон. Именно об этом, да еще о загадке неизбежной смерти размышлял Вальцейн, когда окунулся в столь благословенную для его уставших от яркого света глаз тьму окраин.

Приятной была и тишина, царившая на дороге, по которой он шел, сам не зная куда. По некоторым ориентирам, видным даже во тьме, он осознал, что бредет по дороге из Амбри в Псиом, город-близнец Дельты. Именно посередине этой петляющей дороги и был расположен давно заброшенный некрополь, город мертвых, куда Фамурза иронически отправил Вальцейна.

Воистину, думал он, приземленный Фамурза своими циничными словами как-то опошлил основу его разочарования в чувственных удовольствиях. Было бы замечательно провести час или два в том городе, чьи обитатели давно возвысились над мирскими страстями, пресыщением и иллюзиями.

Растущая луна поднялась, когда он достиг подножия невысокого кладбищенского холма. Поэт свернул с вымощенной камнем дороги и начал подниматься по склону, на вершине которого блестели мраморные надгробия. Он шел по запутанным тропинкам, протоптанным пастухами и их стадами. Размытая, удлиненная и худая, его тень двигалась перед ним, точно призрачный проводник. В своем воображении Вальцейн взбирался по слегка покатой груди какой-то великанши, усыпанной тусклыми самоцветами надгробий и мавзолеев. Он поймал себя на том, что в своей поэтической прихоти гадает, умерла ли эта великанша, или всего лишь спит.

Добравшись до обширной ровной площадки на вершине холма, где чахлые карликовые тисы боролись с можжевельниками за место между покрытыми лишайниками плитами, он вспомнил историю, о которой упомянул Фамурза. Ламия, по слухам, обитала в некрополе. Вальцейн хорошо знал, что Фамурза не из тех, кто верит в подобные

легенды, он хотел лишь посмеяться над его похоронным настроением. И сейчас, по своей прихоти, ученик начал играть с воображаемым образом некого существа, неизмеримо древнего, прекрасного и губительного. Оно жило среди древних надгробий и ответило бы на призыв человека, который, сам в это не веря, тщетно жаждал бы появления этого сверхъестественного создания.

Пройдя между могильными камнями, озаренными лунным светом, он вышел к величественному мавзолею, почти не тронутому разрушением, все еще возвышающемуся в центре кладбища. Под ним, как говорили, находились необъятные склепы, где лежали мумии членов давно вымершей королевской династии, правившей над городами-близнецами Амбри и Псиомом в прошлые века. Принцесса Морфилла принадлежала к этой династии.

К его изумлению, на упавшей колонне позади мавзолея сидела женщина или, по крайней мере, существо, казавшееся женщиной. Он не мог отчетливо ее разглядеть, ибо тень от надгробия окутывала ее тело. Только лицо, подставленное свету восходящей луны, тускло белело в сумраке. Профиль был тем самым, который Вальцейну доводилось видеть на античных монетах.

— Кто ты? — спросил он с любопытством, которое заставило его отбросить всякую вежливость.

— Я — ламия Морфилла,— ответила она голосом, слабо и неуловимо отозвавшимся в ночи, точно внезапно прерванный напев арфы.— Берегись меня, ибо мои поцелуи запретны для тех, кто хочет остаться в живых.

Вальцейн был поражен этим ответом, так хорошо вплетавшимся в канву его фантазий. Но рассудок упрямо твердил ему, что видение — не дух из гробницы, а живая женщина, слышавшая легенду о Морфилле. Она захотела подразнить его и развлечься сама. Но какая же женщина отважится в одиночестве ночью отправиться в столь пустынное и зловещее место?

Вероятнее всего, это распутница, пришедшая на условленное свидание среди могил. Он знал, что находились такие гнусные развратники, которым для возбуждения остывших чувств требовались кладбищенские декорации.

— Наверное, ты кого-то ждешь,— предположил поэт.— Я не хотел бы помешать.

— Я жду лишь того, кому судьбой предназначено придти ко мне. И мое ожидание было слишком долгим, ибо уже два столетия у меня не было возлюбленного. Оставайся, если хочешь — здесь некого бояться, кроме меня.

Несмотря на все рациональные объяснения, которые придумал Вальцейн, по его спине пополз холодок ужаса. Так человек подозревает присутствие сверхъестественных сил, не веря в них. И все-таки... Это не могло быть чем-то иным, кроме игры — игры, к которой он мог присоединиться, чтобы развеять свою скуку.

— Я пришел сюда в надежде встретить тебя,— объявил он.— Мне надоели смертные женщины, мне прискучили все удовольствия, мне опротивела даже поэзия.

— Мне тоже скучно,— ответила она просто.

Луна поднялась выше, освещая одеяние женщины, давным-давно вышедшее из моды. Оно плотно облегало ее грудь, талию и бедра, пышными складками ниспадая вниз. Такие одежды Вальцейн видел только на старинных рисунках. Принцесса Морфилла, умершая триста лет назад, вполне могла носить похожее платье.

Кем бы она ни была, подумал он, эта женщина была удивительно прекрасной, с сильно вьющимися волосами, цвета которых он не мог определить в неверном свете луны. Ее губы были невыразимо манящими, а под глазами залегли тени усталости или печали. Около правого уголка губ он заметил маленькую родинку.

Свидания Вальцейна с самозваной Морфиллой продолжались каждую ночь под луной то растущей, точно вздымающаяся грудь великанши, то вновь убывающей. Каждый раз она ожидала его у мавзолея, в котором, по ее уверениям, жила. И каждый раз она отпускала его, называя себя дочерью ночи, когда на востоке занимался бледный рассвет.

Поначалу настроенный скептически, молодой поэт считал ее особой со странными склонностями и фантазиями, схожими с его собственными. У него был роман, не лишенный своеобразной прелести. Он не находил ни намека на опыт, которого ожидал: казалось, она не имеет ни малейшего представления о настоящем, но обладает

сверхъестественной осведомленностью о прошедшем и о легенде Морфиллы. Вальцейн начал считать девушку ночным существом, уютно чувствовавшим себя лишь во тьме и одиночестве.

Ее глаза и губы, казалось, таят в себе забытые запретные секреты. В ее неопределенных уклончивых ответах он читал тайный смысл, вселявший страх и надежду.

— Я мечтала о жизни,— говорила она ему загадочно.— Но я мечтала и о смерти тоже. Сейчас, возможно, у меня другая мечта, и ты — ее часть.

— И я тоже хотел бы мечтать,— отвечал Вальцейн.

Ночь за ночью его отвращение и скука потихоньку отступали, сраженные очарованием призрачной обстановки, молчанием мертвых и его собственным отчуждением от похотливого и суетного города. Шаг за шагом, переходя от неверия к вере и обратно, он начал воспринимать девушку, как настоящую ламию. Тот неутолимый голод, который он ощущал в ней, мог быть голодом ламии; ее красота была совершенством существа, не принадлежавшего к миру людей. Он принимал свои отношения, как спящий человек то, что показалось бы немыслимым везде, кроме сновидения.

Вместе с верой росла и его любовь к ней. Страсть, которую он считал давно угасшей, вновь ожила в нем, еще более неистовая и неотступная.

Казалось, Морфилла отвечает на его чувства. Но она ничем не выдавала легендарного нрава ламий, уклоняясь от его объятий, отказывая ему в поцелуях, о которых он молил.

— Возможно, когда-нибудь позже,— обещала она.— Но сначала ты должен узнать, кто я такая, должен полюбить меня, не питая никаких иллюзий.

— Убей меня касанием своих губ, погуби меня, как, по слухам, ты погубила других своих возлюбленных,— умолял Вальцейн.

— Подожди,— ее улыбка была столь же нежной, сколько и мучительной.— Я не хочу, чтобы ты умер так скоро, ибо я слишком сильно люблю тебя. Разве не сладостны наши встречи среди гробниц? Разве я не исцелила твою тоску? Тебе так хочется прекратить наши свидания?

Но на следующую ночь он снова умолял ее, со всем пылом и красноречием заклиная уступить его страсти.

Девушка дразнила его:

— А вдруг я всего лишь бестелесный призрак, бесплотный дух? Может быть, я просто пригрезилась тебе? Ты хочешь пробудиться от своих грез?

Вальцейн бросился к ней, протягивая руки в страстной мольбе. Она отпрянула, сказав:

— А что, если я обращусь в пепел и лунный свет, когда ты коснешься меня? Ты будешь жалеть о своей опрометчивой настойчивости.

— Ты — бессмертная ламия,— твердил Вальцейн.— Мои чувства говорят, что ты не призрак, не бесплотный дух. Но для меня ты обратила все остальное в тень.

— Да, в своем роде я достаточно реальна,— подтвердила девушка, тихонько посмеиваясь. Затем внезапно наклонилась, коснувшись губами его горла. На краткий миг он почувствовал их влажную теплоту, а затем ощутил резкий укус зубов, слегка пронзивших кожу и мгновенно отстранившихся. Прежде чем он успел обнять ее, она вновь ускользнула.

— Это единственный поцелуй, дозволенный нам как подарок,— закричала она, и стремительно и бесшумно унеслась прочь, мелькая между поблескивавшими в темноте мраморными надгробиями.

На следующее утро неприятное и неотложное дело требовало поездки Вальцейна в соседний город Псиом — лишь короткое путешествие, одно из тех, которые он совершал совсем не часто.

Он проехал мимо древнего некрополя, с нетерпением ожидая ночного часа, когда мог бы вновь увидеть Морфиллу. Ее мучительный поцелуй, извлекший несколько капель крови, привел Вальцейна в состояние сильнейшей лихорадки и безумия. Он, как и древнее кладбище, был одержим, и наваждение преследовало его всю дорогу до Псиома.

Ему необходимо было занять некоторую сумму у ростовщика. Покончив с делом, он вышел из дома вместе с неприятным, но нужным ему человеком, и увидел проходящую по улице женщину.

Ее лицо было лицом Морфиллы, хотя платье, разумеется, было другим. Он разглядел даже ту самую крошечную родинку в уголке рта. Ни один кладбищенский призрак не мог бы сильнее поразить и испугать его.

— Кто эта женщина? — спросил поэт ростовщика.

— Ее зовут Бельдит. Она хорошо известна в Псиоме, богата и знатна, и у нее несметное множество любовников. У меня были кое-какие дела с ней, хотя сейчас она ничего мне не должна. Вы хотите с ней познакомиться? Я могу вас представить.

— О да, я хотел бы с ней познакомиться,— согласился Вальцейн.— Она до странности похожа на одну особу, которую я знал очень давно.

Ростовщик хитро взглянул на поэта:

— Ее, может быть, не так-то просто завоевать. Стали поговаривать, что в последнее время она удалилась от удовольствий города. Некоторые видели, как она по ночам ходит на старое кладбище и возвращается оттуда на рассвете. Странный вкус, скажу я вам, а ведь она не какая-нибудь там шлюха. Правда, возможно, она бегает на свидания с каким-нибудь чудаковатым любовником.

— Объясните мне, как найти ее дом,— потребовал Вальцейн.— Пожалуй, я смогу обойтись без вашей помощи.

— Как вам будет угодно,— ростовщик разочарованно пожал плечами.— Это не слишком далеко отсюда.

Вальцейн быстро нашел дом. Бельдит была одна. Она встретила его тоскливой и беспокойной улыбкой, которая не оставила никаких сомнений в ее личности.

— Насколько я понимаю, ты все-таки выяснил правду,— произнесла она.— Я хотела вскоре открыться тебе, ибо обман не мог продолжаться дольше. Ты рассержен?

— Я прощаю тебя,— грустно ответил Вальцейн.— Но почему ты вводила меня в заблуждение?

— Потому что ты именно этого хотел. Женщина старается не разочаровывать мужчину, которого любит, и любая любовь основана на обмане. Как и ты, Вальцейн, я устала от удовольствий. И стала искать одиночества в старом некрополе, таком далеком от мирских соблазнов. Ты тоже пришел, ища одиночества и покоя — или неземной призрак. Я сразу тебя узнала. И я читала твои поэмы. Зная легенду о Морфилле, я решила поиграть с тобой. Но заигравшись, я полюбила тебя. Вальцейн, ты влюбился в меня в облике ламии. Сможешь ли ты теперь любить ту, кто я на самом деле?

— Это невозможно,— заявил поэт.— Я боюсь, что меня опять постигнет такое же разочарование, которое испы-

тал с другими женщинами. И все же я благодарен тебе за те часы, что мы провели вместе. Это было лучшее, что мне довелось испытать — хотя я любил то, чего не существовало, да и не могло существовать. Прощай, Морфилла. Прощай, Бельдит.

Когда он ушел, Бельдит упала на свое ложе, зарывшись лицом в подушки. Она немного поплакала, и слезы намочили дорогую ткань, которая быстро высохла. Потом она довольно-таки проворно вскочила на ноги и занялась домашними делами.

Через некоторое время Бельдит вернулась к своим романам и пирушкам Псиома. Возможно, в конечном счете ей и удалось обрести покой, который может быть дарован тем, кто стал чересчур стар для удовольствий.

Но Вальцейн так и не нашел исцеления от своего последнего и самого горького разочарования. Не мог он вернуться и к утехам своей прежней жизни. Поэтому в конце концов он покончил с собой, вонзив в шею острый нож в том самом месте, где его укусили зубы лже-ламии, выпустив немного крови.

После своей смерти он забыл, что умер, забыл недавнее прошлое со всеми его происшествиями и обстоятельствами.

Он помнил лишь свой разговор с Фамурзой, и выйдя из его дома и из города Амбри, мертвый поэт отправился по дороге, ведущей к заброшенному кладбищу. Охваченный внезапным побуждением, он взошел по пологому склону к мраморным надгробиям, поблескивавшим в свете растущей луны.

Добравшись до обширной ровной площадки на вершине холма, где чахлые карликовые тисы боролись с можжевельниками за место между покрытыми лишайниками плитами, он вспомнил историю, о которой упомянул Фамурза. Ламия, по слухам, обитала в некрополе. Вальцейн хорошо знал, что Фамурза не из тех, кто верит в подобные легенды, он хотел лишь посмеяться над его похоронным настроением. И сейчас, по своей прихоти, ученик начал играть с воображаемым образом некого существа, неизмеримо древнего, прекрасного и губительного. Оно жило среди древних надгробий и ответило бы на призыв чело-

века, который, сам в это не веря, тщетно жаждал бы появления этого сверхъестественного создания.

Пройдя между могильными камнями, озаренными лунным светом, он вышел к величественному мавзолею, почти не тронутому разрушением, все еще возвышающемуся в центре кладбища. Под ним, как говорили, находились необъятные склепы, где лежали мумии членов давно вымершей королевской династии, правившей над городами-близнецами Амбри и Псиомом в прошлые века. Принцесса Морфилла принадлежала к этой династии.

К его изумлению, на упавшей колонне позади мавзолея сидела женщина или, по крайней мере, существо, казавшееся женщиной. Он не мог отчетливо ее разглядеть, ибо тень от надгробия окутывала ее тело. Только лицо, подставленное свету восходящей луны, тускло белело в сумраке. Профиль был тем самым, который Вальцейну доводилось видеть на античных монетах.

— Кто ты? — спросил он с любопытством, которое заставило его отбросить всякую вежливость.

— Я — ламия Морфилла,— ответила она.

НЕКРОМАНТИЯ В НААТЕ

О, как сладка загробная любовь
Меж мертвых, что не знают больше горя.
Как терпкое вино, она их ледяную кровь
Волнует в Наате, за бурным морем.

Песня галерных рабов

Ядар, принц кочевого народа полупустынного края, называемого Зирой, обошел уже многие и многие земли. Его путеводная нить зачастую была эфемернее разорванной паутинки. Вот уже тринадцать лун он искал Далили, свою нареченную. Работорговцы Ша-Карага стремительно и коварно, словно пустынные стервятники, похитили ее из родового стойбища вместе с девятью другими девушками, пока Ядар со своими людьми охотился на черных зиранских газелей. Страшным было горе Ядара и ужасен гнев, когда вечером он вернулся к опустевшим палаткам. Принц дал великий обет найти Далили где угодно: на невольничьем рынке, в публичном доме или в гареме — живую или мертвую, потратив один день или же долгие годы.

Юноша переоделся торговцем коврами и в сопровождении четырех слуг в подобающих одеждах объехал все столицы Зотика, жадно прислушиваясь к слухам на базарах. Шло время, один за другим от неведомых болезней и трудностей пути умерли его спутники. Наконец, после

долгих бесплодных блужданий в одиночестве, он вступил в Орот — порт на западном побережье Зилака.

Здесь переодетый принц услышал сплетни, которые могли иметь отношение к его невесте. Жители Орота до сих пор судачили об отплытии богатой галеры с прекрасной чужеземной девушкой, по описанию похожей на Далили. Император Зилака купил ее и отправил в подарок правителю далекого южного королевства Йорос в честь заключения между двумя странами дружеского договора.

Вновь обретя надежду найти возлюбленную, Ядар сел на корабль, идущий в Йорос. Это была маленькая торговая галера с зерном и винами. Она плавала на север и на юг, но никогда не отваживалась выйти в открытое море, а тесно прижималась к извилистым западным берегам Зотика. Ясным летним днем мореплаватели покинули порт в предвкушении неторопливого, безмятежного плавания. Но на третий день с низких берегов, вдоль которых они шли, вдруг задул бешеный ветер, небеса омрачились тучами. На корабль опустилась непроницаемая мгла, подобная ночи, буря подхватила суденышко и понесла в непроглядную бушующую даль.

Только через два дня ветер умерил свой гнев и превратился в еле уловимый шелест, а небеса очистились, являя светлый лазурный свод. Но нигде не было видно земли, и тишину нарушал только шум воды, все еще беспокойно волнующейся, несмотря на отсутствие ветра. Волны стремились на запад таким сильным потоком, что галера не могла противостоять ему. И это странное течение, больше похожее на подводный ураган, пленило судно.

Ядара, единственного пассажира, просто потрясли бледные от ужаса лица капитана и команды. Всматриваясь в морскую даль, он заметил необычное потемнение воды, принимавшее оттенок запекшейся крови. С каждой минутой море становилось все более и более темным, хотя солнце сияло ярко, не затеняемое ни единым облачком. Принц обратился к капитану — почтенному седобородому старику родом из Йороса, по имени Агор, который сорок лет бороздил океан. Ответом ему были слова:

— Я предчувствовал худое, когда шторм понес нас на запад: мы стали пленниками ужасного течения, которое мореплаватели называют Черной Рекой. Все сильнее и

быстрее поток стремится к месту последней стоянки солнца, пока, наконец, не низвергнется с края земного диска. Сейчас между нами и этой последней гранью стоит только зловещая земля Наата, ее называют еще островом Некромантов. Я не знаю, какая судьба страшнее: быть выброшенными в никуда или попасть на этот остров. Живому человеку нет пути назад из бездны за краем земли. И никто никогда не покидал остров Наат, кроме злых колдунов, населяющих его, и мертвых, которых они воскрешают и над которыми властвуют. У некромантов есть волшебные корабли — они могут бороться с течением Черной Реки. Колдуны путешествуют всюду, и мертвые, находящиеся под их чарами, в течение многих дней и ночей без устали плывут туда, куда прикажут проклятые хозяева.

Ядар почти ничего не слышал о колдунах и некромантии, поэтому несколько недоверчиво отнесся к рассказу капитана. Но он видел, как темнеющие воды все более бурно и стремительно уносятся к горизонту, и оставалась поистине ничтожная надежда на то, что корабль сможет вернуться к прежнему курсу на юг. Принц терзался: неужели он никогда не достигнет Йороса, где мечтал отыскать прекрасную Далили?

Весь день суденышко неслось, точно по волшебству, под безветренными и безоблачными небесами, увлекаемое бешеными морскими водами. Свет дня сменился оранжевым закатом, за которым последовала ночь. Огромные немигающие звезды озарили небо и вновь погасли с наступлением янтарного рассвета. Но течение все еще не замедлилось и в бескрайнем просторе не было видно ни земли, ни облачка.

Ядар не слишком много разговаривал с моряками после того, как те не смогли объяснить, отчего так потемнела вода. Им овладело отчаяние, но он стоял у фальшборта и всматривался в небо и волны с терпеливым ожиданием, которому научила его кочевая жизнь. К полудню юноша разглядел вдалеке странное судно с мрачными фиолетовыми парусами, плывшее к востоку против могущественного течения. Он обратил на него внимание Агора, и капитан, сквозь зубы бормоча морские ругательства, сказал, что это корабль некромантов Наата.

Вскоре фиолетовые паруса пропали из вида, но немного позже Ядар различил в высоких волнах с подветренной

стороны галеры что-то, очень похожее на человеческие головы. Ни один смертный не мог плыть в таком бурлящем течении. Принц припомнил слова капитана о мертвых пловцах с Наата и ощутил тот трепет перед сверхъестественным, который охватывает даже храбреца. Он промолчал об увиденном, а его спутники, казалось, ничего не заметили.

Галера все плыла вперед, но гребцы праздно сидели на веслах и капитан равнодушно стоял у бесполезного руля.

Близилась ночь, солнце садилось над бурным и черным, как смоль, океаном. А на западе возникла огромная гряда грозовых облаков, длинная и поначалу низкая, но быстро вздымавшаяся к небесам своими громадными верхушками. Она делалась все выше и выше, предупреждая об угрозе затаившихся за ней скал или мрачных, устрашающих рифов, но, странное дело, облака не меняли формы. Наконец Ядар догадался, что там, вдали, в длинных лучах заходящего солнца вздымается остров. Он отбрасывал тень на многие лиги, еще более затемняя мрачные воды, на которые словно опустилась преждевременная ночь. Пенные гребешки волн, игравших на подводных рифах, в этой тени казались белыми, словно оскаленные зубы смерти. Испуганные пронзительные возгласы моряков подтвердили догадку, что впереди был ужасный остров Наат.

Течение со страшной скоростью несло путешественников к ощеренному утесами побережью. Рокот безжалостного прибоя заглушил голоса моряков, громко взывавших к своим богам. Ядар, стоя на носу корабля, возносил немую молитву грозному, мрачному божеству своего племени. Взгляд принца, словно взгляд морского орла, цепко следил за растущими очертаниями острова, замечая и наводящие ужас обнаженные скалы, и сползающие к морю пески, и белые чудовищные буруны у сумрачного берега.

Остров словно был накрыт какой-то зловещей завесой, предвещающей беду. Сердце Ядара упало, как кусочек свинца погружается в темные морские воды. Когда течение подтащило суденышко ближе к острову, принц смутно различил передвигающихся по низкому пляжу людей: их силуэты мелькали в просветах между волнами то и дело исчезая среди пены и брызг. Прежде чем принц смог разглядеть их, галеру с оглушительным грохотом и скре-

жетом бросило на риф, скрытый под стремительно несущимися водами. Камни проломили нос и днище, и, когда следующий вал поднял судно с рифов, корабль стремительно заполнился водой и затонул вместе с командой. Один Ядар успел выпрыгнуть прежде, чем корабль погрузился в воду. Будучи не очень искусным пловцом, принц быстро ослабел и пошел ко дну, увлекаемый водоворотами этого жестокого моря.

Чувства, казалось, покинули его. В меркнущем сознании, словно потерянное прошлогоднее солнце, ослепительно сверкнул образ Далили. Будто в яркой фантасмагории, промелькнула череда счастливых дней, проведенных с возлюбленной. Видения исчезли, и отчаянным усилием юноша заставил себя очнуться, ощутил во рту горечь морской воды, ее неумолчный шум в ушах и ее стремительную темноту повсюду вокруг себя. Немного придя в себя, он различил какую-то фигуру, плывшую рядом и поддерживающую его над водой.

Принц поднял голову и сквозь пелену увидел бледную шею и длинные черные волосы, струящиеся по волнам. Коснувшись тела, он понял, что это была женщина. Удары волн мешали думать, но он смутно почувствовал что-то знакомое: когда-то очень давно, в прежней жизни, он встречал девушку с этими черными волосами и такой линией щек. Силясь вспомнить, Ядар еще раз дотронулся до спасительницы и ощутил странную холодность ее обнаженного тела.

Поистине сверхъестественными были сила и искусство бесстрашной союзницы, ибо она с легкостью рассекала вздымающиеся и вновь опадающие волны. Внезапно с вершины вала стал виден стремительно надвигающийся берег. Казалось, что ни один пловец, как бы искусен он ни был, не сможет живым выбраться на песок сквозь эти бешеные буруны. Наконец их с головокружительной скоростью подбросило кверху, как будто прибой собирался швырнуть их на самый высокий утес. Но волна медленно и лениво опала и откатилась назад, будто усмиренная каким-то неведомым заклятием. Ядар и его спасительница, невредимые, оказались на изрезанном уступами пляже.

Девушка молча поднялась на ноги, знаком приказала принцу следовать за ней и пошла прочь в губительные синие сумерки, даже не обернувшись, чтобы взглянуть на

спасенного. Ядар направился следом, но вдруг услышал зловещее песнопение, заглушавшее рев разъяренного моря. Невдалеке во тьме вырисовывался странный костер из принесенных морем обломков дерева. Спутница двигалась прямо на свет и голоса. Когда глаза принца привыкли к неверным сумеркам, он различил, что огонь разведен в полузатопленной расщелине между утесами, окружавшими берег. У костра сгрудились три высокие жуткие фигуры в темных одеяниях. Они пели.

Из глубин памяти принца опять всплыли слова капитана галеры о некромантах Наата и их черной магии. Даже самый звук этого мрачного песнопения, пусть и на незнакомом языке, заставлял стыть кровь в жилах и сковывал сердце могильным холодом. И хотя Ядар почти ничего не понимал в волшебстве, ему почудилось, что звучавшие слова обладали колдовским смыслом и силой.

Выйдя вперед, девушка низко, точно рабыня, склонилась перед поющими. Три колдуна, не прерываясь, продолжали заклинание. Костлявые, как истощенные стервятники, огромного роста, они точь-в-точь походили друг на друга. Глаза можно было заметить лишь по красным искрам отраженного в них пламени костра. И когда они пели, их взгляды, казалось, устремлялись вдаль, на чернеющее море и на то, что скрывали сумрак и расстояние. Подойдя поближе, Ядар мгновенно ощутил тошнотворный ужас и отвращение, как будто очутился в склепе, охваченном всепоглощающим разложением.

Пламя взметнулось ввысь. Его извивающиеся языки напоминали переплетающихся разноцветных змей. Яркий свет заиграл на лице девушки, спасшей Ядара от смертоносных вод Черной Реки. Теперь принц понял, отчего в его груди зашевелились смутные воспоминания: это была его потерянная любовь, Далили!

Забыв о присутствии мрачных колдунов, он бросился к любимой, в исступленном порыве выкрикивая ее имя. Но Далили молчала и лишь легким трепетом отозвалась на его объятие. Пораженный Ядар ощутил, как исходящий от ее тела гробовой холод сковывает его руки и проникает даже через одежду.

Смертельно бледными и безжизненными были уста, которые он целовал, дыхание не пробивалось сквозь сом-

кнутые губы. Не волновалась грудь, прижатая к его груди. В прекрасных, широко распахнутых глазах возлюбленной промелькнула бледная тень узнавания и опять сменилась пустотой забытья. Так на миг пробудившийся спящий вновь быстро ускользает в долину снов.

— Ты ли это, о Далили?

И она ответила сонно, безразличным голосом:

— Да, я Далили.

Исстрадавшемуся Ядару показалось, будто ее голос доносится из страны более далекой, чем весь путь, пройденный им в поисках невесты. Страшась осознать перемену, произошедшую с ней, он нежно промолвил:

— Ты же знаешь меня, Далили. Я — твой возлюбленный, принц Ядар. Я прошел за тобой полмира и переплыл ради тебя безбрежное море.

Бездумным эхом она повторила его слова, точно опоенная зельем:

— Я знаю тебя.

Такой ответ еще более взволновал юношу. Его насторожило то странное отражение его собственных слов, каким дважды отвечала Далила.

Трое поющих прекратили свое колдовство, но принц не заметил этого, он забыл об их присутствии. Он крепко прижимал девушку к своей груди, когда некроманты подошли и один из них коснулся руки Ядара. Незнакомец окликнул юношу по имени и обратился к нему, хотя и несколько неуклюже, на распространенном на Зотике языке:

— Мы приветствуем тебя на острове Наат.

Ядар, предчувствуя самое страшное, резко спросил его:

— Что вы за существа? Как Далили попала сюда? Что вы с ней сделали?

— Я — Вакарн, некромант, а эти двое — мои сыновья, Вукол и Альдал, тоже некроманты. Мы живем в доме за скалами, и нам служат утопленники, которых мы своим колдовством вызываем из морских пучин. Среди них и эта девушка, Далили, а с ней вся команда корабля, на котором она плыла из Орота. Как и твою галеру, их судно унесло далеко в море, его тоже подхватила Черная Река и выбросила на рифы Наата. Мы с сыновьями владеем могущественным заклинанием: оно не требует ни маги-

ческих кругов, ни пентаграмм. Волшебное пение призвало к нам всех, кого поглотило в тот раз ненасытное море. Точно так же мы вызвали теперь команду твоей галеры, из которой ты один был спасен мертвой Далилилой.

Вакарн умолк и застыл, внимательно вглядываясь в синюю мглу, и Ядар услышал за спиной звук медленных шагов по прибрежной гальке, приближающихся от линии прибоя. Обернувшись, он увидел возникшего из фиолетовых сумерек старого Агора, позади капитана шли матросы и гребцы. Ступая словно лунатики, они приблизились к костру, а с их одежды, волос и даже изо рта текла вода. Некоторые были в синяках, другие едва тащились на переломанных о подводные скалы ногах, а на лицах лежала печать жребия тех, кому суждено найти свою кончину на морском дне.

Утопленники безучастно кланялись Вакарну и его сыновьям, покоряясь тем, кто вызвал их из долины смерти. Их остекленевшие глаза, казалось, не узнавали Ядара и не видели ничего, что происходило вокруг. Речь была лишь тупым повторением нескольких незнакомых слов, с которыми к ним обращались некроманты.

Юноше даже почудилось, что и он вместе с ожившими мертвецами попал в темный, бесконечный кошмар.

Колдуны повели их сквозь мрачное ущелье, которое, петляя, поднималось к гористой части Наата. Ядар шел рядом с Далили, но в его сердце не было радости от встречи с возлюбленной: любовь сплеталась с отчаянием.

Вакарн освещал путь головней, вынутой из костра. Вскоре над бушующим морем взошла огромная луна, красная, словно смешанная с гноем кровь. Прежде чем ее диск приобрел обычную смертельную бледность, они вышли из ущелья на каменистый холм, где стоял дом магов.

Дом был построен из темного гранита, длинные низкие крылья утопали в густой листве. Сзади возвышался утес, а над ним виднелись в лунном свете мрачные горные склоны и острые хребты, простирающиеся вдаль.

Обитель некромантов казалась местом, опустошенным смертью: в окнах не горело ни огонька, а стоявшая тишина могла соперничать с безмолвием темного неба. Ступив на порог, Вакарн произнес какое-то слово, эхом прокатившееся по внутренним залам. В ответ повсюду засияли

лампы, заполняя дом своими чудовищными желтыми глазами, и в воротах, точно почтительные тени, появились слуги. Но их лица заливала гробовая бледность, а некоторые были тронуты зелеными пятнами тления или изъедены червями.

Ядара пригласили в главный зал, где обычно в одиночестве трапезничали Вакарн, Вукол и Альдал. На возвышении из гигантских плит стоял стол магов, а внизу, за другими столами, собралось около двухсот утопленников. Среди них была и Далили, ни разу за все время не взглянувшая на жениха. Принц хотел присоединиться к девушке, не желая больше расставаться с ней, но внезапно на него навалилась страшная усталость. Казалось, какие-то незримые цепи сковали члены, он не мог сдвинуться с места и понуро сидел рядом с угрюмыми, неразговорчивыми колдунами. Маги же настолько привыкли все время жить с безмолвными мертвецами, что переняли изрядную часть их манер. Наблюдая за ними, Ядар еще более отчетливо, чем раньше, увидел, насколько эти трое похожи друг на друга: они казались скорее родными братьями, нежели отцом и сыновьями и словно не имели возраста, не были ни молодыми, ни старыми. И все сильнее и сильнее он ощущал исходящее от них злое колдовство, могущественное и отвратительное, точно скрытое дыхание смерти.

В странном оцепенении Ядар почти не удивлялся тому, как проходил этот странный ужин: еда возникала прямо на тарелке и бокалы сами собой наполнялись винами. Лишь еле слышный шелест шагов да мимолетное холодное дуновение выдавали присутствие невидимых слуг.

Мертвые за своими столами ели безмолвно и чопорно, но некроманты не притрагивались к пище, словно ожидая чего-то. Неожиданно за столом магов появился еще один стул, и Вакарн пояснил принцу:

— К ужину мы ждем гостей.

Вскоре открылась одна из дверей, и оттуда вышел обнаженный мужчина, огромного роста, с невероятными мускулами, загорелый до черноты. Его облик был ужасен: глаза расширены, точно в приступе ужаса, на толстых фиолетовых губах клочья пены. За ним следовали двое мертвых моряков с тяжелыми ржавыми ятаганами — стражники, конвоирующие заключенного.

— Это людоед,— объяснил Вакарн.— Наши слуги поймали его в лесу за горами. Там обитает много подобных дикарей.

Затем он добавил:

— Только сильные и храбрые живут в этом доме. Не случайно, принц Ядар, и тебе оказана такая честь. Смотри внимательно на то, что сейчас произойдет.

Дикарь задержался на пороге, словно обитатели дома страшили его больше, чем ятаганы. Тогда один из конвоиров взмахнул рукой с ржавым лезвием — кровь хлынула из глубокой раны на теле людоеда, и он шагнул вперед. Конвульсивно содрогаясь, как испуганное животное, он отчаянно оглядывался по сторонам в поисках пути для побега. Второй удар заставил его подняться на возвышение и подойти к столу некромантов. Вакарн глухо произнес несколько слов, и каннибал сел, все еще дрожа, на стул рядом с хозяином, напротив Ядара. За ним с занесенными ятаганами застыли наводящие ужас охранники, выглядевшие так, как будто умерли не меньше двух недель назад.

— Остался еще один гость,— промолвил Вакарн.— Он подойдет попозже, не будем его ждать.

Без дальнейших церемоний он принялся за еду, и Ядар, хотя и без особого желания, последовал его примеру. Принц едва ощущал вкус яств, наполнявших его тарелку, и вряд ли ответил бы, кислым или сладким было вино, которое он пил. Его мысли метались между Далили и опасностью собственного положения.

Несмотря на оцепенение тела, чувства Ядара странным образом обострились. Он заметил какие-то потусторонние тени, скользящие между лампами, и услышал холодный свистящий шепот, от которого кровь застыла в жилах. В нос ему ударили те запахи, что сопровождают смерть от часа ее прихода до окончания тления.

Вакарн и его сыновья набросились на еду с невозмутимостью людей, давно привыкших к такому окружению. Но каннибал, чей страх ощущался прямо-таки физически, не прикоснулся к лежащей перед ним пище. Кровь из его ран струями стекала по груди, звонко капая на каменные плиты.

Наконец, по настоянию Вакарна, говорившего с людоедом на его родном языке, тот выпил глоток вина из

кубка. Это вино отличалось от поданного всем остальным и было фиолетового цвета, темное, как цветки паслена, тогда как вино в других кубках было красным, подобно цветку мака. Едва дикарь пригубил свой бокал, как тут же откинулся на спинку стула, словно разбитый параличом. Его скрюченные пальцы неловко держали кубок, разливая остатки вина на пол. Даже легкой дрожи не пробегало по его телу, но глаза были широко открыты, и в них еще теплилось сознание.

Страшное подозрение охватило юношу, и угощение некромантов встало у него поперек горла. Он был поражен действиями своих хозяев, а те, тоже прекратив есть, привстали в своих креслах и внимательно вглядывались во что-то позади Ядара. Принц оглянулся и заметил в одной из плит пола маленькое отверстие. По величине оно подошло бы какому-нибудь небольшому животному, но Ядар не мог представить себе, какой зверь способен вырыть нору в гранитной плите.

Громким, чистым голосом Вакарн выкрикнул одно-единственное слово:

— Эсрит!

Вскоре после этого в глубине норы сверкнули две маленькие искорки, и оттуда вынырнуло существо, своим видом и размером напоминающее ласку, но еще длиннее и тоньше. Это создание было покрыто ржаво-черным мехом, его лапы напоминали маленькие безволосые ручки, а горящие желтым пламенем глазки, казалось, вмещали всю гибельную мудрость и злобу демона. Быстро-быстро, извиваясь, точно волосатая змея, тварь проскользнула под стул людоеда, где уже натекла лужа крови, и начала жадно лакать.

Сердце Ядара сжалось от ужаса, когда жуткое существо заползло на колени дикаря, а оттуда перебралось на плечи и присосалось к еще кровоточащим ранам. Каннибал не шевелился в своем кресле, но его глаза медленно, с ужасным выражением расширились, щеки стали мертвенно белыми, губы слегка разомкнулись, обнажая белые и крепкие, как у акулы, зубы.

Некроманты возобновили ужин, поглядывая на маленькое кровожадное чудовище, и Ядар догадался, что это тот самый гость, которого они ждали. Принц не знал,

было ли создание обыкновенной лаской или же духом-хранителем колдуна, только гнев наполнил его сердце, и он занес над мерзкой тварью меч. Но Вакарн быстро начертил указательным пальцем в воздухе какой-то странный знак, и рука юноши повисла на полпути, а пальцы стали слабыми, как у младенца, и меч выскользнул из его ладони, глухо звякнув о пол. Затем, повинуясь безмолвному приказу некроманта, он вернулся на свое место за столом.

Жажда похожего на ласку существа, казалось, была неутолима, ибо оно все сосало и сосало кровь. Могучие мускулы дикаря прямо на глазах странно съеживались, под сморщенными складками кожи начали вырисовываться туго натянутые жилы. Его лицо напоминало маску смерти, члены высохли, как у мумии, но присосавшаяся тварь увеличилась в размере не больше, чем раздувается живот горностая, напившегося крови домашней курицы.

По этому признаку Ядар понял, что существо действительно было демоном и, несомненно, хранителем Вакарна. Охваченный ужасом, он не мог оторвать глаз от происходящего. Наконец насытившееся чудовище отвалилось от людоеда, превратившегося к тому времени в мумию, и убежало, скользя и извиваясь, в свою нору.

* * *

Странной была жизнь, которую Ядару приходилось вести теперь в доме некромантов. Рабская покорность, сковавшая его во время первого ужина, не проходила. Он двигался в каком-то полусонном оцепенении, как будто повелители живых мертвецов и его подчинили себе. Но не эти путы крепче всего привязывали юношу к колдовской обители — любовь к Далили удерживала его тут, хотя эта любовь и обернулась сейчас проклятьем отчаяния. Он даже кое-что узнал о некромантах и их жизни, хотя Вакарн разговаривал редко и только с угрюмой иронией, а его сыновья были молчаливы, словно слуги-мертвецы. Оказалось, что похожий на ласку демон Эсрит служит колдунам на определенных условиях: каждое полнолуние он получает в награду кровь живого человека, обязательно очень сильного и храброго. И принц понял, что если только не

произойдет чуда и его не спасет колдовство более сильное, чем чары некромантов, то дни его сочтены и через месяц он погибнет. Ибо живыми во всем доме были только хозяева и он сам, все остальные уже прошли сквозь горькие врата смерти.

Одиночество царило в доме, далеко отстоящем от всех прочих домов. На берегах Наата жили и другие некроманты, но они нечасто общались с хозяевами Ядара. А за пустынными горными хребтами, в темных сосновых и кипарисовых лесах, обитали лишь дикие племена каннибалов, постоянно воевавших друг с другом.

Мертвые ночами жили в подземных пещерах, где лежали в каменных гробах, а днем выходили наружу работать. Некоторые возделывали сады на укрытом от морских ветров склоне, другие пасли темных коз и коров, все остальные ныряли за драгоценными жемчужинами в морские глубины. Море так жадно лизало скалившиеся гранитными зубами выступы берега, что ни один живой человек не дерзнул бы потревожить его пучины. За свою жизнь, которая длилась уже много дольше жизни обычного смертного, Вакарн собрал великое множество таких жемчужин. Иногда он или один из сыновей снаряжали волшебный корабль, противостоявший Черной Реке, и с мертвой командой ходили к берегам Зотика. Там можно было продать драгоценности и купить что-то, чего не создавала магия.

Странно и горько было Ядару узнавать в расхаживающих по острову трупах своих бывших спутников, которые в ответ на приветствие лишь бездумным эхом повторяли его слова. И еще горше, но с примесью смутной и скорбной сладости, было видеть Далили и говорить с ней. Напрасно принц старался возродить ее страстную любовь: душа невесты погрузилась в пучину забвения и не было оттуда возврата. С вечной безутешной тоской он искал ее душу в бездне более ужасной, чем бесконечный океан, что омывавший остров Некромантов.

Далили с детства любила плавать в неглубоких озерах родного края, поэтому оказалась среди ныряльщиков за жемчугом. Ядар часто сопровождал ее на берег и глядел на бурные волны, терзаемый желанием броситься туда и найти, если это возможно, вечный покой смерти. Он не-

пременно сделал бы так, но крепкие колдовские узы лишили принца прежней силы и решительности.

Отпущенный Ядару месяц подходил к концу, когда однажды вечером Вукол и Альдал нашли принца на скалистом берегу, где он, как обычно, ждал Далили, уплывшую далеко в стремительные воды. Не промолвив ни слова, они украдкой поманили юношу с пляжа, и тот последовал за ними, слегка заинтригованный. Головокружительно извилистая тропинка петляла с утеса на утес над изгибающимся берегом. До наступления темноты они пришли в укромную гавань, о существовании которой Ядар и не подозревал. В безмятежной бухте в тени скал пряталось судно с мрачными фиолетовыми парусами. Подобная галера, полным ходом идущая против течения Черной Реки, встретилась принцу по пути в Наат.

Юноша находился в недоумении: зачем его привели в эту тайную гавань и что означают странные жесты, которыми маги указывали на корабль. Наконец Вукол заговорил приглушенным шепотом, точно боясь, что его могут подслушать даже в этом удаленном месте:

— Если ты поможешь нам с братом исполнить один план, то сможешь покинуть Наат на этой галере. Более того, если пожелаешь, тебе будет позволено взять с собой красавицу Далили и несколько мертвых гребцов. Мы вызовем попутный ветер, который понесет твой корабль против течения Черной Реки и доставит к берегам Зотика. А откажешь нам — кровожадный Эсрит высосет твою кровь, всю до последней капли, а Далили навсегда останется презренной рабыней Вакарна. Днем она будет нырять за жемчугом для него, а ночью утолять его гнусную страсть.

Ядар почувствовал, что вновь обретает надежду и мужество. Слова Вукола вызвали в его душе бурю негодования против старого колдуна, а возможность спасти любимую и себя разрушила оковы гибельного колдовства старого некроманта, так долго державшие его в бездействии. Он быстро ответил.

— Я помогу в исполнении вашего плана, в чем бы он ни заключался, если только это будет в моих силах.

Альдал таким же шепотом продолжил речь брата, боязливо оглядываясь вокруг:

— Мы думаем, что Вакарн чересчур зажился на свете и слишком долго навязывает нам свою власть. Мы, его сыновья, стареем, и будет только справедливо, если мы унаследуем сокровища и магическую силу отца прежде, чем годы лишат нас удовольствия наслаждаться ими. Ты поможешь нам.

После недолгих размышлений Ядар рассудил, что убийство некроманта будет во всех отношениях праведным делом и не запятнает его честь. Поэтому он без колебаний сказал:

— Да, я помогу вам.

Заметно ободренный согласием, Вукол раскрыл подробности:

— Все должно быть закончено до завтрашней ночи, когда полная луна придет в Наат с Черной Реки и вызовет демона Эсрита из норы. Только завтра утром мы сможем застать Вакарна врасплох: по своему обыкновению, он войдет в магический транс. Волшебное зеркало в это время показывает отцу море с плывущими кораблями и далекие земли. Мы должны будем быстро умертвить его перед этим зеркалом, прежде чем он пробудится от транса.

* * *

В назначенный час братья, вооруженные длинными, холодно блестящими ятаганами, встретились с Ядаром в дальнем зале. Точно такой же ятаган Вукол принес принцу и объяснил, что оружие сначала закалили, прочитав смертоносные заклинания, а потом высекли на нем губительные руны. Ядар, предпочитавший собственный меч, отверг заколдованное оружие, и вся троица, крадучись, последовала в покои Вакарна.

Дом был пуст: все мертвецы ушли выполнять назначенные дневные работы. Не слышалось обычного шелеста невидимых шагов, не мелькали тени духов воздуха и просто привидений, что служили старому некроманту. В молчании заговорщики подошли к спальне, вход в которую преграждала темная шпалера с серебряными знаками ночи, окаймленная узором из многократно повторенных пяти имен архидемона Тусейдона. Братья остановились, опасаясь прикоснуться к шпалере, но Ядар решительно ото-

двинул ее, и они последовали за ним быстро, словно стыдясь своей трусости.

Просторная, с высокими сводами комната была озарена тусклым светом, что пробивался сквозь единственное окно, выходящее между густыми кипарисами прямо в чернеющее море. Ни одна из множества ламп не горела, и зал наполняли тени, подобные призрачным флюидам, сквозь которые колдовские кадила, перегонные кубы и жаровни казались трепещущими, точно одушевленные существа. Вакарн сидел спиной к входу перед гигантским треугольным зеркалом на змеевидной медной подставке. Магическое зеркало из электрума ярко пылало в сумраке, словно освещенное из невидимого источника, и незваные гости, подойдя ближе, были ослеплены его сиянием.

Казалось, что колдун действительно полностью погружен в привычный транс, ибо он спокойно вглядывался в зеркало, неподвижный, точно мумия. Братья отступили назад, но Ядар не заметил этого и подкрался к некроманту с занесенным мечом. Тут он увидел лежащий поперек колен Вакарна огромный ятаган, мелькнула мысль, что волшебник предупрежден. Несмотря на это, принц обрушил на его шею сильный удар. Но странный блеск ослепил в этот миг глаза юноши, словно луч солнца полыхнул из глубин зеркала через плечо колдуна. Лезвие меча отклонилось и наискосок вошло в ключицу, так что некромант, хотя и тяжело раненный, избежал обезглавливания. Очевидно, Вакарн предвидел попытку нападения и готовился драться, но был против воли зачарован колдовским сиянием зеркала и впал в забытье.

Теперь он очнулся, свирепый и молниеносный, словно раненый тигр, и бросился с ятаганом на принца. Тот, все еще ослепленный, не смог отразить удар, кривой кинжал глубоко рассек его правое плечо, и смертельно раненный юноша упал на пол у основания змееподобной руки, поддерживавшей зеркало.

Ядар чувствовал, как медленно угасает в нем огонек жизни, он видел, что Вукол выскочил вперед с отчаянием человека, идущего на неминуемую смерть, и мощным ударом рассек отцу шею. Почти отделенная, голова опрокинулась и повисла на тоненькой полоске кожи, любой смертный упал бы замертво в то же мгновение, но Вакарн

только пошатнулся. Магическая сила, заключенная в его теле, двигала им, когда он кинулся на отцеубийц. Кровь фонтаном била из шеи колдуна, отмечая его путь, а голова болталась на груди, словно чудовищный маятник. Ни один его удар не попал в цель, ибо он больше не видел и не мог точно направить свой ятаган, а сыновья проворно уворачивались, многократно раня его. Иногда некромант спотыкался о лежащего Ядара или задевал кинжалом зеркало, заставляя его звучать, будто гулкий колокол. Периодически схватка перемещалась к выходящему на море окну и ускользала от взора умирающего принца. Тогда он слышал странный звон, точно ятаганы волшебников раскалывали какие-то магические вещи, и громкое дыхание сыновей Вакарна, и глухие звуки ударов. И вновь битва возвращалась ближе к Ядару, и тот следил за ней тускнеющими глазами.

Невыразимо жестоко было то побоище, и Вукол с Альдалом уже начали задыхаться. Но вскоре силы покинули старого некроманта вместе с кровью, текущей из его многочисленных ран. Его шатало на бегу из стороны в сторону, ноги спотыкались, а удары совсем ослабли. Одежда превратилась в окровавленные лохмотья, некоторые члены были наполовину отрублены, и все тело искромсано, точно плаха под неумолимой секирой палача. Наконец ятаган Вукола перерезал тоненькую полоску, все еще соединявшую голову с телом, голова Вакарна упала и, подпрыгивая, покатилась по полу.

Тело некроманта задрожало, словно пытаясь удержаться на ногах, но стало оседать и рухнуло на пол. Как огромная безголовая туша, оно билось в конвульсиях, беспрестанно то приподнимаясь, то опять бессильно падая. Правая рука все еще крепко сжимала ятаган, и труп размахивал им направо и налево в надежде достать сыновей или упирался в пол, безуспешно пытаясь подняться. А голова все еще каталась по комнате и свистящим голосом сыпала проклятьями.

Внезапно что-то встревожило отцеубийц, они кинулись к выходу, намереваясь удрать. Но шпалера вдруг поднялась, из-под тяжелых складок выскользнуло черное змеевидное тело Эсрита и взметнулось в воздух. Одним бешеным скачком дух-хранитель добрался до шеи Вукола и вцепился в нее. Вонзив зубы в теплую плоть, демон

высасывал кровь, пока несчастный метался по комнате, тщетно стараясь отодрать его дрожащими пальцами.

Альдал, казалось, хотел убить ужасное создание: он закричал, умоляя брата стоять спокойно, и занес меч в ожидании подходящего момента. Но Вукол не слышал или был слишком взбешен, чтобы внять его мольбам. В этот момент голова Вакарна в своем беспрестанном кружении подскочила к Альдалу, ухватилась зубами за подол его одеяния и, зверски рыча, повисла на нем. Тот, охваченный паническим страхом, пытался отогнать ее ятаганом, но зубы отказывались ослабить мертвую хватку. Тогда младший некромант сбросил одежду, оставив ее на полу и, обнаженный, выбежал из комнаты. В тот же миг сознание покинуло умирающего принца...

* * *

Из омута забвения Ядар неясно увидел сияние далеких огней и услышал приглушенное пение. Ему чудилось, что эти огни и песнопения зовут его точно сквозь тонкую прозрачную стену и он всплывает из темных морских глубин. Принц находился в комнате Вакарна и над ним склонился Альдал. Лицо его окутывал дым из колдовских плошек. Наконец Альдал произнес:

— Восстань из мертвых и во всем повинуйся мне как владыке!

Дьявольские ритуалы и заклинания некромантии вернули Ядара к тому подобию жизни, которое возможно для воскресшего покойника. Он снова мог ходить, со сгустками черной запекшейся крови в ранах на плече и груди, мог отвечать некроманту-владыке так, как это делают живые мертвецы. Юноша вспомнил свою смерть и предшествовавшие ей обстоятельства равнодушно, как что-то, не имеющее значения. Он апатично оглядел подернутым дымкой взором разгромленную комнату и не нашел там ни отрубленной головы и тела Вакарна, ни трупа Вукола или демона Эсрита.

Потом до него снова донеслись слова Альдал:

— Следуй за мной.

И он пошел за некромантом на свет огромной красной луны, поднимавшейся из-за Черной Реки над Наатом. Там, на холме перед домом, лежала огромная куча золы,

в которой еще дотлевали угли, похожие на чьи-то горящие глаза. Альдал в задумчивости стоял над грудой, и Ядар стоял рядом с ним, не подозревая, что смотрит на догоревший погребальный костер.

Затем с моря неожиданно ворвался ветер, с пронзительным и заунывным воем он взметнул пепел в небо огромным облаком, а потом швырнул его в колдуна и юношу. Те едва устояли под порывами странного ветра; их волосы, бороды и одежды были в золе погребального костра. Потом вихрь поднялся ввысь, таща облако пепла над домом, занося его в двери, окна и заполняя им все комнаты. И многие дни спустя маленькие смерчи из пепла возникали под ногами тех, кто проходил по залам, хотя Альдал повелел мертвым подметать полы каждый день. Казалось, золу никогда не удастся полностью вымести из дома.

Что касается Альдала, то не так много осталось о нем рассказать, ибо его власть оказалась недолговечной. Полное одиночество (если не считать мертвых слуг) наградило его злой меланхолией, быстро превратившейся в безумие. Колдун больше не видел в жизни ни цели, ни смысла. Смертельная усталость напоминала коварное темное море, полное тихого шепота и призрачных рук, что тянут ко дну. Скоро он стал завидовать мертвым и считать их судьбу самой желанной из всех.

Однажды одинокий некромант вошел в комнату своего отца, куда не приходил со дня воскрешения принца, в руке он сжимал меч. Там, перед ярким, как солнце, колдовским зеркалом, он отсек свою собственную голову и упал в покрывавшую все густым слоем пыль. И поскольку не было отца и брата, чтобы вернуть его хотя бы к подобию жизни, Альдал навечно обратился в тлен и лежал, не тревожимый никем.

А в садах Вакарна мертвецы все так же продолжали работать, безразличные к исчезновению своих повелителей, разводя коз и коров, ныряя за жемчужинами в бушующее темное море...

После долгих испытаний Ядар соединился с Далили, его влекла к ней призрачная тоска, и в ее близости он находил призрачное успокоение. Прошли и забылись горячая страсть, пытка разлуки и беспросветное отчаяние. Он разделил с Далили темную любовь и сумрачное наслаждение мертвых.

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ГРОБНИЦЫ

Вечер, пришедший из пустыни в Фараад, принес с собой последних отставших от караванов путешественников. В винном погребке невдалеке от северных ворот множество бродячих торговцев из далеких стран, изнуренных и томимых жаждой, восстанавливали свои иссякшие силы знаменитыми винами Йороса. Чтобы развлечь их, сказитель, прерываемый лишь звоном кубков, рассказывал свою историю:

— Поистине велик был Оссару, король и маг. Он властвовал над половиной континента Зотик. Его армии были многочисленны и ужасающи, точно пески, гонимые пустынным самумом. Он повелевал джиннами бурь и темноты, он мог вызывать духов солнца. Люди боялись его колдовства, как зеленые кедры трепещут перед ударом молнии.

Почти бессмертный, он жил многие века, умножая свою мудрость и силу до самой смерти. Тасайдон, темный бог зла, благоприятствовал всем его начинаниям и заклятиям. А в свои последние годы король нашел себе товарища, ужасающего исполина Ниота Корфая, спустившегося на землю из другого мира верхом на огнегривой комете.

Оссару, чрезвычайно искушенный в астрологии, предвидел появление Ниота Корфая и в одиночестве отправился в пустыню, чтобы встретить его. Люди многих стран

видели, как падала зловещая комета, точно солнце, заходящее в ночи, но лишь король Оссару лицезрел прибытие Ниота Корфая. Темной безлунной ночью, в предрассветный час, когда все люди спали, он вернулся в Йорос. Он привел странного исполина в свой дворец и поселил в склепе под тронным залом, где приготовил для Ниота Корфая жилище.

Великан безвыходно жил в склепе, никем не виденный. Говорили, что он давал советы Оссару и учил его знаниям далеких планет. Когда звезды принимали определенное положение, в жертву Ниоту Корфаю посылали молодых девушек и юношей, спуская к нему в склеп. Никто из них не вернулся обратно, чтобы рассказать, что они там видели. Неизвестно, каков был облик исполина, но все, кому доводилось бывать во дворце, слышали в подземном склепе приглушенный шум, похожий на медленный грохот огромных барабанов, и странное бульканье, которое мог бы издавать подземный фонтан. Иногда из подвала доносилось зловещее кудахтанье, словно в подземелье заточили безумного василиска.

Многие годы Ниот Корфай служил королю Оссару, а тот взамен оказывал ему услуги. Потом великана поразил странный недуг, и никто больше не слышал доносящегося из ужасного склепа кудахтанья, и грохот барабанов и клекот фонтанов стали почти неразличимыми, а вскоре и совсем замолкли. Все чары короля были бессильны предотвратить смерть, но когда исполин испустил дух, Оссару окружил его тело двойным магическим кругом и запечатал склеп. А потом, когда и сам Оссару умер, склеп открыли, и рабы опустили туда мумию короля, чтобы он покоился рядом с останками Ниота Корфая.

С тех пор утекло немало времени, и имя Оссару помнят лишь сказители старинных легенд. Никто не знает, где тот дворец, в котором он жил, и окружавший его город. Некоторые утверждают, что он стоял в Йоросе, а другие — в королевстве Синкор, где позже династией Нимботов был построен город Йетлиреом. И доподлинно известно лишь одно: где-то в закрытом склепе лежит мертвое тело великана из чужих миров, а рядом с ним король Оссару. И они все еще окружены внутренним кругом заклятия Оссару, которое уберегает их тела от тления все

эти годы, пока разрушаются города и государства, а вокруг еще один внешний магический круг, защищающий место их вечного сна от любого вторжения. Каждый, кто войдет в дверь склепа, в мгновение ока умрет и обратится в тлен еще прежде, чем упадет на землю.

Вот что гласит легенда о короле Оссару и Ниоте Корфае. Никто не сумел найти их гробницу, но колдун Намира в своем неясном пророчестве много лет назад предсказал, что несколько путешественников, идущих по пустыне, однажды наткнутся на захоронение, сами о том не зная. И он сказал, что те путешественники, которые войдут в склеп, минуя дверь, увидят странное чудо. Пророк не говорил, что это за чудо, но упомянул лишь, что Ниот Корфай, существо из чужого мира, в своей смерти, как и в жизни, подчиняется чуждым законам. И до сих пор ни один человек не раскрыл тайну предсказания Намиры.

Братья Милаб и Марабак, торговцы драгоценностями из Устейма, завороженно внимали каждому слову рассказчика.

— Воистину, это очень странная сказка,— сказал Милаб.— Однако, всем известно, что в былые времена жили великие волшебники, владевшие могущественными заклятиями и творившие удивительные чудеса; были тогда и истинные пророки. А пески Зотика скрывают множество забытых могил и заброшенных городов.

— Удивительная история,— согласился с ним Марабак,— но у нее нет конца. Прошу тебя, о сказитель, расскажи нам еще что-нибудь. Не похоронен ли вместе с великаном и королем клад из золота и драгоценностей? Я видел гробницы, в которых мертвые были окружены стенами из золотых слитков, и саркофаги, из которых, точно загустевшая кровь вампиров, изливались потоки бесценных рубинов.

— Я пересказываю эту легенду так, как мне ее рассказал отец,— пожал плечами сказитель.— Те, кому суждено найти гробницу, доскажут остальное, если им посчастливится вернуться назад.

Милаб и Марабак с большой выгодой распродали в Фарааде все свои запасы неограненных камней, резных камей, талисманов, яшмовых и сердоликовых идолов. И теперь с грузом розовых и пурпурно-черных жем-

чужин из южных морей, черных сапфиров и винных гранатов Йороса, вместе с другими торговцами возвращались на север, через Тасуун в родной далекий Устейм на берегу восточного моря.

Дорога шла через опаленную безжалостным солнцем страну. Теперь, когда караван уже приблизился к границам Йороса, пустыня стала совершенно мертвой. Темные и неприветливые холмы напоминали лежащие навзничь мумии огромных великанов. Пересохшие русла рек впадали в сухие озера, покрытые коростами соли. Гребни серого песка вздымались на осыпающихся утесах, где когда-то плескались спокойные воды. Клубы пыли поднимались вверх и опадали, будто мимолетные призраки. Зловещий глаз стареющего солнца, точно чудовищно огромный уголь, равнодушно взирал на выжженную землю с обуглившихся небес.

Караван осторожно углублялся в эту гористую пустыню, по всей видимости, необитаемую и совершенно безжизненную. Подгоняя верблюдов, крупной рысью скакавших по глубоким узким ущельям, торговцы держали наготове свои копья и палаши и настороженными глазами обшаривали бесплодные горы, ибо здесь в скрытых пещерах скрывались в засадах дикие и жестокие полулюди-полузвери, которых называли гориями. Подобно вурдалакам и пустынным шакалам, они были пожирателями падали, но не брезговали и человечиной, питаясь преимущественно телами путешественников и выпивая их кровь вместо воды и вина. Эти страшные создания наводили ужас на всех, кому приходилось путешествовать между Йоросом и Тасууном.

Солнце подбиралось к зениту, пробиваясь своими палящими лучами на дно самых узких и глубоких ущелий Мелкий светло-пепельный песок был абсолютно неподвижен, не тревожимый больше ни единым дуновением горячего ветра. Ни одна ящерица не отваживалась показаться на раскаленных камнях.

Дорога плавно пошла под уклон, следуя по руслу какой-то древней реки между отлогими берегами. Здесь вместо всегдашних лужиц остались лишь ямы, заполненные голышами или зыбучими песками, в которые верблюды погружались по колено. И тут без какого-либо предуп-

реждения за изгибом извилистого русла возникла толпа омерзительных, бурых, как земля, гориев. Они появились сразу со всех сторон, по-волчьи прыгая с каменистых склонов, или же, подобно пантерам, бросались на путешественников с высоких уступов.

Эти отвратительные создания были невыразимо свирепыми и стремительными. Не издав не звука, за исключением хриплого кашля и фырканья, и вооруженные лишь своими острыми зубами да серповидными когтями, они волной навалились на караван. Казалось, что десятки этих существ набросились на каждого всадника. Несколько верблюдов сразу же упали на землю, когда гории принялись зубами рвать их ноги, бока и спины или, подобно бешеным собакам, повисли, вцепившись в горла. А всадники скрылись из виду, погребенные под телами беснующихся чудищ, которые немедленно бросились пожирать их. Сундуки с драгоценностями и тюки дорогих материй были вскрыты в свалке, яшмовые и ониксовые статуэтки валялись в пыли, жемчуга и рубины, никем не замечаемые, лежали в лужах крови, ибо в глазах гориев не имели ни малейшей ценности.

Милаб и Марабак, так уж получилось, ехали в хвосте каравана. Они немного отстали, хотя и не по собственному желанию, ибо верблюд, на котором ехал Милаб, ушибся о камень и захромал. Благодаря этому счастливому стечению обстоятельств они избежали нападения мерзких гориев. В ужасе остановившись, братья видели страшную судьбу, постигшую их товарищей, чье сопротивление было подавлено с ужасающей быстротой. Гории, однако, не заметили братьев, полностью поглощенные своим омерзительным пиршеством, жадно пожирая не только верблюдов и торговцев, которых им удалось сбить, но и своих собственных соплеменников, раненных мечами и копьями путешественников.

Милаб и Марабак с копьями наперевес собрались рвануться вперед, чтобы разделить мужественную и бесполезную гибель своих товарищей. Но, испуганные страшным шумом, запахом крови и зловонием, исходившим от тел гориев, верблюды заартачились и ускакали прочь, унося своих всадников назад по дороге, ведущей в Йорос.

Во время своей дикой скачки они увидели другую шайку гориев, появившихся на южных склонах и побежав-

ших им наперерез. Уходя от новой опасности, Милаб и Марабак повернули своих верблюдов в ответвляющееся ущелье. Хромой верблюд не мог бежать быстро, и братья, боясь обнаружить спешащих по пятам гориев, многие мили ехали на восток, к нависшему над ними солнцу. Около полудня они добрались до низкого и засушливого водораздела этой древней земли.

Сверху они оглядели равнину, изрезанную трещинами и выветренную, на которой виднелись белые стены и купола какого-то странного города. Братьям показалось, что он находится всего лишь в нескольких лигах от них. Решив, что нашли в далеких песках какой-то затерянный город, и надеясь наконец-то убежать от своих преследователей, они начали спуск по длинному склону, ведшему к равнине.

Два дня они шли по припорошенной пылью вязкой земле к постоянно отступавшим от них куполам, которые казались такими близкими. Их положение стало почти отчаянным, ибо у них оставалась лишь горсть сушеных абрикосов и на три четверти пустой бурдюк с водой. Вся провизия вместе с грузом драгоценностей осталась с грузовыми верблюдами каравана. Очевидно, им удалось избавиться от преследования гориев, но теперь их окружили красные демоны жажды и черные демоны голода. На второе утро верблюд Милаба отказался вставать и не отозвался ни на брань своего хозяина, ни на уколы его копья. Поэтому братьям пришлось поделить между собой оставшегося верблюда, и они ехали на нем вдвоем или по очереди.

Часто они теряли из виду сверкающий город, появлявшийся и вновь исчезавший, точно причудливый мираж. Но на второй день за час до заката они вступили вслед за длинными тенями разбитых обелисков и осыпавшихся сторожевых башен в переплетение древних улиц.

Очевидно, город когда-то был блестящей столицей, но сейчас большинство его величественных дворцов превратилось в груды обвалившихся глыб. Барханы пришли сюда через горделивые триумфальные арки, заполонив мостовые и дворы. Шатаясь от усталости, оплакивая крушение своих надежд, Милаб и Марабак брели по улицам в поисках колодца или пруда, который пощадили бы жестокие годы опустошения.

В сердце города, где стены храмов и великолепных зданий все еще преграждали дорогу всепоглощающим пескам, они обнаружили развалины старинного акведука, ведущего к бакам, сухим, точно печки. Братья видели забитые пылью фонтаны на рыночных площадях, но нигде не было ни намека на воду.

Утратив всякую надежду, они вышли к развалинам высокого строения, которое могло быть дворцом какого-то забытого монарха. Огромные стены все еще стояли, как обломки былого величия города. Ворота, охраняемые позеленевшими медными изваяниями мифических героев, круглились уцелевшими арками. Поднявшись по мраморным ступеням, путешественники очутились в огромном зале без крыши. Гигантские колонны возвышались, точно подпирая пустынные небеса.

Широкие плиты пола были усыпаны обломками обвалившихся сводов, балок и пилястров. В дальнем конце зала виднелось возвышение из белого мрамора с черными прожилками, на котором, вероятно, с давних времен стоял королевский трон. Приблизившись к нему, Милаб и Марабак услышали тихое и неотчетливое бульканье, точно журчание скрытого от глаз ручья или фонтана. Звук, казалось, шел из глубин под полом дворца.

Отчаянно пытаясь определить источник этого звука, они взобрались на возвышение. Здесь с высокой стены рухнула огромная глыба, мрамор треснул под ее весом, и часть плиты обрушилась в подземелье, образовав темное зияющее отверстие. Именно из этой дыры и исходило журчание, непрестанное и ритмичное, словно биение сердца.

Братья склонились над ямой, вглядываясь в оплетенную паутиной тьму, сквозь которую пробивалось неверное мерцание от неразличимого источника. Они не смогли ничего разглядеть. Ноздрей коснулся сырой и затхлый запах, точно дыхание сокровищницы, долгие годы простоявшей запечатанной. Им казалось, что равномерный, похожий на гул фонтанов шум раздавался всего лишь в нескольких футах ниже, во тьме, ближе к одному краю разлома.

Ни один из них не смог бы определить глубину подземного склепа. Коротко посовещавшись, братья вернулись к своему верблюду, невозмутимо ждавшему у входа

во дворец, и, сняв с него упряжь, связали поводья в один длинный ремень, чтобы использовать вместо веревки. У мраморного возвышения они закрепили один конец ремня на выступе упавшей глыбы и опустили другой в темную яму.

Крепко держась за веревку, Милаб спустился на глубину около десяти или двенадцати футов, прежде чем ноги нащупали твердую опору. Все еще не решаясь отпустить конец ремня, он очутился на ровном каменном полу. За стенами дворца быстро смеркалось, но сквозь дыру в плите над головой Милаба пробивалось слабое сияние, и бледный полумрак, проникавший в подземелье из каких-то невидимых склепов или с лестницы, позволял видеть смутные очертания опасно покосившейся полуоткрытой двери.

Пока Марабак проворно спускался вслед за братом, Милаб оглядывался вокруг в поисках источника шума, так похожего на журчание вожделенной воды. Он различил перед собой в ореоле колеблющихся теней смутные и странные контуры какого-то предмета, который мог уподобить лишь огромной клепсидре или же фонтану, окруженному причудливой резьбой.

Подземелье быстро затопила непроницаемая тьма. Затрудняясь определить происхождение предмета без факела или свечи, Милаб оторвал лоскут от подола своего пенькового бурнуса, поджег и поднял медленно горящий обрывок на вытянутой руке. В свете тускло тлеющего огонька путешественники более ясно разглядели чудовищно огромный предмет, громоздившийся перед ними, вздымаясь от усеянного осколками пола до теряющегося во тьме свода подземелья.

То был точно нечестивый сон безумного дьявола. Его основная часть или тело формой напоминало урну, стоявшую, словно на пьедестале, на странно накрененной глыбе камня в центре склепа. Она была серовато-белой, изрытой бесчисленными отверстиями. От груди и нижней части отходило множество похожих на руки и ноги ответвлений, свисавших до полу, будто чудовищные распухшие щупальца, а еще два отростка, упруго наклонившись, корнями тянулись в открытый и, на первый взгляд, пустой саркофаг из позолоченного металла с выгравированной на нем вязью причудливых древних значков.

Похожий на урну торс венчали сразу две головы. Одна была украшена острым, как у каракатицы, клювом и длинными раскосыми разрезами на том месте, где обычно располагаются глаза. Другая же, уютно расположившаяся рядышком с первой на узких плечах, была головой старика, мрачного, царственного и ужасного, с горящими, словно кровавые лалы, глазами и косматой, длинной, будто мох в джунглях, растительностью на омерзительно пористом носу-хоботе. Под хоботом на боку вырисовывались смутные очертания ребер, а некоторые выросты-щупальца заканчивались человечьими руками и ногами или обладали человекоподобными суставами.

В головах, членах и уродливом теле периодически раздавалось загадочное журчание, побудившее Милаба и Марабака проникнуть в склеп. При каждом звуке из чудовищных пор выделалась слизкая влага, медленно катившаяся вниз нескончаемыми каплями.

Братья замерли, лишившись дара речи, объятые липким ужасом. Не в состоянии отвести глаза, они наткнулись на зловещий взгляд человеческой головы, смотрящий поверх них с высоты своего неземного величия. Потом, когда пеньковый лоскуток в пальцах Милаба медленно угас, дотлевая, и тьма вновь заполнила склеп, они увидели, как невидящие щели во второй голове постепенно раскрылись, испуская горячий, желтый, нестерпимо слепящий свет, и превратились в огромные круглые глазницы. В тот же самый миг путешественники услышали странный грохот, похожий на барабанный, точно начало громко биться сердце огромного чудища.

Они осознавали только, что перед ними неземной или лишь частично земной кошмар. Ужасное зрелище лишило их всех мыслей и воспоминаний. И меньше всего они вспоминали сказителя в Фарааде с его преданием о спрятанной гробнице Оссару и Ниота Корфая, равно как и пророчество, что гробница будет найдена теми, кто придет в нее, не подозревая о том.

Молниеносно выпрямившись и потянувшись, чудовище подняло передние щупальца, переходящие в коричневые сморщенные старческие руки, и протянуло их к оцепеневшим от ужаса братьям. Из мерзкого, будто у каракатицы, клюва раздался пронзительный дьявольский клекот,

а губы царственного старика начали на незнакомом Милабу и Марабаку языке слова торжественного песнопения, звучавшие как колдовские заклинания.

Братья отпрянули от омерзительно шевелящихся рук. Охваченные безумным паническим страхом при свете, льющемся из пылающих глазниц, они увидели, как отвратительное чудище поднялось со своего каменного сиденья и подалось вперед, неуклюже и неуверенно шагая на своих разномастных ногах. Раздался топот слоновьих ног и спотыкающиеся шаги человеческих ступней, неспособных нести свою часть отвратительной туши. Исполин вытащил два щупальца из золотого саркофага, но их концы запутались в пустом, расшитом драгоценными камнями саване из бесценного пурпура, который вполне бы подошел мумии какого-нибудь короля. С беспрестанным безумным кудахтаньем и оглушительной бранью, переходящей в старческое брюзжание, двуглавое чудище нависло над Милабом и Марабаком.

Повернувшись, они без оглядки понеслись через огромный склеп. Перед ними, освещаемая лучами света из глазниц великана, виднелась полуоткрытая дверь из темного металла с проржавевшими петлями и задвижками, покосившаяся внутрь. Ширина и высота двери были поистине гигантскими, точно она была создана для существ неизмеримо более огромных, чем люди. За ней находился сумрачный коридор.

В пяти шагах от входной двери на пыльном полу была начерчена тоненькая красная линия, повторявшая очертания комнаты. Марабак, слегка опередивший брата, пересек линию и остановился, споткнувшись, точно ударился о какую-то невидимую стену. Его тело, казалось, растаяло под бурнусом, а само одеяние мгновенно превратилось в лохмотья, словно пережившие неисчислимое множество лет. Пыль заклубилась над полом прозрачным облаком, и там, где только что были протянутые руки Марабака, уже блестели белые кости. Потом и они тоже исчезли — и на пол упала куча истлевших лохмотьев.

Неуловимый запах тлена достиг ноздрей Милаба. Недоумевающий, он на миг прекратил свое бегство, и вдруг ощутил на своих плечах объятие липких сморщенных рук. Клекот и шепот двух голов оглушили его дьявольским

хором. Барабанный бой и шум плещущихся фонтанов гремели в его ушах. С последним криком он вслед за братом пересек красную черту.

Мерзкое чудище, одновременно бывшее человеком и ужасным порождением далеких звезд, неописуемый сплав сверхъестественного воскрешения, продолжало неуклюже ковылять вперед, не останавливаясь. Руки Оссару, позабывшего начатое было заклинание, схватили две кучки пустого тряпья. Коснувшись их, чудовище зашло в полосу смерти и разложения, которую Оссару сам установил, чтобы навеки защитить склеп от вторжения извне. Через миг в воздухе висело исчезающее бесформенное облако, точно оседающий легкий пепел. Потом в склеп вернулась тьма, а вместе с ней и смертельная тишина.

Ночь окутала своим черным покрывалом эту безымянную страну, и под ее покровом в город ворвались гории, преследовавшие Милаба и Марабака по пустынной равнине. В мгновение ока они убили и сожрали верблюда, терпеливо ждавшего своих хозяев у входа во дворец. Потом в старом зале с колоннами они обнаружили отверстие в мраморном помосте, сквозь которое братья спустились в склеп. Они жадно обступили дыру, принюхиваясь к запаху лежащей внизу гробницы, а потом разочарованно пошли прочь, ибо их чуткие ноздри сказали, что след пропал, а в гробнице нет ни живых, ни мертвых.

СЕМЕНА ИЗ СКЛЕПА

— Да, место я нашел,— сказал Фалмер.— Странное такое. И очень похоже на то, как его описывают легенды.

Как бы отгоняя от себя неприятное воспоминание, он быстро сплюнул в огонь и, отвернувшись от внимательного взгляда Тона, хмуро уставился в быстро темнеющую чащобу венесуэльских джунглей.

Тон, который едва оправился от перенесенной тропической лихорадки, свалившей его в тот самый момент, когда их совместное путешествие подходило к концу, молча и с недоумением разглядывал Фалмера. За три дня, что они расстались, с его напарником произошла какая-то странная перемена, и внешние проявления казались Тону совершенно необъяснимыми.

Перемены были, что говорится, налицо. Фалмер, этот жизнелюб и балагур, который даже в трудные минуты жизни никогда не замыкался в себе, сейчас сидел молча, с угрюмым видом и, казалось, весь поглощен своими мыслями, от которых ему было явно не по себе. Его грубовато-добродушное лицо осунулось и как-то вытянулось, а глаза странно сузились, превратившись в две ничего не выражающие щелки. Хотя Тон и пытался списать свои впечатления на только что перенесенную лихорадку, он очень беспокоился.

— Ну, а что хоть за место это, ты можешь мне сказать? — попытался он продолжить разговор.

— Да ничего особенного,— странно-глуховатым голосом откликнулся Фалмер.— Просто пара полуразрушенных стен да покосившиеся колонны.

— Так ты что, так и не нашел той могилы, о которой шла речь в индейской легенде, ну, там, где говорится о спрятанном золоте?

— Могилу-то я нашел, но... никаких сокровищ там нет,— буркнул Фалмер, и в голосе его послышалось такое раздражение, что Тон решил воздержаться от дальнейших расспросов.

— Ну, что ж,— заключил он с наигранной легкостью,— тогда будем заниматься тем, ради чего мы сюда приехали: охотой за орхидеями. Поиски кладов, видимо, не по нашей части. Кстати, тебе по пути ничего не попалось: ну, там, какого-нибудь необычного цветка или растения?

— Нет, черт бы их всех побрал! — взорвался Фалмер, и Тон в пламени костра увидел, как внезапно посерело его лицо, и в глазах за сердитым блеском замаячило выражение страха и боли.— И больше ни слова об этом,— отрезал он.— У меня и так голова раскалывается. Опять, видимо, лихорадка идет, будь она трижды неладна. Завтра же двинем в обратный путь к Ориноко. Эта поездка у меня уже в печенках сидит.

Джеймс Фалмер и Родерик Тон были профессиональными собирателями орхидей. В сопровождении двух индейцев-проводников они продвигались вдоль одного из доселе не исследованных притоков в верховьях реки Ориноко. Местность буквально кишела довольно редкими экземплярами растений, но кроме богатства ее флоры, их привлекло сюда еще и другое. Среди местных племен ходили слухи о существующих поблизости развалинах древнего города. В этих руинах будто бы вместе с захороненными останками древнего народа зарыты в земле несметные сокровища — золото, серебро и драгоценные камни. Посоветовавшись, приятели решили проверить эти слухи. Тон заболел, когда до места захоронения оставался день пути, и Фалмер ринулся туда на каноэ с индейцем один, оставив Тона на попечение второго проводника. Вернулся он под вечер на третий день.

После некоторого размышления, Тон пришел к выводу, что неразговорчивость и замкнутость Фалмера можно,

по-видимому, объяснить разочарованием, которое тот испытал, не найдя сокровищ. Должно быть, так оно и было, плюс какая-нибудь тропическая зараза, которую он подхватил в пути. Хотя, с другой стороны, отметил про себя Тон, прежде в подобных обстоятельствах Фалмер никогда не вешал носа.

Больше в тот вечер напарник не произнес ни слова. Он сидел, вперившись остекленелым взглядом во что-то видимое ему одному. Во тьме, сгустившейся за языками костра, сплетались нависшие над ними лианы. От Фалмера исходило ощущение страха. Продолжая наблюдать за ним, Тон, к своему удивлению, обнаружил, что индейцы, сидевшие рядом с непроницаемым и загадочным видом, тоже украдкой бросают взгляды на его приятеля, как бы в ожидании грядущих перемен. В конце концов, он решил, что не в состоянии найти ключ к разгадке того, что творится с Фалмером. Тон оставил свои попытки и забылся тревожным сном, выходя из которого, он неизменно утыкался взглядом в окаменелое лицо Фалмера, но оно становилось все менее различимым в гаснущих бликах костра.

Утром Тон снова почувствовал себя окрепшим: голова прояснилась, и сердце четко и ровно отбивало пульс. Зато недомогание Фалмера явно прогрессировало: он уже не мог без усилий подняться на ноги, почти совсем не разговаривал, и в движениях его появилась какая-то странная одеревенелость и медлительность. Он, похоже, совсем забыл о своем намерении сняться с лагеря, и Тону пришлось взять на себя все заботы, связанные с отправкой в путь. Нездоровье его приятеля все больше и больше тревожило Тона: лихорадкой тут явно не пахло, симптомы были совсем другими. На всякий случай он, однако, перед отправкой ввел Фалмеру сильную дозу хинина.

Бледно-золотистые лучи утренней зари пробивались сквозь густые кроны высоких деревьев, когда гутники погрузили свою поклажу в долбленки и, оттолкнувшись от берега, тихо заскользили вниз по течению. Тон занял место на носу, Фалмера усадил на корме, а объемистый тюк с корнями орхидей разместил посередине. Оба индейца погрузились вместе с походным снаряжением в другой лодке.

Это было долгое и томительное путешествие. Река вилась усталой зеленой змеей в окружении нескончаемого

тропического леса, из которого, словно физиономии гномов, с издевательской ухмылкой проглядывали головки орхидей. На всем лежала печать тишины, нарушаемой лишь всплесками погружаемых в воду весел, истерической перебранкой возбужденных мартышек и гортанными кликами птиц огненно-яркого оперения. Из-за верхушек деревьев показалось солнце, сразу обрушив настоящие водопады сверкающего зноя.

Изредка поглядывая через плечо, чтобы приободрить Фалмера дружеским замечанием или вопросом, Тон продолжал упорно грести. Его напарник сидел на корме, неестественно выпрямившись и не делая никаких попыток взять весло в руки. В его глазах, в странно побледневшем и сведенном страдальческой гримасой лице застыло выражение крайнего испуга. Он никак не реагировал на реплики Тона и только время от времени конвульсивно встряхивал головой, словно кто-то невидимый дергал ее за веревочку. Потом эта тряска и дрожь стали сопровождаться глухими стонами, как будто он от боли начинал впадать в беспамятство.

Так они продвигались нескольких часов. В пространстве реки, зажатой с обеих сторон сплошной стеной тропического леса, жара усиливалась с каждой минутой. Стоны Фалмера участились, в них появились высокие резкие ноты. Оглянувшись, Тон увидел, что его друг, сорвав с себя защитный шлем и явно не чувствуя убийственного зноя, отчаянно скребет обеими руками макушку, и при этом все тело его содрогается в жестоких конвульсиях, а стенания перерастают в почти нечеловеческий пронзительный вопль.

Нужно было срочно что-то делать, и Тон, увидев прогалину в зарослях темнеющего леса, немедленно направил лодку к берегу. Вслед за ним туда же повернули и индейцы. Тон заметил, что они шепотом переговариваются между собой, бросая на его друга взгляды, исполненные суеверного ужаса, и это привело его в еще большее смятение. У него возникло ощущение какой-то дьявольской мистики. Другого объяснения тому, что происходит с Фалмером, он придумать не мог. Все известные ему типы тропических болезней предстали в его воображении, словно свора отвратительных фантазий, но ни одна из них не походила на недуг, поразивший товарища.

Видя, что индейцы ни в какую не желают приближаться к больному, Тон сам, без их помощи, вытащил Фалмера из лодки и уложил на песчаном пятачке пляжа, густо устланным лианами. Достав из ящика с медикаментами шприц, он сделал ему укол морфия. Это, по-видимому, облегчило страдания бедняги, потому что его конвульсии прекратились. Тогда Тон, воспользовавшись передышкой, решил осмотреть голову своего друга.

Раздвинув спутанную копну волос, он со страхом и изумлением обнаружил, что у того на темени появилась твердая шишка, словно из-под кожи торчит небольшой рог. Как бы наделенная своей собственной жизненной силой, неодолимо толкающей ее наружу, эта шишка, казалось, росла у Тона прямо под руками.

В этот самый момент, совершенно неожиданно и необъяснимо, Фалмер открыл глаза и пришел в себя. На несколько минут к нему вернулась былая ясность ума. Словно желая во что бы то ни стало освободиться от угнетающего душу бремени, он начал что-то быстро говорить. Тон отметил, что речь стала больше похожа на безжизненно монотонное бормотание, но, несмотря на это, ему все же удалось связать все обрывки в единое целое.

— Это все яма, яма! — выкрикивал Фалмер.— Там, в ней, в этом чертовом логове, наверное, сам дьявол поселился!.. Нет, больше меня туда не затащишь, пусть даже там зарыты все сокровища Эльдорадо... Ты знаешь, я тебе специально ничего не рассказал о руинах. Это так невероятно, просто невозможно передать словами!

...Думаю, что индеец знал, что туда лучше не соваться. Он довел меня до места, но дальше идти отказался наотрез. Даже говорить со мной об этом не стал. Я пошел один, а он ждал меня у реки. От города остались одни стены, огромные, серые и такие древние, что казалось, они появились раньше самих джунглей. Как будто народ, возводивший их, прибыл на землю с какой-нибудь далекой, затерянной в космосе планеты. Эти стены гигантскими козырьками нависали над землей: они кренились к земле под какими-то невообразимыми углами, угрожая обрушиться на деревья, стоявшие вокруг. А колонны — толстые, в два обхвата, и какой-то совершенно нелепой

формы... И все испещрены странными, непонятными рисунками, которые даже время не смогло уничтожить.

Найти это чертово захоронение оказалось делом нетрудным. Вся поверхность там выстлана камнем, в одном месте этот каменный настил кем-то недавно разбит. Огромный фикус пустил корни в трещины между каменными плитами, покрытыми толстым слоем древней плесени. Одна из плит была выкорчевана и лежала поверх настила, другая провалилась вовнутрь, в недра подземелья. Заглянув в пролом, я смог разглядеть внизу, на дне колодца, что-то светящееся бледным светом, но что это было такое, понять сверху было невозможно.

Если ты помнишь, я взял с собой моток веревки. Обмотав ее вокруг ствола фикуса, я бросил второй конец в яму и стал по-обезьяньи спускаться вниз. Очутившись на дне колодца, я вначале ничего толком не мог рассмотреть в царившем здесь полумраке и ничего не видел, кроме беловатого свечения, идущего у меня из-под ног. Я сделал пару шагов и почувствовал, что ступаю по чему-то хрупкому и сухому, с хрустом крошащемуся под ногами. Включив фонарик, я увидел, что весь пол усеян человеческими костями. Повсюду валялись скелеты, которые, по-видимому, когда-то перетащили со своих первоначальных мест. Я бродил по склепу, словно привидение, пробираясь сквозь все эти кости и пыль, но там абсолютно ничего не было! Я там ничего не нашел, даже браслета какого-нибудь паршивого или кольца на скелете!

Но настоящий ужас охватил меня позже, когда я уже собрался выбираться наверх. В одном из углов потолка, рядом с отверстием в крыше подземелья, затаилось в тенях что-то... живое. Оно висело у меня над головой на высоте трех метров, и я понял, что только чудом не задел его, спускаясь вниз.

Поначалу мне показалось, что это какая-то беловатая решетка. Затем, присмотревшись, я увидел, что это не решетка, а целый и хорошо сохранившийся скелет, принадлежавший некогда высокому и сильному человеку, скорее всего, воину. Прямо из черепа у него росла какая-то мощная ветвь, что-то вроде оленьих рогов, расходящихся в разные стороны множеством отростков с длинными гибкими щупальцами, которые все тянулись вверх, к пролому, и

некоторые уже за него зацепились Разрастаясь, ветвь подняла скелет в воздух и потащила его за собой наверх.

Я решил осмотреть всю эту жуть в свете фонаря. Да, действительно, это было очень похоже на растение, и оно росло прямо из черепа. Часть веток выбивалась из лопнувшей надвое макушки, другие тянулись из пустых глазниц, рта и носа, и все, как одержимые, перли вверх. Корни богомерзкой твари уходили вниз, обвиваясь вокруг каждой кости и таким образом поддерживая скелет на весу Даже пальцы ног были накрепко окольцованы ими, а самые кончики щупальцев свисали маленькими змейками, как бы притаившимися в ожидании новой жертвы. Самое страшное во всем этом было то, что часть нижних щупальцев уходила корнями в другой череп, болтающийся на них возле самой земли, а рядом были рассыпаны остатки развалившегося скелета...

Да, зрелище было не из приятных, мне даже дурно стало, глядя на это отвратительное и непостижимое сращение человека и растения. Напуганный до смерти, я стал с лихорадочной скоростью взбираться вверх по веревке, но эта тварь так завладела моим воображением, что я не мог не остановиться на полпути, чтобы еще раз не взглянуть на нее вблизи. Я, видимо, слишком резко наклонился в ее сторону, потому что веревка качнулась, и я оказался прямо под белесоватыми ветками-рогами, свисающими из черепа.

В этот момент у меня над головой раздался негромкий хлопок — как будто с треском лопнул стручок — и сверху высыпался сноп жемчужно-серой пыли, очень мелкой, легкой и совершенно без запаха. Меня буквально всего обсыпало этой чертовой пудрой — попало в волосы, глаза и нос: я чуть не задохнулся! Стряхнув пыль, я продолжил подъем и наконец вылез на свет божий...

Словно израсходовав все силы на рассказ, Фалмер снова впал в беспамятство и перешел на бессвязное бормотание. Злосчастный недуг овладел им с новой силой, и теперь его бредовые вскрикивания перемежались с громкими стонами человека, испытывающего непереносимые страдания. Временами, правда, к нему возвращалось сознание, и его речь вновь на мгновение обретала связность.

— Что у меня с головой! — бормотал Фалмер.— Что там такое? У меня в мозгу что-то застряло, и оно растет!

Я это чувствую! С тех пор, как я вылез из этого треклятого склепа, мне все хуже и хуже... У меня что-то с мозгом... с того самого момента... Наверно, эти проклятые споры туда попали... они, наверное, пустили там свои вонючие корни... эта тварь разрывает мне голову... она все глубже и глубже проникает в мозг... оно, словно растение в цветочном горшке... рвется наружу!

Ужасные конвульсии сотрясали тело Фалмера, он корчился от боли на руках у Тона, испуская пронзительные крики, когда муки становились нестерпимыми. Видя, как он страдает, Тон с болью в сердце оставил попытки успокоить друга и вновь наполнил шприц морфием. Изловчившись, он всадил ему тройную дозу, после чего Фалмер затих: он лежал, уставившись перед собой остекленелым взглядом и тяжело дыша. Тон вдруг в первый раз за все время заметил, что у Фалмера глаза стали как бы навыкате: белки выпятились так, что веки не могли закрыться, и от этого осунувшееся лицо его превратилось в бессмысленную маску — маску ужаса. «Как будто глаза его кто-то изнутри выдавливает»,— мелькнуло в голове Тона.

Дрожа от тошнотворной слабости, подкатившей к горлу, Тон в оцепенении глядел на своего друга, чувствуя, что падает в какую-то жуткую пропасть кошмара. Он и мысли не мог допустить, что в рассказе есть какая-то, пусть самая малая толика правды. Такого просто не могло быть! Все это чистый вымысел, уверял он себя, наклоняясь к Фалмеру, игра больного воображения, отравленного каким-то непостижимым вирусом, воспалившим его мозг... и тут, к своему ужасу, он увидел, что шишка, образовавшаяся на темени, уже прорвала кожный покров.

Чувствуя себя на грани безумия, Тон расправил спутанные волосы приятеля и со страхом уставился на то, что открылось его изумленному взору. Да, действительно, это был какой-то росток неизвестного ему вида, бледно-зеленой окраски с розоватыми прожилками кровеносных вен, и он рос прямо как на дрожжах! Эта тварь угнездилась в том месте, где сходятся кости черепной коробки, другими словами, в темечке.

Чувствуя, как тошнота подступает к горлу, Тон с отвращением отшатнулся от бессмысленно болтающейся головы с уродливо торчащим отростком. Он вдруг понял, что

у него опять начинается приступ лихорадки: отяжелело, наливаясь слабостью, тело, сквозь нарастающий звон в ушах стали пробиваться первые сигналы бредового забытья. Он старался всеми силами побороть симптомы надвигающейся болезни.

Главное — не сдаваться, твердил он про себя, нужно во что бы то ни стало добраться до ближайшей фактории, которая находится в нескольких днях пути вниз по Ориноко, а там Фалмеру окажут первую помощь.

Словно подчиняясь его воле, голова Тона прояснилась, и он почувствовал новый прилив сил. Он огляделся, ища глазами проводников, но тех и след простыл — исчезли самым непостижимым образом, а вместе с ними и одна из долбленок. Было ясно, что они бросили искателей на произвол судьбы. По-видимому, индейцы с самого начала догадывались об истинной причине недуга Фалмера и, спасая собственные жизни, решили вовремя смотать удочки, прихватив с собой при этом большую часть провизии и снаряжения. Преодолевая чувство омерзения, Тон повернулся к лежащему на спине другу. Не долго думая, он вытащил из кармана складной нож и одним махом отсек торчащий из головы отросток, стараясь подрезать его «под самый корешок». Растение оказалось на ощупь необычно крепким и упругим, из него сочилась кроваво-гнойная жидкость. Осмотрев место среза, Тон увидел, что внутри оно состоит из тонких крепких волокон, обвивающихся вокруг хрящевидной сердцевины. С отвращением он швырнул отросток в песок, поднял Фалмера на руки и, спотыкаясь от тяжести, двинулся в сторону лодки. Пару раз он падал вместе со своей ношей и долго лежал в полуобмороке, уткнувшись лицом в неподвижное тело друга. Наконец, собрав остаток сил, он кое-как дотащил Фалмера до лодки и усадил на корме, прислонив спиной к тюку со снаряжением.

Приступ болезни усиливался с каждой минутой. От навалившейся на него слабости Тон вынужден был делать частые остановки. Уже полыхая в бреду, он с огромным усилием оттолкнулся от берега и вывел лодку на середину реки. Взяв в руки весло, он попытался грести, но руки ему плохо повиновались, и после нескольких взмахов весло выскользнуло из его непослушных пальцев, и Тон провалился в огненный котел лихорадки....

...Пришел в себя он на рассвете следующего дня. Голова немного прояснилась: болезнь ушла, оставив после себя общее состояние вялости и полного безразличия. Однако его первая мысль была о Фалмере. Он резко повернулся к корме, качнув при этом лодку, и чуть не свалился за борт, взглянув на Фалмера, не в силах оторвать взгляда от того, что предстало его взору.

Фалмер сидел все так же, привалившись к тюку с вещами. Колени у него были поджаты к подбородку, он обхватил их руками, как бы в предсмертной судороге. Черты лица застыли и обескровились, как у мертвеца. Но самое страшное — то, что заставило Тона содрогнуться от ужаса, было не это. Чудовищная почка, которая, по всей видимости, только выиграла от подрезки, снова с невероятной быстротой вылезла из головы Фалмера. Отвратительный желто-зеленый побег хорошо укрепился в черепе, достиг высоты нескольких сантиметров и уже начал ветвиться, расходясь в стороны похожими на рога оленя веточками. Еще более жутким было то, что такие же побеги торчали у него из глаз, и их стебли, карабкаясь вверх по надбровью, заполонили собой глазницы. Они тоже ветвились. Кончики веточек были окрашены бледной киноварью и, казалось, дрожали от какого-то неестественного вожделения, ритмично раскачиваясь в неподвижном жарком воздухе... Еще один стебель, словно длинный белесый язык, выполз изо рта Фалмера, но он еще не начал ветвиться.

Тон закрыл глаза, стараясь отогнать от себя это жуткое зрелище. Но и там, в желтом мареве света, проникающего сквозь закрытые веки, ему виделись все те же мертвенно-бледные черты лица его друга с прущими вверх стеблями растения. Они подрагивали в свете утренней зари, словно обесцвеченные тьмою бледно-зеленые щупальца спрута. Ростки, казалось, тянутся к нему в безмолвном зове и растут, все время удлиняясь. Тон открыл глаза и с ужасом отметил, что веточки действительно увеличились в размере за те несколько мгновений, пока он зажмуривался.

Словно в трансе, наблюдал Тон за их ростом, и в нем все больше и больше укоренялась мысль, что происходящее — не иллюзия, а реальность. От Фалмера осталось лишь жалкое подобие: его лицо скукожилось и усыхало,

как будто бледно-зеленая тварь своими корнями высасывала остатки крови и, питаясь плотью, поедала его изнутри с жадностью изголодавшегося зверя.

Тон с трудом оторвал взгляд от жуткого зрелища и стал смотреть вдаль, в сторону берега. Река раздалась вширь, и поэтому течение еще больше замедлилось. Тщетно искал он хоть какой-нибудь знакомый ориентир на берегу в нескончаемой гряде темно-бурых зарослей, пытаясь определить местоположение. Он чувствовал себя брошенным на произвол судьбы, теряющим связь с действительностью. Казалось, его несет куда-то на волне безумия и бреда, да еще в компании чего-то такого, что страшнее, чем сама смерть.

Мысли его блуждали без цели, перескакивая с одного предмета на другой, но двигались как по замкнутому кругу и всегда возвращались к росткам, пожирающим Фалмера. На мгновение вдруг проснулся чисто научный интерес к этой твари, и он стал размышлять о том, к какому виду ее отнести. Она была не похожа ни на грибковые, ни на насекомоядные, ни вообще на что-либо виденное им во время экспедиций. Должно быть, его друг был прав, и это чудище действительно занесено к нам из космоса: ничего подобного земля ни породить, ни взрастить не могла.

Одно утешало: Фалмер, без сомнения, мертв. Хоть в этом была милость божья. Однако не успел Тон додумать эту мысль, как с кормы донеслись низкие, горловые звуки — не то стоны, не то урчание. Подняв в неописуемом страхе глаза, он увидел, что все члены Фалмера трясутся мелкой дрожью. В тряске проявлялась некая ритмичность, которая не походила на конвульсии, сотрясавшие друга накануне. Судороги повторялись с чисто механической регулярностью, как будто сквозь тело пропускали электрический ток, и Тон понял, что их ритм зависит от равномерного раскачивания дьявольского растения. Этот ритм действовал на него, как гипноз, усыпляя и притупляя чувства, и однажды Тон даже поймал себя на том, что отбивает такт ногой.

Тон делал все, чтобы не поддаться панике, цепляясь, по возможности, за любое проявление здравого смысла. К несчастью, его собственная болезнь наваливалась на

него с новой силой: его трясло и мутило, и было так плохо, что не хотелось жить. За мгновение до того, как провалиться в омут лихорадки, Тон ухитрился вытащить из кобуры револьвер и выпустил все шесть пуль в извивающееся тело Фалмера... Он был уверен, что не промахнулся, но и после того, как прозвучал последний выстрел, стоны и судороги Фалмера продолжались, следуя ритму, задаваемому дьявольским растением. Даже и в бреду Тон не мог отделаться от регулярно повторяющихся звуков.

В мире вскипающих видений и бескрайней тишины забвения, в котором оказался Тон, время отсутствовало Когда к нему снова вернулось сознание, он не мог определить, сколько длилось его беспамятство: часы или дни,— но сразу понял, что лодка стоит на месте. Приподнявшись на локте, он увидел, что их вынесло на мелководье, и лодка уткнулась носом в прибрежную грязь крошечного, заросшего мелкими рощицами джунглей островка, намытого рекой посередине русла. Берег был покрыт гниющей тиной, распространяющей ужасное зловоние, а в воздухе стоял неумолчный гул, издаваемый мириадами насекомых.

Время близилось к полудню, и солнце стояло высоко в безоблачном небе. С деревьев, стоявших у самой реки, длинными змеями свисали лианы, к нижним ветвям прилепились орхидеи, которые, казалось, протягивали Тону свои необыкновенные змеино-крапчатые головки. Огромные бабочки порхали с цветка на цветок, поражая воображение роскошью окраски. Преодолевая приступы тошноты и головокружения, Тон выпрямился в лодке и бросил взгляд на то, что находится на ее корме. Чудовище разрослось неимоверно: его ветвистый стебель возвышался над головой Фалмера, он превратился в настоящее дерево со множеством побегов и гибких усиков, расходящихся веером в разные стороны. От ветра или сам по себе ствол непрерывно раскачивался. Он как будто искал для себя новый фундамент. «Или, может, новую питательную среду?» — подумалось Тону. На самом верху в переплетении веточек распустился жуткого вида цветок: его мясистый диск размером с человеческое лицо светился мертвенно-бледным светом.

Черты лица Фалмера так усохли, что сквозь тонкую как бумага кожу проступали кости черепа: казалось, лик

самой смерти глядел на Тона сквозь человеческую оболочку. От тела тоже ничего не осталось, и было видно, что одежда болтается на костях скелета. Мертвец сидел неподвижно, как истукан, по его неестественно раздвинутым членам спорадически пробегала дрожь, вызванная движением веток. Растение-хищник высосало из человека кровь и выело его внутренности и плоть.

У Тона вдруг возникло дикое желание наброситься на эту тварь и разорвать ее в клочья. Но странное дело, в то же самое время он чувствовал, что не может сдвинуться с места. Им овладел какой-то душевный ступор. Казалось, эта штука была наделена своим собственным разумом и ревниво следила за Тоном, парализуя его и подчиняя своей нечистой, но более сильной воле. Всматриваясь в цветок, Тон обнаружил, что его мясистая сердцевина, как бы в ответ на пристальный взгляд, складывается в некое подобие человеческого лика, в котором угадывалось лицо Фалмера. Его черты были искажены до карикатуры, придававшей им выражение бессмысленной насмешки над оригиналом. Тон сидел, как пригвожденный к месту, не сводя глаз с этой богомерзкой хари.

Потом его лихорадка внезапно прекратилась. Зато ей на смену пришел просто животный страх, и это состояние, граничащее с безумием, продолжалось целую вечность. Тон сидел, не в силах оторвать глаз от леденящего душу зрелища. Растение нависло над ним, раскинув во все стороны свои налившиеся соками и напитанные плотью Фалмера ветви. Они слегка раскачивались от собственной тяжести, а на гигантской чаше цветка застыла омерзительная ухмылка урода. Тону показалось, что он слышит низкий напевный звук, словно кто-то водил смычком по струнам контрабаса. Мелодия была невыразимо нежной, но откуда она исходила — от цветка или из его собственного мозга, Тон сказать не мог.

Время, казалось, тоже остановилось. Безжалостное солнце низвергало потоки ослепительного света, падавшего раскаленным свинцом из бездонной купели неба. От слабости и нестерпимого зловония у Тона все плыло перед глазами, но он был не в состоянии стряхнуть с себя оцепенение, порождаемое близостью растения. Похоже, беспрерывно кивающее чудовище, вымахав в полный рост,

остановилось в развитии и теперь горделиво возвышалось над головой своей жертвы. Взгляд Тона сместился на усохшие руки Фалмера, которыми тот, словно клещами, сжимал подтянутые к подбородку колени. Тон увидел, что из пальцев, прямо из-под ногтей, тоже тянутся наружу крошечные белесые щупальца. То скручиваясь, то разжимаясь, они как бы ощупывали пространство вокруг, выискивая новые источники питания. Из шеи и подбородка Фалмера также выбивались молодые побеги, а тело как-то странно шуршало и шевелилось под одеждой, словно по нему ползали сотни юрких ящериц.

Звуки, издаваемые ветвями, стали еще более призывными и нежными, а в их движениях появился неизъяснимо притягательный ритм. Это было похоже на сладкозвучное пение невидимых сирен и в то же самое время на завораживающий танец кобр, раскачивающихся перед смертоносным прыжком. Тон ощущал неодолимость силы, которая принуждала его к действию. Проросшие усиками пальцы Фалмера, казалось, зовут его к себе. Внезапно, словно подчиняясь чьей-то команде, Тон рухнул на днище лодки, встал на четвереньки и по-обезьяньи двинулся в сторону растения. Медленно, сантиметр за сантиметром, обуреваемый то ужасом, то неодолимым влечением, полз он к твари, карабкаясь через теперь уже ненужный тюк с корнями орхидей. Сантиметр за сантиметром, шаг за шагом преодолевал он. Наконец его голова уткнулась в скрюченные пальцы мертвеца, из которых ему навстречу тянулись подрагивающие от вожделения щупальца.

Словно находясь во власти колдовских чар, Тон впал в гипнотическое оцепенение. Он еще чувствовал, как скользят по голове и шее быстрые щупальца твари, как колют их жала, проникая под кожу, но помешать им уже не мог. Тон даже не мог закрыть глаза... В его застывшем взгляде отразилось золотисто-пунцовое брюшко порхающей бабочки, а потом иглы проткнули его зрачки.

Все глубже и глубже в тело Тона въедались жадные корни, пуская во все стороны все новые отростки и опутывая его плоть сетью разветвлений... Некоторое время Тон трясся в конвульсиях, словно жизнь уходящая и зарождающаяся сплелись воедино в ожесточенном поедин-

ке Наконец все было кончено, и Тон повис, развернутый навзничь, словно муха, прекратившая борьбу в смертоносной схватке с паутиной... Раздавшееся вширь и окрепшее, растение продолжало жить, и в его верхних ветвях, в неподвижном и безмолвном мареве полдня, начал распускаться новый цветок.

ЦИТРА

Коварны и многолики сети Демона, кто преследует избранные души с рождения до смерти и со смерти до рождения, через множество жизней

Завет Карнамагоса

Давно уже опустошительное лето пасло свои солнца, точно огненно-красных жеребцов, на серо-коричневых холмах в предгорьях Микразианских гор, в диком Синкоре, на восточном краю земли. Бурные потоки, берущие начало в горах, превратились в еле видные ручейки и отдельные пересохшие лужицы, гранитная галька расслоилась от жары, голая земля потрескалась и раскололась, а скудная низкая трава высохла, казалось, до самых корней

Поэтому юному Цитре, пасшему черных и пегих коз его дяди, Парноса, приходилось с каждым днем уводить своих подопечных все дальше и дальше по ущельям и вершинам холмов. В один из дней позднего лета он набрел на глубокую скалистую лощину, в которой никогда прежде не был. Что это было за дивное место. подземные родники питали прохладное темное горное озеро, а уступы на его крутых берегах были покрыты травой и кустами, которые еще не утратили свою свежую зелень Удивленный и очарованный, юный козопас последовал за своим резвым стадом в этот затерянный рай. Вряд ли бы

козы дядюшки Парноса по доброй воле покинули это богатое пастбище, поэтому Цитра решил дольше не утруждать себя присмотром за стадом. Завороженный окружающим его пейзажем, он начал исследовать долину, утолив жажду прозрачной родниковой водой, сверкавшей, словно золотистое вино.

Место показалось ему подлинно райским садом. Забыв о пройденном расстоянии, о гневе дядюшки Парноса, неминуемо ожидавшем его, если он слишком поздно приведет стадо на вечернюю дойку, он все глубже забирался в извилистые скалы, окаймлявшие долину. С каждым шагом утесы становились все более дикими и неприступными, а долина сужалась, и он достиг ее конца, где непроходимая стена преграждала дальнейшее продвижение.

Чувствуя смутное разочарование, он уже развернулся и пошел назад, когда вдруг неожиданно заметил у основания отвесной стены таинственно разверстый зев пещеры. Ему показалось, что скала расступилась лишь недавно, ибо линии разлома были ясно видны, и трещины в окружающей отверстие земле еще не заросли мхом, обильно покрывавшим все вокруг. На потрескавшемся выступе над пещерой, напоминавшем верхнюю губу, росло чахлое деревце, чьи недавно сломанные корни висели в воздухе, а их остатки упрямо цеплялись за скалу у ног Цитры, где, видимо, дерево стояло раньше.

Удивленный и заинтересованный, юноша вглядывался в манящий сумрак пещеры, откуда необъяснимым образом вдруг потянул нежный душистый ветерок. Воздух был напоен странными запахами, напоминающими храмовый фимиам или дающие блаженное бессилие и удовольствие опиумные цветы. Они взволновали все чувства Цитры, в то же время соблазняя его обещаниями чудесных неизведанных приключений. Еще колеблясь, он попытался вспомнить те легенды, которые дядюшка Парнос рассказывал ему о таких укромных пещерах, как эта, на которую он наткнулся. Но, казалось, все они разом улетучились из его памяти, оставив лишь смутные воспоминания об опасных, запретных и магических вещах. Он решил, что эта пещера была входом в какой-то неисследованный мир, и волшебные ворота распахнулись нарочно для того, чтобы он мог войти. Его мечтательная и склонная к при-

ключениям натура не ощутила страха, который одолел бы любого другого. Охваченный безудержным любопытством, юноша вошел в пещеру, подобрал сухой смолистый сук, упавший с дерева на утесе, и сделал из него факел. Миновав каменные челюсти, он вошел в длинную галерею с неровными полукруглыми сводами, идущую вниз, точно глотка чудовищного дракона. Пламя факела затрепетало, вспыхивая и чадя под порывом теплого ароматного ветерка, все сильнее дувшего из глубины пещеры. Склон под его ногами стал опасно крутым, но Цитра продолжал исследование, спускаясь по ступенчатым каменным уступам.

Точно во сне, он был полностью поглощен загадкой, на которую набрел, и ни на минуту не вспомнил о своих заброшенных обязанностях, потеряв всякий счет времени, потраченного на спуск. Но неожиданно его факел потух под порывом горячего ветра, налетевшего на него, как выдох шаловливого демона.

Чувствуя приступ жестокой паники, Цитра беспомощно топтался в темноте, стараясь найти безопасную опору для ног на этом опасном склоне. Но еще прежде, чем юноша успел вновь зажечь свой факел, он понял, что ночь, окружавшая его, была не абсолютной, заметив в простирающейся под ним бездне тусклое сияние. Забыв свою тревогу, заинтересованный этим новым чудом, он стал спускаться к таинственным огням.

В конце длинного склона юноша протиснулся сквозь низкий лаз и вышел в яркое, точно солнечный свет, сияние. Ослепленный и ошеломленный, на мгновение он решил, что его подземные блуждания вывели его назад, на свет, в какую-то неизвестную страну, лежащую между Микразианскими холмами. Но расстилавшаяся перед ним земля явно не была частью выжженного солнцем Синкора, ибо он не видел ни холмов, ни гор, ни темно-сапфирового неба, с которого стареющее, но все еще деспотичное солнце с неутолимой жаждой взирало на царства Зотика.

Он стоял на пороге плодородной равнины, простиравшейся без конца и края до необъятного свода золотистого горизонта. Далеко-далеко сквозь сияющую дымку смутно проглядывали нагромождения чего-то непонятного, что могло бы быть куполами, шпилями или бастионами. Под

его ногами лежал ровный луг, густо поросший курчавой травой, зеленой, точно старая медная монета. Дерн был усеян странными цветами, которые поворачивались и шевелились, точно глаза живого существа. Неподалеку, за лугом, виднелась похожая на сад густая роща фруктовых деревьев, сквозь чью буйную листву, точно бесчисленные огоньки, проглядывали аппетитные темно-красные плоды. Равнина, по всей видимости, была совершенно безлюдна, и ни одной птицы не летало в огненно-рыжем воздухе и не сидело на нагруженных плодами ветках. Ни один звук не нарушал тишину, лишь шорох листьев, напоминавший шипение множества невидимых змеек.

Мальчику из выжженной горной страны это царство показалось райскими кущами неизведанных наслаждений. Лишь на короткий миг его остановила странность всего происходящего и ощущение потусторонней сверхъестественной жизни, наполнявшей весь пейзаж.

Казалось, огненные снежинки падали с небес и таяли в зыбком воздухе, трава отвратительно шевелилась, цветы-глаза точно отвечали в ответ на его взгляд, деревья трепетали, как будто в них тек не древесный сок, а алая сукровица, и хор гадючьих голосков в листве становился все более пронзительным и громким.

Цитру, однако, отпугивала лишь мысль, что такая прекрасная и плодородная земля должна принадлежать бдительному хозяину, который наверняка будет возмущен его вторжением. Он настороженно осмотрел безлюдную равнину и, решив, что его никто не видит, поддался искушению сорвать манящий красный плод.

Почва упруго прогибалась под его ногами, точно живая, пока он бежал к ближайшему дереву, чьи ветви клонились к земле, сгибаясь под тяжестью великолепных плодов. Он сорвал несколько самых крупных и бережно спрятал их за пазухой своей ветхой туники. Потом, не в силах сдерживаться, юноша начал поглощать один из них. Нежная кожица лопнула под его зубами, и словно поистине королевское вино, сладкое и терпкое, брызнуло ему в рот из переполненной чаши. Он почувствовал в горле и груди сладкое тепло, чуть было не задушившее его. В ушах странно звенело, а все чувства охватила какая-то неведомая лихорадка. Но это быстро прошло, и Цитра вздрогнул от

изумления, услышав звук голосов, доносившихся как будто с небесных высот.

Он мгновенно понял, что голоса принадлежали не людям. Они наполняли его слух грохотом зловещих барабанов, отражающимся грозным эхом, но казалось, что они произносили вполне отчетливые слова, хотя и на чужом языке. Взглянув вверх сквозь густые ветви, он увидел зрелище, наполнившее его душу ужасом. Два огромных существа, высоких, как сторожевые башни горцев, возвышались над деревьями, и те доставали им лишь до пояса! Казалось, что они как по волшебству появились из зеленеющей земли или сошли с золотых небес, ибо заросли деревьев, в соседстве с ними казавшихся не более чем кустами, ни за что не смогли бы скрыть их от глаз Цитры.

Фигуры были закованы в черную броню, тусклую и мрачную, какую могли бы носить демоны, служащие Тасайдону, повелителю бездонной преисподней. Цитра был уверен, что его заметили, и, возможно, их неразборчивый разговор касался незваного гостя. Он задрожал, решив, что забрался в сад к джиннам. Испуганно выглядывая из своего убежища, он не мог различить черты лица под забралами их черных шлемов, склоненных над ним. Огненные желтовато-красные глаза-точки, беспокойные, словно болотные огни, двигались туда-сюда в пустом мраке, где должны были находиться лица.

Цитре показалось, что густая листва не сможет укрыть его от пристального взгляда этих созданий, стражей земли, куда он так опрометчиво вторгся. Он был переполнен чувством вины, и все: шипящие листья, барабанные голоса гигантов, цветы-глаза,— обвиняли его в посягательстве на их покой. В то же время он был смущен подозрительной и необычной неопределенностью собственной личности: каким-то образом она принадлежала не козопасу Цитре, а кому-то другому, кто нашел сверкающее королевство-сад и отведал кроваво-красный плод. У этого чуждого ему «я» не было ни имени, ни отчетливых воспоминаний, но в его мозгу мерцали беспорядочные огни, и раздавался шепот неразличимых голосов, путаясь с перемешавшимися призраками его собственного разума. Он снова почувствовал зловещее тепло и мгновенную лихорадку, которые охватили его после того, как он попробовал злополучный плод.

Багрово-синяя вспышка света, пробившаяся сквозь ветки, заставила его очнуться. Юноша никогда потом не мог с уверенностью сказать, был ли это удар молнии с ясного неба или один из вооруженных колоссов взмахнул огромным мечом. Свет обжег глаза, он ощутил неконтролируемый страх и понесся, полуослепленный, по мягкой земле. Сквозь вспыхивающие цветные молнии впереди маячил высокий отвесный утес, и в нем был виден лаз в пещеру, через который Цитра пробрался в колдовской сад. За спиной он слышал долгие раскаты летнего грома... или то был смех великанов?

Не остановившись, чтобы подхватить все еще горящий факел, оставленный им на выходе, юноша отчаянно нырнул в темную пещеру, ухитрившись в этой адской темноте ощупью отыскать путь наверх по крутому склону. Шатаясь, спотыкаясь и ударяясь обо что-то на каждом повороте, он, наконец, выбрался к внешнему выходу, в укромную долину за холмами в Синкоре.

К его удивлению, за время его отсутствия на внешний мир опустились сумерки. Звезды зажглись над угрюмыми утесами, ограждавшими долину, и небеса цвета выгоревшего пурпура пронзил острый рог янтарного месяца. Все еще опасаясь преследования великанских стражей и предчувствуя гнев дядюшки Парноса, Цитра поспешил назад, к маленькому горному озерцу, собрал стадо и погнал его домой по необозримым темным холмам. Во время пути лихорадка то настигала, то вновь отпускала его, принося с собой причудливые видения. Он забыл свой страх перед Парносом. Более того, забыл, что он Цитра, скромный и незаметный пастух. Он возвращался не в жалкую хижину Парноса, выстроенную из глины и хвороста, а в другое жилище. В городе с высокими куполами перед ним распахнутся ворота из полированного металла; кроваво-красные знамена будут реять в душистом воздухе; серебряные трубы, голоса белокурых одалисок и черных дворецких встретят его, короля, в тысячеколонном зале. Древняя роскошь королевской власти, привычная, как воздух и свет, вновь окружит его, и он, король Амеро, недавно взошедший на трон, будет править, как правили его отцы, над всем королевством Калица на берегу восточного моря. Жестокие кочевники будут приезжать на косматых вер-

блюдах в его столицу и привозить пошлину — бурдюки с финиковым вином и добытые в пустыне сапфиры, а галеры с утренних островов станут выгружать в его портах полугодовую дань специй и причудливо окрашенных материй.

Возникая и исчезая, точно приступы бреда, но с четкостью повседневных воспоминаний, безумие приходило и уходило, и он снова становился племянником Парноса, в сумерках возвращавшимся домой со своим стадом.

Точно разящий клинок, красная луна опустилась на мрачные холмы, когда Цитра достиг грубого деревянного загона, в котором дядюшка Парнос держал своих коз. Как Цитра и думал, старик поджидал его у ворот, держа в одной руке глиняный фонарь, а в другой колючую хворостину. Он начал бранить мальчика со старческой брюзгливостью, размахивая хворостиной и обещая выпороть его за опоздание.

Цитра даже не вздрогнул перед этой угрозой. В своем видении он снова был Амеро, юным королем Калица. Пораженный и изумленный, он видел перед собой в колеблющемся свете фонаря грязного и дурно пахнущего старца, которого он не знал. Он едва мог понять речь Парноса, его гнев удивлял, но не пугал юношу; а козий дух оскорблял его обоняние, привыкшее только к изысканным ароматам. Как будто впервые в жизни, он услышал блеяние усталого стада и в изумлении воззрился на плетеный загон и стоявшую за ним хижину.

— Так-то ты платишь мне за мое добро? — кричал Парнос.— И это после того, как я, выбиваясь из сил, вырастил тебя, словно своего сына! Треклятый идиот! Неблагодарное отродье! Если ты потерял хоть одну дойную козу или козленка, я шкуру с тебя спущу!

И, приняв молчание юноши за простое проявление непокорности, он начал хлестать его хворостиной. После первого же удара яркое облако, затмившее разум Цитры, растаяло, и, проворно уворачиваясь от розги, он попытался рассказать дяде о новом пастбище, которое нашел среди холмов. При этих словах старик перестал бить его, и юноша продолжил свой рассказ о странной пещере, которая привела его в неведомый сад. В подтверждение своей истории он полез за пазуху туники в поисках укра-

денных кроваво-красных плодов, но они исчезли, и непонятно было, потерялись ли они в темноте или же исчезли посредством колдовских чар.

Парнос, прерывая племянника частыми ругательствами, сначала слушал его с явным недоверием. Но по мере того, как Цитра рассказывал, он умолк, а когда рассказ подошел к концу, вскричал дрожащим голосом:

— Будь проклят этот злосчастный день, ибо ты блуждал в заколдованном краю. Поистине, среди холмов нет такого озера, как ты описал, и в это время года ни один пастух не смог бы найти такое пастбище. Все это были видения, предназначенные для того, чтобы ввести тебя в заблуждение, и бьюсь об заклад, что это была не простая пещера, а врата ада. Я слышал, как мой отец рассказывал, что сады Тасайдона, повелителя семи преисподних, в нашем краю лежат близко к поверхности земли, и пещеры уже открылись, и смертные, не подозревая об этом, входят в проклятые сады и, прельщенные адскими плодами, вкушают их. И настигает их безумие, и многие печали, и вечные муки, ибо говорят, что Демон не забывает ни об одном украденном яблоке и, в конце концов, взимает свою плату. О горе, горе! Козье молоко целый месяц будет кислым от травы с колдовского пастбища; и после того, как я столько лет тебя кормил и заботился о тебе, мне придется взять другого отрока пасти мое стадо.

И снова обжигающее облако окутало Цитру, пока он слушал слова дяди.

— Старик, я тебя не знаю,— сказал он недоуменно, а потом продолжил, используя вежливые слова придворной речи, половина из которых была непонятна Парносу.— Мне кажется, будто я заблудился. Позвольте осведомиться, где находится королевство Калиц? Я его король, недавно коронованный на царство в великом городе Шатайре, где тысячелетиями правили мои отцы.

— Ай! Ай! — запричитал Парнос.— Мальчишка обезумел. Это все потому, что он попробовал дьявольское яблоко. Сейчас же прекрати бормотать и помоги мне подоить коз. Ты не кто иной, как сын моей сестры Аскли, родившийся девятнадцать лет назад, после того как ее

муж умер от дизентерии. Она ненадолго его пережила, и я, Парнос, вырастил тебя, как сына, а козы выкормили тебя своим молоком.

— Я должен отыскать мое королевство,— упорствовал Цитра.— Я заблудился в темноте, в этих незнакомых местах, и не помню, как пришел сюда. Старик, ты дашь мне кров и пищу на эту ночь, а на рассвете я отправлюсь в Шатайр, к восточному морю.

Парнос, дрожа и испуганно бормоча, поднес свой глиняный фонарь к лицу мальчика. Перед ним стоял незнакомец, в чьих широко раскрытых удивленных глазах отражалось пламя золотистых ламп. В поведении Цитры не было безумия, только какая-то благородная гордость и отрешенность, и он носил свою ветхую тунику с неизъяснимой грацией. Его манеры и речь звучали совершенно немыслимо. Старик, шепча что-то себе под нос, больше не принуждал мальчика помогать и принялся за дойку.

Цитра встал рано на рассвете и в изумлении вгляделся в заляпанные грязью стены лачуги, в которой жил с рождения. Все было ему чуждо и удивительно; особенно его тревожила собственная обожженная солнцем смуглая кожа, ибо это вряд ли пристало молодому королю Амеро, кем он себя считал. Его положение казалось в высшей степени необъяснимым, и он чувствовал настоятельную необходимость как можно быстрее отправиться домой.

Юноша тихонько поднялся с подстилки из сухой травы, служившей ему ложем. Парнос, лежащий в противоположном углу, все еще спал, и Цитра постарался не разбудить незнакомца. Его одновременно озадачивал и отталкивал этот омерзительный старик, накануне вечером накормивший его грубой просяной лепешкой с густым козьим молоком и сыром и приютивший в зловонной хижине. Он обратил не слишком много внимания на бормотание и брань Парноса, но было очевидно, что старик сомневался в его королевском ранге, и даже более того, был одержим каким-то странным заблуждением относительно его личности.

Покинув убогую лачугу, Цитра направился по тропинке, вьющейся в восточном направлении между каменистыми холмами. Он не знал, куда она ведет, но рассудил, что Калиц, самое восточное королевство Зотика, должен

быть где-то там, откуда вставало солнце. Перед ним в видениях, словно прекрасный мираж, реяли зеленеющие долины его королевства, и вздымающиеся купола Шатайра громоздились, подобно утренним облакам, на востоке.

Все это казалось ему воспоминаниями вчерашнего дня. Он не мог восстановить в памяти обстоятельства своего отъезда и отсутствия, но, несомненно, страна, которой он правил, была недалеко.

Тропинка петляла между невысокими холмами, и Цитра вышел к небольшой деревушке Сит, жители которой его знали. Сейчас это место казалось ему абсолютно незнакомым, всего лишь кучкой жалких лачуг, вонючих и полусгнивших. Люди окружили его, называя по имени, но лишь таращили глаза или глупо хихикали, когда он спросил о дороге к Калицу. Казалось, никто из них даже не слышал об этом королевстве или о городе Шатайре. Заметив странности в поведении Цитры и решив, что он повредился умом, жители стали насмехаться. Дети швыряли в него комьями земли и камнями, гоня его прочь из Сита, и он пошел дальше на восток по дороге, которая вела из Синкора в соседние долины страны Жель.

Поддерживаемый только мечтой о своем потерянном королевстве, юноша многие месяцы брел по дорогам Зотика. Люди высмеивали его, когда он заговаривал о своем королевском ранге или спрашивал о Калице; но многие, считая безумие печатью святости, давали ему кров и пищу. Через необозримые виноградники Жели и по улицам шумного города Истанама, через высокие перевалы Иморта, где снег лежит до начала осени, и по соленой пустыне Дхир Цитра следовал за этой яркой величественной мечтой, которая сейчас превратилась лишь в его воспоминание. Он шел и шел на восток, иногда путешествуя с караванами, чьи предводители надеялись, что присутствие юродивого принесет им удачу, но чаще шагал, как одинокий бродяга.

Иногда на короткий миг наваждение покидало его, и он снова превращался в простого пастуха, заплутавшего в незнакомых королевствах и тосковавшего по голым холмам Синкора. Затем он вновь вспоминал свое царствование, пышные сады Шатайра и его великолепные дворцы, имена и лица тех, кто служил ему после смерти отца, короля Эльдамака, и его собственное воцарение на троне.

В середине зимы, в дальнем городе Ша-Караге, Цитра встретил нескольких торговцев амулетами из Устейма, странно усмехнувшихся в ответ на его вопрос, не могут ли они указать ему дорогу в Калиц. Перемигиваясь, когда он говорил о своем королевском ранге, купцы сказали, что Калиц находится в нескольких сотнях лиг к востоку от Ша-Карага.

— Славься, о король! — с глумливыми почестями прокричали они.— Царствуй долго и радостно в Шатайре.

Сердце Цитры наполнилось радостью, когда он в первый раз за все время своего путешествия услышал о своем потерянном королевстве и понял, что оно было не сном и не бредом безумца. Не задерживаясь в Ша-Караге, он торопливо отправился на восток...

Когда первая весенняя луна хрупким полумесяцем взошла на вечернем небе, он понял, что приближается к концу своего пути. Ибо Канопус ярко горел на восточных небесах, окруженный свитой более маленьких звезд, точно такой же, каким мальчик однажды видел его с террасы дворца в Шатайре.

Его сердце сильно колотилось, наполняемое радостью возвращения домой, но юноша был очень удивлен запустением и безлюдьем окрестностей, по которым проходил. Не было путешественников, двигавшихся из Калица в Синкор и обратно, и ему встретилось лишь несколько кочевников, исчезнувших при его приближении, точно пустынные гиены. Дорога заросла травой и кактусами, и только следы зимних дождей бороздили дорожную пыль. Вскоре он увидел на обочине вырезанный из дерева дорожный столб, в виде стоящего на задних лапах льва, отмечавший западную границу Калица. Его голова раскрошилась, тело и лапы покрылись лишайниками, и казалось, что он был заброшен вот уже долгие годы. Гнетущая тревога зародилась в душе Цитры, ибо только в прошлом году, если память его не подводила, он проезжал мимо этого льва вместе с отцом, Эльдамаком, во время охоты на гиен, и отметил новизну столба.

Сейчас он смотрел с высокого пограничного гребня на Калиц, лежавший у моря подобно длинному зеленому свитку. К его удивлению и ужасу, обширные поля были увядшими, как осенью; полноводные реки превратились

в тонкие ручейки, терявшиеся в песках, а холмы оголились, точно ребра мумии, не завернутой в саван, и не было видно никакой зелени, за исключением той скудной растительности, которая одевает пустыню весной. Ему показалось, что вдалеке, у пурпурного моря, он заметил сияние мраморных куполов Шатайра, и в страхе, что его королевство поразили какие-то злые чары, поспешил в город. И в ярком свете весеннего дня ему открылась удручающая картина: пустыня поглотила все его королевство. Пусты были плодородные некогда поля, безлюдны деревни. Хижины обвалились, превратившись в кучи обломков, фруктовые сады высохли, точно пораженные непрерывной тысячелетней засухой, оставившей после себя лишь несколько черных гнилых пней.

Поздним днем он вошел в Шатайр, бывший когда-то благородным владыкой восточного моря. Улицы и гавань были одинаково пустынны, и тишина царила на разбитых крышах и разрушенных стенах. Великолепные бронзовые обелиски позеленели от старости, а огромные мраморные храмы богов Калица покосились и осели.

Медленно, точно боясь удостовериться в том, чего он давно ожидал, Цитра вошел во дворец монархов, но не тот, каким он его помнил, в великолепии парящего мрамора, полускрытого цветущими миндальными и сандаловыми деревьями, и с бьющими ввысь фонтанами. Дворец абсолютно обветшал, он стоял посреди разоренного сада в лучах иллюзорного розового заката, угасавшего над куполами. Сумерки опустились на разоренный дворец, в одно мгновение придав ему мрачность мавзолея.

Он никак не мог понять, как давно заброшено это место. Смятение охватило его; Цитра был подавлен страшной утратой и отчаянием. Казалось, не осталось никого, кто мог бы поприветствовать его в этих развалинах. Подходя к воротам западного крыла, он увидел будто бы дрожащие тени, появившиеся из тьмы внизу портика. Несколько подозрительных личностей, одетых в отвратительные лохмотья, подобрались к нему по выщербленному полу. Клочья одежды свисали с тощих плеч, и на всех лежала невыразимо ужасная печать нищеты, грязи и болезни. Когда они приблизились, Цитра увидел, что у большинства не было какого-либо члена или части лица, и все люди обглоданы проказой.

Его затошнило от омерзения, и на миг он утратил дар речи. Но прокаженные приветствовали его сиплыми криками и глухим кваканьем, считая еще одним изгнанником в их разрушенном жилище.

— Кто вы, о живущие в моем дворце в Шатайре? — требовательно спросил он.— Я король Амеро, сын Эльдамака, вернувшийся из дальних странствий, чтобы вновь воцариться на троне Калица.

При этих словах в рядах прокаженных послышалось омерзительное хихиканье, больше похожее на клекот.

— Это мы короли Калица,— ответил один из них.— Эта земля еще столетия назад превратилась в пустыню, и город Шатайр давно обезлюдел, если не считать таких, как мы, кого изгнали из других мест. Юноша, ты можешь разделить это королевство с нами, ибо здесь не важно, королем больше или меньше.

С непристойной дерзостью прокаженный глумился над Цитрой и высмеивал его, и тот, стоя среди убогих осколков своей мечты, не мог найти слов, чтобы ответить дерзкому. Однако один из самых старых прокаженных, почти полностью обглоданный болезнью, не разделял веселья своих товарищей и, казалось, над чем-то раздумывал. Наконец он сказал Цитре хриплым голосом, исходившим из черной впадины его зияющего рта:

— Я немного знаю историю Калица, и имена Амеро и Эльдамака кажутся мне знакомыми. В прошедшие времена двух правителей действительно звали так, но я не знаю, кто из них был отцом, а кто — сыном. Увы, оба давно в могиле со всеми остальными из их династии, в глубоких склепах под дворцом.

В сгущающихся сумерках из темных руин выползли другие прокаженные и кольцом окружили Цитру. Услышав, что он предъявил права на царствование в пустынном королевстве, некоторые ушли и тотчас вернулись опять, захватив с собой плошки с вонючей водой и какой-то заплесневевшей пищей, которую протянули Цитре, шутовски кланяясь, точно придворные, служащие монарху.

Юноша с отвращением отвернулся от подношения, хотя и испытывал сильный голод и жажду, и побежал сквозь мертвые сады мимо высохших фонтанов и пыльных лужаек. За спиной он слышал издевательское веселье

прокаженных, но звук постепенно ослабевал, и, казалось, они не стали преследовать его. Огибая огромный дворец, он не встретил никого из этих созданий. Ворота южного и восточного крыльев были пусты и темны, но он не стал заходить внутрь, зная, что лишь опустошение и вещи еще более худшие могут ожидать его там.

Обезумевший и отчаявшийся, он подошел к восточному крылу и остановился в темноте. Уныло и с каким-то странным отчуждением он осознал, что именно эту террасу над морем вспоминал так часто на протяжении своего долгого пути. Голы были когда-то усыпанные цветами кровати, деревья сгнили в покосившихся кадках, плиты пола выщербились и раскололись. Но милосердные сумерки скрывали убогий вид развалин, и, точно грустя о былом, под пурпурным сводом вздыхало море, а грозная звезда Канопус всходила на востоке, окруженная менее яркими звездами.

Горечь разъедала сердце Цитры, ибо мечта, поманившая его, лопнула, как мыльный пузырь. Яркое сияние Канопуса заставило его поморщиться, но прежде чем он успел отвернуться, столб мрака, темнее ночи и гуще любой тучи, взметнулся на террасе, затмив лучезарную звезду. Тень вырастала прямо из гранитной плиты, вздымаясь все выше и выше, и приняла очертания одетого в броню воина. Казалось, этот воин смотрит с огромной высоты прямо на Цитру, и глаза его под опущенным забралом шлема светились и передвигались, как шаровые молнии в темноте.

Неотчетливо, как увиденное в давнем сне, Цитра вспомнил мальчика, который пас коз на выжженных солнцем холмах и однажды нашел пещеру, открывшую ему вход в сады необыкновенной страны чудес. Бродя там, мальчик попробовал кроваво-красный плод и испытал леденящий ужас перед великанами в черной броне, охранявшими волшебный сад. И опять он был тем самым мальчиком, но каким-то непостижимым образом оставался и королем Амеро, искавшим в разных странах свое потерянное королевство, и нашедшим, в конце концов, на его месте лишь мерзость запустения.

И сейчас, когда трепет пастуха, повинного в посягательстве на колдовской сад и в воровстве, боролся в его

душе с гордостью короля, он услышал голос, раскаты которого звучали в небе подобно грому с высоких облаков в весенней ночи:

— Я посланник Тасайдона, который в положенное время посылает меня ко всем, кто прошел сквозь нижние ворота и отведал плодов его сада. Ни один человек, вкусивший этих плодов, не сможет остаться таким, каким был до этого. Но если одним они дарят забвение, то другие, наоборот, обретают память. Знай же, что в другом рождении, многие годы назад, ты действительно был королем Амеро. Память об этом воскресла в твоей душе, стерла воспоминания настоящей жизни и погнала на поиски своего древнего королевства.

— Если это правда, то я пострадал дважды, ибо, будучи Амеро, я лишен царства и царствования, а оставаясь Цитрой, я не смогу забыть о своей потерянной королевской власти и вновь обрести то довольство, которое знал простым пастухом.

— Молчи и слушай, ибо есть еще один путь,— произнесла тень голосом тихим, словно шепот далекого океана.— Могущество Тасайдона не знает границ, и он милостив к тем, кто служит ему и признает его власть. Поклянись в своей преданности и обещай ему свою душу, и он щедро вознаградит тебя. Если ты захочешь, своим колдовством он воскресит прошлое, погребенное под руинами дворца. Ты вновь станешь королем Амеро и будешь править Калицем. Все будет точно таким же, как в прошедшие года, а мертвые лица и опустевшие поля вновь наполнятся цветением жизни.

— Я принимаю обязательство,— ответил Цитра.— Клянусь быть верным Тасайдону и отдать ему душу, если он вернет мне мое королевство.

— Это еще не все,— вновь заговорила тень.— Ты вспомнил не всю свою прошлую жизнь, а только те годы, которые соответствуют твоему теперешнему возрасту. Может быть, став Амеро, ты пожалеешь о своей участи, и если эта жалость овладеет тобой и заставит забыть о своих королевских обязанностях, колдовство потеряет свою силу и растает как дым.

— Так тому и быть,— согласился юноша.— Я принимаю и это условие как часть сделки.

Не успел он договорить, как тень, заслоняющая Канопус, исчезла. Звезда горела с первозданной яркостью, как будто миг назад облако тьмы не закрывало его. Не ощущая никакой перемены, смотрящий на звезды стал не кем иным, как королем Амеро, а бедный пастух Цитра, равно как и посланник Тасайдона, и клятва, данная повелителю тьмы, исчезли из его памяти, как дурной сон. Запустение и разруха, царившие в Шатайре, оказались не более чем фантазией какого-то сумасшедшего пророка, ибо Амеро уловил аромат душистых цветов, смешанный с соленым дыханием моря, а тихий шепот набегающих на берег волн заглушали нежное пение лир и визгливый смех рабынь во дворце за его спиной. До него доносились мириады звуков ночного города, где его подданные веселились и пировали. С непонятной болью и смутным ощущением счастья отвернувшись от звезды, Амеро увидел сверкающие ворота и окна отцовского дворца и ослепительный свет тысяч факелов, затмивший звезды в небе над Шатайром.

Старые хроники говорят, что на правление короля Амеро пришлось много лет процветания. Мир и достаток царили в королевстве Калиц. Ни засуха, ни морские бури не нарушали его покой, и подвластные ему острова и далекие страны в положенный срок присылали дань. И Амеро был доволен, по-королевски роскошествуя в пышно украшенных гобеленами залах дворца, наслаждаясь яствами и винами и слушая восхваления своих музыкантов, дворецких и наложниц.

Когда годы его жизни уже перевалили за середину, на Амеро время от времени стала находить та пресыщенность, которая часто подстерегает баловней фортуны. В такие моменты он отходил от надоевших развлечений двора и находил утешение в цветах, зелени и стихах старинных поэтов. Таким образом он не допускал пресыщения, и, поскольку обязанности правителя не слишком обременяли его, все еще находил свою королевскую власть весьма приятной.

Но однажды поздней осенью звезды точно прогневались на Калиц. Падеж скота, болезни растений и чудовищный мор пронеслись по всему королевству, точно на крыльях невидимых драконов. Морское побережье осаждали и беспощадно разоряли пиратские галеры. На востоке грозные банды грабителей нападали на проходящие

через Калиц караваны, а на юге жестокие пустынные племена совершали набеги на деревушки, лежащие близ границы. Беспорядки и смерть царили повсюду, и страна наполнилась печалью и стенаниями.

Глубоко было волнение Амеро, каждый день слушавшего горестные жалобы. Он был не слишком искусен в правлении огромным королевством и совершенно непривычен к тяжким испытаниям власти. Ему приходилось искать помощи придворных, чьи советы только ухудшали положение. Беды королевства все умножались и умножались. Не встречая достойного сопротивления, дикие племена пустыни все больше смелели, а пираты, как стервятники, рыскали у берегов. Голод, засуха и мор терзали несчастную страну, и растерянному Амеро казалось, что ни одно средство уже не поможет против этих напастей, а его корона превратилась в невыносимо тяжелое бремя.

Тщась забыть собственное бессилие и горькую судьбу королевства, он ночи напролет предавался беспутству. Но вино почему-то больше не дарило забвения, а любовь — прежних восторгов. Он искал других развлечений, призывая к себе все новых паяцев, шутов и скоморохов и собирая заморских певцов и игроков на диковинных музыкальных инструментах. Каждый день король обещал награду тому, кто сможет отвлечь его от забот. Веселые песни и волшебные баллады о былом исполняли ему знаменитые менестрели. Чернокожие девушки севера с янтарными браслетами на руках и ногах кружились и извивались перед ним в своих сладострастных плясках. Трубачи дули в рога химер, играя неслыханные затейливые мелодии. Карлики-дикари выбивали на барабанах из кожи людоедов тревожную дробь, а люди, одетые в шкуры и чешую полумифических чудовищ, застывали в гротескных позах и ползали по залам дворца. Но ничто не могло развеять горестные думы короля.

Однажды днем, когда он понуро сидел в зале аудиенций, в его покои вошел бродяга со свирелью в изношенной домотканой одежде. Глаза музыканта сияли ярко, точно угли в только что разворошенном костре, а лицо дочерна загорело под палящими лучами чужеземных солнц. Приветствуя короля без обычного подобострастия, он представился пастухом, пришедшим в Шатайр из уединенной страны гор и долин, лежащей на закате.

— О король, я знаю мелодии, дарящие забвение,— сказал он,— и я сыграю их тебе, хотя мне и не нужна обещанная тобой награда. И если мне случится развлечь тебя, в должное время я потребую свое вознаграждение.

— Играй же,— повелел Амеро, чувствуя пробуждение слабого интереса при смелых словах музыканта.

И загорелый пастух незамедлительно начал играть на своей тростниковой свирели музыку, звучавшую подобно плеску вод в тихой долине и песне ветра в уединенных холмах. Нежно-нежно пела свирель о свободе, мире и забвении, царящих за безбрежным пурпуром дальних горизонтов, и рассказывала о месте, где года не бегут с железным грохотом, но тихо текут, как зефир, играющий с цветочными лепестками. Где все беды и тревоги мира теряются в безбрежных лигах тишины, и бремя власти становится легким, словно пушинка. Где пастух, идущий за стадом по солнечным холмам, обретает безмятежность более сладкую, чем вся власть монархов.

Сладкое колдовство мелодии оплетало сердце короля Амеро все сильнее и сильнее. Утомительность власти, заботы и тревоги — все уплыло по волнам Леты. Перед ним, рожденные музыкой, проплывали видения зачарованных мирных долин, купающихся в зелени, и он сам был пастухом, идущим по заросшей травой тропинке или отдыхающим на берегу сонно журчащего ручейка.

Он едва услышал, что звук свирели совсем стих. Но видение померкло, и к Амеро, грезившему об уделе пастуха, вновь вернулись тревоги короля.

— Продолжай! — крикнул он темнолицему музыканту.— Назови свое вознаграждение и играй еще!

Глаза пастуха вновь блеснули, как угли костра вечерней порой.

— Я потребую свою награду лишь тогда, когда пройдут века, и многие королевства исчезнут с лица земли,— сказал он загадочно.— Как бы то ни было, я сыграю для тебя еще раз.

Все утро король внимал колдовской свирели, певшей о дальней стране покоя и забвения. С каждой новой мелодией чары, казалось, все сильнее действовали на него, и все более ненавистной становилась королевская власть, и сама роскошь его дворца угнетала и подавляла. Амеро больше не мог

выносить богато изукрашенное ярмо своих обязанностей, и безумная зависть к беззаботной судьбе пастуха обуяла его.

Уже в сумерках он отпустил приставленных к нему слуг, и, оставшись наедине с музыкантом, заговорил:

— Отведи меня в свою страну, о чужеземец, где я тоже мог бы вести простую жизнь пастуха.

Переодетый в чужую одежду, чтобы его подданные не могли узнать своего короля, он вместе с темнолицым пастухом тайно выбрался из дворца через никем не охраняемую заднюю дверь. Ночь, точно бесформенное чудище, угрожающе склонила над ними серповидный рог месяца, но на улицах города ночная тьма отступала перед светом мириадов светильников. Никто не остановил Амеро и его спутника, и они направились к воротам города. Король не сожалел о своем покинутом троне, хотя на пути им постоянно встречались похоронные носилки с жертвами мора, и костлявые от голода лица, мелькая в сумерках, точно обвиняли его в малодушии. Беглец не замечал их, ибо его глаза застилала мечта о тихой зеленой долине в стране, затерянной далеко за пределами стремительного потока времени с его постоянной суетой и горестями.

Но вдруг на Амеро, идущего вслед за музыкантом, обрушилась какая-то странная слабость, и он споткнулся, пораженный сверхъестественным страхом и изумлением. Уличные огни, только что мерцавшие перед ним, мгновенно исчезли в темноте. Громкий городской шум превратился в гробовую тишину, и, подобно хаотичной смене образов в беспорядочном сне, высокие дома, казалось, беззвучно обрушились и пропали, как тени, и звезды засияли над разрушенными стенами. Все чувства и мысли Амеро пришли в смятение, и его сердце наполнилось гнетущей тьмой опустошения. Перед ним пронеслась вся череда долгих пустых лет его жизни, утраченное величие, и он осознал дряхлость и обветшалость окружающих его обломков. Его ноздрей коснулся сухой запах плесени, принесенный с развалин ночным ветром, и смутно, точно припоминая что-то давно известное, он ощутил, что пустыня правила его величественной столицей, Шатайром.

— Куда ты привел меня? — закричал Амеро черному пастуху.

Лишь саркастический смех, подобный раскату грома, был ему ответом. Бледный призрак пастуха, нечеловечески огромный, возвышался во мгле, изменяя очертания, вырастая все выше и шире, пока, наконец, его очертания не превратились в фигуру гигантского воина в темной броне. Странные воспоминания заклубились в мозгу Амеро, и он начал смутно вспоминать мрачное нечто из его прошлой жизни... Непонятным образом, неизвестно где, в незапамятные времена он был тем самым пастушком из его грез, довольным и беззаботным... И он забрел в странный сияющий сад и съел кроваво-красный плод...

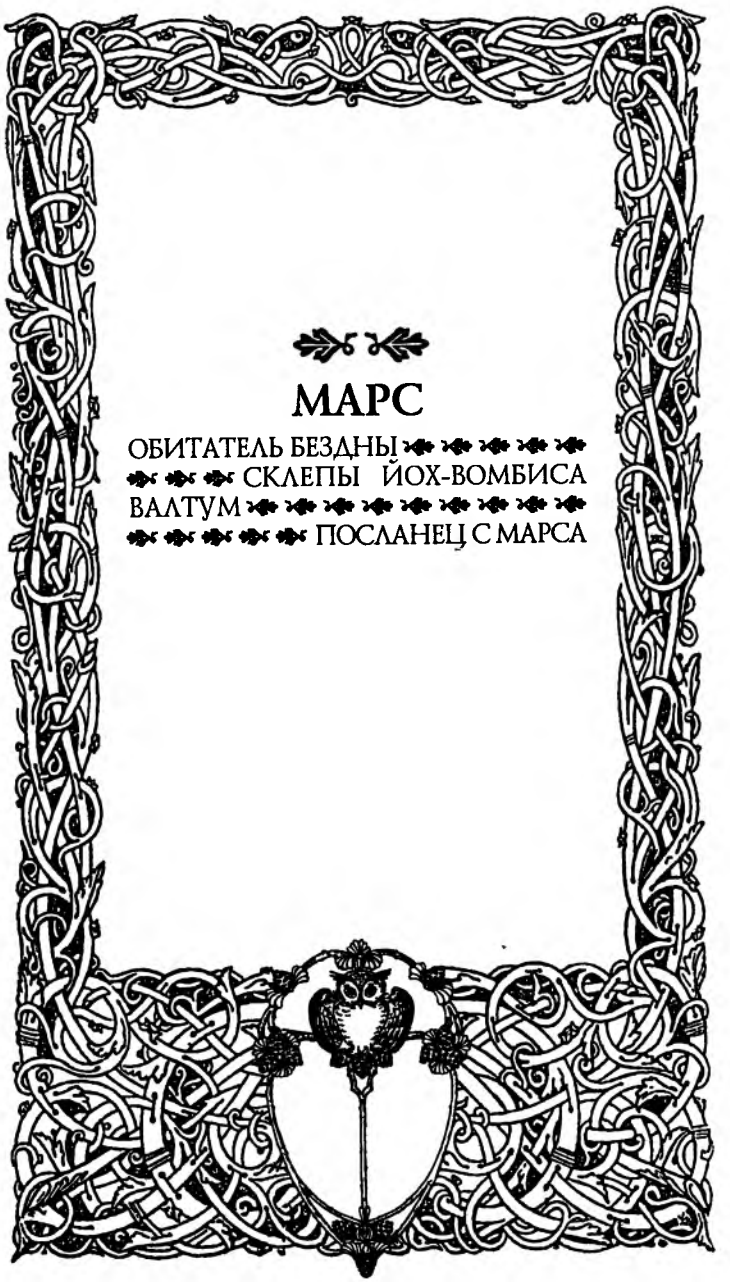
И вдруг точно молния озарила его разум, и он вспомнил все, и понял, что возвышающаяся над ним тень была посланником ада. Под его ногами лежал растрескавшийся пол выходящей на море террасы, и звезды, сиявшие в небе над вестником Тасайдона, предшествовали Канопусу, но сам Канопус был скрыт плечом Демона. Где-то далеко в пыльной тьме хрипло хохотали и кашляли прокаженные, бродя по разрушенному дворцу, что когда-то был резиденцией королей Калица. Все было в точности таким, как до заключения сделки, по условиям которой канувшее в Лету королевство воскресло по воле ада.

Невыносимая мука, точно зола догоревшего погребального костра или пыль осыпавшихся развалин, душила Цитру. Незаметно и искусно Демон заставил его отказаться от всего, что он имел. Он не знал, было ли все это лишь привидевшимся ему сном, колдовскими чарами или явью, случилось ли только однажды или уже повторялось не раз. Все обратилось в тлен, и он, дважды проклятый, должен вечно вспоминать и оплакивать то, что потерял.

И в отчаянии он закричал посланнику:

— Я нарушил условия сделки с Тасайдоном. Бери же мою душу и неси в подземелья, где он восседает на троне из горящей меди, ибо я готов выполнить свою клятву!

— Мне незачем забирать твою душу,— был ответ, прозвучавший, как зловещий рокот надвигающейся бури.— Ты можешь остаться здесь с прокаженными или вернуться назад к Парносу и его козам, если захочешь — это ничего не изменит. Во все времена, в каком бы месте ты ни находился, твоя душа будет частью черной империи Тасайдона.

МАРС

ОБИТАТЕЛЬ БЕЗДНЫ

СКЛЕПЫ ЙОХ-ВОМБИСА

ВАЛТУМ

ПОСЛАНЕЦ С МАРСА

ОБИТАТЕЛЬ БЕЗДНЫ

Над горизонтом планеты появилось большое облако, быстро поднимаясь и распухая, как джин, выпущенный из кувшина Соломона. Огромная воронка цвета ржавчины пересекала мертвую равнину и небо, темное, как соленая вода морей пустыни, высохших и ставших похожими на лужи среди песков.

— Кажется, опять надвигается песчаная буря,— заметил Маспик.

— А что же еще может быть? — отрывисто бросил Беллман.— В этих краях ни о каких других стихиях и не слыхивали. Эту адскую круговерть местное население, Айхаи, называют «зоорт». Кстати, заметьте — он движется в нашу сторону. Я полагаю, следует поискать укрытие. Меня этот зоорт однажды настиг, так что я никому не порекомендую хотя бы раз вдохнуть этой ржавой окалины.

— Справа, на берегу бывшей реки, есть пещера,— указал Чиверс, тщательно осматривающий пустыню проницательными глазами.

Трое заядлых искателей приключений, земля́н, отказались от услуг марсианских гидов. Пять дней назад они вышли из сторожевого поста Ахум в безлюдный район, называемый Чаур. Здесь, где по руслам великих рек уже столетиями не текла вода, по слухам, можно отыскать лежащее кучами, как груды соли, похожее на платину золото Марса. Их вынужденному изгнанию, длившемуся

на красной планете много лет, скоро придет конец, если фортуна окажется благосклонна. Об опасностях Чаура их предупреждали, в Ахуме они слышали жуткие истории о том, почему не вернулись другие золотоискатели. Но опасность — ужасная или экзотическая — всего лишь часть их повседневной рутинной жизни. Они отправились бы в путь через весь Хинном, если бы имели хорошие шансы найти груду золота в конце путешествия.

Запасы провианта и бочонки с водой покоились на спинах трех странного вида млекопитающих, называемых «вортлапы». Они напоминали мифический гибрид ящера и ламы своими удлиненными ногами и вытянутыми шеями, а также телами, покрытыми роговыми пластинами. Эти неописуемо безобразные животные были ручными и послушными, хорошо приспособленными к путешествию в пустыне. Они брели, не имея воды в течение месяцев.

Последние два дня трое искателей приключений шли по высохшему руслу безымянной древней реки. Тысячелетия воздействия разрушительных сил природы превратили холмы в небольшие пригорки. Под ноги попадали истертые валуны, галька и мелкий шуршащий песок. Все замерло — неподвижное небо, высохшее русло реки, высохшие камни. Никаких признаков растительности. Тем временем зловещий столб зоорта, увеличиваясь, приближался — хоть какой-то признак жизни в этой стране. Земляне направились к входу в пещеру, замеченному Чиверсом, покалывая своих вортлапов стрекалами с железными наконечниками, чтобы увеличить скорость этих медлительных монстров. Вход в пещеру располагался довольно высоко на отлогом берегу.

Зоорт закрыл солнце еще до того, как они оказались у подножия древнего склона, и зловещие сумерки окутали мир цветом высохшей крови. Вортлапы, негодующе ревя, стали взбираться по отлогому берегу. Более или менее правильные уступы отмечали отступление вод древней реки. Воронка из песка, закручиваясь, достигла противоположного берега, когда искатели вошли в пещеру.

Вход вел в глубину низкого утеса, пронизанного жилами железной руды. Часть его обрушилась и лежала грудами окислившегося металла и базальтовой пыли. Но отверстие еще оставалось достаточно крупным, чтобы впустить

землян и вьючных животных. Темнота, словно свитая из черной паутины, заполняла внутренность подземелья. Беллман вынул из вьюка фонарь и направил луч в окружающий мрак, но даже тогда путешественники не смогли представить себе размеры пещеры.

Луч едва пробил несколько метров. Пещера, гладко отполированная когда-то текущими здесь водами полом, уходила в темноту и постепенно расширялась.

Снаружи потемнело, на пещеру налетел зоорт. Слышались какие-то неземные стоны. Мельчайшие частицы песка, налетевшие вихрем, жалили спутников подобно измельченному алмазу.

— Песчаная буря продлится, по меньшей мере, с полчаса,— сказал Беллман.— Может, нам пройти в глубь? Возможно, мы и не найдем там ничего ценного. Но хотя бы скоротаем время. А может, нам повезет? Вдруг мы натолкнемся на фиолетовые рубины или янтарно-желтые сапфиры? Они, говорят, иногда встречаются в этих заброшенных дырах. Вам двоим тоже лучше включить фонари.

Спутники сочли его предложение дельным. Вортлапов, совершенно равнодушных к песчаному урагану из-за чешуйчатой брони, оставили у входа в пещеру. Чиверс, Беллман и Маспик, разрывая лучами фонарей сгустившийся мрак, двинулись в расширяющуюся глубину пещеры.

Голая, она отдавала пустотой смерти давно заброшенных катакомб. Свет фонарей не вызывал ни единого блика на покрытом ржавчиной полу и стенах. Дно пещеры отлого шло вниз, на высоте шести-семи футов на стенах виднелась отметка уровня когда-то текущей воды. Без сомнения, в давние времена здесь проходило подземное русло реки. Камни и мусор унесла вода, и сейчас катакомбы напоминали акведук, ведущий к огромной подземной каверне. Ни один из искателей приключений не страдал от избытка воображения или нервозности, но всех охватили неясные предчувствия. Под покровами загадочной тишины они снова и снова, казалось, слышали невнятный шепот, словно вздох погребенного на недосягаемой глубине моря. В воздухе ощущались едва заметный привкус влаги и почти неуловимое дуновение ветра. Необъяснимый запах напоминал одновременно о логове животного и специфическом духе жилья марсиан.

— Как полагаете, встретится нам что-нибудь живое? — спросил Маспик, принюхиваясь.

— Вряд ли,— кратко ответил Беллман.— Даже дикие вортлапы избегают Чаур.

— Но в воздухе четко ощущается влага,— настаивал на своем Маспик.— Это означает, что где-то есть вода; а там, где есть вода, может быть и жизнь — возможно, весьма опасная.

— У нас есть револьверы,— сказал Беллман.— Но я сомневаюсь, что они нам понадобятся. Разве что мы встретим соперников — золотоискателей с Земли,— цинично добавил он.

— Послушайте,— приглушенно сказал Чиверс.— Вы слышите что-нибудь?

Все трое замерли. Где-то впереди раздался протяжный, невнятный звук, неприятный для слуха. Одновременно шуршало и дребезжало, словно по скальному грунту тянули что-то металлическое, и слышалось чмоканье мириадов мокрых, огромных ртов. Звук стал удаляться и стих где-то глубоко внизу.

— Странно это все,— неохотно признался Беллман.

— Но что это может быть? — спросил Чиверс.— Одно из тех многоногих подземных чудовищ в полмили длиной, о которых любят рассказывать марсиане?

— Ты наслушался местных сказок,— упрекнул его Беллман.— Ни один землянин ничего подобного никогда не видел. Многие каверны на Марсе были тщательно исследованы. Все пещеры, находящиеся в пустынных регионах, подобно Чауру, оказались безжизненны. Не могу представить, что могло издавать подобный звук. Мне бы хотелось в интересах науки спуститься вниз и выяснить.

— От таких разговоров становится что-то не по себе,— сказал Маспик.— Но я пойду, если вы оба решитесь.

Без дальнейших споров трое изыскателей двинулись в глубь пещеры. Они шли довольно быстро и уже минут через пятнадцать углубились на расстояние, по меньшей мере, в полмили. Наклон пещеры становился все круче, изменилась и структура стен. Уступы по обе стороны из отливающего металлом камня чередовались с циклопическими нишами, глубину которых с помощью фонаря определить было невозможно.

Воздух стал тяжелым из-за обилия влаги. Ощущалось дыхание застоявшихся вод. Липнущим зловонием пронизывали мрак подземелья запахи диких животных и жилых помещений Айхаи, жителей Марса.

Беллман шел первым. Внезапно его фонарь осветил край пропасти: старый канал здесь резко обрывался, а уступы стен расходились на неизмеримое расстояние. Беллман подошел к самому краю и направил луч света в бездну. Уходящий вертикально вниз утес у его ног обрывался в темноту. Мощности фонаря не хватало, чтобы осветить противоположную стену провала. Возможно, до нее было несколько миль.

— Похоже, когда-то именно отсюда срывался поток,— заметил Чиверс.

Оглядевшись, он подобрал булыжник и что есть силы зашвырнул в пропасть. Земляне прислушивались, стараясь уловить удар от его падения, но прошло несколько минут, а из черной бездны так и не донеслось ни звука.

Беллман обследовал скальные уступы обрывающегося в бездну прохода. Он отыскал полого спускающийся вниз выступ, ведущий по краю пропасти. К началу спуска, который находился чуть выше уровня пола пещеры, вели грубо вырубленные в стене ступени. Выступ был шириною в два ярда, имел небольшой уклон и поразительно ровную поверхность. Перед ним древняя дорога, вырубленная в скальном массиве, решил он. Над уступом нависала стена, образуя как бы разрубленную пополам галерею.

— Вот и наша дорога в преисподнюю,— сказал Беллман.— И спуск, к счастью, достаточно легок.

— А есть ли смысл идти дальше? — спросил Маспик.— Что касается меня, то довольно мрака и темноты. И если мы и найдем что-нибудь, оно вряд ли будет представлять какую-либо ценность, а, скорее всего, окажется неприятным.

— Возможно, ты и прав,— нерешительно произнес Беллман.— Но мне хотелось бы пройти по этому уступу, чтобы получить представление о величине каверны. Если вы с Чиверсом боитесь, то можете подождать здесь.

Было очевидно, что Чиверс и Маспик не хотели признаваться в тревоге, которую испытывали. Они последова-

ли за Беллманом, прижимаясь к внутренней стене. Беллман же беззаботно шел по краю пропасти, огромный провал поглощал слабый свет его фонаря. Перед землянами действительно была дорога — неизменная ширина, уклон, гладкая поверхность, а сверху — нависшая арка скалы. Но кто мог построить эту дорогу и пользоваться ею? В какие забытые века и для какой загадочной цели ее задумали? Воображение пасовало перед колоссальной бездной, зияющей и навевающей мрачные вопросы.

Беллман заметил, что стена медленно, но верно изгибалась вовнутрь. Не оставалось сомнения, что, следуя по этой дороге, они со временем обогнут пропасть. Дорога раскручивалась спиралью, постепенно спускаясь вниз, возможно, к самой сердцевине Марса.

Искатели продвигались в благоговейном молчании. Они были поражены, когда вдруг из мрачных глубин донесся тот же своеобразный долгий звук, который они слышали чуть раньше у входа в пещеру. Сейчас эти звуки рисовали в воображении другие образы. Шуршание стало походить на скрежет напильника, а равномерное чмоканье смутно напоминало о каком-то громадном существе, пытающемся вытащить свои лапы из трясины.

Необъяснимый звук наводил ужас уже потому, что его источник находился далеко. Расстояние подчеркивало глубину пропасти и указывало на огромные размеры того, кто шуршал и чмокал. Услышанный в каверне, этот звук удивлял и поражал. Даже Беллман, прежде бесстрашно шагавший вперед, поддался необъяснимому ужасу.

Шум стал слабеть и прекратился. Создалось впечатление, что его источник спустился по перпендикулярной стене в самые отдаленные глубины провала.

— Может, вернуться? — спросил Чиверс.

— Пожалуй, да,— без колебаний согласился Беллман.— Чтобы обследовать это место, понадобится целая вечность.

Они начали подниматься обратно по уступу. Все трое ощущали каким-то шестым чувством приближение опасности, они были обеспокоены и насторожены. С исчезновением странного звука каверна вновь погрузилась в тишину, но искатели испытывали смутное чувство, что они здесь не одни. Трудно было представить, откуда может

прийти опасность или какую она примет форму, но тревожное ощущение перерастало в панику. Будто сговорившись, никто из них не стал обсуждать жуткую тайну, на которую они случайно натолкнулись.

Сейчас уже Маспик шел впереди других. Они прошли, по меньшей мере, половину обратного расстояния, когда его фонарь, освещающий дорогу впереди, высветил бледные фигуры. Выстроившиеся по трое, они загораживали путь. Свет фонарей Беллмана и Чиверса, идущих сзади, с ужасающей четкостью выхватил из темноты лица и тела этой странной толпы.

Существа, стоявшие совершенно неподвижно и молчаливо в ожидании землян, в общем-то, походили на Айхаи, аборигенов Марса. В то же время они, казалось, принадлежали к какому-то деградировавшему и отклонившемуся от нормы виду. Мертвенная бледность их тел, словно покрытых плесенью, могла означать, что они проживали в подземелье в течение многих поколений. Ростом существа были ниже взрослых Айхаи, в среднем всего-то пять футов. Огромные, широко раздутые ноздри, торчащие в стороны уши, бочкообразные грудные клетки, тонкие руки и ноги марсиан — но все они были безглазые. На лицах одних, там, где должны были находиться глаза, еще можно было различить остатки рудиментарных отверстий; лица других зияли пустыми глазницами, похоже, глазные яблоки были удалены.

— Боже! Что за ужасная компания! — вскричал Маспик.— Откуда они взялись? И чего они хотят?

— Не могу себе представить,— сказал Беллман.— Но наше положение довольно щекотливое. Вряд ли они окажутся дружественно настроенными. Они, должно быть, прятались вверху на выступах, когда мы вошли.

Он смело оттеснил Маспика и обратился к существам на гортанном языке Айхаи, земляне едва могли произнести многие из звуков. Некоторые существа тревожно зашевелились и стали издавать похожие на писк звуки, имевшие мало сходства с марсианским языком. Они явно не понимали Беллмана, а язык жестов по причине их слепоты был бесполезен.

Беллман вынул револьвер, призывая последовать его примеру.

— Нам так или иначе необходимо прорваться,— сказал он.— А если не позволят нам пройти без борьбы...— щелчок взведенного курка закончил его мысль.

Этот звук как будто послужил сигналом: толпа слепых бледных существ внезапно ожила и хлынула на землян. Это напоминало наступление автоматов: неотразимое движение машин, согласованное и методичное, под управлением неизвестной силы. Беллман, стреляя в упор, нажал на курок раз, два и три. Промахнуться было невозможно, но пули оказались так же бесполезны, как камешки, брошенные в неудержимо несущийся поток. Безглазые существа не дрогнули, хотя у двоих потекла желтовато-красная жидкость — марсианская кровь. Один, двигавшийся с дьявольской уверенностью (пули его не задели) схватил руку Беллмана своими длинными, четырехсуставными пальцами и вырвал у него револьвер, прежде чем тот еще раз успел нажать на курок. Существо, к удивлению Беллмана, не пыталось отобрать у него фонарь, который он и сейчас держал в левой руке. Кольт, брошенный в пустоту рукой марсианина, сверкнул стальным блеском. Мертвенно-бледные тела, давясь на узкой дороге, окружили Беллмана и придавили так плотно, что активное сопротивление оказалось невозможным. Чиверс и Маспик успели сделать несколько выстрелов и также лишились оружия, но им тоже сохранили фонари.

Их разоружили за несколько мгновений. Надвигающаяся толпа задержалась лишь на секунду, чтобы сбросить в пропасть нескольких своих собратьев, застреленных Чиверсом и Маспиком. Передние ряды, ловко расступившись, окружили землян и заставили их повернуть обратно. Толпа понесла их вниз, вновь тесно сжав в тиски множества тел. Путешественники ничего не могли сделать с кошмарным потоком и заботились лишь о том, как бы не потерять фонари. С ужасающей скоростью они мчались по тропе, которая вела все глубже в бездну. Среди этой безглазой и таинственной армии искатели сами стали ее частью, перед собой они видели только освещенные спины кошмарных существ. Десятки марсиан неумолимо подгоняли их.

Такое положение парализовало их волю. Казалось, они идут уже не человеческими шагами, а двигаются с быст-

ротой и автоматизмом холодных и липких существ, тесно обступивших людей. Мысли, желания и даже ужас притупились неземным ритмом ведущих в пропасть шагов. Скованные этим гипнотическим движением, чувством нереальности происходящего, искатели переговаривались друг с другом односложными фразами, но слова, казалось, утратили свое значение. Безглазые же люди не произносили ни слова — каверну наполняло лишь непрекращающееся шлепанье бесчисленных ног.

Вереница продвигалась все дальше и дальше, и на смену мраку так и не приходил рассвет. Дорога медленно поворачивалась, как будто делая витки внутри огромного Вавилона. Землянам казалось, что они уже многократно обогнули пропасть по этой ужасающей спирали; но действительные размеры ошеломляющей бездны оставались непостижимы.

Мрак вокруг, абсолютный и неизменный, был древнее солнца и заполнял пещеры всю прошедшую вечность. Чудовищным бременем тьма нависала над ними, пугающе зияла под ногами. Откуда-то снизу поднималось все усиливающееся зловоние застоявшихся вод. И по-прежнему не раздавалось ни звука, лишь мягкое и равномерное шлепанье ног, спускающихся в бездонный Абаддон.

Наконец, как будто по прошествии столетий ночи и мрака, движение в бездну прекратилось. Беллман, Чиверс и Маспик почувствовали, как ослабло давление скучившихся тел, но мозги по-прежнему продолжали пульсировать нечеловеческим ритмом ужасного спуска. Здравый смысл медленно возвращались к ним. Беллман поднял фонарь, и пятно света осветило толпу марсиан. Многие уже разбрелись по большой каверне, где заканчивалась окружающая пропасть дорога. Другие же оставались поблизости, будто сторожили землян. Они настороженно вздрагивали при каждом движении Беллмана, как будто улавливали их каким-то сверхъестественным чувством.

Справа ровный пол пещеры резко обрывался. Подойдя к краю, Беллман увидел далеко-далеко внизу фосфоресцирующие отблески, как светящиеся огоньки подводного царства. Его обдало зловонным дыханием теплого ветра, он услышал вздохи вод, накатывающихся на скалы. Вода колыхалась в этой бездне неисчислимые тысячелетия, пока происходило высыхание планеты.

Преодолевая головокружение, Беллман отошел прочь. Его спутники обследовали пещеру. Похоже, она была искусственного происхождения: лучи фонарей то в одном, то в другом месте выхватывали из мрака громадные колонны, испещренные глубоко врезанными барельефами. Кто и когда их вырезал, такая же неразрешимая загадка, как и происхождение вырубленной в скалах дороги. Детали барельефов напоминали видения сумасшедших. Они шокировали взгляд подобно сильному удару в тот краткий миг, когда их обегал луч фонаря, передавая нечеловеческое зло и низменные чувства.

Пещера уходила далеко в глубь скалы, вдали ее многочисленные выходы разветвлялись. Лучи фонарей изгоняли колышущиеся в нишах тени и высвечивали неровности стен, уходящих вверх в недоступный мрак. Отсветы дрожали на существах, похожих на чудовищные комки живой плесени, на короткое мгновение оживляли бледные, похожие на полипы растения, прилипшие к темным камням. Место это угнетало, подавляло чувства и сокрушало мозг. Свет и зрение были незваными гостями в этих владениях слепых. Почему-то земляне твердо решили, что бегство отсюда невозможно. Странная апатия охватила их. Они даже не обсуждали свое положение, а просто стояли, равнодушные и молчаливые.

Вскоре из зловонного мрака появилось несколько марсиан. Все с тем же словно контролируемым автоматизмом, они синхронно собрались вокруг путешественников и принялись подталкивать их в зияющую внутренность пещеры.

Отвратительного вида толпа все увеличивалась. Трое несчастных шаг за шагом продвигались в этой жуткой процессии прокаженных. По мере продвижения перед ними открывались все новые и новые залы, где все новые и новые мерзкие существа дремали во мраке. Землян сковывала слабая, но постепенно усиливающаяся сонливость, какую вызывают ядовитые испарения. Они пытались противиться губительному сну. Дурман усиливался, они наконец приблизились к внушающему ужас источнику.

Между уходящими ввысь колоннами возвышалось нечто в виде алтаря, он состоял из семи наклонных, пирамидальных ярусов. Наверху находилась фигура из светлого

металла: невообразимо чудовищная и отвратительная, она не превышала размеров зайца.

Когда земляне стали рассматривать изображение, их странная, неестественная сонливость усилилась. Марсиане же проталкивались вперед, как идолопоклонники, собирающиеся перед своей святыней. Беллман почувствовал, как чьи-то пальцы сжимают его руку. Обернувшись, он увидел совершенно удивительное существо. Это создание с зияющими пустыми глазницами вместо глаз, такое же бледное и грязное, как и обитатели пещеры, безусловно, когда-то являлось человеком!

Из одежды на нем сохранилось только несколько полуистлевших от времени лохмотьев цвета хаки, он был бос. Его белая борода и волосы были покрыты слизью и всевозможным сором. Вероятно, когда-то он был не ниже Беллмана, но сейчас согбенная спина и крайняя истощенность уравняли его с окружающими карликовыми марсианами. Человек дрожал, и почти идиотский вид безнадежности и ужаса застыл на его лице.

— Боже мой! Кто вы? — вскрикнул Беллман.

От внезапного шока он почувствовал бодрость.

В ответ незнакомец пробормотал что-то невразумительное, словно забыл слова человеческой речи или уже не был способен произносить эти звуки. Затем прохрипел, постоянно запинаясь и прерывая свое повествование:

— Вы земляне! Земляне! Они сказали мне, что вас захватили... так же, как они захватили меня... Когда-то я был археологом... Меня звали Чалмерс... Джон Чалмерс. Это было давно... Я не знаю, сколько лет прошло. Я прибыл в Чаур исследовать древние руины. Они захватили меня — эти существа из бездны... И с тех пор я нахожусь здесь. Побег невозможен... Обитатель Бездны следит за этим.

— Но кто эти существа? И чего они хотят от нас? — спросил Беллман.

Чалмерс, казалось, восстановил свои силы. Его голос зазвучал более отчетливо.

— Они — дегенерировавшие остатки древней марсианской расы Йорхи, которая существовала еще до Айхаи. Все полагают, что они полностью вымерли. Руины их городов все еще сохранились в Чаур. Насколько я смог выяснить — а я теперь говорю на их языке,— это племя

было загнано под землю высыханием рек. Они последовали за уходящими водами подземного озера, лежащего на дне этой бездны. Сейчас Йорхи мало чем отличаются от животных, они поклоняются таинственному монстру, живущему в озере... Обитателю Бездны, как они его называют... существу, которое может подниматься по отвесной скале. Маленький идол, которого вы видите на алтаре,— это изображение монстра. Сейчас они собираются провести одну из своих религиозных церемоний и хотят, чтобы вы приняли в ней участие. А я должен проинструктировать вас... Это начало вашего посвящения в жизнь Йорхи.

Слушая странное заявление Чалмерса, Беллман и его спутники испытывали чувство, смешанное из отвращения и удивления. Бледное безглазое существо со спутанной бородой, стоявшее перед ними, казалось, несло отпечаток той же деградации, которую они заметили у жителей пещеры. Его уже вряд ли можно было назвать человеком. Без сомнения, землянина надломил ужас долгого плена, а пустые глазницы Чалмерса невольно наталкивали на вопрос, который никто из троих не решался задать.

— А что это за церемония? — не сразу спросил Беллман.

— Пойдемте, я покажу,— в срывающемся голосе Чалмерса прозвучала странная живость. Он потянул Беллмана за рукав и начал подниматься на пирамиду алтаря с уверенностью, говорящей, что путь этот ему хорошо знаком.

Беллман, Чиверс и Маспик последовали за ним, двигаясь как во сне. Изображение идола не было похоже ни на что из всего виденного ими на красной планете или где бы то ни было. Изваяние из странного металла, светлее золота, оказалось фигурой горбатого животного, покрытого гладким панцирем, из-под которого по-черепашьи выглядывали голова и конечности. Голова, плоская и треугольная, как у ядовитых змей, была безглазой. По углам безжалостного рта изгибались вверх два длинных хоботка с присосками. Существо обладало двумя рядами коротких ножек, расположенных под панцирем, по земле спиралью извивался длинный хвост. Основания лап были круглыми и напоминали маленькие перевернутые бокалы.

Грязный идол — плод воображения чьего-то безумия — казалось, дремал на алтаре. От него буквально излучался

незаметно подкрадывающийся ужас, притупляя чувства исходящим от него оцепенением. Такие же излучения исходили когда-то от первобытных миров до того, как появился свет, когда жизнь кипела и лениво пожирала все вокруг в темном, слепом пространстве.

— И это чудовище действительно существует? — Беллман слышал свой собственный голос через наползающий покров дремоты, как будто кто-то другой заговорил и разбудил его.

— Это Обитатель Бездны,— пробормотал Чалмерс. Он наклонился над идолом, и его вытянутые пальцы трепетали в воздухе, словно он собирался приласкать бледный ужас.— Йорхи создали этого идола очень давно,— продолжил он.— Я не знаю, как он был сделан... И металл, из которого его отлили, ни на что не похож... Какой-то новый элемент. Поступайте, как я... и темнота вам уже не покажется такой противной... Вам не будут уже нужны глаза. Вы станете пить гнилую, вонючую воду озера, поедать сырых слизней, слепых рыб и озерных червей, находя их вкусными... И вы не узнаете, когда Обитатель Бездны придет и возьмет вас.

Он принялся ласкать изваяние, поглаживая горбатый панцирь и плоскую змеиную голову. Его слепое лицо приняло выражение мечтательной апатичности курильщика опиума, речь превратилась в бессвязное бормотание, напоминая звуки плещущейся жидкости. Чалмерса окружал ореол странной, нечеловеческой порочности.

Беллман, Чиверс и Маспик, с удивлением наблюдая за ним, внезапно заметили, что на алтарь хлынули бледные марсиане. Некоторые протиснулись на другую сторону и, расположившись напротив Чалмерса, также принялись гладить изваяние. Совершался как бы некий фантастический ритуал прикосновения. Они водили тонкими пальцами по отвратительным очертаниям, их движения, казалось, следовали четко расписанному порядку, от которого ни один не отклонялся. Марсиане издавали звуки, напоминающие писк сонных летучих мышей. На их мерзких лицах был написан наркотический экстаз.

Фанатики у алтаря, совершив свою причудливую церемонию, отходили от изваяния. Но, уронив голову на покрытую лохмотьями грудь, Чалмерс продолжал медленно

и сонно ласкать идола. Со смешанным чувством отвращения и любопытства земляне, подталкиваемые стоящими позади марсианами, подошли ближе и положили свои руки на горбатую фигуру. Процедура казалась им чрезвычайно таинственной и отталкивающей, но неразумно нарушать обычаи захвативших их марсиан.

На ощупь изваяние казалось холодным и липким, будто совсем недавно лежало в куче слизи. Но под кончиками пальцев идол пульсировал и увеличивался, словно живой. Тяжелыми нескончаемыми волнами от него исходила энергия, которую можно было описать только как наркотический магнетизм или электрические колебания. Возможно, неизвестный металл испускал какой-то мощный заряд, воздействующий на нервные окончания благодаря поверхностному контакту. Беллман и его спутники почувствовали, как таинственная вибрация пронизывает их тела, заволакивает глаза и наполняет кровь тяжелой сонливостью. В дреме они размышляли, пытаясь объяснить себе этот феномен в терминах земной науки. Но наркоз стал усиливаться, в опьянении они забыли о своих предположениях.

Плавающими в странной темноте чувствами они смутно ощущали давление тел, сменяющих друг друга на вершине алтаря. Вскоре часть из них, видимо, пресытилась наркотическими излучениями и вынесла с собой путешественников по наклонным ярусам алтаря. Вместе с обмякшим, отупевшим Чалмерсом они оказались на полу пещеры. Изыскатели все еще держали фонари в онемевших пальцах, поэтому увидели, что пещера кишит бледным народцем, собравшимся на эту дьявольскую церемонию. Сквозь неясные очертания теней земляне наблюдали, как люди бездны бурлящим потоком взбегают на пирамиду, а затем скатываются вниз, как ворсистая лента, пораженная проказой.

Чиверс и Маспик, под влиянием излучения опустились на пол пещеры и забылись тяжелым сном. Но Беллман, обладавший большей сопротивляемостью организма, казалось, медленно падал и плыл в мире темных грез. Он испытывал доселе неизвестные ему ощущения. Вокруг нависла некая почти осязаемая могущественная сила, для которой он не мог подобрать видимого образа. Сила ис-

точала энергию, вызывающую дурной сон. В этих сновидениях Беллман, забывая последние проблески своего человеческого «я», почему-то отождествлял себя с безглазым народцем. Он жил, как они, в глубоких кавернах, и двигался по темным дорогам. Но как будто из-за участия в непотребном мерзком ритуале он был чем-то еще — существом без имени, которое управляло обожающим его слепым народцем; созданием древних зловонных вод. Из непостижимых глубин он периодически выходил на поверхность, чтобы с жадностью набрасываться на все живое и пожирать его. В этой двойственности бытия Беллман одновременно насыщался безглазым народцем на своих пиршествах и пожирался вместе со всеми. В качестве третьего элемента, составляющего гармонию личности, был идол, только в осязательном, а не в зрительном плане. Здесь не имелось ни проблесков света, ни даже воспоминаний о нем.

Когда он перешел от этих неясных кошмаров к тяжелому беспробудному сну, и были ли они вообще, Беллман так и не понял. Его пробуждение в темноте напоминало продолжение сновидений. Приоткрыв слипшиеся веки, он увидел на полу луч фонаря. Свет падал на нечто, чего он сначала не мог уразуметь все еще притупленным сознанием. Сперва им овладело беспокойство, зарождающийся ужас пробудил к жизни все его чувства.

Не сразу он понял, что лежащее на полу нечто было ни чем иным, как наполовину съеденным телом Чалмерса. На обглоданных костях виднелись лохмотья полуистлевшей материи. Голова хотя и отсутствовала, останки явно принадлежали землянину.

Шатаясь, Беллман поднялся и осмотрелся вокруг взглядом, затуманенным пеленой мрака. Чиверс и Маспик лежали в тяжелом оцепенении, а вдоль пещеры и на всех семи ярусах алтаря валялись поклоняющиеся изваянию марсиане.

Выбираясь из летаргического сна, Беллман услышал какой-то знакомый шум: звуки скользящего тела и равномерного всасывания,— он постепенно стихал среди массивных колонн и спящих тел. В воздухе висел запах гнилой воды.

На каменном полу Беллман различил мокрые отпечатки странной круглой формы. Их могли бы оставить, например, ободки перевернутых больших чашек. Словно

отпечатки следов ног, они уходили от тела Чалмерса во мрак внешней пещеры, обрывающейся в бездну. Туда же удалялся странный шум, теперь уже почти неслышимый. Безумный ужас охватил Беллмана, окончательно разрушая чары, все еще опутывавшие его. Он наклонился над Маспиком и Чиверсом и стал по очереди грубо трясти их. Наконец они открыли глаза и начали протестовать, сонно бормоча что-то.

— Поднимайтесь, черт вас возьми! — пригрозил Беллман.— Нам представился случай сбежать из этой адской дыры, и самое время сделать это поскорей.

Ему удалось поднять своих спутников на ноги после многочисленных проклятий и упреков. В полусонном состоянии они не заметили останков несчастного Чалмерса Шатаясь, как пьяные, они ступали за Беллманом среди лежащих марсиан, а он уводил их прочь от пирамиды, с которой изваяние по-прежнему излучало дремоту на своих почитателей.

Неимоверная тяжесть нависала над Беллманом, и одновременно — расслабленность, вызванная наркотическими чарами. Но он уже ощутил возвращение собственной воли и огромное желание сбежать из этой бездны, от того, что обитало в ее темноте. Его спутники, порабощенные сонной силой, воспринимали его команды оцепенело и бессмысленно, словно быки на бойне.

Беллман был уверен, что сможет вернуться назад тем же путем, по которому их вели к алтарю. Путь пролегал по тому же маршруту, которым следовало существо, оставившее на камнях круглые отметки зловонной мокроты. Проблуждав, как ему показалось, очень долго среди колонн с отвратительными барельефами, Беллман вывел наконец землян к обрыву в пропасть: к тому самому портику черного Тартара, из которого открывался вид вниз, в зияющую бездну. Там, далеко внизу, в гниющих водах расходились фосфоресцирующие круги, как будто в воду только что рухнуло тяжелое тело. На скале к краю пропасти тянулись влажные отпечатки. Они повернулись и двинулись прочь от обрыва. Беллман, содрогаясь от воспоминаний об ужасе пробуждения, разыскал ведущую по кромке обрыва дорогу вверх, которая должна привести их к утраченному солнцу. По его приказу Маспик и Чиверс

выключили свои фонари, чтобы иметь в запасе батарейки. Неизвестно, сколько еще времени предстоит идти, а свет — первая необходимость путешественников. И одного фонаря Беллмана вполне достаточно, света им всем хватит, пока батарейки не разрядятся.

Из пещеры, в которой вокруг гипнотизирующего изваяния лежали марсиане, не доносилось ни звука. Не было видно и никакого движения. Но ужас (Беллман сознавал, что подобного он никогда не испытывал за время всех своих приключений) вызвал у него приступ тошноты и едва ли не обморок, когда он стоял, прислушиваясь, у выхода из пещеры.

В пропасти тоже царила тишина, даже фосфоресцирующие круги перестали разбегаться в пучине вод. И тем не менее эта тишина затуманивала чувства и сковывала тела. Она поднималась вокруг Беллмана, как липкая слизь, идущая с самого дна преисподней, в которой, казалось, ему суждено утонуть.

С невероятным усилием он тащил своих спутников вверх по дороге, проклиная и награждая пинками, они же двигались за ним как сонные животные.

С трудом тащились земляне вверх, двигаясь по однообразному, едва заметно изгибающемуся склону, где все масштабы были утрачены, а время измерялось только повторением шагов. Это было восхождение из адской тьмы, казавшейся осязаемой и вязкой. Темнота чуть редела перед слабым лучом фонаря, а темнота сзади смыкалась всепоглощающим морем, неумолимым и терпеливым. Похоже, она дожидалась своего часа, когда свет фонаря погаснет.

Беллман, периодически заглядывая через край провала, замечал, что свечение глубинных вод ослабевает. В его воображении рождались фантастические образы. Это было похоже и на последние отблески адского огня в погасшем котле, и на погружение галактических туманностей в межзвездное пространство за пределами Вселенной. Он чувствовал головокружение, как у человека смотрящего в бесконечность... Вскоре внизу не осталась ничего, кроме густой черноты, и по этому признаку Беллман понял, какое огромное расстояние они преодолели на пути вверх.

Чувство страха, охватившее Беллмана, подавило прочие чувства — голода, жажды и усталости. Маспик и Чиверс

очень медленно начали освобождаться от сонливости и сразу же ощутили ужас, бесконечный, как сама ночь. Больше не требовалось пинков и угроз, чтобы гнать их вперед.

Древняя зловещая ночь повисла над ними. Нечто материальное, убивающее чувства и забивающее легкие, она напоминала густой и зловонный мех летучих мышей. Ночь была молчалива, как тяжелый сон мертвых миров... Но такой знакомый двойной звук вдруг возник и застиг беглецов врасплох из глубины, казалось, тысячелетий: шум чего-то скользящего по камням и чмоканье существа, вытаскивающего свои лапы из трясины. Словно звуки, услышанные в бреду, он довел ужас землян почти до сумасшествия.

— Боже мой! Что это? — выдохнул Беллман.

Он вспомнил вполне реальных на ощупь слепых существ, вызывающих отвращение, но решил, что это не может быть разумной частью человеческих воспоминаний. Его сновидения и кошмарное пробуждение в пещере с гипнотизирующим идолом, наполовину съеденное тело Чалмерса и мокрые круги, ведущие к бездне,— все это казалось лишь плодом безумия, которое набросилось на этой ужасной дороге, на полпути от подземного моря к поверхности Марса.

Шум продолжался. Казалось, он становится громче, поднимаясь снизу. Маспик и Чиверс включили свои фонари и побежали, делая отчаянные прыжки. Беллман, потеряв контроль над собой, следовал за ними. Они пытались обогнать неизвестный ужас. Громкий топот их ног заглушал учащенное биение сердец, а в ушах землян по-прежнему раздавался зловещий, необъяснимый звук. Они, кажется, пробежали уже не одну милю темноты, а шум все приближался, словно его издавало существо, взбирающееся по отвесной скале из бездны под ними.

Сейчас звук уже доносился откуда-то спереди и казался пугающе близким. Внезапно он стих. Лучи фонарей Маспика и Чиверса выхватили припавшее к камням существо, заполнявшее всю ширину уступа.

Вид этого монстра вызвал у них оцепенение, иначе бы видавшие виды искатели приключений истерически завопили или даже бросились со скалы в пропасть. Разросшийся до огромных размеров и отвратительно живой

бледный идол с пирамиды поднялся из бездны и, прижавшись к скале, сидел перед ними!

Это, очевидно, и было то существо, которое Чалмерс назвал Обитателем Бездны. Чудовищных размеров панцирь, смутно напоминающий броню бронтозавра, сиял блеском влажного металла.

Безглазая, настороженная и в то же время дремлющая голова тянулась вперед на плотоядно выгнутой шее. Дюжина или больше коротких ножек с чашеобразными присосками косо выступали из-под нависающего панциря. Два хобота с такими же присосками выходили из костяной полости и медленно покачивались перед землянами.

Создание казалось древней умирающей планеты: обитающая в застоявшихся пещерных водах неизвестная форма первобытной жизни.

Земляне, стоя перед монстром, направляли фонари прямо на этот ужас и чувствовали опьянение той же губительной сонливостью, как от гипноза металла, из которого отлили его изваяние. Когда он внезапно поднялся и выпрямился, показав покрытое костяными пластинами брюхо и необычайный раздвоенный хвост, скользящий с металлическим скрежетом по скале, они не могли ни двинуться, ни закричать. Многочисленные лапы, полые внутри, напоминали перевернутые чаши, зловонная жидкость сочилась из них. Присоски помогали чудовищу передвигаться по вертикальным скалам.

Монстр, опираясь на хвост, быстрыми и уверенными движениями задних лап приблизился к беспомощным людям. Два хобота безошибочно изогнулись и опустились на глаза Чиверса, запрокинувшего лицо. На какое-то мгновение присоски целиком закрывали глазницы. Затем раздался дикий, полный агонии крик, и стремительным движением, похожим на бросок змеи, концы хоботов оторвались от лица Чиверса.

Он медленно покачивался, извиваясь от боли. Стоящий рядом с ним Маспик, не успевший прийти в себя, как в тусклом сне, взирал на зияющие пустотой глазницы товарища... Но это было последним, что он увидел. Чудовище отбросило Чиверса, и сочащиеся кровью и зловонной жижей присоски опустились на его глаза.

Беллман, стоявший позади своих спутников, как сторонний свидетель отвратительного кошмара, не мог ни вмешаться, ни убежать. Он наблюдал за движением хоботов с присосками, слышал ужасный вскрик Чиверса и последовавший за ним вопль Маспика. Хобот мелькнул над головами его спутников, все еще сжимавших в онемевших пальцах теперь уже бесполезные фонари, и опустился на его лицо...

...Трое землян с залитыми кровью лицами начали свой второй спуск по дороге, ведущей вниз, в покрытый мраком ночи Авернус. Их сопровождал дремлющий и в то же время неутомимый безглазый монстр, который следовал по пятам и подгонял их, не давая свалиться с обрыва в пропасть.

СКЛЕПЫ ЙОХ-ВОМБИСА

Мне осталось жить несколько марсианских часов. Так заявили доктора. Чтобы предостеречь тех, кто пойдет по нашим следам, я попытаюсь рассказать о страшных событиях, которые положили конец нашим поискам среди руин Йох-Вомбиса. Мой рассказ уже будет не напрасным, если предотвратит дальнейшее исследование.

Мы, восемь профессиональных археологов с опытом инопланетных исследований, отправились с местными проводниками из торговой столицы Марса, Игнарха, чтобы осмотреть тысячелетия назад покинутый город. Наш официальный руководитель, Аллан Октейв, знал о марсианской археологии больше, чем любой другой землянин. Я, Родний Северн, прожил на Марсе всего несколько месяцев и считался новичком, мои внеземные изыскания ограничивалась раскопками на Венере. Зато другие члены нашего небольшого отряда, такие, например, как Уильям Харпер и Джонас Халгрен, сопровождали Аллана во многих предыдущих исследованиях.

Аборигены, полуобнаженные, широкогрудые Айхаи рассказывали о бескрайних пустынях со смертельно опасными песчаными смерчами, которые необходимо пересечь, чтобы достичь Йох-Вомбиса. Они пытались удержать нас от этой экспедиции, и нанять проводников оказалось весьма трудно, хотя мы и обещали хорошо заплатить. Но, так или иначе, после семи часов блужданий по оранжево-

желтой безлесой равнине мы наконец подошли к заброшенным руинам.

В лучах маленького, далекого солнца мы увидели развалины. Казалось, что треугольные башни без куполов принадлежат совсем другому городу. Но сам тип архитектуры и расположение руин в виде дуги, лежащей на длинном каменистом возвышении из обнаженных гнейсовых пород, убеждал, что мы достигли цели. Странные опоры, напоминающие ступени лестницы забытого Анакима, были характерны для зодчих расы, построившей Йох-Вомбис. Мы нашли древний марсианский город.

Я видел величественные руины на Земле и вне ее. Наблюдал среди бесплодных Анд стены Мачу-Пикчу, бросающие вызов небесам и построенные гигантами в ледяной тундре ночного полушария Венеры зубчатые стены башен Уогама. Но по сравнению со стенами, на которые мы смотрели сейчас, они казались детскими игрушками. Со времени нашего выхода из Игнарха мы не встретили ни одного живого существа. Район находился вдалеке от животворных каналов, а за их пределами редко встречалась даже ядовитая, самая неприхотливая, флора и фауна. Казалось, жизнь вообще никогда не могла существовать тут, в месте окаменевшей стерильности и вечной бесплодности.

Мы стояли и молча разглядывали окрестности, а лучи заходящего солнца гнойного цвета освещали мрачные руины. Я с трудом ловил ртом воздух, словно бы тронутый леденящим холодом смерти. И у остальных членов нашего небольшого отряда тоже перехватило дыхание.

— Местность более мертва, чем египетский морг,— заметил Харпер.

— И уж конечно гораздо древнее,— согласился Октейв.— Йорхи, которые согласно наиболее достоверным легендам построили Йох-Вомбис, были стерты с лица земли нынешней господствующей расой, по крайней мере, сорок тысяч лет назад.

— Существует легенда,— сказал Харпер,— что последних Йорхов уничтожила неизвестная сила — настолько ужасная, что об этом невозможно упоминать даже в мифах.

— Конечно, я слышал эту легенду,— согласился Октейв.— Возможно, среди руин мы найдем доказательства либо опровержения. Быть может, Йорхов уничтожила ка-

кая-то ужасная эпидемия вроде чумы Яшта, когда вирусом оказалась плесень, поражающая все кости тела, начиная с зубов. Не думаю, что нам следует бояться заразы. Если здесь даже и сохранились мумии, после стольких тысячелетий высыхания планеты бактерии будут так же мертвы, как и их жертвы.

Солнце ушло за горизонт сверхъестественно быстро, словно исчезло благодаря ловкости рук фокусника. Мы тотчас же почувствовали прохладу сумерек. Небо над нами, усыпанное миллионом холодных искорок-звезд, стало похоже на громадный прозрачный купол темного льда. Мы отошли к западной стороне и надели куртки и шлемы из марсианского меха, которые всегда носят по ночам. Там мы разбили лагерь с подветренной стороны, чтобы защититься от жестокого ветра пустыни — джаара, всегда дующего перед зарей с востока. Затем мы зажгли спиртовки и сгрудились вокруг, ожидая, пока приготовится пища. Поужинав, мы забрались в спальные мешки, скорее, ради какого-нибудь комфорта, чем от усталости. Наши проводники-Айхаи завернулись в накидки из марсианского материала бассы..Даже при минусовых температурах кожаным телам марсиан вполне хватало такой защиты от непогоды. Я же в плотном спальном мешке с двойной подкладкой ощущал пронизывающий холод ночного воздуха. Наконец я забылся беспокойным и прерывистым сном. Меня не мучила тревога, мысль, что в окрестностях Йох-Вомбиса может таиться что-то опасное, казалась смешной. Ведь даже сами призраки давно растаяли и превратились в ничто среди поражающих разум древностей.

Спал я урывками и часто просыпался. В полусне я увидел, что взошли обе маленькие луны, Фобос и Деймос. Их свет сбрасывал громадные тени от куполов без башен.

Стояла мертвая тишина. Мои веки стали снова закрываться, когда я уловил какое-то движение в стылом мраке. Мне показалось, что от самой длинной тени отделилась и медленно поползла к Октейву, лежащему ближе всех к руинам, какая-то ее часть.

Я попытался сесть, но как только пошевелился, темный предмет отодвинулся и вновь слился с длинной тенью. Даже сквозь дремоту я ощутил присутствие чего-то сверхъестественного и зловещего. Исчезновение пробуди-

ло меня, хотя я не был уверен, что действительно что-то видел. В тот краткий миг предмет показался мне круглым куском материи или кожи, темным и сморщенным, который полз по земле, сокращаясь как червь.

Если бы не пронизывающий холод, я бы поднялся и удостоверился, не приснилось ли мне все это. Но я убедил себя, что предмет — лишь плод моего воображения.

Меня пробудило демоническое завывание джаара в развалинах стен. Когда я открыл глаза, слабый лунный свет сменился бледным румянцем ранней зари. Мы приготовили завтрак окоченевшими от холода руками.

Я посчитал странное ночное видение фантасмагорией, не стал даже думать об этом и ничего не сказал спутникам. Нам не терпелось скорее начать исследования. Сразу после восхода солнца мы отправились на предварительный осмотр руин.

Как ни странно, оба марсианина отказались сопровождать нас. Они не объяснили причин своего отказа, и все наши уговоры не смогли заставить их войти в Йох-Вомбис. Неизвестно, боялись ли они этих развалин: их загадочные лица с раскосыми глазами и огромными раздувающимися ноздрями не выражали никаких эмоций, понятных землянам. В ответ на наши расспросы они заявили, что ни один Айхаи в течение многих столетий не ступал среди этих руин. Очевидно, какое-то местное табу.

В эту вылазку мы взяли только ломик и электрические фонари. Все другие инструменты, а также заряды взрывчатки мы оставили в лагере. У нас было автоматическое оружие, но его мы тоже оставили в лагере, не представляя, что среди руин может встретиться какая-либо форма жизни.

Октейв был возбужден и с жаром комментировал все увиденное. Остальные члены группы вели себя молчаливо: было невозможно стряхнуть мрачное благоговение, порождаемое этими циклопическими постройками.

Следуя по зигзагообразным улицам, мы прошли некоторое расстояние среди ступенчатых, треугольной формы зданий, вписывающихся в эту своеобразную архитектуру. Большинство башен были разрушены, и везде виднелись следы глубокой эрозии. Тысячелетия песчаных бурь закруглили острые уступы некогда могучих стен. Внутри башен мы обнаруживали только пустоту. Если там когда-то и находились мебель или оборудование, они давно рас-

сыпались в прах. Пронизывающие шквальные ветры пустынь повымели его прочь.

Мы добрались до стены обширной террасы, вырубленной в скальном плато. В центре террасы стояла группа зданий, напоминающих акрополь. К ним вел ряд изъеденных временем ступеней, более длинных, чем у землян или даже у современных марсиан.

Высокие здания более других разрушила непогода, они совсем развалились, и мы решили отложить их осмотр. На глаза не попадалось никаких предметов или изображений исчезнувшей цивилизации, способных пролить свет на историю Йох-Вомбиса. Октейв разочарованно заговорил о наших неудачах.

Справа от ступеней мы заметили отверстие в стене, почти заваленное песком и древними обломками. За грудой мусора обнаружились ведущие вниз ступени. Из отверстия потянуло зловонным и затхлым воздухом, разложением и гниением. Уже за ближайшими ступенями, которые словно висели над черной бездной, нельзя было ничего разглядеть. Октейв начал спускаться по ступеням, направив луч фонаря в провал. Он нетерпеливо звал нас следовать за собой.

Спустившись по неудобным ступеням вниз, мы оказались в просторном склепе, напоминающем подземный коридор. Пол покрывал толстый слой пыли, попавшей туда еще в незапамятные времена. Воздух сохранял своеобразный запах, словно остатки древней атмосферы, не такой разреженной, как марсианская, осели внизу в застоявшейся темноте. Дышать здесь было трудно: легкая пыль поднималась при каждом шаге, как прах рассыпавшихся в пыль мумий.

В конце склепа, перед узкой и высокой дверью, свет фонарей выхватил из темноты огромную, но неглубокую урну или чашу. Она стояла на коротких, кубообразных ножках, сделанных из темно-зеленого вещества. На дне урны виднелся осадок, от которого исходил легкий, но неприятный запах, словно призрак чего-то более едкого. Октейв наклонился над краем урны, вдохнул и тут же начал кашлять и чихать.

— Это вещество, вероятно, раньше было очень сильным благовонием,— предположил он.— Может, население Йох-Вомбиса пользовалось им для дезинфекции склепов.

Проход за урной вывел нас в более просторное помещение, где пол был относительно чист. Темный камень под нашими ногами был расчерчен разнообразными геометрическими фигурами, раскрашенными охрой. Среди них, как в египетских картушах, встречались иероглифы и стилизованные рисунки. Большинство — малопонятные, но человеческие фигуры, без сомнения, изображали самих Йорхи. Подобно Айхаи, они были высокими, угловатыми и худыми, с большими грудными клетками. Уши и ноздри, насколько можно судить, не были такими огромными, как у современных марсиан. Все Йорхи были изображены обнаженными; но на одном рисунке мы обнаружили двух, которые собирались то ли снять, то ли поправить своего рода тюрбаны на своих высоких конических черепах. Художник, казалось, старался подчеркнуть странный жест, с которым они пытались сорвать эти головные уборы гибкими, четырехфаланговыми пальцами. Позы этих Йорхи были необъяснимо искажены.

Истинный лабиринт катакомб начинался после второго склепа, от него проходы разветвлялись во всех направлениях. Выстроившись строгими рядами вдоль стен и едва оставляя место для прохода двоих одновременно, в них стояли громадные пузатые урны, сделанные из того же материала, что и чаша для благовоний. Только они возвышались выше человеческой головы и имели плотно пригнанные крышки с рукоятями. Нам удалось снять одну, и мы увидели, что сосуд до краев наполнен пеплом и обожженными кусочками костей. Йорхи хранили в одной урне кремированные остатки целых семей, такой обычай и сейчас существует среди марсиан.

По мере того, как мы продвигались дальше, даже Октейв замолчал, казалось, благоговение заменило его прежнее возбуждение. Мы же были совершенно подавлены мраком и тьмой древности, отвергающей все наши представления о прошлом, в которое мы, казалось, погружались с каждым шагом...

Тени трепетали перед нами, как бесформенные крылья призрачных летучих мышей. Вокруг не было ничего, кроме мельчайшей пыли веков и урн с пеплом давно вымершего народа. Но в одном из склепов я заметил прилипший к потолку темный и сморщенный лоскут округлой формы, напоминающий высохший гриб. Дотянуть-

ся было невозможно; и мы разглядывали его, строя многочисленные предположения. Почему-то в тот момент не вспомнился сморщенный темный предмет, который мне приснился прошлой ночью или я увидел наяву. Казалось, мы бродили по этому забытому подземному миру целые столетия. Воздух становился все более зловонным, как будто имел какой-то гнилой осадок. Мы решили повернуть назад. У длинной, уставленной урнами катакомбы, мы совершенно неожиданно оказались перед глухой стеной.

Здесь нас словно бы поджидала мумифицированная фигура, стоящая у стены. Она была более семи футов ростом, цвета темного асфальта и обнаженной. Лишь голову покрывало нечто похожее на черный капюшон, свисающий сморщенными складками. Судя по размерам, это был один из древних Йорхи — возможно, единственный представитель расы, чье тело сохранилось в целом и нетронутом виде. Мы вспомнили о возрасте этого высохшего существа, которое в сухом воздухе склепов пережило все исторические и геологические изменения планеты, чтобы оказаться связующим звеном с утраченными эпохами.

В свете фонарей мы поняли, почему мумия сохраняла вертикальное положение. Ее щиколотки, колени, талия, плечи и шея были прикованы к стене тяжелыми металлическими обручами. Их так сильно изъела ржавчина, что мы не смогли различить их в полумраке с первого взгляда. Странный капюшон на голове продолжал вызывать недоумение. Он был покрыт тонким слоем похожего на плесень пушка, пыльного, как многовековая паутина. Было в этом капюшоне что-то отвратительное.

— Клянусь Юпитером! Вот это настоящая находка! — воскликнул Октейв, тыкая фонарем в высохшее лицо, по которому двигались тени в бездонных впадинах глазниц, огромных тройных ноздрях и широких ушах, выступающих из-под капюшона.

Все еще держа фонарь, он протянул свободную руку и дотронулся до тела. Каким бы робким ни было прикосновение, нижняя часть бочкообразного торса, ноги, кисти и руки рассыпалась в прах. Лишь голова и верхняя часть тела остались висеть в металлических оковах. Процесс разложения, видимо, протекал неравномерно, поскольку оставшиеся части тела не собирались распадаться.

Октейв вскрикнул от отчаяния, а затем принялся чихать в облаке коричневой пыли. Все отступили назад, чтобы ненароком не вдохнуть этот порошок. Поверх расползающегося облака пыли я увидел невероятную картину. Черный капюшон на голове мумии начал извиваться и дергаться. Он корчился в отвратительных судорогах, затем свалился с высохшего черепа и, падая, продолжал конвульсивно трепыхаться в воздухе. Затем он опустился на обнаженную голову Октейва, который стоял у стены, расстроенный разрушением мумии. Я в приступе необычайного ужаса вспомнил предмет, который при свете двойных лун отделился от теней Иох-Вомбиса, а при первом моем движении отполз назад, как плод моего сонного воображения.

Таинственное существо окутало собой волосы, лоб и глаза Октейва, и он дико и пронзительно закричал, бессвязно призывая на помощь.

Неистово вцепившись пальцами, Октейв пытался сорвать капюшон, но ему это не удавалось. Его крики перешли в безумную агонию, как будто его пытали бесчеловечными пытками. Он прыгал вслепую по всему склепу, ускользая с какой-то странной быстротой, в то время как все мы бросались вперед, пытаясь схватить его и освободить от этой жуткой вещи. Существо, упавшее на голову Октейва, явно было какой-то неизвестной формой марсианской жизни, которая, вопреки всем известным законам науки, выжила в этих первобытных катакомбах. Мы, пытаясь спасти Октейва от объятий этого создания, старались приблизиться к обезумевшей фигуре нашего начальника — что в тесном пространстве между урнами и стеной казалось делом не очень сложным. Но, метнувшись прочь, Октейв обогнул нас и побежал, скрывшись среди урн в лабиринте пересекающихся катакомб. Как он разглядел людей в ослепленном состоянии?

— Боже мой! Что с ним случилось? — вскричал Харпер.— Он ведет себя так, как будто в него вселился дьявол.

У нас не было времени для дискуссий, и мы, изумленные, помчались за Октейвом. Конечно же, в темноте мы потеряли его из виду. У первой развилки катакомб мы засомневались, какой из проходов он выбрал, но услышали несколько раз повторившийся крик в крайнем, левом от нас ответвлении. В этих воплях было что-то неземное,

что можно было приписать особой акустике разветвляющихся каверн. Но я как-то не представлял, что звуки эти исторгали губы живого человека. Казалось, как будто их исторгал труп со вселившимся в него дьяволом.

Направляя лучи фонарей в качающиеся тени, мы бежали между рядами громадных урн. Вопли замолкли, но далеко впереди мы услышали приглушенный топот бегущих ног. Мы побежали туда очертя голову но, задыхаясь в насыщенном миазмами воздухе, вынуждены были замедлить шаг, так и не догнав Октейва.

Затухающие звуки его шагов едва слышались. Затем и они прекратились, и ничего не осталось, кроме нашего судорожного дыхания и пульсирующей в висках крови, отдающей в ушах, как бой барабанов, извещающих об опасности. Мы продолжали двигаться, разделившись на три небольших отряда. Харпер, Халгрен и я пошли по среднему проходу, но после, казалось, бесконечного пути не обнаружили никаких следов Октейва. Мы осторожно пробрались мимо ниш, заставленных колоссальными урнами, должно быть, наполненными прахом сотен поколений, и вышли в огромное помещение с геометрическими рисунками на полу. Вскоре появились остальные члены нашего отряда, которым также не удалось обнаружить исчезнувшего начальника.

Бесполезно подробно описывать длившийся часами осмотр несметного числа склепов. Ни признака жизни — все они были пусты. Когда я еще раз прошел через склеп, в котором видел округлый лоскут на потолке, то с содроганием заметил, что кожаный предмет исчез. Было просто чудом, что мы не заблудились в этом подземном лабиринте. В конце концов мы снова вернулись в последнюю пещеру с прикованной мумией. Еще издали мы услышали размеренный, повторяющийся лязг металла — как будто вурдалаки колотили молотками по какому-то забытому саркофагу... Свет наших фонарей открыл совершенно неожиданное и необъяснимое зрелище. У останков мумии, повернувшись к нам спиной, стояла человеческая фигура. Голова ее была скрыта под раздувшимся черным предметом, напоминающим диванную подушку. Человек что есть сил бил в стену заостренным металлическим брусом. Как долго Октейв находился здесь и где он разыскал брус, мы

не знали. Под неистовыми ударами глухая стена осыпалась, обнажив маленькую узкую дверцу, сделанную из того же материала, что и урны с прахом.

Мы смотрели, изумленные и совершенно сбитые с толку. Слишком уж фантастичным и ужасным казалось все происходящее, но было ясно, что Октейв охвачен безумием. Я почувствовал сильный приступ тошноты, когда опознал отвратительное раздувшееся существо, охватившее голову Октейва и свисающее опухолью. Я не смел и предполагать, отчего эта дрянь вдруг так раздулась.

Прежде чем кто-либо из нас опомнился, Октейв отбросил в сторону металлический брус и начал что-то нащупывать в стене. Должно быть, там была скрытая пружина; хотя как он смог узнать о ее существовании? С неприятным резким скрипом вскрытая дверь подалась, тяжелая и плотная, как плита над захоронением, открывая отверстие, из которого хлынул потоком тысячелетиями накапливавшейся скверны полуночный мрак. Почему-то в этот момент наши электрические фонари замигали, и свет их потускнел. Откуда-то из недр этого древнего мира, охваченных разложением и гниением, потянуло сквозняком. В нос ударило удушающее зловоние. Октейв повернулся к нам лицом, стоя в небрежной позе перед открытой дверью, как человек, выполнивший предписанное ему задание. Я первый из отряда сбросил парализующие чары и, выхватив складной нож, подбежал к Октейву. Он отступил назад, но не настолько быстро, чтобы ускользнуть от меня, когда я вонзил четырехдюймовое лезвие в черную, набухшую массу, охватывающую верхнюю часть его головы и свисающую на глаза.

Что это за существо, я не мог даже вообразить — если вообще можно вообразить что-либо подобное. Оно было бесформенным, как большой слизень, не имело ни головы, ни хвоста, ни каких-либо иных органов — грязное, раздувшееся, кожистое существо, покрытое похожим на плесень ворсом. Нож пробил его, как прогнивший пергамент, нанеся глубокую рану, и это порождение ужаса опало, будто проткнутый пузырь. Из него хлынул вызывающий тошноту поток человеческой крови, перемешанной с кусками темной массы. В ней плавали желатинообразные сгустки, напоминающие расплавленную кость, лоску-

ты свернувшегося белого вещества и, возможно, наполовину растворенные волосы. Октейв пошатнулся и упал на пол, растянувшись во весь рост. Потревоженная падением, пыль мумии поднялась облаком и окутала его, оставив лежать под этим покровом совершенно неподвижным.

Поборов отвращение и задыхаясь от пыли, я наклонился и сорвал с его головы мерзкую тварь, из которой все еще сочилась жидкость, Она отделилась с неожиданной легкостью, как будто я снял мокрую тряпку, но лучше бы я не трогал ее! Под ней не было крышки человеческого черепа, поскольку все уже было выедено до самых бровей. Обнажился наполовину съеденный мозг. Я выпустил мерзкую тварь из внезапно онемевших пальцев. В падении она перевернулась, обнаружив на обратной стороне ряды розоватых присосок, расположенных вокруг бледного диска, покрытого волосками нервных окончаний. Спутники сгрудились у меня за спиной, но долгое время никто не произносил ни слова.

— Как вы думаете, как долго он уже был мертв? — Халгрен вслух произнес тот ужасный вопрос, который каждый мысленно задавал себе. Никто не мог или не желал отвечать, все глазели на Октейва как завороженные, испытывая чувство непередаваемого отвращения.

Наконец я заставил себя отвести взгляд. Повернувшись к останкам прикованной мумии, я с каким-то неестественным ужасом впервые заметил, что высохшая голова наполовину выедена. Затем мой блуждающий взор остановился на двери в стене. Я не сразу понял, что же привлекло мое внимание. С содроганием я заметил в слабеющем свете фонаря множество извивающихся, ползущих теней на дне глубокого черного колодца. Отвратительный авангард бесчисленной армии извергнулся через широкий порог в склеп, существа эти были родственными той чудовищной, дьявольской пиявке, которую я сорвал с выеденной головы Октейва. Некоторые твари были тощими и плоскими, подобно дискам из материи или кожи, другие — более или менее упитанными, эти ползли медленно и пресыщенно. Чем они могли питаться в вечном мраке, я не знаю, и надеюсь никогда не узнать.

Черная армия нескончаемым потоком двигалась с кошмарной быстротой из распечатанной бездны, подобно рвоте, извергающейся из пресытившегося ужасами ада. Я отпрянул,

как будто меня ударило электрическим током. Масса этих тварей накрыла тело Октейва извивающейся волной, а, казалось бы, мертвое существо, отброшенное мной в сторону, стало подавать признаки жизни. Похоже, оно пыталось подняться и последовать за своими собратьями.

Повернувшись, мы все пустились бежать среди огромных урн, а дьявольские пиявки скользили за нами по пятам. Добежав до первого пересечения проходов, мы, не обращая внимания друг на друга, в слепой панике разбежались в разные стороны. Я слышал, как кто-то сзади споткнулся и упал, до меня донеслись слова проклятья, перешедшие в безумный вопль. Я знал, что если остановлюсь и поверну назад, то меня постигнет та же зловещая смерть, что застигла бежавшего сзади товарища. Я, все еще сжимая в руках электрический фонарь и складной нож, мчался по боковому проходу, пробиваясь к склепу с разрисованным полом. Остальные мои спутники придерживались главной катакомбы. Далеко позади слышались безумные крики, как будто сразу несколько человек были схвачены преследователями.

Вероятно, я сбился с пути, поскольку галерея поворачивала и изгибалась, многократно пересекая другие проходы. Вскоре я обнаружил, что заблудился в черном лабиринте, где лежала нетронутая ногами живущих пыль. Лабиринт погребальных катакомб вновь погрузился в тишину. Внезапно луч фонаря высветил человеческую фигуру, бредущую мне навстречу. Прежде чем я смог справиться с испугом, она миновала меня длинными и размеренными как у автомата шагами, возвращаясь во внутренние склепы. Думаю, что это был Харпер, судя по росту и телосложению. Его голова по глаза была закутана раздувшимся капюшоном, а бледные губы плотно сжаты, как будто в столбняке. Кто бы то ни был, он шел вслепую в полной темноте. Вероятно, им управлял неземной вампир. Я знал, что человеческая помощь уже бесполезна и даже не пытался остановить его.

Мимо меня прошли еще двое из нашего отряда, шествуя с механической быстротой и уверенностью. Их головы накрывали капюшоны из дьявольских пиявок. Остальных я не встретил, и, наверное, мне уже никогда не суждено увидеть их вновь.

Оставшуюся часть пути я покрывал в состоянии затмевающего сознание ужаса. Я полагал, что приближаюсь к

внешней каверне, но обнаружил, что окончательно сбился с пути, и снова побежал через ряды чудовищных урн и не исследованные нами склепы, простиравшиеся на неведомое расстояние. Легкие были забиты мертвым воздухом, а ноги готовы подломиться подо мной. Казалось, я бегу уже годы. Наконец я увидел далеко впереди крошечную точку дневного света. Из последних сил я бросился к ней, оставляя позади ужасы чужеродного мрака. Склеп заканчивался у низкого, полуразрушенного входа, заваленного обломками камней, на них падал косой луч солнечного света.

Мы проникли в это смертоносное подземелье через другой вход. Я находился уже на расстоянии дюжины футов от открытого пространства, когда совершенно беззвучно что-то упало с потолка, мгновенно ослепив и стянув мою голову, как тиски. В мой череп вонзились миллионы иголок, которые, проникнув сквозь черепные кости, сошлись в сердцевине мозга.

Невыносимые страдания, обрушившиеся на меня, были хуже, чем мог вместить в себя ад безумного бреда. Я почувствовал кровожадные когти ужасной смерти.

Моя правая рука все еще сжимала открытый нож, а фонарь я выронил. Скорее инстинктивно, уже вряд ли обладая сознанием и волей, я вскинул руку и несколько раз ударил ножом существо, обвившее голову смертельными складками. Лезвие многократно пронзило прилипшую тварь, но задело и мою собственную плоть. Я не чувствовал боли этих ран среди миллионов мучительных огней, охвативших меня...

Спавшая с глаз черная полоска, сочащаяся моей кровью, свисала со щеки. Я увидел свет и срывал эти мерзкие остатки со лба и головы, отдирая кровавые лохмотья. Пошатываясь, я брел к выходу из склепа. Тусклый свет казался далеким пламенем, летевшим над зияющим хаосом и забытьем, в которое я стремительно падал...

Говорят, что я недолго пробыл без сознания. Придя в себя, я увидел лица наших марсианских проводников. Моя голова раскалывалась от острой боли, ужасы теснились в мозгу, как тени гарпий. Я перевернулся, чтобы посмотреть назад. Марсиане отнесли меня от каверны. Вход находился под нависшей террасой здания, отсюда был виден наш лагерь.

Я вглядывался в черное отверстие с чувством отвращения и очарования, улавливая в полумраке смутное движе-

ние. Там корчились существа, наползая из темноты, но не выходя на свет. Без сомнения, эти создания мрака космической ночи не выносили солнечного света.

Меня охватило начинающееся безумие. Вместе с отвращением и желанием бежать подальше от этого кишащего мерзкими тварями входа в склеп, возник совершенно противоположный импульс: мне захотелось вернуться и проделать обратный путь через катакомбы. Я стремился спуститься туда, куда никогда не ступал ни один человек, кроме моих несчастных спутников, обреченных и проклятых. В тайниках моего мозга прозвучал призыв, внушенный подземными пиявками. Вызов действовал как всепроникающее колдовское зелье. Он завлекал меня к подземной двери, замурованной вымирающим народом Йох-Вомбиса, чтобы заточить адских бессмертных существ, этих паразитов мрака, которые внедряли свои мерзкие жизни в полусъеденные мозги мертвых. Обитатели бездны, правящие отвратительным царством мертвых, для кого мерзкие пиявки являлись всего лишь самыми мелкими слугами, заманивали меня...

Только эти два Айхаи и помешали мне вернуться назад. Я отбивался изо всех сил, когда они пытались удержать меня своими мягкими вялыми руками; но я был изнурен нечеловеческими приключениями. Вскоре я провалился в бездонное небытие, из которого периодически выплывал, чтобы осознать, что меня несут через пустыню к Игнарху.

Вот и весь рассказ. Заплатив цену, которая покажется немыслимой любому человеку в здравом уме, я пытался связно рассказать обо всем... прежде чем безумие снова охватит меня, а случится это очень скоро... Вы ведь записали мою историю, не правда ли? А теперь я должен вернуться в Йох-Вомбис: вновь пересечь пустыню, спуститься вниз и пройти катакомбы до самых нижних склепов. Что-то у меня в мозгу приказывает и направляет меня... Говорю вам, я должен идти...

Постскриптум

Я работал начинающим врачом в территориальном госпитале Игнарха, и мне поручили вести медицинское на-

блюдение за Роднеем Северном. Он — единственный оставшийся в живых член экспедиции Октейва в Йох-Вомбис. Северна принесли в госпиталь марсианские проводники экспедиции, и я записывал под его диктовку изложенную выше историю. У него была страшно порезана и воспалена кожа головы и лба. Большую часть времени он пребывал в горячечном бреду, и его приходилось держать привязанным к кровати во время периодически повторяющихся маниакальных припадков. Вдвойне необъяснимо неистовство больного, учитывая крайнюю слабость его здоровья.

Порезы на голове, по его словам, он нанес себе сам. Они перемежались с многочисленными круглыми ранками, которые располагались правильными кругами. Возможно, через них и впрыснули в голову Северна неизвестный яд. Причину появления этих ранок трудно объяснить, разве что поверить тому, что рассказ Северна — правда, а не плод расстроенного воображения. Я чувствую, что готов поверить в его историю.

Странные вещи происходят на красной планете, и я поддерживаю совет для будущих исследователей, которые высказал обреченный археолог. На следующую ночь после того, как он закончил свою историю, Северну удалось сбежать из госпиталя. Это случилось во время одного из тех странных припадков, о которых я упоминал. Удивительно, откуда у него взялись силы для побега, ведь Северн казался слабее обычного после длительного напряжения, вызванного ужасным повествованием. Смерть его ожидалась в ближайшие часы... Отпечатки его босых ног были обнаружены в пустыне, он направлялся к Йох-Вомбису. Следы исчезли во время легкой песчаной бури; сам же Северн так до сих пор и не объявился...

ВАЛТУМ

У Боба Хэйнса и Пола Септимуса Чанлера, на первый взгляд, было мало общего, разве что оба оказались в затруднительном положении, когда остались на чужой планете без всяких средств.

Хэйнса, третьего пилота космического лайнера, обвинили в неподчинении начальству. Его высадили в Игнархе, торговой столице Марса и центре пересечения космических линий. Обвинение против него выдвинули только из-за капитанской антипатии, но так или иначе Хэйнсу до сих пор не удалось подыскать себе новое место, а месячное жалование, выплаченное ему при расставании, ужасно быстро поглощалось пиратскими расценками в отеле «Теллуриан».

Профессиональный писатель Чанлер, специализирующийся на межпланетной беллетристике, решил подкрепить свое богатое воображение солидной основой личного опыта. Он прибыл на Марс, и спустя несколько недель деньги его иссякли, а новые от издателя еще не поступили.

Помимо неудач, Пола и Боба объединял также безграничный интерес ко всему марсианскому. Вместе их свела жажда экзотики. Несмотря на явные различия в темпераментах, они стали верными друзьями и бродили по местам, которых земляне обычно избегали.

Они провели уходящий день, забыв о своих тревогах, в причудливом лабиринте зданий старого Игнарха. Марсиане свой город на восточном берегу великого Яханского

канала называли Игнар-Ват. Приятели возвращались сюда в предзакатный час по идущей вдоль канала набережной из пурпурного мрамора. Они подходили к мосту длиной в милю, ведущему в современную часть города, Игнар-Лут, где находились консульства землян, конторы по перевозке грузов и отели.

Закат — час марсианского богослужения, когда Айхаи собираются в своих не имеющих крыши храмах, умоляя вернуться заходящее солнце. Нескончаемые звуки бесчисленных гонгов пробивали разреженный воздух, словно бились тысячи возбужденных металлических пульсов. Извилистые улицы были почти пустынны, и только по угрюмым зеленым водам неспешно проплывали взад и вперед несколько барж с розовато-лиловыми и алыми парусами в форме ромба.

Дневной свет с заметной быстротой угасал за тяжеловесными башнями и похожими на пагоды пирамидами Игнар-Лута. В тени огромных солнечных часов, довольно часто встречающихся по берегам канала, ощущалась прохлада наступающей ночи. Раздражающий слух металлический лязг гонгов внезапно прекратился, и наступила наполненная таинственными шепотами тишина. На фоне черно-изумрудного неба, усыпанного ледяными звездами, выступали громады зданий древнего города. Окружающие сумерки несли едва уловимые экзотические запахи, они возбуждали и беспокоили землян какой-то чуждой тайной. У моста приятели примолкли, ощутив в сгущающемся мраке жуткую чужеродность. Гораздо глубже, чем при дневном свете, они чувствовали скрытые движения жизненных форм, непостижимых для детей других планет. Межпланетную пустоту между Землей и Марсом преодолели, но кто способен пересечь эволюционную бездну между землянином и марсианином?

Марсиане терпимо отнеслись к вторжению землян и позволили им наладить торговлю между двумя мирами. Их молчаливое поведение было достаточно дружелюбным. Ученые с Земли овладели языками марсиан, изучили их историю. Но оказалось, что настоящего обмена идеями так и не произошло. Отличие марсианской цивилизации состояло в ее многосложности, а одряхлела она еще до того, как Лемурия опустилась на дно океана. Ее науки,

искусства и религию покрывала седина невообразимого количества тысячелетий, и даже самые простые обычаи родились под влиянием сил и условий, чужеродных землянам.

Хэйнс и Чанлер чувствовали ненадежность своего положения и испытывали настоящий ужас от неведомого древнего мира.

Они ускорили шаг. Широкая набережная казалась пустынной. Легкий мост без перил охраняли десять колоссальных статуй марсианских героев, которые стояли в боевых позах у первого пролета.

Земляне вздрогнули, когда фигура марсианина, лишь немногим уступающая по размерам каменным изваяниям, внезапно отделилась от сгущающейся тени памятников и мощными шагами двинулась вперед.

Десятифутовый марсианин был выше среднего Айхаи на целый ярд, но ничем не отличался: массивная выпирающая грудная клетка и длинные костлявые руки и ноги. На голове его выделялись далеко выступающие уши и глубокие ямы ноздрей — даже в сумерках замечался их трепет. Глаз, утонувших в бездонных глазницах, не было видно, если не считать красноватых искорок, которые, казалось, висели внутри черепа. Странный персонаж. По местным обычаям — практически обнажен, но обруч на шее из кованого серебра указывал, что он — слуга какого-то благородного господина.

Хэйнс и Чанлер застыли в изумлении, они еще никогда не видели марсианина такого огромного роста.

Стало ясно, что «привидение» собралось преградить им путь, когда марсианин замер на мраморной мостовой. Друзья еще больше удивились, услышав его голос, полный грохочущих раскатов. Несмотря на бесконечные гортанные модуляции, как у чудовищной лягушки, неразборчивое звучание отдельных гласных и согласных звуков, они поняли, что это были слова человеческого языка.

— Мой хозяин призывает вас,— прогромыхал гигант.— Ваше положение ему известно. Он щедро отблагодарит вас, если вы окажете определенные услуги. Пойдемте со мной.

— Это звучит как приказ, не допускающий возражений,— пробормотал Хэйнс.— Так что, пойдем? Возможно,

какой-то щедрый принц Айхаи, прослышавший о наших стесненных обстоятельствах, решил заняться благотворительностью. Интересно, в чем же здесь подвох?

— Предлагаю последовать за ним,— с жаром сказал Чанлер.— Его предложение напоминает первую главу триллера.

— Хорошо,— сказал Хэйнс.— Веди нас к своему хозяину.

Колосс повел их прочь от моста, умерив свою размашистую поступь, чтобы приспособить ее к походке землян. Они углубились в зеленовато-пурпурный мрак, затопивший Игнар-Ват. Вход в аллею напоминал пещеру среди особняков, чьи широкие балконы и выступающие крыши, казалось, висели в воздухе. Айхаи двигался в сумраке непомерной тенью и вскоре остановился у врезанной в стену двери. Чанлер и Хэйнс услышали резкий металлический скрип отпирающейся двери. Она, как все марсианские двери, убиралась вверх, словно решетки в средневековых крепостных воротах. В шафрановом свете, льющемся из выпуклых светильников с радиоактивными минералами на стенах и потолке круглой прихожей, проступала фигура их проводника.

Марсианин вошел первым, и спутники оказались в пустой комнате. Дверь опустилась за ними.

Оглядываясь, Чанлер почувствовал неуловимую тревогу, которая иногда ощущается в закрытом пространстве. Казалось, не было причин для страха, но внезапно его охватило дикое желание бежать отсюда.

Хэйнс же с удивлением и озадаченностью размышлял, почему закрыта внутренняя дверь и до сих пор не появился хозяин дома. Почему-то дом этот производил впечатление нежилого, а в окружающей их тишине ощущалась какая-то пустота и заброшенность.

Айхаи, стоящий в центре необставленной комнаты, повернулся к землянам, словно собираясь обратиться к ним. Его глаза загадочно сверкали в глазницах, рот приоткрылся, обнажив два ряда неровных зубов. Но ни один звук не слетел с его шевелящихся губ; если он и издавал их, должно быть, они находились за пределами слышимости землян. Существовали обертоны, воспроизводить которые способны только марсиане. Вероятно, механизм

двери включался такими ультразвуками, а сейчас, как бы в ответ на молчаливый призыв марсианина, пол комнаты из темного металла начал медленно опускаться, словно проваливаясь в шахту. Хэйнс и Чанлер увидели, как удаляются шафрановые огни светильников. Вместе с гигантом они опустились в мир теней по округлому стволу шахты. Раздавался, действуя на нервы, непрекращающийся скрип металла.

Огоньки наверху стали тусклыми и маленькими, словно скопление угасающих звезд.

А спуск все продолжался, и во мраке, через который они падали, спутники уже не различали ни лиц друг друга, ни лица Айхаи. Родились тысячи сомнений, землянам подумалось: а не слишком ли опрометчиво они приняли приглашение марсианина?

— Куда ты нас ведешь? — грубо спросил Хэйнс.— Разве твой хозяин живет под землей?

— Мы идем к моему хозяину,— твердо ответил гигант.— Он ожидает.

Созвездие огней наверху слилось в единственное пятно, но и оно, все уменьшаясь, исчезло, как будто наступила бесконечная ночь. Землянам казалось, что они спустились до самого центра этого чуждого им мира. Странность ситуации наполняла их все возрастающим беспокойством. От таинственной загадки начало попахивать угрозой. От проводника было бесполезно чего-либо допытываться, отступление невозможно, да и оружия у них не было.

Неприятный визг металла превратился в приглушенный вой. Землян ослепило ярко-красное сияние, пробившееся через стройные колонны, заменившие стены шахты. Через мгновение пол под ними замер.

Спутники очутились в большой каверне, освещенной вделанными в потолок малиновыми полусферами. Из каверны, как спицы колеса от оси, во всех направлениях тянулись коридоры. Множество марсиан, которые размерами не уступали проводнику землян, сновали взад и вперед, занятые какими-то загадочными делами. Странный приглушенный лязг и громоподобный грохот скрытых механизмов отдавались вибрацией в полу.

— Как ты думаешь, куда мы попали? — спросил Чанлер.— Мы, должно быть, на много миль ниже поверхно-

сти. Я никогда не слышал ни о чем, похожем на это место. Разве что в некоторых древних мифах Айхаи упоминается Равормос, марсианская преисподняя, в которой Валтум, Бог Зла, уже в течение тысячи лет лежит спящим среди своих идолопоклонников.

Проводник услышал его слова.

— Вы действительно прибыли в Равормос,— прогудел он важно.— Валтум проснулся и не заснет вновь в течение следующей тысячи лет. Это он призвал вас к себе. Сейчас я проведу вас в зал аудиенций.

Безмерно удивленные Хэйнс и Чанлер проследовали за марсианином из странного лифта к одному из проходов

— Должно быть, это какая-то глупая шутка,— проворчал Хэйнс.— Я тоже слышал о Валтуме, но лишь как о религиозном суеверии, вроде земного Сатаны. Современные марсиане не верят в него, хотя я слышал, что среди отверженных и представителей нижних каст все еще существует нечто вроде культа дьявола. Готов держать пари, что кто-то из придворной знати затевает революцию против Сикора, правящего императора, и разместил свой штаб под землей.

— Звучит правдоподобно,— согласился Чанлер.— Глава переворота мог бы назвать себя Валтумом: эта уловка соответствует психологии Айхаи. У них есть вкус к высоким метафорам и причудливым титулам.

Оба замолчали, испытывая благоговение перед обширностью подземного мира: освещенные коридоры простирались во всех направлениях. Казалось, сама действительность опровергала их предположения: невероятное подтверждалось и мифическое становилось реальным.

Далекий таинственный лязг имел необычное происхождение, спешащие через пещеру гиганты излучали сверхъестественную активность и предприимчивость. Хэйнс и Чанлер и сами были рослыми людьми, но марсиане рядом с ними оказались не ниже девяти или десяти футов. Рост некоторых приближался даже к одиннадцати футам, и все они были прекрасно сложены. Изумлял только отпечаток чудовищного, как у мумий, возраста на лицах, несовместимого с их энергией и проворством.

Хэйнса и Чанлера повели по коридору. С выгнутого аркой потолка через равномерные промежутки светили,

подобно плененным солнцам, красные полусферы. Прыгая со ступеньки на ступеньку, они спустились по огромной лестнице, следуя за легко идущим проводником. Тот остановился у помещения с открытым порталом в темной скальной породе.

— Входите,— сказал проводник, пропуская землян.

Грот оказался небольшим, но очень высоким, словно устремившийся ввысь шпиль. Его пол и стены окрашивали кроваво-фиолетовые лучи единственной полусферы, расположенной наверху в сужающемся своде. Единственным предметом в помещении был странного вида металлический треножник, укрепленный в центре. На треножнике покоилась овальная глыба хрусталя. Из нее, как из замерзшего водоема, поднимался цветок, открывая гладкие лепестки, окрашенные в розовый цвет странным освещением комнаты. Глыба, цветок, треножник — все это казалось частями единой скульптуры.

За порогом земляне тотчас же заметили, что вибрация и лязг сменились глубокой тишиной, словно ни один звук не проникал благодаря какому-то барьеру. Портал позади оставался открытым. Их проводник незаметно удалился. Но почему-то землянам казалось, что из-за голых стен их рассматривают чужие глаза.

Озадаченные, они разглядывали бледный цветок: семь похожих на язычки лепестков, слегка выгибаясь наружу, выходили из дырчатой, похожей на маленькую курильницу сердцевины. Чанлер гадал: это резная работа или же настоящий цветок превращен в камень с помощью марсианской химии? Затем, к изумлению землян, из цветка послышался голос, невероятно мелодичный, чистый и звучный. Его отчетливо прозвучавшие модуляции явно не принадлежали ни Айхаи, ни землянину.

— Я, который говорит, являюсь существом, известным как Валтум,— произнес голос.— Не удивляйтесь и не пугайтесь: единственное мое желание — дружески помочь вам в обмен на услугу, которую, я надеюсь, вы не сочтете неприемлемой. Но прежде я должен прояснить вопросы, озадачивающие вас. Без сомнения, вы слышали легенды обо мне и отвергли их, как обычные предрассудки и суеверия. Как и все мифы, они отчасти верны, частью же — нет. Я не бог и не демон, а существо, много веков назад

прилетевшее на Марс из другой вселенной. Хотя я и не бессмертен, моя жизнь гораздо длинней, чем у любого обитателя вашей солнечной системы. Биологические законы моего организма чужды для вас, череда периодов сна и бодрствования исчисляется столетиями. Это истинная правда, что я сплю тысячу лет, а затем бодрствую в течение следующей тысячи.

В те далекие времена, когда ваши предки еще были кровными братьями обезьян, я бежал, гонимый неумолимыми врагами, из своего родного мира и стал космическим изгнанником. Марсиане говорят, что я упал с небес огненным метеором — так миф описывает спуск моего корабля. На Марсе я обнаружил зрелую цивилизацию, хотя и стоящую на несравнимо более низкой ступени развития по сравнению с той, которая изгнала меня.

Короли и иерархи этой планеты, вероятно, прогнали бы меня прочь, но я сплотил вокруг себя небольшое число приверженцев. Снабдив их оружием, значительно превосходящим все достижения марсианской науки, я после великой войны прочно здесь закрепился и завоевал много сторонников. Я не собирался покорять Марс, а просто ушел в этот подземный мир, в котором и обитаю вместе со своими подданными. За их преданность я даровал им долгожительство, почти равное моему собственному. Для гарантии одарил их долгим сном, равным моему. Они засыпают и пробуждаются вместе со мной.

Мы много веков поддерживали этот порядок. Я редко вмешивался в дела и поступки живущих на поверхности. Они же, однако, превратили меня в духа или бога зла; хотя это слово — зло, по-моему, не имеет значения.

Я обладаю многими способностями, не известными ни вам, ни марсианам. Мои восприятия и ощущения могут охватывать обширные сферы пространства и даже времени. Так я узнал о вашем бедственном положении и призвал сюда, чтобы получить согласие на определенный план. Короче говоря, мне надоел Марс, дряхлый мир, приближающийся к смерти. Я хотел бы осесть на более молодой планете.

Земля меня вполне устроит. Уже сейчас мои последователи строят новый космический корабль, в котором я собираюсь совершить путешествие.

Я не хотел бы повторять печальный опыт своего прибытия на Марс, приземляясь среди народа, ничего не слышавшего обо мне, который по незнанию может настроиться враждебно. Вы, будучи землянами, могли бы подготовить своих соотечественников к моему прибытию, собрать приверженцев, которые бы служили мне. Вашим — и их тоже — вознаграждением будет эликсир долгожительства. У меня много и других даров... драгоценные камни и металлы, которые вы так высоко цените. Есть также цветы с соблазнительным ароматом. Однажды вдохнув, вы поймете, что даже золото по сравнению с ним ничего не стоит, а надышавшись им, все ваши соплеменники с радостью станут служить мне.

Голос замолчал, но остались вибрации, еще некоторое время вызывающие трепет у слушателей. Как будто перестала звучать чарующая музыка, в нежной мелодии которой едва улавливались зловещие обертоны. Она ошеломляла и смущала чувства Хэйнса и Чанлера, усмиряя их изумление и призывая принять предложение Валтума.

Чанлер попытался сбросить эти обвораживающие чары.

— Где ты находишься? — спросил он.— И как мы можем убедиться, что ты сказал нам правду?

— Я нахожусь рядом с вами,— ответил голос,— но предпочитаю не показывать себя. Доказательства же предоставлю в надлежащее время. Перед вами находится один из тех цветков, о которых я говорил. Как вы, возможно, догадались, это не скульптурное произведение, а окаменелый цветок, привезенный вместе с другими с моей родной планеты. При обычной температуре он не испускает никакого запаха, но под воздействием тепла начинает источать благоуханный аромат. Что же касается этого аромата... впрочем, судите сами.

Воздух в помещении не был ни теплым, ни холодным. Внезапно земляне почувствовали изменение температуры, как будто зажглось невидимое пламя. Казалось, тепло исходило от металлического треножника и хрустальной глыбы, накатываясь волнами тропического солнца. И почти сразу земляне начали ощущать аромат, не похожий на что-либо, вдыхаемое ими ранее. Неуловимое благоухание иного мира витало у их ноздрей, сгущаясь все интенсивнее и превращаясь в пряный поток. Это половодье запа-

хов казалось смесью приятной прохлады затененного листвой воздуха и жаркого зноя.

Чанлер больше Хэйнса подвергся воздействию странных галлюцинаций, но их впечатления, хотя и с разной степенью правдоподобия, были до странности схожими. Внезапно этот аромат показался Чанлеру уже не таким абсолютно чужеродным, словно встречался в иных местах и временах. Он попытался вспомнить, при каких обстоятельства уже вдыхал этот запах. Появившиеся как бы из его предыдущего существования воспоминания приняли форму реальной действительности, заменившей окружающую людей каверну. Хэйнс не был частью этой реальности, он исчез из поля зрения Чанлера. Потолок и стены пещеры уступили место раскинувшемуся лесу из древовидных папоротников. Их стройные перламутровые стволы и нежные листья своим великолепием олицетворяли Эдем, освещенный лучами первобытного рассвета. Папоротники были высокими, но цветы еще выше. Из курильниц цвета плоти они излучали все подавляющий сладострастный аромат.

Чанлер почувствовал необъяснимый экстаз. Ему показалось, что он вернулся назад во времена первичного мира и из восхитительного света и благоухания зачерпнул его неистощимую жизненную силу, молодость и энергию, которые пропитали чувства до последней нервной клетки.

Экстаз усиливался, и Чанлер услышал пение, исходившее, казалось, из лепестков; оно, как пение гурий, превратило его кровь в золотистый любовный напиток. В бредовом исступлении Чанлера звуки эти ассоциировались с ароматом, исходившим от цветов. Пение нарастало, вызывая непобедимый головокружительный восторг. Он подумал, что, подобно языкам пламени, цветы взметнулись вверх и деревья устремились за ними, а сам он, как раздуваемый ветром костер, вздымается к некой вершине наслаждения. Весь мир устремился вверх в потоке экзальтации, и Чанлеру почудилось, что он расслышал четко выговариваемые слова:

— Я — Валтум, и ты — мой с начала сотворения мира и будешь моим до его конца...

Окружение, в котором он очнулся, можно было считать продолжением фантастических образов, увиденных

под воздействием дурманящего запаха. Чанлер лежал на ложе из кудрявой травы цвета зеленого мрамора, над ним клонились огромные цветы, а мягкое сияние лучей янтарного заката пробивалось между свисающих ветвей с малиново окрашенными плодами. Сознание медленно возвращалось, и Чанлер понял, что его разбудил голос Хэйнса, который сидел рядом с ним на необычном газоне.

— Послушай, ты что ж, и не собираешься просыпаться? — теребил его приятель.

Резкий вопрос дошел до Чанлера, как сквозь пелену сна. Мысли его путались, а воспоминания переплетались с видениями, взятыми словно из других жизней, прошедших в его бредовом сне. Здравомыслие возвращалось постепенно, поэтому было трудно отделить фальшивое от реального. Но чувство глубокой усталости и нервного истощения ясно указывали, что он только что вырвался из поддельного рая сильнодействующего наркотика.

— Где мы находимся? И как сюда попали? — спросил он.

— Насколько я могу судить,— ответил Хэйнс,— мы в подземном саду. Должно быть, кто-то из этих больших Айхаи перенес нас сюда после того, как мы впали в забытье под воздействием этого запаха. Я дольше тебя сопротивлялся его действию и слышал голос Валтума перед тем, как отключился. Голос сказал, что даст нам сорок восемь земных часов, чтобы обдумать его предложение. Он отправит нас обратно в Игнарх, если мы его примем, с баснословной суммой денег и запасом этих наркотических цветов.

Чанлер уже полностью пришел в себя. Они так и не смогли прийти ни к какому определенному решению, обсуждая свое положение. Предложение сбивало с толку. Неизвестное существо, назвав себя именем марсианского дьявола, предложило им стать его эмиссарами на Земле. Распространение пропаганды, предназначенной облегчить его пришествие на Землю,— еще туда-сюда. Но им предстояло ввести в употребление наркотик более сильный, чем морфий, кокаин или марихуана — и, по всей видимости, не менее пагубный.

— А что, если мы откажемся? — спросил Чанлер.

— Валтум заявил, что в этом случае мы никогда не вернемся. Но он не стал уточнять, просто намекнул, что нас будут ждать большие неприятности.

— Ну что ж, Хэйнс, нам нужно подумать, как выбраться из этой истории, если мы, конечно, сможем ускользнуть.

— Боюсь, что размышления не особенно помогут. Мы, должно быть, находимся глубоко под поверхностью Марса, и вряд ли землянину по силам освоить механизм подъемников.

Чанлер открыл рот, но не успел что-либо возразить, когда среди деревьев возник один из гигантских Айхаи. Он нес две причудливые марсианские посудины, называвшихеся «кулпаи» Это были два глубоких подноса из металлокерамики, снабженных съемными чашами и графинами. В кулпаи подавали обед, состоящий из многих блюд и напитков. Айхаи поставил подносы на траву, а затем застыл с непроницаемым лицом. Земляне, почувствовав волчий аппетит, с жадностью набросились на еду — набор геометрических фигурок, нарезанных из неведомых пищевых продуктов. Хотя еда, возможно, и имела искусственное происхождение, но была очень вкусной. Земляне проглотили все до последнего конуса и ромба, запивая темно-красным вином из графинов.

Едва они закончили, марсианин впервые заговорил:

— Валтум желает, чтобы вы обошли Равормос и осмотрели все чудеса и диковины каверн. Вы можете передвигаться по своему желанию и без сопровождения, либо я стану служить вам проводником. Меня зовут Та-Вхо-Шаи, и я готов ответить на любые вопросы. Отпустите меня, когда пожелаете.

Хэйнс и Чанлер решили осмотреть город с проводником.

Они последовали за Айхаи по саду. Из-за дымки янтарного свечения, наполняющего сад лучами, создавалось впечатление безграничного пространства. Свет, как они узнали от Та-Вхо-Шаи, испускали высокий потолок и стены каверны, и сияние это обладало всеми полезными свойствами солнечного света.

В саду росли причудливые растения и цветы, экзотичные и для Марса. Наверняка Валтум завез их из иной солнечной системы, жителем которой являлся. Некоторые цветы походили на огромные ковры из сплетенных лепестков, словно сотню орхидей соединили в одну. Крестообразные деревья украшали фантастически длинные и

пестрые листья, напоминающие геральдические флажки или свитки, заполненные таинственными письменами. Ветви других были увешаны необычными плодами.

За садом открылся мир коридоров и каверн; их заполняли механизмы, чаны или урны. Грудами лежали огромные слитки драгоценных и полудрагоценных металлов, огромные сундуки, как будто пытаясь соблазнить землян, выставляли напоказ сверкающие самоцветы.

Хэйнсу с Чанлером было сказано, что большинство механизмов работает без всякого присмотра в течение столетий или даже тысячелетий. Даже Хэйнсу, который обладал обширными познаниями в механике, принцип их действия оставался непонятен. Валтум и его приверженцы заставили скрытые силы Вселенной служить им.

Слышалось размеренное биение, как будто стучали металлические пульсы, ворчали плененные ифриты и попавшие в рабство титаны. С лязгом открывались и закрывались клапаны. В одних помещениях рокотали динамомашины, в других непостижимым образом висящие в воздухе сферы безмолвно кружились, словно звезды и планеты в космическом пространстве.

Они поднялись по ступеням лестницы, колоссальной, как пирамида Хеопса. Хэйнс смутно, как во сне, вспомнил спуск и решил, что где-то неподалеку они беседовали с Валтумом. Та-Вхо-Шаи провел их через ряд просторных залов, которые, похоже, служили лабораториями.

В них древние гиганты колдовали над печами с холодным огнем и ретортами, в которых причудливо курились испарения. В одной из комнат они разглядели три большие бутыли из прозрачного неокрашенного стекла. Выше человеческого роста, формой они напоминали римские амфоры. Судя по всему, бутыли были пусты, но их для чего-то закупорили пробками с двумя рукоятками, не верилось, что обычный человек мог бы такие отвернуть.

— Что это за бутыли? — спросил Чанлер у проводника.

— Это Сосуды Сна,— нравоучительно ответил Айхаи с видом лектора.— Каждый из сосудов заполнен редким газом. Когда приходит время для тысячелетнего сна Валтума, газ выпускают. Смешиваясь с атмосферой Равормоса, он проникает до самого нижнего уровня. Время пере-

стает существовать и для нас, слуг Валтума; тысячелетия для спящих — всего лишь мгновения, а в час пробуждения Валтума просыпаемся и мы.

Терзаемые любопытством, земляне задали множество вопросов, но Та-Вхо-Шаи отвечал туманно и двусмысленно, зато горячо уговаривал продолжить осмотр других достопримечательностей Равормоса. Марсианин ничего не знал о химической природе газа, а самого Валтума, если верить Та-Вхо-Шаи, большинство последователей никогда не видели в лицо.

В глубине длинной, безлюдной каверны их встретило биение бесчисленных механизмов. Когда они вышли на поддерживаемую колоннами галерею, окружающую километровой ширины бездну, на них обрушился водопад громыхания, ослепил блеск языков огня, вздымающихся из глубин.

Землянам почудилось, что они смотрят на адский круг разгневанного света. Колоссальный агрегат из сверкающих брусьев и стержней, как скелет металлического чудища, вытянулся на дне этой преисподней. Печи, похожие на пылающие пасти драконов, изрыгали огонь. Огромные краны двигались подобно длинношеим плезиозаврам. В отблесках пламени, словно стаи багровых демонов, сновали фигуры работающих гигантов.

— Они строят космический корабль, в котором Валтум отправится на Землю,— пояснил Та-Вхо-Шаи.— Когда все будет готово, корабль пробьет дорогу на поверхность, используя атомные дезинтеграторы. Перед ним расплавятся и превратятся в пар скалы Игнар-Лут на поверхности прямо над этим местом. Его поглотит огонь, как раскаленная магма из ядра планеты.

Хэйнс и Чанлер стояли, напуганные этими словами, но не сказали в ответ ни слова. Их ошеломили размеры, ужас и угроза, исходящие из этого подземного мира. Земляне чувствовали: губительная сила, вооруженная таинствами науки, замышляет зловещее завоевание, гибельное для всех населенных миров солнечной системы. Им вряд ли удастся бежать и послать предупреждение, и приятели приуныли. Клубы едких испарений ударили из бездны, когда они глянули с галереи вниз. Они отошли назад, чувствуя тошноту и головокружение.

— А что находится по другую сторону пропасти? — спросил Чанлер.

— Галерея ведет к внешним кавернам, из которых выходит высохшее русло древней подземной реки. Это русло ведет к осевшей значительно ниже уровня моря пустыне, лежащей к западу от Игнарха.

Земляне невольно вздрогнули, услышав эту информацию, она, казалось, открывала им путь к бегству. Оба, однако, сочли благоразумным скрыть свой интерес. Делая вид, что устали, они попросили Айхаи отвести их в какое-нибудь помещение, где они могли бы отдохнуть и обсудить предложение Валтума.

Та-Вхо-Шаи заявил, что готов выполнить любое пожелание, и отвел в небольшое помещение, расположенное рядом с лабораториями. Наверное, это была спальная комната, судя по двум ярусам кушеток вдоль стен. Ложа явно предназначались для гигантских марсиан. Здесь Та-Вхо-Шаи молча дал им понять, что больше не нужен, и оставил Хэйнса и Чанлера одних.

— Что ж,— сказал Чанлер,— похоже, у нас есть шансы смыться, если мы сможем добраться до этого речного русла. Я старательно запоминал все коридоры и проходы, которые мы миновали на обратном пути от галереи. Это нетрудно сделать, если только за нами не ведут постоянного наблюдения.

— Эта кажущаяся легкость меня настораживает. Но, так или иначе, мы должны попытаться. Все лучше, чем томиться в ожидании своей участи. После всего, что мы увидели и услышали, я начинаю верить, что Валтум — это действительно сам Дьявол, даже если он и не признает себя таковым.

— Эти десятифутовые Айхаи приводят меня в содрогание,— признался Чанлер.— Я охотно поверю, что им миллион лет или около того. Чудовищное долголетие и объясняет их размеры. Большинство животных, живущих дольше своего обычного срока, приобретают гигантские размеры.

Для землян повторить путь к галерее, окружающей бездонную пропасть, оказалось довольно легким делом. Они просто следовали по главному коридору, а звук грохочущих механизмов служил указателем цели. В проходах

им никто не встретился, а те Айхаи, которых земляне видели через открытые порталы лабораторий, занимались таинственными химическими опытами.

— Мне это не нравится,— пробормотал Хэйнс.— Слишком это хорошо, чтобы быть правдой.

— А я так не думаю. Возможно, Валтуму и его приверженцам просто не пришло в голову, что мы попытаемся сбежать. В конце концов, мы ведь ничего не знаем об их психологии.

Земляне двигались вправо по длинной, слегка изгибающейся галерее, держась поближе к внутренней стене и прячась за толстыми колоннами. Галерея освещалась только дрожащими отблесками высоких языков пламени из глубин бездны. Приятели решили укрываться от глаз работающих гигантов на случай, если кто-нибудь из них взглянет вверх.

Временами их окутывали ядовитые испарения, чувствовался жар топок, а лязг металлических конструкций и грохот механизмов отпугивали эхом.

Они обогнули пропасть и оказались на противоположной стороне, где галерея изгибалась и поворачивала назад. В полумраке они рассмотрели неосвещенный вход в большую каверну, ведущую в сторону.

Этот ход, по их предположениям, приведет к опустившемуся руслу реки. К счастью, у Хэйнса нашелся небольшой карманный фонарик, и он осветил прямой коридор с многочисленными ответвлениями. Друзья торопливо шли по пустынному проходу. Гром титанической работы быстро затих.

С потолка, как в других залах Равормоса, свисали служившие для освещения, но сейчас темные металлические полусферы. Земляне поднимали облака мелкой пыли, воздух стал прохладным и разреженным, теряя влажную теплоту центральных каверн. Подтверждались слова Та-Вхо-Шаи, что внешние проходы редко посещались.

Земляне прошли милю или больше, затем стены начали выпрямляться, пол стал шероховатым и резко пошел под уклон.

Исчезли ответвления и поперечные проходы, стало ясно, что они вышли из искусственных каверн в естественный туннель. В сердцах друзей ожила надежда. Пол превратился в ряд спускающихся вниз уступов. По ним Хэйнс

и Чанлер спустились в глубокую пропасть, возможно русло, о котором говорил им Та-Вхо-Шаи.

Света маленького фонаря не хватало, чтобы полностью осветить этот пересохший подземный водный путь. Дно реки, сильно размытое и заваленное булыжниками, терялось в непреодолимом мраке. Хэйнс и Чанлер осторожно обследовали дно реки, по его постепенному уклону они определили направление, в котором когда-то текли бурные воды. Они решительно двинулись вниз по высохшему руслу, мысленно надеясь не встречаться с непреодолимыми препятствиями вроде пропастей или бывших водопадов. Это было единственное, чего помимо опасности преследования опасались земляне. Приятели почти ощупью пробирались вперед, а извилины и повороты русла приводили их то к одному, то к другому берегу. Иногда каверна расширялась, и берега отступали далеко в стороны, спускаясь вниз уступами и террасами.

Земляне заметили, что высоко вверху из стен вырастают странные образования, напоминающие громадные древесные грибы. Такие выращивают в туннелях под современными каналами. По форме они походили на дубинки геркулесов, часто достигали высоты трех и более футов. У Хэйнса возникла любопытная идея. Хотя Чанлер и протестовал против задержки, он взобрался на уступ, чтобы поближе рассмотреть грибы, и обнаружил, что это окаменелости, насыщенные минералами. Он пытался отломать один из них, его усилия увенчались успехом при помощи обломка булыжника. Окаменевшая дубинка упала с металлическим звяканьем. Она имела утолщение на верхнем конце и в случае необходимости могла послужить хорошим оружием. Хэйнс отломил такую же для Чанлера, и вооруженные земляне возобновили свой путь.

Было невозможно определить расстояние, которое они преодолели. Канал изгибался, иногда резко обрывался вниз, часто перемежался уступами и изломами, на которых поблескивали незнакомые руды или пятна окислов лазурного, ярко-красного и желтого цветов. Мужчины продвигались с трудом, то увязая по щиколотки в черном песке, то карабкаясь на баррикады из порыжевших валунов. Они лихорадочно прислушивались к любому звуку, предвещающему погоню.

Но только тишина заполняла до краев канал, а нарушали ее лишь звуки шагов землян и скрип их башмаков.

Не веря собственным глазам, они увидели далеко впереди отблески бледного света. Своды гигантской каверны постепенно проступили из мрака, так жерло вулкана освещают подземные огни. Путников охватило ликованье, они-то подумали, что приближаются к выходу из тоннеля; но свет усиливался со сверхъестественной быстротой и походил скорее на отблеск пламени, а не солнечный свет. Он неумолимо полз по стенам и полу пещеры и затмил слабый свет фонаря Хэйнса.

Непонятный свет, казалось, угрожал им. Изумленные земляне застыли в нерешительности, не зная, стоит ли продолжать свой путь. Затем из пламенеющего воздуха раздался голос, в нем чувствовался легкий упрек.

— Возвращайтесь назад тем же путем, земляне,— прозвучал мелодичный голос Валтума.— Никто не может покинуть Равормос против моей воли и так, чтобы я не знал об этом. Смотрите! Я послал своих стражей сопроводить вас.

Освещенный воздух был совершенно пуст, а дно русла покрыто огромными валунами и их тенями. Но как только голос смолк, Хэйнс и Чанлер увидели перед собой двоих внезапно появившихся существ. Ничего подобного не встречалось ни в марсианской, ни в земной зоологии. Жирафы с короткими ножками, как у китайских драконов, и спиральными шеями, похожими на кольца свернувшейся анаконды. Их головы имели по три морды, этакие трехликие янусы дьявольского мира. Казалось, каждая рожа была безглазой, но при этом из глубоких глазниц под косыми бровями вылетали длинные языки пламени. Огонь изливался бесконечной рвотной массой и из их пастей. На голове у каждого монстра светились тройные зубчатые ярко-красные гребни, оба имели бороды в виде малиновых завитушек. Их тела окружали острые, длиной со шпагу лезвия, на суживающихся хвостах они уменьшались до размеров кинжала. Чудовища, так же как и это грозное вооружение, казалось, горели, словно только что вышли из огненной печи.

От адских химер исходил ощутимый жар, и земляне поспешно отступили перед огненными клочьями, вылетающими из глазищ и ртов.

— Боже мой! Эти твари сверхъестественны! — вскричал потрясенный Чанлер.

Объяснения Хэйнса были более ортодоксальными.

— Это, скорее всего, разновидность голографии,— утверждал он,— хотя я не могу представить, как можно проецировать трехмерные образы и одновременно создавать ощущение жара... Правда, у меня и раньше мелькала мысль, что за нашим побегом наблюдают.

Он поднял тяжелый обломок камня и бросил его в одного из светящихся монстров. Камень ударил чудовище в лоб и, казалось, взорвался дождем искр. Существо ярко полыхнуло и раздулось, послышалось шипение. Хэйнс и Чанлер отпрянули назад: волны жара были нестерпимы. Стражи шаг за шагом теснили их по каменистому дну. Земляне возвращались в Равормос, оставив всякую надежду на побег. Они с трудом передвигали ноги, перебираясь через скальные препятствия.

У выхода из речного русла они обнаружили, что он охраняется еще двумя ужасными драконами. Пришлось взбираться по высоким уступам к поднимающемуся наклонно тоннелю. Обессилев от тупого отчаяния и длительной ходьбы, земляне вновь оказались во внешнем зале. Стражи выполняли роль почетного эскорта самого дьявола. Приятели были ошеломлены осознанием ужасающей силы Валтума. Хэйнс хранил молчание, хотя мозг его был занят поиском выхода из сложившейся ситуации. Более чувствительный Чанлер воображал все ужасы, которые только мог себе представить.

Они вернулись к галерее с колоннами вокруг широкой пропасти. Примерно посередине галереи химерические создания, шедшие впереди, повернулись к землянам, изрыгая ужасные языки пламени. Люди замерли от страха, но два монстра, шедших сзади, продолжали наступать, шипя как дьявольские сковородки. Жара накатила на землян, колонны же были негодным укрытием. Из бездны, где трудились марсианские титаны, вырвался ошеломляющий грохот, извивающимися кольцами поползли вверх ядовитые испарения.

— Может, они собираются загнать нас в пропасть? — предположил Хэйнс, судорожно пытаясь вдохнуть огненный воздух. Он и Чанлер шатались между монстров. Едва

Хэйнс произнес эту фразу, на краю галереи возникли еще два адских создания. Они словно поднялись из бездны, чтобы предупредить их смертельный прыжок вниз — единственное спасение от остальных чудовищ.

Теряя сознание, земляне смутно ощутили перемену в поведении химер. Пламенные тела потускнели и уменьшились в размерах, жара спала, исчезло пламя. Чудовища приняли отвратительный раболепный вид, высовывая бледные языки и закатывая черные глаза.

Языки, казалось, разделились... стали еще бледнее, похожие на лепестки цветов, которые Хэйнс и Чанлер недавно где-то видели. Дыхание химер коснулось лиц землян, подобно легкому порыву ветерка... Оно напоминало прохладный аромат, с которым они уже были знакомы... наркотический аромат, опьянивший их после встречи с хозяином Равормоса...

Монстры на глазах перевоплощались в изумительные цветы, колонны галереи превратились в гигантские деревья, громовые раскаты в бездне затихли, на смену им пришел нежный шепот моря у берегов Эдема. Мрачная угроза, кишащий ужасами Равормос — все исчезло, как будто никогда и не было. Хэйнс и Чанлер, почуяв забвение, погрузились в наркотический рай...

Пробудившись ото сна, Хэйнс обнаружил, что лежит на каменном полу внутри окружающей бездну колоннады. Огненные химеры исчезли. Лязг и грохот, доносившиеся из бездны, грубо рассеяли призраков его наркотического обморока. Он вспомнил все, что произошло.

В поисках следов своего спутника Хэйнс поднялся на ноги, вглядываясь в полумрак галереи. Дубинка Чанлера из окаменевшего гриба, как и его собственное оружие, лежали там, где выпали из рук землян. Но приятель исчез, и сколько Хэйнс ни кричал, ответом были только жуткие раскаты эха в глубине галереи.

Хэйнс подобрал свою тяжелую булаву и зашагал по галерее, желая незамедлительно разыскать Чанлера. Вряд ли это оружие защитит от сверхъестественных слуг Валтума, но тяжесть металлической дубинки придавала ему уверенность.

На подходе к главному коридору, ведущему в центральные залы Равормоса, Хэйнс подпрыгнул от радости,

увидев идущего навстречу Чанлера. Но прежде чем Хэйнс успел произнести приветствие, он услышал голос:

— Привет, Боб, это мое первое трехмерное телевизионное появление. Очень удачно получилось, не так ли? Я нахожусь в личной лаборатории Валтума, он уговорил меня принять его предложение. Как только ты согласишься поступить так же, мы вернемся в Игнарх с подробными инструкциями о нашей миссии на Земле и получим по миллиону долларов. Обдумай это, и ты поймешь, что лучшего не остается и желать. Когда ты решишься присоединиться, следуй по главному коридору в центр Равормоса, Та-Вхо-Шаи встретит тебя и приведет в лабораторию.

Чанлер закончил речь и, не дожидаясь ответа, легко шагнул на край галереи и поплыл среди клубов испарений. Улыбнувшись Хэйнсу, он исчез как призрак.

Сказать, что Хэйнс был как громом поражен, значит, не сказать ничего. Фигура и голос призрака были Чанлером во плоти и крови. Хэйнс почувствовал, что по телу пробежал суеверный холодок, вызванный магией Валтума. Правдоподобие изображения обманывало чувства. Он был шокирован капитуляцией Чанлера, но ему как-то и в голову не пришло, что слова проекции лживы.

— Этот дьявол достал его,— сказал самому себе Хэйнс.— Никогда бы не поверил в это. Я совершенно не думал, что он мог оказаться таким слабовольным типом.

Печаль, гнев, замешательство и удивление сменяли друг друга, пока Хэйнс шел по галерее. Он все еще не мог прийти ни к какому решению, даже когда вошел во внутренний зал. Как же ему быть? Сдаться, как поступил Чанлер, было для него немыслимо. Если бы он вновь смог с глазу на глаз увидеть Чанлера, возможно, ему удалось бы убедить его передумать и снова начать борьбу с чужеродным существом. Для любого землянина поддержать более чем сомнительные планы Валтума было бы изменой человечеству. Звездный изгнанник планировал вторжение на Землю и распространение неизвестного наркотика, он предполагал безжалостное разрушение Игнар-Лута, когда космический корабль пробьет себе дорогу на поверхность планеты. Долг землян — остановить Валтума, если только это в человеческих силах. Так или иначе они — или он

один — обязаны остановить зародившуюся угрозу. Хэйнс был прямодушным и честным человеком, у него даже на мгновение не возникало мысли о том, чтобы приспособиться к ситуации.

Он продолжал идти еще несколько минут, все еще сжимая в руках окаменелую дубинку и размышляя над ужасной проблемой. Из-за привычки вести постоянное наблюдение за окружающим, автоматической для многоопытного космического пилота, он заглядывал в двери комнат, где под присмотром древних колоссов в чашках и ретортах бурлили неведомые химические вещества. Затем Хэйнс подошел к безлюдной комнате, где находились три огромных сосуда, которые Та-Вхо-Шаи назвал Сосудами Сна. Он вспомнил слова Айхаи о их содержимом.

В порыве отчаянного вдохновения Хэйнс смело вошел в комнату, надеясь, что в этот момент Валтум случайно отвернулся или зевнул. У него не было времени для размышлений, если он собирался реализовать пришедший в голову план.

Бутыли с раздувшимися очертаниями больших амфор и на первый взгляд пустые поднимались выше его головы и тускло отсвечивали в неподвижном свете. Приблизившись, Хэйнс увидел в изгибающемся стекле свой искаженный облик, похожий на призрак надутого гиганта. В его мозгу билась только одна мысль: любой ценой он должен разбить Сосуды, а газы распространятся по Равормосу и ввергнут приверженцев Валтума — если не его самого — в тысячелетний сон. Он и Чанлер, несомненно, также уснут; и для них без эликсира бессмертия пробуждение никогда не наступит. Но это лучший выход благодаря такой жертве двум планетам будет предоставлена тысячелетняя отсрочка. Сейчас у него появилась единственная возможность, неправдоподобно, что такой случай представится еще раз.

Он поднял булаву из окаменевшего гриба, широко размахнулся и изо всей силы ударил по вспучившемуся стеклу. Раздался звон, как от удара гонга, и от вершины до днища Сосуда побежали трещины. После второго удара осколки стекла провалились внутрь с пугающим звоном, похожим на человеческий крик, на мгновение лицо Хэйнса овеял прохладный ветерок, легкий и нежный, как вздох женщины.

Он повернулся к следующей бутыли, задержав дыхание, чтобы не глотнуть газа. Она разлетелась на куски после первого же удара, и вновь он почувствовал как бы легкий вздох.

Громовой голос заполнил комнату, когда Хэйнс поднял свою палицу, чтобы ударить по третьей бутыли:

— Глупец! Этим поступком ты приговорил к смерти себя и своего соотечественника-землянина!

Слова смешались с грохотом заключительною удара. Наступила гробовая тишина, даже далекое приглушенное грохотанье механизмов, казалось, ослабело. Землянин осмотрел расколотые бутыли, а затем, отбросив бесполезный обломок своей палицы, разлетевшейся на куски, выбежал вон.

Несколько Айхаи, привлеченных шумом битья Сосудов, появились в зале. Они бесцельно и несогласованно бегали по помещению, словно мумии, приводимые в движение ослабевающим гальваническим током. Никто из них не пытался задержать землянина.

Хэйнс не мог знать, будет ли наступление сна, вызванное газами, быстрым или медленным. Ему казалось, что воздух в кавернах оставался неизменным: не чувствовалось ни запаха, ни ощутимого воздействия на дыхание. Но во время бега он почувствовал легкую вялость и сонливость. Все его чувства, казалось, опутала пелена.

По стенам коридоров клубились едва заметные испарения, и сами они выглядели иллюзорными.

Он убегал без каких-либо определенных целей или намерений и почти не удивился, когда его, словно в сновидениях, приподняло от пола и понесло по воздуху. Хэйнса словно захватил несущийся поток или невидимые облака. Мимо быстро проплывали двери секретных комнат, порталы и сотни таинственных залов. Он мельком видел колоссов, которые пошатывались и клевали носом, оказываясь в зоне действия все более распространяющейся сонливости. Затем Хэйнс оказался в комнате, где хранился окаменелый цветок на треноге из хрусталя и черного металла.

Открылась дверь в гладкой скале противоположной стены, и непонятная сила бросила в нее Хэйнса. Пролетая мимо огромной массы неизвестных механизмов и вращающегося

диска, издающего адское гудение, он, казалось, падал в подземелье, затем оказался стоящим на ногах. Внутренность помещения приобрела устойчивые очертания, а диск возвышался перед ним. Он к этому моменту уже перестал вращаться, но его дьявольские вибрации все еще пульсировали. Среди переплетения блестящих спиралей и динамо-машин Хэйнс разглядел тело Чанлера, привязанное металлическими шнурами к раме, напоминающей дыбу.

Рядом, застыв в неподвижности, стоял Та-Вхо-Шаи, а сбоку извивались среди механизмов части тела невероятного вида существа.

Гигантское растение с бесчисленными корнями, бледное и раздувшееся, ответвлялось от луковицы ствола. Ствол был увенчан ярко-красной чашей наподобие чудовищного цветка, откуда поднималась миниатюрная фигурка жемчужного цвета, сложенная утонченно пропорционально и красиво. Фигурка обратила к Хэйнсу свое личико лилипута и заговорила звучным голосом Валтума:

— Ты победил, но ненадолго, я не таю на тебя злобы. Я виню свою собственную беззаботность.

До Хэйнса голос доносился, как отдаленные удары грома для почти заснувшего человека. Спотыкаясь, едва не падая, он пробрался к Чанлеру. Чанлер молча смотрел на него с металлической рамы, и его вид вызывал у Хэйнса смутное беспокойство.

— Я... разбил Сосуды Сна,— свой голос показался Хэйнсу нереальным,— поскольку ты перешел на сторону Валтума. Большего я сделать не смог.

— Но я не соглашался на его предложения,— медленно, почти по складам протянул Чанлер.— Все это ложь... чтобы обманом заставить тебя уступить Валтуму... Меня пытали, потому что я не сдавался...— Чанлер слабел на глазах, теряя последние силы. Медленно с его лица исчезли болезненные эмоции, писатель погрузился в глубокий сон.

Хэйнс, с трудом одолевая собственную дремоту, пытался разглядеть зловещий инструмент, похожий на заостренное стрекало, на пальцах Та-Вхо-Шаи. С его тонких, как иглы, кончиков сыпались электрические искры. Рубашка на груди Чанлера разорвалась, и на коже от подбородка до диафрагмы проступала татуировка из крошечных отметин. Хэйнс почувствовал смутный ужас.

Он понимал, что проваливается в забвение, но слышал голос Валтума. Спустя годы ему показалось, что он понимает значение слов.

— Мои методы убеждения не дали результата, но сейчас это неважно. Я засыпаю, хотя мог бы продолжать бодрствовать, если бы пожелал. Я умею не поддаваться действию газов, призвав на помощь свои научные знания и жизненную энергию... Мы все заснем крепким сном... и для меня и моих подданных тысяча лет пролетит как одна-единственная ночь. Вам, чьи жизни так коротки, проснуться уже не удастся. Я же воспряну ото сна и воплощу свой план завоевания... а вы, которые осмелились помешать мне, будете лежать рядом со мной кучкой пыли, и пыль эту сметет время.

Валтум замолк, и миниатюрное существо клюнуло носом в ярко-красную чашу. Хэйнс и Чанлер видели друг друга словно сквозь растущую дымку серого тумана. Адские механизмы остановились, титаны прекратили бесконечную работу, воцарилась тишина. Чанлер расслабился на раме для пыток, веки его опустились. Хэйнс, собрав остатки воли, шагнул, пошатнулся и упал, застыв без движения. Та-Вхо-Шаи покоился на полу, как мумия, но все еще сжимал свой инструмент. Тяжелый сон подобно молчаливому морю на тысячу лет заполнил каверны Равормоса.

ПОСЛАНЕЦ С МАРСА

Все это произошло осенью 1947 года, за три дня до ежегодного футбольного матча между командами Стенфорда и Калифорнийского университета, когда необычный гость из космоса приземлился в середине огромного стадиона в Беркли, где должен быть состояться матч.

В городах на берегах залива Сан-Франциско, в Беркли, Окленде, Аламеде и в самом Сан-Франциско, толпы людей видели в небе космический корабль, спускавшийся замедленно, и указывали на него друг другу. Мерцая медно-золотистыми бликами, корабль опускался по безоблачному осеннему лазурному небу, и над стадионом трасса его шла в виде медленно раскручивающейся спирали. Он абсолютно не походил на любой из известных типов воздушных кораблей и имел длину около сотни футов.

Форма корабля была яйцевидной и при этом более или менее угловатой, причем поверхность разделялась на десятки различных плоскостей со множеством ромбовидных люков из пурпурного материала, иного, чем тот, из которого был выполнен корпус. Вид корабля даже с первого взгляда наводил на мысль об изобретательном гении, о профессиональном мастерстве какого-то чужого мира; о людях, чьи представления о механической симметрии были определены эволюционной необходимостью, а органы чувств отличны от наших.

Тем не менее, когда этот странный космический корабль наконец приземлился, в городах на побережье залива начали распространяться противоречивые слухи, касающиеся цели прибытия корабля и места его отправления. Были люди, опасавшиеся вторжения зарубежного противника, думавшие, что странный корабль означал объявление давно замышляемого нападения русских или китайских Советов, или даже Германии, чьи намерения также были под подозрением. И тревогу испытывали многие из тех, кто делал предположения о страшном внеземном вторжении из далеких миров, полагая, что пришельцы, возможно, имели враждебные намерения.

В это время безмолвный, неподвижный, без признаков жизни в нем корабль покоился на стадионе, где вокруг начали собираться любопытные. Эти толпы, однако, очень скоро рассеялись по приказу гражданских властей, поскольку были неясными и намерения пришельцев, и место, откуда они прибыли. Стадион был закрыт для публики; а на случай враждебных действий на верхних рядах трибун установили пулеметы и разместили роту морской пехоты; бомбардировщики патрулировали воздушное пространство, находясь в боевой готовности, чтобы сбросить свой смертоносный груз на сверкающий медью корабль.

В научных кругах интерес к кораблю был очень высок, и была создана большая группа ученых, химиков, металлургов, астрономов, астрофизиков и биологов — для посещения неизвестного объекта и его изучения. Когда на следующий день местные обсерватории выпустили бюллетень, что предыдущей ночью они вели наблюдения за кораблем, приближающимся к земле, то факт внеземного происхождения корабля стал бесспорным с точки зрения большинства. Преобладали противоречивые мнения по поводу того, прибыл ли корабль с Венеры, Марса, Меркурия или с одной из планет другой солнечной системы.

Но большинство высказывалось в пользу ближайших планет, в особенности Марса: те, кто наблюдал появление корабля, сумели определить, что траектория указывает именно на него.

И в течение всего дня, пока кипели дискуссии, пока в местных газетах и прессе всего цивилизованного мира выходили экстренные выпуски со странными и мрачны-

ми заголовками; пока в общественном мнении преобладали то страх, то любопытство, а морские пехотинцы и летчики вели наблюдение, пытаясь обнаружить признаки возможной враждебности, неопознанный летающий объект оставался безмолвным и неподвижным.

Наблюдение с помощью телескопов и биноклей велось с ближайших холмов; но было выявлено немногое из того, что касалось характера этого объекта. Те, кто вел наблюдение, видели, что многочисленные иллюминаторы были выполнены из стекловидного материала, более или менее прозрачного; но за ними не виделось никакого движения; а вспышки на необычайном оборудовании, просматривавшемся сквозь иллюминатор, не привлекали внимания наблюдателей. Они полагали, что один из иллюминаторов, больший, чем остальные, представляет собой что-то вроде входного люка; но никто не подходил открыть его; а за ним просматривалась странная на вид сеть неподвижных катушек, стержней, цилиндров, которые мешали разглядеть внутренности корабля.

Люди считали, что гости не менее осмотрительны в отношении чужой среды, чем местные жители в отношении корабля. Возможно, пришельцы опасались показаться перед людьми; возможно, они сомневались в пригодности земной атмосферы для дыхания, либо просто планировали нанести страшный удар с помощью какого-то невообразимого оружия.

Начало формироваться и третье направление общественного мнения — наряду с теми, кто испытывал страх, и теми, кто удивлялся и размышлял. В университетских кругах и среди спортивных болельщиков росло возмущение, что этот странный корабль позволил себе недопустимую вольность занять стадион перед предстоящим спортивным событием.

Городским властям подали прошение с просьбой убрать объект со стадиона. Огромный металлический объект, независимо от того, откуда и почему он появился, не должен мешать такому всеми любимому и имеющему первостепенное значение событию, как футбольный матч

Несмотря на поднятую суматоху, объект не сдвинулся с места ни на дюйм. Многие люди начали высказывать догадки, что гости пострадали от условий космического

полета или что они погибли, будучи не в состоянии вынести силу тяготения и атмосферного давления Земли.

Было решено не приближаться к кораблю до утра следующего дня, когда его посетит исследовательский комитет. Днем и ночью в Калифорнию на самолетах и на ракетоносцах спешили ученые из многих штатов.

Предлагалось ограничить численность комитета. Среди счастливчиков-ученых, избранных в этот комитет, был Джон Гейлард, помощник астронома в Обсерватории Мт. Уилсона. Гейлард представлял более радикальное и свободно мыслящее направление и получил известность своими теориями обитаемости ближних планет, в частности Марса и Венеры. Он давно отстаивал идею разумной и высокоорганизованной жизни в этих мирах и даже опубликовал не один научный труд на эту тему, где подробно разрабатывал свои теории. Новости о корабле вызвали у него глубокое волнение. Он был одним из тех, кто накануне наблюдал мерцание и не поддающееся классификации пятно в космосе за пределами лунной орбиты, и даже тогда предчувствовал истинный характер события. Остальные члены группы тоже считались независимыми и откровенными в своих суждениях, но ни один из них не был так глубоко и серьезно заинтересован в работе, как Гейлард.

Годфри Стилтон, профессор астрономии Калифорнийского университета, также вошедший в комитет, выбран был, вероятно, как антитеза Гейларду по взглядам и склонностям. Ограниченный, догматичный, скептический во всем, что не могло бы быть доказано с помощью свидетельства или правил; презиравший все, лежащее за пределами прямого эмпиризма, он неохотно признавал внеземное происхождение объекта и даже возможность органической жизни на других планетах.

Интеллектом такого же типа обладали и некоторые его коллеги.

Кроме двух этих ученых и их коллег, в комитет вошли три газетных репортера, а также шеф местной полиции, Уильям Полсон, и мэр города Беркли, Джеймс Грешем, понимавший, что в комитет следовало включить и членов правительства. В состав комитета было включено сорок человек; и в резерве за пределами стадиона находилась группа опытных механиков, оснащенных ацетиленовыми

горелками и режущими инструментами на случай необходимости вскрытия корабля.

В девять часов утра уполномоченные по исследованию вошли на стадион и приблизились к сверкающему многоугольному объекту. Многие испытывали страх, вызванный неведомой опасностью; но в большей степени они чувствовали оживление, острейшее любопытство и исключительное изумление. Гейлард особенно остро ощущал космическую тайну и, приближаясь к золотисто-медному кораблю, испытывал восхищение; у него немного кружилась голова, как у человека, который находится на краю бездны непознаваемых тайн и чудес чужого мира. Гейларду казалось, что он стоит на грани соразмерного и несоизмеримого, конечного и бесконечного.

Остальные члены группы были в меньшей степени полны таких же эмоций. И даже твердолобый, лишенный воображения Стилтон испытывал странное беспокойство, которое, будучи мнительным по природе, он приписывал погоде или «печеночной колике».

Необычный корабль, как и прежде, находился в полной неподвижности. Некоторые опасения тех, кто ожидал засады, рассеялись при приближении к кораблю; а надежды тех, кто ожидал проявлений дружелюбия, не оправдались. Группа собралась у главного люка, который, подобно остальным, имел форму огромного алмаза. Он находился на высоте нескольких футов над их головами в вертикальной плоскости корпуса; и они стояли, вглядываясь сквозь розовато-лиловую прозрачную дверь люка в незнакомые сложные механизмы корабля, как сквозь огромные витражи окна собора.

Никто не знал, как поступить дальше; казалось очевидным, что члены экипажа — если они живы и в сознании — не спешат предстать перед людьми, желающими изучить их. Делегация решила подождать несколько минут, прежде чем вызвать службу механиков с ацетиленовыми горелками и инструментами. Прогуливаясь вокруг корабля, люди изучали металл покрытия, предположительно сплав меди и красного золота, закаленного до исключительной твердости способом, не известным в металлургии. Не было видно никаких соединений между плоскостями и гранями, и вся огромная оболочка, кроме прозрачных люков, вполне веро-

ятно, была изготовлена из единого листа такого прочного сплава.

Гейлард стоял, вглядываясь в главный люк, в то время как его спутники прогуливались вокруг корабля, ожесточенно споря. Каким-то образом он почувствовал, что должно произойти что-то чудесное и необычное, когда огромный люк начал медленно открываться с помощью невидимого механизма и створки разошлись по обе стороны. Но трепет, который он ощутил, не был трепетом удивления. Не удивился он и тогда, когда металлический трап, состоящий из узких ступенек (несколько большего размера, чем у стремянки) начал постепенно опускаться из раскрытого люка и достиг земли у ног Гейларда.

Эти действия произошли бесшумно, без малейшего скрипа или лязга, но все присутствующие заметили их и в большом волнении поспешили к ступенькам. Но против их ожиданий, никто не вышел из корабля, и внутренняя часть оказалась видна не лучше, чем сквозь прозрачные люки. Они ждали какого-нибудь необычного марсианского посланца, какого-нибудь яркого, фантастичного полномочного представителя Венеры, спускающегося по трапу, но никто не появился. Царили тишина и безлюдье, поражало сверхъестественное техническое совершенство механизма. Казалось, что огромный корабль — это живой организм, обладающий собственными нервами и мозгом, скрытыми под металлической обшивкой.

Открытый вход и трап, очевидно, были знаком приглашения, и после некоторых колебаний ученые решили войти в корабль. Некоторые все еще боялись трапа, и пять человек из сорока осмотрительно решили остаться снаружи, но остальных охватили любопытство и энтузиазм исследований, друг за другом они поднялись по трапу.

Они увидели, что изнутри корабль еще более удивителен, чем снаружи. Он оказался достаточно просторным и разделенным на несколько больших отсеков, два из которых, в центре, были обставлены низкими диванами, обитыми мягкой, блестящей, пушистой тканью серовато-опалового цвета. Другие отсеки, в том числе аванкамера у входа, были заняты оборудованием, движущая сила и принципы работы которого были в равной степени неясными для самых квалифицированных исследователей.

При изготовлении этого оборудования использовались редкие металлы и необычные сплавы, и некоторые из них трудно было классифицировать. Около входа имелось подобие треногого стола с панелью управления, странные ряды кнопок и выключателей были не менее таинственны, чем тайнопись на какой-нибудь криптограмме. Корабль, очевидно, оказался необитаемым, и не было никаких следов земной либо внеземной жизни.

Бродя по отсекам корабля и дивясь сложным техническим загадкам, окружавшим их, члены делегации и не догадывались, что главный люк закрылся так же спокойно и бесшумно, как и открывался. Они не слышали и предупреждающих криков тех пяти коллег, которые остались снаружи.

Первым знаком чего-то неблагоприятного были внезапный крен и подъем корабля. Пораженные, они посмотрели на прозрачные люки и увидели бесконечные ряды трибун, окаймлявших гигантский стадион. Космический корабль с невидимой системой управления быстро поднимался в воздух по спирали. Он уносил в какой-то неизвестный мир целую делегацию отважных ученых, попавших на борт вместе с мэром города Беркли, шефом полиции и тремя имеющими особое задание репортерами, надеявшимися заполучить сверхсенсационную новость для своих уважаемых журналов.

Ситуация была беспрецедентной и более чем удивительной; люди по-разному на нее реагировали, но во всех случаях присутствовали испуг и изумление. Одни были слишком ошеломлены и сбиты с толку, чтобы осознать возможные последствия; другие пришли в ужас и возмущение. «Это же насилие!» — громко закричал Стилтон после того, как немного пришел в себя от неожиданности. Такие же восклицания исходили и от других ученых с похожим темпераментом: все они сознавали, что в этой ситуации необходимо что-то сделать и что кто-то (к сожалению, они не могли определить, кто именно) должен был быть наказан за такую недопустимую дерзость.

Гейларда, разделявшего общее волнение, охватил энтузиазм удивительного космического путешествия, предчувствие межпланетного приключения. Он ощущал мистическую уверенность в том, что он и другие отправились в

путешествие к миру, где человек ранее не был. Он полагал, что именно с такой целью необычный корабль опустился на землю, и люк открылся, чтобы приглашенные вошли в него. Какая-то скрытая далекая сила управляла каждым движением корабля и вела его к определенному месту назначения. Нечеткие образы безграничного космоса, его величия, неизведанности заполнили воображение Гейларда, и яркие картины внеземной жизни уже сияли перед ним.

Каким-то непостижимым образом он понимал, что его страстное желание проникнуть в тайны мироздания будет вскоре удовлетворено; и что он (если не его спутники) с самого начала был похищен и пленен в взлетевшем космическом летательном аппарате.

Шумно и многословно обсуждая свое положение, собравшиеся ученые поспешили к иллюминаторам, чтобы взглянуть на тот мир, который они покинули. В один момент они поднялись выше облаков. Весь район залива Сан-Франциско, как и побережье Тихого океана, простирался под ними, словно огромная рельефная карта; они уже видели кривизну горизонта, который, казалось, покачивался и отступал по мере того, как они поднимались. Перспектива полета вызывала у ученых благоговение; но нарастающее ускорение, обеспечивающее скорость более высокую, чем у воздушных кораблей, огибавших земной шар в пределах стратосферы, вскоре заставило ученых сесть на удобные диваны. Разговоры утихли, вскоре все начали испытывать перегрузку — почти невыносимое сжатие, как в металлических тисках.

Однако когда они улеглись на мягкие диваны, то ощутили необъяснимое облегчение. Казалось, от этих диванов исходила какая-то энергия, облегчавшая стресс от возрастающей гравитации, связанной с ускорением, и дающая возможность переносить ужасающую скорость, с которой космический корабль покидал слои земной атмосферы.

Наступило время, когда они смогли встать и ходить по кораблю. Их ощущения в целом были почти нормальными; хотя в отличие от начального этапа полета, теперь возникла странная легкость, которая вынуждала их делать шаги короче, чтобы не наталкиваться на стены и оборудование. Вес людей стал меньше, чем на Земле, но его

потеря не вызывала дискомфорта или недомогания и сопровождалась приятным возбуждением.

Они сознавали, что вдыхают разреженный бодрящий воздух, почти не отличающийся от того, что на горных вершинах, но с одним-двумя незнакомыми элементами и привкусом азота. Такой воздух усиливал веселость, немного учащал и дыхание, и пульс.

«Проклятье! — выкрикнул возмущенный Стилтон, как только обнаружил, что и движение корабля, и состав воздуха регулировались по системе дистанционного управления.— Это противозаконно, это — нарушение приличий и порядка! Правительству США немедленно следует что-то предпринять!»

«Боюсь,— заметил Гейлард,— что мы вне юриспруденции США и всех других правительств Земли Ни один реактивный самолет не смог бы достичь воздушного пространства, которое мы проходим; спустя минуту мы достигнем межзвездного пространства. Предположительно, этот корабль возвращается туда, откуда прибыл, и мы летим в нем».

«Абсурд! Бессмыслица! Насилие! — голос Стилтона был подобен рычанию и слегка приглушен за счет воздушной среды.— Я всегда придерживался мнения, что космическое путешествие абсолютно несбыточно Даже ученые Земли не смогли изобрести космический корабль; и нелепо допускать, что высокий интеллект, способный на такое изобретение, мог бы существовать на других планетах!»

«Как же в таком случае,— спросил Гейлард,— вы оцениваете данную ситуацию?»

«Этот корабль, конечно, дело рук человека. Это, должно быть, новый и сверхмощный тип реактивного самолета, изобретенный русскими, оснащенный автоматическим или радиоуправлением, что, вероятно, позволит нам приземлиться в Сибири после путешествия в верхних слоях стратосферы».

Гейлард улыбнулся с мягкой иронией; он почувствовал, что может спокойно прекратить этот спор. Отойдя от Стилтона, который с угрожающим видом рассматривал через иллюминатор удаляющую Землю, береговые линии Северной Америки вместе с Аляской и Гавайским остро-

вами, Гейлард присоединился к тем, кто продолжал осмотр корабля.

Некоторые ученые все еще считали, что на корабле, должно быть, все же находятся живые существа; но тщательный осмотр каждого отсека, каждого угла и щели привел к прежним результатам. Отказавшись от поисков, люди начали снова осматривать машинное оборудование, движущую силу и принцип работы которого они все еще были не способны постичь. Озадаченные и растерянные, ученые рассматривали панель управления, на которой кнопки сами время от времени опускались и поднимались, как будто их касалась невидимая рука. После таких манипуляций каждый раз следовали некоторые изменения скорости либо смещение курса, возможно, чтобы избежать столкновения с обломками метеоритов. Хотя люди ничего определенного не смогли узнать о двигателях, вскоре выяснились некоторые странные факты. Двигатели не были реактивными, так как не наблюдалось шумов и вспышек Работа делалась бесшумно, отсутствовала вибрация Не виделось никакой механической работы, кроме изменения положений кнопочных переключателей, да некоторые приборы вдруг начинали светиться голубым светом Этот свет, холодный, как сверкание арктического льда, не походил на электрический, он наводил на мысль о неизвестном виде радиоактивности.

Спустя некоторое время Стилтон присоединился к тем, кто стоял около панели управления, и, с возмущением бормоча что-то о незаконных и противонаучных действиях, он некоторое время смотрел на клавиши, а затем, сжав пальцами одну из них, попытался осуществить управление движением корабля

К его удивлению (и удивлению его спутников), клавиша осталась неподвижной. Стилтон нажимал все сильнее, вены выступили у него на руке, и струйки пота потекли по лицу. Затем он с отчаянным усилием попробовал и другие клавиши, но результат был тот же. Очевидно, работать у панели мог только невидимый оператор

Повторяя свою попытку, Стилтон подошел к клавише большого размера и иной формы Прикоснувшись к ней, он вскрикнул от боли и с трудом отдернул руку. Клавиша была холодной, как будто имела температуру абсолютно-

го нуля; она действительно обожгла его пальцы ледяным холодом. После этого он отказался от дальнейших попыток вмешательства в работу приборов.

Гейлард, понаблюдав это «представление», перешел в один из главных отсеков. Сидя на исключительно мягком и упругом диване, он любовался захватывающим зрелищем. За бортом весь мир, огромный, сияющий, многоцветный, проплывал перед кораблем в черном звездном пространстве. Ужасающие космические бездны, немыслимая бесконечность наплывали, и Гейлард в течение нескольких мгновений испытывал боль и головокружение, осознавая все это, он был охвачен всеподавляющей, необъяснимой паникой.

Позднее странным образом чувство ужаса уступило место восторгу от надежды на путешествие по безмолвным небесным просторам и пустынным берегам. Забывая об опасностях, об ужасном отчуждении от привычной человеку окружающей среды, Гейлард погрузился в магическое ощущение своего чудесного путешествия и необычной судьбы.

Остальные его спутники были менее способны самостоятельно ориентироваться в таких странных обстоятельствах. Бледные и подавленные, с чувством невосполнимых потерь и страхом перед сплошными опасностями и головокружительной путаницей, они наблюдали удаляющуюся Землю, с которой попали на корабль так неожиданно и необъяснимо. Многие из них от страха лишились речи, поскольку более четко осознали свое бессилие в плену у могущественной и непознаваемой силы.

Некоторые пытались бессвязной и громкой болтовней скрыть свое смятение. Трое репортеров жаловались на невозможность связи с журналами, представителями которых являлись. Джеймс Грешем, мэр, и Уильям Полсон, шеф полиции, пришли в замешательство и растерянность, не зная, что делать и что думать. Они находились в обстоятельствах, которые, казалось, полностью аннулировали их обычную гражданскую значимость. А ученые, как и можно было ожидать, разделились на два лагеря. Более радикальные и предприимчивые приветствовали все, что ждало их впереди (ради познания); в то время как остальные принимали судьбу с разной степенью опасений, протеста и сопротивления.

Прошло еще несколько часов; и Луна, ослепляющий символ одиночества в этой огромной бездне, осталась позади вместе с ее возничим, Землей. Корабль летел в одиночестве по космическим просторам, по вселенной, величие которой было откровением даже для астрономов, знакомых с размерами и множественностью солнц, туманностей и галактик. Тридцать пять человек были оторваны от своей родной планеты и брошены через немыслимые беспредельные пространства со скоростью, значительно превышающей скорость любой планеты или спутников в солнечной системе.

Было трудно определить скорость движения корабля; но некоторое представление о ней можно было составить, исходя из скорости, с которой Солнце и близкие к нему планеты — Меркурий, Марс, Венера — изменяли свое относительное положение. Казалось, они летели в небесах, как шарики из рук жонглеров.

Очевидно, в корабле существовала некая искусственная гравитационная сила, так как невесомость, которая в ином случае была бы неизбежной, не чувствовалась вообще. Еще ученые обнаружили, что воздух поступал из неких цистерн необычной формы. Кроме того, в корабле имелась какая-то скрытая отопительная система либо система изоляции от низких космических температур; температура внутри корабля оставалась постоянной, около 65—70 стандартных марсианских единиц.

Глядя на часы, некоторые члены группы забывали, что по-земному в Сан-Франциско уже полдень, хотя даже на лишенных воображения производили впечатление как абсурдность деления суток на 24 часа, так и постоянный солнечный свет за иллюминаторами.

Люди стали ощущать голод и жажду, и они громко заявляли об этом. Вскоре, как бы в ответ на их слова, из металлической стены бесшумно появились некие панели (как в табльдоте или ресторане), и открылся ряд длинных буфетов, на которых стояли необычные расширяющиеся кверху кувшины с водой и супницы, наполненные доверху неизвестной едой.

Слишком удивленные, чтобы подробно комментировать такое чудо, члены делегации решили попробовать еду и напитки. Стилтон, мрачный и возмущенный, отказался и остался единственным воздержавшимся.

Вода была вполне приемлемой, хотя и была несколько солоноватой, как если бы ее добыли из артезианских колодцев; а еда представляла собой красноватые макаронные изделия (относительно состава и типа которых химики колебались), она утолила муки голода, даже если и не была аппетитной.

После того как земляне поели, панели закрылись так же бесшумно, как и открылись. Корабль стремительно час за часом продвигался в космосе до тех пор, пока Гейларду и его коллегам-астрономам не стало очевидным, что он направляется прямо к Марсу, либо пройдет очень близко от него на пути к какой-то более далекой орбите.

Мир красной планеты с его знакомыми приметами, так часто наблюдаемыми с помощью телескопов, и о характерных особенностях которого ученые подолгу спорили, начал неясно вырисовываться перед ними и увеличиваться в размере с фантастической быстротой. Затем они заметили значительное снижение скорости своего летательного аппарата. Движение не прекратилось при сближении с медно-красной планетой, но нос корабля несколько раз смещался, как если бы цель была скрыта в лабиринте среди звездной пыли. Вскоре не осталось сомнений в том, что местом их назначения оказался Марс.

Гейлард и другие ученые, более или менее близкие к нему по интересам и взглядам, были взволнованы, трепетно ожидая сближения с чужим миром. Затем металлический аппарат начал мягкую посадку на необычный ландшафт, на котором легко можно было различить хорошо известные «моря» и «каналы», уже близкие и поэтому кажущиеся огромными.

Вскоре корабль приблизился к поверхности красноватой планеты, он опускался по спирали по безоблачному ясному небу, и скорость была меньше, чем у парашюта. Вокруг тянулись прямые однообразные горизонты; они казались ближе, чем на Земле, не было видно ни гор, ни холмов или пригорков; вскоре корабль завис на высоте полмили или менее. Здесь аппарат, казалось, прекратил спуск и застыл в равновесии.

Они увидели внизу желтовато-красную пустыню с невысокими барханами, пересеченную извилистыми «каналами», уходящими по обе стороны горизонта.

Ученые рассматривали планету с растущим волнением и восхищением, так как им стала ясна истинная природа этих «каналов». Их наполняла не вода, а масса бледно-зеленой растительности, огромных зубчатых листьев либо ветвей с листьями, и все они, казалось, отходили от единого ползучего стебля телесного цвета, имеющего несколько сот футов в диаметре, с раздутыми узловатыми сочленениями, а интервалы между ними составляли полмили! Кроме таких аномальных ползучих супергигантов, не было иных следов жизни, ни растительной, ни животной на всем пейзаже. Сама протяженность ползучего стебля, захватившего всю видимую поверхность, но казавшегося — по форме и своим особенностям — частью какого-то еще более гигантского растения, поколебала предвзятые мнения, связанные с земной ботаникой.

Большинство ученых с изумлением рассматривали гигантские растения через иллюминаторы. Более, чем обычно, журналисты грустили о том, что не могут свои материалы с сенсационными заголовками переслать в газеты. Грешем и Полсон понимали, что есть нечто противоестественное в такой уродливой форме растений; Стилтон и его коллеги из академических кругов выражали свое разочарование больше, чем остальные. «Возмутительно! Неслыханно! Смехотворно! — бормотал Стилтон.— Это нарушает самые элементарные законы ботаники! В этом отношении не было ни одного прецедента!»

Гейлард, который стоял рядом с ним, был так погружен в раздумье о росте растения, что едва ли слышал комментарии Стилтона. Уверенность Гейларда в том, что они попали в грандиозное приключение, превратилась в четкую убежденность. Он не мог точно и последовательно определить чувства, которые овладели им, но был переполнен ощущениями чудес, сиюминутных и будущих, и предчувствиями необычных, серьезных открытий.

Многие из группы страшились высказываться, не решаясь как-либо комментировать события. Все, что с ними произошло за последние часы, и все, что они теперь наблюдали, было настолько за пределами человеческого понимания, что обычные проявления чувств были подавлены из-за необходимости адаптации к необычной окружающей обстановке.

Понаблюдав минуту-другую за гигантским растением, ученые почувствовали, что их корабль пришел в движение, на этот раз горизонтально, следуя за ползучим растением в направлении, которое условно можно было считать западным, где опускалось маленькое бледное солнце на тусклом, выжженном небе, посылая тонкие, холодные лучи на пустынную землю.

Людьми овладело осознание того, что за всем происходящим стоит некая заданность, ощущение дистанционного наблюдения и контроля было у Гейларда даже сильнее, чем у остальных. Никто и не сомневался, что каждое движение корабля было рассчитано, и Гейлард чувствовал, что снижение скорости, следовавшее за продвижением вперед, было вычислено, чтобы дать ученым возможность понаблюдать за новой для них окружающей средой и, в частности, за ростом растений.

Напрасно, однако, наблюдали они окружающую среду, так как предметы, которые свидетельствовали бы о наличии органических форм человеческой или нечеловеческой, сверхчеловеческой эпохи, могли быть только воображаемыми. Только сверхчеловеческие существа, по мнению ученых, могли бы построить корабль, доставивший людей, послать его и управлять им.

Летательный аппарат продвигался вперед около часа и пересек огромную территорию, где песчаные равнины уступали место болотам. Здесь, где медлительные воды скрывали мергельную почву, вьющиеся растения раздувались до невероятных размеров и были покрыты пышной листвой, скрывающей болотистую землю почти на милю по обе стороны от гигантского стебля.

Листва приобретала более яркий и живой зеленый оттенок, была необычайно роскошной и пышной, и сам стебель выглядел неописуемо сочным. Он сиял и лоснился от своей мощи и силы, это было цветение, сверхъестественно и неприлично демонстрирующее откормленную плоть. Под взглядом наблюдателей это растение, казалось, пульсировало ритмично, как живое существо, и в некоторых местах на стебле имелись утолщения и отростки странной формы, назначение которых никто из людей не мог себе представить.

Гейлард обратил внимание Стилтона на необычную пульсацию, заметную у растения, и, как казалось, осуще-

ствляющую связь ствола с листьями длиной в сотню футов, которые колебались, как от ветра. «Уф! — выдохнул Стилтон, покачав головой с выражением отвращения и недоверия.— Такая пульсация просто невозможна. Должно быть, это обман зрения, смещение фокуса, вызванное, возможно, скоростью нашего полета. Либо это, либо некоторые особенности преломления в этой атмосфере, создают иллюзию движения неподвижных объектов». Гейлард удержался от спора, что этот феномен визуального нарушения или преломления связан исключительно с растением и не распространяется на остальной ландшафт.

Вскоре после этого корабль приблизился к необычному ответвлению растения, и земляне обнаружили, что стебель, за которым наблюдали, был лишь одним из трех, отходящих от ствола, спускающихся к болотистой почве в разных направлениях и исчезающих за горизонтом. Место соединения со стволом было отмечено огромным двигательным узлом, имеющим причудливое сходство с человеческими бедрами. Здесь пульсация была сильнее и очевиднее, чем когда-либо; на бледной поверхности ствола виднелись странные вены и красноватые крапинки.

Ученых все более и более волновали невиданная величина и некоторые характеристики необычного роста растения. Но впереди были открытия более экстраординарного толка. Задержавшись на мгновение около чудовищного места соединения со стволом, корабль полетел быстрее вдоль главного ствола, простирающегося на необозримое расстояние в восточном направлении. Были видны свежие ответвления на различных расстояниях друг от друга, растущие все сильнее и пышнее по мере проникновения в болотистые районы, несомненно, представлявшие собой остатки обмелевшего моря.

«Боже мой! Растение, должно быть, опоясывает весь Марс!» — испуганно сказал один из репортеров.

«Все это выглядит следующим образом,— серьезно заявил Гейлард.— Мы, должно быть, движемся вдоль экватора и мы уже сотни миль летим вдоль ствола. Судя по тому, что мы видели, представляется, что марсианские «каналы» — это всего лишь ответвления растения, а то, что на картах Марса астрономы определяют как «моря», представляет собой массы листвы». «Не могу понять это-

го,— бубнил Стилтон,— проклятое это растение находится в полном противоречии с наукой, и природе оно противоречит, оно не должно существовать в любом рациональном, постижимом космосе».

«Ну,— несколько ядовито заметил Гейлард,— тем не менее это растение существует, и я не представляю, как вы собираетесь избавиться от него. Очевидно, что это единственный вид растений на планете; по крайней мере, до сих пор нам не удавалось увидеть здесь еще что-либо другое. В конце концов, почему растительная жизнь на Марсе не должна быть сосредоточена в одном виде? И почему здесь не должен быть только один пример вида? Это указывает на удивительную экономию со стороны природы. Нет никаких оснований допускать, что растительные или даже животные формы в других мирах будут так же разнообразны и системы размножения окажутся такими же, как на Земле».

Выслушивая этот неортодоксальный довод, Стилтон смотрел на Гейларда, как мусульманин на какого-нибудь заблуждающегося неверного, но был слишком рассержен либо слишком разгневан, чтобы говорить.

Далее внимание ученых сосредоточилось на зеленой полосе вдоль маршрута их полета, площадь которой составляла много квадратных миль.

Они увидели, что от главного ствола отходит множество отростков, листва которых покрывает почву подобно густому лесу. Согласно тезису, выдвинутому Гейлардом, происхождение так называемых «морей» на Марсе было объяснено.

Пролетев сорок-пятьдесят миль за пределами зарослей листвы, они попали в район других, еще более обширных зарослей. Корабль поднялся на огромную высоту, и они взглянули сверху на огромнейшие пространства, покрытые листвой. Среди этих зарослей они разглядели круглый узел в несколько лье шириной, возвышающийся как вершина горы, и от него во всех направлениях отходили стебли сверхъестественной величины, опоясывающие планету. Не только размеры, но и некоторые особенности гигантского узла ошеломили наблюдателей. Узел был подобен голове какой-то колоссальной каракатицы, а стебли, расходящиеся во все стороны, напоминали щупальца.

И самым странным было то, что люди разглядели в центре этой головы две огромные массы, светлые и прозрачные, как вода; размерами они напоминали озера, а внешним видом — органы зрения.

Все растение вибрировало, как вздымающаяся человеческая грудь, и трепет, с которым невольные исследователи осматривали его, не поддавался описанию. Все были вынуждены признать, что, если и не принимать во внимание пропорции и темпы роста, растение ни в каком отношении не сопоставимо с какими-либо земными видами растений. И Гейларду, так же как и остальным, пришла в голову мысль, что это был организм, наделенный чувствами, и что пульсирующая масса, наблюдаемая ими,— это мозг или нервный узел центральной нервной системы.

Огромные глаза, отражающие солнечный свет подобно гигантским каплям росы, казалось, реагировали с помощью своего скрытого сверхчеловеческого интеллекта на то, что их изучают; и Гейларда преследовала мысль, что в этих прозрачных глазах крылись сверхъестественные знания и мудрость, граничащие с всезнанием.

Корабль пошел на снижение и выполнил вертикальную посадку в долине, рядом с вершиной стебля, где между листвой от двух расходящихся стеблей оставался клочок свободной земли. Он был подобен лесной просеке; непроходимые заросли с трех сторон, и высокая скала с четвертой. Здесь, впервые за все время пребывания на Марсе, корабль пошел на посадку; он плавно снижался, без вибрации и без толчков; почти сразу после посадки главный люк открылся, был спущен металлический трап, готовый для высадки пассажиров. Пассажиры выходили из корабля друг за другом, одни робко и осторожно, другие с дерзкой легкостью, и приступали к осмотру окрестностей. Они обнаружили, что воздух на Марсе отличался незначительно или вовсе не отличался от того воздуха, каким они дышали в корабле; и в этот час, когда солнце освещало эту необыкновенную долину с запада, температура воздуха была умеренно теплой. Это была странная, необычная обстановка; она была непохожа на земную. Под ногами пружинила мягкая, упругая почва — влажная масса, полностью лишенная травы, лишайников, грибовидных наростов и других мелких растений. Листва гигант-

ских растений с горизонтальными ветвями, пышными и роскошными, высоко нависала над просекой и дрожала в безветренном воздухе от пульсации стволов.

Рядом с путешественниками высокой, телесного цвета стеной вставала голова растения, с изгибом у глубоко сидящих глаз; несомненно, голова эта глубоко уходила корнями в марсианскую почву. Подступив еще ближе к этой живой массе, земляне увидели, что поверхность ее, покрытая густым сетчатым узором, похожим на морщины, и большими порами, напоминала кожу животного под сверхмощным микроскопом. Земляне проводили этот осмотр в трепетной тишине; и некоторое время никто не мог произнести те выводы, к которым многие из них пришли.

Гейлард испытывал почти религиозные чувства, когда размышлял о едва вообразимом диапазоне форм внеземной жизни, представлявшемся ему более характерным для божественного начала, чем для любого иного проявления жизни. В марсианском растении Гейлард видел сочетание, апофеоз животной и растительной жизни. Это было совершенно, самодостаточно и независимо от менее сложных форм жизни в этом мире смешанных форм. Все это рождало ощущение вечного долголетия, возможно и бессмертия. И какому загадочному космическому сознанию можно было бы все это приписывать на протяжении циклов развития! Какими необычными чувствами и органами чувств могла бы обладать такая жизнь! Какой мощный потенциал (за пределами уже достигнутого) мог бы иметь место у более ограниченных, более конечных форм! Многие спутники Гейларда ощущали то же самое, но в меньшей степени.

При виде такой необыкновенной аномалии они забывали о нераскрытых загадках космического корабля и их путешествия по беспредельным просторам. Но Стилтон и его единомышленники-консерваторы были возмущены необъяснимой природой Марса. И если бы они были религиозны, то выразили бы свои возмущение и ярость, заявив, что это чудовищное растение, так же как и беспрецедентные события (нежелательные, но имевшие место), полны страшной ереси и богохульства. Грешем, который осматривал окрестности с важным и загадочным видом,

первым нарушил тишину. «Где же скрывается местное правительство? — вопрошал он.— Кто же, черт возьми, здесь у власти? Ну, мистер Гейлард, вы, астрономы, много о Марсе знаете! Нет ли где-нибудь в этой богом забытой дыре Американского консульства?»

Гейлард был вынужден сообщить, что нет на Марсе консульской службы и что такая форма правления на этой планете, а также ее официальное местонахождение, представляют собой открытую проблему. «Однако,— продолжал он,— я бы не удивился, если бы узнал, что мы сейчас находимся в присутствии единого и верховного правителя марсианских владений».— «Ха! Я не вижу никого!» — признал Грешем, недовольно нахмурившись, оглядывая трепещущие массы листвы и «голову» огромного растения, имеющую очертания горы. Слова Гейларда было далеко за пределами интеллектуальной орбиты Грешема.

Гейлард осмотрел возвышающуюся верхушку растения с увлечением и исключительным интересом. С одной стороны на расстоянии он разглядел особые отдельные отростки, либо сморщенные, либо рудиментарные, напоминающие опущенные вниз бивни. Они были величиной с тело человека и, казалось, могли и далее расти. Представлялось, что растение выбросило эти ростки с какой-то целью и позволило им высыхать, когда цель оказалась достигнута. Эти отростки сохраняли нехитрое сходство с человеческими членами и имели необычные дополнительные функции: это были наполовину руки и наполовину щупальца, как если бы они были смоделированы с какого-то экземпляра неизвестного марсианского животного мира. Прямо под ними, на земле, Гейлард заметил беспорядочно разбросанные странные металлические инструменты, необработанные листы и бесформенные слитки того же медного материала, из которого был изготовлен космический корабль.

По-видимому, ранее на этом месте находилась корабельная верфь, хотя там не было стапелей, какие обычно используются при строительстве кораблей. Странный намек на правду промелькнул в мозгу Гейларда, когда он осматривал металлические обломки, но он был слишком ошеломлен всеми произошедшими чудесами, а также тем,

что выяснил и в чем удостоверился, чтобы передать свои предположения коллегам.

Между тем вся группа обошла просеку, занимавшую несколько сот ярдов. Один из астрономов, Филипп Колтон, второй специальностью которого была ботаника, рассматривал зубчатую листву сверхгигантских ползучих растений со смешанным чувством крайнего интереса и недоумения. Ветви были окаймлены перистыми иглами, покрытыми пухом; каждая из этих игл была четырех футов длиной и трех-четырех дюймов толщиной, и возможно, иглы имели полую трубчатую структуру. Ветви отходили от стебля массивами, параллельными земле, создавая горизонтальную ткань леса, и опускались до самой земли в виде плотных чешуевидных слоев.

Колтон вынул из кармана складной нож и попытался отделить одну часть от перистого листа. При первом же соприкосновении с острым лезвием вся ветвь резко отпрянула назад, за пределы досягаемости, затем она качнулась вперед и нанесла Колтону тяжелый удар, который отбросил его на землю, и нож улетел на значительное расстояние.

Если бы не более низкая сила притяжения Марса, Колтон получил бы при падении серьезную травму. Как бы то ни было, он лежал бездыханным, у него был ушиб; с нелепым удивлением смотрел он на огромную ветвь, которая приняла прежнее положение, и теперь она только трепетала в такт с ритмичным дрожанием стебля.

Растерянность Колтона была замечена коллегами; и сразу же, как если бы это происшествие развязало им языки, среди них возник разноголосый спор. Для всех более не оставалось сомнений в аномальной либо полуаномальной природе роста растения. И даже разгневанный и разъяренный Стилтон, считавший, что нарушаются самые святые законы честности в науке, был вынужден допустить наличие биологической загадки, не объяснимой в понятиях ортодоксальной морфологии.

Гейлард, который старался не принимать участия в дискуссии, предпочитая размышлять над собственными мыслями и догадками, продолжал наблюдать нарастание пульсации. Он стоял немного в стороне от остальных и ближе всех к мясистой и пористой голове растения и

вдруг заметил выброс нового отростка, появившегося на расстоянии около четырех футов над землей.

Отросток вытягивался, как в замедленной киносъемке, увеличиваясь в длине и раздуваясь луковицеобразной шишкой на конце. Эта шишка вскоре превратилась в большую, слегка скрученную массу, очертания которой представляли мучительную загадку для Гейларда, поскольку напоминали ему что-то, чего он не мог вспомнить. Присутствовал странный признак нарождающихся конечностей и членов, которые вскоре стали более определенными; затем он испытал некоторый шок: он увидел, что отросток этот напоминал человеческий зародыш!

Его невольный крик изумления привлек коллег; вскоре все столпились вокруг, наблюдая, затаив дыхание, невероятное развитие растения. Отросток выбросил вперед две хорошо оформленные ноги, они доставали до земли и поддерживали пятипалыми стопами все тело, на котором уже полностью оформились человеческие голова и руки (хотя те еще не достигли такого размера, как у взрослого человека).

Процесс продолжался; и, одновременно, на туловище, руках и ногах начала появляться шерсть. Руки и шея были голыми, но стопы покрыты материалом, который приобрел вид зеленой кожи. Когда покров стал толще, потемнел до серо-стального цвета и приобрел вполне модный по земным меркам силуэт, то стало ясно, что эта человеческая фигура покрывается такой одеждой, какую носят земляне, и, возможно, в соответствии с человеческими представлениями о скромности.

Все это было невероятно; и еще более невообразимым казалось то сходство, которое Гейлард и его спутники начали замечать в лице этой продолжающей оформляться человеческой фигуры. Гейлард почувствовал, что он как бы смотрит на себя в зеркало, потому что черты лица напоминали его собственные! Одежда и обувь были правдоподобным повторением его собственных и все в этом существе имело те же пропорции!

Ученые увидели, что процесс роста завершился. Существо стояло с закрытыми глазами, с каким-то пустым и безучастным видом, как человек, который еще не пробудился от глубокого сна. Оно было все еще соединено

толстым отростком с живым узлом, этот отросток напоминал пуповину.

Существо открыло глаза; долгим, загадочным взглядом уставилось оно на Гейларда, шок и изумление которого усилились. Ученый выдержал этот взгляд, полный сверхъестественного чувства — чувства, что он встретился со своим alter ego, в котором заключалась душа или интеллект какого-то чуждого и более великого, чем он, существа

Что касается загадочного взгляда, то Гейлард ощущал ту же глубокую и скрытую тайну, что и в глазах-озерах головы растения, подобных сверкающей росе.

Существо подняло правую руку и, казалось, поманило Гейларда к себе. Он медленно пошел вперед, пока они не оказались лицом к лицу. Тогда сверхъестественный двойник положил свою руку на его лоб, и Гейларду показалось, что с этого момента на него наложено гипнотическое заклинание. Почти безучастно, с целью, которую ему не дано было понять, Гейлард заговорил, а это существо, имитируя каждый звук и ритм, повторяло слова вслед за ним.

Прошло несколько минут, и Гейлард осознал истинную причину и значение этой необычной беседы. Когда к нему вернулась ясность мысли, он понял, что, оказывается, он давал этому существу урок английского языка! В виде беглого, непрерывного потока речи он вводил основной словарный запас вместе с грамматическими правилами. И каким-то образом, чудом суперинтеллекта, его собеседник все понял и запомнил.

Должно быть, так прошли целые часы, и марсианское солнце уже опускалось за зубчатые массы листвы. Измученный и потрясенный, Гейлард понял, что пришел конец этому долгому уроку, потому что существо убрало свою руку с его лба и обратилось к нему на правильном, хорошо смодулированном английском языке: «Благодарю вас. Я узнал все, что мне необходимо для языковой коммуникации. Если вы и ваши коллеги посетите меня, я объясню все, что было тайной для вас, и раскрою причины, по которым вас перенесли из вашего мира на землю чужой планеты».

Едва ли доверяя увиденному и услышанному, как во сне, не в силах ни отвергнуть, ни опровергнуть все это, земляне слушали речь, которую продолжал удивительный

двойник Гейларда: «Существо, устами которого я говорю, сотворенное по образу одного из вас, это просто особый орган, который я разработал, чтобы иметь связь с вами. Я информирующее существо, которое сочетает в себе высший гений и энергию тех двух сфер жизни, что известны вам под названиями «растения» и «животные». Я обладаю реальным всемогуществом и бессмертием бога, и у меня никогда не было необходимости произносить речи. Но, поскольку я владею всеми потенциальными возможностями эволюции, а также и интеллектуальными возможностями, граничащими с всезнанием, у меня не было затруднений с приобретением этой новой способности Это я построил (вместе с особыми приспособлениями, выпущенными мною для этой цели) космический летательный аппарат, который опустился на вашу планету и затем вернулся ко мне с группой людей, большинство которых, как я предполагаю, представляет ученый мир человечества. Строительство летательного аппарата и способ управления им станут понятны вам, когда я расскажу, что я создатель многих космических кораблей, в которых использованы лучевые энергии, не известные ученым Земли. Энергию я получаю из воздуха, земли или из обеих сред, или даже из отдаленных звезд.

Космический корабль сделан из металла, который получен из молекул, беспорядочно плавающих в атмосфере; я использовал в сконцентрированном виде солнечные лучи, чтобы создать температуру, при которой эти металлы можно расплавить и раскатать. Мощность, используемая в двигателях и системах управления — это некая суперэлектроэнергия, природу которой я не буду разъяснять вам. Скажу только, что она связана с силой тяготения, а также с некоторыми излучающими свойствами межзвездного эфира, не обнаруживаемого приборами, которыми вы обладаете. Я обеспечил на летательном аппарате марсианскую силу притяжения, марсианские воду и воздух, а также синтезированную пищу, чтобы за время путешествия вы привыкли к марсианским условиям.

Я, как вы, возможно, заметили,— единственный обитатель этого мира. Я могу создать множество подобных себе, если нужно; но до сих пор (по причинам, которые вы вскоре поймете) я чувствовал, что это нежелательно. Будучи

совершенным и идеальным, я не ощущал необходимости быть в обществе других существ. И в прошлом ради собственного удобства и безопасности я был вынужден искоренить некоторые соперничающие растительные виды, а также некоторых животных, слегка напоминающих людей вашей планеты, которые в ходе эволюции стали причинять беспокойство и даже представлять опасность для меня

С помощью своих глаз (обеспечивающих оптическое увеличение более сильное, чем мощнейшие ваши телескопы) я в период марсианских ночей изучил Землю и другие планеты и узнал многое об условиях жизни на каждой из них. Жизнь на вашей планете, ваша история, состояние вашей цивилизации во многом для меня — открытая книга. Я составил точное представление о геологических, растительных и животных феноменах вашего мира. Я понимаю ваше несовершенство, вашу социальную несправедливость и несогласованность, массовую заболеваемость и нищету, которым подвержено население из-за многих противоречий в ваших жизненных принципах.

От такого зла и ошибок я избавлен. Я достиг возвышенного абсолютного знания и превосходства. И мне больше нечего бояться во всей вселенной, кроме неизбежного процесса обезвоживания, который медленно идет на Марсе, как и на других стареющих планетах.

Этот процесс я не в силах замедлить, кроме как в ограниченном виде. Я уже вынужден во многих местах планеты выкачивать артезианскую воду. Я бы мог жить, используя только солнечный свет и воду; но вода необходима для поддержания питающих свойств атмосферы, а без нее мое бессмертие с течением времени закончится, мои гигантские стебли сморщатся и высохнут, и мои огромные бесчисленные листья увянут из-за недостатка жизненных сил.

Ваш мир еще юный с его полноводными морями, реками и полным влагой воздухом. У вас на планете необходимого элемента, которого мне не хватает, более чем достаточно. И я доставил вас сюда как представителей человечества, чтобы предложить обмен, который может быть желателен как для вас, так и для меня.

В обмен на очень небольшое количество воды я предлагаю вам тайны вечной жизни и неиссякаемую энергию,

я научу вас преодолевать социальные затруднения и полностью владеть окружающей средой на вашей планете. Из-за огромных размеров моих стеблей и отростков, опоясывающих марсианский экватор и достигающих даже полюсов, у меня нет возможности отлучиться с места моего рождения. Но я научу вас колонизировать другие планеты и исследовать всю вселенную. Для всех этих целей я предлагаю заключить межпланетный договор и постоянный союз между мной и народами Земли.

Хорошо рассмотрите то, что я вам предлагаю, потому что для перспектив нет аналогий. В отношении людей я — все равно, что бог в сравнении с насекомыми. Блага, которые я могу предложить вам, неоценимы. Взамен я прошу вас только установить на Земле, по моим указаниям, постоянные передающие станции, работающие на сверхмощной длине волны. С помощью этих станций важнейшие элементы морской воды без нежелательной солености можно будет телепортировать на Марс. Изъятое таким путем количество воды мало изменит либо совсем не изменит уровни ваших приливов и влажность воздуха, но это обеспечит вечную жизнь».

Марсианин закончил свою речь и стоял, глядя на землян в вежливом и непроницаемом молчании. Он ожидал ответа.

Эмоции, возникшие у землян после его речи, были далеко не однозначны. Хотя все люди и чувствовали изумление, но чудеса происходили непрерывно, и они стали нечувствительны к чудесам. Земляне дошли до того, что воспринимали создание человеческого существа с его способностями к человеческой речи как само собой разумеющееся. Но предложение, сделанное этим растительным существом с помощью органов речи, было совсем другим делом и задело совсем иные струны в душах ученых, приобщающихся к новой информации, репортеров, мэра и начальника полиции.

Гейлард, который полагал, что согласен с полученным предложением, и ощущал взаимопонимание с марсианином, хотел сразу же присоединиться к договору, оказать поддержку лично и обеспечить поддержку своих друзей в подписании договора и плана обмена. Гейлард указал марсианину, что земляне (даже если они были бы едино-

душны) не уполномочены представлять все народы Земли при формировании межпланетного союза, и самое большое, на что он способен, это передать предложение правительству США и другим правительствам.

Половина ученых после некоторых колебаний объявила себя сторонниками плана, желающими заключить договоры, используя все свои возможности. То же самое хотели сделать и трое репортеров, и они пообещали, возможно и опрометчиво, что наряду с деятельностью ученых будет использовано и влияние мировой прессы.

Однако Стилтон и другие догматики быстро и активно ушли в оппозицию и отказались даже рассматривать предложение марсианина. Любой договор или союз такого рода, настаивали они, был бы в высшей степени нежелательным и неподходящим. Было бы не в интересах народов Земли вовлечь себя в такое сложное, сомнительное дело или вести какую-либо коммерцию с существом таким, как растение-чудовище, не имеющее должного биологического статуса. Немыслимо, чтобы ортодоксальные и здравомыслящие ученые поддержали бы что-либо настолько сомнительное. Они заявили, что суть этого дела — обман и надувательство; кроме того, дело слишком незаконное, чтобы его поддерживать или даже рассматривать с чувством иным, кроме осуждения.

Раскол между землянами завершился жарким спором, в котором Стилтон резко обвинил Гейларда и других промарсиански настроенных людей как настоящих предателей человечества, интеллектуальных большевиков, чьи идеи опасны для сохранения единства человеческой мысли. Грешем и Полсон были на стороне ментального закона и порядка, они являлись консерваторами по убеждениям. Таким образом, земляне почти поровну разделились на тех, кто поддерживали принятие предложения марсианина, и тех, кто отвергал его с большей или меньшей степенью подозрения и возмущения.

Пока продолжались эти горячие споры, солнце зашло за высокие массы листвы, и ледяной холод, такой, какой вполне мог быть в полуразрушенном мире с разреженным воздухом, тронул бледные розовые сумерки. Землян бросило в дрожь; мысли их ушли в сторону от проблемы, которую они обсуждали, из-за физического дискомфорта,

ощущаемого все сильнее. В сумерках они услышали голос странного существа: «Я могу предложить вам разные жилища на ночь и на все время вашего пребывания на Марсе. На космическом корабле для вас хорошее освещение, тепло и все необходимые удобства. Кроме того, я предлагаю и иное гостеприимство. Посмотрите под моей листвой немного справа от вас, где я готовлю для вас жилище не менее комфортабельное, чем на корабле, оно поможет вам получить представление о моих мощностях и возможностях».

Земляне увидели, что корабль ярко освещен и из иллюминаторов сияет аметистовый свет. Затем под листвой они увидели иное странное свечение, которое, казалось, исходило от огромных листьев.

Даже там, где стояли земляне, они ощущали тепло, которое начало согревать холодный воздух; и, приблизившись к источнику этого явления, они увидели, что пышная листва поднялась в виде арки, подобно комнатному алькову. Почва под ней была как ткань нежных тонов, как эластичный покров, как тонкая подстилка. Кувшины, наполненные жидкостями, и блюда, полные еды, были размещены на низких столиках, и воздух в алькове был легким, как ночью в субтропиках.

Гейлард и остальные промарсиане, полные благоговейного трепета и удивления, были готовы сразу же попасть в такую волшебную гостиницу. Но антимарсиане были против, считая ее мастерской дьявола. Страдая от холода, стуча зубами и дрожа, они прогуливались по открытой просеке и в конце концов были вынуждены воспользоваться гостеприимным космическим кораблем, полагая (по какому-то странному алогичному ходу мыслей), что они выбирают меньшее из двух зол.

Остальные, поев и попив у волшебных столиков, улеглись на матрасы. Они чувствовали себя освеженными жидкостью из кувшинов, представлявшей собой не воду, а какое-то розоватое, ароматическое вино. Еда, настоящая манна, была более приятна на вкус и ароматизирована сильнее, чем та, которую им предлагали во время путешествия на космическом корабле. В крайне возбужденном состоянии — после всех событий — никто из них не хотел спать. Незнакомый воздух, иная гравитация, непривыч-

ные излучения экзотической почвы, беспрецедентное путешествие, чудесные открытия этого дня — все это полностью лишало людей их душевного равновесия и приводило к сильному нарушению равновесия души и тела.

Тем не менее Гейлард и его компаньоны забылись глубоким сном, как только легли. Возможно, этому способствовали вино и еда, либо какое-то наркотическое или гипнотическое вещество падало с листьев или исходило из мозга растения-владыки.

У антимарсиан день прошел не столь приятно, и их сон был прерывистым и беспокойным. Большинство из них мало ели во время полета, а Стилтон, в частности, вообще отказывался есть и пить. Несомненно, их враждебные настроения помогали им устоять перед гипнотической силой растения, если таковая была применена. В любом случае, они не разделяли благ, получаемых другой группой.

Незадолго до рассвета, когда Марс еще был окутан сумрачной мглой и освещен только двумя маленькими лунами, Фобосом и Демосом, Стилтон встал с мягкого дивана, на котором промучался всю ночь, и снова взялся за свои эксперименты, его отнюдь не остановили прошлые неудачи и крушение планов управления кораблем. К своему удивлению, он обнаружил, что клавиши необычной формы не сопротивляются его пальцам. Он смог по своему желанию менять их положение; вскоре он выявил принцип их работы и мог поднимать корабль в воздух и управлять им. Его друзья присоединились к профессору, привлеченные его торжествующими восклицаниями. Все они проснулись и торжествовали, надеясь вернуться с Марса на Землю и выйти из-под юрисдикции растения-монстра.

Окрыленные надеждой и каждую секунду опасаясь, что марсианин возобновит известное лишь ему управление кораблем, все они поднялись с темной просеки в чужие небеса и, направляясь к сверкающей зеленой орбите Земли, разглядывали незнакомые созвездия. Оглянувшись назад, они увидели огромные глаза марсианина, наблюдающие за ними из мглы, сияющие ясным синим фосфоресцирующим светом, и содрогнулись от ужаса быть вновь плененными. Но по какой-то непостижимой при-

чине им было позволено выполнить полет без помех. Однако путешествие было чревато аварией: неуклюжая работа Стилтона вряд ли могла заменить полубожественное искусство пилотирования и знания марсианина. Несколько раз корабль сталкивался с метеоритами; к счастью, ни один из них не был достаточно крупным, чтобы пробить корпус корабля. И когда спустя много часов они приблизились к Земле, Стилтону не удалось плавно сбросить скорость. Корабль стремительно падал вниз, и его спасло от разрушения только то, что он упал в воды Южной Атлантики. При падении механизмы вышли из строя, и большая часть пассажиров получила серьезные травмы и потрясения.

Через несколько суток после приземления медно-красный корпус космического корабля заметили с идущего на север лайнера и отбуксировали в порт Лиссабона. Ученые покинули космический корабль и вернулись в США после того, как описали свои приключения представителям мировой прессы, выпустив серьезное предупреждение всем народам мира о планах подрывной деятельности межпланетного чудовища и о его постыдных предложениях.

Сенсация, вызванная их возвращением и новостями, которые они сообщали, была потрясающей. Волна глубокой тревоги и паники, вызванная вечной человеческой антипатией к неведомому, быстро распространилась в мире. Необъятный, бесформенный, преувеличенный страх, подобный темной гидре, охватил людей. Стилтон и его соратники-консерваторы продолжали поддерживать этот страх. Своими речами они создавали антимарсианские предрассудки во всем мире, скрытую оппозицию и враждебность догматиков.

Они привлекали на свою сторону как можно больше ученых; то есть всех единомышленников, а также и людей, подавленных страхом или находящихся под давлением властей. Они добивались, и с успехом, объединения политических сил всего мира в мощную лигу, которая обеспечила бы отказ от любых предложений марсиан в будущем.

Во всем этом собрании враждебных сил, в этом процессе объединения консерваторов, сторонников замкнутости, вскоре проявился религиозный фактор, якобы оказавшийся неизбежным. Заявление о божественных знании и силе,

сделанное марсианином, было встречено в штыки всеми земными религиями — христианской, мусульманской, буддистской, даже шаманами — как в высшей степени отвратительное богохульство. Было сказано, что безбожие марсианских заявлений, угрозу неантропоморфного божества и вида поклонения ему (которое могло бы возникнуть на Земле) вообще нельзя допускать. Халиф и Папа, лама и имам, Махатма и пасторат — все встали за общее дело против этого внеземного завоевателя.

Кроме того, правящие политические силы ощущали, что за предложением марсианина может стоять некая большевистская идея. А финансовые, торговые и промышленные круги полагали, что предложение марсианина несет угрозу благосостоянию и стабильности.

В то же время Гейлард и его друзья проснулись на Марсе и обнаружили, что яркость красок и блеск листвы уступили место золотистым тонам утра. Они поняли, что можно двигаться вперед, так как воздух быстро нагревался под лучами встающего солнца.

Даже до того, как они заметили отсутствие летательного аппарата, марсианин оповестил их о его отлете. Марсианин, в отличие от своих прототипов, никогда не испытывал усталости — он всю ночь оставался в положении стоя, прислонившись к стеблю, к которому был прикреплен. И он обратился к землянам со следующими словами: «По своим собственным соображениям я не пытался предотвратить отлет ваших соплеменников, которые со своим непродуманно слепым отношением ко мне были бы более чем бесполезны, и чье присутствие только препятствовало бы взаимопониманию между нами. Они прибудут на Землю и станут пытаться настроить людей против меня и против моего полезного предложения. Такого исхода, увы, избежать нельзя, даже если бы я вернул их снова на Марс, или направил в другую сторону их полет (с помощью моих средств управления), или послал бы их навсегда с ускорением в пустоту, за пределы звездных миров. Я представляю, что нужно преодолеть еще много невежества, догматизма и слепого эгоизма, прежде чем свет, предлагаемый мной, осветит тьму умов землян. Я задержу вас на несколько дней и тщательно обучу секретам своей сверхъестественной мудрости, я снабжу вас

удивительными силами, которые послужат для демонстрации моего всестороннего превосходства над государствами Земли. Я пошлю вас обратно на Землю в качестве моих послов, и, хотя ваши коллеги и встретят вас как оппозицию, в конце концов мое дело восторжествует при безотказной поддержке правды и науки».

Гейлард и другие ученые получили это сообщение, и большинство из них приняло его с высочайшим уважением и полурелигиозным почтением. Они все более убеждались, что перед ними существо более высокого порядка, чем человек; что интеллект, представившийся посредством медиума в человеческом образе, почти неистощим по глубине и по диапазону и обладает многими свойствами беспредельности и качествами божества.

Хотя многие из них были по природе своей и по образованию агностиками, они стали испытывать некое почтение перед этим растением-владыкой. Они слушали с чувством полного подчинения (если не уничижения) цикл сведений о вечных тайнах космических законов жизни и энергии, которым их обучало это великое существо.

Знания, представленные им, были и простыми, и сложными. Марсианин начал с подробного изложения монистической природы всех явлений, материи, света, звука, электричества, гравитации, всех прочих форм излучения, времени, пространства. Все они, как сказал он, были всего лишь по-разному воспринимаемые проявления единого принципа вещества.

Далее слушателей обучили, как вызывать духов и управлять (с помощью элементарных химических средств) многими силами и уровнями энергии, которые до сих пор лежали за пределами обнаружения с помощью человеческих чувств и приборов. Землян обучили также использованию сил поражения, приводимых в действие при отражении ультрафиолетовых и инфракрасных лучей некоторыми чувствительными элементами. В высоко концентрированном варианте такие лучи можно было бы применить для расщепления и перестройки молекул вещества. Земляне узнали, как изготавливать средства поражения и трансмутации; как применять новейшие лучи, более мощные, чем так называемые «космические», для обновления тканей тела, для лечения и в гериатрии.

Одновременно с обучением, растение-владыка проводило постройку нового корабля, в котором земляне должны были вернуться на свою планету и проповедовать марсианское евангелие. Обшивка корабля и его приборы, казалось, материализуются из воздуха прямо на глазах землян. Это явилось практическим уроком использования природных сил. Атомы, образующие необходимые сплавы, получались из космоса с помощью невидимых магнитных лучей, соединялись с помощью сконцентрированного солнечного тепла в особой отражающей зоне атмосферы, а затем сплавлялись так же просто, как получается бутыль у стеклодува.

Вооруженные новыми знаниями, почувствовав внутреннее превосходство над противостоящими силами, оснащенные превосходными механизмами и приборами, подготовленными марсианином, его сторонники наконец отправились в путь к Земле.

Через неделю после взлета со стадиона в Беркли, корабль со сторонниками марсианина в полдень приземлился на том же стадионе. Аппарат, искусно и без труда управляемый с Марса, приземлился без аварий, легко, как птица. И как только распространились новости о его прибытии, корабль окружила огромная толпа, в которой собрались как враждебно настроенные, так и любознательные люди.

Еще до возвращения группы ученых и трех репортеров под руководством Гейларда, они по всему миру были объявлены вне закона по обвинениям, выдвинутым догматиками во главе со Стилтоном. Объявили, что их возвращение связано с интригами марсианского растения-владыки. Особый указ, запрещающий возвращение на Землю под страхом тюремного заключения, издали правительства всех стран. Не зная об этом и не ведая, насколько широко распространены и опасны для них предрассудки, ученые открыли люк и подготовились к выходу из корабля.

Гейлард, выходящий первым, задержался на верхней ступеньке трапа. Что-то привлекло его внимание, когда он взглянул на лица толпы, собравшейся с невероятной быстротой. Он увидел зависть, страх, ненависть и подозрение на многих лицах, дурацкое любопытство; некоторые бесцеремонно разглядывали его, как фокусника в бродячем цирке. Небольшая группа полицейских, расталкивая толпу локтями в стороны, продвигалась в первые ряды; на-

смешки и ругань сливались в грубый рев, они стали слышны и тем, кто стоял за Гейлардом в корабле.

«Будьте прокляты, сторонники марсиан! Долой грязных предателей! Повесить... собак!» Крупные переспелые помидоры летели в Гейларда и падали на ступеньки трапа. Свист, гиканье, улюлюканье усиливали всеобщий бедлам, но Гейлард и его друзья услышали спокойный голос марсианина, дошедший через эфир с далекой планеты: «Берегитесь и отложите свою высадку. Следуйте моим указаниям, и все будет хорошо!».

Гейлард отступил назад, услышав этот голос, дверь люка быстро захлопнулась. Полицейский, который как раз приблизился к кораблю, чтобы арестовать пассажиров, отлетел к ногам толпы.

Всматриваясь в лица людей, полные ненависти, Гейлард и его коллеги заметили удивительное проявление мощи марсианина. Стена фиолетового пламени, опустившаяся с небес на землю, казалось, встала между толпой и кораблем, и полицейские, невредимые, но у которых дыхание перехватило от растерянности, были отброшены назад, как если бы это была огромная волна. Пламя, цвет которого менялся до синего, зеленого, желтого, алого, как у полярного сияния, в течение нескольких часов трепетало вблизи корабля, делая его недоступным для окружающих. Отступив на значительное расстояние, толпа в испуге и ужасе стояла молча. Полиция напрасно ожидала возможности выполнить свое задание. Спустя некоторое время пламя стало белым и похожим на туман, и на нем, как на облачке, появилось причудливое, подобное миражу изображение, одинаково видимое и толпе, и пассажирам космического корабля.

Это был марсианский пейзаж, на фоне которого появился мозг растения-владыки; у толпы перехватило дыхание от изумления, когда она встретилась взглядом с громадными телепатическими глазами и увидела бесконечные стебли и массы вечнозеленой листвы шириной в лье[1]. Последовали и другие изображения. Все они были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на толпу, и иллюстрировали полные чудес возможности и фанта-

[1] 1 лье = 1,8 км

стические способности марсианского существа. Одна за другой в быстрой последовательности шли картины истории Марса, иллюстрации разных видов природных энергий, подвластных ему. Были также показаны цели желаемого союза с Землей и преимущества такого союза для землян. Божественная доброта и мудрость всемогущего существа, его высочайшая органическая сущность, превосходство в биологическом и научном отношении стали понятными самым бестолковым зрителям. Многие из тех, кто пришел поднять ученых на смех, встретить сторонников марсианина презрением, ненавистью и насилием, изменили свое враждебное отношение после этих демонстраций, действующих на подсознание.

Однако убежденные догматики, истинные «твердолобые» консерваторы (например Годфри Стилтон) придерживались несгибаемого обструкционизма, в чем их поддерживали юристы и правительства, а также главы разных конфессий. Разногласия, возникшие во всем мире, стали причиной многих гражданских войн или революций и в одном-двух случаях окончились войной между странами.

Было предпринято много попыток захватить или уничтожить марсианский корабль, который под управлением марсианского владыки появлялся во многих местах земного шара, спускаясь внезапно из стратосферы, чтобы продемонстрировать невероятные чудеса науки перед удивленными толпами людей. Во всех частях света на облаке-экране появлялись фантастические картины, и все большее количество людей приобщалось к новым взглядам.

Бомбардировщики преследовали марсианский корабль и стремились сбросить на него свой смертоносный груз, но безуспешно: когда корабль попадал в опасную ситуацию, многоцветное пламя окружало его, отклоняя и отбрасывая бомбы, частенько нанося повреждения бомбовым люкам.

Гейлард и его коллеги с львиной храбростью много раз выходили из корабля, чтобы продемонстрировать толпам людей либо отдельным коллективам ученых необыкновенные изобретения и чудотворные силы химии, которые им показал марсианин. Повсюду полиция стремилась арестовать пассажиров марсианского корабля, обезумевшие

толпы хотели применить насилие; армейские полки пытались окружить их и оттеснить от корабля. Но с находчивостью, граничившей со сверхъестественной, ученые умудрялись избежать пленения. Часто они приводили в замешательство своих преследователей удивительным показом действия эзотерических сил, вызывая временный паралич у чиновников с помощью невидимых лучей либо создавая вокруг себя защитные зоны — высокотемпературную или зону арктического холода.

Несмотря на миллионы демонстраций, во многих местах цитадели человеческого невежества и замкнутости оставались непобедимыми.

Глубоко встревоженные межпланетной угрозой их стабильности, правительства и религиозные учреждения Земли, а также и наиболее консервативные представители науки объединили свои ресурсы в героической и решительной попытке приостановить проникновение новых идей Мужчины всех возрастов, всех стран призывались на военную службу; даже женщин и детей снабжали смертоносным оружием против сторонников марсианина, объявленных вместе с их семьями бесчестными предателями, которых следует поймать и уничтожить, как опасных хищников.

Междоусобная война оказалась самой страшной в истории человечества. Класс шел против класса, а семья против семьи. При этом были использованы новые смертоносные газы, изобретенные химиками, и целые города и территории задыхались под их завесой. Под бомбами со сверхмощными взрывчатыми веществами некоторые города превратились в обломки, взлетающие вверх; война велась с помощью реактивных самолетов, подводных лодок, тяжелых крейсеров, танков, любых средств разрушения, когда-либо созданных человеческим гением, ставящим своей целью самоубийственную войну.

Сторонники Гейларда, вначале побеждавшие, понесли серьезные потери; война начала оборачиваться против них Рассредоточенные по многим странам, они оказались неспособными объединиться и организовать свои силы в той же степени, что и их официальные оппоненты. Хотя Гейлард и преданные ему сторонники побывали во всех странах на марсианском космическом корабле, помогая

радикалам, содействуя им и обучая применению нового оружия и космических энергий, партия Гейларда понесла огромные потери из-за существенного перевеса сил его противников. Его сторонники рассыпались на мелкие отряды, преследуемые и измотанные, вынужденные искать укрытия в пустынных и малоисследованных местностях.

В Северной Америке, однако, большая армия сторонников Гейларда сумела некоторое время продержать своих противников в трудном положении, но в конце концов армия была окружена и оказалась на грани полного поражения.

Корабль Гейларда зависал над полем боя, над густыми черными облаками дыма, где ядовитые газы смешивались с дымом от сильных взрывов. Впервые Гейлард почувствовал, что его охватывает отчаяние. Ему и его друзьям стало казаться, что марсианин отстранился от них, считая омерзительными зверские ужасы войны, отвратительную ограниченность и недальновидное поведение человечества.

Затем в дымном небе показалось множество медно-красных летательных аппаратов, они приземлились у линии фронта среди сторонников марсианина. Из входных люков, открывшихся одновременно, раздался голос марсианского владыки, собирающего своих сторонников и предлагающего им войти на борт корабля.

Спасенная от уничтожения, вся эта армия подчинилась команде марсианина. И как только все. мужчины, женщины и дети — вошли на борт, двери люков захлопнулись, и корабли поднялись в воздух, описав изящную спираль над головами озадаченных консерваторов. Как стая красновато-золотистых птиц они взмыли в небо под предводительством корабля с Гейлардом на борту.

Одновременно во всех частях света, где небольшие отряды героев-радикалов оказались разобщенными и под угрозой разгрома, появились такие же космические корабли и вывезли всех до последнего сторонников марсианина. Эти корабли присоединились в космосе к основной группе, и все вместе под непостижимым управлением с Марса они понеслись через межзвездное пространство со сверхкосмической скоростью.

Ожидания земных изгнанников не оправдались: корабли направились не к Марсу; вскоре стало очевидно, что

пунктом назначения была планета Венера. Марсианин, выступая в эфире, сделал следующее заявление. «Пользуясь своей бесконечной мудростью и превосходным предвидением, я избавил вас от бесперспективной борьбы за утверждение на Земле высшего блага, света и истины, которые я предлагал. Вас одних я нашел достойными, а та часть человечества, которая отказалась от спасения и, ненавидя и оскорбляя, предпочла свои изначальные болезни, смерть и невежество, должна с этих пор остаться со своей неизбежной судьбой.

Вас в качестве моих законных и доверенных слуг я посылаю от своего имени поселиться на огромном континенте планеты Венера и основать среди первобытного изобилия этого нового мира нацию с супернаучным уровнем жизни».

Вскоре космические корабли приблизились к Венере, облетели в атмосфере, насыщенной парами, вокруг экватора. На планете ничего не было видно, кроме горячего дымящегося океана с температурой, близкой к точке кипения. Казалось, океан покрывает всю планету. Здесь, под никогда не заходящим солнцем, преобладали непереносимые уровни температур, а воздух, состоящий наполовину из водяных паров, обварил бы кожу человека, как кипяток. Страдая от ужасной жары даже внутри своих кораблей, изгнанники думали о том, как же они станут существовать в таком мире.

Их сомнения разрешились, когда они приблизились к конечной цели. Над ночной стороной Венеры, никогда не освещаемой солнечным светом, на широте, где солнечные лучи падали под таким же углом, как и в Арктике, люди разглядели сквозь испарения обширную полосу земли — одинокий континент среди моря Континент был покрыт густыми лесами; флора и фауна были такие, как на Земле в доледниковом периоде. Каламиты, папоротники, цикады в невероятном изобилии предстали перед землянами; везде были огромные безмозглые рептилии, мегалозавры, плезиозавры, лабиринтодоны и птеродактили Юрского периода.

По указанию марсианина перед посадкой люди уничтожили этих рептилий с помощью инфракрасных лучей так, чтобы даже не оставалось скелетов, вызывающих гни-

ение. Когда весь континент был очищен от вредных существ, корабли совершили посадку, и колонисты оказались на необычайно плодородных землях; в самой почве, казалось бы, пульсируют первобытные силы, а воздух богат озоном, кислородом и водородом. При температуре субтропиков воздух был приятным, благоуханным; благодаря защитной ткани, предоставленной марсианином, земляне вскоре привыкли к постоянному солнечному свету и интенсивному ультрафиолетовому облучению. С помощью суперзнаний, имеющихся в их распоряжении, земляне смогли бороться с неизвестными им вредными бактериями, характерными для Венеры, и даже уничтожили эти бактерии с течением времени. Так был создан здоровый климат с целебным воздухом, с четырьмя равными по длительности и мягкими временами года. Планета медленно вращалась вокруг оси, но под низким и незаходящим солнцем день никогда не кончался, как на мифических Благословенных островах.

Под руководством Гейларда, который поддерживал тесную и постоянную связь с марсианином, огромные леса во многих местах были расчищены. Высочайшие воздушные городские здания, красивые, как в межзвездном Эдеме, и построенные с использованием силовых лучей, вознеслись на фоне изящных башен и величественных куполов над гигантскими окаменелыми растениями и папоротниками.

Трудами изгнанников с Земли была создана истинная Утопия, сохраняющая верность марсианину как ангелу-хранителю. Это был народ, преданный космическому прогрессу, научному познанию, духовной терпимости и свободе; счастливый, законопослушный народ, осчастливленный тысячелетним долголетием и свободный от печалей, болезней и погрешностей.

Здесь, на берегах Венерианского моря были построены огромные передающие станции, которые посылали через планетное пространство с помощью непрерывного электронного излучения воду, необходимую для замены сухого воздуха и сухой почвы Марса, чтобы обеспечить вечное божественное существование марсианскому растению-владыке.

В то же время на Земле произошло замечательное событие — окончательное подтверждение реального все-

могущества и всеохватывающей мудрости марсианина. Событие это осталось неизвестным Гейларду (и его соратникам-изгнанникам), так как он не делал попыток установить связь с покинутым миром.

В огромной долине Кашмира, в Северной Индии однажды с ясного неба спустилось семя длиной в милю, сверкнувшее, как огромный метеор. Оно привело в ужас суеверных азиатов, которые видели в его падении предзнаменование какого-то большого несчастья. Семя пустило корни в долине, и прежде, чем была выявлена его истинная природа, предполагаемый «метеорит» начал давать побеги и выбрасывать во все стороны множество гигантских отростков, которые немедленно давали листву. Растение покрывало и южные долины, и вечные снега, и скалы Гиндукуша и Гималаев своей гигантской листвой.

Вскоре афганские горцы услышали взрывы почек, эхо которых звучало подобно далекому взрыву; и в то же время растение стремительно двигалось по Центральной Индии. Распространяясь во всех направлениях, вырастая со скоростью движения экспресс-поездов, отростки мощного растения простирались по странам Азии. Они затеняли уже и долины, горные вершины, холмы, равнины, пустыни, города, морские берега. Их гигантские листья покрыли Европу и Африку, а затем, проникнув через Берингов залив, попали в Северную Америку и распространились на юг, разветвляясь во все стороны по всему континенту, вскоре и Южная Америка до Тьера де Фуэго была покрыта массами непроходимой листвы.

Бесконечные попытки остановить распространение растения были предприняты армиями, вооруженными бомбами, пушками, распылителями смертоносных веществ и газовым оружием, но все было напрасно. Повсюду люди задыхались под густой листвой, как от яда анчарного дерева, излучающей одуряющий наркотический аромат на всех вдыхающих его, что приводило к сладкой и легкой безболезненной смерти.

Вскоре растение покрыло весь земной шар, поскольку моря не представляли собой преграды для стеблей и отростков. Когда процесс роста завершился, то та половина человеческой расы, которая оставалась на Земле, будучи настроенной против марсианина, присоединилась к ди-

ким чудовищам доисторических времен в тех заброшенных местах, где они спасались от опасности, и куда попадали все вытесняемые и вымирающие виды. Но благодаря божественному милосердию марсианина, смерть представителей этого отмирающего вида была легкой, как непреодолимое влечение к жизни.

Стилтон и некоторые его помощники на некоторое время сумели избежать общей участи, улетев на реактивном самолете на антарктическую равнину. Здесь, поздравляя друг друга с великим избавлением, они увидели на горизонте появление гигантских стеблей, под листвой которых лед и снег начали таять, превращаясь в бегущие потоки. Вскоре начался всемирный потоп, и последние догматики утонули. Таким путем они избежали только той легкой и быстрой смерти от испарений огромных листьев, которая настигла их коллег.

ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ

ОХОТНИКИ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ
ПИСЬМО С МОХАУН ЛОС
СВЕТ ИЗ НИОТКУДА
СВИТОК МАРЛОКА
ТЕНИ
ЛАБИРИНТ МААЛ ДВЕБА
ЖЕНЩИНЫ-ЦВЕТЫ

ОХОТНИКИ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Я редко могу сопротивляться искушению заглянуть в книжный магазин, особенно в такой, куда регулярно поставляют редкие и необычные экземпляры. Поэтому я зашел к Тоулмэну, чтобы проглядеть новинки. Это был один из моих кратковременных, раз в два года, приездов в Сан-Франциско, и я в то свободное утро вышел пораньше, чтобы после осмотра книг встретиться с Киприаном Синколом, скульптором. Он приходился мне троюродным или даже четвероюродным братом, и мы не виделись несколько лет.

Его студия была в двух шагах от лавки Тоулмэна, и у меня не было особых причин спешить. Киприан предложил осмотреть коллекцию последних скульптур, но, помня неизменную посредственность его предыдущих работ, банальные попытки добиться впечатления странности и ужаса, я не ожидал ничего, кроме пары часов унылой скуки.

В маленьком магазинчике не было ни одного покупателя. Зная мои склонности, хозяин и его единственный помощник после обычных слов приветствия утратили ко мне интерес, и я беспрепятственно копался на полках, заставленных всякой всячиной. Среди других, менее пленительных названий мне попалось роскошное издание «Капричос» Гойи. Начав перелистывать плотные страницы, я вскоре был поглощен дьявольским искусством этих рисунков, напоминавших порождения ночных кошмаров.

До сих пор удивляюсь, что не закричал в голос от безумного ужаса, когда, случайно подняв глаза от книги, я увидел существо, скорчившееся передо мной в углу книжной полки. Вряд ли я мог испугаться сильнее, даже если бы вдруг одно из адских творений Гойи ожило и соскочило со страниц тома.

Моим глазам предстала сгорбленная, мрачно-серая фигура, лишенная волос и даже какого-либо пуха или щетины, но украшенная узором из размытых бесцветных колец, похожих на свернувшуюся змею, которая живет в темноте. Он обладал головой и лбом человекообразной обезьяны, песьей пастью, руки заканчивались искривленными ладонями, а черные когти гиены почти достигали пола. Существо было неописуемо свирепым и омерзительным, его пергаментная кожа непередаваемо морщилась, точно у трупа или мумии, а в глубоко посаженных глазных впадинах мерцали злые полоски желтоватого, будто горящая сера, сияния. Из полуоткрытого рта, истекающего слюной, высовывались гнилые клыки, облик этого зловещего создания напоминал изготовившееся к прыжку чудовище.

Хотя я много лет писал рассказы, в которых часто речь шла о каких-то таинственных явлениях, потусторонних силах и привидениях, у меня не было четких и сколько-нибудь установившихся убеждений в отношении сверхъестественных явлений. Я никогда раньше не видел чего-либо, что мог бы считать привидением или хотя бы галлюцинацией, и вряд ли стал бы безапелляционно утверждать, что книжный магазин на оживленной улице, в ясном свете летнего дня, наиболее подходящее место для такого появления. Монстр передо мной не мог существовать среди животных видов нормального мира. Он был слишком ужасающим, слишком отталкивающим, чтобы быть кем-нибудь, кроме нереального создания.

Пока я в изумленном оцепенении смотрел поверх Гойи, полумертвый от страха, привидение двинулось ко мне. Я сказал, что оно двинулось, но его положение изменилось так мгновенно, без какого-либо усилия и видимого перемещения, что это слово безнадежно неуместно. Сначала ужасающий призрак стоял примерно в пяти или шести футах от меня. Но сейчас он склонился прямо над томом, который я все еще держал в руках, его тошнотворно светящиеся глаза

уставились мне в лицо, и серо-зеленая слюна капала изо рта на раскрытые страницы. В этот миг я ощутил невыносимое зловоние, точно смесь запаха сгнивших змей с плесенью древнего склепа и разлагающегося трупа.

В ледяном безвременье, хотя прошла всего-то, может быть, секунда или две, мое сердце, казалось, прекратило биться, когда я увидел это отвратительное рыло. Задохнувшись, я с громким шумом уронил Гойю на пол, и, как только он упал, напугавшее меня видение исчезло.

Тоулмэн, лысый гном в очках в черепаховой оправе, бросился спасать упавший том, восклицая:

— Что случилось, мистер Хастейн? Вам нехорошо?

По той дотошности, с которой он изучал переплет, отыскивая возможные повреждения, я понял, что его основное беспокойство относилось к Гойе. Было ясно, что ни он, ни его помощник не видели призрака, и ничто в их поведении не выдавало, что они уловили отвратительный запах, все еще витавший в воздухе, точно дыхание разоренной могилы. И насколько я мог судить, они даже не заметили пятно сероватой слюны на развороте открытого тома.

Я не помню, каким образом умудрился выйти из магазина. В моей душе бушевал вихрь ужасного смятения и сильного до дрожи отвращения к сверхъестественному созданию, которое я видел. Я шел, опасаясь за свое душевное здоровье и безопасность. С трудом припоминаю, как очутился на улице за магазином Тоулмэна, лихорадочно шагая к студии кузена с аккуратным пакетом, в котором был том с рисунками Гойи. Очевидно, пытаясь загладить свою неловкость, я в каком-то непроизвольном порыве был вынужден оплатить и купить книгу, не сознавая, что делаю.

Я подошел к дому, куда должен был войти, но еще несколько раз обошел весь квартал, прежде чем переступил его порог. Все это время я отчаянно пытался вернуть себе самоконтроль и душевное равновесие. Я помню, насколько трудным для меня оказалось даже просто замедлить свой ход и удержаться от бега, мне все время казалось, что я спасаюсь от какого-то невидимого преследователя. Я старался уговорить самого себя, убедить рациональную часть своего разума в том, что видение — всего лишь результат мимолетной игры света и тени или временного помутнения зрения. Но все эти ухищрения были напрас-

ны, я видел уродливый ужас чересчур отчетливо, со всеми вызывающими отвращение деталями.

Что мог означать этот случай? Я никогда не принимал наркотики и не злоупотреблял алкоголем. Мои нервы, насколько я знал, были вполне крепкими. Но либо я стал жертвой зрительной галлюцинации, что могло означать начало какого-то зловещего психического расстройства, либо видел какое-то оккультное явление, что-то из областей и измерений, находящихся за пределами человеческого восприятия. Это было проблемой или психиатра, или оккультиста.

Хотя все еще страшно расстроенный, я все же попытался восстановить хотя бы малую часть самообладания. Кроме того, мне подумалось, что прозаические бюсты и пресные скульптурные группы Киприана Синкола могут благотворно повлиять на мои расшатанные нервы. Даже весь его гротеск мог бы показаться вполне здравым и заурядным в сравнении с дьявольской горгульей, пускавшей слюни передо мной в книжной лавке.

Я вошел в здание и поднялся по стоптанным ступеням на третий этаж, где Киприан устроил свою студию в просторной анфиладе комнат. Поднимаясь по лестнице, я испытывал странное чувство, как будто кто-то только что проходил по этим ступеням, но не слышал и не видел никого, а холл наверху был столь же тих и пуст, как и лестница.

Киприан находился в своей мастерской, когда я постучал в дверь. После паузы, которая показалась мне чрезвычайно долгой, я услышал его приглашение войти. Он вытирал руки о старую ветошь, и я догадался, что он только что лепил. Кусок легкой мешковины покрывал то, что, очевидно, было претенциозной, но еще не оконченной группой фигур, занимавшей середину длинной комнаты. Все вокруг было заставлено другими скульптурами: из глины, бронзы, мрамора, и даже терракоты, которую он иногда использовал для менее важных скульптур. В одном конце комнаты стояла массивная китайская ширма.

С первого взгляда я осознал, что произошла большая перемена, как в самом Киприане, так и в его работах. Я помнил его как дружелюбного, немного вялого юношу, всегда щеголевато одетого, ничем не напоминающего мечтателя и фантазера. Трудно было бы узнать его в этом

худом, суровом, страстном человеке с гордым и проницательным видом, в котором было что-то дьявольское. Грива его нечесаных волос уже была тронута сединой, а глаза неестественно блестели огнем странного знания, и в их глубине затаилось какое-то вороватое выражение, словно его терзал неотступный болезненный страх.

Перемена в работах была не менее ошеломляющей. Их респектабельная скука и совершенная заурядность куда-то исчезли, и, как ни невероятно это звучит, они стали почти гениальными. Принимая во внимание вымученно банальный гротеск его прошлого периода, направление, которое теперь приняло его искусство, казалось невероятным. Вокруг меня были неистовые демоны, обезумевшие от страсти сатиры, вурдалаки, почуявшие запах склепа, ламии, сладострастно обвившиеся вокруг своих жертв, и еще более ужасающие существа, принадлежащие диковинным царствам зловещих мифов и страшных преданий.

Грех, ужас, богохульство, черная магия, страсти и злоба обители демонов — все было запечатлено с безукоризненным мастерством. Они были точно живые, что отнюдь не помогло мне успокоить расшатанные нервы, и я внезапно почувствовал настоятельное желание бежать прочь из студии, чтобы спастись от этой зловещей толпы застывших исчадий ада и высеченных химер.

Выражение моего лица, вероятно, в какой то степени выдало обуревавшие меня чувства.

— Довольно сильные работы, не так ли? — спросил Киприан высоким резонирующим голосом, в котором слышались неприятная горделивость и торжество.— Я вижу, ты удивлен — небось, не ожидал ничего подобного.

— Откровенно говоря, нет,— признался я.— Великий боже, парень, да ты станешь Микеланджело сатанизма, если будешь продолжать в том же духе. И откуда только ты это взял?

— Да, я зашел довольно далеко,— сказал Киприан, казалось, не расслышав моего вопроса.— Возможно, даже дальше, чем ты думаешь. Если бы ты мог знать то, что я знаю, и видеть то, что я видел, ты, возможно, сделал бы что-нибудь стоящее из твоей фантастической писанины, Филипп. Конечно, ты очень умен и воображение у тебя богатое, но зато опыта никакого.

Я был крайне удивлен и растерян.

— Опыта? Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что сказал. Ты стараешься описать потусторонние и сверхъестественные вещи, не имея о них даже элементарных сведений из первых рук. Я пытался делать то же самое в скульптуре, ничего не зная, и ты, несомненно, помнишь, какая посредственность у меня получалась. Но с тех времен я навидался таких видов, которые тебе и не снились.

— Звучит так, как будто ты заключил пресловутую сделку с дьяволом или что-то в этом роде,— легкомысленно заметил я.

Глаза Киприана слегка сузились, и в них мелькнуло странное, необъяснимое выражение.

— Что я знаю, то знаю. Неважно, как и откуда. Мир, в котором мы живем, не единственный, и некоторые другие лежат к нам гораздо ближе, чем ты можешь предположить. Границы видимого и невидимого иногда пересекаются.

Вспомнив омерзительный призрак, я почувствовал странное беспокойство при его словах. Всего лишь час назад я счел бы это утверждение простым словоблудием, но теперь оно приобрело зловещий и ужасающий смысл.

— С чего ты взял, что у меня нет опыта в таких вещах? — спросил я.

— В твоих рассказах нет ничего такого — ничего действительного или личного. Они все явно высосаны из пальца. Если бы ты хоть раз спорил с привидением, видел вурдалака за едой, боролся с инкубом или подставлял шею вампиру, ты мог бы достичь подлинного мастерства в искусстве создания образов и колорита в таких рассказах.

По причинам, которые должны быть довольно очевидными, я намеревался не рассказывать никому о том невероятном событии, которое произошло со мной у Тоулмэна. Но сейчас я вдруг стал описывать этот призрак со странным смешанным чувством жуткого, непреодолимого ужаса и желания опровергнуть критику Киприана.

Он слушал меня с ничего не выражающим взглядом, как будто его мысли были далеко от моего повествования. Затем, когда я закончил свой рассказ, он произнес:

— Да у тебя больше способностей, чем я подозревал. Может быть, твое видение похоже на одного из этих?

С этими словами он поднял дерюгу с закутанных фигур, рядом с которыми он стоял.

Я невольно вскрикнул, пораженный тем, что мне открылось, и чуть не упал, отшатнувшись.

Передо мной чудовищным полукругом стояли семь созданий, точно слепленные с того страшилища, которое предстало моим глазам за томом Гойи. Даже в тех, которые все еще были бесформенными или незаконченными, Киприан с дьявольским мастерством сумел передать своеобразную смесь изначальной жестокости и посмертного разложения, которой был отмечен призрак. Семь чудовищ окружили обнаженную сжавшуюся девушку и тянулись к ней своими омерзительными гиеньими когтями. На лице девушки был написан абсолютный, жуткий, безумный ужас, столь же невыносимый, как и голодное предвкушение нападавших на нее чудищ. Скульптура была шедевром по своей совершенной силе и технике, но шедевром, вызывающим скорее отвращение, нежели восхищение. После моих недавних переживаний она вызвала у меня чувство неописуемого волнения. Казалось, что из привычного, знакомого мира я забрел в страну невыносимой скорби, чудовищной и неестественной опасности.

Охваченный неодолимой силой притяжения этой странной скульптуры, я не мог отвести от нее взгляда. Наконец я повернулся от нее к самому Киприану. Он разглядывал меня со странным выражением, под которым я заметил тень злорадства.

— Как ты находишь моих милашек? — поинтересовался он.— Я собираюсь назвать композицию «Охотники из преисподней».

Прежде чем я успел ответить, из-за китайской ширмы неожиданно вышла женщина. Я понял, что именно с нее Киприан лепил девушку в центре неоконченной группы. Очевидно, все это время она одевалась и теперь собиралась уходить, ибо на ней был английский костюм и элегантная шляпка. Она была очень красива, смуглой романской красотой, но ее губы были печально и неприязненно сжаты, а когда она взглянула на нас с Киприаном и открытую статую, я подумал, что ее широко расставленные ясные глаза похожи на два колодца странного ужаса.

Киприан не представил меня. Они тихо говорили о чем-то минуту или две, но я не разобрал и половины того, что было сказано. Однако я сделал вывод, что они договариваются о следующем сеансе. В голосе девушки слышались умоляющие, испуганные ноты, перемешанные почти с материнской заботой, а Киприан, казалось, спорил или пытался в чем-то убедить ее. Наконец она вышла, бросив на меня странный просящий взгляд, о причинах которого я мог лишь догадываться.

— Это была Марта,— спохватился Киприан.— Она наполовину ирландка, наполовину итальянка. Хорошая модель, но, кажется, моя новая скульптура немного ее нервирует.

Он отрывисто рассмеялся, и смех его был безрадостным и неприятным, точно кашель колдуна.

— Во имя Господа, что ты пытаешься здесь сделать? — взорвался я.— Что это все значит? Неужели такая гадость действительно существует где-то на земле или в аду?

Он зло и хитро рассмеялся и мгновенно стал уклончивым.

— Все может существовать во многих измерениях бескрайней вселенной. Все может быть реальным — или нереальным. Кто знает? Не мне судить. Выясни это для себя сам, если сможешь — здесь раздолье для предположений, и даже, может быть, больше, чем для предположений.

И он немедленно сменил тему. Сбитый с толку и озадаченный, с мучительно мечущимся в поисках объяснения умом и нервами, более чем когда-либо расшатанными мрачной загадкой всего происходящего, я прекратил расспрашивать его. Мое желание покинуть студию стало почти непреодолимым и превратилось в безумную, всепоглощающую панику, побуждающую меня сломя голову выбежать из комнаты и броситься вниз по ступеням в безопасную уютную повседневность улицы двадцатого века. Мне показалось, что лучи, проникавшие сквозь стеклянную крышу, исходят не от солнца, но от какого-то темного светила; что комната затянута нечистой паутиной тени в тех местах, где тени не могло быть; и что каменные дьяволы, бронзовые ламии, терракотовые сатиры и глиняные горгульи размножились каким-то непонятным образом и вот-вот наполнятся губительной жизнью.

Едва понимая, что говорю, я еще некоторое время продолжал беседовать с Киприаном. Затем под предлогом вы-

думанной встречи со знакомым, я неуверенно пообещал заглянуть еще раз перед отъездом из Сан-Франциско и ушел.

К моему удивлению, модель кузена стояла в нижнем холле, у основания лестницы. По ее поведению и первым произнесенным словам стало очевидно, что она поджидала меня.

— Вы же мистер Филипп Хастейн, правда? — спросила она страстным, взволнованным голосом.— Я Марта Фитцджеральд. Киприан часто упоминал ваше имя, и я думаю, что он очень вас ценит.

— Возможно, вы примете меня за сумасшедшую,— продолжала она,— но мне нужно с вами поговорить. Я больше не могу вынести того, что здесь происходит, и я бы отказалась появляться в этом доме, если бы я не... не любила Киприана так сильно. Я не знаю, что произошло, но он стал совершенно другим. То, что он делает, ужасно — вы не представляете, как это пугает меня. Его скульптуры с каждым днем все кошмарней и отвратительней. Ах! Эти слюнявые, мертвенно-серые чудища в его новой группе — я едва могу находиться с ними в одной комнате. Не дело это — изображать такие вещи. Разве вам не кажется, что это ужасно, мистер Хастейн? Они выглядят так, как будто вырвались из ада, и заставляют вас верить в то, что этот ад где-то неподалеку. Даже... даже воображать такое — дурно и грешно, и жаль, что Киприан никак не может остановиться. Я боюсь, с ним что-нибудь случится с его разумом, если он станет продолжать. И я тоже сойду с ума, если мне придется все время их видеть. Боже мой! Кто угодно свихнулся бы в этой студии.

Она запнулась и, казалось, заколебалась. Потом:

— Не могли бы вы что-нибудь сделать, мистер Хастейн? Не могли бы вы поговорить с ним и объяснить, как дурно он поступает и как это опасно для его рассудка? Вы, должно быть, имеете большое влияние на Киприана — вы ведь его кузен, правда? И он считает вас очень умным. Я никогда не стала бы вас просить, если бы мне не пришлось видеть слишком много такого, чего быть не должно. Кроме того, я не стала бы вас тревожить, если бы могла обратиться еще к кому-нибудь. Весь этот год Киприан безвылазно просидел в этой ужасной мастерской и почти ни с кем не виделся. Вы первый, кого он пригласил посмотреть свои новые скульп-

туры. Он хочет, чтобы они оказались полной неожиданностью для критиков и публики на его следующей выставке. Вы ведь поговорите с Киприаном, правда, мистер Хастейн? Я никак не могу остановить его. Он, похоже, восторгается теми безумными страшилищами, которых создает. И просто смеется надо мной, когда я пытаюсь предостеречь его. Однако я думаю, что порой эти твари и ему треплют нервы, и он начинает бояться своей собственной болезненной фантазии.

Если еще что-то и было нужно, чтобы окончательно добить меня, отчаянной мольбы девушки и ее неясных мрачных намеков вполне хватило. Я отчетливо видел, что она любит Киприана, безумно беспокоится за него и панически боится — в противном случае она не бросилась бы с такой просьбой к незнакомцу.

— Но я не имею никакого влияния на Киприана,— возразил я со странным смущением.— В любом случае, что я могу сказать? Чем бы он ни занимался, это его дело, а не мое. Его скульптуры превосходны — я никогда не видел ничего более впечатляющего — в своем роде. Я не смогу привести ни одного разумного довода, и он просто выставит меня вон из мастерской. Художник имеет право выбирать сюжет для своих произведений, даже если он берет его из самых нижних кругов чистилища или царства мертвых.

Должно быть, девушка довольно долго упрашивала и убеждала меня в пустынном вестибюле. Слушая и пытаясь убедить ее в моей неспособности выполнить ее просьбу, я точно вел тщетный и скучный диалог. В течение нашей беседы она рассказала мне некоторые подробности, которые я не хочу приводить в этом повествовании; эти подробности, касающиеся психической деформации Киприана, его нового сюжета и методов работы, были слишком отвратительными и шокирующими, чтобы поверить в них. Она прямо и косвенно намекала на растущую извращенность моего кузена, но мне почему-то казалось, что еще больше она утаивала, и даже в своих наиболее устрашающих разоблачениях она не была полностью откровенна со мной. Наконец, отделавшись неопределен-

ным обещанием поговорить с Киприаном и переубедить его, я улизнул от нее и вернулся в свою гостиницу.

Весь день и последовавший за ним вечер прошли словно в навязчивой дымке дурного сна. Я чувствовал себя так, как будто с твердой земли ступил в бурлящую, угрожающую, сводящую с ума бездну тьмы и утратил всякую ориентировку. Все это было слишком омерзительно — и слишком неясно и нереально. Перемена, произошедшая с самим Киприаном, была не менее ошеломляющей и вряд ли менее ужасающей, чем отвратительный призрак из книжной лавки и демонические скульптуры, созданные с поразительным мастерством. Им словно овладела какая-то дьявольская сила или сущность.

Куда бы я ни пошел, я был бессилен отделаться от неуловимого ощущения, что меня кто-то преследует, от пугающего незримого ока, неусыпно следящего за мной. Мне казалось, что безжизненно-серое лицо и дьявольские желтые глаза могут снова возникнуть передо мной в любой момент, что песья морда с гнилыми клыками вдруг начнет истекать слюной прямо над столиком в ресторане, где я обедал, или на подушке моей кровати. Я не осмеливался открыть купленный том Гойи из страха обнаружить, что некоторые страницы все еще запятнаны слюной призрака.

Я вышел на улицу и весь вечер слонялся по кафе и театрам — везде, где толпились люди и горел яркий свет. Уже далеко за полночь я отважился бросить вызов одиночеству моей гостиничной спальни. Затем последовали изнурительные часы бессонницы, когда я, дрожащий, покрытый холодным потом, томительно ожидал неизвестно чего в ярком свете электрической лампы, которую так и не решился погасить. Наконец, почти на рассвете, не сознавая этого и даже не пройдя через обычное дремотное состояние, я провалился в глухой сон.

Я не помню никаких сновидений — лишь безграничную зловещую подавленность, преследовавшую меня даже в глубинах забытья, чтобы затянуть меня своей бесформенной неотвязной тяжестью в бездну, о которой не знают даже самые просвещенные умы и которую не может постичь ни одно живое существо.

Был уже почти полдень, когда я очнулся и обнаружил, что смотрю в отталкивающее мумифицированное обезь-

янье лицо и адски светящиеся глаза страшилища, которое так напугало меня у Тоулмэна. Существо стояло в шаге от моей кровати, и позади него на моих глазах стена, оклеенная обоями с цветочным рисунком, исчезала в бескрайнем море мглы, кишащей какими-то мерзкими фигурами, подобно чудовищным бесформенным пузырям на равнинах волнующейся грязи и сводах из вьющихся дымков. Это был совершенно другой мир, и мое душевное равновесие было поколеблено тем зловещим водоворотом, на который я смотрел. Мне казалось, что моя постель головокружительно взлетает вверх и медленно, точно в каком-то бреду, кувыркается в бездну, что мутное море и отвратительное видение плывут подо мной, и в следующее мгновение я упаду на них и меня безвозвратно увлечет в этот мир чудовищного уродства и непристойности.

На грани полной паники я боролся с головокружением и с чувством, что чья-то чуждая воля притягивает меня, что грязное чудовище манит меня гипнотическими чарами точно так же, как, по рассказам, змея гипнотизирует свою добычу. Я, казалось, мог прочесть зловещие намерения в его блестящих желтых глазах, в беззвучном подергивании липких губ, и я содрогнулся от отвращения, когда моих ноздрей коснулась его омерзительная вонь.

Очевидно, простой попытки внутреннего сопротивления оказалось достаточно. Серое море и устрашающее лицо исчезли, растаяв в свете дня. Я увидел орнамент из чайных роз на обоях там, где только что расстилалась клубящаяся бездна, и кровать подо мной опять стала успокоительно горизонтальной. Я лежал в ледяном поту пережитого ужаса, погруженный в волны кошмарных подозрений, неземных опасностей и затягивающего меня безумия, и лишь телефонный звонок случайно вернул меня в обычный мир.

Я бросился к аппарату. Это был Киприан, хотя я едва смог узнать мертвые, безнадежные интонации его голоса, из которого исчезла его былая безумная гордость и самоуверенность.

— Мне надо немедленно тебя видеть,— произнес он.— Ты можешь прийти в мастерскую?

Я чуть было не отказался и не сказал, что меня внезапно вызвали домой, поэтому совсем не осталось времени, и я опаздываю на дневной поезд — что угодно, чтобы

только избежать повторного посещения этого дьявольски зловещего места, как вдруг он заговорил снова:

— Ты просто обязан прийти, Филипп Я не могу рассказать тебе всего по телефону, но случилась страшная вещь — Марта исчезла.

Я согласился, сказав, что пойду в студию, как только оденусь. Кошмар приблизился вплотную, неизмеримо сгущаясь после его последних слов, но постоянно преследующее меня лицо девушки, ее панический страх, отчаянная мольба и мое невнятное обещание не позволили мне отказаться с чистым сердцем.

Я оделся и вышел на улицу, терзаемый самыми страшными предположениями, жуткими сомнениями и предчувствиями тем более ужасающими, что я не понимал их причин. Я пытался вообразить, что могло произойти, старался собрать в единое целое обрывки устрашающих уклончивых намеков в ясную логическую схему, но обнаружил, что не могу вырваться из хаоса призрачной угрозы

Даже если бы у меня и было время позавтракать, я не смог бы проглотить ни крошки. Я быстро дошел до студии и увидел Киприана, бесцельно стоящего в окружении своих мрачных статуй. Он выглядел как человек, ошеломленный ударом сокрушительного оружия или же взглянувший в глаза Медузы Горгоны Он безучастно поприветствовал меня пустыми невыразительными словами. Затем точно заведенный механизм, будто говорило только его тело, а не голова, он начал свое чудовищное повествование.

— Они забрали ее,— просто сказал он — Возможно, ты не знал или не был уверен в этом, но я делал все мои скульптуры с натуры — даже эту последнюю группу. Этим утром Марта позировала мне, всего лишь час назад или даже меньше Я надеялся, что сегодня закончу лепить ее, чтобы не нужно было приходить сюда, пока я не завершу остальные фигуры На этот раз я не вызывал этих бестий, потому что знал, что она все больше и больше их боится Мне кажется, что ее страх за меня был сильнее, чем за себя саму, да и меня, признаться, они немного тревожили той дерзостью, с которой иногда задерживались после того, как я приказывал им уйти, и тем, что иногда появлялись без приглашения. Я был занят завершающими штрихами в фигуре девушки и даже не смотрел на Марту,

когда внезапно осознал, что эти создания уже здесь. Мне хватило одного запаха — полагаю, ты знаешь, что это за запах. Я поднял глаза и увидел, что мастерская просто заполнена ими — они никогда прежде не появлялись в таком количестве. Они окружили Марту, стеснившись вокруг и отталкивая друг друга, протягивая к ней свои мерзкие когти. Но даже в тот момент я не думал, что они могут тронуть ее. Они не материальные существа, как мы, и у них нет физической силы за границами их собственного измерения. Все, на что они способны — это только коварный гипноз, и они все время пытаются при помощи него утащить тебя в свое измерение. Упаси Бог попасть к ним, но тебе необязательно идти за ними, разве что ты слаб или сам хочешь этого. Я никогда не сомневался в своей способности противостоять им, и даже не помышлял о том, что они могут что-то сделать с Мартой. Однако я испугался, когда увидел их адскую шайку, и поэтому довольно резко велел им убираться. Я рассердился и был немного встревожен. Но они лишь гримасничали и пускали слюни с этим их медленным шевелением губ, которое так напоминает беззвучное бормотание. А потом они сгрудились над Мартой, точно так же, как я изобразил их в этой проклятой скульптуре. Только там были десятки этих созданий, а не семеро. Я не могу описать, как это случилось, но вдруг их жуткие когти достали Марту, они схватили ее и тянули за руки и ноги. Она закричала — надеюсь, что никогда больше мне не доведется слышать другой крик, столь же полный жестокой агонии и душераздирающего страха. И я понял, что она покорилась им, сознательно или же в приступе ужаса, и они уносили ее.

На короткий миг мастерская исчезла — была лишь длинная, серая, вязкая равнина под сводами адских паров, извивающихся, как миллион омерзительно искривленных драконов. Марта тонула в этой трясине, и жуткие создания полностью закрыли ее; все новые и новые сотни раздутых бесформенных болотных тварей прибывали с каждой стороны, борясь друг с другом за место, погружаясь вместе с ней в свой родной ил. Потом все исчезло, и я остался стоять здесь, в студии, один на один с этими чертовыми скульптурами.

Он помолчал немного, глядя тоскливыми безутешными глазами в пол. Затем:

— Это было ужасно, Филипп, и я никогда себе не прощу, что связался с этими чудищами. Я, верно, был не в себе, но я всегда стремился создать что-то действительно стоящее в области гротеска и мистики. Я не думаю, что ты когда-либо предполагал, принимая во внимание мои прошлые нудные работы, что я испытывал подлинную тягу к таким вещам. Я хотел достигнуть в скульптуре того, чего По, Лавкрафт и Бодлер добились в литературе, а Ропс и Гойя — в изобразительном искусстве.

Вот что привело меня в потусторонний мир, когда я осознал свои пределы. Я понял, что, прежде чем изображать жителей невидимых миров, я должен увидеть их. Я хотел этого. Я жаждал этой силы воображения больше всего на свете. И тогда однажды я обнаружил, что обладаю даром вызывать невидимое...

Магия в обычном смысле этого слова была ни при чем — я не использовал ни заклинаний, ни магических кругов, ни пентаграмм и горящей смолы из старинных колдовских книг. В сущности, это была всего лишь сила воли, думается мне — воли предугадать дьявольское, вызвать неизмеримое зло и потусторонние силы, населяющие другие измерения или невидимо переплетенные с человеческим миром. Ты и представить себе не можешь, что я видел, Филипп. Эти мои статуи эти дьяволы, вампиры, ламии, сатиры — все было слеплено с натуры или, по меньшей мере, с недавних воспоминаний. Оригиналы, которые оккультист назвал бы изначальными, я полагаю. Есть миры, соприкасающиеся с нашим или существующие одновременно с ним, где обитают такие твари. Все создания из мифов и сказок, все охраняющие духи, вызванные колдунами, живут в таких мирах. Я стал их повелителем, я собирал с них дань как хотел. Затем из измерения, которое, несомненно, находится ниже, чем все остальные, чуть ближе к сердцу преисподней, я вызвал безымянных существ, которые позировали мне для этой скульптурной группы. Я не знаю, что они собой представляют, но у меня есть кое-какие предположения. Они отвратительны, как черви, пожирающие грешников в преисподней, злобны, как гарпии, они никогда не могут утолить свой отвратительный невообразимый и неописуемый голод. Но я думал, что они бессильны сделать что-то вне границ своего мира, и все время смеялся, когда они пытались меня зама-

нить, хотя временами испытывал дрожь от этого их змеиного мысленного зова. Это было похоже на мягкие, невидимые, зыбкие руки, пытающиеся затянуть тебя с твердого берега в бездонную трясину. Они охотники — я уверен в этом, охотники из преисподней. Один Бог ведает, что они сделают с Мартой, когда она оказалась в их власти. Этот бескрайний, отравленный миазмами мир, куда ее забрали, гораздо страшнее того, что пришло бы в голову самому Сатане. Возможно, даже там они не смогут причинить какой-то вред ее телу. Но им нужны не тела: не ради человеческой плоти они протягивают свои омерзительные когти, разевают ужасные пасти и пускают зловонную слюну. Разум и душа — вот что служит им пищей: эти создания терзают потерявших рассудок мужчин и женщин, они пожирают бесплотные души, выпавшие из круговорота перевоплощений и утратившие возможность нового рождения. Одна мысль о том, что Марта оказалась в их власти, хуже сумасшествия. Она любила меня, и я тоже любил ее, хотя у меня не хватало ума осознать это, я был охвачен своим низким стремлением и нечестивым эгоизмом. Она так боялась за меня, что я считаю: Марта добровольно отдалась в руки этих тварей. Наверное, она решила, что они оставят меня в покое, если найдут в этой студии другую добычу.

Он замолчал и начал лихорадочно расхаживать по комнате. Его запавшие глаза светились мукой, как будто механический пересказ того, что случилось, вновь воскресил его подавленный разум. Приведенный его ужасающим рассказом в полное смятение, я не мог ничего сказать и только стоял и смотрел на его искаженное мукой лицо.

Вдруг это выражение сменилось диким ошеломлением, мгновенно превратившимся в радость. Проследив за его взглядом, я увидел, что в центре комнаты стоит Марта. Она была обнажена, если не считать испанской шали, в которой позировала. В ее лице, напоминавшем лицо мраморного ангела на надгробии, не было ни кровинки, а глаза широко открыты и пусты, точно из нее высосали жизнь, все эмоции и воспоминания, и даже печать пережитого ужаса не лежала на этом смертельно бледном челе. Это было лицо живого мертвеца, бездушная маска полного идиотизма, и выражение радости померкло в глазах Киприана, когда он подбежал к девушке.

Взяв за руку, он обратился к ней с отчаянной, любящей нежностью, со словами утешения и успокоения. Она не отвечала, и ни одно движение не говорило о том, что она нас узнала или хотя бы услышала. Девушка смотрела сквозь Киприана своими бессмысленными глазами, в которых дневной свет и тьма, пустое место и лицо возлюбленного отныне и навсегда не отличались друг от друга. В этот самый момент мы оба поняли, что никогда больше она не отреагирует ни на один человеческий голос, на любовь или ужас, что девушка стала подобна пустому савану, сохраняющему внешнюю форму того, чье тело в темноте склепа сожрали гробовые черви. Она ничего не смогла бы нам рассказать о преисподней, в которой побывала, о том бескрайнем царстве тьмы, куда ее заманили призраки, агония Марты завершилась ужасным милосердием полного забвения.

Точно взглянувший в лицо Медузы Горгоны, я заледенел, встретив взор ее широко раскрытых невидящих глаз. И вдруг комната позади нее, где стояло полчище высеченных из камня дьяволов и ламий, расступилась, стены и пол, казалось, растворились в бурлящей бездне, а статуи с омерзительной неотчетливостью перемешались с кровожадными лицами и искаженными голодом живыми фигурами. Они, точно дьявольский смерч из Малебольги, потянулись к нам из своего чистилища в дальнем измерении.

Силуэт Марты, стоявшей в объятиях Киприана, четко вырисовывался на фоне этого кипящего котла губительной бури, точно образ леденящей смерти и тишины. Спустя несколько секунд страшное видение поблекло, оставив лишь дьявольскую скульптуру.

Я думаю, что один видел страшное нашествие и исход, потому что Киприан не замечал ничего, кроме помертвевшего лица Марты. Он прижимал ее к себе, повторяя безнадежные слова нежности и утешения, потом внезапно выпустил ее из своих объятий и зарыдал в отчаянии. Девушка безучастно смотрела, как он схватил со стола с инструментами тяжелый молоток и начал чудовищными ударами крушить только что вылепленную группу страшилищ. Вскоре не осталось ничего, кроме фигуры обезумевшей от страха девушки, скорчившейся над кучей жалких обломков и бесформенной, не высохшей до конца глины.

ПИСЬМО С МОХАУН ЛОС

Читатель, без сомнения, помнит исчезновение в 1940 году чудаковатого миллионера Домициана Мальграфа и его слуги-китайца Ли Вонга, обеспечившее газеты цветистыми заголовками и давшее повод для различных слухов и домыслов.

По этому случаю было исписано огромное количество бумаги, но, если отбросить все репортерские выдумки, нельзя сказать, что получилась связная история. Не нашлось ни правдоподобных мотивов, ни объясняющих суть дела обстоятельств, никаких следов или зацепок. Двое мужчин бесследно исчезли, словно покинули земное пространство, испарились, подобно тем странным химикалиям, с которыми Мальграф экспериментировал в своей частной лаборатории. Никто не знал, для чего предназначались эти вещества и что случилось с Мальграфом и Ли Вонгом.

Вероятно, немногие обратили внимание, что теперь, после публикации рукописи, полученной Сильвией Талбот год назад, осенью 1941 года, разгадка вполне возможна.

Мисс Талбот некогда была обручена с Мальграфом, но разорвала помолвку за три года до его исчезновения. Она любила его, но мечтательный характер и непрактичные склонности Домициана воздвигли между ними определенный барьер. Юноша, казалось, легко перенес разрыв и углубился в научные изыскания, природу и объект которых он не поверял никому. Но ни тогда, ни позже Маль-

граф не выказывал ни малейшей склонности приумножить богатство, унаследованное от отца.

Куда он исчез, мисс Талбот знала не больше остальных. После разрыва помолвки она продолжала иногда получать письма, но он писал все реже и реже, погруженный в непонятные опыты. Исчезновение Домициана ее потрясло.

Его адвокаты и родственники организовали поиски по всему миру, но безрезультатно. Затем, в конце лета 1941 года, в море Банда, между островами Целебес и Пряностей, голландским ловцом жемчуга был обнаружен странный сосуд с вышеупомянутой рукописью.

Сосуд представлял собой сферу из какой-то неизвестной прозрачной субстанции. Он был восемнадцати дюймов в диаметре, внутри находился механизм из миниатюрной динамо-машины и индуктивных катушек все из того же прозрачного материала, а также аппарат, напоминающий песочные часы, наполовину заполненный серым порошком. Внешнюю поверхность сосуда усеивали крошечные кнопки. В центре, в маленьком отделении цилиндрической формы, был помещен толстый свиток желто-зеленой бумаги, на котором даже слои сферы можно было ясно различить имя и адрес мисс Сильвии Талбот, написанные кистью или ручкой с очень толстым пером фиолетовой краской необычного оттенка.

Два месяца спустя этот предмет был доставлен мисс Талбот, которая, увидев почерк Домициана Мальграфа, пришла в необычайное волнение.

После тщетных попыток и манипуляций с многочисленными кнопками, сосуд все-таки удалось открыть. Он распался на два полушария. Мисс Талбот обнаружила, что свиток содержит объемное послание от Мальграфа, написанное на листах бумаги длиной в ярд. Это письмо, за исключением мест, носивших интимный характер, теперь предлагается вниманию публики. Так пожелал автор.

Невероятную историю Мальграфа, конечно, легко объяснить обыкновенной мистификацией. Но розыгрыши, по мнению тех, кто хорошо знал пропавшего миллионера, были не в его характере. Правда, он любил пошутить, причем, в свойственном ему эксцентрическом духе. Теперь снова предпринимаются поиски; предполагается, что

он поселился где-нибудь на Востоке, и все острова в окрестностях моря Банда будут тщательно прочесаны.

Однако косвенные детали довольно загадочны и вызывают недоумение. Материал, из которого сделан шар, и заключенный в нем механизм совершенно неизвестны ученым, они все еще не поддаются какому-либо объяснению. К тому же анализы не позволяют установить природу как материала, на котором было написано послание, так и краски. Бумага по своему химическому составу схожа и с пергаментом, и с папирусом, а краска не имеет земных аналогов.

I. ПИСЬМО

Дорогая Сильвия,

вы всегда считали меня безнадежным мечтателем, и я в последнюю очередь желал бы изменить ваше мнение. Могу добавить, что я один из тех мечтателей, которые не довольствуются одними фантазиями. Такие люди, как правило, неудачливы и несчастны, так как очень немногим удается претворить в жизнь свои мечты или хотя бы приблизиться к их осуществлению.

В моем случае предпринятые попытки реализовать собственные мечты привели к своеобразному результату: я пишу это письмо из мира, который находится бесконечно далеко в двухмерном лабиринте времени и пространства; он удален на много миллионов лет от того мира, где живете вы и родился я.

Как вы знаете, я никогда не придавал значения материальным, земным вещам. Меня всегда утомляло мое время, я страдал чем-то вроде ностальгии по другим эпохам и местам. Мне всегда казалось странной и капризной случайностью, что я нахожусь *здесь*, а не *где-нибудь еще*, в неопределенных, бесконечных пластах бытия. И меня давно интересовало, возможно ли приобрести контроль над законами, определяющими наше положение во времени и пространстве, и перемещаться по своему желанию из мира в мир или из эпохи в эпоху.

После того, как вы разорвали нашу помолвку, мои размышления в этом направлении начали приобретать

практическое оформление. Вы говорили, что мои мечты неосуществимы и бесполезны. Может быть, помимо всего прочего, я хотел доказать, что они не так уж невозможны Их полезность или бесполезность не волновала меня, к тому же оценить их пользу никто не мог.

Не буду утомлять вас подробным описанием моих опытов и исследований. Я хотел изобрести машину, с помощью которой мог бы путешествовать во времени, проникать в прошлое или будущее. Я начал с предположения, что движение во времени может быть проконтролировано, ускорено или замедлено под воздействием некоей особой силы. С помощью такого регулирования можно было бы перемещаться вперед или назад в вечности.

Скажу только, что мне удалось выделить теоретическую время-силу, хотя я и не сумел постичь ее истинную природу и сущность. Это всепроницающая энергия, волны которой короче, чем космические лучи. Затем я изобрел сплав, прозрачный и очень прочный, прекрасно подходивший для того, чтобы направлять и концентрировать эту силу.

Из этого сплава я построил свою машину, снабдив ее несколькими динамо, в которых мог развивать почти неограниченную мощность. Полное изменение этой силы, вызывающее обратное движение во времени, получалось путем пропускания тока через разреженные летучие вещества, заключенные в специальном устройстве, напоминающем большие песочные часы.

После многих месяцев напряженного труда, машина времени была собрана в моей чикагской лаборатории. Внешняя ее форма более или менее напоминала сферу со сглаженными углами, круглую, как китайский апельсин В ее конструкции предусматривался генератор кислорода, люк герметично закрывался. Кроме того, там имелась просторная комната на трех человек, мощные динамомашины, множество хронометрических приборов и пульт управления. Все эти части, сделанные из того же материала, были прозрачны, как стекло.

И хотя меня никогда не увлекало конструирование механизмов, обозревая свое творение, я испытывал что-то вроде гордости. Какая-то восхитительная ирония присутствовала в мысли о том, что, используя этот сверхмеха-

низм, я смогу спастись из эпохи машин, в которой мне привелось родиться.

Исследование будущего — вот что стало моим первым намерением. Я рассчитывал узнать, переместившись достаточно далеко вперед, смогли ли люди отказаться от своих громоздких и сложных машин или же механизмы их уничтожили, а место людей заняли другие, более разумные создания, появившиеся в ходе вселенской эволюции.

В любом случае, если бы будущее человечества показалось мне не слишком привлекательным, я смог бы повернуть силу времени вспять и отправиться в прошлое. Там, если история и легенды не лгут, условия жизни более подходили моим вкусам. Однако ненасытное любопытство влекло меня в неизвестные эпохи будущего.

Все исследования проводились в частном порядке, мне помогал только Ли Вонг, мой повар, камердинер и эконом. Сперва я не раскрывал назначение машины времени даже Ли Вонгу, хотя знал, что он самый осторожный и разумный из живущих на земле людей. Если бы кто-нибудь узнал о моих замыслах, меня бы подняли на смех. А еще имелись кузены и другая родня, только и ждущие случая, чтобы прибрать к рукам унаследованное мной богатство... и страна, полная адвокатов, психиатров и сумасшедших домов. Меня всегда считали чудаком, и я не хотел дать обожаемым родственничкам повод, который сочли бы вполне достаточным, чтобы признать человека невменяемым.

Я намеревался совершить мое путешествие во времени в одиночку, но, когда закончил строить машину и все подготовил, стало ясно, что не смогу отправиться без верного слуги, Ли Вонга. Маленький китаец был очень полезен в быту и отличался верностью, кроме того, мог бы составить мне хорошую компанию. По его словам, он был кем-то вроде ученого и принадлежал к знати. Хотя Ли Вонг неважно говорил по-английски, а мои познания в китайском находились в зачаточном состоянии, мы часто обсуждали поэзию и философию его страны, а также вели беседы на менее возвышенные темы.

Ли Вонг воспринял известие о предстоящем путешествии с такой невозмутимостью и спокойствием, как будто я предложил ему поездку в соседний штат.

— Я собираться,— сказал он.— Кладу ваша рубашки?

Наши приготовления вскоре завершились. Кроме перемены белья, предложенной Ли Вонгом, мы взяли с собой провизии на десять дней, аптечку и бутылку бренди, все это китаец уложил в ящики, которые я специально сконструировал для этой цели. Не зная, что нам встретится по пути и что может случиться, нужно было подготовиться к любым неожиданностям.

Наконец все было готово. Вместе с Ли Вонгом мы вошли в машину времени, я герметично закрыл люк и сел перед пультом управления. Я чувствовал себя Колумбом или Магелланом, открывающим новые континенты, ведь по сравнению с моим путешествием все предыдущие человеческие открытия окажутся просто ничтожными.

В этот торжественный момент, несмотря на уверенность в том, что все вычисления производились с максимальной точностью, я осознавал неопределенность и опасность моего предприятия. Еще никто до меня не путешествовал во времени. Ведь мы можем не пережить ускорения, когда пятилетия, десятилетия и века будут мелькать, как секунды.

Я объяснил это Ли Вонгу.

— Может, будет лучше, если ты останешься,— предложил я ему.

Он энергично помотал головой.

— Вы ехать, я ехать,— сказал он с безмятежной улыбкой.

Запомнив день, час и минуту нашего отправления, я повернул рычаг и запустил ускоритель.

Я едва ли мог предвидеть свои физические и психические реакции, а также чувства. Среди прочих неожиданностей, я предполагал, что могу частично или полностью потерять сознание, поэтому пристегнулся к креслу, чтобы не упасть.

Однако реальный эффект был очень странным и непредвиденным. Первое, что я испытал, было ощущение необыкновенной легкости во всем теле, какой-то бестелесности. В то же время машина, казалось, увеличилась в объеме, ее стены, механизмы и другие части потускнели, расплылись и как бы повторялись в бесконечном мелькании образов. Я сам, как и Ли Вонг, также размножился и видел себя в виде мелькающей тени, из которой проецировалась серия теней. Я пытался заговорить, и слова возвращались ко мне, словно эхо.

На короткое время сфера, казалось, зависла в море света. Затем необъяснимым образом окружившее ее сияние начало меркнуть. Чернота, появившись неизвестно откуда, сомкнулась вокруг, но контуры механизмов и предметов внутри машины все еще можно было различить, так как они были окутаны слабым светом, похожим на флюоресцентный.

Меня поразили эти следующие друг за другом явления и, в особенности, темнота снаружи, которой я не мог найти объяснения. Теоретически, дни и ночи, сквозь которые мы проходили с такой невероятной быстротой, должны были сливаться и давать серый свет.

Века, эпохи, *кильпы* времени проходили мимо нас в этой странной ночи. Затем, так же загадочно, как и темнота, внезапно появился ослепительный луч света. Более сильный, чем любой, какой я когда-либо наблюдал, он пронизал сферу и тут же погас, словно вспышка. Через некоторое время последовали еще две вспышки, одна за другой, а затем снова наступила тьма.

Я протянул руку, которая стала сотнями рук, и как-то ухитрился включить лампу, висевшую над пультом управления и хронометрическими приборами. Один из них показывал мое движение вперед во времени. Было трудно различить приборы среди призрачных теней, но после многих попыток я выяснил, что ушел в будущее не менее чем на двадцать тысяч лет!

Несомненно, этого вполне хватало, по крайней мере, на начальной стадии моего полета. Я нажал на рычаг и выключил ускоритель.

Тут же ко мне вернулось ощущение трехмерного пространства и нормального времени. Но чувство легкости и бестелесности не исчезло. Мне казалось, что я взлетел бы в воздух, словно пушинка, если бы не металлические зажимы, которыми прикрепил себя к креслу.

До меня донесся голос Ли Вонга, о существовании которого я почти забыл, но почему-то сверху! Удивленный, я поднял голову. Китаец парил, нелепо размахивая широкими рукавами, и тщетно пытался перевернуться в воздухе и встать на пол!

— Я летать, как чайка,— засмеялся он, находя, видно, свое положение скорее забавным, чем опасным.

Что же случилось? Разве в мире будущего нет силы тяжести? Я принялся вглядываться сквозь прозрачные стены, пытаясь определить географическое положение территории, на которой мы оказались.

Должно быть, стояла ночь. Мне так показалось, потому что вокруг царил мрак, нарушаемый лишь блеском миллионов холодных звезд. Но почему звезды светили со всех сторон? Ведь даже если мы оказались на вершине горы, нас должны окружать смутные очертания далекого горизонта.

Но нигде не было видно ничего похожего — только рой огней неизвестных созвездий. С растущим удивлением я посмотрел на кристально-прозрачный пол. Подо мной, словно в ужасной бездне, горели ледяные огоньки неизвестных галактик! Я понял, пораженный до глубины души, что мы оказались в открытом космосе.

Первой мыслью, пришедшей мне в голову, было предположение, что солнечная система исчезла. Что с ней через двадцать тысяч лет произошел какой-то космический катаклизм. А мы с Ли Вонгом, двигаясь с невероятной скоростью в абстрактном временном измерении, каким-то образом смогли его избежать.

II. ПРИЧУДЛИВЫЙ МИР

Затем, как удар грома, пришло понимание истинного положения вещей. *Сфера двигалась только во времени*; а земля и солнце перемещались в пространстве прочь от нас, так же как все звездные и планетные тела. Мне даже в голову не приходило такое непредвиденное обстоятельство, когда я делал подсчеты, поскольку я считал, что законы гравитации будут держать нас в том же самом положении по отношению к Земле, из которого мы стартовали. Но, очевидно, эти законы не действовали в таком измерении, как время. Мы все еще оставались на месте относительно обычного пространства и в то же время отделились от земли примерно на двадцать тысяч лет космического дрейфа! Задуманное как машина времени, мое изобретение стало маленьким волшебным транспортным средством для межпланетного полета.

Сказать, что я был ошарашен, значит — подтвердить неадекватность человеческих слов. Меня охватила волна ужасной и отвратительной паники, какой я раньше никогда не испытывал. Чувства исследователя, потерявшегося без компаса среди бескрайних льдов арктической пустыни, не шли ни в какое сравнение с охватившими меня ужасом и отчаянием. Я раньше и предположить не мог, какой безмерный страх можно испытывать перед межзвездной глубиной и пространством, бездной, не имеющей ни границ, ни направления. Мне казалось, что я кружусь, как пылинка на ветру безмерного хаоса, в головокружительном смятении как духа, так и тела.

Я потянулся к рычагу, обращающему вспять энергию времени, и послал сферу назад, к точке старта. И тут же, несмотря на охватившие меня панику, страх и смущение, я почувствовал, что не хочу возвращаться. Даже в холодной межзвездной бездне меня не привлекала мысль о неинтересном для меня и заурядном мире, который я покинул.

Я вновь стал обретать что-то вроде уверенности и равновесия духа и вспомнил об ярких вспышках, которые сбили меня с толку. Они, как я теперь понял, обозначали столкновение с другим солнцем и планетами, орбиты которых совпадали с орбитами той солнечной системы, в которую входит Земля. Если я двигался в абстрактном времени, другие планеты, без сомнения, заняли то же самое положение в вечном движении вселенной. И если замедлить движение сферы во времени, вполне можно было бы приземлиться на одной из них.

Для вас, я уверен, абсолютная глупость и сумасшествие такого намерения были бы более чем очевидны. И в самом деле, я, должно быть, немного свихнулся от физического и психического напряжения, вызванного беспримерным экспериментом. Иначе трудности приземления, которое я так холодно намеревался осуществить, забыв об опасности, были бы мне совершенно ясны.

Я продолжил полет во времени, уменьшив скорость наполовину. Это, как я подсчитал, даст мне возможность вовремя увидеть следующее приближение орбиты, чтобы подготовиться к приземлению.

Темнота вокруг нас не нарушалась ни малейшим разрывом в потоке множества веков. Мне казалось, что сама

вечность проходит мимо в беспросветной темноте. Но вот появился яркий блеск — предвестник приближающегося солнца. Оно проследовало мимо нас очень близко, закрыв в этот момент половину пространства. Очевидно, вокруг него не было планет — или, по крайней мере, ни одной в поле видимости.

Мы по-прежнему двигались во времени; пока я не перестал смотреть на циферблат со слившимися в один круг цифрами. Я старался не думать о нереальном и призрачном времени, зная, что мы летим в сфере более миллиона лет.

Неожиданно еще одна солнечная орбита появилась перед нами. Мы должны были проследовать сквозь нее. Когда сферу окружило раскаленное белое пламя, казалось, оно уничтожит нас своим нестерпимым сиянием. Затем мы оказались вне орбиты, снова в черном космосе, и неожиданно какое-то значительно меньшее по величине сверкающее тело полетело прямо на нас.

Я понял, что это планета, и замедлил сферу до скорости, позволяющей изучить это тело, кружившееся так быстро, что невозможно было что-либо рассмотреть в калейдоскопе многочисленных маячивших перед нами видов. Мне казалось, что я вижу моря и континенты, острова и горы. Планета приблизилась и закружилась перед нами круговоротом очертаний, напоминающих растительность.

Моя рука застыла на рычаге, поворот которого должен был закончить наш полет. Мы головокружительно парили в зеленом водовороте, и я остановил машину, без сомнения, рискуя разбиться. Послышался страшный треск, и сфера безумно завертелась. Затем она, кажется, выправилась и окончательно остановилась, но с креном на один бок, так что я почти вывалился со своего места, а Ли Вонг растянулся на полу. Но, тем не менее, мы приземлились.

Все еще испытывая головокружение, я вылез из сиденья и, стараясь сохранять равновесие, приник к прозрачной стене. Передо мной открылось таинственное и буйное сплетение поразительных растительных видов. Машина времени застряла между непомерно высокими темно-коричневыми стволами каких-то растений и висела на расстоянии четырех или пяти футов над красноватой топкой почвой, из которой торчали похожие на рога коричнево-пурпурные верхушки неизвестной поросли.

У нас над головой висели огромные бледные листья с фиолетовыми жилками, в которых я заметил что-то вроде медленной пульсации. Листья выходили из вершин луковичной формы наподобие круга плоских рук, тянущихся из безголового туловища.

Там были и другие растения, теснящиеся и нелепо колеблющиеся в зеленом парном воздухе, таком плотном, что раскинувшийся перед нами пейзаж можно было бы сравнить с неким подводным садом. Со всех сторон нас окружали пальмы со стволами, похожими на питонов, отовсюду свисали бледно-коралловые листья и белые или ярко-красные цветы размером с маленький бочонок. Плотную атмосферу рассекали оливково-золотистые лучи скрытого за переплетенными вершинами солнца.

Первым моим чувством было изумление. Затем, постепенно присмотревшись к мешанине внеземных видов окружавшей нас растительности, я испытал смертельный ужас и самое настоящее отвращение.

Мое внимание привлекли огромные шарообразные цветы, которые росли на сильных, покрытых жесткой щетиной трехногих стеблях, окрашенных в отвратительно зеленый и пурпурный цвет гниющей плоти. В этих шарах теснилось множество насекомых — или, вернее, что-то такое, что я принял за насекомых,— они свисали над краем шаров в какой-то настороженной неподвижности, опустив к земле свои странные то ли щупальца, то ли другие органы или члены.

Казалось, эти чудовища дразнят цветы окрашенного в трупный цвет растения. Они вызывали невыразимое отвращение, и я даже не берусь описать с какой-либо степенью точности их анатомию. Упомяну лишь три, как у улитки, рога, на концах которых поблескивали рубиново-красные глаза, обозревающие окружающий лес с мрачной настороженностью.

Возле основания каждого из трехногих стеблей я заметил валяющиеся остовы огромных животных в различной стадии разложения. Из разлагающейся падали тянулись вверх новые растения точно такого же вида, с не успевшими еще развернуться темными отвратительными ростками.

Пока я рассматривал эти растения и их стражей, какое-то шестиногое животное, напоминающее то ли боро-

давочника, то ли игуану, вынырнуло из глубины джунглей в дюжине футов от сферы. Оно подбежало к одному из шарообразных цветов и потянулось носом к волосатому трехногому стеблю. И тут, к моему ужасу, свернутая в шаре спираль молниеносно выбросилась вперед и вонзилась в спину беспомощного животного ножевидным жалом. Жертва слабо боролась и скоро свалилась, в то время как противник продолжал вонзать ей в спину какой-то орган, похожий на яйцеклад у наездника.

Все это выглядело в высшей степени отталкивающе. И еще более отвратительным было мое открытие, что создания, похожие на насекомых, в действительности оказались частью цветка, с которого свисали. Они подвешивались с помощью длинных мертвенно-бледных канатов, вроде пуповины, выходящих из центра цветка. И после того как отвратительное создание покончило со своей жертвой, отросток начал сокращаться, поднимая цветок назад, в засаду. Растение свернулось, как и прежде, приготовившись к охоте, и принялось высматривать свежую добычу своими рубиновыми глазками. Совершенно очевидно, эта тварь принадлежала к полуживотному виду и откладывала свои семена (или яйца) в тела убитых животных.

Я повернулся к Ли Вонгу, который наблюдал эту сцену с явным неодобрением.

— Мне не нравится это,— он покачал головой.

— Не могу сказать, что испытываю восторг,— ответил я.— Если рассматривать эту планету как место для приземления, она оставляет желать лучшего. Думаю, нам надо пролететь еще пару миллионов или триллионов лет и попытать удачу где-нибудь в другом месте.

Я снова стал вглядываться, стараясь узнать, обладали ли другие виды растений каким-нибудь неприятным и агрессивным характером подобно шарообразным цветам. Я не успел в этом убедиться, когда заметил, что несколько пальм со змеевидными стволами наклонились к сфере, а одна из них уже достигла ее и поползла по стене своими крошечными усиками с круглыми присосками на концах.

В этот момент среди поднимающихся испарений и массы растений появилось поразительное существо и бросилось к машине времени, явно спасаясь от одного из свесившихся на пуповидных отростках чудовищ. Выбро-

шенный с высокого цветка, тот приблизился к своей ускользающей добыче на расстояние один или два дюйма и угрожающе завис в густом воздухе, раскачиваясь, как маятник, прежде чем вонзить свое длинное жало. Существо имело рост среднего человека. Передвигалось оно на двух ногах, но имело четыре руки, две из которых выходили по бокам его длинной, как столб, шеи, а две другие из тонкой осиной талии. Черты его лица были нежны, как у эльфа, и высокий резной гребень цвета слоновой кости поднимался над лишенной волос макушкой.

Нос его, или то, что можно было принять за таковой, украшали подвижные усики, которые свисали по сторонам маленького складчатого рта, а круглые оттопыренные уши представляли собой трепещущие, прозрачные перепонки, тонкие, как листы пергамента, на которых имелись странные иероглифические знаки. Маленькие, словно блестящие сапфиры, глаза укрывались под черными полукружьями, которые резко выделялись на жемчужно-бледной коже. Короткая накидка из какой-то ярко-красной шелковистой ткани, прикрывала его тело; сверх этого на нем не было ничего, что можно было бы назвать одеждой.

Уклонившись от нескольких растений-чудовищ, он приблизился к машине времени. Очевидно, он заметил нас; и мне показалось, что его сапфировые глаза молили о помощи.

Я нажал на кнопку, с помощью которой поднимался люк, и открыл вход в сферу. Как только люк распахнулся, на нас с Ли Вонгом хлынул настоящая лавина незнакомых запахов, большинство из которых не отличались благовонием. Сферу заполнила волна воздуха, насыщенного кислородом и парами каких-то неизвестных химических элементов.

Длинным летящим прыжком странное создание взвилось в воздух и достигло прозрачной стены сферы. Я схватил гибкую трехпалую ладонь нижней руки и потянул его внутрь. И сразу же захлопнул вход, оборвав опасное, похожее на сталь, жало одного из выброшенных с цветка чудовищ, бросившееся за своей жертвой. На прозрачной стене сферы остался подтек янтарно-желтого яда.

— Добро пожаловать,— приветствовал я незнакомца.

Наш гость тяжело дышал, волоски на его лице подрагивали от дрожи его прозрачных ноздрей. Очевидно, ему

не хватало дыхания, чтобы ответить, но он несколько раз кивнул своей украшенной гребнем головой и выразительным движением тонких пальцев показал, что признателен и благодарен.

Восстановив дыхание и придя немного в себя, он начал говорить очень высоким голосом с резкими модуляциями и медленно возрастающими интонациями, сравнимыми разве что с пением какой-нибудь тропической птицы. Конечно, мы с Ли Вонгом могли только догадываться о смысле слов, если можно так назвать произносимые с интервалами звуки, которые совершенно не были похожи ни на один человеческий язык или диалект.

Мы, тем не менее, поняли, что он благодарит нас, а также объясняет, от какой опасности мы его спасли. Он, казалось, предлагал нам длинный рассказ, сопровождая его многочисленными драматическими жестами, странными, но красноречивыми. По некоторым из них мы поняли, что он попал в опасные джунгли не по собственной воле — его доставили туда враги, которые надеялись, что он никогда не выберется из чудовищного леса.

Знаками он показал нам, что джунгли очень обширны и наполнены растениями, еще более опасными, чем шарообразные цветы.

Спустя некоторое время, уже после того, как нам стал понятен язык этого привлекательного существа, мы убедились, что почти не ошиблись, но его история в целом оказалась еще более странной и фантастической, чем мы воображали.

Слушая нашего гостя и наблюдая за быстрыми волнообразными движениями его четырех рук, я вдруг заметил упавшую на нас тень, закрывшую зеленый, как под водой, свет туманных небес. Посмотрев вверх, я заметил маленькое воздушное судно, имеющее форму диска, с крутящимися колесами и остроконечными крыльями, вертевшимися, как лопасти ветряной мельницы. Оно спускалось к нам и зависло как раз над машиной времени.

Наш гость также его увидел и резко прервал свой рассказ. Я заметил, что он очень взволнован и встревожен. Я предположил, что воздушное судно принадлежит, возможно, его врагам, тем самым существам, которые оставили его на жестокую гибель в этих ужасных местах.

Скорее всего, они вернулись, чтобы узнать о его судьбе, или, возможно, их внимание привлекла наша сфера.

Чужое судно висело у самых верхушек огромных растений, между стволов которых застряла сфера. Несмотря на кручение колес и крыльев, я смог разглядеть лица нескольких существ, похожих на нашего гостя и явно принадлежащих к тому же самому расовому типу. Один из них держал орудие со множеством отверстий, отдаленно напоминающее пулемет Гэтлинга или митральезу, и целился в машину времени.

Наш пассажир издал пронзительный крик и схватил мою руку двумя нижними руками, а верхними показывал наверх. Мне не требовалось переводчика и не понадобилось много времени, чтобы понять, что от чужого судна и его пассажиров исходит ужасная опасность. Я мгновенно бросился к пульту управления и повернул рычаг, чтобы послать нас вперед во времени с предельной скоростью, на которую была способна машина.

III. ПОЛЕТ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Как только я нажал на рычаг, из чужого корабля вырвалась вспышка холодного фиолетового света, который, казалось, окутал машину времени. А потом все в мире, откуда мы бежали, распалось на летучий рой бесформенных образов, и вскоре вокруг нас снова сомкнулась черная тьма межзвездного пространства. И вновь корабль наполнился фантомами, к которым прибавились отображения нашего странного гостя. И снова приборы, рычаги и двигатели размножились в мутном фосфоресцирующем свете.

Позже я узнал, что наш полет в будущее спас нас от аннигиляции. Сила, выпущенная оружием со множеством дул, которым нам угрожали обитатели воздушного судна, превратила бы сферу в пыль, если бы мы задержались еще на долю секунды.

Каким-то образом я ухитрился снова пристегнуться к сиденью и сидел, наблюдая за странно размножившимися цифрами, которые регистрировали наше продвижение во времени. Пятьдесят тысяч лет... сто тысяч... миллион... а мы все еще плыли в одиночестве в ужасной пропасти вечной

космической ночи. Если даже солнца или планеты проходили мимо нас в это время, они находились так далеко, что мы не могли их разглядеть.

Ли Вонг и новый пассажир вцепились в ручки ящиков для хранения провизии, чтобы не болтаться в воздухе. Я слышал звук их голосов, каждый тон и слог которых разделялся на миллион отголосков эха.

Меня одолела странная слабость и похожее на сон чувство нереальности, иррациональности всего происходящего, вытеснившее все другие впечатления и мысли. Мне казалось, что все это выше моего понимания и восприятия, что я перешел саму границу мироздания. Черный хаос, в котором я блуждал, был бесконечен во всех направлениях, был вне самой жизни и даже вне памяти о жизни, и мое сознание, казалось, барахталось и тонуло в темной бездне безмерной пустоты.

Мы продолжали лететь сквозь время, удаляясь от Земли и других планет, чьи цивилизации развивались, рушились, забывались, а исторические эпохи и геологические эры пролетали мимо нас. Луны, миры и даже огромные солнца исчезали невесть куда. Даже созвездия поменяли свое положение в бесконечности, сойдя со своих вековечных орбит. Это не укладывалось в голове, и мой мозг был подавлен попыткой представить и понять весь ужас происходящего.

Самым удивительным было то, что мир, который я знал, оказался затерянным не только в звездном пространстве, но и во мраке глубокой древности!

Гораздо сильнее, чем заблудившийся в незнакомом океане моряк, я желал снова почувствовать под ногами твердую почву — не важно где. Один раз мы уже приземлились в головокружительном лабиринте времени и пространства; и где-то, когда-то, среди эпох, сквозь которые мы проходили, другое космическое тело, возможно, предлагало себя, пересекая в своем пространственном пути наше положение в абстрактном времени.

Снова, как перед нашим первым приземлением, я замедлил скорость до уровня, позволяющего увидеть какое-нибудь солнце или мир, которые могли бы оказаться у нас на пути.

Мы долго и тоскливо ждали, и казалось, что вся вселенная, ее звездные системы и галактики прошли мимо нас,

и мы остались одни в пустоте, находившейся вне живой материи. Затем я заметил постепенно усиливающийся свет и, продвинувшись вперед во времени, увидел, что рядом с нами находится планета, а за ней два огромных огненных тела, которые я принял за бинарную солнечную систему.

Нам подвернулся подходящий случай, и я решил им воспользоваться. Новая планета кружилась то под нами, то над нами, а мы все еще двигались во времени со скоростью, когда дни измеряются минутами. Еще миг, и она поднялась из мрака, словно быстро растущий фантастический мыльный пузырь, окруженный роем полуузнаваемых образов. Там высились гигантские горные вершины, меж которых, казалось, мы пролетали, расстилались моря или пустыни, над которыми мы парили посреди облаков. На один миг мы оказались среди зданий или чего-то на них похожего. Затем нас швырнуло к широкому открытому пространству. Я увидел беспорядочное мелькание множества огней и круговорота непонятных очертаний и, потянув за рычаг, резко остановил сферу.

Как я уже упоминал, остановка в ускоренном времени над двигающейся планетой представляла большую опасность. Запросто могло произойти столкновение, которое разрушило бы машину, или мы могли бы оказаться под толстым слоем почвы или горой камней. Последствия могли быть самые непредсказуемые, и только чудом мы избежали несчастья.

Как бы то ни было, мы зависли в воздухе примерно в пятнадцати или двадцати футах над землей. Естественно, нас тут же потянула к земле гравитация нового мира. В тот самый момент, как мои ощущения прояснились, мы упали с оглушительным грохотом; сфера отскочила от земли, перевернулась, а затем остановилась, завалившись на бок. От удара я вылетел из кресла, а Ли Вонга и нашего пассажира отбросило от ящиков, и они свалились на пол рядом со мной. Мы с незнакомцем, несмотря на ушибы, все же не потеряли сознания, но Ли Вонга оглушило ударом. У меня кружилась голова, но я попытался встать, балансируя руками, и каким-то образом мне это удалось. В первую очередь меня беспокоил Ли Вонг, который неподвижно лежал рядом с опрокинутыми динамо-машинами. Быстро осмотрев его, я убедился, что он цел и невре-

дим. Следующей была мысль о машине времени. На ее плотном металле я не заметил явных повреждений. Затем, естественно, мое внимание привлек мир, в который мы так стремительно обрушились.

Мы попали в самый центр того, что показалось мне полем битвы! Вокруг нас теснилось огромное скопление похожих на колесницы повозок с большими колесами и кузовами, в которые были запряжены гигантские чудовища, напоминавшие геральдических драконов. Управлялись колесницы существами, не похожими ни на одно из созданий Земли, ростом чуть больше пигмеев.

Огромное поле заполняли толпы пеших воинов, вооруженных удивительным оружием, какое никогда не использовалось в истории человечества: копьями, заканчивающимися кривыми зазубренными клинками, мечами, у которых рукоятки располагались посередине, и шипастыми шарами, прикрепленными к длинным кожаным ремням, которые солдаты метали во врагов, а затем подтаскивали за ремни к себе. К тому же на каждой колеснице стояла катапульта, посылающая в противника такие же шары.

Создания, использующие это оружие, прервали яростную битву и смотрели во все глаза на машину времени. Многие, видимо, погибли, раздавленные тяжелым шаром, когда мы упали прямо на них. Другие отступили назад и с недоумением взирали на нас.

Пока я наблюдал эту странную сцену с изумлением, которое позволило мне рассмотреть лишь часть ее запутанных подробностей, прерванная битва возобновилась. Запряженные драконами колесницы сновали взад и вперед, воздух гудел от летящих снарядов, попадавших иногда и в стены сферы. У меня создалось впечатление, будто наше присутствие подстегнуло боевой дух этих удивительных воинов. Многие из тех, кто сражался поблизости от машины времени, начали отступать, в то время как другие ринулись вперед, тесня их. Через некоторое время я уже мог различать солдат двух армий, принадлежавших, очевидно, к разным расам.

Одна группировка, в которой сражались пехотинцы, вооруженные копьями и мечами, состояла, похоже, из варваров. Численностью они сильно превосходили своих противников. Их уродливые грубые лица напоминали вы-

сеченные из камня маски, выражающие ярость и злобу. Сражались они отчаянно и свирепо.

Их противники, ведущие бой на колесницах, имели хрупкое телосложение и выглядели более цивилизованными. Они искусно использовали катапульты, и военная удача, похоже, была на их стороне. Поскольку раздавленные нашей машиной воины принадлежали к расе варваров, сам собой напрашивался вывод, что, возможно, наше появление восприняли как благоприятное для одной стороны и враждебное для другой. Метающие ядра из катапульт преисполнились храбрости, а сражающиеся мечами и копьями явно деморализованы.

Битва достигла своего апогея. Корпус колесниц в подавляющем большинстве сосредоточился около машины времени и оттеснял врага, в то время как ураганный шквал снарядов обрушился на стекловидные стены сферы, оказавшейся в самом центре схватки.

Свирепо выглядевшие драконы, кажется, не принимали активного участия в битве: их использовали как тягловую силу. Но кровопролитие произошло ужасное; раздавленные или изрубленные тела лежали повсюду. Роль deus ex machina [1], которую, похоже, мне довелось сыграть в этой чужеземной битве, досталась мне не по собственной воле; и вскоре я решил, что будет лучше еще немного продвинуться во времени.

Я нажал на рычаг, но к моему изумлению и испугу, необходимой реакции не последовало. Механизм был каким-то образом расстроен или поврежден силой удара, хотя я в тот момент не мог определить точно, в чем состояла поломка. Позже я обнаружил, что связь между пультом управления и динамо-машинами прервалась, и сила времени оказалась неуправляемой.

К тому времени Ли Вонг пришел в сознание. Потирая голову, он сел и стал обдумывать наше удивительное положение со всей важностью восточного философа. Наш пассажир оглядывал ясными сапфировыми глазами мир, кото-

[1] Deus ex machina (лат.) — буквально «бог из машины». В греческом театре появление на сцене в кульминационный момент актера, играющего какое-либо божество, перемещаемого в воздухе с помощью специального приспособления (Прим. переводчика).

рому он был чужд не менее нас. Казалось, он изучает странных воинов и драконов с холодным научным интересом.

Более цивилизованная сторона изгоняла врагов с поля боя, устроив кровавую резню. Наши звуконепроницаемые стены ограждали нас от звуков столкновения и крушения колесниц, лязга мечей и криков, оглашающих, без сомнения, поле битвы.

Поскольку в это время ничего нельзя было предпринять, чтобы починить машину, я примирился, правда, не без дурных предчувствий, с необходимостью неопределенного пребывания в мире, в который мы случайно попали.

Примерно через десять минут битва закончилась. Оставшиеся в живых варвары были окружены, а победители, лавиной катившие мимо нас, повернули свои колесницы и собрались вокруг шара.

Несколько из них, по виду — офицеры, сошли со своих экипажей и приблизились к нам. Они распростерлись перед машиной в универсальной позе почтения.

Наконец-то я получил полное представление о внешности этих существ. Самые высокие едва достигали четырех футов, а количество их конечностей совпадало с нашим. Движения коротышек были быстры и грациозны, в чем им, по-видимому, помогала пара небольших крыльев или перепонок, прикрепленных к покатым плечам.

На лицах у них выделялись глаза и ноздри, а уши и рты были почти незаметны. Носовой аппарат, изогнутый, как у летучей мыши, имел подвижные клапаны, устроенные в виде розеток, а также придатком, напоминающим лепестки орхидеи. Огромные раскосые глаза с вертикальными веками могли поворачиваться на сто восемьдесят градусов, выпячиваться и втягиваться в орбиты. Эта способность, как мы потом узнали, позволяла им по желанию увеличить или уменьшить визуальный образ, а также переворачивать и менять перспективу.

Эти странные создания были облачены в чешуйчатые доспехи из красного металла, оставлявшие обнаженными их светло-коричневые руки и ноги эльфов. В целом они показались мне очень кроткими и совсем не воинственными. Я подивился храбрости, которую они проявили в битве.

Коротышки продолжали кланяться машине времени, поднимаясь и снова простираясь ниц, чередуя это с мо-

литвенными жестами и коленопреклонениями, в которые вкладывался какой-то особый священный смысл. Я предположил, что они воспринимают машину как сознательное, разумное и, возможно, высшее существо, а нас, ее владельцев, если вообще воспринимали, то лишь как внутренние неотъемлемые части.

Мы с Ли Вонгом начали спорить, стоит ли открывать двери и появляться перед этими странными фанатично молящимися существами. К несчастью, я не догадался снабдить сферу каким-нибудь прибором, который определял бы химический состав атмосферы чужого мира, и поэтому не знал, пригоден ли наружный воздух для дыхания. Именно это обстоятельство, а не страх перед кроткими, дружелюбными на вид существами, вынуждало меня колебаться.

Я решил отложить наше богоявление и уже собирался осмотреть поврежденные механизмы, как вдруг заметил волнение среди воинов, построившихся на небольшом расстоянии от нас. Ряды быстро расступились, словно растеклись по полю, открыв широкую лужайку, через которую прямиком к нам двигался примечательный экипаж.

Он представлял собой что-то вроде открытой прямоугольной платформы, установленной на многочисленные небольшие колеса и запряженной дюжиной драконоподобных тварей (в каждой упряжке их было по четыре). Маленькие, похожие на ролики, колеса приподнимали платформу на фут над землей. Я не мог определить, из какого материала они сделаны; медно-красные ролики больше напоминали камни, чем плавкий металл. На платформе не было никаких сооружений или надстроек, кроме низких поручней спереди, за которыми стояли трое возниц, и каждый держал вожжи для упряжки. Сзади высоко поднимался в воздухе странный изогнутый рычаг или подъемный кран из какого-то черного блестящего материала, заканчивающийся широким диском. Рядом с краном стоял один из эльфов.

С восхитительным мастерством возничие провели свой изысканный экипаж в широкий полукруг между машиной времени и войском. Офицеры, молящиеся сфере, отошли в сторону, и задняя часть платформы оказалась напротив сферы, а черный рычаг с тяжелым горизонтальным диском навис над нашими головами.

Эльф, стоявший рядом с краном, начал манипулировать странно изогнутым и подвижным выступом, похожим на рукоятку. Наблюдая за ним, я заметил внезапно появившийся и усиливающийся свет наверху и, взглянув туда, обнаружил, что с диска, прикрепленного на конце рычага, сползает похожее на чехол покрытие, открывая ослепительно сверкавшую огненную субстанцию.

Одновременно я почувствовал необычайную легкость в теле из-за изменившейся силы тяжести. У меня закружилась голова, и, попытавшись добраться до стены, чтобы обрести равновесие, я взлетел над полом и завис в воздухе. Ли Вонг и незнакомец, как я заметил, тоже беспомощно и жутковато парили среди механизмов.

Сбитый с толку отсутствием гравитации, я сначала не понял, что то же самое произошло и с машиной времени. Затем, снова закувыркавшись в воздухе, я догадался, что сфера оторвалась от земли и теперь висит на уровне пола странной платформы. И тогда до меня дошло, что именно из яркого диска исходит неизвестная магнетическая сила.

Едва я успел подумать об этом, как рычаг начал поворачиваться, раскачиваясь над платформой, частью которой являлся. И машина времени, как будто притягиваемая невидимыми цепями, заняла вертикальное положение под движущимся диском. Мгновение, и вот она уже аккуратно опущена на платформу. Потом как будто выключили свет, блестящий диск покрылся темным чехлом, и ко мне и моим спутникам вернулся нормальный вес.

IV. ВЕЛИКАЯ БИТВА

Весь процесс погрузки сферы на платформу проходил быстро и эффективно. Как только все было закончено, трое возниц в совершенном согласии вывели своих животных из длинного полукруга, образованного выстроенным войском, и мы отправились в ту сторону, откуда они прибыли. Двигаясь со значительной скоростью, мы легко катили вдоль широкого прохода, образованного расступившимися рядами причудливой армии. Колесницы и пешие воины смыкались позади нас по мере того, как мы проезжали, и, посмотрев назад, я увидел, что они разво-

рачиваются и перестраиваются, а колесницы занимают положение в авангарде. Проследовав через центральные шеренги, мы возглавили шествие, и вся армия двинулась за нами военным строем через низкую долину.

Я был поражен явным несоответствием: эти странные люди способны контролировать гравитацию, неподвластную земным жителям, но пользуются примитивными способами ведения войны и передвижения. Применяя земные стандарты, я не мог примирить между собой эти явления, а истинная причина такого несоответствия все равно слишком поразительна и фантастична для меня, чтобы заранее ломать над ней голову.

Мы следовали вперед к неизвестному месту назначения, влекомые драконами, которые неспешным шагом покрывали намного большее расстояние, чем можно было ожидать. Я стал оглядываться и заметил многое из того, что упустил прежде.

Равнина, по которой мы следовали, безлесная, с небольшими возвышенностями, перемежаемыми причудливыми линиями холмов, была покрыта короткой, похожей на лишайник растительностью, чем-то вроде желто-зеленого торфа. Одно из двух солнц стояло в зените, а другое либо только что поднялось, либо садилось, так как почти касалось серовато-голубой линии холмов на горизонте. Небо имело насыщенный зеленый цвет, и я понял, что получался он из сочетания света двух солнц, одно из которых было лазурно-голубым, а другое желтым.

Мы пересекли несколько возвышенностей, покрыв порядочное расстояние. Вскоре вдалеке показался странный город с низкими грибообразными строениями в окружении массивных колонн, которые блестели, как розовый мрамор на солнце, среди стволов оранжевых, синих и фиолетовых растений.

Этот город, очевидно, был целью нашего путешествия. Когда платформа, влекомая драконами, двинулась по улицам, толпы его жителей приветствовали нас, как трофеи триумфа. Город был хорошо спланирован, вдоль широких улиц стояли здания в окружении глубоких портиков с пузатыми колоннами. Мне показалось, что материал, используемый в конструкции, похож на окаменевшее дерево, разделенное на огромные блоки.

Проследовав по многочисленным улицам, мы приблизились к центру города — огромной круглой площади, в центре которой находилось всего одно здание, окруженное рядами колоссальных колонн и с достаточно широким и высоким входом, чтобы платформа со сферой могла проехать внутрь. Мы проследовали через ворота и покатили по высокому тротуару.

Дворец был освещен горизонтальными лучами опускающегося желтого солнца, падавшими на красноватый пол в широком проеме между массивными колоннами, что производило впечатление огромного пустого пространства, заполненного розово-золотистым светом. Затем я увидел в центре что-то вроде помоста, на котором располагался какой-то удивительный механизм из разноцветного металла, возвышающийся, как идол в пагоде.

Круглый, как и здание, помост поднимался над уровнем пола примерно на четыре или пять футов и имел, возможно, около шести футов в диаметре. К нему вели несколько ступеней, соразмерных шагу маленьких людей. Вокруг помоста полукругом на значительном пространстве стояло множество низеньких столов на резных ножках, окруженных скамьями, и все было сделано из того же самого материала, что и здание. Столы заполняли черные горшки всевозможной формы, глубокие и мелкие, в которых стояли цветы: ярко-оранжевые и малиновые, ослепительно-белые, нежно-розовые и серебристо-зеленые.

Все это я торопливо осмотрел, пока мы двигались вперед к центральному помосту. Суетившиеся вокруг столов люди, производившие впечатление прислуги, сновали туда и сюда, принося новые цветы и унося уже завядшие. Многие из хрупких воинов, спустившись со своих колесниц, последовали за нами через главный портал.

И вот платформа остановилась возле помоста. При помощи черной руки с волшебным диском машина времени была поднята с платформы, помещена на помост и поставлена недалеко от высокой конструкции из разноцветного металла. Затем, обогнув помост, платформа покинула зал, исчезнув в открытом проеме.

Для меня оставалось загадкой, было ли это здание храмом или каким-нибудь публичным местом. Все происходившее напоминало фантасмагорию из путаного сна с

неразрешимой тайной того, что в нем привиделось. Сотни удивительных людей усаживались за столы и склонялись к цветкам своими спиралевидными ноздрями, как будто вдыхая их нежный аромат. К своему удивлению, я не мог разглядеть на столах ничего такого, что сошло бы за яства и вина, которые вполне заслужили эти героические воины после трудной битвы.

Временно отказавшись от разрешения этой трудной загадки, я обратил свое внимание на загадочный механизм, который занимал помост по соседству со сферой. Но я вновь обнаружил свое бессилие, так как не мог понять его природы и предназначения. Я никогда не видел ничего подобного среди остроумных, опасных или нелепых изобретений земной механики.

Эта огромная конструкция состояла из устрашающей массы гладких блестящих стержней и поршней. Ее опутывали длинные винтообразные полосы, повсюду торчали острые выступы, за которыми скрывались неясные контуры цилиндрического тела. Агрегат покоился на семи или восьми лапах, которые опирались на огромные опоры, массивные, как ноги гиппопотама.

Над этой сложной массой возвышалось что-то похожее на тройную голову или структуру из трех шаров, расположенных один над другим, на длинной металлической шее. Головы были снабжены рядами похожих на глаза граней, холодных и ярких, как бриллианты, и имели множество антенн и странных длинных приспособлений. Аппарат походил на какое-то удивительное живое существо — супермашину, наделенную чувствами и интеллектом, взирающую на нас своими яркими глазами злобно и загадочно, как металлический Аргус.

Эта чудо-машина сверкала оттенками золота и стали, меди и малахита, серебра, лазурита и киновари. Но мне все больше становилось не по себе от зловещей ауры, окружающей ее. Это чудовище было недвижно, но разумно. Присмотревшись, я заметил движение передних опор, и мне стало ясно, что машина медленно приближается к нам на своих массивных подошвах.

Она остановилась на расстоянии пяти или шести футов и выпустила из массы приспособлений, украшавших ее верхнюю голову, длинное, тонкое, многосуставчатое

щупальце. Им, как поднятым хлыстом, она несколько раз провела по поверхности сферы.

Я сильно встревожился, так как ее действия выглядели враждебными. Удары щупальца носили характер своеобразного вызова, так сказать пощечины. А когда, прекратив резкие удары, машина отступила назад и остановилась, мне показалось, что она готовится к схватке. Чудовище как будто присело на своих слоновьих металлических ногах и угрожающе выставило вперед таинственные и кажущиеся смертельно опасными части и приспособления.

В этот момент произошла странная заминка, которая, возможно, означала лишь недолгую отсрочку разрушения сферы и нашей смерти. Четверо похожих на эльфов людей поднялись по ступеням и направились к нам, таща какую-то большую емкость, что-то вроде урны или глубокого таза, наполненную до краев густой бесцветной жидкостью, похожей на минеральное масло. За этой группой следовала другая с еще одной емкостью, в которой поблескивала такая же маслянистая жидкость.

Эти делегации, двигаясь вперед в полном согласии, одновременно поставили ноши и совершили одинаковые коленопреклонения, причем один таз — перед нашей сферой, а другой у ног воинственно настроенного механизма. После этого они ретировались в том же порядке. Все это представление имело явный религиозный привкус — некое сакральное приношение для того, чтобы умиротворить подозрительное и злое существо.

Не без внутреннего смеха, я задал себе вопрос, каким образом наша сфера могла бы использовать маслянистую жидкость. Было похоже, что к нам и нашему противнику относились одинаково, считая механизмами, способными действовать и мыслить.

Однако машина обнаружила явное знакомство с этими подношениями, так как без всяких церемоний выставила и погрузила в масло некоторые из своих металлических приспособлений. Эти органы, вероятно, были полыми внутри, как хобот слона; жидкость в тазу быстро убывала, как будто ее высасывали.

Когда емкость наполовину опустела, чудовище убрало свои хоботы. Затем, с невероятной гибкостью одновременно поворачивая и изгибая все свои члены в различных

направлениях, оно принялось смазывать многочисленные сочленения и отростки своего удивительного механизма. Несколько раз оно проделало этот примечательный процесс, воинственно уставясь на сферу, как будто настороженно следя за движением врага. Все представление выглядело на удивление нелепым, но, тем не менее, зловещим.

Тем временем весь огромный, обрамленный колоннами зал заполнился маленькими воинами, которые, сидя за украшенными цветами столами, вдыхали запах цветов в манере, напоминающей дегустацию. Мне пришло в голову, что таким образом они пируют, угощаясь изысканными запахами, и, возможно, им не требуется другой пищи.

Бросив на этот причудливый спектакль один только взгляд, я вновь повернулся к металлическому чудовищу. Оно, очевидно, уже закончило смазывать свой сложный механизм и снова готовилось к сражению. Колеса и зубцы стали поворачиваться, хорошо смазанные стержни пришли в движение, когда машина повернулась в нашу сторону, а некоторые ее щупальца поднялись, как оружие, взятое наизготовку.

Что должно было произойти потом, если бы события шли своим чередом, я не знаю; но вполне вероятно, что нас бы очень быстро и эффективно уничтожили. Но благодаря странной заминке машина времени была спасена от гнева своего поразительного противника.

Совершенно неожиданно возникла яркая вспышка, как будто молния блеснула между помостом и потолком здания. Раздался оглушительный грохот, проникший даже через наши звуконепроницаемые стены; и все вокруг нас, казалось, закачалось, как от толчков страшного землетрясения. Толчки отбросили меня от стены, и я подумал, что сфера скатилась с помоста. Придя в себя, я увидел, что невесть откуда на помосте материализовалась третья машина!

Она напоминала огромный многогранник с многочисленными прозрачными и непрозрачными гранями. Через прозрачные, как стекло, грани я с ужасом разглядел странных существ, похожих на тех, которые хотели уничтожить нас в том далеком мире, где мы взяли на борт нашего необычного пассажира.

Здесь могло быть только одно объяснение: эти мстительные упрямцы устремились за нами в погоню сквозь кос-

мическое пространство, а значит, у них имелась своя собственная машина времени. Причем они должны иметь уникальные приборы невероятной точности, с помощью которых им удалось определить наш курс в лабиринте звездных пропастей и веков! Повернувшись к нашему пассажиру, я увидел по выражению его лица и взволнованным жестам, что он также узнал преследователей. Поскольку я не мог починить нашу сферу, наше положение оказалось весьма затруднительным. У нас не было никакого оружия, так как мне не пришло в голову взять собой хотя бы револьвер. И в тот момент я пожалел, что не снарядил машину времени арсеналом американских гангстеров.

Однако не оставалось времени ни для сожалений, ни для опасений. События принимали непредвиденный оборот. С появлением пришельца странный робот немедленно отвел от нас свои воинственные приспособления и, угрожающе подняв свои металлические члены, развернулся навстречу многограннику.

Пилоты инопланетного корабля со своей стороны, кажется, вообще не обратили внимания на робота. Несколько непрозрачных граней заскользили вовнутрь, открыв зияющие жерла трубчатых орудий, направленных на сферу. Очевидно, эти существа, преследовавшие нас с фантастическим упорством через бесчисленное множество эпох, желали только одного — нашего уничтожения.

Робот же, вероятно, расценил открытие люков чужеземного судна как враждебный по отношению к себе акт. Или, может быть, не пожелал уступить свою законную добычу невесть откуда появившемуся врагу. В любом случае, он устремился вперед, заколыхав всеми своими щупальцами, хоботами и отростками, и тяжело затопал по помосту многочисленными подошвами, пока не остановился на подходящем для схватки с многогранником расстоянии.

Выпустив из клапанов цилиндрического тела и высокой столбообразной шеи клубы пара, робот поднял один из хоботов и выбросил вперед струю темно-красного пламени короткий пылающий язык, который достиг стен многогранника, и внешнее покрытие корабля мгновенно начало плавиться.

Пилоты инопланетной машины времени сейчас же направили свое оружие против робота. Яростное пламя

вырвалось из трубок, распространившись веером, и начисто срезало поднятое щупальце металлического монстра.

Получив ответный залп, злобный механизм, казалось, обезумел и бросился на многогранник, как огромный осьминог из металла. Он выпустил из своих хоботообразных органов струи алого огня. Под их жаром на гранях чужого корабля появились огромные дыры.

Не дрогнув под этим натиском, владельцы трубчатого оружия сконцентрировали свой яростный огонь на роботе, причинив ему ужасные разрушения. Из самой верхней головы, простреленной и свернутой на сторону, сыпались, как раскромсанный мозг, всевозможные металлические части. Многочисленные вскинутые вверх органы обуглились, как лес, уничтоженный пламенем пожара. Стержни, зубцы, поршни и другие части механизма частым дождем посыпались на помост. Две выставленные вперед ноги подломились, превратившись в бесформенную груду металла, но чудовище все еще продолжало борьбу. Многогранник в свою очередь начал разрушаться под его сосредоточенным красным огнем.

Вскоре несколько вражеских орудий были уничтожены, а их владельцы превратились в пар и пепел. Но остальные продолжали действовать: один удар пришелся по центральному цилиндру робота, который все еще оставался невредим, несмотря на разрушения внешних органов. Он неустрашимо направлял струю пламени, плавя металл словно ацетиленовой горелкой. Удар, должно быть, поразил жизненно важную часть механизма: возникла вспышка пламени, сопровождаемая страшным грохотом, и раздался ужасающий взрыв.

Огромное здание дрогнуло на закачавшихся колоннах, а помост заходил ходуном, и почти сразу же из поднявшегося темного облака дыма и пара посыпался дождь металлических фрагментов, замелькавших перед прозрачными стенами сферы, и усыпал помост и пол зала на большое расстояние вокруг. Чудовище своим взрывом накрыло инопланетную машину времени, которая сгорела, и ничего не осталось от наших противников, кроме кучи шлака, над которым поднимался черный дым.

Враждебные механизмы уничтожили друг друга, но никто из эльфов не пострадал, так как здание к тому

времени уже было пусто, крошечные его обитатели покинули свои пиршественные столы, уставленные цветами, и благоразумно ретировались, вероятно, еще в самый разгар сражения. А наша сфера, хотя и не принимала участие в сражении, по иронии судьбы осталась на поле битвы целой и невредимой.

Я решил, что судьба и в дальнейшем будет к нам благосклонна. Итак, я открыл двери судна и обнаружил, что атмосфера вполне подходящая для дыхания, хоть и насыщена странной смесью металлических испарений, поднимающихся с места взрыва, и сладкого, ароматного благоухания, исходящего от стоявших в вазах цветов.

V. МОХАУН ЛОС

Мы все вместе — Ли Вонг, пассажир и я — вышли на помост. Желтое солнце село, и дворец наполнился голубым таинственным светом второго светила. Мы разглядывали рассыпанные остатки странных машин, когда появилась процессия маленьких воинов. Нам, конечно, было невдомек, что у них на уме и что они чувствуют; но мне казалось, что их жесты и коленопреклонения выражают почитание и благодарность, похожие на то, которое оказывалось нашей сфере после разгрома вражеской армии. Я, почти как телепат, понял, что они благодарят нас за избавление.

Механическое чудовище, вероятно, появилось так же, как и мы, из космоса и осталось среди этих питающихся запахами людей. Они, как стало известно позднее, приняли его со всем уважением, поместили в своем дворце ассамблей и добровольно снабжали необходимыми минеральными веществами. Машина в свою очередь снизошла до того, чтобы открыть им несколько научных и механических секретов, таких как антигравитация с помощью противоположно направленных магнетических сил. Но эти люди по своей природе не склонны были к изобретательству и инженерии, поэтому мало использовали полученные от робота знания.

Металлическое чудовище со временем стало непомерно требовательным и тираничным. Кроме того, оно наотрез отказалось помогать пигмеям в их войне с другими обитателями планеты, когда в этом возникла необходи-

мость. Поэтому они были рады избавиться от него и, кажется, решили, что это мы уничтожили механического монстра, так же как и инопланетную машину времени. Мы не стали лишать их этой иллюзии, и я до сих пор не жалею, что скрыл правду.

Сейчас уже прошло не менее семи месяцев с тех пор, как приземлилась сфера. Я со своими компаньонами все еще живу среди питающихся запахами людей, и у нас нет причин жаловаться на судьбу и горевать по миру, который остался так далеко от нас во времени и пространстве.

Мы многое смогли узнать о мире, куда нас занесло волею судьбы, как только обрели возможность вести разговор с нашими хозяевами, постепенно освоив необычную фонетику их речи.

Название этого мира, как я мог судить по произношению, было Мохаун Лос. Находясь между двумя солнцами и испытывая гравитационную тягу обоих светил, эта планета следовала по какой-то своеобразной вытянутой орбите. Тем не менее климат там был ровным и здоровым, хотя частенько сыпались метеоритные дожди.

Люди, среди которых мы оказались, называли себя псунами. Это была прекрасная и многочисленная раса, хотя и кажущаяся весьма необычной с точки зрения человека, как какое-нибудь мифическое племя, описанное Геродотом. На планете они были правящей расой и во многих сферах, кроме производства оружия и способов ведения войны, намного превосходили землян. Астрономия и математика были разработаны ими до такого уровня, какой и не снился ученым Земли.

Они питались только запахами, и поначалу им нелегко было понять, что нам требуется более существенная пища. Однако как только это до них дошло, они стали щедро снабжать нас фруктами и другими плодами земли, которые в изобилии произрастали на Мохаун Лос. И наш хороший аппетит не вызвал у них неприятия несмотря на то, что фруктами питались только животные и аборигены этой планеты. Псуны и в самом деле все время демонстрировали терпимость и снисходительность.

Они были мирной расой, в течение всей предшествующей истории им не требовалось военное искусство. Но эволюционное развитие дикого племени гхолпов, которые

постепенно начали делать оружие и проявлять агрессивность, заставило псунов взяться за самозащиту.

Появление машины времени, упавшей на их врагов во время жестокой битвы, оказалось счастливым событием. Поскольку гхолпы были дики и невежественны, они усмотрели в появлении сферы проявление некоей божественной или демонической силы, ставшей на сторону псунов, потеряли боевой дух и вскоре были окончательно разгромлены и усмирены.

Псуны, кажется, с самого начала более реалистично понимали характер и происхождение сферы. Их долгое знакомство со странным межзвездным роботом помогло им выйти из заблуждения по поводу сверхъестественного происхождения машины времени. Мне не трудно было объяснить им конструкцию нашего судна, а также путешествие, которое мы проделали сквозь вечность.

Однако мои попытки рассказать о нашем мире, его людях и обычаях наталкивались на вежливое недоверие и явное непонимание. Такой мир, говорили они, невозможно даже вообразить; и если бы не их тактичность, они заявили бы, что рассказанное мной не поддается логическому объяснению.

Мы с Ли Вонгом, так же как и псуны, учили язык того существа, которое я избавил от дьявольских цветов в мире, где мы побывали до Мохаун Лос. Он назвал себя Туокуан и оказался необычайно эрудированным ученым. Его идеи и открытия каким-то образом привели его к столкновению с народом, который властвовал в его мире, что стало причиной подозрений и ненависти с их стороны. И как я и предполагал, он был приговорен после надлежащего судебного процесса к жестокой казни в джунглях.

Машина времени, на которой они преследовали нас до Мохаун Лос, была, как он считал, единственным судном такого рода, имеющимся в распоряжении этих упрямцев. Усердие и фанатическая приверженность букве закона заставили их преследовать нас до границ вселенной. К счастью, маловероятно, что они смогут отправить другую машину времени по нашему следу, так как продолжительная эфирная вибрация, которая позволила им преследовать нас, как собаки преследуют по запаху свою добычу,

исчезнет прежде, чем они смогут создать двойника разрушенного многогранника.

С помощью псунов, которые снабдили меня необходимыми металлическими элементами, я восстановил разорванные связи в машине времени. Я сделал также миниатюрный дубликат этого механизма, в который предполагал вложить это письмо и послать обратно во времени в призрачной и фантастической надежде, что он как-нибудь достигнет Земли и попадет в ваши руки.

Астрономы-псуны помогли мне сделать необходимые подсчеты, что и в самом деле было выше моих способностей или математических знаний любого человеческого существа. В этих вычислениях сочетались хронометрические записи циферблатов машины времени с эфемеридами Мохаун Лос в течение последних семи месяцев, учитывались паузы и изменения скорости во время нашего путешествия. Псуны составили карту невероятно сложного курса, по которому механизм должен следовать в пространстве и времени.

Если подсчеты верны до самых бесконечно малых величин и движение устройства будет точно им соответствовать, эта мини-машина времени остановится в тот самый момент, когда мы отправились в путешествие, и в том самом месте, с которого мы покинули Землю. Но, конечно, будет чудом, если она вообще достигнет Земли.

Псуны указали мне одну звезду, которая, как они считали, является центром солнечной системы, откуда я родом.

Если письмо когда-нибудь попадет в ваши руки, я совсем не уверен, что вы поверите моему рассказу.

Тем не менее я прошу опубликовать его, пусть даже мою историю сочтут фантазией сумасшедшего или розыгрышем. Мне доставит удовольствие чувство иронии от сознания того, что правда будет услышана теми, кто считает ее фантастической выдумкой.

Такая развязка, возможно, далеко не оригинальна.

Как я и говорил раньше, меня вполне устраивает жизнь на Мохаун Лос. Даже смерть там приятна; когда псуны стареют и устают от жизни, они, вдохнув смертельный и сладостный запах наркотических цветов, отправляются в некую потаенную долину.

Однако, возможно, ностальгия по новым эпохам и планетам охватит меня вновь, и я почувствую желание продолжить мое путешествие среди будущих временных циклов. Ли Вонг, без всякого сомнения, отправится вместе со мной куда угодно в будущее; хотя сейчас он вполне доволен настоящим, переводя Конфуция и других китайских классиков для жителей Мохаун Лос. (Эта поэзия, кстати, встречает здесь куда лучший прием, чем мои рассказы о западной цивилизации.)

Туокуан, который помог псунам создать устрашающе разрушительное оружие своей планеты, возможно, тоже отправится с нами, так как он одержим жаждой знаний. Кто знает, может быть, мы совершим огромный цикл во времени, пока бессчетные годы и эры не вернутся снова и прошлое не станет продолжением будущего!

Навсегда ваш
Домициан Мальграф

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ:

Ручаться за правдивость рассказа Домициана Мальграфа и признать, что письмо послано из какого-то мира в будущем, я бы не стал. Смущают несколько сбивающих с толку обстоятельств. Никто не знает, как долго письмо пролежало в механизме, который был найден в море Банда, прежде чем его вскрыли. Ведь, чтобы достичь Земли по невообразимо запутанному курсу в пространстве и времени, он должен был упасть сразу же после исчезновения машины времени из лаборатории Мальграфа. Как сам Мальграф указал в своем письме, если сделанные им совместно с псунами подсчеты времени абсолютно точны, механизм должен оказаться в его лаборатории в тот самый момент, когда он вместе с Ли Вонгом начнет свое путешествие!

СВЕТ ИЗ НИОТКУДА

I. ТАИНСТВЕННАЯ ПИРАМИДА

Очевидно, большая часть тех, кто прочтет эту повесть, скажет, что я, должно быть, с самого начала был не в своем уме и даже самое первое явление, описанное здесь, было галлюцинацией, предвещавшей опасное психическое расстройство. Возможно, что я безумен и сейчас, когда волна воспоминаний уносит меня в бездну, когда я снова заблудился в пространствах невероятного света и непонятного существования, открывшихся передо мной на последней стадии моего приключения. Но я был совершенно нормален в начале, и я вполне нормален сейчас, чтобы записать четкую и ясную летопись всего, что произошло.

Моя привычка к уединенной жизни вместе с репутацией человека эксцентричного и экстравагантного, несомненно, будет обращена многими против меня и поддержит их гипотезу о моей психической ненормальности. Те же, кто не предубежден, чтобы не усомниться в моем здравом рассудке, с насмешкой отнесутся к этому рассказу и сочтут, что я покинул сферу нетрадиционного изобразительного искусства (где я достаточно преуспел) ради лавров на поприще фантастической литературы.

Однако, если бы я хотел, то мог бы представить множество доказательств, подтверждающих реальность тех стран-

ных посещений. Некоторые из этих явлений не остались незамеченными другими жителями округи. Одна или две кратких невразумительных заметки, дающие всему происшедшему рациональное объяснение с точки зрения падающих метеоритов, были напечатаны в центральных журналах, откуда их еще более кратко и невразумительно перепечатали научные бюллетени Я не буду приводить их здесь, чтобы избежать повторения подробностей, которые сами по себе достаточно сомнительны и неубедительны.

Мое имя Дориан Вирмот Цикл иллюстраций, сделанных мной к поэмам Эдгара По, возможно, знаком кому-то из моих читателей.

По ряду причин, приводить которые излишне, я решил провести целый год в Сьеррах. На побережье крошечного сапфирового горного озера, в долине, скрытой величественными кедрами и гранитными утесами, я построил грубую хижину и набил ее запасами провизии, книгами и принадлежностями своего искусства. На некоторое время я мог не зависеть от мира, чьи соблазны и чары, скажем так, больше не прельщали меня.

Этот край, однако, обладал и другими притягательными для меня чертами, кроме своей уединенности. Повсюду: на могучих горных хребтах и вершинах, на заросших можжевельником скалах, на покрытых льдом утесах — я видел смесь величия и таинственности, которая невыразимо притягивала мое воображение. Хотя мои рисунки и картины никогда и ни в каком смысле не были зарисовками с натуры, а зачастую были откровенно фантастическими, я всегда очень тщательно изучал природные композиции. Я понял, что самые причудливые проявления неизвестного по сути своей — всего лишь рекомбинация знакомых форм и цветов, точно так же, как даже самые дальние миры — только соединения элементов, привычных земной химии.

Поэтому в этом пейзаже я отыскал многое, что дало мне пищу для дальнейших размышлений, что мог вплести в причудливый узор своих фантастических воображаемых эскизов или изобразить более непосредственно, как суровый пейзаж в полуяпонском стиле, с которым я тогда экспериментировал.

Место, где я поселился, было удалено от государственных магистралей, железных дорог и воздушных трасс. Моими

ближайшими соседями были лишь горные вороны, сойки да бурундуки. Изредка во время своих прогулок я встречал рыбака или охотника, но округа радовала поразительным отсутствием туристов. Я вел безмятежную жизнь, работая по хозяйству и делая этюды, мое уединение не нарушал ни один человек. Явление, положившее конец моему пребыванию там, пришло, я уверен, из областей, не нанесенных на карты географами и не зарегистрированных астрономами

Мистерия началась, неожиданно и непредвиденно, тихим июльским вечером, после того как узенький серп луны скрылся за темными кедрами. Я сидел в своей хижине, отдыхая и наслаждаясь чтением детектива, название которого я уже забыл. Вечер был довольно теплым, ни ветерка не пробегало в уединенной долине, и керосиновая лампа ровно горела между полуоткрытой дверью и широко распахнутыми окнами.

Затем в неподвижном воздухе разлилось внезапное душистое благоухание, заполнившее хижину, точно хлынувший поток. Это был не смолистый запах хвои, но постоянно усиливавшийся терпкий пряный аромат, полностью чуждый в этом краю и, возможно, несвойственный Земле вообще Он напомнил мне мирт, сандал и фимиам, и все-таки это был незнакомый запах, пряность казалась божественно чистой, как у запахов, которые, по слухам, сопровождают явление Святого Грааля.

Ошеломленно вдохнув его, размышляя, не стал ли я жертвой какой-то причудливой галлюцинации, я услышал тихую музыку, непостижимым образом связанную с ароматом и неотделимую от него. Звук, напоминающий пение флейт, волшебно нежное, волнующее, сверхъестественное, наполнял комнату и раздавался, казалось, в самых сокровенных уголках моего мозга, как бывает, когда слушаешь шепот моря, приложив к уху раковину.

Я подбежал к двери и настежь распахнул ее, вступив в лазурно-зеленый вечер. Аромат разливался повсюду, он доносился до меня, точно ладан скрытых алтарей, от озера и кедров, он точно исходил от безмолвно горящих звезд над готическими верхушками деревьев и гранитными утесами на севере. Затем, повернувшись к востоку, я увидел таинственный свет, пульсирующий и вращающийся веером широких лучей над холмом.

Свет был скорее приглушенным, чем сверкающим, и я понял, что это не полярное сияние, не сигнальный огонь самолета. Бесцветный, он, казалось, включал в себя намеки на сотни цветов, лежащих вне привычного людям спектра. Лучи походили на спицы полускрытых колес, замедленно вращавшихся, но не изменявших своего положения. Их центр, или ступица, находился где-то за холмом. Внезапно лучи застыли в неподвижности и лишь легонько подрагивали. Я увидел согнутые ветви нескольких громадных можжевельников.

Должно быть, я простоял там целую вечность, изумленно глазея на эту картину, точно деревенщина, увидевший на ярмарке диковину выше его понимания. Я все еще ощущал неземной аромат, но музыка почти стихла после того, как светящееся колесо остановило свой ход, и превратилась в чуть слышные вздохи, точно отголосок шепота в каком-то неведомом далеком мире. Без колебаний, хотя, возможно, в моих умозаключениях отсутствовала какая-либо логика, я связал звук и аромат с этим необъяснимым свечением. Я не мог решить, находилось ли колесо лишь за можжевельником, на скалистой вершине, или же в миллиардах миль где-то в бескрайнем космосе, и мне даже не пришло в голову взобраться на вершину и разобраться в этом вопросе.

Моими чувствами овладели полумистическое удивление и отвлеченное любопытство. Я праздно ждал, не имея понятия о том, сколько прошло времени, пока лучистое колесо снова не начало вращаться. Его движение все ускорялось, и внезапно я перестал различать отдельные лучи-спицы. Я мог видеть лишь кружащийся диск, подобный головокружительно вращающейся луне, которая при этом все же сохраняет свое положение относительно скал и можжевельника. Затем без видимого удаления диск побледнел и растворился в сапфировой темноте. Я больше не слышал отдаленного шепота, напоминавшего пение флейт, и аромат схлынул из долины, точно убегающая волна, оставив после себя неуловимый дух неизвестной пряности.

После того как это явление закончилось, мое удивление обострилось, но я не мог вынести какого-либо заключения относительно его происхождения. Мои знания в области естественных наук, впрочем далеко не полные, не

давали правдоподобного объяснения. Охваченный диким волнением, наполовину испуганный, наполовину ликующий, я подспудно ощущал: то, чему я стал свидетелем, вряд ли возможно найти в каталогах, составленных земными наблюдателями.

Это посещение, что бы оно собой ни представляло, привело меня в состояние чрезвычайного нервного возбуждения. Когда мне наконец удалось заснуть, дивный аромат и еле слышная мелодия постоянно повторялись в моих видениях со странной яркостью, точно запечатлевшись в мозгу сильнее, чем обычные чувственные впечатления.

Я встал рано на рассвете, наполненный почти лихорадочным убеждением, что я непременно должен сейчас же посетить восточный холм и разузнать, оставило ли лучистое вращающееся колесо какие-либо осязаемые следы своего приземления. Кое-как позавтракав на скорую руку, я начал восхождение, вооруженный этюдником и карандашами. Это был короткий подъем среди обрушенных валунов, крепких лиственниц и карликовых дубов, которые приняли форму низкого кустарника.

Вершина имела площадь в несколько сотен ярдов и приблизительно овальную форму. Она полого спускалась в восточном направлении и с двух сторон заканчивалась отвесно расколотыми утесами и зазубренными обрывами. Земляные тропинки пролегали между огромными гранитными складками, выходящими на поверхность, но эти тропинки были лишены всякой растительности, лишь чахлые горные цветы и трава пробивались кое-где по обочинам. Место было в основном захвачено зарослями сучковатых и раскидистых можжевельников, укоренившихся прямо в твердой скале. С самого начала оно стало одним из моих любимых прибежищ. Я сделал множество эскизов этих корявых деревьев, некоторые из которых, как я искренне думаю, старше знаменитых секвой и ливанских кедров.

Окидывая восхищенным взглядом пейзаж, залитый ярким светом безоблачного утра, я сначала не заметил ничего необычного. Как всегда, на островках рыхлой земли виднелись следы оленей, но кроме них, да еще отпечатков моих собственных ног, оставленных в предыдущие посещения, я не обнаружил признаков других гостей. Несколько разочарованный, я начал думать, что светящееся

колесо останавливалось где-то далеко в космосе, а не на этом холме.

Затем на нижних ступенях гребня я обнаружил в укромном местечке нечто, прежде скрытое от моего взгляда деревьями и гранитными выступами.

Это была пирамида из гранитных осколков, которую я никогда не видел ни в одном из моих походов по горам. Построенная в форме четкой звезды с пятью углами, она возвышалась, доставая мне до пояса, в центре участка, покрытого просеянным грунтом и песком. Над ней росло несколько горных флоксов. На одной стороне торчали обуглившиеся останки дерева, уничтоженного недавно попавшей в него молнией. С других сторон сходились острым углом высокие стены, с которых склонялось несколько можжевельников, изогнувшихся, точно драконы с цепкими когтями, вгрызшиеся в расколотый утес.

На вершине этого странного кургана я обнаружил тусклый, холодно поблескивающий камень с похожими на звездочки крапинками, которые повторяли все углы и совпадали с ними. Я подумал, что этот камень, несомненно, огранен искусственно. Он был из неизвестного мне материала, который, я был абсолютно уверен, никогда не добывался в этом краю.

Я ощутил восторг первооткрывателя, полагая, что набрел на доказательства инопланетной тайны. Пирамиду, с какой бы целью она ни строилась, и кто бы ни были ее строители, возвели за одну ночь, ибо день назад я посещал это место чуть раньше заката и непременно увидел бы это сооружение, будь оно здесь в то время.

По какой-то причине я раз и навсегда отмел любую идею о причастности людей. Мне в голову пришла странная мысль, что путешественники из чужих миров остановились на этом холме и оставили таинственный курган как знак своего пребывания. Таким образом, загадочное ночное происшествие становилось хоть сколько-нибудь понятным, если не совершенно объяснимым.

Завороженный отпечатком сверхъестественной тайны, я остановился на краю песчаного островка на расстоянии примерно двенадцати футов от пирамиды и, объятый огнем фантастической догадки, шагнул вперед, чтобы более подробно исследовать это сооружение. К моему крайнему

удивлению, оно отступило передо мной, сохраняя то же самое расстояние. Я делал шаг за шагом, но земля подо мной уплывала прочь, точно движущаяся дорожка. Мои ноги ступали в прежние следы, и я не мог хоть немного продвинуться к цели, которая так очевидно располагалась на расстоянии вытянутой руки! Мои движения ничто не связывало, но я чувствовал усиливающееся головокружение, которое скоро стало граничить с тошнотой.

Мое замешательство легче представить, чем выразить. Казалось очевидным — либо я, либо природа внезапно сошли с ума. Происходящее было абсурдным, невозможным — оно попирало все основные законы измерения. Какими-то необъяснимыми способами пирамида приобрела загадочные свойства.

Чтобы тщательнее исследовать эти гипотетические свойства, я оставил свои попытки приблизиться к кургану напрямую и начал огибать участок, повторяя попытку под углом. Странное сооружение, как выяснилось, было недоступно со всех сторон: на расстоянии двенадцати футов земля начинала свое зловещее движение, когда я пытался его преодолеть. Пирамида, на самом-то деле, могла быть в миллионах миль отсюда, в бездне между мирами!

Через некоторое время я бросил свои странные и напрасные эксперименты, усевшись под одним из нависающих можжевеловых деревьев. Тайна сводила меня с ума, она вызывала какое-то сумасшедшее головокружение, когда я начинал обдумывать ее. Но зато привносила в установившийся порядок вещей оживление нового, и возможно, сверхъестественного элемента. Она говорила о скрытых бесконечных пространствах, которые я тщетно жаждал исследовать, и побуждала мою лихорадочную фантазию к неудержимым полетам.

Пытаясь прекратить строить догадки, я тщательно зарисовал звездообразный курган со всех сторон. Разумеется, существа, которые возвели его, должны были оставить свои следы. Однако нигде не нашлось различимых глазом отпечатков, и я ничего не смог узнать из расположения камней, сложенных с безукоризненной аккуратностью и симметрией. Я все еще был сбит с толку камнем с пятью точками на вершине, ибо не припоминал ни одного земного минерала, который мог бы сравниться с этим веще-

ством. Он казался слишком темным для лунного камня или хрусталя, но чересчур светлым и блестящим для гипса.

Тем временем, пока я сидел там, делая зарисовки, на меня мимолетно повеяло тем пряным ароматом, который затопил мою хижину прошлой ночью. Он возникал и исчезал, и я даже не был полностью уверен в его присутствии.

Через некоторое время я поднялся и устроил тщательный осмотр холма, чтобы узнать, не оставили ли загадочные гости еще каких-либо следов своего пребывания. На одной из песчаных дорожек мне на глаза попался необычный отпечаток, похожий на размытый трехпалый след какой-то невероятно гигантской птицы.

Неподалеку виднелась маленькая выемка, недостающий обломок камня из которой, несомненно, использовали в строительстве пирамиды. Трехпалый след был совсем неотчетливым, точно оставивший его ходил с воздушной легкостью. Но за исключением этого неясного следа, мой поиск не дал абсолютно никаких результатов.

II. МРАК СГУЩАЕТСЯ

В течение последующих недель неземная загадка, на которую я натолкнулся, преследовала меня с неотступностью мании. Возможно, если бы я с кем-то обсудил ее и этот кто-то смог бы пролить спокойный и трезвый свет технического знания, я в какой-то степени освободился бы от наваждения. Но я был совершенно один, и, насколько мне известно, никто не появлялся в окрестностях пирамиды.

Неоднократно я возобновлял попытки приблизиться к колдовской пирамиде, но неслыханное свойство незримого удаления и эффект бегущей дорожки в пространстве вокруг нее охраняли пирамиду от вторжения незваных гостей. Столкнувшись с бессилием законов земной геометрии, я чувствовал безумие человека, перед которым в мнимой надежности его уютного мирка вещей вдруг раскрылась зияющая бездна безграничности.

Я сделал карандашный рисунок длинного, неотчетливого отпечатка трехпалой ноги, пока гуляющие в Сьеррах ветры не занесли его, и по этому следу пытался воссоздать

в воображении побывавшее здесь существо, подобно палеонтологу, который по одной кости восстанавливает облик доисторического чудища. Пирамида послужила темой для многочисленных набросков, и я полагаю, что создал и отверг по очереди все мыслимые теории о ее назначении и личности строителей.

Был ли это памятник, обозначавший могилу межзвездного путешественника с Алгола или Альдебарана? Была ли она возведена как знак открытия и обладания неизвестного Колумба с Ачернара, приземлившегося на нашей планете? Указывала ли она местоположение загадочного клада, к которому ее хозяева намеревались вернуться когда-либо в будущем? Была ли это веха между двумя измерениями, диковинный дорожный столб для других путешественников, пересекающих границу между мирами, следующих из одной бездны в другую?

Все гипотезы были одинаково обоснованными — и столь же бесполезными. Перед лицом завораживающей загадочности пирамиды собственное невежество доводило меня до исступления.

Прошла еще пара недель, и июль уже подходил к концу, когда я заметил новые явления. Мне кажется, я уже упоминал, что в заколдованном кругу, охранявшем пирамиду, росло несколько тоненьких стебельков горных флоксов. Однажды с изумлением, граничившим с настоящим шоком, я обнаружил поразительную перемену, произошедшую с цветами. Количество лепестков удвоилось, и теперь они стали необычно огромными и имели яркий пурпурный и сияющий рубиновый оттенок. Эта перемена могла происходить в течение некоторого времени постепенно, пока я не видел цветы, но могла случиться и за одну ночь. Как бы то ни было, маленькие скромные лепестки приобрели пышность и великолепие асфоделей какой-то мифологической земли!

Точно невидимым рвом защищенные от посягательств любого смертного, они пламенели в этом магическом кругу. День за днем я возвращался туда, охваченный благоговейным трепетом человека, ставшего свидетелем чуда, и видел там эти все более яркие и огромные цветы, точно питаемые какими-то иными стихиями, чем обычный воздух и почва.

Некоторое время спустя я заметил точно такую же перемену, произошедшую с ягодами на толстом можжевеловом суке, нависавшем над границей круга. Маленькие бледно-голубые шарики невероятно увеличились и налились сияющим кармином, будто огненные яблоки диковинного райского сада. Листва на ветке можжевельника зеленью могла бы соперничать с пышной тропической растительностью. Но на остальной части дерева, которая не попала в загадочный круг, листья и ягоды оставались совершенно обыкновенными.

Все было точно так, как если бы что-то из другого измерения проникло в наш мир.. Я чувствовал, что звезда из блестящего безымянного камня, венчавшая пирамиду,— ключ к разгадке этого необыкновенного явления. Но я не мог ни узнать ничего, ни доказать и был уверен лишь в одном: я стал свидетелем действия сил, никогда прежде не попадавших в поле зрения человечества. Эти силы подчинялись своим собственным законам, похоже, совершенно не совпадавшим с началами, которые человек самонадеянно считал основой явлений природы.

Загадку засекретили шифром, к которому не было ключа.

Я уже забыл точную дату тех событий, которые вынесли меня за границы времени и пространства. В самом деле, мне кажется, что невозможно датировать их по земной хронологии. Иногда я думаю, что они принадлежат оборотам другого мира, иногда — что ничего этого просто не случилось, а иногда — что они все еще происходят или произойдут когда-то в будущем.

Однако я помню, что в тот роковой вечер полумесяц успел взойти над темными утесами и молчаливыми пихтами. В воздухе уже чувствовалось пронизывающее дыхание наступающей осени. Я закрыл дверь и окна и разжег огонь из сухих веток можжевельника, наполнивших хижину своим неуловимым фимиамом. Я слышал пение ветра в высоких кедрах, сидя за столом и проглядывая свои последние наброски пирамиды и ее окрестностей, и уже, наверное, в миллионный раз сомневаясь, что я или кто-нибудь еще сможем разгадать эту неземную загадку.

В тот вечер моих ушей снова коснулась негромкая нежная музыка, звучавшая точно в самых потаенных извилинах моего мозга, потом я уловил таинственный аромат.

Сначала мелодия казалась всего лишь воспоминанием о звуке, но затем стала громче, потекла плавной рекой и полилась *наружу*, медленно, извилисто, точно сквозь изгибы раковины незримого моллюска, ее запутанный шепот окружил меня. Хижина, пространство за ее пределами, да и небеса, наполнились звуками горнов и флейт, грезивших о невыносимо прекрасной стране чудес.

Затем, заглушив благоухание горящих ярким огнем, но не дающих дыма дров, моих ноздрей коснулся другой аромат — пряный и изысканный. Казалось, что закрытые окна и двери не были помехой для него, он проник по какой-то иной среде, а не воздуху, по какому-то другому пути, нежели окружающее пространство, в котором мы двигались и существовали.

В лихорадке восторженного удивления и любопытства я распахнул дверь и выбежал наружу, окунувшись в океан божественного аромата и мелодии, словно переполнявшей весь мир. На восточном холме, как я и ожидал, замедляло свое вращение колесо света, зависнув за огромными можжевельниками. Лучи были приглушенными и бесцветными, как и раньше, но их сияние на этот раз не затмевал лунный свет.

Я ощутил непреодолимое желание разгадать загадку, оно потянуло меня рвануться, продираясь сквозь скалистые глыбы и стелющиеся колючие кусты, наверх, навстречу этому свету. Когда я добрался до вершины, музыка превратилась в еле слышный далекий шепот, а колесо вращалось в отдалении.

Зачатки той осторожности, с которой человечество всегда относилось к присутствию непонятных вещей, побуждало меня замедлить так опрометчиво начатую гонку. Однако несколько огромных деревьев и гранитных выступов все еще отделяли меня от источника дрожащих лучей Я подобрался ближе и с невыразимым волнением, как некое мистическое подтверждение, увидел, что излучение действительно исходило из того места, где возвышалась пирамида в форме звезды.

Я с легкостью вскарабкался на массивные складки утеса, отыскав позицию, с которой мог бы без помех смотреть на эту таинственную площадку. Ползком на животе, укрытый выступающими можжевельниками, я добрался

до своей цели и мог выглядывать из-за тяжелого сука, росшего горизонтально вдоль скалы.

Песчаный островок, на котором была воздвигнута пирамида, лежал подо мной. В воздухе, ровно и неподвижно, чуть отклонившись к одной стороне пирамиды, висел странный корабль, который я могу сравнить только с огромным открытым катером. Его нос и корма задирались кверху. В центре, над фальшбортом, возвышалась короткая мачта или тонкий столб, увенчанный ослепительно ярким диском, из которого, точно спицы из ступицы, вертикально и поперечно исходили лучи светящегося колеса. Корабль был сделан из совершенно прозрачного материала, я видел смутные очертания простирающегося за ним пейзажа, и лучи били в землю сквозь его дно. Диск, насколько я мог судить по той сильно урезанной картине из своего убежища, казался единственным подобием механизма на корабле.

Мне представлялось, что растущая луна из молочного хрусталя спустилась вниз, чтобы залить укромный уголок леса своим инопланетным светом. И рог этого месяца находился не далее чем в шести или семи футах от гранитной стены, бывшей местом моего наблюдения!

Четыре существа, которых я не мог сравнить ни с одним земным созданием, реяли над пирамидой без крыльев или какой-либо опоры, как будто не зависели от земной гравитации. Хотя рост их и был чуть меньше человеческого, во всем облике проскальзывало что-то изящное и невесомое, присущее лишь птицам и насекомым. Их тела были почти прозрачными, позволяющими смутно видеть сплетения вен и сухожилий, точно переливающиеся нити сквозь просвечивающую ткань жемчужного и бледно-розового цвета.

Один из них, парящий перед лучистым колесом, держал в длинной худощавой руке холодную блестящую звезду, украшавшую пирамиду. Другие, грациозно ступая по воздуху, поднимали и отбрасывали прочь осколки, сложенные с такой безупречной симметрией.

Лица двух из них были скрыты, но странный профиль третьего хорошо виден. Я разглядел его нос, который слегка напоминал совиный клюв, и глаз на безухом черепе, и гребень, увенчанный султаном из раскачивающихся кистей, как хвост на девичьей макушке.

Курган они разобрали с замечательной быстротой и ловкостью, похожие на трубы руки этих созданий оказались куда сильнее, чем можно было предположить. Разбирая пирамиду, они опускались ниже и ниже и вскоре стали перемещаться практически горизонтально почти над самой землей. Когда все осколки были убраны, существа начали пальцами раскапывать грунт, и я решил, что он рыхлый, потому что в одно из своих предыдущих посещений они уже вскапывали землю.

Затаив дыхание и трепеща от любопытства, я выглянул из своего гнезда, размышляя: что за немыслимое сокровище, какой таинственный клад собираются отыскать эти разведчики из другого мира?

Наконец одно из четырех существ вытащило руку из глубокой ямы, вырытой ими в глинистой почве, держа на весу какой-то маленький бесцветный предмет. Очевидно, эту вещь они и искали. Создания все вместе всплыли к своему катеру, точно на невидимых крыльях. Двое заняли места в задней части корабля, встав за похожим на мачту столбом и его лучистым колесом. Тот, кто нес сияющий камень, ограненный в форме звезды, и пришелец, в чьей руке тускло мерцал неизвестный предмет, устроились на носу в девяти или десяти футах от утеса, на котором скорчился я.

Впервые увидел я их лица спереди и смотрел прямо в дымчатые, бледно-золотые глаза, чье своеобразие не мог бы выразить словами. Я не был уверен, заметили они меня или нет: казалось, их взгляд направлен сквозь меня в безграничную даль — в непостижимые пучины и миры, навеки скрытые от людского взора.

Теперь я мог более ясно различить безымянный предмет, который они выкопали из-под разрушенной пирамиды. Он был гладким, тускло-коричневым, овальной формы и по размеру напоминал соколиное яйцо. Я принял бы его за обычный голыш, если бы не одно странное обстоятельство — из трещины в предмете выходило несколько коротких светящихся нитей. Почему-то он напомнил мне раскрывшееся зерно с проросшими из него корнями.

Забыв обо всех опасностях, я вскочил на ноги, восхищенно глядя на корабль и его пассажиров. Через несколько секунд я заметил, что лучистое колесо начало медленно раскручиваться, точно подчиняясь какому-то незримому

механизму. В то же мгновение послышался зловещий шепот миллиона флейт, и я ощутил накрывающую меня волну райского благоухания. Колесо вращалось все быстрее, касаясь земли и неба своими призрачными спицами, пока я не перестал улавливать что-либо, кроме кружащейся луны, делившей серповидный корабль пополам и будто разрезавшей землю и утесы.

Мои чувства были захвачены вращающимся сиянием, несмолкаемой музыкой и божественным ароматом. Моя реакция на эту неописуемую красоту оказалась парадоксальной: я почувствовал тошноту, твердая гранитная скала, казалось, наклонялась и тряслась под ногами, как будто я был пьян, а можжевельники, чьи могучие корни прочно привязывали их к земле, нависали над головой, как падающие небеса.

Очень быстро колесо, корабль и его пассажиры приобрели размытую тусклость, исчезая в ночном небе. Это очень трудно описать: как будто без уменьшения, как следовало бы по законам перспективы, они сместились в иное геометрическое пространство. Их очертания все еще виднелись, но они уже находились неизмеримо далеко. Одновременно я почувствовал себя внутри гигантской воронки, словно невидимый поток завладел мною, когда я стоял, свесившись со скалы. Мимо пронеслись чудовищно раскачивавшиеся деревья.

Я не упал на землю, потому что подо мной не было никакой земли. С ощущением существа, разорванного на куски в момент гибели миров, вернувшихся в первозданный хаос, я окунулся в сумрачное и холодное пространство. Вокруг не было ни воздуха, ни земли, ни небес, ни звезд — лишь бескрайний, предвечный космос, сквозь который призрачный серп странного корабля падал в никуда впереди меня, унося на своем борту странную луну.

Насколько помню, за все время полета-падения я ни разу не утратил сознания, но ближе к концу меня охватило все усиливающееся оцепенение и ощущение какой-то неясности. Мимо плыли смутные видения чудовищных переплетений цветов, возникающих точно сами по себе из сумрачного ниоткуда.

Мир был расплывчатым и двумерным, точно еще не приобрел свойства глубины. Казалось, я следую сквозь на-

рисованный лабиринт. Через некоторое время я попал через лазурь в спиральное пространство розового цвета, и этот свет заполнил все вокруг меня.

Мое оцепенение уступило место резкому и болезненному покалыванию, точно на морозе, и чувства ожили. Я ощутил, как что-то или кто-то крепко сжимает мои плечи, и понял, что голова и торс вынырнули из моря розового цвета.

III. БЕСКРАЙНИЙ МИР

На мгновение мне показалось, что я горизонтально всплываю из медленно падающего потока какого-то сверхъестественного вещества — ни воды, ни воздуха или пламени, но напоминающего все три стихии. Оно было более осязаемым, чем воздух, но отсутствовало ощущение влажности; оно текло с легким трепетом пламени, но не горело.

Два странных неземных существа вытаскивали меня на сияющий золотой утес, с которого воздушно-легкая растительность, похожая на радугу бьющих вверх фонтанов, глядела в зелено-золотую бездну на отражения куполов пышных зарослей. Серповидный корабль со своим светящимся колесом, сейчас неподвижный, парил на расстоянии вытянутой руки, полуопрокинувшись. Дальше, между изящными деревьями, я увидел горизонтальные башни. Пять солнц, утопающих в собственном сиянии, плавали в бездне.

Я удивился странному изменению гравитации, о котором свидетельствовало мое положение, но затем, как будто восстановив равновесие, ощутил, что огромный утес — не что иное, как гладкая равнина, а водопад — всего лишь спокойный поток.

Теперь я стоял на берегу рядом с созданиями из корабля. Они уже не поддерживали меня своими тонкими сильными руками. Я не мог угадать их отношения, и точно резкий электрический удар вдруг пронзил мой мозг, пробуждая сверхъестественный ужас от ошеломляющей странности всего происходящего. Мир вокруг определенно не был частью известного космоса. Почва под моими ногами колебалась и пульсировала несказанной энергией.

Все окружающее, чудилось мне, состояло скорее из чистой силы, чем из привычной материи. Деревья напоминали божественные фейерверки, поднятые в воздух и застывшие там. Сооружения, возвышавшиеся вдали подобно небесным минаретам, казались построенными из утренних облаков и света, которым придали нужную форму. Воздух, что я вдыхал, пьянил больше, чем ветер с альпийских лугов.

За границей этого царства чудес я увидел, как множество людей, похожих на тех, что стояли сейчас рядом со мной, собирались вместе. Они высыпали из-за деревьев и башен, появились из мерцающей перспективы, точно по волшебству. Они двигались быстро и бесшумно, будто скользящие призраки, ступая скорее по воздуху, чем по земле. Из их толпы до меня не доносилось ни малейшего шепота, но появилось чувство, что они ведут неслышный разговор, издавая легкий трепет слишком высоких для человеческого уха обертонов.

Их глаза бледного золота глядели на меня с необъяснимым равнодушием. Я заметил их мягко изогнутые губы, как будто выражавшие странную грусть. Под их взглядами меня охватило непонятное смущение, за которым быстро последовало то, что я могу определить как внутреннее озарение. Это озарение, казалось, не было телепатическим, просто мой разум приобрел, как дополнение к моему новому состоянию, более сильные способности или лучшее понимание, не возможное в обычной жизни. Эти способности я словно вобрал в себя из странной почвы и воздуха, из соседства необычной толпы. Но даже тогда мое понимание было лишь частичным, и я осознавал, что многое ускользало из-за некой неизбежной ограниченности моего разума.

Существа, подумал я, были настроены ко мне доброжелательно, но недоумевали, что же им со мной делать. Я неумышленно вторгся в мир, совершенно отличный от моего собственного. Затянутый в межпространственную воронку, созданную серповидным кораблем в тот момент, когда он покидал Землю, я последовал за пришельцами в их мир, который примыкал к нашему в трансцендентальном космосе.

Все это я понял, но механика моего прохода в это божественное царство оставалась неясна. Очевидно, мое падение в розовую реку было счастливой случайностью,

ибо живая вода потока воскресила меня и, возможно, помогла предотвратить оледенение, неизбежное в дрейфе по вакууму между мирами.

О назначении гранитной пирамиды и смысле посещений Земли ее строителями я догадывался, но смутно. Они что-то посадили под ней и оставили на некоторое время, как будто затем, чтобы впитать из более плодородной земной почвы какие-то элементы или силы, отсутствующие в земле этого мира. Весь процесс был основан на открытиях загадочной, но строго упорядоченной науки, и тогда на Земле они проводили хитроумный эксперимент. Блестящий камень на вершине пирамиды каким-то образом, не доступным моему пониманию, устанавливал вокруг нее охранную зону бегущей дорожки, которую не мог преодолеть ни один землянин. Изменения земной растительности, попавшей в эту зону, имели причиной какие-то загадочные излучения зарытого в землю семени.

Природа семени от меня ускользнула, но я понял, что оно имело огромную жизненную важность. И время пересадки в почву его родного мира вот-вот должно было наступить. Мой взгляд был прикован к пальцам существа, которое несло его, и я увидел, что семя заметно раздулось, а сияющие корешки, выглядывающие из расщепленной вершины, существенно удлинились.

Тем временем местные обитатели прибывали и прибывали, выстраиваясь молчаливой толпой на берегу розовой реки и между деревьями воздушной рощи. Некоторые жители, насколько я заметил, были бледными и тонкими, точно исчезающие призраки. Их плоть, словно тронутая болезнью, казалась серой и матовой или была изъедена нездоровыми пятнами тени на полупрозрачном фоне, который, очевидно, был присущ здоровому существу.

На свободном участке почвы этого райского сада под парящим в воздухе кораблем была вырыта яма. Накрытый с головой лавиной поразительных впечатлений, я не заметил ее раньше. Она приобрела огромное значение, когда существо, несущее семя, выступило вперед, чтобы положить его в эту неглубокую ямку и закопать диковинной продолговатой лопаткой из блестящего металла в золотистую почву, похожую на смесь земли с закатным сиянием.

Толпа отступила назад, оставляя вокруг посаженного в землю семени пустое место. В безмолвии ожидающих людей ощущалось что-то ужасное и торжественное, точно выполнялся какой-то неизвестный мне обряд. Смутные, возвышенные, непостижимые образы забрезжили в моем мозгу, будто еще не вставшие солнца, и я задрожал, предчувствуя приближение какого-то волшебства. Но цель все еще оставалась за границами моего понимания.

Я неотчетливо ощущал предвкушение инопланетной толпы... и где-то — во мне самом или в тех, кто стоял рядом — огромную нужду и вопиющий неописуемый голод

Казалось, проходят месяцы и годы, что пять солнц вращаются вокруг нас по изменившимся эклиптикам... Но время и его ход, возможно, подчинялись незнакомым мне законам, как и все в этом совершенно чуждом мире, и земные часы и годы не имели к нему никакого отношения.

Наконец произошло долгожданное чудо: из золотистой земли проклюнулся бледный росток. Он рос прямо на глазах, точно питаемый соком ускоряющихся лет, превратившихся в простые минуты. Из него потянулось к солнцам множество побегов. Они были как фонтан нетленного света, как бьющий вверх изумрудный и опаловый гейзер, принявший форму дерева.

Скорость роста была неимоверной, будто к этому приложили руку неведомые боги. С каждым мгновением ветви умножались и удлинялись, точно языки раздуваемого ветром пламени. Внезапно на них возникла листва, словно россыпь драгоценных камней вдруг засияла на ветках. Растение стало громадным, его мощный ствол, казалось, упирался в небо, листва затмевала пять солнц и нависала над рекой, кораблем, толпой и меньшими деревьями.

Но рост все продолжался, ветви склонялись вниз сияющими арками и гирляндами под тяжестью похожих на звезды цветов. Я видел лица тех, кто стоял рядом со мной в сени радужной листвы, вдоль древесной аркады, точно под какой-то райской смоковницей. Затем, когда гирлянды склонились ниже, я увидел, как на дереве появляются плоды: маленькие шарики, состоящие точно из крови и света, сменили внезапно увядшие звезды цветов. Плоды быстро наливались, достигнув размера груш, и опускались

все ниже, пока не оказались в пределах досягаемости — моей и затаившей дыхание толпы.

Казалось, сверхъестественной быстроты рост достиг своей кульминации и теперь прекратился. Мы словно оказались под кроной удивительного Древа Жизни, возникшего из смешавшихся энергий Земли и божественного Иноземелья.

Я внезапно понял смысл всего происходящего, увидев, что некоторые из стоящих рядом со мной жителей срывают и жуют плоды. Но другие не притронулись к ним, и я догадался, что только слабые и болезненные существа, о которых я упоминал раньше, ели эти кроваво-красные груши. Похоже, плод были целебным лекарством, излечивавшим болезнь: их тела становились ярче, а пятна тени исчезали, и жители принимали нормальный вид, присущий всем остальным.

Я глядел, и на меня внезапно обрушилось чувство такого же голода, неутолимого и необъяснимого желания, бездумное головокружение человека, затерянного в мире, который находится слишком далеко и высоко от проложенных человечеством путей и дорог. Я засомневался, но забыл свои сомнения еще прежде, чем они родились. Чьи-то предостерегающие руки потянулись удержать меня, но я не обратил на них никакого внимания. Одна из сияющих груш прямо просилась мне в руки, и я сорвал ее.

Мои пальцы почувствовали острое электрическое покалывание, на смену которому пришел холод, сравнимый лишь со снегом посреди летнего дня. Нельзя сказать, что плод состоял из чего-либо, хотя бы отдаленно напоминающего то, что мы привыкли называть материей, но все же был твердым на ощупь, и его божественная мякоть брызнула мне в рот терпким, точно вино, соком. Я жадно поглощал грушу, и молния невыносимого божественного восторга пробежала по нервам и воспламенила все фибры моей души.

Я уже почти забыл тот экстаз (если это действительно был экстаз), который охватил меня впоследствии... Это было чувство слишком безграничное, чтобы слабая человеческая память могла удержать его. И многое из того, что я помню, может быть рассказано лишь на языке Олимпуса.

Я вспоминаю, однако, потрясающее расширение всех моих чувств, расцвет мыслей, превратившихся в огромные

миры и ослепительно яркие звезды, как будто мое сознание воспарило над своей бренной оболочкой вместе с волшебным ростом Древа. Казалось, что жизнь странных людей превратилась в часть моего существа, что я издревле знал тайны их мудрости, нечеловеческий масштаб их восторгов и печалей, их побед и поражений.

Решив, что таков мой удел, я поднялся в последующие, более высокие сферы. Передо мной лежали бесконечные пространства, и я изучал их, точно развернутую карту. Я смотрел вниз на далекие небеса и преисподние, лежащие рядом с небесами, и видел извечный процесс их непрестанного переплетения и превращения друг в друга.

У меня был миллион глаз и ушей; я знал все, что делалось на дне самой глубокой пропасти и между пятью солнцами. Я был повелителем странных чувств, спешивших осознать энергию темных звезд и невиданных планет.

И все это я принимал с восторгом пьяного творца, и все было знакомо, как будто я созерцал уже когда-то открывшуюся мне вселенную.

А потом, быстро и ужасно, пришло чувство раздвоения, ощущение, что эта часть меня больше не владеет царством космического великолепия и беспредельности. Мой экстаз исчез, как лопнувший мыльный пузырь, и я, казалось, утратил призрачного гигантского бога, который все еще вздымался выше звезд. Я снова стоял под Древом с людьми из другого измерения, и румяный плод, никем не тронутый, все еще горел на широко раскинувшихся арках листвы.

Меня неумолимо преследовало раздвоение, и я больше не был один, но чувствовал себя двумя - отчетливо видел себя самого, свое тело и черты, тронутые неземным сиянием существ, живущих в этом мире, но *Я*, видевший *alter ego*, мое второе Я, осознавал чугунную тяжесть, точно меня притягивала какая-то непонятно усилившаяся гравитация. Казалось, золотистая земля подо мной пружинит, точно поверхность закатного облака, и я погружаюсь и падаю сквозь находящуюся под ним пустоту, в то время как мое другое Я остается под Древом.

Проснулся я под горячими лучами полуденного солнца, ласкающими мое лицо. Глинистая земля, на которой я лежал, разбросанные вокруг осколки пирамиды, скалы и можжевеловые заросли были совершенно неузнаваемы,

точно пейзаж принадлежал какой-то другой, не нашей планете. Очень долго я не мог вспомнить, где нахожусь, и все то, что я в подробностях изложил в этом рассказе, восстанавливалось в моей памяти очень медленно, а цепь событий была прерывистой и беспорядочной.

Как я вернулся на Землю, до сих пор загадка. Иногда мне кажется, что небесные существа привезли меня назад на том сияющем корабле, чье устройство я так и не понял. Иногда, когда меня окутывает пелена безумия, я думаю, что меня — или часть меня — выбросило сюда, потому что я съел Плод. Силы, действию которых я подвергся, совершенно непредсказуемы. Возможно, в соответствии с законами того измерения, действительно произошло разделение элементов моего тела, благодаря чему я превратился в двух человек в разных мирах. Несомненно, любой физик счел бы мои мысли бредовыми...

Это событие не нанесло никакого вреда моему телесному здоровью, за исключением, кажется, небольшого обморожения и необычного жжения на коже, скорее легкого, чем сильного, что, возможно, объясняется тем, что я подвергся временному действию радиации. Но во всем остальном я стал, да и сейчас остаюсь, лишь тенью человека, которым был когда-то. Кроме всего прочего, я вскоре обнаружил, что мои способности к рисованию полностью исчезли и не вернулись даже через много месяцев. Какая-то высшая сущность, кажется, покинула меня, совершенно и навсегда.

Я превратился в юродивого. Но часто на этого юродивого обрушиваются безбрежные небеса во всем их ужасе и немыслимой красоте. Я покинул уединенные Сьерры и искал убежища в обществе людей. Но улицы зияли безднами, не нанесенными ни на одну карту, и Силы, которые ощущал и видел лишь я один, бродили среди ничего не подозревающей толпы. Иногда я чувствую, что нахожусь уже не здесь, рядом с моими товарищами, но стою под Древом Жизни, рядом с неземными существами в их непостижимо ином мире.

СВИТОК МАРЛОКА

Шаман Йехемог, подавленный черствым отказом своих собратьев вурмисов избрать его главным жрецом, серьезно подумывал уйти из родовых нор примитивного мехового племени и уединиться в ледяных скалах севера, области, не посещаемой его робким, живущим под землей народцем.

Семь раз он предлагал свою кандидатуру на обладание заветным головным убором из черного огового дерева, завершавшимся легендарными суусимовыми перьями, и в седьмой раз старейшины несправедливо отказали ему в том, что он считал наградой, трижды заслуженной его благочестием и суровым аскетизмом. После моего исчезновения, клялся отверженный шаман, у них не будет восьмой возможности пренебречь именем Йехемога в вопросе о даровании странной иерархической власти. Он уже не сомневался, что вскоре они раскаются в своем выборе жалкого святоши взамен единственного ревностного почитателя бога Вурмиша.

В доисторический период большинство племен вурмисов обитало в норах, проложенных под непроходимыми дебрями горного полуострова Гипербореи, другое его название Му Тлан. Их косматые полуживые предки воспитывались в рабстве у слепых змее-людей, чей первобытный континент был расколот на части вулканическими сотрясениями и низвергнут в океаническую пучину одним или двумя эонами ранее. Спасаясь из рабских загонов своих прежних хозяев,

теперь, к счастью, почти вымерших, прародители нынешних вурмисов силой захватили эту территорию у совершенно деградировавших людоедских племен отталкивающего обличья и мерзких обычаев. Немногие из оставшихся в живых людоедов были вытеснены на север и поселились на суровом, загроможденном ледниками Полярионе.

Позже количество вурмисов необъяснимо сократилось, их военная доблесть выродилась до робости, а угрюмые и мстительные потомки их древних врагов превратились в зловещий, многочисленный и своенравный народ. В те времена многие из вурмисов нашли прибежище в подземных обителях, дававших им покой и защиту, и теперь меховые создания уже привыкли к укромной темноте и разлитому повсюду зловонию своих нор. Редко кто из них осмеливался выйти в верхний мир, ставший чужим под пронзительными и тревожными просторами неба, освещенного нестерпимым сиянием враждебных солнц.

В размышлениях о судьбах своего племени разгневанный шаман не забывал, конечно, о предстоящих опасностях. Этот особенный регион полуострова впоследствии назовут Фенкором, самой северной провинцией Му Тлана. В те дни на протяжении Эоценского периода первые настоящие люди только начинали просачиваться в Гиперборею, покидая южные районы тропиков, где климат становился слишком жарким для них, и весь Фенкор был дикой необитаемой местностью, если не считать живших под землею вурмисов. Йехемог знал, что рискует, отправляясь в путь. Ему предстояло пересечь доисторические джунгли и зловонные топи молодого континента, любимые места обитания агатовогрудных варвенов и прожорливых катоблепов, если брать в расчет только наименее грозных хищников этих мест.

Однако, как любой доисторический человек, Йехемог имел навыки простейшего колдовства. С этим оружием он чувствовал себя спокойно и намеревался достичь Фенкорианских Гор, где мог проводить дни в относительной безопасности.

Ведя подземный образ жизни — наверное, нужно это здесь отметить — вурмисы только подражали своему нелепому божеству, которому поклонялись с ритуалами, какие могли бы показаться нам мерзкими и кровожадными. Как

известно из мифов о вере вурмисов, божество, которое они называли Тсаттогуа, сделало себе жилище в лишенных света проходах, расположенных глубоко под землей. Таким образом, их выбор пещерного способа существования являлся изначально символическим. Довольно рано в истории народа, мифологический прародитель расы, Вурм Древнейший, провозгласил, что принятие подземного образа жизни дарует вурмисам особую мистическую близость с их богом, который сам предпочел погрузиться в бездну под горой Н'каи на Юге, считавшейся священной у вурмисов. Эту истину преподобный Вурм обнародовал незадолго до своего ухода в глубокое ущелье, примыкающее к ранее упомянутой горе Н'каи, где он мог скоротать преклонные эоны вблизи объекта своего поклонения.

Старейшины рода единогласно высказались о патриархе как о непогрешимом, ибо боялись пойти вразрез с общественным мнением. Люди верили, что их верховный жрец и общий прародитель был рожден самим Тсатогуа во время его мимолетной связи с второстепенным женским божеством по имени Шатак. С этим основным патриархальным учением старейшины рода согласились, хотя и запоздало. Помимо прочего, они повиновались последней заповеди Духовного Учителя из разумной предосторожности, вспоминая упадок, к которому они так недавно и так внезапно привели расу.

Приняв твердое решение покинуть сырые и зловонные норы своего рода, шаман Йехемог надумал сменить их на головокружительные пики, вздымавшиеся вдоль северных границ Фенкора, но обнаружил, что впадает в опасную ересь. Пытаясь примирить свои наклонности с религиозными откровениями мифологического прародителя расы, он невольно подвергал сомнению сущность учения, а в итоге пришел к отрицанию его непогрешимости. Отвергнув ничего, в сущности, не стоящие догматы, Йехемог, раньше почитаемый, как святой, от состояния ереси докатился до богохульного мира атеизма.

Его разочарование скисло в горькое чувство обиды, обида загноилась завистью, и уже зависть ядовитым бичом терзала корни его веры, пока полностью не изорвала жалкие лоскуты его прежних убеждений. Ничего теперь не осталось в сердце Йехемога, кроме глухой пустоты,

которую заполняла желчь самоедной злобы и язвительного презрения ко всему, что когда-то он считал дорогим и священным. Именно это презрение требовало теперь дикого жеста предельного оскорбления, чтобы вызвать у старших собратьев шоковое оцепенение и ужас. Йехемог желал размахивать новоприобретенным атеизмом, как вонючей тряпкой перед набожными рылами отцов рода.

Для начала он наметил подходящий для его целей порядок действий: проникнуть в святилище Тсаттогуа и похитить свиток с описаниями неких ритуалов, которые вызывали высочайшее религиозное отвращение у адептов его веры. Документ был частью добычи, захваченной его победоносными предками на полях сражений против омерзительной расы, которая населяла регион во времена вторжения дикарей в Му Тлан. Считалось, что пергамент хранит темнейшие секреты колдовства ненавистных Гнофексов. Это имя принадлежало косматым антропофагам, которых предки Йехемога обрекли на арктическое изгнание. Но на самом деле он содержал таинственные и могущественные обряды, с помощью которых Гнофексы поклонялись своему жестокосердному божеству, земному воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу. В те времена оно приписывалось Марлоку, Великому Шаману.

Сами вурмисы верили своим давним малоубедительным источникам и считали себя избранным народом Тсаттогуа, единственного божества, которого они почитали. Тсаттогуа был земной стихией, состоявшей в непримиримой вражде с Рхан-Тегозом и его войсками, которые, в принципе, относились к стихии воздуха и презирались такими Древними Сущностями, как Тсаттогуа. Он не любил воздушной пустоты над миром и предпочитал ей мрак подземного логова. Такая же обоюдная и непримиримая вражда существовала между расами, которые были слугами Тсаттогуа (среди них вурмисы выделялись особым усердием), и теми, кто поклонялся воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу (к ним принадлежали нездоровые людоеды Гнофексы). Похищение свитка Марлока повергло бы вурмисов в панику, и предчувствие ужаса, с каким они будут смотреть на эту пропажу, вызывало в Йехемоге приятную дрожь ожидания.

Свиток тысячелетиями хранился в святая святых Тсаттогуа, вложенный в сосуд из мамонтового бивня. Положение

свитка символизировало триумф вурмисов над врагом. Чтобы украсть пергамент, прежде чем покинуть грязные смрадные норы, где он провел невосполнимые века своей молодости, Йехемог должен был переступить порог святыни.

Для шамана, только окончившего период ученичества (столетие или два назад), нарушить святость запретного места являлось величайшим проступком. Одним присутствием Йехемог уже осквернял обитель. Этот акт поругания он совершил под холодным испытующим взглядом всемогущего Тсаттогуа. Самая древняя статуя бога, объект всеобщего почитания и поклонения, стояла в святилище, помещенная там навеки.

Сама по себе мысль о вторжении в священное место для презренной кражи со взломом в устрашающем присутствии божества, которому Йехемог когда-то поклонялся со столь чрезмерными усилиями, огорошивала. Однако, к счастью для внутренней ясности Йехемога, рвение, с каким он принял свой атеизм, значительно превосходило пыл его прежней религиозной преданности. Идолоборчество закалило его сердце до такого несокрушимого окоченения, что Йехемог разуверился теперь во всех земных и сверхъестественных сущностях больше, чем раньше в них верил. Объект поклонения — только кусок обработанного камня, думал он про себя, а архимятежник Йехемог не боится изделий из камня!

Однажды ночью вероломный шаман забрался в глубочайшую нору, где находилось сокровенное святилище, посвященное Тсаттогуа. Предварительно он навеял сон на евнухов, поставленных охранять святыню в неприкосновенности. Их тучные тела развалились на мозаичном полу перед блестящим пологом, скрывавшим внутренние пределы от случайного осквернения нечестивым глазом. Йехемог, крадучись, прошел мимо них на босых трехпалых ногах. За блестящей тканью его глазам открылась комната, лишенная украшений. Она была пуста, если не считать идола — жирного, непотребного, похожего на жабу божества. Привыкший к неотесанным идолам, вырезанным из ноздреватой лавы неумелыми руками своих соплеменников, шаман изумился мастерству, с каким неизвестный скульптор создал изваяние из твердого и хрупкого обсидана. Он восхищался непревзойденным искусством забытого художника, кото-

рый снабдил приземистую жирную фигуру бога подобием волос и свел в его чертах признаки жабы, летучей мыши и ленивца. Громоздкое божество полуприкрыло сонные глаза, которые, казалось, светились холодной ленивой злобой; безгубый оскал рта вызвал у Йехемога мысль об улыбке, хотя она больше напоминала злорадную усмешку.

Его недавнее презрение к божествам поблекло, сменившись предательской дрожью. Мгновение он колебался, почти напуганный неестественным, почти живым видом идола, который, казалось, мог вот-вот пошевелиться, вдительно и вполне реально. Но идол так и не ожил, и тогда насмешка и отрицание всего неземного укрепили шамана в его слепой уверенности.

Настало время окончательного осквернения: теперь Йехемог метафорически отрекся от прежних убеждений и похитил из-под ног божественного святого образа его главное сокровище, пергамент, где хранились дьявольские секреты древних Гнофексов. Собравшись с духом, он отбросил последние остатки суеверного ужаса. Йехемог опустился на колени, взломал печать сосуда из мамонтового бивня и извлек драгоценный свиток.

И... абсолютно ничего не случилось. Черная блестящая статуя оставалась неподвижной: она не шевелилась, не карала Йехемога молнией или внезапной проказой. Волна облегчения коснулась его волосатой груди; он замер в ликующем исступлении. Но в следующий миг Йехемогу стало грустно, ведь только сейчас он разобрался в порочной мистификации, какую хранители культа учинили над ним. Невинных юнцов вурмисов вводили в заблуждение так, что их самым заветным стремлением становилась мечта о головном уборе иерофанта! Изысканнейшее извращение! Эта мысль возбудила в нем страстное желание осквернить священные пределы с невиданной доселе силой богохульства.

Перед тем как покинуть навеки сырые и грязные норы для поисков новой уединенной жизни среди болотных миазмов и саговниковых джунглей, он решил совершить поругание столь непоправимое, чтобы испачкать, развратить и растлить на все времена приверженцев идола, которые придут в цитадель этой лживой религии. Йехемог держал в лапах истинное орудие триумфального мщения. Чтобы вернее осквернить храм Тсаттогуа, он принялся

распевать перед древним изваянием, внутри самого священного места, отвратительные литургии, которые прежде служили врагам его народа для прославления своего непристойного зверского божества.

С искаженным яростью лицом Йехемог развернул древний пергамент и, напрягая маленькие глазки, принялся читать письмена. Ему удалось установить их значение. Черное знание Гнофексов сводилось, в сущности, к прославлению и задабриванию их скверного божества. Ритуал заклинательного культа показался шаману исключительно обидным для Тсаттогуа и его самообманывающихся слуг. Заклинание начиналось резкой диковинной фразой: «УЗА-ЙЕИ! УЗА-ЙЕИ! Й'КАА ХАА БХО-ИИ»,— и заканчивалось серией безумных завываний вурмисов. Стоило Йехемогу прочесть литургические формулы вслух, он заметил, с какой легкостью произносит их. К концу ритуала шаман обнаружил, что его глухой и дребезжащий голос достиг необычайной музыкальности, а маленькие уши начали расти, напоминая теперь хлопающие уши уродов Гнофексов. Глаза также изменились и, казалось, вылезали из орбит... Закончив последнее завывание, шаман бросил свиток Марлока. Он с ужасом рассматривал себя.

Его гладкая миловидная кожа исчезла, взамен появилась густая поросль всклокоченных волос. Рыло расширилось и вышло за пределы, считавшиеся красивыми у вурмисов, оно превратилось в голый хобот. Йехемог истошно завыл, когда, охваченный леденящей душу паникой, понял, что слова, призывающие поклоняться, имеют при определенных обстоятельствах совершенно буквальное значение. Отвратительные крики шамана подняли из заколдованной дремоты грубых тяжеловесных евнухов, и те с шумом ввалились за блестящий занавес. Они обнаружили прокравшегося тайком Гнофекса, корчившегося на грязном волосатом брюхе, издавая кулдыкающие звуки перед улыбчивыми, загадочными и лениво-злобными глазами Тсаттогуа, и отправили вонючего гостя на тот свет. Один из евнухов замешкался с некой анатомической натурой, но читатели, наиболее подверженные тошноте, будут только благодарны, что я удерживаю свое перо от подробного описания.

ТЕНИ

Теней во дворце Августа было много. С серебряного трона, который почернел намного раньше, чем люди научились вести отсчет времен, с колонн и разрушенной крыши, через проемы разбитых окон они падали и, смешиваясь, создавали многообразные, доныне невиданные узоры. Передвигаясь черными, фантастическими спектрами гибели и опустошения, они постепенно пересекали залы, комнаты и каморки дворца серьезным и едва различимым танцем, а музыкой служили изменчивые движения солнц и лун. Они были длинны и стройны, подобно всем другим теням, возникающим в промежутке между ранним рассветом и закатом снижающегося солнца. Сядьте на корточки и внимательно приглядитесь, как они интенсивны в полнолуние и слабо угасают под увядающей луной; а в межлунной темноте они как бесчисленные языки, скрытые стиснутыми и тихими губами ночи...

Ежедневно в обитель теней и опустошения прибывали паломники, чтобы насыщаться зрелищем серебряного трона, наблюдая тени, которые несли разрушение. Ни король, ни раб не обсуждали последнего посетителя дворца, его прежние обитатели, короли и рабы, были бессильны, подобно неосязаемой темнице столетий. Могилы несчитанных и забытых монархов белели на желтых окольных путях пустыни. Гниение некоторых зашло так далеко, что они всплывали из песков и вглядывались пустыми глазницами черепов в крышку смотрящих вниз небес; другие

все еще сохраняли неосквернённую изоляцию смерти и были словно закрытые глаза — лишь миг как мертвы. Но тот, кто наблюдал тени, ползущие от серебряного трона, не замечал ни костей, ни перемещения барханов, что двигались к разрушенным могилам, протягивая к ним невидимые руки, темные от праха королей.

Он был философ, но некому было узнать — из каких земель. И при этом не было никого, чтобы спросить, чем восхищался и какое знание искал он в разрушенном дворце глазами, полными прошлого.

Какие мысли перетекали через его сознание в унисон с перемещением прозрачных теней? Его глаза были стары и грустны от мыслей и мудрости; его борода длинна и бела, она свисала на простую белую одежду.

В течение многих дней он приходил с рассветом и отбывал с закатом; и его тень клонилась рядом с тенью трона и перемещалась вместе с другими. Но однажды он не ушел; и тогда его тень слилась в одно с тенью серебряного трона. Смерть нашла его лежащим слева, там, где он истощался в пыль, которая была точно такой же, как пыль рабов или королей.

Но прилив и отлив теней происходили во дни, которые сменялись перед концом времен; до того, как старый мир, заблудившись с солнцем в странных небесах, должен был потеряться в космической темноте или под влиянием изменившегося противоречивого тяготения обособленно обрушиться в пустоту; его гранитные кости в свете странных солнц должны были отряхнуться от пыли рабов и королей. Полдень был окружен темнотой, и сумерки в глубине дворца смешивались с солнечным светом. Там ничего не менялось, земли были мертвы, только перемешивались устойчивые массы времен. И в настороженной тишине перед наступлением сумерек перемещающиеся тени казались насмешкой над переменами; всего лишь бессмысленная фантасмагория вещей, которые давно исчезли; останки предметов забытого времени.

И теперь солнце медленно темнело в середине небес, некогда обширных, а сейчас большой частью невидимых. И сумерки успокаивали тени во дворце Августа, поскольку сам мир катился вниз к длинной и единственной тени невосполнимого забвения.

ЛАБИРИНТ МААЛ ДВЕБА

Освещаемый четырьмя маленькими ущербными лунами Ксиккарфе, Тильяри преодолел бездонную топь, где не жила ни одна рептилия, на чью зыбкую поверхность не рисковал спуститься ни один дракон, и где лишь черная как смоль трясина жила своей жизнью, беспрестанно вздымаясь и опускаясь. Не осмелившись воспользоваться высокими мостками из корунда, соединявшими берега болота, он с огромной опасностью для жизни прокладывал путь с одного поросшего осокой островка на другой, чувствуя под ногами отвратительное колебание студенистой массы. Выбравшись на твердый берег и нырнув в заросли высоких, точно пальмы, тростников, он не подошел к порфировой лестнице, ведущей вверх через головокружительные ущелья вдоль зеркальных обрывов к дворцу Маал Двеба. Мостки и лестницу охраняли огромные молчаливые роботы, чьи руки заканчивались длинными серповидными лезвиями закаленной стали, грозно занесенными вверх и неумолимо поразившими бы любого, кто осмелился вступить во владения их господина без его позволения.

Обнаженное тело Тильяри было умащено соком растения, отпугивавшего все живые существа на Ксиккарфе: так он надеялся беспрепятственно пройти мимо свирепых обезьяноподобных тварей, которые привольно бродили по утесам в пышных садах тирана. Он нес моток сплетенной из древесных волокон веревки, легкой и креп-

кой, с медным шаром на конце, с помощью которой собирался взобраться на гору. На его боку, в ножнах из кожи химеры, в такт шагам покачивался острый как бритва нож, отравленный смертельным ядом летучей змеи.

Многие до Тильяри, вдохновленные той же благородной мечтой убить тирана, пытались пересечь болото и взобраться по отвесным скалам обрыва. Никто из них не вернулся назад, и о судьбе тех, кто достиг дворца Маал Двеба, оставалось лишь гадать. Но Тильяри, искусный охотник, знавший джунгли как свои пять пальцев, не дрогнул перед лицом страшной опасности, угрожавшей ему на пути.

Подъем был бы невозможным в ярком свете всех трех солнц Ксиккарфа. Остроглазый, как ночной птеродактиль, Тильяри накидывал канат на узкие уступы и углы отвесного утеса. С ловкостью обезьяны он карабкался от одной опоры до другой и наконец добрался до маленькой площадки у основания последнего утеса. Оттуда он с легкостью закинул веревку так, что она обвилась вокруг скрюченного дерева с листьями, похожими на ятаганы, что смотрело в бездну обрыва из сада Маал Двеба.

Уворачиваясь от острых полуметаллических листьев, свесившихся вниз, когда дерево гибко склонилось под его тяжестью, Тильяри стоял, осмотрительно согнувшись, на вершине зловещей легендарной горы. Здесь, как говорили, полудемонический волшебник один, без чьей-либо помощи, превратил горные вершины в стены, купола и башни, а оставшуюся часть горы сровнял, превратив в обширную площадку. Эту площадку он при помощи своих магических чар покрыл суглинистой почвой, в которую посадил диковинные губительные деревья из дальних миров и цветы, которые, верно, прежде росли в каком-нибудь аду.

Об этих садах было известно не слишком многое; но говорили, что растения, окружавшие дворец с северной, южной и западной сторон, были менее опасными, чем обращенные к восходу трех солнц. Мифы гласили, что многие из них были посажены и подстрижены так, что образовывали хитроумный лабиринт, в котором путника подстерегали коварные ловушки и жестокая смерть. Помня об этом, Тильяри приблизился к дворцу со стороны заката.

Сорвав дыхание во время подъема, он затаился во мраке сада. Вокруг него тяжелые гроздья цветов склонялись в дур-

манящем бессилии, льнули к нему, раскрыв чашечки, дышащие опьяняющим ароматом, и осыпали пыльцу, вселяющую безумие в того, кто ее вдохнет. Уродливые, бесконечно разнообразные, с очертаниями, леденящими кровь и затмевающими разум, деревья Маал Двеба, казалось, тайно сговорившись, подбираются к Тильяри и окружают его. Некоторые принимали вид извивающихся питонов или угрожающе вздыбленных драконов, другие шевелили светящимися ветками, точно гигантские пауки — волосатыми лапами. Они как будто сжимали свое кольцо вокруг Тильяри. Они, как копьями, потрясали шипами и листьями, похожими на косы, и их причудливые угрожающие переплетения черными пятнами выделялись на фоне четырех лун.

С бесконечными предосторожностями охотник пробирался вперед, разыскивая щель в этой чудовищной изгороди. Все его чувства, и так постоянно настороженные, еще более обострились под влиянием страха и ненависти. Он боялся не за себя, но за Атле, свою возлюбленную и первую красавицу его племени, которая этим вечером в одиночестве поднялась по корундовым мосткам и порфировой лестнице по приказанию Маал Двеба. Ненависть Тильяри была ненавистью оскорбленного любовника ко всемогущему и ужасному тирану, которого никто никогда не видел, из жилища которого ни одна женщина не вернулась назад, кто разговаривал металлическим голосом, слышным в дальних городах и в самых диких уголках джунглей, кто наказывал непокорных смертью от падающего с небес пламени, поражавшего жертву быстрее молнии.

Маал Двеб каждый раз выбирал прекраснейшую из всех девушек планеты Ксиккарф, и ни один дом ни в равнинных городах, ни в глухих пещерах не мог укрыться от его всепроникающего взгляда. Не меньше пятидесяти девушек были избраны им за время его правления, и те, покинув возлюбленных и родных, чтобы не навлечь на них гнев Маал Двеба, одна за другой поднимались в горную цитадель и исчезали за ее неприступными стенами. Здесь, как говорила молва, они стали одалисками стареющего волшебника, и им прислуживали медные женщины и железные мужчины.

Тильяри окружил Атле неуклюжим обожанием, принося к ее ногам пойманную им дичь, но у него было много соперников, и он не был уверен в ее благосклон-

ности. Холодная, точно речная лилия, она равно безучастно принимала поклонение Тильяри и всех остальных, среди которых, пожалуй, наиболее выдающимся был воин Мокейр. Вернувшись с охоты, Тильяри нашел свое племя в горестных стенаниях и, узнав, что Атле отправилась в гарем Маал Двеба, в мгновение ока последовал за ней. Он никого не оповестил о своем намерении и не знал, опередил ли его Мокейр или кто-либо еще на его полном опасностей пути. Но предположение, что Мокейр уже бросил вызов зловещей и опасной горе, не казалось слишком невероятным.

Одной мысли об этом было достаточно, чтобы Тильяри стремительно рванулся вперед, не обращая внимания на цепляющуюся за него листву и стелющиеся цветы. Он достиг просвета в ужасной роще и увидел шафраново-желтый свет, лившийся из окон дворца колдуна. Огни выглядели бдительными, словно глаза дракона, и, казалось, они наблюдают за ним с мрачной настороженностью. Но Тильяри сквозь просвет рванулся туда и услышал лязг саблевидных листьев, сомкнувшихся за его спиной.

Перед ним расстилалась ровная лужайка, покрытая странной травой, которая извивалась под его ногами подобно бесчисленным червям. На газоне не было видно следов ног, но, приблизившись к галерее, охотник увидел моток тонкой веревки, отброшенный кем-то в сторону, и предположил, что Мокейр все-таки опередил его.

Дворец огибали дорожки из пятнистого мрамора, и фонтаны били из разверстых пастей пещерных чудовищ. Открытые ворота никто не охранял, и все здание, освещенное тусклыми лампами, хранило тишину мавзолея. Тильяри, однако, не доверял этой видимости дремотной тишины и крался по тропинке в некотором отдалении, прежде чем решиться приблизиться к дворцу.

Несколько больших призрачных животных, которых он принял за обезьяноподобных чудовищ Маал Двеба, во мраке подобрались к нему. Некоторые из них бегали на четырех ногах, тогда как остальные передвигались в полусогнутом состоянии, подобно человекообразным обезьянам, но все они были покрыты густой шерстью и выглядели неуклюже. Они не пытались напасть на Тильяри, а, жалобно поскуливая, убежали прочь, точно избегая его. По этому признаку воин понял, что они были настоящи-

ми животными и не могли выносить запаха, исходящего от его умащенного зловонным снадобьем тела.

Наконец он пришел в темную галерею с множеством колонн и молчаливо, точно змея из диких джунглей, проскользнул во дворец Маал Двеба. Дверь, скрытая темными колоннами, была не заперта, и за ней ему открылось сумрачное пространство пустого холла.

Тильяри вступил внутрь с удвоенной осторожностью и пошел вдоль занавешенной стены. Воздух в помещении был напоен незнакомыми запахами, тяжелыми и усыпляющими, и неуловимо тонкими курениями, как будто источаемыми кадильницами в скрытых любовных альковах. Аромат был ему неприятен, а тишина начинала тревожить все больше и больше. Казалось, что темнота наполнена неслышными вздохами и каким-то не видимым глазу движением.

Медленно, точно распахивающиеся гигантские желтые глаза, медные лампы на стенах холла разгорелись ярким огнем. Тильяри спрятался за шпалерой и, подсматривая из своего убежища, увидел, что холл все еще пуст. Наконец он решился возобновить свое продвижение. Повсюду вокруг него были пышные занавеси, расшитые изображениями пурпурных мужчин и синих женщин на кровавом фоне, они, казалось, шевелились, наполненные собственной тревожной жизнью, на ветру, которого он не ощущал. Но ничто не выдавало присутствия ни самого Маал Двеба, ни его металлических прислужников, ни одалисок.

Все двери на противоположной стороне холла, с искусно подогнанными створками из черного дерева и слоновой кости, были закрыты. В дальнем углу Тильяри заметил тоненький лучик света, пробивающийся сквозь мрачную двойную шпалеру. Очень медленно раздвинув шпалеры, он увидел огромный ярко освещенный зал, бывший, очевидно, гаремом Маал Двеба, где собрались все девушки, которых колдун забрал в свой дворец. Действительно, казалось, их были здесь сотни, склонившихся или прилегших на богато украшенные кушетки, либо стоящих в расслабленных или настороженных позах. Тильяри различил в толпе красавиц из Омму-Зейна, чья кожа была белее кристаллов пустынной соли; стройных девушек Утмайи, словно высеченных из дышащего, трепещущего черного янтаря; царственных топазовых дочерей экваториальной Цалы и маленьких

женщин Илапа, оттенком своей кожи напоминавших только что позеленевшую бронзу. Но среди них он не мог найти свою похожую на лотос красавицу Атле.

Он очень удивился числу женщин и той абсолютной неподвижности, с которой они сохраняли свои причудливые позы, точно богини, спящие зачарованным сном в зале вечности. Тильяри, бесстрашный охотник, ощутил благоговейный трепет и леденящий ужас. Эти женщины — если они и вправду женщины, а не простые статуи — наверняка были скованы какими-то смертельными чарами — свидетельством гибельного колдовства Маал Двеба.

Однако если Тильяри намеревался продолжить свой путь, ему предстояло пересечь этот зачарованный зал. Боясь, что такой же мраморный сон может сковать и его, как только он пересечет порог, он вступил в зал, затаив дыхание и ступая неслышно, как крадущийся леопард. Женщины, окружавшие его, сохраняли все то же вечное спокойствие. Чары, казалось, заставили каждую из них замереть в миг какого-то отдельного чувства: страха, удивления, любопытства, тщеславия, скуки, гнева или сладострастия. Число статуй оказалось меньшим, чем он предположил с первого взгляда, да и сама комната была меньшей, но металлические зеркала на стенах, создавали иллюзию многолюдности и необъятности помещения.

В дальнем конце воин раздвинул вторую двойную шпалеру и вгляделся в сумрак соседнего зала, тускло освещенного двумя курильницами, испускавшими разноцветный дым. Курильницы стояли на обращенных друг к другу треногах. Между ними, под полуистлевшим балдахином из какого-то темного материала с бахромой, заплетенной на манер женских кос, стоял диван цвета полночного пурпура, окаймленный вышивкой в виде серебряных птиц, борющихся с золотыми змеями.

На диване полулежал мужчина в скромной одежде, как будто уснувший или просто усталый. Его лицо было точно затуманенно пляшущими тенями, но Тильяри и не пришло в голову, что это мог быть кто-то другой, кроме как наводящий ужас тиран. Он понял, что это — Маал Двеб, кого ни один человек не видел во плоти, но чья сила была очевидна всем, таинственный и всеведущий правитель Ксиккарфа, повелитель трех солнц и всех их планет и лун.

Словно призрачные стражи, символы величия Маал Двеба и воплощения его владычества ожили, чтобы противостоять Тильяри. Но мысль об Атле красным туманом затмила все. Он забыл свои суеверные страхи, свой трепет перед этим заколдованным местом. Ярость обездоленного возлюбленного и вся кровожадность искусного охотника пробудились в нем. Он приблизился к лежащему без сознания колдуну, и его ладонь сжала рукоятку острого ножа, отравленного змеиным ядом.

Тиран лежал перед ним с закрытыми глазами; отпечаток таинственной усталости сковывал его уста и сомкнутые веки. Казалось, он скорее размышляет, чем спит, точно человек, блуждающий в лабиринте давних воспоминаний или погруженный в мечты. Стены вокруг него были задрапированы траурными занавесями с темным узором. Над ним курильницы образовывали клубящуюся дымку и наполняли комнату навевающей дрему миррой, от которой все чувства Тильяри приобрели какую-то странную притупленность.

Пригнувшись, как тигр перед прыжком, воин приготовился к удару. Затем, преодолевая легкое головокружение от дурманящего аромата, он поднялся, и его рука стремительным движением мощной, но гибкой гадюки направила острие прямо в сердце колдуна.

Он как будто пытался поразить каменную стену. В воздухе, немножко выше лежащего навзничь волшебника, нож наткнулся на незримую и непроницаемую преграду, и острие, отколовшись, звякнуло, упав на пол рядом с ногами Тильяри. Ничего не понимая, сбитый с толку, воин смотрел на существо, которое только что пытался убить. Маал Двеб не пошевелился и не открыл глаз, но загадочное выражение на его лице каким-то образом приобрело легкий оттенок злорадства. Тильяри протянул руку, чтобы проверить только что осенившую его любопытную мысль. Как он и подозревал, между курильницами вовсе не было ни дивана, ни балдахина — только вертикальная непробиваемая отполированная до зеркального блеска поверхность, отражавшая ложе и спящего на нём человека. Но, к его еще большему удивлению, сам он в зеркале не отражался.

Он обернулся, полагая, что Маал Двеб должен находиться где-то в комнате. Как только он повернулся, траурные занавеси со зловещим шелестом обнажили стены,

как будто отдернутые чьей-то невидимой рукой. Комната внезапно озарилась ярким светом, стены словно отступили вдаль, и обнаженные шоколадно-коричневые великаны в угрожающих позах, чьи тела блестели, точно намазанные маслом, возникли у каждой стены. Их глаза сверкали, как у диких зверей, и каждый из них был вооружен огромным ножом с отколотым острием.

Тильяри решил, что это какое-то грозное колдовство, и, согнувшись, настороженно, точно попавшее в ловушку животное, стал ожидать нападения великанов. Но эти существа, точно так же согнувшись, копировали все его движения, и он понял, что все увиденное им было лишь его собственным отражением, многократно увеличенным колдовскими зеркалами.

Он снова повернулся. Украшенный кистями балдахин, ложе цвета полуночного пурпура и возлежащий на нем человек — все исчезло. Остались лишь курильницы, возвышающиеся перед зеркальной стеной, отражавшей, как и все остальные, изображение Тильяри.

Пораженный и испуганный, он чувствовал, что Маал Двеб, всевидящий и всемогущий волшебник, играл с ним, как кот с мышью, и насмешливо дразнил его. Поистине неосмотрительной была попытка Тильяри использовать безыскусную силу своих мышц и свою хитрость охотника против существа столь искушенного в демонических уловках. Он не решался шевельнуться и едва отваживался дышать. Чудовищные отражения, казалось, наблюдают за ним, как великаны, стерегущие пленного лилипута. Свет, лившийся словно из спрятанных ламп в зеркалах, приобретал все более безжалостный и тревожный блеск. Пространство комнаты все углублялось; и далеко в полумраке он увидел клубы дыма с человеческими лицами, плавившимися и постоянно изменявшими свои очертания.

Колдовское свечение усиливалось; дымка, населенная образами, словно сернистый дым преисподней, растворялась и вновь возникала за неподвижными гигантами во все время удлиняющейся перспективе. Тильяри не смог бы сказать, как долго длилось его ожидание, ибо сияющий леденящий ужас этого зала существовал вне времени.

Затем в ярко освещенном пространстве раздался голос — невыразительный, размеренный и бесплотный. Он

был чуть презрительным, немного утомленным и неуловимо жестоким. Тильяри слышал его, как биение собственного сердца, и все же он звучал неизмеримо далеко.

— Что ты ищешь, Тильяри? — спросил колдун.— Ты рассчитывал безнаказанно проникнуть во дворец Маал Двеба? Другие — их было немало, и все с такими же намерениями — уже приходили сюда до тебя. И все они дорого заплатили за свое безрассудство.

— Я ищу девушку, Атле,— ответил Тильяри.— Что ты сделал с ней?

— Атле прекрасна,— вновь раздался голос.— По воле Маал Двеба ее красота найдет себе применение. Применение, которое не должно касаться охотника на диких зверей. Ты неблагоразумен, Тильяри.

— Где Атле? — упорствовал Тильяри.

— Она ушла за своей судьбой в лабиринт Маал Двеба. Не так давно воин Мокейр, последовавший за ней в мой дворец, по моему предложению вышел на поиски в нескончаемые закоулки лабиринта. Иди же, Тильяри, и тоже попытайся найти ее. В моем лабиринте много загадок, и среди них, возможно, есть и та, которую тебе суждено разрешить.

Дверь распахнулась в отделанную зеркалами комнату. Точно возникнув из зеркал, показались два железных слуги Маал Двеба. Выше любого живущего человека, с головы до ног сияющие невыносимым блеском, словно полированные мечи, они напали на Тильяри. Правая рука каждого из них заканчивалась великанской серповидной ладонью. Охотник опрометью кинулся прочь через раскрытую дверь и услышал за собой твердый лязг сомкнувшихся створок.

Короткая ночь планеты Ксиккарф еще не закончилась, но все луны уже зашли. Тильяри увидел перед собой вход в легендарный лабиринт, подсвеченный пылающими сферическими плодами, свисающими, подобно фонарям, с изогнутых ветвей. Ориентируясь лишь по этим огням, он вступил в лабиринт.

Сперва это был мирок чудесных иллюзий. В нем были старомодные тропинки, окаймленные гротескными деревьями и увитые насмешливо скалящимися орхидеями, ведущие в удивительные тайные жилища гоблинов. Место выглядело так, как будто было сооружено исключительно с целью развлечения.

Затем стало казаться, что настроение создателя лабиринта с каждым шагом постепенно все более и более портилось, становилось все более мрачным и угрожающим. Искривленные, переплетающиеся стволы деревьев, окаймляющих путь, походили на статуи, олицетворяющие борьбу, их освещали громадные флюоресцирующие грибы, которые напоминали дьявольские свечи. Тропинка спускалась к зловещим омутам, освещенным мечущимися колдовскими огнями, или карабкалась по опасно наклоненным выступам сквозь пещеры, образованные густой листвой, сверкавшей, как медные чешуйки дракона. Она разделялась на каждом шагу, разветвление все увеличивалось, и, хотя Тильяри никогда не заблудился бы в джунглях, он был бы бессилен повторить свой путь по закоулкам этого лабиринта. Он продолжал идти, поддерживаемый надеждой, что какая-нибудь счастливая случайность выведет его к Атле. Много раз он выкрикивал ее имя, но ответом было лишь далекое насмешливое эхо или печальный вой какого-то невидимого зверя.

Воин пробирался сквозь щупальца смертоносных гидр, хаотично свивавших и развивавших свои кольца рядом с ним. Его путь все более и более светлел, светившиеся в ночи плоды и цветы бледнели и тускнели, точно угасающие свечи на шабаше ведьм. Взошло самое первое из трех солнц; его янтарно-желтые лучи просачивались сквозь вычурные сплетения ветвей ядовитых виноградных лоз.

Вдалеке, точно обрушившись на лабиринт с невидимой вершины, раздался хор медных голосов, похожих на говорящие колокольчики. Охотник не мог различить слов, но тон был похож на мрачно-торжественное объявление, предсказывающее смертельный исход. Затем голоса стихли, и ни один звук не нарушал тишины, за исключением шипения и шелеста колышущихся растений.

Теперь, когда Тильяри продвигался вперед, казалось, что каждый его шаг предопределен заранее. Он больше не волен был выбирать свой путь, ибо множество тропинок заросли растениями, с которыми он не отваживался столкнуться, другие же преграждали ужасающие переплетения кактусов или водоемы, кишевшие пиявками, размером превосходящими рыбы. Взошли второе и третье солнца, освещая своими изумрудными и алыми лучами

кошмарную паутину, неотвратимо сплетающуюся вокруг него.

Он взбирался вверх по ступенькам, увитым ползучим виноградом, и по уступам, заросшим колючими цепляющимися столетниками. Изредка ему открывались пространства под ним или площадки, к которым он шел. Где-то в тупике ему встретилась одна из обезьяноподобных тварей Маал Двеба — мрачное, дикое создание, чья шерсть лоснилась и блестела, как у мокрой выдры, точно оно только что выкупалось в одном из водоемов. Животное пробежало мимо Тильяри с хриплым рыком, отшатнувшись, как и другие, от его тела, намазанного дурно пахнущим соком... Но нигде не видел он ни Атле, ни Мокайра, который должен был опередить его.

Воин дошел до причудливой маленькой панели из оникса, продолговатой и окруженной огромными цветами с бронзовыми стеблями и склоненными великанскими чашечками-колокольчиками, напоминавшими разверстые пасти зевающих химер, обнажающие их малиновые глотки. Он ступил на панель, пробравшись через узкий просвет в своеобразной изгороди, и остановился в нерешительности перед сомкнутым рядом цветов, ибо путь здесь, казалось, заканчивался. Ониксовая панель под его ногами оказалась влажной и липкой. Мгновенное ощущение опасности всколыхнулось в душе охотника, и он повернулся, чтобы выйти назад на тропинку. Как только он сделал шаг к отверстию, сквозь которое он пришел, длинные и прочные, точно медная проволока, усы с поразительной быстротой отделились от основания каждого стебля и обвились вокруг его щиколоток. Плененный, он беспомощно стоял в центре натянутого силка. Он сделал слабую попытку сопротивления, но стебли начали склоняться к нему, пока их красные рты не оказались на уровне его колен, точно круг зевающих чудовищ.

Они придвигались все ближе, почти касаясь Тильяри. С их губ, сначала медленными каплями, потом небольшими ручейками, стекала прозрачная бесцветная жидкость, заливая его ступни, лодыжки и голени. Охотник ощутил сперва неописуемое легкое покалывание в ногах, затем быстро прошедшее онемение, а потом точно жала тысяч свирепых мошек вонзились в его плоть. Сквозь прижавши-

еся друг к другу чашечки чудовищных цветов он видел, как его ноги претерпевают загадочные и ужасающие изменения. Их естественная волосатость усилилась, став похожей на косматую шерсть обезьяны, сами голени каким-то образом укоротились, ступни, напротив, удлинились, а пальцы неуклюже вытянулись, как у встреченных им зверей Маал Двеба.

В несказанном смятении Тильяри выхватил обломанный нож и начал рубить коварные цветы. Эффект оказался таким же, как если бы он пытался отсечь покрытые панцирем головы дракона или разрубить звенящие железные колокола. Нож искрошился до самой рукоятки. А растения, приподнявшись, склонили головы над талией Тильяри, поливая своей смертоносной слюной его бедра.

Захлебываясь в этом кошмаре, воин услышал слабый испуганный женский крик. Поверх склонившихся над ним цветов он увидел сквозь ранее непроницаемые стены лабиринта, расступившиеся точно по волшебству, странную сцену. В пятидесяти футах от него, на том же уровне, что и ониксовая площадка, возвышался овальный помост из лунно-белого камня, в центре которого находилась Атле, вышедшая из лабиринта по тропинке из порфира. Девушка замерла в удивлении. Перед ней в когтях гигантской мраморной ящерицы, поднявшейся на дыбы, отвесно стояло круглое стальное зеркало. Атле, точно пораженная каким-то удивительным зрелищем, вглядывалась в поверхность диска. Посередине между ониксовой площадкой и помостом возвышался ряд тонких бронзовых колонн, разделенных широкими промежутками и увенчанных высеченными из камня головами демонических божков.

Тильяри хотел закричать, чтобы остановить девушку. Но тут она сделала один-единственный шаг к колдовскому зеркалу, будто что-то в его глубинах притягивало ее, и тусклый диск ярко засиял блестящим внутренним огнем. Охотник был ослеплен жалящими лучами, на мгновение вырвавшимися из зеркала, обволакивающими и пронзающими девушку. Когда дымка в его глазах рассеялась, превратившись в кружащиеся цветные пятна, он увидел, что Атле, оцепеневшая, как статуя, все еще вглядывается в зеркало. Она не двигалась; выражение изумления застыло на ее лице, и Тильяри понял, что она точь-в-точь напоминает тех спящих зачарованным сном женщин, кото-

рых он видел в гареме Маал Двеба. Как только эта мысль осенила его, он вновь услышал хор звенящих металлических голосов, казалось, исходивших из резных демонических голов на верхушках колонн.

— Красавица Атле,— торжественно и зловеще возвестили голоса,— взглянула в Зеркало Вечности и избежала неумолимого дыхания Времени.

Тильяри показалось, что его затягивает в какую-то ужасную мрачную трясину. Он не мог осмыслить того, что случилось с Атле, и его собственная судьба представлялась ему такой же зловещей и чудовищной загадкой, разгадка которой была недоступна простому охотнику.

Кровожадные цветы уже дотянулись до его плеч; их яд омывал его руки и тело. Под действием их отвратительной алхимии превращение продолжалось: длинная шерсть покрыла раздавшийся вширь торс, руки удлинились, точно у обезьяны, ладони приобрели сходство со ступнями. Все тело Тильяри вниз от шеи ничем не отличалось от тел обезьяноподобных созданий, бегавших в садах Маал Двеба.

Охваченный унизительным ужасом, воин ожидал завершения метаморфозы. Потом он понял, что человек в темных одеждах, на лице которого лежала печать утомления от приевшихся ему чудес, стоит перед ним в сопровождении двух железных роботов с серповидными руками.

Каким-то безжизненным голосом человек произнес непонятное слово, долгим загадочным эхом задрожавшее в воздухе. Круг безжалостных цветов отступил от Тильяри, и они опять встали прямо, образуя тесную изгородь, а их гибкие усы освободили щиколотки жертвы. Едва осознавая свое освобождение, охотник услышал медные голоса и смутно понял, что демонические головы, венчавшие колонны, опять заговорили:

— Охотник Тильяри омылся в нектаре цветов первозданной жизни и вниз от шеи во всем стал похож на зверей, на которых он охотился.

Когда хор умолк, утомленный человек в темном одеянии подошел ближе и сказал, обращаясь к Тильяри:

— Я, Маал Двеб, хотел поступить с тобой точно так же, как я поступил с Мокейром и многими другими до тебя. Тот зверь, которого ты встретил в лабиринте, и был Мокейр, чей новообретенный мех еще хранил влажность

и блеск амброзии этих цветов; и многих его предшественников ты видел в моем саду. Однако я передумал. Ты — Тильяри, в отличие от других, останешься человеком, по крайней мере выше шеи, и будешь волен повторить свои блуждания по лабиринту и выбраться из него, если сможешь. Я не желаю больше тебя видеть, и мое милосердие проистекает из совсем другого источника, нежели почтение к твоим заслугам. Иди же, ибо в лабиринте есть еще много закоулков, которые тебе предстоит преодолеть.

Страх овладел Тильяри; его природная свирепость, его дикая сила воли — все было укрощено повелением колдуна. Кинув полный удивления прощальный взгляд на Атле, он покорно пошел прочь тяжелой походкой огромной обезьяны. Его шерсть влажно блеснула в свете трех солнц, и он затерялся в путанице лабиринта.

Маал Двеб, сопровождаемый своими железными рабами, подошел к фигуре Атле, все еще вглядывающейся в зеркало изумленными глазами.

— Манг Лат,— произнес он, обращаясь по имени к ближайшему из двух прислуживающих ему роботов,— ты знаешь, что по своей прихоти я решил увековечить скоротечную женскую красоту. Атле, как и ее предшественницы, прошла сквозь мой лабиринт и взглянула в зеркало, чье сияние превращает живую плоть в камень более прекрасный, чем мрамор, и столь же прочный. Ты также знаешь, что по другой своей причуде я превращал мужчин в зверей при помощи сока искусственных цветов, чтобы их внешний облик больше соответствовал их внутреннему миру. Разве не справедливо, Манг Лат, то, что я сделал с ними? Разве я не Маал Двеб, в ком сосредоточены все знания и все колдовские силы мира?

— Да, повелитель! — эхом отозвался робот.— Ты Маал Двеб, всеведущий и всемогущий, и то, что ты сделал с ними, справедливо.

— Однако повторение даже самых поразительных чудес со временем становится утомительным,— продолжал Маал Двеб.— Я думаю, что больше не стану проделывать такие вещи ни с женщинами, ни с мужчинами. Разве не правильно, Манг Лат, что я собираюсь разнообразить свои заклятия в будущем? Разве я не Маал Двеб, великий и изобретательный?

— Воистину ты Маал Двеб,— согласился робот.— Несомненно, будет правильно изменять твои заклятия.

Маал Двеб не получил никакого удовольствия от ответов робота. Он и не ожидал от своих железных слуг ничего другого, кроме бездумного повторения своих слов, избавляющего его от утомительных споров. И возможно, иногда ему наскучивала даже такая беседа, и он предпочитал слугам молчаливое общество своих окаменевших женщин или бессловесных зверей, которых никто больше не назвал бы мужчинами.

ЖЕНЩИНЫ-ЦВЕТЫ

– Ах, Атле, надо мной довлеет ужасное проклятие всемогущества,— вздохнул Маал Двеб.— На всем Ксик-карфе и на пяти планетах тройного солнца никто и ничто не может оспаривать мое владычество. Это навевает на меня нестерпимую скуку.

Глаза Атле смотрели на колдуна все тем же взглядом вечного удивления, вызванного, однако, вовсе не его странным признанием. Она была последней, пятьдесят первой, женщиной, обращенной Маал Двебом в статую, чтобы уберечь от неумолимого времени, безжалостно подтачивающего хрупкую и скоротечную женскую красоту, точно жадный червь-древоточец. С того времени как, обуреваемый похвальным желанием избежать однообразия, волшебник решил больше никогда не повторять это колдовство, он лелеял Атле с той особой любовью, которую художник испытывает к своему последнему шедевру. Он водрузил ее в комнате для медитаций на маленький постамент рядом со своим креслом из слоновой кости. Часто он обращал к ней свои вопросы и монологи, и то обстоятельство, что она никогда не отвечала ему и даже не слышала его слов, было в его глазах ее блестящим и неизменным достоинством.

— Правда, есть одно средство, чтобы развеять мою скуку,— продолжал он.— Надо отказаться, по крайней мере на время, от той слишком очевидной силы, которая всему виной. Поэтому я, Маал Двеб, правитель шести миров и их лун, тайком уйду в путь, совершенно один, и

не возьму с собой ничего, кроме того, чем может владеть любой начинающий колдун. Может быть, так я смогу возвратить утраченное очарование неопределенности будущего и забытое волшебство угрожающей опасности. Я переживу приключения, которых не смогу предвидеть заранее, и грядущее будет подернуто восхитительной дымкой таинственности. Осталось только решить, куда я направлюсь.

Маал Двеб поднялся со своего украшенного диковинной резьбой кресла и отмахнулся от четырех железных роботов, имевших сходство с вооруженными людьми, которые бросились было сопровождать его. Он прошел по залам своего дворца, где расписанные пурпуром и киноварью занавеси в красках представляли грозные легенды о его могуществе.

Створки дверей черного дерева бесшумно распахнулись, подчиняясь какому-то слову, произнесенному им высоким голосом, и пропустили его в зал, где располагался планетарий.

Стены, пол и своды комнаты были сделаны из темного кристалла, в котором играли бесчисленные крошечные огоньки, создававшие иллюзию бескрайней Вселенной со всеми ее звездами. В воздухе, без цепей или какой-либо другой видимой опоры, плавали шары различной величины, представлявшие три солнца, шесть планет и тринадцать лун галактики, находящейся под властью Маал Двеба. Миниатюрные солнца — янтарное, изумрудное и карминовое — омывали свои замысловато вращающиеся миры ярким светом, воспроизводя во всех подробностях ежедневное состояние системы, а крошечные спутники кружили по надлежащим орбитам, сохраняя соответствующее им положение относительно своих планет.

Колдун прошел вперед, словно прогуливаясь в бездонной пропасти ночи, проходя над звездами и галактиками, будто сами по себе миры были вровень с его плечами, когда он проходил мимо них. Не обращая внимания на шары, соответствовавшие Морноту, Ксиккарфу, Уласе, Ноуфу и Рхулу, он подошел к Вотальпу, самому отдаленному, занимающему положение в дальнем конце комнаты.

Вотальп, большая безлунная планета, незначительно повернулась, пока он рассматривал ее. В одном полушарии солнце из кармина полностью затмило янтарное светило, но вопреки этому и несмотря на то, что расстояние от

этой планеты до солнечной триады было самым большим, Вотальп был освещен достаточно ярко. Он был похож на огромный дымчатый опал, испещренный пятнами странных оттенков; и эти пятна были микроскопическими океанами, островами, горами, лесами и пустынями. Фантастические пейзажи на мгновение становились объемными, как в калейдоскопе, обретая четкость и перспективу реальных ландшафтов, а затем вновь расплывались радужным пятном. Маал Двеб, подглядывавший за планетой, точно какой-то небесный шпион, видел мелькание бьющей ключом разнообразной жизни и смену невероятно живописных чудовищных событий.

Но, казалось, он не нашел ничего забавного и соблазнительного в необычных происшествиях или экзотических чудесах. Перед его глазами одна картина сменяла другую, появляясь и исчезая по воле волшебника, точно он перелистывал знакомую книгу. Борьба гигантских тварей, брачные игры чудовищных полурастений-полуживотных, диковинные водоросли, заполнявшие океаны живой шевелящейся путаницей, великолепные отроги полярных ледников — все это не зажгло ни лучика, ни искорки в его потухших глазах цвета темного изумруда.

Наконец на том континенте, где безлунная ночь еще только сменялась двойным рассветом, он заметил нечто, что привлекло и захватило его внимание. Впервые он стал рассчитывать точную широту и долготу этого места.

— Вот,— сказал он себе,— где складывается небезынтересная ситуация. В самом деле, все происходящее достаточно необычно и любопытно, чтобы оправдать мое вторжение. Навещу-ка я Вотальп.

Он вышел из планетария и начал несложные приготовления к задуманному путешествию. Сменив алую мантию владыки мира, подбитую соболем, на грубый домотканый плащ и сняв с себя все амулеты и талисманы, колдун вышел в сад, окружавший его затерянный в горах дворец. Он не оставил своим многочисленным слугам никаких указаний, ибо эти слуги были роботами из железа и бронзы, и колдун знал, что они безо всяких приказов будут выполнять свои обязанности до тех пор, пока он не вернется.

Пересекая хитроумный лабиринт, из которого лишь он один мог найти выход, маг подошел к краю отвесного

обрыва, откуда похожие на питонов лианы уходили в бездну, и металлические пальмы грозили своими смертоносными саблевидными листьями широко раскинувшемуся горизонту планеты Ксиккарф. Города и империи, покорные его магической власти, расстилались перед ним, но, едва удостоив их равнодушным взглядом, волшебник пошел по дорожке из черного мрамора, вившейся по самому краю обрыва. Вскоре он достиг узкого мыса, над которым неизменно висело густое бесцветное облако, заслоняя вид на земли, лежащие под ним. Тайна этого облака, открывающего проход в разные измерения и самые укромные уголки Вселенной, была известна лишь одному Маал Двебу. Он построил на этом мысе серебряный подъемный мост и, опуская его конец на облако, мог попасть в какое угодно место на Ксиккарфе или даже пересечь безвоздушное пространство между планетами.

Произведя несколько крайне запутанных расчетов, колдун взялся за рычаги управления легким мостиком так, чтобы другой его конец опустился в то самое место, которое он хотел посетить на Вотальпе. Затем, убедившись, что его расчеты и настройки безупречны, маг прошествовал по серебряному мосту в поразительный сумрачный хаос облака. Погрузившись в непроницаемый мрак, он почувствовал, как его тело словно натянулось над необъятной бездной, а руки и ноги изогнулись под немыслимыми углами. Единственный неверный шаг мог забросить его в такие места Вселенной, откуда все его изощренное колдовство не смогло бы вернуть его назад, но он часто бродил по этим скрытым тропам и не потерял равновесия. Переход, казалось, занял целое столетие, но наконец колдун вынырнул из облака и спустился по дальнему концу мостика.

Перед ним развернулась картина, привлекшая его внимание к Вотальпу. Его взгляду предстала субтропическая долина, ровная и открытая, постепенно уходящая вверх, во всем вообразимом разнообразии растительности, ощеренная вдали, у скал и ущелий мрачных гор, зубами из кроваво-красного камня. Еще только разгорался рассвет, но янтарное солнце, медленно освобождаясь из плена тени карминового светила, уже начало окрашивать ночную долину странным медно-рыжим светом. Изумрудное солнце все еще скрывалось за горизонтом.

Выход из межпланетного тоннеля пришелся на поросший мхом бугор, за которым клубилось бесцветное облако, такое же, как и у потайного мыса на Ксиккарфе. Маал Двеб ступил на холмик, нимало не заботясь о мосте. Он останется там, где странствующий волшебник его покинул, до его возвращения. Если же за время его отсутствия какое-нибудь создание с Вотальпа дерзнет пересечь бездну и потревожить его горную цитадель, наглеца настигнет ужасная гибель в западнях и закоулках лабиринта или от рук его верных железных слуг.

Спустившись с холма в долину, волшебник услышал жуткое заунывное пение, точно сирены оплакивали какое-то непоправимое горе. Пение исходило от группы необычных существ, наполовину женщин, наполовину цветов, растущих в низине у тихой пурпурной реки. Там росло несколько дюжин этих красивых и очаровательных существ, чьи жемчужно-розовые женственные тела поникли на алые бархатные ложа трепещущих лепестков, к которым они крепились. Эти лепестки держались на плотных массивных листьях и крепких коротких стеблях с цепкими корнями. Цветы располагались неровными кругами, густо теснясь в центре и образуя зияющие дыры во внешних рядах.

Маал Двеб приблизился к женщинам-цветам с некоторой опаской, ибо понимал, что они — вампиры. Их руки плавно переходили в длинные, бледные, как слоновая кость, и более стремительные и гибкие, чем разящие змеи, усы, которыми они обычно связывали опрометчивых путников, привлеченных их колдовским пением. Конечно, зная неумолимые законы природы, Маал Двеб в своей мудрости не порицал такой вампиризм, но, с другой стороны, совершенно не жаждал оказаться жертвой.

Он обошел эту странную клумбу на почтительном расстоянии, скрытый от их взглядов огромными валунами, пышно заросшими высокими желтыми и красными лишайниками. Вскоре он приблизился к беспорядочно разбросанному внешнему ряду цветов, находящемуся в противоположном направлении от того холма, где он приземлился. И здесь его глазам предстала картина, подтверждающая то, что он видел в искусственном мирке своего планетария: дерн был разворочен в том месте, где пять цветков, растущих поодаль от других, были с корнем вырваны из

земли и куда-то унесены. В своем планетарии колдун стал свидетелем похищения пятого цветка и понял, что подруги оплакивают ее.

Внезапно, точно разом забыв свое горе, причитания женщин-цветов перешли в громкое, мелодичное и сладострастное пение Лорелей. По этому признаку волшебник сообразил, что его присутствие раскрыто. Хотя и привычный к разного рода колдовским чарам, он обнаружил, что далеко не равнодушен к манящему хору опасных голосов. Вопреки своим намерениям, словно забыв об опасности, он выглянул из-за спасительных валунов, поросших лишайником. Обманчиво медленно мелодия зажгла в его крови огонь странного возбуждения и ударила в голову, точно хмельное вино. Шаг за шагом, постепенно теряя осторожность, чему он сам впоследствии не мог дать внятного объяснения, чародей приблизился к цветам.

Остановившись на некотором расстоянии, которое он в своем колдовском опьянении счел безопасным, Маал Двеб отчетливо различил получеловеческие черты вампиров, склонившихся к нему в причудливых приглашающих позах. Их загадочно опущенные глаза, точно чистые как слеза и смертельно опасные удлиненные опалы, змеящиеся локоны бронзово-зеленых волос, яркий, смертельный кармин губ, плотоядно шевелящихся даже во время пения, внезапно пробудили в нем страх. Слишком поздно он попытался сопротивляться искусно наведенным чарам. Мгновенным движением, словно солнечный луч, длинный бледный ус одного из этих созданий обвился вокруг него, и колдун, тщетно сопротивляясь, оказался притянутым на ложе вампира.

В момент его пленения все сестры прекратили пение, начав издавать короткие крики торжества, шипящие и пронзительные. Предвкушающее бормотание, словно урчание голодного пламени, донеслось от ближайших из них, рассчитывавших разделить с захватчицей хорошую добычу.

Маал Двеб, однако, мог воспользоваться своими колдовскими способностями. Не выказывая беспокойства или страха, он пристально разглядывал прелестное чудовище, затянувшее его на край своего бархатного ложа и ласкавшего его плотоядным взглядом.

Применив элементарные основы ясновидения, он получил кое-какие сведения относительно пленившего его создания. Узнав ее истинное, тайное имя, которым назывались и ее сестры, он произнес его вслух твердым, но нежным тоном и, получив таким образом при помощи первичных законов магии власть над своей пленительницей и над всем ее племенем, в мгновение ока освободился от их пут. Женщина-цветок, с выражением страха и изумления в своих странных глазах, отшатнулась от него, точно испуганная ламия, но Маал Двеб, произнося полуотчетливые слова ее языка, начал успокаивать и утешать ее. Очень быстро он завоевал расположение всех сестер. Эти простые и наивные существа мгновенно забыли свои кровожадные намерения, свое удивление и изумление и, казалось, приняли волшебника так же, как они принимали три солнца и погодные условия планеты Вотальп.

Разговорившись с ними, маг убедился в правильности тех сведений, которые он получил, рассматривая крошечный шарик в своем планетарии. Как правило, мысли и эмоции женщин-цветов были мимолетными, а их природа напоминала скорее растительную или животную, нежели человеческую, но потеря пяти сестер одной за другой, каждое утро, наполнила их горем и ужасом, которые они были не в состоянии забыть. Похищенные цветы куда-то унесли, а похитителями были какие-то рептилии, огромного размера, с крыльями, как у птеродактилей, спускавшиеся из недавно построенной цитадели в горах на дальнем краю долины. Эти существа, называемые испазарами, которых было семеро, стали грозными колдунами и развили свой разум до вершин, не доступных их сородичам, вместе с многочисленными эзотерическими способностями. Сохранив холодную и гибельно загадочную натуру рептилий, они превратились в знатоков неизвестных людям наук. Но Маал Двеб до тех самых пор не обращал на них внимания и не считал нужным мешать их развитию.

И сейчас, потакая своей прихоти, в поисках приключений, он решил помериться силами с испазарами, не используя никаких колдовских средств, кроме своего разума и воли, своих познаний и ясновидения, при помощи двух простых амулетов.

— Будьте спокойны,— заверил он бедняжек.— Я накажу этих негодяев по заслугам.

При этих словах женщины-цветы разразились пронзительным гомоном, повторяя все истории, которые людиптицы из долины рассказывали им о крепости испазаров. Ее стены отвесно возвышались на скрытой от всех глаз горной вершине, куда не ступала нога человека; в них не было ни дверей, ни окон, за исключением отверстий в самых верхних бастионах, сквозь которые летающие рептилии могли проникать внутрь и наружу. Они рассказали ему и о свирепости и жестокости испазаров...

Забавляясь, будто слушая детский лепет, Маал Двеб переключил их внимание на другие темы, рассказывая многочисленные истории о небывалых и диковинных чудесах и удивительных происшествиях в далеких мирах. Тем временем он оттачивал свой план, как пробраться в цитадель колдовских рептилий.

День прошел, и одно за другим три солнца скрылись за краем долины. Женщины-цветы стали рассеянными, начали клевать носом и зевать в сгущающихся сумерках, и Маал Двеб приступил к некоторым приготовлениям, которые составляли существенную часть его плана.

Воспользовавшись даром ясновидения, он определил, которой из женщин-цветов суждено на следующее утро стать жертвой рептилий. Так случилось, что ей оказалась одна из тех, кто пытался пленить его. Как и остальные, сейчас она готовилась укладываться на ночь на свое массивное ложе из лепестков. Доверив ей часть своего плана, Маал Двеб применил один из амулетов и уменьшился до размеров лилипута. В таком виде он с помощью сонной сирены мог спрятаться в потайном местечке между лепестками, и, надежно укрытый, как пчела в розовом бутоне, спокойно проспал всю короткую безлунную ночь.

Его разбудил рассвет, проникший в его убежище словно сквозь прозрачные пурпурные и рубиновые занавеси. Волшебник слышал, как сонно перешептываются друг с другом женщины-цветы, раскрывая свои цветки навстречу первым солнечным лучам. Их мирное бормотание, однако, быстро сменилось криками беспокойства и страха, заглушаемыми резонирующим грохотом, производимым как будто гигантскими крыльями драконов.

Он выглянул из укрытия и увидел в свете двойного восходящего солнца снижающихся испазаров, чьи перепончатые крылья заслонили солнечный свет и погрузили долину во тьму. Колдун разглядел холодные красные глаза под чешуйчатыми бровями, длинные изогнутые тела, лапы, как у ящериц, с цепкими когтями, и услышал их низкое отчетливое шипение. Потом лепестки над ним наглухо закрылись, сжимаясь и дрожа, словно пытаясь защитить их хозяйку от отвратительных пикирующих чудовищ. Вокруг колдуна царил беспорядок, ужас, суматоха; но судя по тому, что он видел, наблюдая за предыдущим похищением, двое испазаров обвили змеиными хвостами толстый стебель цветка и потянули его из земли, как колдун человеческого племени мог бы тащить корень мандрагоры. Маал Двеб чувствовал предсмертную агонию выдранного с корнем цветка и слышал горестные крики ее сестер. Потом все заглушило барабанное хлопанье крыльев, и его охватило головокружительное ощущения подъема в воздух и полета.

Все это время Маал Двеб сохранял исключительное присутствие духа и ничем не выдал своего присутствия испазарам. Спустя много томительных минут стремительный полет замедлился, и он понял, что рептилии приближаются к своей цитадели. Еще через мгновение красноватая полумгла сомкнутых лепестков потемнела и стала пурпурной — они влетели во тьму. Грохот крыльев внезапно стих; еще живой цветок с высоты сбросили на какую-то твердую поверхность, и сила удара чуть было не выбросила Маал Двеба из укрытия. Слабо постанывая и бессильно содрогаясь, женщина-цветок лежала там, где ее бросили похитители. Колдун слышал шипящие голоса колдовских рептилий и неприятный пронзительный скрежет их хвостов по каменному полу.

Шепча слова утешения умирающему цветку, он почувствовал, как лепестки, скрывающие его, обмякли. Очень осторожно маг выбрался прочь и очутился в бескрайнем зале с нависшими сводами и окнами, похожими на выходы из глубокой пещеры. Место выглядело, как лаборатория алхимии, узилище чуждого колдовства и хранилище омерзительных зелий. Повсюду в полумраке виднелись казавшиеся лилипутским глазам Маал Двеба неестественно массивными и огромными чаны, пробирки, маленькие

горны, перегонные кубы и реторты, совсем не похожие на человеческие. Неподалеку дымился, точно кратер пробуждающегося вулкана — чудовищный котел из черного металла, чьи закругленные стенки вздымались много выше головы волшебника. Маг не видел ни одного испазара, но, зная, что они в любой момент могут вернуться, поторопился подготовиться к борьбе с ними, чувствуя в первый раз за многие годы возбуждение от надвигающейся опасности и предвкушения битвы.

При помощи своего второго амулета он вернул себе нормальные размеры. Комната, хотя все еще просторная, больше не казалась колдуну залом великанов, и котел рядом с ним уменьшился, доставая лишь ему до плеча. Заглянув внутрь, Маал Двеб увидел, что котел был наполнен дьявольской смесью, в которую, кроме всего прочего, входили мелко искромсанные части похищенных женщин-цветов, желчь химер и амбра левиафанов. Подогреваемое незримыми огнями, содержимое котла бурно кипело, покрытое шапкой черных, как смоль пузырей, и испуская тошнотворный пар.

Прозорливым оком опытного мастера алхимии Маал Двеб продолжил исследовать содержимое котла и смог определить, для каких целей предназначалось зелье. Заключение, к которому он пришел, несколько его ошеломило и невольно укрепило его уважение к мастерству и способностям колдунов-рептилий. Он понял, что было бы исключительно благоразумным приостановить их развитие.

По некотором размышлении он пришел к выводу, что, в соответствии с химическими законами, добавка некоторых несложных компонентов в адское зелье приведет к такому результату, которого испазары не только не желали, но и совсем не предвидели. На высоких столах, расставленных вдоль стен лаборатории, в изобилии громоздились кувшины, флаконы и пузырьки, содержавшие хитрые снадобья и сильнодействующие вещества, некоторые из которых были добыты в самых тайных природных царствах. Не обращая внимания на лунную пыль, угли из звездного огня, желе из мозгов горгон, кровь саламандр, споры смертоносных грибов, спинной мозг сфинксов и другие такие же диковинные и пагубные вещества, волшебник разыскал нужные ему эссенции. Влить их в ки-

пящий котел было минутным делом, и, закончив, он стал хладнокровно ждать возвращения рептилий.

Женщина-цветок тем временем перестала стонать и содрогаться в конвульсиях. Маал Двеб понял, что она умерла, ибо существа такого рода, столь варварски вырванные из родной земли, не могли выжить. Она поникла на своем ложе из лепестков, окутавших ее, точно темно-красный саван. Колдун не без сострадания попрощался с ней коротким взглядом, но в этот момент до него донеслись голоса семи испазаров, вернувшихся в лабораторию.

Они приблизились к человеку, двигаясь прямо, подобно людям, на коротких, как у ящериц, лапах, сложив на спинах темные рубчатые крылья, а их глаза красным огнем светились во мраке комнаты. Двое из них были вооружены длинными зазубренными клинками, а остальные несли огромные алмазные пестики, намереваясь, вне всякого сомнения, растолочь ими останки цветка-вампира.

Увидев чародея, они одновременно были ошеломлены и рассержены. Их шеи и тела стали раздуваться, как клобуки кобр, и они начали издавать громкое устрашающее шипение, напоминающее свист бьющего струей пара. Их вид ужаснул бы любого обычного человека, но Маал Двеб невозмутимо смотрел им в глаза, повторяя вслух ровным низким голосом заклинание верховной защитной силы.

Испазары бросились к нему, некоторые — извилистыми движениями скользя по полу, другие — отчаянно хлопая крыльями, поднявшись, чтобы атаковать его с воздуха. Но все они тщетно бились о невидимую силовую сферу, которую колдун воздвиг вокруг себя магическим заклинанием. Странно было видеть, как они кровожадно царапают пустой воздух и бесполезно размахивают своим оружием, отскакивавшим, звеня, точно от медной стены.

Тогда, убедившись, что перед ними колдун, они пустили в ход свою нечеловеческую магию. Они создали из воздуха огромные огненные молнии, непрестанно двигавшиеся и извивавшиеся, точно гигантские питоны, и пытались поразить защитную сферу, оттесняя ее назад, как щит, который поддается под натиском превосходящей силы. Но им так и не удалось полностью разрушить ее. Кроме того, они начали петь зловещие шипящие руны, призванные сковать память колдуна и заставить его за-

быть заклинания своей магии. Маал Двебу пришлось немало потрудиться, отражая змеящиеся молнии и борясь с руническим колдовством, и кровь мешалась с потом на его взмокшем от напряжения лбу. Но все же, хотя молнии били все ближе и ближе и пение становилось все более громким, он продолжал произносить заклятие силы, и оно все еще защищало его.

Вдруг он услышал заглушившее грозное песнопение шипение котла, кипевшего более бурно, чем прежде, из-за тех веществ, которые он тайком добавил к их содержимому. Между вспышками беспрестанно извивающихся молний волшебник увидел, что густой дым, черный, как испарения предвечной трясины, поднимается над котлом и расползается по лаборатории.

Вскоре испазары оказались окутаны парами, точно облаком тьмы, и вдруг начали непонятно извиваться и спотыкаться, сотрясаемые приступом странной агонии. Питонообразные огни растаяли в воздухе, и шипение испазаров стало неотчетливым, точно у обычных змей. Затем, упав на пол под стягивающимся и густеющим облаком черного тумана, они начали ползать на животах туда-сюда, как обыкновенные рептилии, и время от времени показываясь в клубах дыма; они съеживались и уменьшались в размерах, точно адское пламя пожирало их изнутри.

Все случилось точно так, как рассчитывал Маал Двеб. Испазары позабыли свою науку и магию, и быстрое вырождение, отбросившее их на начальную ступень развития змей, поразило их в результате колдовского действия пара. Но прежде чем дождаться завершения этого превращения, он впустил одного из испазаров в свою сферу, служившую ему теперь для защиты от испарений. Это существо лизало его ноги, точно ручной дракон, признавая в нем хозяина. Некоторое время спустя черное облако начало подниматься, освободив оставшихся испазаров, которые теперь были не больше обыкновенных болотных змей. Их крылья сморщились и стали бесполезными придатками, и они с шипением ползали по полу, среди перегонных кубов, тиглей и реторт — останков их утраченного знания.

Маал Двеб несколько секунд глядел на них не без гордости за собственное колдовство. Борьба была трудной, даже опасной, и он подумал, что полностью победил тос-

ку, по крайней мере на какое-то время. С практической точки зрения, он поступил очень предусмотрительно, ибо, избавив женщин-цветов от их мучителей, он одновременно устранил возможную в будущем угрозу его владычеству над миром трех солнц.

Повернувшись к испазару, которого оставил для своих целей, он удобно уселся на его спине, за толстым гребнем, где сходились крылья, и произнес магическое слово, понятное укрощенному чудищу. Взмахнув огромными крыльями, бывший колдун-рептилия послушно поднялся в воздух, вылетел через одно из высоких окон, навсегда покинув цитадель, в которую не было доступа ни человеку, ни любому другому бескрылому существу, и понес волшебника над красными отрогами мрачных гор, через долину, где обитало племя цветов-вампиров, и опустил на мшистом холме, у конца того серебряного мостика, по которому Маал Двеб пришел на Вотальп. Там колдун спешился и в сопровождении ползущего за ним испазара начал обратное путешествие на Ксиккарф через бесцветное облако над бездной, существующей сразу во многих измерениях.

В середине своего необычного перехода он услышал внезапное громкое хлопанье крыльев, стихшее с поразительной резкостью и больше не повторившееся. Оглянувшись, он увидел, что испазар упал с моста, соскользнул в бездну, из которой нет возврата.

СОДЕРЖАНИЕ

АВЕРУАН 5

ЗВЕРЬ АВЕРУАНА *(перевод И. Хохловой)* ❧ КОЛОСС ИЗ ИЛУРНИ ❧ ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ ❧ КОЛДУНЬЯ ИЗ СИЛЕРА ❧ КОНЕЦ РАССКАЗА *(перевод И. Тетериной)* ❧ СВЯТОЙ АЗЕДАРАК *(перевод И. Хохловой)* ❧ СОЗДАТЕЛЬ ГОРГУЛИЙ *(перевод И. Тетериной)* ❧ ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЖАБ *(перевод М. Беляевой)* ❧ СВИДАНИЕ В АВЕРУАНСКОМ ЛЕСУ *(перевод И. Хохловой)* ❧ САТИР *(перевод И. Тетерина)*

ГИПЕРБОРЕЯ 147

ВОСПОМИНАНИЯ АТАМАСА ❧ ДВЕРЬ НА САТУРН ❧ КРАЖА ТРИДЦАТИ ДЕВЯТИ ПОЯСОВ ❧ ЛЕДЯНОЙ ДЕМОН ❧ ПОВЕСТЬ САТАМПРА ЗЕЙРОСА ❧ ПРИШЕСТВИЕ БЕЛОГО ЧЕРВЯ ❧ СЕМЬ ИСПЫТАНИЙ ❧ УББО-САТЛА ❧ СУДЬБА АВУЗУЛА ВУТОКВАНА *(перевод О. Коген)*

ЗОТИКА 291

ЧЕРНЫЙ АББАТ ПАТУУМА *(перевод А. Пронина)* ❧ БОГ ИЗ ХРАМА СМЕРТИ *(перевод И Тетериной)* ❧ ЧЕРНЫЙ ИДОЛ ❧ СМЕРТЬ ИЛАЛОТЫ ❧ *(перевод И. Хохловой)* ИМПЕРИЯ НЕКРОМАНТОВ *(перевод И. Тетериной)* ❧ САД АДОМФЫ ❧ *(перевод А. Букина)* ❧ ОСТРОВ МУЧИТЕЛЕЙ *(перевод И. Тетериной)* ❧ В КНИГЕ ВЕРГАМЫ ❧ ПОСЛЕДНИЙ ИЕРОГЛИФ *(перевод О. Арсеньевой)* ❧ ПОВЕЛИТЕЛЬ КРАБОВ ❧ МОРФИЛЛА ❧ НЕКРОМАНТИЯ В НААТЕ ❧ ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ГРОБНИЦЫ ❧ СЕМЕНА ИЗ СКЛЕПА ❧ ЦИТРА *(перевод И. Тетериной)*

МАРС 523

ОБИТАТЕЛЬ БЕЗДНЫ СКЛЕПЫ ЙОХ-ВОМБИСА ВАЛТУМ ПОСЛАНЕЦ С МАРСА *(перевод С. Федотова)*

ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ 625

ОХОТНИКИ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ *(перевод И. Тетериной)* ❧ ПИСЬМО С МОХАУН ЛОС *(перевод И. Хохловой)* ❧ СВЕТ ИЗ НИОТКУДА *(перевод И. Тетериной)* ❧ СВИТОК МАРЛОКА ❧ ТЕНИ *(перевод С. Федотов)* ❧ ЛАБИРИНТ МААЛ ДВЕБА ❧ ЖЕНЩИНЫ-ЦВЕТЫ *(перевод И. Тетериной)*

По вопросам оптовой покупки книг
"Издательской группы АСТ" обращаться по адресу

Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги "Издательской группы АСТ" можно заказать по адресу
107140, Москва, а/я 140, АСТ – "Книги по почте"

Литературно-художественное издание

Смит Кларк Эштон

Затерянные миры

Роман

Ответственные за выпуск *И Петрушкин, А Тишинин*
Ведущий редактор *П Киракозов*
Редакторы *С Федотов В Титовец, А Невский*
Художественные редакторы *О Адаскина, В Андреева*
Компьютерный дизайн *А Сергеев*
Компьютерная верстка *А Яблонская*
Корректоры *Е Зверькова, Л Макеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77 99 02 953 Д 008286 12 02 от 09 12 2002 г

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г Кызыл, ул Кочетова, д 28
Наши электронные адреса
WWW AST RU E-mail astpub@aha ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г Москва, 2-й Котляковский проезд, д 1, стр 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г Самара, пр К. Маркса, 201
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

«Родоначальником» жанра «классической фэнтези» традиционно считают Д.Р.Р. Толкина.

Однако — ТАК ЛИ ЭТО?

Не совсем...

У Толкина тоже были ПРЕДШЕСТВЕННИКИ — писатели, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО создававшие жанр «литературной легенды». Писатели, по крупицам собиравшие то, что впоследствии достигло совершенства в легендарном «Властелине Колец»!

Кларк Эштон Смит.

Писатель, признанный при жизни — и незаслуженно забытый в наши дни.

Друг и литературный соратник Говарда, Лавкрафта и Меррита.

Творец «истории» странных древних царств, от которых ныне не осталось памяти даже в мифах.

Летописец времени великих воинов и великих черных магов, прекрасных воительниц и колдуний. Времени, над которым нависла тень Тьмы...

Один из создателей классической американской фэнтези!